THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

Tracheveskii, Aleksandr Semenovich
Uchebnik istorii.

УЧЕБНИКЪ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА

А. ТРАЧЕВСКАГО.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

СЪ 52 РИСУНКАМИ, 3 ПЛАНАМИ И 4 КАРТАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій проспектъ, 14.
1889.

D59
.T7
1889

[1625]

Дозволено цензурою. Спб. 25-го іюля 1889 г.

T. S. May 20, 1944.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отъ автора . . . . . IX.

Введеніе . . . . . 1—18

§ 1. Исторія и развитіе, 1 стран.—§ 2. Развитіе земли, 2.—§ 3. Развитіе человѣка. Цивилизація, 3.—§ 4. Развитіе породъ, 3.—§ 5. Развитіе языка, 4.—§ 6. Религія, 5.—§ 7. Развитіе обрядовъ, 6.—§ 8. Развитіе нравственности и ума, 6.—§ 9. Развитіе общежитія, 7.—§ 10. Развитіе внѣшняго быта, 9.—§ 11. Развитіе археологическое. 1) Каменный вѣкъ, 10.—§ 12. 2) Бронзовый вѣкъ, 12.—§ 13. 3) Желѣзный вѣкъ, 13.—§ 14. Развитіе письма, 14.—§ 15. Источники исторіи. 1) Издѣлія, пережитки, преданія, 16.—§ 16. 2) Письменность, 16.—§ 17. Дѣленіе исторіи. Хронологія. Эра, 18.

А) ВОСТОКЪ.

§ 1. Старый и Новый Свѣтъ, 19.—§ 2. Географическій очеркъ Стараго Свѣта, 19.

I. Желтая порода 20

§ 3. Туранцы, 20.

II. Бѣлая порода 22

а) *Хамитское племя.*—§ 4. Кушиты, 22.—§ 5. Природа и обитатели Египта, 22.—§ 6. Древнее царство, 24.—§ 7. Бытъ древняго царства, 24.—§ 8. Среднее царство, 26.—§ 9. Гиксы, 22.—§ 10. Новое царство, 29.—§ 11. Тауг-месъ III, 30.—§ 12. Рамессу II, 30.—§ 13. Государство и общество, 32.—§ 14. Письменность, 33.—§ 15. Религія, 34.—§ 16. Эѳіопы и ассирійцы, 37.—§ 17. Додекархія. Псаметихъ, 38.—§ 18. Неко и персы, 39.—§ 19. Значеніе Египта, 39.

б) *Семитское племя.*—§ 20. Географическій очеркъ Азіи, 40.—§ 21. Природа Месопотаміи и Элама, 41.—§ 22. Раскопки въ Месопотаміи, 43.—§ 23. Туранцы въ Халдеѣ и Эламѣ, 44.—§ 24. Халден, 45.—§ 25. Халдейская культура, 46.—§ 26. Первобытные семиты, 47.—§ 27. Вавилонскіе семиты, 47.—§ 28. Вавилонъ подъ господствомъ египтянъ и ассирійцевъ, 48.—§ 29. Возвышеніе Ассиріи, 50.—§ 30. Финикія, Пале-

СТРАН.

стина и хананиты, 51.—§ 31. Финикіяне. Сидонская эпоха, 52.—§ 32. Еврейская держава. Давидъ, 53.—§ 33. Саломонъ. Распаденіе еврейской державы, 54.—§ 34. Успѣхи Ассиріи и паденіе израильскаго царства, 56.—§ 35. Государственный бытъ Финикіи, 57.—§ 36. Религія финикіянъ, 57.—§ 37. Наука и искусство въ Финикіи, 58.—§ 38. Промышленность и торговля финикіянъ, 59.—§ 39. Тирская эпоха. Карѳагенъ, 60.—§ 40. Культура Карѳагена. Значеніе Финикіи и Карѳагена, 61.—§ 41. Паденіе Тира и Іерусалима, 62.—§ 42. Процвѣтаніе Ассиріи. Искусство, 63.—§ 43. Государство, религія и письменность ассирійцевъ, 66.—§ 44. Паденіе и значеніе Ассиріи, 68.—§ 45. Ново-халдейская держава, 69.—§ 46. Новый Вавилонъ, 70.—§ 47. Паденіе Вавилона, 71.—§ 48. Историческое значеніе семитовъ, 72.

в) *Арійское племя.*—§ 49. Характеристика арійцевъ, 73.—§ 50. Бытъ древнѣйшихъ арійцевъ, 73.—§ 51. Преданія аріевъ. Яване, 75.—§ 52. Зороастръ и маздеизмъ, 76.—§ 53. Иранцы и индусы, 77.—§ 54. Природа и первые обитатели Индіи, 78.—§ 55. Веды и санскритъ, 79.—§ 56. Бытъ ведійской эпохи, 79.—§ 57. Героическій періодъ. Мага-Бгарата и Рамаяна 81.—§ 58. Кшатріи и псалмопѣвцы, 82.—§ 59. Брама и брамины, 83.—§ 60. Угнетеніе народа. Тримурти, 84.—§ 61. Будда, 85.—§ 62. Искаженіе буддизма, 86.—§ 63. Культура и значеніе индусовъ, 87.—§ 64. Природа Ирана, 89.—§ 65. Мидійское царство, 90.—§ 66. Арменія и Лидія, 90.—§ 67. Паденіе Мидіи. Киръ, 91.—§ 68. Малая Азія, 92.—§ 69. Смерть Кира, 93.—§ 70. Камбизъ II и самозванецъ, 95.—§ 71. Государственная система Дарія I, 96.—§ 72. Культура персовъ, 97.—§ 73. Скиѳы и ихъ сосѣди, 99.—§ 74. Персы въ Европѣ и Киренѣ, 100.—§ 75. Значеніе мидянъ и персовъ, 101.—§ 76. Значеніе древняго Востока, 102.

Б) ГРЕЦІЯ.

I. Герои и переселенія. 1500—850 103

§ 77. Природа Греціи, 103.—§ 78. Пелазги и эллины, 106.—§ 79. Ахейцы и героическіе подвиги, 107.—§ 80. Эпоха переселеній. Вторженіе дорійцевъ въ Пелопонесъ. Колоніи, 108.—§ 81. Типъ эллина, 109.—§ 82. Миѳологія, 110.—§ 83. Богослуженіе, 113.—§ 84. Иностранное вліяніе, 114.—§ 85. Бытъ, 116.

II. Эвпатриды и тираны 850—500 119

§ 86. Пелопонесъ при дорійцахъ, 119.—§ 87. Спартанское государство, 120.—§ 88. Бытъ и нравы спартанцевъ, 121.—§ 89. Значеніе Спарты, 122.—§ 90. Мессенскія войны и гегемонія Спарты, 123.—§ 91. Господство эвпатридовъ, 124.—§ 92. Тираны, 125.—§ 93. Эвпатриды въ Аттикѣ, 125.—§ 94. Солонъ. Его общественныя преобразованія, 127.—§ 95. Политическія преобразованія Солона, 128.—§ 96. Тиранія въ Аѳинахъ, 130.—§ 97. Клисѳенъ и возвышеніе Аѳинъ. Значеніе греческой колонизаціи, 131.—§ 98. Восточныя колоніи, 132.—§ 99. Западныя и южныя колоніи, 134.—§ 100. Амфиктіонія, гегемонія, дельфійскій оракулъ, 135.—§ 101. Олимпійскія игры, 137.—§ 102. Поэзія и философія, 139.—§ 103. Искусство, 140.

СТРАН

III. Войны персидскія и пелопонесская. 500—400 141

§ 104. Возстаніе малоазійскихъ грековъ, 141.—§ 105. Марабонъ, 142.—§ 106. Мильтіадъ. Аристидъ. Ѳемистоклъ, 143.—§ 107. Преобразованія Ѳемистокла, 144.—§ 108. Нашествіе Ксеркса. Ѳермопилы, 145.—§ 109. Платея, Микале и Гимера, 147.—§ 110. Спарта послѣ Микале. Павзаній, 148.—§ 111. Преобразованія въ Аѳинахъ, 149.—§ 112. Гегемонія Аѳинъ. Кимонъ и конецъ персидскихъ войнъ, 150.—§ 113. Смерть Ѳемистокла и Аристида, 151.—§ 114. Периклъ и война Аѳинъ со Спартой, 152.—§ 115. Могущество Перикла и его кружокъ, 153.—§ 116. Завершеніе демократіи и возвеличеніе Аѳинъ, 154.—§ 117. Враги Перикла, 156.—§ 118. Силы Аѳинъ и Спарты, 157.—§ 119. Начало пелопонесской войны. Смерть Перикла, 159.—§ 120. Характеръ войны, 159.—§ 121. Софисты. Никій и Клеонъ, 160.—§ 122. Брасидъ и Алкивіадъ, 161.—§ 123. Походъ въ Сицилію и измѣна Алкивіада, 163.—§ 124. Олигархія въ Аѳинахъ и возвращеніе Алкивіада, 164. § 125. Лизандръ и паденіе Аѳинъ, 164.—§ 126. Тиранія Тридцати и возстановленіе демократіи, 166.—§ 127. Сократъ, 166.—§ 128. Культура 5-го вѣка. а) Религія, 169.—§ 129. б) Воспитаніе; пиѳійскія игры; женщина, 170.—§ 130. в) Искусство, 173.—§ 131. г) Поэзія. Театръ, 175.—§ 132. д) Трагедія и комедія, 178.—§ 133. е) Философія, риторика и исторія, 180.

IV. Гегемонія Ѳивъ и господство Македоніи. 400—323 181

§ 134. Вторая гегемонія Спарты, 181.—§ 135. Безпорядки въ Спартѣ. Походъ десяти тысячъ, 182.—§ 136. Война Спарты съ персами. Коринѳская война, 183.—§ 137. Деспотизмъ Спарты. Пелопидъ и Эпаминондъ, 184.—§ 138. Ѳивы и Аѳины. Левктра, 186.—§ 139. Гегемонія Ѳивъ. Мантинея, 186.—§ 140. Природа и населеніе Македоніи, 188.—§ 141. Филиппъ I, 189.—§ 142. Вторая гегемонія Аѳинъ и Филиппъ, 190.—§ 143. Войны союзническая и священная, 191.—§ 144. Демосѳенъ и Эсхинъ, 192.—§ 145. Олинѳская война и торжество Демосѳена, 194.—§ 146 Гибель Эллады и Филиппа, 195.—§ 147. Александръ Великій, 196.—§ 148. Положеніе Персіи, 198.—§ 149. Иссъ, Тиръ, Александрія, 199.—§ 150. Гаугамела, Туранъ, Индія, 201.—§ 151. Планы и смерть Александра, 202.—§ 152. Возстаніе грековъ и смерть Демосѳена, 203.—§ 153. Культура 4-го вѣка: а) киренаики и циники, 205.—§ 154. б) Платонъ, 206.—§ 155. в) Аристотель, 208.—§ 156. г) Риторика и новый характеръ жизни, 209.—§ 157. д) Исторія и комедія, 211.—§ 158. е) Искусство, 212.

V. Діадохи и эпигоны 323—30. 214

§ 159. Діадохи, 214.—§ 160. Борьба между діадохами, 215.—§ 161. Эпигоны. а) Селевкиды, 217.—§ 162. Мелкія царства Передней Азіи. 1) Іудея, 218.—§ 163. 2) Пергамъ, Понтъ, Парѳія, 219.—§ 164. б) Лагиды, 221.—§ 165. в) Антигониды, 222.—§ 166. Этолійскій и ахейскій союзы. Послѣдніе дни Спарты, 223.—§ 167. Филиппъ III. Филопеменъ и римляне, 225.—§ 168. Паденіе Македоніи, 226.—§ 169. Послѣдніе дни Эллады, 227.—§ 170. Александрійская культура. а) Александрія, 229.—§ 171. б) Характеръ александрійской культуры, 230.—§ 172. в) Математика, естествознаніе, филологія и исторія, 231.—§ 173. г) Философія, 233.—§ 174. д) Поэзія и искусство, 235.—§ 175. Періоды греческой исторіи, 237.—§ 176. Значеніе Эллады, 240.

СТРАН.

В) РИМЪ.

I. Цари. 753—509 242

§ 177. Природа Италіи, 242.—§ 178. Значеніе итальянской природы, 243.—§ 179. Первобытное населеніе Италіи, 245.—§ 180. Матеріальная культура и искусство этрусковъ, 246.—§ 181. Религія и государство этрусковъ, 248.—§ 182. Культура италиковъ, 249.—§ 183. Преданія объ основаніи Рима, 252.—§ 184. Преданія о первыхъ царяхъ, 253.—§ 185. Династія Тарквиніевъ, 254.—§ 186. Земледѣліе и семья, 257.—§ 187. Рабы и кліенты; роды и куріи, 259.—§ 188. Царь и сенатъ; плебеи, 260.—§ 189. Реформа Сервія Туллія, 262.—§ 190. Культура царскаго періода, 263.

II. Патриціи и плебеи 509—340 265

§ 191. Учрежденіе республики, 265.—§ 192. Господство патриціевъ, 266.—§ 193. Священная Гора и народный трибунъ, 267.—§ 194. Борьба между патриціями и плебеями. а) Аграрные законы, 268.—§ 195. б) Писанные законы. Децемвиры. Валерій и Горацій, 269.—§ 196. в) Брачное право. Военный трибунъ съ консульскою властью и цензоръ, 270.—§ 197. Мелій, Камиллъ и галлы, 272.—§ 198. Нашествіе галловъ; паденіе Этруріи; самнитская держава, 273.—§ 199. Манлій. Лицинніево законодательство, 275.—§ 200. Уравненіе правъ, 276.

III. Сенатъ и объединеніе Италіи. 340—264 277

§ 201. Знать и сенатъ, 277.—§ 202. Доблести и недостатки римлянъ, 279.—§ 203. Войско, 281.—§ 204. Самнитскія войны, 282.—§ 205. Пирръ эпирскій, 284.—§ 206. Колоніи; военныя дороги; управленіе Италіей, 284.

IV. Пуническія войны. 264—146 286

§ 207. Карѳагенъ и Сиракузы, 286.—§ 208. Первая пуническая война, 287.—§ 209. Римскія провинціи и карѳагенская Испанія. Ганнибалъ, 288.—§ 210. Вторая пуническая война, 290.—§ 211. Покореніе Македоніи и Греціи; борьба съ Сиріей, 292.—§ 212. Третья пуническая война, 294.—§ 213. Культура 4 періода: а) ея характеръ; религія, 295.—§ 214. б) Старые нравы. Катонъ Старшій, 296,—§ 215. в) Новые нравы и Катонъ, 297.—§ 216. г) Литература и искусство, 300.—§ 217. Экономическій бытъ, 302.—§ 218. Оптиматы и толпа, 305.—§ 219. Характеръ правительства, 306.—§ 220. Оппозиція; популяры, 307.

V. Паденіе республики. 146—30 308

§ 221. Значеніе 5-го періода. Сципіоны, 308.—§ 222. Гракхи, 310.—§ 223. Югуртинская война, 311.—§ 224. Марій; кимвры и тевтоны, 312.—§ 225. Марій и Друзъ, 313.—§ 226. Союзническая война, 314.—§ 227. Первая междоусобная война; Марій и Сулла, 315.—§ 228. Свирѣпство Марія, 316.—§ 229. Сулла-диктаторъ, 317.—§ 230. Сулланцы и маріанцы, 318.—§ 231. Серторій и гладіаторы; Помпей и пролетаріи, 320.—§ 232. Пираты и Востокъ, 322.—§ 233. Катонъ Младшій и Катилина, 323.—§ 234. Первый тріумвиратъ. Цезарь въ Галліи, 324.—§ 235. Цезаріанцы, республиканцы и Помпей, 326.—§ 236. Вторая междоусобная война, 327.—§ 237. Основаніе императорской власти, 328.—§ 238. Законодательство Цезаря, 329.—§ 239. Гибель Цезаря, 330.—§ 240. Тиранія Антонія и Октавіанъ, 331.—§ 241. Второй тріумвиратъ; Филиппи, 333.—§ 242. Двумвиратъ, 334.—§ 243. Гибель Антонія, 336.

СТРАН.

VI. Августъ (30 до Р. Х. — 14 по Р. Х.) и культура временъ паденія республики (съ 146 г. до Р. Х.) 337

§ 244. Августъ и новая форма правленія, 337.—§ 245. Управленіе Августа, 339.—§ 246. Борьба съ варварами и смерть Августа, 340.—§ 247. Культура временъ паденія республики: а) состояніе общества, 341.—§ 248. б) Характеръ образованности, 343.—§ 249. в) Доцицероновская эпоха, 344.—§ 250. г) Цицероновская эпоха: 1) Цицеронъ и золотая латынь, 346. — § 251. д) Цицероновская эпоха: 2) историки и поэты, 347.—§ 252. е) „Вѣкъ Августа", 349.—§ 253. ж) Вергилій, 351.—§ 254. з) Горацій, 352. — § 255. и) Элегики и зрѣлища, 353. — § 256. і) Проза вѣка Августа, 354.—§ 257. к) Искусство, 356.—§ 258. Значеніе Рима, 358.—§ 259. Значеніе древняго міра, 359.

VII. Римская имперія (14—476 по Р. Х.) 361

§ 260. Начало христіанства, 361.—§ 261. Варвары. 1) Кельты, 362.—§ 262. 2) Германцы, 363.—§ 263. Юліева династія, 366.—§ 264. Флавіи, 368.—§ 265. Нерва, Траянъ, Гадріанъ, 370.—§ 266. Антонины, 372.—§ 267. Характеръ культуры 1-го и 2-го вѣковъ, 373.—§ 268. Серебряная латынь. Проза, 374.—§ 269. Поэзія, 377.—§ 270. Разложеніе политеизма, 378.—§ 271. Философія, 379.—§ 272. Искусство, 381.—§ 273. Господство солдатъ. Германцы и ново-персы, 381.—§ 274. Каракалла. Авреліанъ. Реформы Діоклеціана, 384.—§ 275. Безпорядки, 386.—§ 276. Константинъ Великій, 387. — § 277. Христіанство въ первые три вѣка, 388. — § 278. Юліанъ Отступникъ, 390. — § 279. Ѳеодосій Великій. Гибель древняго міра, 391.—§ 280. Переселеніе народовъ. Гунны. Первыя варварскія государства, 392.—§ 281. Аттила, 394.—§ 282. Англосаксы. Паденіе Западной Римской Имперіи, 395.—§ 283. Культура 3 — 5 вѣковъ. Желѣзная латынь, 396. — § 284. Христіанская культура. Папство, 398. — § 285. Искусство, 400.—§ 286. Значеніе періода, 401.

Хронологическая таблица 403

Указатель именъ и предметовъ 406

РИСУНКИ И ПЛАНЫ:

№№ СТРАН.

1. Пирамиды и „Левъ Ночи" въ Файюмѣ 25
2. Гробницы въ скалѣ въ Бени-Гассанѣ. 27
3. Портреты гиксовъ на сфинксахъ. 28
4. Египетскій писецъ. 32
5. Іерусалимскій храмъ Саломона 55
6. Ассирійскій дворецъ въ Ниневіи 64
7. Пиръ Ассур-бан-абала въ гаремѣ 66
8. Навуходоносоръ и клинообразная надпись. 70
9. Гробница Кира 94
10. Надпись въ Бегистунѣ. Подъ ногами Дарія Гаумата, а впереди 9 вождей возстанія 95
11. Дворецъ Дарія въ Персеполѣ. 98

№№		стран.
12.	Дарій со свитой	99
13.	Аполлонъ (Фебъ) Бельведерскій. Въ Ватиканѣ	111
14.	Гера (Юнона). Статуя эпохи Праксителя. Въ Римѣ	113
15.	Гераклъ (Геркулесъ). Въ Неаполѣ	115
16.	Венера (Афродита) Милосская. Въ Луврѣ	116
17.	Діана (Артемида). Въ Луврѣ	117
18.	Внутренность храма Зевса въ Олимпіи, со статуей работы Фидія	138
19.	Дорическая капитель	141
20.	Перикаъ. Бюстъ эпохи Фидія. Въ Ватиканѣ	152
21.	Планъ Аѳинъ	156—157
22.	Алкивіадъ. Бюстъ въ Ватиканѣ	162
23.	Сократъ	167
24.	Діонисъ (Вакхъ). Статуя въ Римѣ	170
25.	Аѳинскій акрополь	172—173
26.	Іоническая капитель	173
27.	Коринѳская капитель	173
28.	Парѳенонъ со статуей Аѳины, работы Фидія	174
29.	Греческій трагикъ	176
30.	Театръ Діониса въ Аѳинахъ	177
31.	Александръ Великій. Бюстъ въ Римѣ	197
32.	Аристогель. Статуя въ Римѣ	209
33.	Лаокоонъ. Родосской школы. Въ Ватиканѣ	236
34.	Умирающій Галлъ. Пергамской школы. Въ Римѣ	237
35.	Этрусскій саркофагъ съ письменами. Ок. 150 г. до Р. Х. Во Флоренціи.	248
36.	Капитолійская Волчица	252
37.	Циркусъ максимусъ	255
38.	Внутренность римскаго дома	303
39.	Марій. Бюстъ въ Ватиканѣ	312
40.	Римскій легіонный орелъ	313
41.	Сулла	318
42.	Помпей. Статуя въ Римѣ, къ подножію которой палъ Цезарь	319
43.	Цезарь въ старости. Бюстъ въ Ватиканѣ	331
44.	Антоній. Бюстъ въ Ватиканѣ	332
45.	Октавіанъ. Въ Ватиканѣ	333
46.	Клеопатра. Серебряная монета; на оборотной сторонѣ портретъ Антонія.	336
47.	Планъ императорскаго и республиканскаго Рима	338—339
48.	Римская школа временъ имперіи	344
49.	Цицеронъ. Бюстъ въ Ватиканѣ	346
50.	Туснельда. Тріумфальная статуя. Во Флоренціи	357
51.	Клавдій, Агриппина Младшая, Ливія и Тиверій. Портреты на ониксѣ. Въ Вѣнѣ	366
52.	Неронъ. Бюстъ въ Ватиканѣ	367
53.	Тріумфальныя ворота Тита. Въ Римѣ	382
54.	Добрый пастырь. Въ римскихъ катакомбахъ 3-го вѣка	401

Сознавая всю трудность святой задачи руководить юношествомъ, въ особенности же недостатки своей работы, авторъ заявлялъ при началѣ изданія *Учебника исторіи:* „въ ожиданіи серьезной критики со стороны ученыхъ и педагоговъ, настоящее изданіе сдѣлано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ".

Его ожиданія сбылись: въ разборахъ не было недостатка. За исключеніемъ одного (въ фельетонѣ одной газеты), всѣ они отнеслись къ книгѣ съ такою готовностью содѣйствовать ея исправленію, что авторъ могъ приписать ее только потребности въ новомъ *планѣ* преподаванія исторіи, который былъ замѣченъ и одобренъ всѣми, не исключая и помянутаго фельетона. Онъ увидѣлъ въ этомъ также отрадное вниманіе къ „равно намъ дорогимъ интересамъ русской школы и русскаго образованія", какъ выразилась самая лестная, по своей строгости, обширности и серьезному тону, рецензія *(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1884, октябрь).

Авторъ воспользовался всѣми вѣрными указаніями своихъ товарищей по заботамъ объ этихъ дорогихъ интересахъ, принося имъ сердечную благодарность, не исключая и тѣхъ педагоговъ, которые лично или письменно ободряли его къ изданію слѣдующихъ томовъ.

Принимая ихъ упрекъ въ узкости посвященія, авторъ обращается теперь ко всему

РОДНОМУ ЮНОШЕСТВУ:

Наряду съ любовью къ труду и съ вѣрой въ человѣческое достоинство, воспитывайте въ себѣ гуманность къ людямъ, потому что малѣйшій успѣхъ достается имъ съ великими усиліями. Учитесь исторіи — и вы поймете, что нашъ совѣтъ исходитъ не только изъ сердца, но и изъ опыта. А кончите ее — и увидите, что труды человѣчества не безплодны: на свѣтѣ все прибавляется ума, честности и правды.

С.-Петербургъ.
25 іюля 1889 года.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. **Исторія и развитіе.** У всякаго предмета есть свое прошлое, или своя *исторія*. Познакомиться съ исторіей предмета — значитъ узнать, какъ онъ появился и какъ существовалъ до нашихъ дней. Самая крѣпкая гранитная скала образовалась постепенно и испытала много перемѣнъ, покуда приняла нынѣшній видъ, который также измѣняется незамѣтно съ каждымъ днемъ. Еще болѣе перемѣнъ происходитъ въ живомъ существѣ—въ растеніи и особенно въ животномъ, которыя притомъ все улучшаются, совершенствуются. Но важнѣе и любопытнѣе всего перемѣны въ человѣкѣ, потому что онъ живетъ не только тѣлесною (физическою), но и умственною (интеллектуальною) жизнью. Оттого, когда говорятъ просто „исторія“ (а не „исторія растенія, моря, скалы“)—это значитъ *объясненіе жизни человѣчества*, или народовъ, изъ которыхъ состоитъ родъ человѣческій. Конечно, нельзя, да и не интересно, изучать каждый день въ жизни людей: исторія описываетъ только *важнѣйшія событія* (факты) изъ жизни народовъ, въ особенности полезныя для всего человѣчества.— Какъ всякая наука, исторія объясняетъ свой предметъ *сравнительнымъ* способомъ (методомъ): она сличаетъ народы между собою, чтобы показать, какіе изъ нихъ лучше, образованнѣе, и что они заимствовали другъ у друга. При этомъ исторія сравниваетъ *среду*, окружающую народъ, съ средою другихъ народовъ. Среда, отъ которой зависитъ жизнь людей, бываетъ физическая и умственная. Физическая—это внѣшній міръ, природа; чтобы изучить ее, исторія прибѣгаетъ къ помощи *географіи* и *естествознанія*. Къ умственной средѣ относятся всѣ мысли, которыя переходятъ къ намъ или отъ старшихъ поколѣній, или отъ другихъ народовъ.—Исторія находитъ, что подъ вліяніемъ среды человѣчество *развивается*, т.-е. претерпѣваетъ постоянныя, но постепенныя измѣненія, отъ которыхъ оно дѣлается все совершеннѣе, образованнѣе и разнообразнѣе. Чѣмъ болѣе развитъ народъ, тѣмъ болѣе въ немъ потребностей, нуждъ, желаній, а также тѣмъ болѣе изобрѣтаетъ онъ средствъ къ достиженію своихъ

цѣлей. Развитіе называется въ исторіи *прогрессомъ*, т.-е. движеніемъ впередъ, успѣхомъ. Если народъ останавливается въ своемъ развитіи, это называютъ „застоемъ“: если онъ идетъ назадъ — это „регрессъ“. Послѣднее случается тогда, когда творчество націи пріостанавливается, причемъ обыкновенно начинаютъ усиливаться *пережитки*, т.-е. слѣды древняго состоянія человѣчества, которые вообще весьма долго сохраняются въ видѣ предразсудковъ, суевѣрій, старинныхъ обычаевъ и т. п.

§ 2. **Развитіе земли.** Постепенное развитіе и перемѣны мы видимъ вездѣ, начиная съ нашей планеты, исторію которой объясняютъ *астрономія* (наука о небесныхъ тѣлахъ), *геологія* (наука о корѣ земной) и *палеонтологія* (наука объ окаменѣлостяхъ, или ископаемыхъ животныхъ и растеніяхъ). Судя по этимъ наукамъ, развивающимъ свидѣтельство Библіи, земля сначала была скопленіемъ газовъ, которые вслѣдствіе охлажденія перешли въ огненно-жидкое состояніе. Затѣмъ внѣшнія частицы земли, охладившись еще болѣе, образовали *кристаллическій* (гранитный) пластъ (формацію), на который постепенно налегло много *осадочныхъ* пластовъ, созданныхъ водою, падавшею изъ атмосферы. Эта вода сначала была кипяткомъ и покрывала почти весь гранитъ: то было царство міроваго океана и *неорганическаго*, мертваго міра, такъ какъ тогда не могли жить ни растенія (флора), ни животныя (фауна). Позже появился *органическій* міръ. Въ водахъ и на материкѣ, который сталъ выступать островами изъ-подъ океана, показались низшіе виды растеній и животныхъ: водоросли, животнорастенія и моллюски. За ними послѣдовали: грибы, мхи и цѣлые лѣса громадныхъ папоротниковъ, образовавшихъ нашъ каменный уголь, а изъ животныхъ — раки, пауки, насѣкомыя, черви и масса рыбъ, этихъ низшихъ изъ позвоночныхъ. До такого развитія дошелъ органическій міръ въ теченіе самаго долгаго, *перваго* періода жизни нашей планеты, когда образовалось $^5/_6$ земной коры (35 верстъ толщины). Это древняя исторія земли. Средняя исторія, *второй* періодъ, обнимаетъ слои всего въ 4 версты толщины. Тогда на мѣстѣ Европы были однѣ Альпы, и всюду господствовалъ тропическій зной; но уже жили болѣе развитые органическіе виды — хвойныя деревья и земноводныя, особенно чудовищные ящеры и змѣи. Новая исторія земли, *третій* періодъ, обнимаетъ слои толщиною около версты. Тогда уже образовался почти весь материкъ Европы, кромѣ Россіи; зной ослабѣлъ и сталъ не вездѣ одинаковъ: появились разные климаты и времена года. Въ концѣ періода флора и фауна достигли высшаго развитія — лиственныхъ деревьевъ и млекопитающихъ. Явились даже первые признаки человѣка: тогда уже почти все походило на наше время, только было еще жарко; въ Европѣ жили громадные слоны, гиппопотамы и обезьяны.

§ 3. **Развитіе человѣка. Цивилизація.** Новѣйшая, или современная исторія земли, *четвертый* періодъ, обнимаетъ слои всего въ 100 саж. толщины; но и онъ длился сотни тысячъ лѣтъ, испытывая всякіе перевороты. Онъ начался *ледяною* эпохой: тогда сѣверная Европа осѣлась,—и воды понесли отъ полюсовъ массы льда; остальная Европа покрылась сосновымъ боромъ, и сѣверный олень жилъ тамъ, гдѣ теперь зрѣютъ апельсины. Потомъ опять потеплѣло; полярныя животныя забрались на вершины горъ, а внизу снова появилась тропическая фауна. Оттого встрѣчаются рядомъ остатки тѣхъ и другихъ животныхъ въ пещерахъ, которыя составляютъ главное отличіе *дилювія*, или слоевъ эпохи „потопа“. Тутъ находятъ вымершихъ великановъ: мамонта, пещернаго медвѣдя и сѣвернаго оленя. Но, главное, тутъ уже царство *человѣка* и его спутниковъ — *домашнихъ* животныхъ и растеній. Въ глубокой древности человѣкъ походилъ на нынѣшнихъ *дикарей*, былъ безпомощенъ и подчинялся природѣ, которая тогда была могущественнѣе и грознѣе, чѣмъ теперь. Такъ какъ у него не было ничего, что относится къ образованію, то его называютъ *доисторическимъ*, первобытнымъ человѣкомъ. Онъ постепенно развивался и подчинялъ себѣ, видоизмѣнялъ природу, благодаря своему уму, который создалъ мысль (идею)—это главное отличіе наше отъ животныхъ. Мысль проявилась въ созданіи *культуры* (образованности), т.-е. всего, что отличаетъ человѣка отъ остальной природы. Сюда относятся внѣшнія удобства жизни (*матеріальная*, или вещественная культура), а также наука, искусства, литература (*идеальная*, интеллектуальная, умственная культура). Культура развилась, благодаря общительности человѣка, который не любитъ жить водиночку, а составляетъ гражданскія общества. Оттого культуру называютъ еще „гражданственностью“ или *цивилизаціей*.

§ 4. **Развитіе породъ.** Развитіе человѣчества видно во всемъ, начиная съ тѣла. Теперь есть много людскихъ „породъ“, или *расъ*. Самая необразованная изъ нихъ, не принимавшая участія въ цивилизаціи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самая некрасивая, животнообразная. Это—*черная* порода: папуасы (иначе—австралійскіе, или океанійскіе негры), негры, готтентоты и кафры. У нея волосы курчавые, какъ шерсть (иногда они покрываютъ все тѣло), кожа черная, голова низкая и продолговатая, лобъ закинутъ назадъ, а челюсти, съ кривыми зубами, выдаются впередъ. Высшія и позднѣйшія породы, желтая и бѣлая, отличаются гладкими волосами, свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, кругловатою головой, выдвинутымъ лбомъ, подобранною челюстью и прямыми зубами. По развитію *желтая* порода составляетъ переходъ отъ черной къ бѣлой. У нея цвѣтъ кожи не вполнѣ свѣтлый — частью совсѣмъ желтый (монголы, полярные жители), частью красноватый (индѣйцы Америки). У многихъ изъ ея народовъ выдающіяся

скулы и приплюснутый носъ. *Монгольское* племя составляетъ важнѣйшую часть желтой породы и по своей численности (600 милл.), и по цивилизаціи. Оно распадается на *алтайцевъ*, или татарское племя (татары, калмыки, сибирскіе инородцы, киргизы, турки) и *уральцевъ*, или финское племя (венгерцы, финны, черемисы, мордва и др.). Совершеннѣе всѣхъ въ физическомъ, умственномъ и численномъ отношеніи *бѣлая*, или кавказская порода, жизнь которой и составляетъ главнымъ образомъ „исторію“. Она распадается на *семитовъ* (арабы и евреи) и *арійцевъ*, которые называются еще яфетидами или индоевропейцами (индусы и персы, греки и римляне, кельты и германцы, литовцы и славяне). Смѣсь породъ представляютъ хамиты (древнѣйшія племена сѣверной Африки и южной Азіи). Чѣмъ совершеннѣе порода, тѣмъ она многочисленнѣе и моложе. Изъ $1^1/_2$ милліарда людей: черныхъ — 250 милліоновъ, желтыхъ — 600, бѣлыхъ — 650. Черная порода самая древняя, доисторическая. Въ исторіи раньше всѣхъ дѣйствовали монголы (китайцы), потомъ хамиты (египтяне), семиты (евреи, ассиро-вавилоняне) и наконецъ арійцы. Самое молодое и самое развитое племя, арійское, теперь постепенно вытѣсняетъ другія племена. Такъ какъ народы образовались постепенно, подъ вліяніемъ среды, то понятно, что весь родъ человѣческій составляетъ одну родную семью. Есть даже много переходовъ отъ одной породы къ другой.

§ 5. **Развитіе языка.** Постепенно развивалась и *рѣчь* человѣческая. *Лингвистика* (наука о языкѣ) доказываетъ, что сначала было мало словъ, какъ теперь у дикарей, которые прибѣгаютъ поэтому къ жестамъ. Чѣмъ больше развивался умъ человѣка, тѣмъ больше прибавлялось словъ для обозначенія новыхъ понятій. Теперь въ развитыхъ языкахъ бываетъ до 100,000 словъ, хотя необразованная масса употребляетъ изъ нихъ только 3 или 4 тысячи. Эти языки продолжаютъ развиваться и вытѣснять языки менѣе совершенные. Несмотря на разнообразіе языковъ (ихъ болѣе 1200, и еще не всѣ изучены), человѣческая рѣчь составляетъ одно цѣлое, и она вездѣ развивается одинаково. Лингвисты подвели ее подъ 3 степени развитія, между которыми замѣчаются переходы: языки *изолирующіе*, или „разобщающіе“ (каждое слово состоитъ изъ односложнаго, неизмѣннаго корня), *аглютинирующіе*, или „склеивающіе“ (слово состоитъ изъ многихъ корней, слитыхъ другъ съ другомъ и въ главномъ неизмѣнныхъ) и *флексирующіе*, или „сгибающіе“ (слово состоитъ изъ корня и измѣняющагося окончанія). Первыми языками говорятъ ок. 450 милліоновъ (китайцы, тибетцы, народы Задней Индіи), вторыми болѣе 200 милл. (остальные народы желтой и черной породы въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, а также горцы Кавказа), третьими — ок. 550 мил. (бѣлая раса).

§ 6. **Религія.** Религіозное чувство, это первое отличіе человѣка, обнаруживается различно. Есть дикари, которые представляютъ себѣ *душу* вещественно, какъ двойника, который сидитъ въ насъ и умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; они воображаютъ даже, что душа есть во всякомъ предметѣ. Другіе представляютъ себѣ душу отлучающеюся отъ своего тѣла и безсмертною; но считаютъ загробную жизнь на томъ свѣтѣ (далеко, подъ землей, на островахъ или на небѣ) продолженіемъ земной жизни и думаютъ даже, что душа по смерти человѣка должна найти себѣ какое-нибудь тѣло: отсюда вѣра въ *переселеніе* душъ (погреч. метемпсихозъ), или въ ихъ воплощеніе въ какой-нибудь живой предметъ. Нѣкоторые народы признаютъ отдѣльное существо—*духъ*, который представляется имъ вещественно: онъ поселяется въ человѣкѣ или предметѣ; производитъ у насъ чиханіе, икоту, сновидѣнія, конвульсіи, бредъ; стучитъ въ домѣ, отворяетъ двери и т. д; эхо—это его голосъ. Духи бываютъ вредные (демоны, бѣсы, привидѣнія, оборотни, вампиры) и полезные. Самый близкій изъ полезныхъ—*духъ предка:* отсюда поминаніе родителей. Если духъ поселяется не въ насъ, а въ какомъ-нибудь предметѣ, то этотъ предметъ называется *фетишемъ*. Фетиша берегутъ, какъ чародѣйскую силу: отсюда храненіе талисмановъ, амулетовъ. Если хотятъ скрыть что-нибудь отъ фетиша, его прячутъ; въ случаѣ несчастья, его бьютъ и бросаютъ. Когда фетишемъ служитъ животное, это называется *поклоненіемъ животнымъ:* оно сначала было особенно распространено. Напротивъ, позднѣйшею ступенью развитія фетишизма должно считать *сабеизмъ*—поклоненіе исключительно небеснымъ свѣтиламъ (звѣздопоклонство). У болѣе развитыхъ народовъ видимъ уже не духовъ, а *боговъ:* это высшія существа, которыя живутъ внѣ нашего міра и управляютъ имъ и духами. Иногда вся природа считается божественною: это—*пантеизмъ* (всебожіе). Но обыкновенно признавали богами лишь главныя силы природы (свѣтила, землю, огонь, воду и т. д.), къ которымъ присоединились потомъ качества человѣка (мудрость, храбрость, доброта и т. д.); ктому же этихъ боговъ стали изображать. Это *политеизмъ* (многобожіе), или *идолопоклонство* („идолъ“ — погречески „изображеніе“). Если боговъ изображаютъ въ человѣческомъ видѣ, это—*антропоморфизмъ* (погреч. „очеловѣченіе“). Нѣкоторые народы признаютъ только двухъ боговъ—добраго и злаго: это *дуализмъ*, или двойственность. Единобожіе, или *монотеизмъ*, лежитъ въ основаніи трехъ религій: еврейской, христіанской и магометанской. Эти религіи очень распространены: евреевъ ок. 10 милл., магометанъ — болѣе 170, христіанъ — болѣе 450. Но еще больше (865 милл.) „язычниковъ“, какъ принято называть всѣхъ вообще немонотеистовъ: тутъ ок. 500 милл. буддистовъ, ок. 150 милл. браманистовъ и болѣе 200 милл. фетишистовъ.

§ 7. **Развитіе обрядовъ.** Различныя религіи вызываютъ различія въ обрядовой сторонѣ, или *культъ* (богослуженіе). Древнѣйшій обрядъ—погребеніе, связанное съ вѣрой въ двойника и съ вещественнымъ представленіемъ о загробной жизни. Въ могилу клали пищу, одежду, оружіе, коня, охотничью собаку, деньги, письма, а также рабовъ и жену покойника; съ дѣтьми хоронили ихъ игрушки. Сначала даже старались сохранять трупъ, чтобы было гдѣ жить двойнику: отсюда бальзамированіе (муміи) и склепы (домики для мертвецовъ). Въ извѣстные дни ходили на могилы кормить двойниковъ (поминки, тризна). Затѣмъ стали сжигать трупы, чтобы хранить прахъ родныхъ у себя дома, въ урнѣ. Кормленіе двойника перешло въ *жертвоприношеніе*. Сначала это были цѣльныя и кровавыя, даже человѣческія, жертвы; потомъ стали употреблять часть, вмѣсто цѣлаго (жиръ, кровь), которая притомъ сожигалась и доходила до божества лишь въ видѣ дыма; еще позже жертвой стало одно куреніе благовонныхъ травъ. При погребеніи призывали двойника; пережитокъ этого мы слышимъ, когда голосятъ и причитаютъ надъ трупомъ. Молитва явилась поздно, при понятіи о божествахъ; тогда же явились ея спутники—*изображеніе божества*, *храмъ* и *жрецъ*. При поклоненіи душамъ всякій самъ совершалъ несложные обряды. При поклоненіи духамъ являются уже колдуны, или *шаманы* — изступленные люди, которые повелѣваютъ духами посредствомъ особыхъ заклятій (ворожбы, гаданій), чаръ и чудесъ (кудесникъ). Колдунъ самъ считается оборотнемъ, чортомъ, а колдунья — вѣдьмой. Жрецъ же — служитель добраго бога и самъ не имѣетъ чародѣйской силы. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится жрецовъ, и они уже распадаются на старшихъ и младшихъ, т.-е. образуется *іерархія*, или церковное чиноначаліе. Увеличеніе числа жрецовъ требовалось развитіемъ обрядовъ, къ числу которыхъ относится пляска съ пѣніемъ гимновъ или псалмовъ. Изъ этихъ плясокъ вытекло танцовальное (хореграфическое) искусство, такъ же какъ изъ псалмопѣнія—искусство вокальное (пѣніе) и инструментальное (музыка); изъ изображенія боговъ произошли ваяніе (скульптура) и живопись, такъ какъ статуи раскрашивались, а изъ храма—зодчество (архитектура). Въ то же время жрецы, обладая досугомъ и вліяніемъ на народъ, старались все объяснить и записывали себѣ на память: отсюда начало наукъ.

§ 8. **Развитіе нравственности и ума.** Итакъ изъ религіи постепенно развивались всѣ *искусства* и *науки*, иначе—художественная (эстетическая) и умственная (теоретическая) стороны человѣка. Изъ нея же вытекла и сторона *нравственная* (этическая, моральная), или различеніе добра отъ зла. Сначала всѣ поступки казались человѣку безразличными: онъ считалъ хорошимъ только то, что ему полезно, и наоборотъ (меня обокрадутъ—дурно, я украду—хорошо). Оттого

не было ни ада, ни рая. Духи также были только вредные или полезные, но не хорошіе или дурные. Позже начинаютъ дѣлить загробную жизнь на рай и адъ; еще позже является загробный судъ, т.-е. понятіе о возмездіи за добродѣтель и порокъ. Этотъ нравственный взглядъ развивается при понятіи о богахъ, которые также раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Въ дуализмѣ уже идетъ борьба между Богомъ (добромъ) и Сатаной (зломъ). Чѣмъ развитѣе народъ, чѣмъ лучше ему живется, тѣмъ болѣе Богъ побѣждаетъ Сатану, т.-е. все усиливается *идеалъ*, или представленіе о высшемъ добрѣ и высшемъ разумѣ. Вмѣстѣ съ развитіемъ идеала развиваются *нравы*. Дикарь грубъ и себялюбивъ (эгоистиченъ): онъ руководится звѣрскими, животными побужденіями (инстинктами). У него нѣтъ ни жалости, ни раскаянія: нѣтъ даже словъ для обозначенія порока и добродѣтели. Изъ жадности и ярости онъ убьетъ даже свою жену и дѣтей (людоѣдство, или каннибализмъ). Дикарь лѣнивъ и безпеченъ, вспыльчивъ и капризенъ, какъ дитя, любитъ рядиться и плясать, питаетъ пристрастіе къ погремушкамъ и кукламъ. Эта грубость нравовъ связана съ *умственною* неразвитостью. Дикарь знаетъ мало словъ, умѣетъ считать только до пяти, не понимаетъ завтрашняго дня и помнитъ только вчерашній. Лишенный памяти, онъ невнимателенъ и не разсуждаетъ, перенимая все, что̀ ни увидитъ, какъ обезьяна. Развитіе ума состоитъ въ томъ, что человѣкъ запоминаетъ многое, накопляетъ познанія, которыя потомъ сравниваетъ и распредѣляетъ по разрядамъ (категоріямъ) по ихъ взаимному сходству. Такъ происходятъ сужденія, а изъ связи сужденій возникаютъ мысли. Мысли приводятъ къ *наукамъ* и къ развитію нравовъ. Является понятіе о добродѣтели и долгѣ, при которомъ человѣкъ поступаетъ хорошо, честно, даже когда это невыгодно ему. Дурныя дѣла становятся „пороками“ и „преступленіями“, которые воспрещаются *законами* и осуждаются *общественнымъ мнѣніемъ*. Люди начинаютъ руководиться любовью къ ближнему (гуманность), къ общему благу и къ справедливости. Они стараются подавлять въ себѣ „страсти“, т.-е. пережитки животности. Но труднѣе всего подчинять страсти разуму, „бороться съ самимъ собою:“ нигдѣ не сохранилось столько пережитковъ, какъ въ нравахъ.

§ 9. **Развитіе общежитія.** Человѣкъ обязанъ своимъ развитіемъ особенно своей *общительности:* его и называютъ „соціальнымъ“ (общественнымъ), или „политическимъ“ животнымъ. Первою формою общежитія была *семья* съ такою родительскою властью, что отецъ могъ убить своихъ дѣтей и жену. Изрѣдка и ненадолго нѣсколько семей соединялись въ *орду* въ случаѣ общей опасности. Тогда человѣкъ жилъ только *охотой* — звѣроловствомъ и рыболовствомъ; онъ бродилъ по лѣсамъ, жилъ въ пещерахъ и шалашахъ, у него былъ одинъ только спутникъ — собака. Позже человѣкъ приручилъ траво-

ядныхъ животныхъ и вышелъ въ поле, перемѣняя мѣста для прокормленія своихъ стадъ. Это бытъ *пастушескій*, или кочевой (номадный). Съ нимъ связано *многоженство* (полигамія). Тогда семья стала многочисленною. Сверхъ того тогда даже внуки и правнуки не отдѣлялись отъ старѣйшей семьи. Всѣ эти родственники составляли одно цѣлое — родъ, который подчинялся самому древнему старику, родоначальнику, или патріарху. Оттого пастушескій бытъ называется еще *родовымъ* и *патріархальнымъ*. Здѣсь живутъ побратски: имущество и трудъ общіе; всѣ стоятъ другъ за друга и всѣ мстятъ за обиду, нанесенную одному. Власть патріарха, или старѣйшины, огромна: онъ и жрецъ, и судья; онъ полный владыка всего рода. Его ограничиваетъ только *обычай* или преданіе, т.-е. онъ долженъ поступать, какъ поступали предки, и не смѣетъ дѣлать нововведеній. Послѣ пастушескаго быта наступаетъ бытъ *земледѣльческій*, или *осѣдлый*. Люди перестаютъ кочевать и садятся на избранной землѣ, чтобы обрабатывать ее. При осѣдлости долго сохраняется родовой бытъ, и „частная“ или личная собственность лишь постепенно вытѣсняетъ собственность „общинную“. Мѣстами родъ и община сохранились до нашихъ временъ. Въ осѣдломъ быту жизнь становится болѣе мирною, населеніе растетъ, его потребности увеличиваются. Является *раздѣленіе труда*, т.-е. одинъ сѣетъ хлѣбъ, другой разводитъ скотъ, и т. д.; начинаютъ обмѣниваться разными произведеніями (товарами). Другими словами, возникаютъ промышленность и торговля. Промышленники и торговцы строятъ города и выдѣляются, какъ отдѣльное, среднее *сословіе;* а масса земледѣльцевъ, живущихъ въ селахъ, образуетъ низшее, или крестьянское сословіе; воины же и духовенство отдѣляются, какъ высшее сословіе. Всѣ эти сословія, или народъ (нація), живущій на обширной землѣ съ опредѣленными границами (территорія), составляютъ *государство*. Государственный бытъ отличается отъ патріархальнаго еще тѣмъ, что во главѣ его стоитъ государь, который относится къ народу не какъ отецъ къ дѣтямъ, а какъ господинъ къ „подданнымъ“. Государь руководится *законами*, или *правомъ*, сначала преимущественно „обычнымъ“, потомъ преимущественно писаннымъ. У него есть помощники въ управленіи, или исполнители его приказаній, состоящіе на „государственной службѣ“ (чиновники): кто завѣдуетъ судами, кто казной, кто войскомъ, полиціей, школами и т. д. Государственный бытъ, въ свою очередь, подвергается многимъ измѣненіямъ. Бываютъ государства *аристократическія* и *демократическія:* въ первыхъ управляетъ только высшій классъ, во вторыхъ—весь народъ. Бываютъ монархіи и республики. *Монархія* значитъ „единодержавіе“, потому что въ ней власть принадлежитъ одному лицу (королю, царю, императору, султану), который передаетъ ее своему потомству; его наслѣдственная семья называется

династіей. Если власть монарха ничѣмъ не ограничена, то это (самодержавіе (*абсолютизмъ*); если же она ограничена представителями (депутатами) народа, то это—*конституціонное* государство. Если же, вмѣсто государя, народъ избираетъ извѣстныхъ лицъ на срокъ или пожизненно своими правителями (президентами), то это—*республика*.

§ 10. **Развитіе внѣшняго быта.** Постепенно развивался и внѣшній бытъ человѣка, или удобства (комфортъ), т.-е. средства его матеріальнаго существованія. Самое древнее и важное средство—*огонь*. Сначала человѣкъ добывалъ огонь посредствомъ тренія двухъ сухихъ полѣнъ другъ о друга; позже явились огниво и кремень, еще позже—спички. *Жилища* сначала не было: въ тепломъ климатѣ дикари и теперь спятъ на землѣ или на деревѣ, нето зарываются въ песокъ. Въ горахъ человѣкъ становился „троглодитомъ“, или жителемъ пещеръ. Затѣмъ, въ охотничьемъ быту, является шалашъ изъ вѣтвей или изъ звѣриныхъ шкуръ. У кочевниковъ возникло подвижное жилище—палатка на колесахъ (кибитка), затѣмъ войлочный шатеръ (юрта). У осѣдлыхъ постепенно образовались: землянка, мазанка, деревянная изба, наконецъ каменный и кирпичный домъ. Домъ также проходилъ много ступеней развитія. Особенно важно было изобрѣтеніе свода, при которомъ стало развиваться зодчество. Домъ связанъ съ *освѣщеніемъ*, которое состояло сначала изъ куска дерева или лучины, потомъ изъ жира животныхъ, наконецъ изъ минеральнаго масла, газа и электричества. Домашній *очагъ* состоялъ сначала изъ двухъ камней, на которые клали полѣно (курная изба); потомъ сдѣлали каминъ съ трубой, чтобы не дымило; наконецъ явилась печка, сохраняющая тепло. Очагъ отоплялся сначала только деревомъ или сухою травой; у пастуховъ топливомъ сталъ сухой пометъ скота; не такъ давно стали топить торфомъ и каменнымъ углемъ. *Пища* сначала была жалкая: вѣчно голодный дикарь и теперь ѣстъ, что̀ попадется—гадовъ, насѣкомыхъ, даже глину, а иногда и людей, (теперь насчитываютъ до 2 милл. людоѣдовъ); пьетъ онъ только воду, кровь, да сокъ растеній; но главная пища охотника—звѣри и рыбы; прачеловѣкъ пожиралъ все это сырьемъ. У пастуха есть уже постоянное мясо, да еще молочныя произведенія. У осѣдлаго, сверхъ того, хлѣбныя растенія, овощи, растительныя масла и разныя приправы, во главѣ ихъ—соль и сахаръ. Онъ приложилъ и огонь къ пищѣ: сначала жарилъ и коптилъ, потомъ сталъ печь и наконецъ варить. Къ первобытнымъ напиткамъ постепенно прибавились молоко и возбуждающіе (наркотическіе) напитки, какъ легкіе (кофе, чай, шоколадъ), такъ и крѣпкіе (вино, медъ, пиво). Рядомъ съ пищей развивалась *утварь*. Сначала употребляли естественные предметы: листья, орѣховую скорлупу, тыкву (кубышка), шкуру или желудокъ животныхъ. Потомъ явились плетенки (корзины) и деревянная и каменная посуда. Особенно важно изобрѣ-

теніе глиняной посуды, съ которою связаны первые слѣды красокъ и рисунковъ. Позже всего возникла посуда металлическая, фарфоровая и хрустальная. Изъ орудій ѣды раньше всѣхъ явился ножъ, потомъ ложка: вилки еще не знали на сѣверѣ Европы, 200 лѣтъ тому назадъ. Позже утвари стала развиваться *мебель*. Тутъ дѣло началось съ звѣриной шкуры и рогожи; у пастуха явился коверъ, а у земледѣльца—лавка и за нею остальная мебель; позже всего изобрѣли зеркало. Древнѣйшимъ *средствомъ передвиженія* по водѣ были мѣха изъ шкуръ и плоты; потомъ явился челнокъ — отецъ корабля и парохода. Пастухъ началъ ѣздить верхомъ, потомъ изобрѣлъ одноколку, а на сѣверѣ—лыжы и сани. За одноколкой явилась телѣга—мать всѣхъ экипажей. Рядомъ съ экипажами развивались искусственные пути—мосты, простыя дороги, шоссе, желѣзныя дороги. Подлѣ нихъ протянулись могучіе двигатели сношеній между людьми — телеграфы (1833 г.) и телефоны (1860). *Одежды* сначала вовсе не было въ теплыхъ странахъ, а на сѣверѣ она состояла изъ оленьей шкуры. Потомъ плетеніе корзинъ и рогожъ привело къ тканью, сначала изъ хлопчатника, потомъ изо льна. Древнѣйшая одежда напоминала шкуру, мѣшокъ: это—длиннополый халатъ или рубашка до пятъ; при этомъ женщина не отличалась отъ мужчины. Съ самаго начала у человѣка была страсть къ *украшеніямъ*. Когда онъ еще ходилъ нагой, онъ подвергалъ себя мучительной „татуировкѣ“ — дѣлалъ узоры на тѣлѣ посредствомъ нарѣзовъ; ради красоты онъ сплющивалъ себѣ голову и носъ, вытягивалъ уши до плечъ, продѣвалъ въ уши, носъ и губы кости, камни, раковины, перья; носилъ серьги, кольца, браслеты, ожерелья; завивалъ и заплеталъ волосы, употреблялъ даже парикъ и помаду. Всѣ успѣхи во внѣшнемъ быту зависятъ отъ *орудій* (инструментовъ). Сначала орудія были и *оружіемъ:* это—дубинки да каменные топоры и ножи. Позже явилось метательное оружіе — стрѣлы и копья съ каменными или костяными наконечниками; охотникъ употреблялъ ихъ и для рыбъ, пока не изобрѣлъ удочки, багра и сѣти. Нитками и веревками сначала служили растенія и сухожилья животныхъ; рыбныя кости и колючки замѣняли булавки. Земледѣлецъ сначала скребъ землю деревянною или каменною киркой, потомъ додумался до сохи и плуга. Важнѣйшимъ шагомъ въ исторіи цивилизаціи было изобрѣтеніе металлическихъ орудій, сначала бронзовыхъ, потомъ желѣзныхъ.

§ 11. **Развитіе археологическое: 1) каменный вѣкъ.** Все сказанное о развитіи человѣка подтверждается *доисторическою археологіей*, или наукою о „древностяхъ первобытнаго человѣка“. Подъ древностями здѣсь разумѣются вещественные остатки самыхъ старинныхъ людей, добываемые изъ земли посредствомъ *раскопокъ* Вездѣ мы видимъ три „археологическіе вѣка“: каменный, бронзовый и

желѣзный (по растеніямъ ихъ называютъ въ Европѣ сосновымъ, дубовымъ и буковымъ). *Каменный вѣкъ* самый продолжительный. Онъ распадается на два періода: древній и новый; въ древнемъ — орудія сдѣланы изъ „отбивнаго“ камня (или кремня), т.-е. посредствомъ ударовъ камня о камень; въ новомъ — изъ „лощенаго“ (полированнаго) камня, посредствомъ тренія камня о камень. Въ древнекаменномъ періодѣ человѣкъ сначала не зналъ даже огня и былъ людоѣдомъ; его единственнымъ орудіемъ была *скребница* — почти необдѣланный острый камень. Затѣмъ онъ сталъ добывать огонь посредствомъ тренія и изобрѣлъ постепенно *топоръ, дротикъ, стрѣлу* и *ножъ;* наконецъ, онъ сталъ дѣлать орудія не только изъ камня, но и изъ *кости* (пилу, шило, иглу и др.). Прачеловѣкъ жилъ въ пещерѣ или шалашѣ; уголья и вода хранились у него въ глиняной посудѣ. Постепенно онъ сталъ охотникомъ: стрѣлялъ птицъ, ставилъ западни и копалъ ямы для животныхъ, ловилъ рыбу удочками и плетенками. Одеждою ему все еще служили шкуры звѣрей, но подконецъ уже выскобленныя, шитыя по покрою и даже съ узорами на рукавахъ. Онъ сталъ собирать волосы въ пучекъ и обвѣшиваться украшеніями; было у него и погребеніе, т.-е. вѣра въ духа предка. Костяная *бирка* (палочка съ насѣчками) указываетъ на начало ариѳметики. Подконецъ началось и искусство: сначала явились насѣчки (гравюра) точками и черточками, потомъ нацарапанныя на кости изображенія цвѣтовъ, животныхъ и даже человѣка. Семьи уже собирались иногда въ орды: сохранилось много свистковъ и жезловъ вождей (скипетровъ). Еще болѣе развитія замѣчается въ *ново-каменномъ* періодѣ. Тогда человѣкъ уже строилъ землянки, мазанки и деревянныя избы. Особенно искусно сооружалъ онъ *свайныя постройки* на озерахъ, чтобы оградить себя отъ нападенія звѣрей. Это были обширныя поселенія въ нѣсколько сотъ хижинъ, саженей на 50—100 отъ берега, къ которому шли подъемные мосты. Стѣны хижины дѣлались изъ вѣтвей, смазанныхъ глиной, крыша—изъ соломы или хвороста; отверстія въ стѣнѣ замѣняли окна. И теперь встрѣчаются у дикарей такія избушки на курьихъ ножкахъ. Возникали даже *крѣпостцы* (кремли, бурги, акрополи): это—долговѣчныя башни изъ неотесаннаго камня, сложеннаго безъ цемента (циклопическія постройки). Здѣсь же начало *приученія животныхъ*—собаки, потомъ вола, козы, лошади, свиньи и овцы. Подконецъ явилось и *земледѣліе*: разрыхляли землю палками, медвѣжьею челюстью, оленьимъ рогомъ или каменной киркой; жатву вырывали съ корнемъ. Сѣяли сначала пшеницу, потомъ ячмень, овесъ и просо. Сохранились хлѣбы свайныхъ построекъ—круглыя лепешки, въ которыхъ много цѣльныхъ зеренъ и соломы: тогда мололи на ручныхъ мельницахъ (два камня, одинъ съ углубленіемъ). Ячмень же и просо грызли въ видѣ жа-

реныхъ зеренъ, хотя уже умѣли варить мясо. Встрѣчаются почти всѣ наши овощи, плоды и ягоды. Разводили ленъ для одежды и веревокъ: тогда стали прясть и ткать; сохранились остатки грубаго холста. Были и телѣги, только со сплошными колесами, безъ спицъ. Орудія были прежнія, но вслѣдствіе лощенія острыя и красивыя. Особенно усовершенствовались издѣлія изъ кости и рога, а также гончарное производство: явились вазы, чашки деревянныя и глиняныя, ложки, а также цѣлый туалетъ изящныхъ украшеній. Тогда развилось зодчество. Какъ свайная постройка служитъ отличіемъ водяныхъ жителей, такъ мегалиты — особенность сухопутныхъ поселеній. *Мегалиты* („большіе камни“) — первобытные памятники изъ неотесанныхъ каменныхъ глыбъ. Изъ нихъ важнѣе всѣхъ гробница — *долменъ*, распространенный по всему свѣту. Долменъ („каменный столъ“) — большая плита, положенная на 4 камня, такъ что образуется комнатка. Иногда онъ стоитъ на открытомъ воздухѣ, иногда же покрытъ землей, и тогда называется *курганомъ*, или „могилой великановъ“. Въ курганѣ находятъ то одинъ долменъ, то нѣсколько, иногда же большую круглую комнату, въ которой сидятъ покойники рядышкомъ, скорчившись и прислонившись къ стѣнѣ; подлѣ каждаго его вещи. Кромѣ долменовъ, къ мегалитамъ относятся большіе каменные столбы, иногда тысячами соединяемые въ видѣ рядовъ, аллей, круговъ: это — *памятники*, нѣмые свидѣтели важныхъ событій изъ жизни предковъ. Изъ мегалитовъ развились постепенно наши памятники и храмы. Каменныя орудія обыкновенно долго сохраняются въ богослуженіи, какъ священные пережитки.

§ 12. **2) Бронзовый вѣкъ.** Каменный вѣкъ встрѣчается по всему міру, и онъ вездѣ почти одинаковъ. Слѣдя за нимъ, мы видимъ, что человѣчество распространилось изъ юго-восточной Азіи. Желтая порода принесла древне-каменныя орудія въ Европу, которую она занимала въ первобытныя времена. Гораздо позже (7000 лѣтъ тому назадъ) въ Европу прикочевалъ съ Востока же бѣлый человѣкъ, принесшій съ собой лощеныя орудія. Онъ шелъ по берегамъ Средиземнаго м., вытѣсняя желтую породу на сѣверо-востокъ. Его въ свою очередь вытѣснили новые бѣлые переселенцы съ Востока, которые принесли съ собою *металлическія* орудія. Металлъ такъ помогъ человѣку, что начало его употребленія окружено благоговѣніемъ въ сказкахъ народовъ, какъ нѣчто божественное: руду охраняютъ въ землѣ чудовищные кузнецы — карлики, гномы, кобольды. Металлическое производство развивалось постепенно: здѣсь два археологическіе вѣка — бронзовый и желѣзный. Сначала человѣкъ только лилъ мѣдь и особенно *бронзу* (сплавъ мѣди съ оловомъ), потомъ сталъ ковать отлитыя вещи. Для этого уже требовались особые мастера и мастерскія, а также обширная торговля, тѣмъ болѣе что олово находится лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Тогда торговля шла отъ Передней Азіи до Шотландіи, Норвегіи и Оки. Главными купцами были сначала финикіяне, потомъ греки, этруски и римляне. Чѣмъ дальше отъ Средиземнаго м., тѣмъ позже настаетъ бронзовый вѣкъ. Въ Передней Азіи бронза была извѣстна уже за 6000 л. до нашего времени; гомеровская Троя (за 3000 лѣтъ) представляетъ переходъ отъ бронзы къ желѣзу. На югѣ Европы бронзовый вѣкъ кончается за 1000 л. до Р. Хр.; а въ Скандинавіи онъ только начинался тогда. Въ бытѣ бронзоваго вѣка почти все было прежнее, только въ улучшенномъ видѣ. Изъ топора образовалась *секира*, изъ ножа—*мечъ*; явилось и оборонительное оружіе—*шлемъ*, *панцырь* и *щитъ*. Особенно усовершенствовались утварь и нарядъ. Явились изящныя вазы, или урны, съ ручками и крышками. Очень разнообразны и щеголеваты стали украшенія—запястья (запонки), шпильки, кольца, бронзовыя и янтарныя бусы. Одежда также стала разнообразна, и только у женщинъ она еще напоминала мѣшокъ: у мужчинъ были шапка, короткій кафтанъ, плащъ, поясъ, деревянные башмаки; все это украшалось каемками, шнурками, бляшками, пуговками, бахромой, кистями. Волосы расчесывали гребенками; женщины подбирали ихъ въ тонкія сѣтки. Только религія мало развилась. Все еще представляли себѣ загробную жизнь вещественно; но явились жертвенники на насыпяхъ. Сильно развился художественный вкусъ: въ нашихъ магазинахъ мы видимъ лишь подражаніе прелестнымъ формамъ бронзоваго вѣка—лепесткамъ, спиралямъ, змѣйкамъ и т. под. Въ бронзовомъ вѣкѣ возникла страсть къ краскамъ: дѣлали разноцвѣтные пояса и вещи подъ чернью; глиняную утварь расписывали красными и черными обводами. Особенно щеголяли насѣчками и узорами. Подконецъ на скалахъ явились такія сложныя изображенія, что ихъ считаютъ началомъ письма. Бронзовый вѣкъ находятъ почти по всему міру, и вездѣ онъ почти одинаковъ. Онъ достигъ особеннаго развитія въ Мексикѣ и Перу, гдѣ мы видимъ самую замѣчательную цивилизацію доисторическаго времени.

§ 13. **3) Желѣзный вѣкъ.** *Желѣзный вѣкъ* начался (за 6000 лѣтъ до нашего времени) также на Востокѣ—въ Египтѣ и Ассиріи, гдѣ онъ уже сливался тогда съ историческимъ временемъ. Оттуда желѣзо распространилось по Европѣ, сначала по берегамъ Чернаго и Средиземнаго м. м., потомъ по Атлантическому побережью до Англіи и Скандинавіи, а по Ронѣ, Рейну и Дунаю до глубины Европы. Это происходило почти до 500 г. по Р. Хр., когда въ Европѣ кончаются археологическіе вѣка и начинается историческая желѣзная цивилизація. Въ Россіи почти не было доисторическаго желѣзнаго вѣка. Въ желѣзномъ вѣкѣ человѣкъ по большей части только совершенствовалъ старыя формы быта. Его кремли стали крѣпче, благодаря „остекленію“, или непостижимому спаиванію кам-

ней посредствомъ огня; у славянъ явились земляные и каменные валы. Орудія, благодаря желѣзу, достигли высокаго совершенства и прочности. Украшенія же дѣлались изъ бронзы, да еще изъ серебра, котораго не знали раньше. Важнымъ нововведеніемъ было *стекло*, изобрѣтенное въ Египтѣ и Финикіи: изъ него дѣлали отчасти посуду, но больше всего бусы. Съ Востока же явились тогда въ Европѣ *кораллы* и *слоновая кость*. Особенно развилась нарядность, чему много способствовало изобрѣтеніе бронзоваго *зеркала* и *ножницъ*. Очень любили *филигранную* работу (ниточками) изъ металловъ и *брошки*, которыя носили и мужчины. Подлѣ холста явились шерстяныя матеріи съ металлическими, шелковыми и волосяными вышивками. Утварь стали дѣлать даже изъ мрамора, а глиняную начали эмалировать и обжигать. Особенно изящны итальянскія бронзовыя вазы, которыя раскупались богачами повсюду: такія вазы, съ римскими надписями, находятъ даже въ Норвегіи. Тогда же настало царство *узора* (орнамента), которымъ покрывали всякія вещи; а изъ Италіи развозились повсюду камни съ изящною рѣзьбой да бронзовыя и мраморныя статуетки. Въ могилахъ находятъ и первоначальные *музыкальные инструменты*—мѣдные барабанчики. Только въ религіи незамѣтно развитія; но погребальные обряды стали пышнѣе и дороже; они сопровождались роскошнымъ пиромъ, причемъ разбивали посуду и бросали черепки въ могилу. Археологическій желѣзный вѣкъ ознаменованъ появленіемъ полной осѣдлости и правильной торговли, а также письма. Осѣдлость доказывается воздѣлываніемъ *винограда*, *земледѣльческими орудіями* (серпъ, соха), прирученіемъ домашней *птицы* и *кошки*, а также изобрѣтеніемъ *сѣдла* и уздечки. *Торговля* тогда соединяла почти всю бѣлую породу и часть желтой, пользуясь искусственными путями—мостами, большими судами. Она уже превратилась изъ мѣновой въ *денежную*. Деньгами сначала были рѣдкія раковины, соль, особенно скотъ, затѣмъ металлы, но сначала въ видѣ слитковъ, прутиковъ, шариковъ. Чеканка *монетъ* изобрѣтена на Востокѣ. Въ Европѣ до Р. Х. ходили греческія монеты, потомъ римскія съ изображеніемъ императоровъ; римскія доходили до Россіи, гдѣ были смѣнены потомъ „куфическими“ (арабскими); еще позже появляются монеты кельтскія и германскія. *Письмо* было принесено въ Европу также съ Востока. На юго-западѣ рано утвердилась латинская азбука; но на сѣверо-востокѣ долго сохранялось собственное письмо: это какія-то „черты“ и „рѣзы“ у славянъ и „руны“ у германцевъ. Руны (линіи и завитки) особенно сохранились въ Скандинавіи. Къ концу археологическаго желѣзнаго вѣка почти по всей Европѣ родовой бытъ настолько ослабѣлъ, что начали создаваться *государства*.

§ 14. **Развитіе письма.** Итакъ мы видимъ въ археологическихъ вѣкахъ начало всѣхъ сторонъ цивилизаціи, кромѣ наукъ, связанныхъ

съ *письмомъ*, которое тогда едва зарождалось. Письмо, съ его произведеніемъ—письменностью (литературой), составляетъ главное отличіе *историческаго* времени отъ доисторическаго. Первое условіе прогресса состояло въ томъ, что человѣкъ, благодаря письму, получилъ возможность запомнить массу свѣдѣній и передать ихъ потомкамъ, т.-е. создалъ школу, обученіе младшихъ поколѣній. Письмо развилось постепенно. Сначала вмѣсто буквъ рисовали самый предметъ: это — *образное* письмо, которое называютъ еще „идеографическимъ", такъ какъ тутъ каждое изображеніе означало цѣлое слово, т.-е. понятіе. Сначала образное письмо вырѣзывалось на скалахъ, кирпичахъ и вещахъ; тогда писали отвѣсными строками, располагая ихъ отъ правой руки къ лѣвой; позже стали писать горизонтальными строками, но все еще отъ правой руки къ лѣвой. Египтяне первые стали не царапать, а писать, сначала на своихъ тканяхъ, потомъ на бумагѣ изъ *папируса* (камыша). Такъ какъ папирусъ ломался при складываніи, то его свертывали въ „свитки" („столбцы"),—обычай, который долго существовалъ, пока не выучились дѣлать книги. Гораздо позже, незадолго до Р. Х., былъ изобрѣтенъ прочный *пергаментъ* (изъ воловьей кожи), которымъ замѣнили папирусъ. Много времени спустя послѣ Р. Х., выдумали писчую *бумагу*, сначала изъ хлопка, потомъ изъ тряпокъ и дерева. Только на папирусѣ да на скалахъ, памятникахъ и вещахъ встрѣчается образное письмо, на которомъ нельзя было остановиться, такъ какъ оно очень трудно. Мы обозначаемъ всѣ слова немногими буквами азбуки; а при образномъ письмѣ нужно столько же знаковъ, сколько словъ, причемъ одинъ и тотъ же знакъ иногда имѣетъ прямое, чувственное значеніе, иногда символическое, отвлеченное. Образное письмо требуетъ много времени и навыка: оно было ремесломъ немногихъ, именно жрецовъ; оттого его назвали *іероглифами*, т.-е. „священнымъ ваяніемъ". Образное письмо постепенно упрощалось. Вмѣсто цѣлаго предмета стали изображать часть его, потомъ дошли до линій, или черточекъ, въ которыхъ сразу не найдешь сходства съ картинами, изъ которыхъ онѣ произошли. Самое трудное идеографическое письмо черточками употреблялось въ Ассиріи: оно называется *клинообразнымъ*. Человѣкъ бросилъ образное письмо, какъ только замѣтилъ, что языкъ состоитъ изъ немногихъ звуковъ, которые можно изобразить условными знаками, или буквами; отсюда *звуковое* (фонетическое) письмо. Но и оно сначала было несовершеннымъ „силлабизмомъ" (знакъ означалъ слогъ), пока не изобрѣли „алфавитизма", или азбуки. Азбука изобрѣтена (за 4000 лѣтъ до нашего времени) финикіянами, которые составили ее изъ египетскихъ іероглифовъ. Первые купцы въ древности, финикіяне, развозя повсюду товары, распространили и азбуку: оттого есть родство между всѣми азбуками на свѣтѣ.

§ 15. **Источники исторіи: 1) издѣлія, пережитки, преданія.** Кромѣ письменности, источниками исторіи служатъ издѣлія человѣка, пережитки и преданія. *Издѣлія* распадаются на вещи и памятники. Вещи, какъ предметы домашняго обихода, свидѣтельствуютъ о внѣшнемъ бытѣ народовъ. Памятники же (монументы) связаны съ идеальною культурой: цѣль ихъ увѣковѣчить память о какомъ-нибудь событіи или лицѣ; сверхъ того они—произведенія искусства. Старѣйшими памятниками считаются египетскія пирамиды (за 6000 лѣтъ до нашего времени) и немного менѣе древнія, бронзовыя статуетки халдеевъ въ Тель-Ло. Издѣлія или находятся на мѣстѣ (in situ), или хранятся въ музеяхъ. Ихъ изучаютъ особыя науки — археологія (историческая) и исторія искусства. Монеты, важныя для опредѣленія времени, изучаются нумизматикой. *Пережитки*—самый древній источникъ исторіи. Они сохраняются необыкновенно долго и во всѣхъ сторонахъ культуры. Сюда относятся: предразсудки и пословицы (древнія понятія), суевѣрія (древняя религія), множество обрядовъ и обычаевъ, разныя черты нравовъ и внѣшняго быта, пѣсни съ ихъ напѣвами и сказки (древняя поэзія), наконецъ многія черты обычнаго права (древній, неписанный законъ). Особенно древни пережитки, сохранившіеся въ языкѣ: по смыслу пракорней можно возстановить бытъ даже доисторическихъ временъ. Весьма древній бытъ рисуется также въ *преданіяхъ*, или разсказахъ человѣка о своемъ прошломъ, которые передаются устно отъ родителей къ дѣтямъ. Такъ какъ въ столь древнее время человѣкъ вездѣ видѣлъ религію и поэзію, то преданія облечены въ чудесную, баснословную форму. Это — миѳъ, или легенда (разсказъ о богахъ), сказка, или сага и народная пѣсня. Древнѣе всего миѳы, особенно относящіеся къ космогоніи, или разсказы о происхожденіи міра. У многихъ народовъ эти разсказы сходны между собой. Вездѣ вначалѣ говорится о потопѣ; вездѣ человѣкъ созданъ изъ матеріи (земли, глины, дерева); вездѣ вѣра въ „золотой вѣкъ“, или въ райскую жизнь первыхъ людей. У монголовъ первые люди были, какъ боги, воздушными существами; но они поѣли сладкой травы, и у нихъ отпали крылья, исчезла красота; жизнь ихъ стала коротка. У индусовъ въ раю стояло древо жизни съ небеспыми плодами, охраняемое драконом. У грековъ рай — садъ съ золотыми яблоками, охраняемыми змѣемъ. Утрата рая представляется почти у всей бѣлой породы, какъ у древнихъ персовъ: злой духъ, въ видѣ змѣя, далъ вкусить плодовъ первымъ людямъ и возстановилъ ихъ противъ добраго духа, который изгналъ ихъ за это изъ рая—и для людей насталъ „желѣзный“, тяжелый вѣкъ. Археологія нашла, что золото предшествовало желѣзу: оно относится къ бронзовому вѣку.

§ 16. **2) Письменность.** Издѣлія, пережитки и преданія—самые древніе источники исторіи. Гораздо моложе, но несравненно полнѣе

и точнѣе, источники письменные. Древнѣйшими памятниками письменности служатъ египетскія и халдейскія надписи (за 6000 лѣтъ до нашего времени). Почти такъ же стара древнѣйшая книга — египетскій папирусъ, хранящійся въ Парижѣ. За нимъ слѣдуютъ священныя книги индусовъ (Веды), персовъ (Зендъ-Авеста), евреевъ (Библія) и китайцевъ (Шу-Кингъ). Такъ какъ трудно разбирать древнѣйшее, образное письмо на надписяхъ, то образовалась особая „наука о надписяхъ“ — *эпиграфія*. Она представляетъ поразительное торжество ума. Когда *Шампольонъ* приступилъ къ изученію египетскихъ іероглифовъ, онъ не зналъ, что каждое изображеніе можетъ быть или образнымъ, или звуковымъ знакомъ, притомъ можетъ означать самый предметъ или символъ какого-нибудь понятія, букву или слогъ. Однако же онъ разобралъ іероглифы (1821 г.), воспользовавшись *розетскою* надписью (она въ Британскомъ Музеѣ), на которой былъ греческій переводъ, и близостью коптскаго языка къ древне-египетскому. Послѣ Шампольона чтеніе іероглифовъ дошло до совершенства, благодаря многимъ ученымъ, особенно французамъ *Маріетту* и *Масперо* (первый, недавно умершій, былъ хранителемъ музея древностей въ Каирѣ; второй занялъ его мѣсто въ 1881 году). Еще болѣе блистательное торжество ума представляетъ чтеніе ассирійскихъ клиньевъ, при которомъ къ трудностямъ іероглифовъ прибавляется неизвѣстность, къ какому изъ трехъ языковъ (ниже, § 3) относится каждая надпись. Здѣсь дѣло началось съ случайной догадки *Гротефенда* (1802 г.), который, разсматривая снимокъ съ одной персидской надписи, догадался, что это — звуковое письмо и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоятъ имена извѣстныхъ персидскихъ царей. Онъ открылъ часть азбуки таинственнаго письма въ персидскихъ надписяхъ. Лѣтъ 30 спустя, занялись изученіемъ ассиро-вавилонскихъ клиньевъ, въ особенности англичане *Роулинсонъ*, *Гинксъ* и *Смитъ*, французы *Ленорманъ* и *Опперъ* и нѣмецъ *Шрадеръ*. Теперь уже клинья читаютъ, какъ доказано двумя примѣрами: въ 1857 году, по порученію Лондонскаго Азіатскаго Общества, четыре ассиріолога, жившіе въ разныхъ городахъ, прочли одну надпись одинаково; затѣмъ нашли у истоковъ Тигра, въ невѣдомой пещерѣ, двѣ ассирійскія статуи, благодаря указанію одной клинообразной надписи. Старѣйшія рукописи (манускрипты) уже гораздо легче читать, чѣмъ надписи; но и онѣ представляютъ столько затрудненій, что образовалась особая наука о „древнихъ письменахъ“ — *палеографія*. Палеографія занимается больше всего изученіемъ *документовъ*, т.-е. государственныхъ актовъ (договоры, бумаги правителей, депеши пословъ), судебныхъ дѣлъ, писемъ. Документы хранятся въ архивахъ. Гораздо позже дѣловыхъ бумагъ нѣкоторые стали записывать для себя важнѣйшія событія, или составлять *историческія сочиненія*, которыя также развивались постепенно. Сначала это были краткія замѣтки по го-

дамъ — *лѣтописи* (анналы, хроники), составляемыя жрецами и монахами. Потомъ свѣтскіе люди стали писать болѣе обширные дневники, или *записки* (мемуары) обо всемъ, что́ они знали, какъ очевидцы, или что́ имъ удалось узнать отъ другихъ. Наконецъ явились подробныя и ученыя *исторіи*, сначала частныя (только о своемъ народѣ), потомъ „всеобщія“, или „всемірныя“ (о всемъ человѣчествѣ). Есть еще исторіи отдѣльныхъ событій (монографіи) и лицъ (біографіи, или жизнеописанія), а также исторіи различныхъ частей культуры (исторія религіи, искусства, военнаго дѣла и т. д.).

§ 17. **Дѣленіе исторіи. Хронологія. Эра.** Съ появленіемъ подробныхъ историческихъ сочиненій пришлось для удобства изученія раздѣлить исторію на отдѣлы. Должно считать *древнею* исторіей время отъ начала человѣчества до Р. Х. (по нѣкоторымъ, до паденія Западной римской имперіи, въ 476 г. по Р. Х.), *среднею* — время отъ Р. Х. до паденія Восточной римской имперіи, или взятія Византіи турками, въ 1453 г. (по нѣкоторымъ, до открытія Америки въ 1492 г.), *новою* — остальное время до французской революціи (1789 г.); эту революцію и 19-й вѣкъ называютъ *новѣйшею*, или *современною* исторіей. Каждую изъ этихъ исторій раздѣляютъ на *періоды*, предѣлами которыхъ служатъ особенно важныя событія, или *эпохи*. Исторію нельзя изучать безъ опредѣленія времени, безъ годовъ событій. Но это такъ трудно, особенно для отдаленныхъ вѣковъ, что образовалась особая „наука о времени“ — *хронологія*. Хронологія трудна еще потому, что существуетъ нѣсколько *эръ*, или событій, съ которыхъ разные народы начинаютъ свое лѣтосчисленіе. Разнообразіе эръ происходитъ оттого, что неизвѣстно, когда началось человѣчество: евреи признаютъ, что міръ сотворенъ за 5508 лѣтъ до Р. Х. Особенно много эръ было до Р. Х.: вавилонская, индійская, греческая, римская и др. И у христіанъ сначала было двѣ эры: народы считали отъ Р. Х., а правительства отъ индикта (налога, введеннаго Константиномъ Великимъ въ 313 году). Сверхъ того христіанское лѣтосчисленіе до сихъ поръ раздваивается вслѣдствіе разницы на 12 дней между календарями — грегоріанскимъ (на западѣ) и юліанскимъ (въ Россіи). Изъ эръ, образовавшихся послѣ Р. Х., самая важная — магометанская (622 г., годы лунные). Во время революціи французы ввели-было республиканское лѣтосчисленіе; но оно продержалось менѣе 13 лѣтъ (1792—1805).

А) ВОСТОКЪ.

§ 1. **Старый и Новый Свѣтъ**. Восточное полушаріе, или *Старый Свѣтъ*, рѣзко отличается отъ западнаго, или *Новаго Свѣта*. Въ первомъ преобладаютъ земля и сухой климатъ, во второмъ—вода. У насъ меньше рѣкъ и озеръ, чѣмъ въ Америкѣ; часто даже встрѣчаются огромныя безводныя пустыни. Зато наши растенія и животныя болѣе развиты, чѣмъ американскія: отъ насъ перешли въ Америку такіе важные помощники человѣка, какъ собака, лошадь и волъ. Самъ человѣкъ совершеннѣе въ Старомъ Свѣтѣ, чѣмъ въ Новомъ: онъ превосходитъ своего антипода разнообразіемъ, численностью и развитіемъ. У насъ есть всѣ породы; въ Америкѣ долго была только одна, желтая; лишь въ три послѣдніе вѣка распространились въ ней бѣлая и отчасти черная породы, прибывшія туда изъ Стараго Свѣта. Въ Европѣ приходится 50 человѣкъ на кв. милю, въ Азіи—20, въ Африкѣ—10, а въ Америкѣ—едва 5. Въ культурѣ туземцы Америки не пошли дальше бронзоваго вѣка; новѣйшая цивилизація тамъ принадлежитъ бѣлой породѣ, и она прямо перенесена изъ Европы. Почти вся *исторія принадлежитъ Старому Свѣту*. Здѣсь она началась на востокѣ и постепенно подвигалась до крайняго запада. Оттого древняя исторія распадается на два отдѣла—*Востокъ* (Азія и Египетъ) и *Западъ* (Греція и Римъ).

§ 2. **Географическій очеркъ Стараго Свѣта**. Особенности природы Стараго Свѣта зависятъ отъ строенія его земной коры. Нигдѣ нѣтъ такой противоположности между возвышенностями и низменностями, какъ здѣсь. Гималайя—высочайшія въ мірѣ горы, а Каспійское и Мертвое моря лежатъ ниже уровня океана. Старый Свѣтъ усѣянъ то плоскогоріями (плато), то низменностями. Онъ опоясанъ громаднымъ горнымъ хребтомъ, узломъ котораго служитъ снѣжный *Гинду-Кушъ*. На западъ отъ Гинду-Куша тянутся *Эльбурсъ*, *Тавръ*, *Балканы*, *Альпы* и *Пиренеи*; на востокъ—*Болоръ-тагъ* съ плодо-

роднымъ плато, Памиромъ, *Гималайя* и *Китайскія Альпы*. Здѣсь же, въ центрѣ материка, извивается огромная лента безжизненныхъ низменностей. Отъ Атлантическаго ок. до Желтаго м. тянется, на 15,000 верстъ въ длину и 1,000 въ ширину, исполинская пустыня, подъ именами *Сахары*, *Сиріи* и *Гоби*. Она прерывается только двумя оазисами — Египтомъ и Месопотаміей. Къ юго-западу отъ этого пустыннаго пояса выдвигается далеко въ океанъ огромное плато — тропическая *Африка*, которая подымается на 4 версты надъ океаномъ въ видѣ глубокой чашки; къ сѣв.-востоку разстилается обширная *русско-сибирская* низменность. За исключеніемъ Россіи, исторія почти не касается этихъ обѣихъ оконечностей Стараго Свѣта. Она сосредоточивается у главнаго горнаго пояса. На крайнемъ западѣ подымаются плоскогорія: съ одной стороны — *Кастилія* и полуострова *Апеннинскій* и *Балканскій*, съ другой — *Берберія и Барка*, образованныя отрогами *Атласа*. Надъ ними лежитъ плато *Верхняя Германія*, окаймленное низменностями: *Ломбардіей*, сѣверною *Франціей*, *Венгріей*, *Румыніей* и *Нижнею Германіей*. Тремя путями вступаемъ мы въ Азію: изъ Европы — черезъ проходы въ ущельяхъ Балканъ и Кавказа, изъ Африки — черезъ Египетъ съ *Суэзскимъ* перешейкомъ. Изъ всѣхъ упомянутыхъ мѣстностей Стараго Свѣта Египетъ и Месопотамія принадлежали къ самымъ плодороднымъ странамъ въ мірѣ. Оттого здѣсь началась исторія главной, бѣлой, породы. Но начало исторіи всего человѣчества связано съ желтою породой.

I. Желтая порода.

§ 3. **Туранцы**. Важнѣйшую отрасль желтой породы составляетъ монгольское племя (введ. § 4). Часть его, населяющая сѣверъ Азіи и Европы, принято называть *туранцами*, такъ какъ древніе арійцы называли Тураномъ („страною тьмы“) колыбель этихъ народовъ — Туркестанъ. По преданіямъ кочевниковъ этой страны, прародиной туранцевъ была одна долина въ Алтаѣ, къ сѣверу отъ Памира. Эта долина была окружена, какъ стѣнами, высокими желѣзными горами; пожаръ расплавилъ желѣзо — и первые люди вышли изъ своей тюрьмы. Одна часть туранцевъ пошла на востокъ, другая заняла всю Переднюю Азію и Европу (введ. § 12). Потомками первобытныхъ туранцевъ въ Европѣ считаютъ древнихъ *этрусковъ* и *басковъ*, живущихъ до сихъ поръ въ ущельяхъ Пиренеевъ. Въ Передней Азіи туранцы господствовали даже въ VII вѣкѣ до Р. Х., подъ именемъ скиѳовъ. Но главнымъ ихъ притономъ была *Мидія* (поскиѳски „земля“), гдѣ они держались особенно долго. Вліяніе туранцевъ сохранялось въ Передней Азіи даже послѣ того, какъ

тамъ возобладала бѣлая порода, потому что они цивилизовались раньше всѣхъ: имъ принадлежитъ начало письма и обработки металловъ. Бѣлые заимствовали у нихъ эти изобрѣтенія, отчасти даже религію; персы сопровождали свои надписи не только вавилонскимъ (семитскимъ), но и туранскимъ переводомъ, какъ и теперь турецкое правительство объявляетъ тамъ свои приказы на трехъ языкахъ: на своемъ (туранскомъ), на арабскомъ (семитскомъ) и на персидскомъ (арійскомъ). Замѣчается связь между туранцами и бѣлыми даже по физическому типу и языку: туранцы представляютъ смѣсь желтой породы съ бѣлою. Представителями же чистой желтой породы служатъ *китайцы*. Такъ какъ у нихъ мы видимъ весьма древнее и прочное государство съ самобытною цивилизаціей, то по нимъ должно судить, до чего могла развиться желтая порода, предоставленная самой себѣ. Соплеменники китайцевъ, *японцы*, гораздо болѣе поддаются чужому вліянію: въ настоящее время они стремятся превратиться въ европейцевъ; въ 1889 г. у нихъ объявлена конституція. Кромѣ китайцевъ и японцевъ, желтая порода играетъ нѣкоторую роль въ исторіи еще въ лицѣ собственно монголовъ и турокъ. Начиная съ 12 в. по Р. Х., *монголы* разрушали многія государства Азіи. Они владѣли Китаемъ и Индостаномъ и подрывали арабскую цивилизацію въ Азіи. Европу же, особенно восточную, они опустошали еще съ 5 в., подъ именемъ гунновъ, венгровъ, печенѣговъ, половцевъ и татаръ: послѣдніе владѣли Россіей въ теченіе 150 лѣтъ. *Турки*, въ свою очередь, не разъ опустошали цивилизованныя государства. Подъ именемъ *сельджуковъ*, они уничтожили арабскую культуру въ Передней Азіи; но были сами подавлены монголами Чингисъ-хана. Затѣмъ, подъ именемъ *османлієвъ*, они взяли Византію и основали Турецкую имперію въ Европѣ. Турки все болѣе и болѣе смѣшивались съ бѣлою породой: теперь они принадлежатъ къ ней по физическому типу, сохраняя туранскую рѣчь и магометанство. Ихъ имперія постепенно падаетъ въ Европѣ. Прочнѣе другое государство желтой породы въ Европѣ—венгерское, основанное около 1000 г. по Р. Х. Впрочемъ оно вполнѣ европейское и по религіи, и по цивилизаціи. Монгольскіе народцы, подчиненные Россіи, весьма мало затронуты цивилизаціей: они частью сохраняютъ первобытное язычество, частью исповѣдуютъ магометанство. Историческая роль желтой породы должна оказаться въ будущемъ: Азія, въ особенности же Японія и Китай, все болѣе и болѣе раскрываются передъ европейцами; съ своей стороны, Китай уже далъ болѣе трехъ милліоновъ эмигрантовъ Америкѣ и Австраліи.

II. Бѣлая порода.

а) Хамитское племя.

§ 4. **Кушиты.** У всѣхъ народовъ бѣлой расы очень древнія и сходныя между собою преданія. Самое полное изъ нихъ—библейское. Изъ него видно, что родиной бѣлыхъ былъ *Памиръ* (§ 2), откуда пошла и желтая порода (§ 3). Послѣ потопа вышли оттуда потомки трехъ сыновей Ноя—Хама, Сима и Яфета. *Хамиты*, или *кушиты* (они произошли отъ Куша, сына Хамова), выселились раньше всѣхъ; они прошли дальше всѣхъ на западъ и смѣшались съ черною породой, особенно въ Африкѣ. Сначала кушиты занимали весь югъ Передней Азіи, отъ Индостана до Суэза, и сѣверную Африку. Въ настоящее время къ нимъ принадлежатъ только феллахи (низшій классъ въ Египтѣ), абиссинцы и берберы; впрочемъ и здѣсь они смѣшаны съ семитами и арійцами. Главный изъ кушитскихъ языковъ, египетскій, давно вымеръ; близкимъ къ нему нарѣчіемъ говорятъ только нѣкоторые народцы между Бѣлымъ Ниломъ и Краснымъ м. Къ кушитскимъ языкамъ относится нынѣшній берберскій: онъ произошелъ отъ нарѣчій древнихъ ливійцевъ и нумидійцевъ, отъ которыхъ сохранились надписи. Поберберски говорятъ въ Алжирѣ и Тунисѣ, а также между Борну и Нигеромъ: это—торговый языкъ центральной Африки. Кушиты темнаго цвѣта, небольшаго роста, съ толстыми губами и почти курчавыми волосами. По языку кушиты очень близки къ семитамъ, съ которыми они вездѣ легко сливались. Имъ принадлежатъ древнѣйшіе слѣды цивилизаціи въ Азіи и Африкѣ. Семиты и арійцы, выступившіе изъ Памира позднѣе, были ихъ учениками, хотя и покорили ихъ государства. Кушиты удержались надолго только въ Египтѣ; но и тамъ они были наконецъ завоеваны сначала арійцами (персами), потомъ семитами (арабами) и туранцами (турками). Какъ Китай представляетъ высшую степень цивилизаціи желтой породы, такъ древній Египетъ—все, до чего могло развиться хамитское племя.

§ 5. **Природа и обитатели Египта.** Египетъ — часть Сахары, этого „безводнаго моря“, которое нѣкогда было дномъ океана: здѣсь почти не бываетъ дождя; тропическое солнце безпрепятственно накаляетъ жгучій песокъ и голыя скалы. А между тѣмъ съ незапамятныхъ временъ здѣсь господствовало большое оживленіе. Египетъ — обширный оазисъ, который Геродотъ мѣтко назвалъ „даромъ Нила“. *Нилъ* — большая рѣка (5.000 в. длины), которая прорывается въ *Эѳіопіи* (нын. Нубіи) черезъ горы, низвергаясь по 4 порогамъ (катарактамъ). У послѣдняго порога, гдѣ лежатъ о-ва *Филе*

и *Элефантина*, горы разступаются и тянутся къ сѣверу двумя хребтами. Между ними разстилается долина, въ 15 в. ширины, по которой лѣниво течетъ тихій Нилъ, переполненный разными сортами вкусной рыбы, крокодилами и гиппопотамами. Онъ изливается въ море двумя главными рукавами, образующими греч. букву Δ: эту часть Египта и назвали *Дельтой*. Дельта, съ своею столицей *Саисомъ*, составляла *Нижній Египетъ*, который былъ усѣянъ болотами и каналами и переполненъ свиньями и водяными птицами—гусями, утками, журавлями. У начала Дельты красовалась столица *Средняго Египта*, *Мемфисъ*, или „хорошій городъ“ (близъ Каира). Отсюда виднѣлась малая поперечная долина — Файюмъ: это — роскошный оазисъ, образованный искусственнымъ „озеромъ“, *Мери*. Далеко къ югу лежали *Ѳивы*, столица *Верхняго Египта*. Такимъ образомъ поселенія были только по Нилу, притомъ лишь благодаря его правильнымъ разливамъ. Когда загоралась на небѣ звѣзда „сотисъ“ (собака), въ іюлѣ, въ Абиссиніи начинались тропическіе ливни, и Нилъ бушевалъ. Онъ становился изъ свѣтло-голубаго сначала зеленымъ, потомъ краснымъ, какъ кровь, и выступалъ изъ береговъ: его воды подымались иногда сажени на три. То были каникулы, досужее время для египтянъ. Забравшись въ легкіе поселки на холмахъ, они почти полгода видѣли передъ собой огромное озеро, окаймленное отвѣсными скалами; лишь тамъ и сямъ торчали изъ воды верхушки пальмъ и памятниковъ. Народъ молился. Въ столицѣ правители измѣряли высоту разлива „ниломѣрами“ и повсюду разсылали гонцовъ. Если Нилъ не поднимался на двѣ сажени, то грозилъ неурожай. Въ декабрѣ рѣка входила въ свое русло, оставляя на пескѣ такіе жирные осадки тропической почвы, что народъ легко собиралъ по двѣ жатвы и разводилъ овощи въ изобиліи. Оттого Египетъ назывался въ древности „житницею вселенной“. Остальная растительность бѣдна въ Египтѣ: деревья рѣдки, и то только акаціи, смоковницы да финиковая пальма. Зато роскошна водяная флора, особенно папирусъ и лотосъ (бѣлый и голубой), употребляемые въ пищу. Приземистая, широкоплечая, но сухощавая фигура темно-коричневаго цвѣта, съ короткимъ носомъ, низкимъ лбомъ, толстыми губами и узкими глазами — вотъ типъ кушита Нильской долины. Кушитка отличалась пріятной тонкостью чертъ, маленькою рукой и свѣтло-оливковымъ цвѣтомъ кожи. Это былъ добрый, ласковый и очень трудолюбивый народъ, черты котораго запечатлѣны скромностью, даже грустью и самоотреченіемъ. Онъ былъ такъ же тихъ, какъ величавый Нилъ; такъ же постояненъ, какъ невозмутимая лазурь египетскаго неба. Какъ богъ Озирисъ (§ 15) съ вѣчной правильностью плыветъ по этой лазури въ золотой лодочкѣ (солнце), такъ же правильно и безмятежно хотѣлось египтянину прожить свой вѣкъ.

Оттого онъ чуждался иностранцевъ, даже не ѣлъ изъ одной посуды съ ними и любилъ доброе старое время, не желая ничего новаго. Египтяне считали себя самымъ древнимъ и избраннымъ народомъ въ мірѣ. Они даже были увѣрены, что сначала боги сами управляли ихъ страной.

§ 6. **Древнее царство.** Прикочевавъ изъ Азіи въ незапамятныя времена, кушиты вытѣснили жившихъ у Нила троглодитовъ черной породы, которые питались змѣями и ящерицами и оставили намъ каменныя орудія. Вмѣстѣ съ черными были изгнаны въ пустыню и къ верховьямъ Нила дикія кошки, шакалы, гіены, львы, гиппопотамы и крокодилы; ихъ мѣсто заняли прирученныя животныя—антилопа, волъ, овца и оселъ. Судя по преданіямъ, записаннымъ жрецомъ *Манеѳономъ*, египтяне сначала жили родами, подчиняясь патріархамъ-жрецамъ: это—*ѳеократія* („господство боговъ"). Затѣмъ воины возстали противъ жрецовъ и основали свѣтское государство. Ихъ вождь, *Мена*, сталъ первымъ „фараономъ" (царемъ) за 5000 лѣтъ до Р. Х. Корень „мен" значитъ „человѣкъ" у многихъ народовъ, и вездѣ съ героя этого имени начинается цивилизація. Мена основалъ Мемфисъ, гдѣ *древнее* царство существовало въ теченіе 2000 лѣтъ. Старѣйшимъ памятникомъ этого періода служитъ *пирамида* со ступеньками въ *Саккарѣ* (близъ Мемфиса), построенная 2-ю династіей. *Четвертая* династія уже прославилась гигантскими сооруженіями, которыми покрытъ Файюмъ; такъ какъ это все гробницы, то греки назвали Файюмъ некрополемъ—„городомъ мертвецовъ". Могилы частныхъ лицъ состоятъ изъ двухъ склеповъ, высѣченныхъ въ скалѣ: въ одномъ ставился саркофагъ—массивный гробъ изъ гранита; другой служилъ часовнею для панихидъ. Надъ ними возвышается 30 усыпальницъ фараоновъ, или *пирамидъ*. Это—громаднѣйшіе памятники въ мірѣ (до 70 саж. вышины). Они сдѣланы изъ известковыхъ глыбъ, обшитыхъ гранитными плитами; узкій корридоръ ведетъ къ двумъ покоямъ въ срединѣ пирамиды, въ которыхъ помѣщались саркофаги; входъ искусно задѣлывался камнями. Пирамида—древнѣйшая архитектурная форма, вытекшая изъ кургана. Образцомъ древнѣйшей скульптурной формы служитъ гранитный „Левъ Ночи", подлѣ пирамидъ: у него красноватая мужская голова въ чепцѣ, а тѣло львиное; между лапами былъ выстроенъ потомъ храмъ. Такія загадочныя изображенія греки называли *сфинксами*. Важнѣе другая скульптурная форма того времени, *барельефы*—фигуры, вырѣзанныя на плоской поверхности, на гробницахъ. Онѣ изображаютъ сцены изъ обыденной жизни.

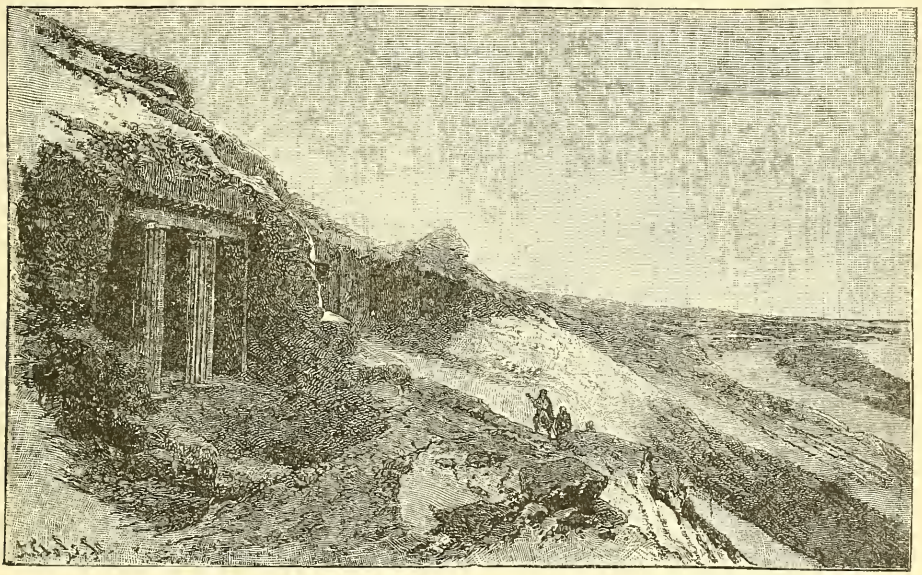
§ 7. **Бытъ древняго царства.** На барельефахъ бросается въ глаза барство, или помѣщичій бытъ, основанный на господствѣ *военной аристократіи*, которая наслѣдственно управляла провинціями

Пирамиды и „Левъ Ночи“ въ Файюмѣ.

и состояла въ родствѣ съ фараонами и жрецами. Вотъ баринъ хозяйничаетъ въ своемъ помѣстьѣ. Крестьяне обрабатываютъ поля съ помощью не только воловъ, но такжеословъ и овецъ, которые вытаптываютъ зерно, вмѣсто молотьбы. Въ особенности развито скотоводство. На мызахъ доятъ сотни коровъ; рѣжутъ для барскаго стола быковъ, овецъ и много птицы, особенно откормленныхъ гусей; солятъ перепелокъ, вялятъ рыбу. Баринъ охотится, ловитъ рыбу, отправляетъ свои произведенія по Нилу на баркахъ съ квадратными парусами. Его усадьба—роскошная дача съ цвѣтниками, фонтанами, звѣринцами. Баринъ любитъ принимать гостей. Они прибываютъ или на колесницахъ, или на носилкахъ. На мужчинахъ короткая холщевая юбка, сандаліи, ожерелье и неизбѣжный чепецъ, прикрывающій бритую голову. Женщины въ тонкихъ платьяхъ яркаго цвѣта, которыя спускаются до пятъ въ видѣ мѣшка, высоко перехваченнаго поясомъ. Изъ-подъ чепца выбиваются завитые и напомаженные волосы, иногда накладные: женщины также нерѣдко брились отъ жары. Шея и руки обвѣшаны металлическими и стеклянными украшеніями. Получивъ при входѣ по вѣнку, гости садятся за столъ на затѣйливыя кресла; что потверже—ѣдятъ пятерней, а для жидкаго — ложки. Между тѣмъ являются плясуньи съ бубнами и кастаньетами и музыканты съ флейтами, арфами и гитарами. Послѣ обѣда играли въ мячъ или шашки, нето боролись и состязались въ гонкѣ лодокъ. Баринъ зналъ и грамоту. Была уже скоропись (введ. § 14): писали гусиными перьями на папирусѣ. Были и книжки. Одинъ фараонъ составилъ катехизисъ и лѣчебникъ. Старый помѣщикъ, *Фта-Готпу*, написалъ наставленіе молодежи, совѣтуя ей учиться, быть послушной старшимъ и доброй съ домашними. Сохранились еще изреченія, напоминающія Саломона. Но тяжело было положеніе народа, кормившаго помѣщиковъ. У *крестьянъ* не было ни земли, ни двора. Они вѣчно работали на помѣщика, жреца и фараона. Рядами согбенныхъ, искалѣченныхъ фигуръ стоятъ они на барельефахъ. Передъ ними крупная фигура барина или его приказчика съ палкой, а вверху надпись: „рабы, рожденные въ домѣ господина, навѣки заносятся въ домовыя книги“ (какъ вещи). Крестьянъ угнетали еще жестокіе фараоны. Одну пирамиду строило полмилліона народа въ теченіе 30 лѣтъ, и безъ всякихъ орудій, кромѣ веревки, катка да молота.

§ 8. **Среднее царство**. Вслѣдствіе угнетенія народа возникли смуты и самозванцы. Однажды въ Мемфисѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ смѣнилось 70 фараоновъ. Жертвой смуты пала побѣдоносная и мудрая „красавица съ розовыми щечками“, *Нитакри*, которая сначала потопила въ подземельѣ убійцъ своего брата, а потомъ наложила на себя руки. Послѣ нея Египетъ какъ бы вычерки-

вается изъ исторіи лѣтъ на 500: памятники прекращаются. Около 2500 лѣтъ до Р. Х. начался новый періодъ въ исторіи Египта, называемый *среднимъ царствомъ*. Столицей былъ тогда уже не Мемфисъ, а *Ѳивы*—огромный и роскошный городъ, который назвали „Стовратнымъ“ въ отличіе отъ греческихъ Ѳивъ. Среднее царство, существовавшее 300 лѣтъ, прославлено *12-ю династіей*, которая представляетъ самое счастливое время въ исторіи Египта. 12-я династія превзошла 4-ю, какъ своимъ могуществомъ, такъ и памятниками искусства. Тогда границы Египта уже доходили до мѣдныхъ рудниковъ Синая и до глубины Эѳіопіи. Въ архитектурѣ возникли новыя формы. 1) *Дворецъ*, образчикомъ котораго служитъ лабиринтъ (егип. „дворецъ у озера“) *Аменофиса III* (по надписямъ



Гробницы въ скалѣ въ Бени-Гассанѣ.

Амон-ем-гата) у озера Мери, вырытаго тогда же на протяженіи 5 милл. кв. саженей. Лабиринтъ состоялъ изъ 12 дворовъ, крытыхъ камнемъ и обнесенныхъ стѣной съ пирамидами; въ немъ было 3000 комнатъ, половина прохладныхъ — подъ землей. Здѣсь же, и особенно въ гробницахъ Бени-Гассана, впервые видимъ египетскую колонну, у которой есть уже капитель (головка), въ видѣ 4-угольной плитки (прото-дорическій стиль). 2) *Храмъ*, составляющій главную черту зодчества средняго царства. 3) *Обелискъ* (греч. „копьецо“) — громадный 4-угольный столбъ съ пирамидкой наверху; онъ служилъ доской для надписей. Знаменитый элефантинскій обелискъ находится теперь въ Парижѣ. 4) Сохранился образ-

чикъ барскаго *дома* того времени. Онъ похожъ на храмъ: два *пилона*, или флигеля у воротъ, въ видѣ красивыхъ двухъэтажныхъ башенъ, суживающихся кверху; между ними портикъ (ворота) съ деревянными колоннами; во дворъ углубляется одноэтажный домъ изъ неженаго кирпича, покрытаго снаружи известковыми плитками; внутри нѣсколько прохладныхъ комнатъ; рѣшетки въ окнахъ состоятъ изъ деревянныхъ колонокъ. Скульптура средняго царства также выше прежней; фигуры на барельефахъ правильнѣе, отчетливѣе и нѣжнѣе. Изображенный здѣсь бытъ также представляетъ значительное развитіе. Земледѣліе и винодѣліе берутъ верхъ надъ скотоводствомъ. Развивается промышленность: подлѣ каменьщиковъ, плотниковъ и горшечниковъ являются мебельщики, стекольщики, кожевники, сапожники, булочники, цирюльники; прекрасно прядутъ ленъ и ткутъ матеріи. Эти произведенія уже идутъ за-границу—въ Аравію и Эѳіопію. Развилась и письменность: тогда началось священное писаніе египтянъ—*Книга Мертвыхъ*. Вообще тогда образовалась та египетская мудрость, которую такъ прославляли потомъ греки и евреи: съ тѣхъ поръ египтяне не сдѣлали ни шагу впередъ въ своемъ умственномъ развитіи. Не мемфисскій, а *ѳивскій Египетъ имѣлъ вліяніе на будущность человѣчества*. Въ одномъ только среднее царство ниже древняго: угнетеніе *крестьянъ* усилилось и явились черные „рабы“. Баринъ сталъ болѣе могущественнымъ и жестокимъ: никогда аристократизмъ не развивался до такой степени въ Египтѣ. Сохранилась печальная пѣсня рабочаго, гдѣ тепло описано его горе. Хорошо было только „писцу“, ученому человѣку: онъ могъ стать жрецомъ и правителемъ провинціи.

Портреты гиксовъ на сфинксахъ.

§ 9. **Гиксы.** Угнетенный народъ не могъ дать отпора внезапному нашествію чужестранцевъ. Около 2.300 г. изъ-за Евфрата пришли въ Палестину евреи съ Авраамомъ (§ 26). Они вытѣснили жившихъ тамъ кушитовъ и вмѣстѣ съ ними нахлынули на Египетъ и опустошили его сѣверную часть. Здѣсь они господствовали лѣтъ 500, подъ именемъ *гиксовъ*—„царей-пастырей“. Отъ того времени почти не сохранилось памятниковъ. Впрочемъ гиксы, какъ необразованные кочевники, подчинились цивилизаціи египтянъ: ихъ бытъ, описанный въ Библіи, чисто египетскій. Но египтяне презирали своихъ

поработителей, и гиксы жили особнякомъ въ своихъ шатрахъ, вокругъ крѣпости *Таниса* (греч. Аварисъ); въ остальномъ Египтѣ стояли только гарнизоны гиксовъ, а правленіе принадлежало мѣстнымъ аристократамъ. Чтобы укрѣпить свое шаткое господство, гиксы вступали въ союзы съ сирійскими семитами. Послѣдніе переселялись къ нимъ цѣлыми родами; *Іосифъ* получилъ даже управленіе Египтомъ отъ фараона *Апапи*. Но это окончательно раздражило патріотизмъ египтянъ. Вскорѣ послѣ Іосифа (около 1700 г.) вспыхнуло возстаніе, подготовленное въ Ѳивахъ, гдѣ сохранилась отрасль національной династіи. Гиксы были частью истреблены, частью изгнаны въ Палестину или же обращены въ рабство: у обитателей восточной части Нижняго Египта до сихъ поръ сохранились еврейскія черты. Возвратившіеся гиксы разсѣяли на своей родинѣ сѣмена египетской цивилизаціи: въ то время возникла финикійская азбука. Съ своей стороны, гиксы доставили Египту коня и *свинью*, которая вытѣснила антилопу. Впрочемъ, по египетской религіи, свинья считалась нечистымъ животнымъ, и ее разводили только въ Дельтѣ для семитовъ. *Лошадь* приручена впервые туранцами и арійцами у Гинду-Куша; отсюда она перешла къ семитамъ. Въ Египтѣ лошадь быстро развилась до совершенной породы, которую покупали евреи. Египтяне сначала пахали ею, потомъ запрягали ее въ военныя колесницы, которыя они заимствовали у ассирійцевъ.

§ 10. **Новое царство.** Послѣ гиксовъ начался третій періодъ египетской исторіи—*новое царство*. Оно прославлено *18 и 19-ю* династіями. Его столица, *Ѳивы*, раскинулась тогда на 100 верстъ: теперь на ихъ развалинахъ лежатъ 4 деревни, въ томъ числѣ Луксоръ и Карнакъ. Въ нихъ было много пятиэтажныхъ домовъ, заводовъ, мастерскихъ, а также „священныхъ аллей и царскихъ путей“, состоявшихъ изъ ряда статуй, сфинксовъ и обелисковъ. Отсюда развозили великолѣпныя издѣлія изъ полотна, стекла, глины и рѣзныхъ камней, доходившія до Вавилона, Индіи и острововъ Средиземнаго моря. Новое царство особенно прославилось своимъ искусствомъ. Карнакъ и Луксоръ—цѣлые художественные музеи. Здѣсь преобладаютъ *дворцы въ соединеніи съ храмами*: это—масса зданій, расположенныхъ безъ всякой симметріи, потому что новыя сооруженія пристраивались къ старымъ. У входа въ храмъ всегда строили два огромныхъ пилона. Храмъ состоялъ изъ паперти—залы съ цѣлымъ лѣсомъ высочайшихъ въ мірѣ колоннъ, до 10 саж. вышины—корабля (нефъ, средняя часть храма) и святилища — алтаря со статуей божества за занавѣсомъ; подлѣ расположены комнаты для жрецовъ и лѣстницы на каменную крышу; оконъ не было. Возникла и новая скульптурная форма—колоссальныя *статуи* фараоновъ, изъ которыхъ особенно любопытна Мемнонова, издававшая печальные звуки при восходѣ солнца. Вообще искусство новаго

царства представляетъ высшую степень развитія всего египетскаго художества. Оно напоминаетъ Грецію по своей правильности и нѣжной граціи. Ему недостаетъ только жизни, разнообразія: египетскіе художники работали по даннымъ жрецами образцамъ, которые не измѣнялись.

§ 11. **Таут-месъ III.** Къ 18 династіи принадлежалъ *Таут-месъ III* (около 1600 г.), важнѣйшій изъ всѣхъ фараоновъ: египтяне причислили его къ богамъ и носили талисманы съ его именемъ. Онъ построилъ главные памятники (карнакскій храмъ) и прославился побѣдами. Въ малолѣтство Таут-меса управляла его сестра, *Гат-шепу*, умная и воинственная женщина, которая изображала себя на памятникахъ съ бородой. Она лично побѣдила безобразную, старую царицу южной Аравіи, откуда получались пахучія растенія, золото, жемчугъ и произведенія Индіи. Таут-месъ продолжалъ дѣло сестры. Это—фараонъ, который „утверждалъ свои границы, гдѣ ему было угодно“. Никогда Египетъ не былъ такъ обширенъ: ему принадлежали Эѳіопія съ ея блестящей столицей *Мероэ*, Аравія, вся Сирія, Финикія, Вавилонъ и Ассирія. У него были военные флоты, которые владѣли Краснымъ моремъ и завоевали почти весь восточный бассейнъ Средиземнаго моря. Таут-месъ особенно нападалъ на Азію, откуда можно было ожидать новаго нашествія гиксовъ. Ему легко было побѣждать: тогда между Средиземнымъ моремъ, Евфратомъ и Тавромъ жило много необразованныхъ народцевъ семитскаго племени, враждовавшихъ между собой. То *рутены* (егип. названіе арамеевъ, § 26) цивилизовались подъ вліяніемъ Вавилона: у нихъ были богатые города (Дамаскъ), обширная торговля, письменность. Самыми воинственными изъ нихъ были *хеты* (хититы), жившіе отъ устьевъ Оронта до Евфрата; столицей ихъ была сильная и многолюдная крѣпость *Кадешъ*. Но если египтянамъ легко было побѣждать разъединенные народцы, зато трудно было удерживать ихъ въ повиновеніи: они вѣчно возставали и находились лишь въ вассальныхъ отношеніяхъ къ фараонамъ, сохраняя собственныхъ царьковъ, дѣти которыхъ жили заложниками въ Ѳивахъ. Отсюда ожесточенность войнъ: египтяне избивали плѣнниковъ, переселяли къ себѣ въ рабство цѣлые роды, сожигали города съ ихъ жителями, опустошали поля.

§ 12. **Рамессу II.** Послѣ Таут-меса III въ Египтѣ были большіе безпорядки, которыми воспользовались враги. Хеты образовали великую державу, завоевавъ почти всю Малую Азію и Сирію. Борьба съ ними наполняетъ царствованіе важнаго фараона *19-й* династіи, *Рамессу II* (греч. Сезострисъ, около 1400 г.). Народное преданіе избрало Рамессу своимъ героемъ и приписало ему всѣ завоеванія предковъ. Придворный поэтъ, *Пен-та-уръ*, воспѣлъ его

подвиги въ поэмѣ. Онъ разсказываетъ, какъ Рамессу, съ горстью тѣлохранителей, наткнулся на армію хетовъ. Полководцы совѣтовали ему отступать, пока не подоспѣетъ египетское войско; но 23-лѣтній „сынъ солнца, уподобляясь богу, возсталъ въ полнотѣ своихъ силъ и взялъ на себя честь боя. Весь покрытый оружіемъ, онъ походилъ на Баала (§ 36) въ мгновенье его могущества. Онъ врубился съ своею колесницей въ толпу жалкихъ хетовъ; онъ былъ одинъ-одинешенекъ. Его окружили 2,500 колесницъ; самые быстрые воины жалкихъ хетовъ и ихъ союзниковъ загородили ему дорогу. На каждой колесницѣ было по три человѣка". Герой взмолился богу Амуну: „Мои стрѣлки и колесницы покинули меня; нѣтъ никого подлѣ меня для боя. Чего же восхотѣлъ ты, отче Амуне? Не по твоему-ли велѣнью вышелъ я въ поле? Не твои ли словеса направляли мой путь? Или не задавалъ я роскошныхъ пировъ въ честь тебя, не наполнялъ твоихъ обителей моей добычей? Вѣдь, я принесъ тебѣ въ жертву 30,000 воловъ. Я воздвигъ тебѣ храмъ изъ плитняка и срубилъ для него вѣковыя деревья. Я поставилъ обелиски въ Элефантинѣ (§ 8). Взываю къ тебѣ, отче мой! Для меня Амунъ важнѣе милліардовъ стрѣлковъ, милліоновъ колесницъ, міріадъ юныхъ героевъ. Людскіе замыслы ничто: захочетъ Амунъ, и они разсѣются". Амунъ отвѣчалъ: „Я съ тобой; я—твой отецъ, богъ солнца. Моя десница при тебѣ; она сильнѣе милліоновъ людей. Я — владыка полчищъ, и любо мнѣ мужество: вижу, рдо твое сердце, и мое сердце ликуетъ. Исполнится воля моя". Рамессу ринулся въ бой, „словно волъ, несущійся на гусей, или ястребъ, устремляющійся на добычу". Онъ самъ говоритъ: „сталъ я посреди ихъ 2,500 колесницъ—и разсыпались они передъ моими конями; въ груди у нихъ задрожали сердца, и онѣмѣли ихъ члены; они не могли ни пустить стрѣлы, ни удержать копья въ рукахъ; по моему мановенію, они попрыгали въ воду, какъ крокодилы; въ смятеніи они навалились другъ на друга и сами себя передавили". Фараону помогалъ только „большой левъ, ходившій за царскими конями". Враги превратились „въ груду мяса, плававшаго въ крови", и ихъ царь умолялъ Рамессу „даровать ему дыханіе жизни". Герой возвратился домой и „въ двойныхъ царскихъ пилонахъ погрузился въ счастливую жизнь, какъ солнце въ своей обители". Преданіе прибавляетъ, что непобѣдимый Рамессу доходилъ до Ганга, Колхиды (Грузіи), Дона и Ѳракіи. На дѣлѣ же онъ только оборонялся и съ трудомъ сохранялъ прежнія границы Египта, тѣмъ болѣе что къ западу отъ Дельты появился новый врагъ: туда прикочевали по Средиземному морю голубоглазые арійцы, именно пелазги, которыхъ египтяне называли *лебу* (ли війцами). Преданіе изображаетъ также Рамессу добрымъ и мудрымъ; но это былъ жестокій деспотъ.

У него было 170 дѣтей и огромный гаремъ. Желая прославиться одинъ, онъ выскребалъ имена прежнихъ фараоновъ на памятникахъ и замѣнялъ ихъ своими. Рамессу мучилъ народъ громадными сооруженіями, особенно прорытіемъ канала между Ниломъ и Краснымъ моремъ. Онъ часто ходилъ въ Эѳіопію охотиться на черныхъ и переселялъ ихъ массами въ Азію, а на ихъ мѣсто пригонялъ сирійцевъ. Онъ же, испугавшись размноженія евреевъ, велѣлъ избить у нихъ младенцевъ мужескаго пола, слѣдствіемъ чего былъ „исходъ“ евреевъ изъ Египта, съ Моисеемъ во главѣ, при преемникѣ Рамессу (около 1350 г.). Вотъ что писалъ о *крестьянахъ* библіотекарь Рамессу своему ученику, поэту Пен-та-уру: „Представь себѣ положеніе земледѣльца! На поляхъ масса мышей, саранчи и звѣрей; воробьи обсѣдаютъ снопы. Запоздай онъ съ жатвой, и нахлынутъ воры. А лошадка у него околѣваетъ подъ страшно нагруженной телѣгой. Затѣмъ является сборщикъ податей, а за нимъ сыщики съ палками и негры съ пальмовыми розгами. Всѣ кричатъ: „подавай хлѣбъ!“ А, вѣдь, онъ не въ силахъ противиться ихъ вымогательствамъ. Потомъ, глядишь, бѣднягу хватаютъ, вяжутъ и тащатъ работать на каналѣ; вяжутъ и его жену; дѣтишки остаются обобранными дочиста“. Никто не могъ защитить крестьянина: даже помѣщикъ сталъ слугой фараона. Военная аристократія пала, и государствомъ управляли чиновники, наперсники деспота, которыхъ называли „писцами“. Деспотизмъ Рамессу, царствовавшаго около 70 лѣтъ, убилъ даже искусство, паденіе котораго видно въ роскошномъ святилищѣ—*Рамессеѣ* (близъ Ѳивъ): памятники стали громадны, но безобразны и совсѣмъ безжизненны.

Египетскій писецъ.

§ 13. **Государство и общество**. При 19-й династіи прекращается развитіе египетской цивилизаціи, которая представляетъ слѣдующія главныя черты. Египетское государство было основано на *деспотизмѣ*. Египтяне обоготворяли царя. Слово „фараонъ“ означало: „сынъ бога Ра“. Фараонъ считался „лучезарнымъ солнцемъ“, а его жена—„богиней Изидой, владычицей вселенной“. Царица вообще почиталась наравнѣ съ царемъ и могла управлять государствомъ. У фараоновъ были собственные храмы, гдѣ приносились жертвы передъ ихъ статуями. „Фараонъ никогда не умираетъ“, говорили египтяне, и число ихъ боговъ увеличивалось со смертью каждаго царя. Во дворцѣ господствовала необыкновенная роскошь. Казна была богата: фараону принадлежала цѣлая треть египетской земли,

которую онъ отдавалъ въ аренду за высокую плату; сверхъ того онъ собиралъ большія дани. Но не легка была жизнь фараона. Она подчинялась строгому церемоніалу, древнимъ правиламъ. Фараонъ вставалъ, обѣдалъ, купался, ложился спать всегда одинаково, какъ бы совершая обрядъ; онъ даже не смѣлъ ничего ѣсть, кромѣ телятины и гуся. Подлѣ фараона стояло *военное* сословіе—помѣщики. Они составляли многочисленное чиновничество, которое управляло страной по приказаніямъ фараона. Одни изъ нихъ жили во дворцѣ, напоминая министровъ: они назывались царскими „писцами“ и составляли указы; другіе управляли 36-ю „номами“ (провинціями) въ качествѣ намѣстниковъ. Намѣстникъ проживалъ въ городѣ, гдѣ помѣщался соборъ главнаго изъ мѣстныхъ божествъ. Первою его заботой было собирать побольше даней, которыя платились произведеніями земли, такъ какъ монетъ не было (изрѣдка употреблялись слитки золота). Остальные помѣщики (до полмилліона) занимали военныя должности, къ которымъ готовились въ школахъ, такъ какъ военное искусство было довольно развито: у египтянъ были крѣпости, колесницы, осадные снаряды и хорошее вооруженіе (стрѣла, копье, кривой ножъ, щитъ и шлемъ), которое выдавалось изъ оружейныхъ фараона. Воинамъ вообще не платили жалованья; но они владѣли третью земли съ крестьянами, которыми распоряжались, какъ царьки. Помѣщики давали фараону часть своихъ доходовъ и были обязаны выходить на войну вмѣстѣ съ своими крестьянами. Воинамъ давалось жалованье (хлѣбомъ, мясомъ и виномъ) только тогда, когда они попадали въ тѣлохранители фараона; эту службу они отбывали поочередно, по 1,000 человѣкъ въ годъ. Помѣщики же занимались торговлей и промыслами, употребляя для этого своихъ крестьянъ. Воины раздѣляли власть и богатство съ *жрецами*. Жрецы владѣли остальною третью земли, которая была приписана къ храмамъ. Кромѣ того имъ доставались приношенія благочестивыхъ прихожанъ и ежедневныя жертвы. Наконецъ они были судьями, и за это получали особое жалованье. Но жрецы точно также были подчинены обрядамъ, какъ фараоны. Они были обязаны брить голову и брови черезъ каждые два дня, купаться два раза въ сутки, поститься; имъ не дозволялось ѣсть рыбу и свинину, а также носить что-либо, кромѣ холщеваго халата и папирусныхъ сандалій; имъ запрещалось *многоженство*, которое господствовало у остальныхъ египтянъ. Жены и дочери жрецовъ прислуживали въ храмахъ, но не могли быть жрицами. Воины и жрецы жили замкнуто. Еще между собою они иногда вступали въ брачныя связи, но на *крестьянъ* они смотрѣли, какъ на рабовъ или животныхъ. Крестьяне были лишены всякихъ правъ, даже земли и имущества; ихъ продавали, перегоняли съ мѣста на мѣсто, били, какъ скотъ.

§ 14. **Письменность.** Воины и жрецы, угнетавшіе народъ, боро-

лись между собой изъ-за власти. Послѣ Рамессу II жрецы захватили въ свои руки все управленіе страной, потому что они владѣли образованіемъ—религіей, наукой и искусствомъ. Уже при Рамессу искусство вполнѣ подчинилось предписаніямъ жрецовъ; то же произошло съ письменностью. Египетская письменность довольно обширна и разнообразна; у нея былъ даже свой богъ—*Тотъ*, „предсѣдатель книжныхъ залъ", т. е. библіотекъ, которыхъ было много при храмахъ. Но все это—духовная письменность, доступная однимъ жрецамъ. Она состояла изъ 42 „священныхъ книгъ"; главною изъ нихъ была *Книга Мертвыхъ* (§ 8), которую клали въ каждый гробъ: въ ней были разсказы о замогильной жизни и молитвы о спасеніи души. Въ священныхъ книгахъ заключалась и вся наука египтянъ—свѣдѣнія изъ астрономіи, медицины и географіи. Уже въ древнемъ царствѣ египтяне замѣтили, что есть планеты и неподвижныя звѣзды. Они записывали высоту звѣздъ, особенно наблюдали за Сотисомъ (Сиріусомъ), съ которымъ были связаны разливы Нила. Когда Сотисъ достигалъ высшей точки на небѣ, тогда начинался египетскій годъ, который дѣлился на 12 мѣсяцевъ, а мѣсяцъ—на 3 части, день же—на 12 часовъ; каждый годъ присчитывали по 5 добавочныхъ дней. Но египтяне думали, что неподвижныя звѣзды — лампы, привѣшанныя къ небесному своду и каждый вечеръ зажигаемыя богомъ; планеты же казались имъ духами, которые плывутъ (въ видѣ людей или животныхъ) на золотыхъ баркахъ, а небо представлялось жидкою массой, лежащею на твердой атмосферѣ. Египетскіе врачи славились даже въ Азіи: они знакомились съ внутреннимъ устройствомъ человѣка, благодаря бальзамировкѣ труповъ. Врачи употребляли мази, микстуры, горчишники; въ особенности любили слабительное и рвотное, которыя прописывали разъ въ мѣсяцъ даже здоровымъ. Были врачи для каждой болѣзни; въ особенности же искусно лѣчили глазныя болѣзни, наиболѣе распространенныя въ Египтѣ. Но врачи занимались также изгнаніемъ злыхъ духовъ посредствомъ заклинаній и ворожбы. Тяжела была обязанность врачей. Они не смѣли отступать отъ древнихъ предписаній жрецовъ; если умиралъ больной, врача преслѣдовали, какъ убійцу. Свѣтская письменность была ничтожна. Сюда относятся нѣкоторыя поэмы (§ 12) и частныя письма. Сохранились два сатирическихъ папируса съ карикатурами, гдѣ осмѣяно правленіе фараоновъ 20-й династіи. Здѣсь левъ изображаетъ фараона, газели—его женъ, лисицы—царедворцевъ, борьба мышей и кошекъ—войну.

§ 15. **Религія.** Египтяне были необыкновенно религіозный народъ: они всюду видѣли боговъ; даже свѣтская письменность и искусство отличались у нихъ церковнымъ характеромъ. По ихъ понятіямъ, сначала былъ предвѣчный хаосъ въ видѣ безбрежнаго океана, на днѣ котораго лежали сѣмена всего на свѣтѣ. Прежде всего изъ

океана выдѣлились боги, которые сотворили все остальное. Ихъ множество, потому что они принимали разный видъ и разныя названія въ различныхъ мѣстахъ. Но главный богъ былъ одинъ и тотъ же, только подъ разными именами. Это — солнце, которое въ Верхнемъ Египтѣ называлось *Ра* (Фра) или *Амунъ*, въ Среднемъ—*Фта*, въ Нижнемъ — *Озирисъ*. Ему былъ посвященъ быкъ *Апи*, который потомъ самъ сталъ богомъ. Ра, „отецъ боговъ и людей", изображался въ видѣ краснаго ребенка на груди у матери, одѣтой въ голубое платье со звѣздами. Онъ плыветъ, въ видѣ круга, на золотой ладьѣ на западъ и проѣзжаетъ 12 воротъ. Его окружаетъ цѣлая армія мелкихъ боговъ причудливыхъ формъ: одни изъ нихъ гребутъ, другіе управляютъ рулемъ; одинъ стоитъ на носу съ поднятымъ копьемъ, выслѣживая врага, *Апапа*, „который оскорбилъ дочь Солнца, священную кошку". Апапъ—мрачный змѣй, залегающій дорогу: это—царь „мятежныхъ сыновей", т.-е. ночи и зла. Свѣтлая сила побѣждаетъ зло, но не уничтожаетъ его, и борьба возобновляется каждый день. Мелкіе боги стаскиваютъ Апапа съ дороги арканомъ; но Ра затмѣвается и уже невидимо плыветъ гдѣ-то въ преисподней, откуда боги вытаскиваютъ его ладью веревками утреннею зарей. Религіозныя понятія египтянъ яснѣе всего выразились въ позднѣйшемъ миѳѣ объ *Озирисѣ*, *Изидѣ* и *Тифонѣ*, который одинаково почитался во всей странѣ. Озирисъ—тотъ же Ра, только невидимый, ночной, живущій въ подземномъ мірѣ; это—богъ добра и цивилизаціи попреимуществу. У Озириса былъ коварный братъ, Тифонъ, отъ котораго пошло все зло на землѣ. Онъ убилъ Озириса и разбросалъ его члены по свѣту. Жена Озириса, Изида, обрѣзала себѣ волосы, надѣла трауръ и, горько плача, пошла собирать тѣло мужа: гдѣ ни подниметъ она часть его, тамъ воздвигается храмъ Озирису, а люди научаются всему доброму, и къ нимъ приходитъ счастье. Озирисъ переселился царствовать въ преисподнюю, а на землю прислалъ своего вѣчно юнаго сына, *Гора*. Горъ изловилъ Тифона, заковалъ его въ цѣпи и привелъ къ Изидѣ. Добрая богиня даровала жизнь злодѣю, снабдивъ его ослиными ушами и чернымъ цвѣтомъ кожи. Изъ этого миоа ясно понятіе египтянъ о *безсмертіи души*. Рожденіе и смерть человѣка — все равно, что восходъ и закатъ солнца. Какъ Озирисъ безсмертенъ, такъ и душа покойника погружалась въ ночь съ тѣмъ, чтобы потомъ возродиться, подобно Гору: покойника даже называли въ молитвахъ и на памятникахъ „Озирисъ *такой-то*". Къ Озирису же отправлялась всякая душа на лодочкѣ по небесной лазури. Въ преддверіи преисподней ее встрѣчало чудовище съ раскрытой пастью. Въ первой залѣ засѣдали 42 судьи (по числу смертныхъ грѣховъ), во главѣ ихъ Озирисъ, тронъ котораго обтекаетъ „вода жизни" съ плавающими на ней

цвѣтками лотоса. „Сердце“ (совѣсть) покойника уличало его въ грѣхахъ: его взвѣшивали, а Тотъ записывалъ вѣсъ. Грѣшныя души отсылались въ адъ, гдѣ онѣ томились въ 75 отдѣленіяхъ; демоны рѣзали и жарили ихъ; онѣ бродили толпами, безъ головъ, таща за собой собственныя истерзанныя сердца. Потомъ онѣ должны были еще цѣлыя тысячелѣтія томиться на землѣ, переселяясь въ тѣла поганыхъ животныхъ. Наконецъ душа должна была снова войти въ свое тѣло: отсюда заботы египтянъ о сохраненіи труповъ, вызвавшія *бальзамировку*, или приготовленіе *мумій*, а также прочныхъ могилъ и каменныхъ саркофаговъ. „Наши дома — гостиницы, говорили египтяне, а наши могилы — вѣчные дома“. Душу праведника боги окропляли живою водой. Она невредимо миновала ужасы ада и достигала полей Солнца на востокѣ, гдѣ пожинала готовые колосья, срывала плоды и цвѣты, гуляла по тѣнистымъ аллеямъ, нѣжилась въ прохладныхъ прудахъ. Здѣсь же она сливалась наконецъ съ Озирисомъ. Египтяне посвящали каждому божеству какое-нибудь *животное*, которое становилось его аттрибутомъ (принадлежностью) и даже употреблялось въ его изображеніяхъ, какъ его символъ: такъ Горъ изображался то человѣкомъ, то копчикомъ; иногда это — человѣкъ съ головой копчика или копчикъ съ головой человѣка. Народъ считалъ самихъ животныхъ богами, впадая въ фетишизмъ (введ. § 6). Такимъ святынямъ, какъ волъ, кошка, копчикъ, жукъ, строили дорогія жилища и храмы. Ихъ мыли и умащали, обвѣшивали ожерельями и браслетами; передъ ними курили ѳиміамъ. Цѣлыя земли съ крестьянами отводились на ихъ прокормленіе; иной богачъ ради спасенія души убивалъ все свое состояніе на погребеніе жука. Наткнется-ли египтянинъ на трупъ собаки — онъ рыдаетъ, рветъ на себѣ волосы, бѣжитъ отъ самого себя; убьетъ-ли онъ нечаянно копчика —его казнятъ смертью; случится-ли пожаръ—погибай все, даже дѣти, а ужъ кошекъ спасутъ. Особенно почиталась пиголица, греч. *Феникс*: египтяне вѣрили, что она прилетала черезъ каждыя 500 лѣтъ съ запада и садилась на храмъ Солнца, гдѣ сама сожигала себя на пахучемъ кострѣ, затѣмъ воскресала изъ пепла молодою и улетала на востокъ. Поклоненіе животнымъ также отличалось мѣстнымъ характеромъ: въ одномъ городѣ молились крокодиламъ, въ другомъ—ихъ истребляли. Только одно животное почиталось вездѣ: это—быкъ *Гапи*, „Душа Озириса“, сынъ солнечнаго луча. Онъ былъ чернаго цвѣта, съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу. Его главное святилище находилось въ Мемфисѣ, гдѣ онъ давалъ прорицанія. Когда Гапи достигалъ 25-лѣтняго возраста, жрецы топили его въ священномъ бассейнѣ—и онъ становился Озирисомъ (Озар-гапи, отсюда греч. Серапись). Его муміи молились. При смерти Гапи всѣ плакали и истязали себя: жизнь останавливалась на два мѣсяца, пока не находили ему преемника. Потомъ

наступали дни столь же неистоваго веселья въ честь новаго Гапи. Вообще въ богослуженіи египтянъ, какъ у всѣхъ кушитовъ, мы видимъ чувственность и переходы отъ крайняго аскетизма къ крайней распущенности. При этомъ женщины играли важную роль, особенно въ „праздникъ свѣтильниковъ“, когда, по ночамъ, Египетъ покрывался огнями: то было торжество богини *Нитъ*, „божественной коровы и Матери-Сырой-Земли“, которая изображалась зеленою, со стебелькомъ въ рукѣ.

§ 16. **Эѳіопы и ассирійцы.** Послѣ Рамессу II Египетъ существовалъ еще около тысячи лѣтъ, но въ его жизни не было ничего новаго и важнаго, кромѣ царствованія *Рамессу III* (20-й династіи). Этотъ фараонъ напоминалъ Рамессу II. Онъ успѣшно воевалъ въ Сиріи и задержалъ нападеніе арійцевъ: его флотъ достигалъ Греціи и Киликіи. Онъ былъ такъ жестокъ, что противъ него возстали собственныя жены, которыя были казнены вмѣстѣ съ судьями, милостиво судившими ихъ. Съ Рамессу III начинается точная хронологія Египта: на одномъ изъ его памятниковъ обозначено астрономическое явленіе, по которому ученые вычислили, что его правленіе началось въ 1311 г. Послѣ Рамессу III идетъ паденіе Египта, уже ослабленнаго исходомъ евреевъ (§ 12), который лишилъ его трехъ милліоновъ полезныхъ работниковъ. Съ запада и съ моря все сильнѣе вторгались лебу, опустошая страну хуже гиксовъ: они двигались толпами, съ семьями, на телѣгахъ, запряженныхъ волами; вещи и оружіе были у нихъ бронзовыя. Въ то же время на востокѣ возникли двѣ великія державы—Ассирія и Израиль. Въ самомъ же Египтѣ господствовали междоусобія: жрецы отняли власть у фараоновъ—и Египетъ сталъ распадаться на части. *Эѳіопія* образовала сильное государство съ египетскою цивилизаціей: столица его, *Мероэ*, поражала грековъ блескомъ этой цивилизаціи и своимъ крайне религіознымъ характеромъ. Греки думали даже, что египетская исторія началась съ Мероэ; сами египтяне иногда почитали Мероэ больше своихъ Ѳивъ. Впрочемъ искусство Эѳіопіи ниже египетскаго: въ немъ грубыя черты и возвращеніе къ старинѣ; эѳіопскіе цари даже погребались въ пирамидахъ, что̀ дѣлали только древнѣйшіе фараоны. Остальныя египетскія провинціи и даже города стремились къ независимости. Однажды было разомъ до 20 царьковъ, которые не признавали фараона, жившаго въ Дельтѣ, въ *Саисѣ*, гдѣ его поддерживали ливійскіе воины, составлявшіе цвѣтъ египетской арміи. Эти царьки, враждуя между собой и съ фараонами, призывали къ себѣ на помощь то *эѳіоповъ*, то *ассирійцевъ*, которые, пользуясь этимъ, подчиняли себѣ Египетъ. Эѳіопскій царь *Шабака* (около 700 года) дошелъ до Саиса и сжегъ фараона; но потомство послѣдняго скрылось среди болотъ Дельты. Эѳіопы владѣли Египтомъ лѣтъ 50. Какъ ни угождали они народу, поправляя каналы и храмы, даже отмѣнивъ смертную казнь, египтяне ненавидѣли ихъ, какъ иностранцевъ. Не-

удачныя войны съ ассирійцами, которые уже захватили тогда всю Сирію и Палестину, погубили ихъ. Ассирійскіе цари, въ особенности *Ассурбан-абалъ* (около 650 года), отомстили Египту за подвиги Таутмеса III (§ 11): они опустошили Мемфисъ и Ѳивы, увели ихъ населеніе въ Азію, перевезли въ Нинивію ихъ сокровища и два обелиска. Ассирійцы раздѣлили Египетъ на 12 частей, поручивъ управленіе ими мѣстнымъ царькамъ.

§ 17. **Додекархія. Псаметихъ.** *Додекархія* (погречески „правленіе 12-ти“) продолжалась лѣтъ 15. Среди додекарховъ находился *Псаметихъ*, потомокъ фараона, сожженнаго Шабакой. Египтяне любили потомство этого фараона, какъ послѣдній отпрыскъ національныхъ династій. Они разсказывали, какъ оно странствовало по болотамъ Дельты, укрываясь отъ иноземцевъ, пока не утвердилось въ Саисѣ. Только его египтяне считали своею династіей: эѳіопскіе и ассирійскіе цари казались имъ самозванцами; даже въ ассирійскихъ надписяхъ саисскіе правители называются „фараонами“, а эѳіопскіе цари „султанами“, т.-е. временными господами. Саисскіе правители все усиливались: они вели искусную политику, склоняясь то къ эѳіопамъ, то къ ассирійцамъ и опираясь на жрецовъ. Красивый, хитрый и честолюбивый *Псаметихъ* особенно подѣйствовалъ на народъ сценой, которую онъ устроилъ въ союзѣ съ главнымъ жрецомъ. Однажды додекархи собрались для жертвоприношеній; а оракулъ предсказалъ, что тотъ завладѣетъ всѣмъ Египтомъ, кто совершитъ возліяніе богамъ изъ мѣдной чаши. Жрецъ, какъ бы по разсѣянности, принесъ только 11 храмовыхъ (золотыхъ) чашъ. Тогда Псаметихъ снялъ свой мѣдный шлемъ и изъ него совершилъ возліяніе. Затѣмъ оракулъ возвѣстилъ ему, что онъ побѣдитъ додекарховъ съ помощью бронзовыхъ людей, вышедшихъ изъ моря. Эти люди были греки, прибывшіе къ устью Нила. Съ ихъ помощью Псаметихъ уничтожилъ своихъ товарищей и основалъ единодержавную саисскую (26-ю) династію. Время этой династіи (около 125 лѣтъ) было послѣднимъ проблескомъ славы Египта. Псаметихъ неутомимо работалъ надъ возстановленіемъ опустошенной страны, возобновляя каналы, храмы, дороги, города. Египетское искусство достигло при немъ высокаго развитія: оно приняло отпечатокъ нѣжности, тонкости и идеальной чистоты. Псаметихъ ввелъ также умную политику, въ виду трехъ сильныхъ сосѣдей—эѳіоповъ, ассирійцевъ и грековъ, основавшихъ тогда царство *Кирену*: онъ покупалъ у нихъ миръ золотомъ и не увлекался завоеваніями. Съ Псаметиха начинается *европейскій* періодъ въ цивилизаціи Египта. Онъ оцѣнилъ даровитыхъ арійцевъ и опирался на нихъ противъ семитовъ, черезчуръ размножившихся въ Дельтѣ. Онъ сдѣлалъ ихъ своими тѣлохранителями, далъ имъ лучшія должности, подарилъ имъ земли, отдавалъ имъ египетскихъ дѣтей для обученія греческому языку и торговлѣ. Греки, съ своей стороны, были очарованы древностью и высотой египетской цивилизаціи. Они сочи-

нили, будто египтяне Данай и Кекропсъ переселились къ нимъ, въ Грецію, и будто боги Эллады также вышли изъ Египта; долго *Египетъ былъ школою для лучшихъ умовъ Греціи.* Египтяне же отвѣчали грекамъ презрѣніемъ. Они смотрѣли на нихъ, какъ на нечестивыхъ неучей. Цѣлая армія (болѣе 200.000) ушла въ Мероэ, покинувъ свои семьи, обиженная предпочтеніемъ греческихъ воиновъ.

§ 18. **Нехо и персы.** Сынъ Псаметиха, *Нехо*, совсѣмъ не походилъ на египтянина. Подобно грекамъ, онъ былъ очень живъ, любознателенъ и заботился о торговлѣ. Онъ устроилъ большой флотъ изъ греческихъ и финикійскихъ судовъ. Чтобы расширить торговыя сношенія, Нехо снарядилъ экспедицію, которая, выѣхавъ изъ Краснаго м., черезъ три года прибыла въ устья Нила: это первое *путешествіе вокругъ Африки* не повторялось до Васко-де-Гамы. Нехо хотѣлъ возстановить египетское могущество въ Азіи, воспользовавшись тѣмъ, что Ассирія пала тогда подъ ударами вавилонянъ. Онъ двинулся къ Евфрату съ прекрасною арміей, но вавилонскій царь Навуходоносоръ (по надписямъ Набу-кудур-уссуръ) разбилъ его наголову у Кархемыша (604). Это великое событіе произвело переворотъ въ судьбахъ Египта. Вскорѣ появился фараонъ небывалаго типа. *Амесъ* (греч. Амазисъ) даже по характеру былъ настоящій грекъ—веселый, изворотливый, гордый и щедрый. Онъ женился на гречанкѣ, посылалъ дары въ храмы Эллады, далъ грекамъ цѣлые города, разрѣшилъ имъ строить собственные храмы. Египетъ обогатился отъ сношеній съ греками; но народъ негодовалъ на иностранные нравы двора и не поднялся на его защиту, когда изъ Азіи явилась новая бѣда. Въ то время персы покорили всю Переднюю Азію, и ихъ царь, Камбизъ, разбилъ сына Нехо, *Псаметиха III* (525). Тогда весь Египетъ подчинился персамъ. Несмотря на два возстанія, персы владѣли Египтомъ 200 лѣтъ, пока ихъ не уничтожилъ Александръ Македонскій (332).

§ 19. **Значеніе Египта.** Египтяне—народъ даровитый и достойный уваженія. Они оказали успѣхи въ земледѣліи и промыслахъ, въ торговлѣ и военномъ дѣлѣ. Про ихъ художество говорятъ: „дайте движеніе этимъ скаламъ—и эллинское искусство останется позади". Прелесть его зависитъ оттого, что въ немъ замѣтна *гуманность*, которою отличаются также преданія и нравы египтянъ. Египтяне были образцомъ трудолюбія и кротости. У нихъ были высокія нравственныя заповѣди. Усопшій говоритъ въ „Книгѣ Мертвыхъ": „Я не богохульствовалъ и не обманывалъ боговъ въ жертвахъ, не лгалъ, не лицемѣрилъ. Я никого не убилъ и не тиранилъ. Никто не голодалъ и не плакалъ отъ меня. Не былъ я ни лѣнтяемъ, ни пьяницей, и не падалъ духомъ; не былъ я любопытенъ и болтливъ. Я не клеветалъ и не завидовалъ, не злословилъ и не шпіонилъ. Я не выгонялъ раба, не обсчитывалъ поденщика и не заставлялъ ихъ работать сверхъ силъ. Я

не поддѣлывалъ печатей и не обвѣшивалъ: мои руки чисты. Я не былъ ростовщикомъ, не обидѣлъ вдовы, не лишилъ молока груднаго ребенка. Я кормилъ голоднаго, поилъ жаждущаго, одѣвалъ нагаго". Духъ милосердія и справедливости отразился также въ положеніи *женщины*, которая была въ Египтѣ не рабой или вещью, а человѣкомъ, и могла даже управлять государствомъ. По внѣшности египтянинъ былъ человѣкомъ благовоспитаннымъ: онъ дорожилъ чистотой, опрятностью; его манеры и обращеніе были вѣжливы и мягки. Но египтяне остановились въ своемъ развитіи, достигнувъ высокой цивилизаціи въ отдаленное время: уже въ древнемъ царствѣ находилось все существенное, на что былъ способенъ этотъ народъ. Съ 12-й династіи до Александра Македонскаго, въ теченіе 3.000 лѣтъ, почти ничего не измѣнилось: египетскій языкъ *) въ 17 в. по Р. Х. напоминалъ языкъ 4-й династіи. У египтянъ идеалъ былъ назади: они старались сохранить старину, видя только въ ней свою національность; ихъ исторія представляется засохшею мумією. По этому *застою* древній Египетъ можно назвать Китаемъ бѣлой породы; у него даже была на Суэзскомъ перешейкѣ усѣянная крѣпостцами стѣна, отдѣлявшая его отъ остальнаго міра. Но то, чего египтяне достигли такъ рано, принесло большую пользу человѣчеству: они были *первыми учителями семитовъ и арійцевъ*; у нихъ сосредоточилось все, до чего могла развиться цивилизація хамитовъ, эта первая школа человѣчества.

б) Семитское племя.

§ 20. **Географическій очеркъ Азіи.** Послѣ хамитовъ въ исторіи выступаетъ вторая отрасль бѣлой породы—*семиты*. Они сосредоточивались въ Азіи. *Азія* поражаетъ величіемъ и разнообразіемъ своей природы. Горизонтально она тянется исполинскимъ горнымъ хребтомъ (10.000 верстъ длины), узломъ котораго служитъ снѣжный *Гинду-Кушъ*, раздѣляющій Азію на восточную и западную, или на *Заднюю и Переднюю*. Къ востоку отъ Гинду-Куша идетъ высочайшая въ мірѣ *Гималайя*, или „поднебесная" гряда, съ вершиной *Эверестомъ*; къ западу главный хребетъ тянется подъ именемъ *Паропамиза* и *Эльбурса* къ новому узлу—къ *Арменіи*, которая служитъ основаніемъ для *Арарата*. Отрогами Арменіи должно считать двѣ цѣпи горъ: *Тавръ*, доходящій до Кипра, и *Антитавръ*, кончающійся Идой. Исторія семитовъ сосредоточивается въ юго-западной Азіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ 5 плоскогорій и 5 низменностей. Между Гималайей и хребтомъ Виндьей лежатъ благодатныя долины Ганга и Инда, или *Индостанская* низменность. Къ

*) Древне-египетскій языкъ сохранился, съ небольшими измѣненіями, въ языкѣ *коптскомъ*, который образовался ок. Р. Х. и пользовался греческимъ алфавитомъ. Въ 17 в. коптскій языкъ былъ смѣненъ арабскимъ; онъ сохранился только въ богослуженіи египетскихъ христіанъ.

западу отъ нея подымается *Иранское* плоскогорье, замкнутое близъ Тигра хребтомъ Загромъ. Загръ теряется въ *Армянскомъ* плоскогорьѣ, этой „Швейцаріи Западной Азіи", созданной вулканическими силами. Рядомъ съ нею возвышается Анатолійское, или *Левантское*, плоскогорье („страна восхода солнца"), иначе — полуостровъ *Малая Азія*, названный такъ въ отличіе отъ остальной, *Великой Азіи*. Это — также царство вулканическихъ силъ. Анатолія почти пустыня; зато террасы, ниспадающія къ морю, своей благодатной почтой вызвали къ жизни знаменитыя греческія колоніи и Лидійское царство. Изъ Анатоліи таврскія ущелья ведутъ въ *Сирійское* плоскогорье. Это — собственно сѣверо-западная Сирія, еврейскій Арамъ, пустынная страна, усѣянная пещерами. Она прорѣзана отрогами Тавра, *Ливаномъ* и *Антиливаномъ*, среди которыхъ красуется прелестный оазисъ — „око Востока", или „рай Божій", *Дамаскъ*. Въ двухъ мѣстахъ она стремительно спускается въ прекрасныя низменности: одна изъ нихъ — *Палестина*, другая — *Целе-Сирія* (Полая Сирія), или долина Оронта, гдѣ славились въ древности *Кадешъ* (теперь Эмеза) и *Геліополь* (теп. Баалбекъ). Целе-Сирія — одна изъ самыхъ плодородныхъ странъ въ мірѣ; покрытая виноградниками, пашнями и всякаго рода плодовыми деревьями, она долго кормила разныхъ завоевателей (египтянъ, ассирійцевъ, персовъ, македонянъ) и стала въ рукахъ римлянъ житницею вселенной. Сирійское плоскогорье соединяется посредствомъ гранитнаго полуострова, Синая, съ *Аравійскимъ* плоскогорьемъ, похожимъ на Сахару. Такимъ же пустыннымъ характеромъ запечатлѣна *Сирійская низменность*, пріютившаяся между Тавромъ, Ливаномъ, Аравіей и Евфратомъ: это — песчаная степь, лишь изрѣдка оживляемая такими чудными оазисами, какъ Пальмира (теп. Тадморъ).

§ 21. **Природа Месопотаміи и Элама**. Пятая низменность, *Месопотамія*, связана съ Тавромъ. Тавръ начинается у оз. *Вана*, быстро падаетъ (подъ именемъ *Діарбекирскаго* нагорья), у древней *Тигранокерты*, откуда вытекаетъ Тигръ, и затѣмъ вдругъ подымается до области снѣговъ, подъ именемъ хребта *Нифаты*, по сѣверному склону котораго извивается истокъ *Евфрата*. Эта „изобильная" водами рѣка течетъ на западъ на протяженіи 500 в., потомъ устремляется на югъ и уже у *Самосаты* становится судоходной. Тихимъ и широкимъ потокомъ тянется отсюда Евфратъ къ Персидскому заливу, болѣе чѣмъ на 2,000 в. Теперь верстъ за 100 до устьевъ онъ соединяется съ Тигромъ, а въ древности сюда достигало море, и обѣ рѣки впадали въ него отдѣльно. Его близнецъ — совсѣмъ другаго характера, за который онъ и прозванъ *Тигромъ*, т.-е. „стрѣлой". Тигръ, какъ бѣшеный, летитъ, на протяженіи 1500 верстъ, черезъ отроги Нифаты и Загра. Его ярость увеличивается отъ горныхъ притоковъ, изъ которыхъ два *Заба* (Верхній и Нижній) были прозваны греками одинъ Волкомъ (Lycus), другой Коз-

ломъ (Caprus). У нынѣшняго Багдада Тигръ и Евфратъ приближаются другъ къ другу на разстояніи 30 в. Здѣсь ихъ соединялъ *Царскій Каналъ*, при впаденіи котораго въ Тигръ лежали *Селевкія* и *Ктезифонъ*. Вся долина рѣкъ-близнецовъ называлась „Междурѣчіемъ"—по-гречески *Месопотамія*, посемитски *Нахараимъ*. Но по своей природѣ она раздѣляется на двѣ части: межой служитъ *Мидійская Стѣна*, устроенная Навуходоносоромъ на половинѣ пути между Вавилономъ и Нинивіей. Къ сѣверу отъ этой стѣны лежитъ верхняя Месопотамія, или *Ассирія*, съ прекрасными долинами на востокѣ, покрытыми лѣсами платановъ и кипарисовъ, и съ пустыней на западѣ. Къ югу отъ Мидійской Стѣны идетъ *Вавилонія* (у евреевъ и на надписяхъ *Сеннааръ*)—низменная долина, образованная наносами съ моря. Здѣсь невыносимая жара и засуха: надъ огромной равниной, гдѣ не увидишь холмика, разстилается вѣчно-ясное небо, и въ его глубокой лазури ярко блестятъ свѣтила, приковывая къ себѣ вниманіе человѣка. Здѣсь была-бы Сахара, еслибы не Тигръ съ Евфратомъ, которые своими разливами орошаютъ жирный темный илъ почвы. Въ древности, при замѣчательной канализаціи, это былъ „садъ Азіи". Здѣсь пшеница и рисъ всходили самъ-двѣсти, и жатву собирали два раза въ годъ; повсюду встрѣчались цѣлые лѣса финиковыхъ пальмъ, удовлетворяющихъ, по словамъ персидскихъ поэтовъ, 360-ти нуждамъ человѣка; на цвѣтущихъ лугахъ паслись большія стада скота и даже слоновъ. Въ этой благодатной странѣ, способной прокормить массу людей, на зарѣ исторіи толпились всѣ племена бѣлой породы: то было истинное „смѣшеніе языковъ". Здѣсь-то возникла другая колыбель нашей цивилизаціи, которая соперничаетъ съ Египтомъ по своей древности. Теперь Египетъ воскресаетъ къ новой жизни, благодаря европейскому просвѣщенію: возстановленный каналъ Рамессу II (Суэзскій) придвигаетъ Африку и Азію къ нашей цивилизаціи. А нынѣшняя Месопотамія—сплошная печальная развалина. Это—дикая пустыня, занесенная пескомъ и усѣянная курганами, между которыми таятся хищные звѣри да арабскіе разбойники. „Взойдите на эти курганы—и увидите безконечное зеркало Евфрата среди вѣчной торжественной тишины міра развалинъ. Полный нѣмаго величія, онъ тихо проходитъ по этой пустынѣ, словно царственный путникъ, осматривающій безмолвные остатки своего падшаго государства. Дворцы, храмы, всѣ роскошныя сооруженія превратились въ груды мусора. Вмѣсто висячихъ садовъ и цвѣтущихъ эдемовъ (раевъ), лѣса сѣдыхъ тростниковъ покрываютъ болотистые берега. Лишь кое-гдѣ разстилаются неувядаемыя пастбища; но среди ихъ уединенія не раздается ни грустной, ни веселой пѣсни". То же должно сказать о сосѣднемъ съ Месопотаміей *Эламѣ* (иначе—Сузіана, теперь Хушистанъ), который составляетъ третью колыбель цивилизаціи. Это—равнина, на югѣ которой былъ такой зной, что змѣи

и ящерицы издыхали, переползая черезъ дорогу. Но сѣверная часть Элама отличалась умѣреннымъ климатомъ и плодородною почвой. Она изобиловала виноградомъ, хлопчатникомъ и сахарнымъ тростникомъ, а пшеница родилась здѣсь самъ-двѣсти. Среди множества прозрачныхъ рѣчекъ славился *Хоаспъ* своею вкусною водой, которую возили всюду за царями. Страна была изрѣзана каналами и покрыта поселеніями. Столица Элама, *Суза*, славилась, какъ одинъ изъ роскошнѣйшихъ городовъ Востока. Теперь отъ нея осталось лишь два огромныхъ кургана, заросшихъ высокою травой, въ которой ютятся дикіе звѣри. Кое-гдѣ попадаются еще куски мрамора да каменныя плиты съ клинообразными надписями, а вокругъ запустѣніе и безлюдье.

§ 22. **Раскопки въ Месопотаміи.** До нашего времени мы знали исторію Месопотаміи изъ Библіи и *Бероза* (вавилонскій жрецъ 3-го в. до Р. Х.); теперь къ нимъ присоединяются *раскопки* кургановъ. Въ 1842 году было открыто французскимъ консуломъ, *Ботта*, первое ассирійское зданіе въ деревнѣ *Хорзабадъ*, близъ Мосула; эта деревня была куплена, снесена—и Лувръ обогатился замѣчательными древностями. Между тѣмъ прибылъ англичанинъ *Лейярдъ*, которому старики сказали, что древнѣе Хорзабада курганы, въ 30-ти в. ниже Мосула, носящіе названіе *Нимрудъ* (библ. Халахъ); сверхъ того ему указали на цѣпь кургановъ между Нимрудомъ и Хорзабадомъ, у деревни *Куюнджикъ*. Оказалось, что всѣ эти курганы составляютъ древнюю Ниневію, сокровищами которой наполнены двѣ особыя галлереи Британскаго Музея: здѣсь и перлъ раскопокъ—кирпичная библіотека. До сихъ поръ здѣсь открываютъ только дворцы и изрѣдка храмы: частные дома изчезли безслѣдно. Чѣмъ южнѣе дворецъ, тѣмъ онъ древнѣе: развалины Хорзабада относятся къ 700 г. до Р. Х., у Куюнджика — немного позже, у Нимруда — къ 900 г. Еще древнѣе развалины на 50 в. южнѣе Нимруда, у деревни *Кала-Шергатъ*: это—древнѣйшій Эль-Ассуръ. Въ Вавилоніи раскопки начались, въ 1820 г., у деревни *Гилла* (близъ Багдада) и на сосѣднихъ холмахъ *Бабиль* и *Бирс-Нимрудъ*. Въ 1851 г. Франція отправила сюда цѣлую ученую экспедицію (Опперъ), къ которой присоединились англичане (Лейэрдъ и Раулинсонъ): оказалось, что Вавилонія дѣлилась на 2 части, въ каждой изъ которыхъ было по четыре главныхъ города. Самая древняя часть — южная, которая названа греками *Халдеей*. Въ ней были города *Уръ* (библ. Халанни), *Урухъ* (библ. Орехъ, теперь Варка) и др.; они построены болѣе чѣмъ за 2000 л. до Р. Хр. Въ сѣверной части, собственно Вавилоніи, открыты города: *Вавилонъ* (теперь Гилла), *Борсиппа*—„башня языковъ“ (теперь Бирс-Нимрудъ—„крѣпость Нимруда“) и др. Раскопки возобновились съ 1873 г., благодаря англичанамъ *Смиту* и (по его смерти) *Рассаму*, которые многое открыли въ Куюнджикѣ и Бабилѣ. Въ 1881 г. французъ *Сарзекъ* сдѣлалъ самое знаменитое открытіе: въ

курганѣ *Тель-Ло* онъ нашелъ статуетки съ надписями, сдѣланныя болѣе чѣмъ за 4000 л. до Р. Х. Раскопки привели также къ открытію весьма древнихъ поселеній къ востоку отъ Тигра, въ *Эламъ*. Онѣ продолжаются и теперь. Благодаря имъ, образовались цѣлыя науки: подлѣ ассирологіи съ 1873 г. выдвинулась аккадо-сумерологія, творцами которой считаются французъ *Ленорманъ* и англичанинъ *Сейсъ*.

§ 23. **Туранцы въ Халдеѣ и Эламѣ.** Историческая жизнь началась въ Вавилоніи гораздо раньше, чѣмъ въ Ассиріи. По преданіямъ, здѣсь вообще начало народовъ и исторіи. Библія говоритъ, что „первые люди пришли съ востока въ Сеннааръ, и тамъ Господь смѣшалъ языки всей земли". Берозъ свидѣтельствуетъ, что „первоначально въ Вавилоніи было множество людей разныхъ націй"; раскопки также указываютъ на скопленіе различныхъ народовъ въ Халдеѣ. Прежде всего здѣсь жили *туранцы* (§ 3), языкъ которыхъ, сохранившійся на надписяхъ, близокъ къ финскимъ нарѣчіямъ. Они уже достигли значительной цивилизаціи. Они-то строили города, которые своею древностью почти соперничаютъ съ египетскими пирамидами. Ихъ вещи относятся къ *бронзовому* вѣку, хотя встрѣчаются и каменныя орудія; желѣзо употреблялось только для украшеній. У халдейскихъ туранцевъ были уже цари; родители, пренебрегавшіе своими дѣтьми, заключались въ тюрьму; женщина имѣла права и собственность. Были и астрономическія понятія, но смѣшанныя съ грубыми сказками. Земля представлялась опрокинутою лодкой, обтекаемою океаномъ, съ Халдеей въ центрѣ; на востокѣ и западѣ помѣщались двѣ горы, которыя поддерживали небо, повертывавшееся вокругъ нихъ въ видѣ колпака; небо усѣяно неподвижными звѣздами, а между небомъ и землею ходятъ 7 планетъ въ видѣ громадныхъ животныхъ. Религія туранцевъ была также груба. У нихъ было три главныхъ бога—одинъ на небѣ, другой на землѣ, третій въ преисподней. Небесный богъ объѣзжалъ днемъ вселенную на лодкѣ, управляемой низшими богами, а вечеромъ скрывался за западной горой. Туда же направлялись души умершихъ; тамъ онѣ вѣчно жили, какъ въ темницѣ, не имѣя другой пищи, кромѣ грязи и пыли; тамъ господствовалъ „мракъ, гдѣ тѣни, какъ птицы, кишѣли подъ сводомъ". Главнымъ богамъ подчинялось множество мелкихъ боговъ и духовъ, добрыхъ и злыхъ, которые управляли силами природы и душевными движеніями человѣка. Особенно много было злыхъ демоновъ: богослуженіе состояло главнымъ образомъ въ ихъ заклинаніи; жрецы были колдунами; ихъ называли *магами*—и отсюда пошла повсюду „*магія*", или чернокнижіе (колдовство). У туранцевъ Халдеи было образное письмо, сначала въ видѣ рисунковъ, потомъ въ видѣ *клинчевъ* (введ. § 14), которые позже стали обозначать звуки. Туранцы были вытѣснены изъ Халдеи кушитами и утвердились въ *Эламѣ*, гдѣ основали сильное царство со многими кирпичными городами, во главѣ

которыхъ стояла богатая Суза. Эламиты часто безпокоили халдейскихъ кушитовъ, распространяя свои набѣги даже къ западу отъ Месопотаміи.

§ 24. **Халдеи.** Послѣ туранцевъ въ Халдеѣ жили *кушиты*. По преданію, они пошли въ незапамятныя времена отъ Гинду-Куша и прежде всего основались у Персидскаго залива. Главными ихъ гнѣздами были укромные островки: *Дилвунъ*, у устьевъ Тигра, да *Тиръ* и *Арадъ* въ южной части залива (Бахрейнскіе остр.). Здѣсь кушиты носили еще особое названіе *пунійцевъ*; но древніе вообще именовали ихъ *халдеями*. Недавно раскопки доказали, что халдеи Вавилоніи распадались на два народа и называли себя *аккадомъ* (на сѣверѣ) и *сумеромъ* (на югѣ). У нихъ-то образовалась одна изъ древнѣйшихъ цивилизацій бѣлой породы, которая распространилась потомъ до Инда и Средиземнаго м. Здѣсь начало астрономіи и математики, а также той религіи, которая лежитъ въ основаніи вѣрованій почти всего древняго Востока. Сначала, пока халдеи жили въ родовомъ быту, у нихъ было много мѣстныхъ божествъ, во главѣ которыхъ стояли три пары, въ особенности богъ *Бель* и богиня *Белита* (Милита). Эти боги изображались въ видѣ людей, то съ птичьей головой, съ орлинымъ хвостомъ и крыльями, то съ рыбой на плечахъ, или съ рыбьимъ плесомъ, то на курьихъ ножкахъ. Впослѣдствіи, когда образовалось государство, эти божества были подчинены жрецами верховному богу, *Илу*, и стали означать уже астрономическія явленія—солнце, луну, атмосферу. Подлѣ нихъ возникли 5 боговъ - планетъ. Главный изъ нихъ, *Адаръ* (Сатурнъ), представлялся великаномъ, задушившимъ льва. *Истаръ* (Венера) была съ одной стороны нѣжною красавицей, съ другой—воинственною „царицею побѣдъ“; въ первомъ случаѣ она изображалась нагою, съ руками, приложенными къ груди; во второмъ—она несется на львѣ или на волѣ, въ унизанной звѣздами тіарѣ, съ лукомъ и колчаномъ въ рукахъ. За исключеніемъ Аравіи, сабеизмъ (введ. § 6) нигдѣ не былъ развитъ до такой степени, какъ въ Вавилоніи: здѣсь даже въ клинообразномъ письмѣ слово „богъ“ обозначается звѣздочкой. Халдеи построили много кирпичныхъ городовъ, древность которыхъ еще не опредѣлена, хотя изъ раскопокъ видно, что они немного моложе эламитскихъ городовъ. Столицей былъ *Уръ*, у устьевъ Евфрата, служившій торговымъ центромъ, откуда суда ходили до Индіи и Краснаго м. Уръ славился также своимъ святилищемъ—трехъярусной башней, или пирамидой со ступеньками (§ 6): эту архитектурную форму называли *зиггуратомъ*. Въ Урѣ жили халдейскіе цари: слѣдовательно уже былъ уничтоженъ родовой бытъ. Раскопки открыли слѣды древнѣйшей халдейской династіи, особенно главнаго изъ ея царей, *Уруха* (Урхама). Урухъ любилъ строить громадныя сооруженія, напоминающія памятники 4-й династіи въ Египтѣ; ему принадлежитъ и урскій зиггуратъ, на который пошло до 30 милл.

кирпичей. При урской династіи предѣлы государства ограничивались Вавилоніей; но халдеи уже достигли тогда высокой цивилизаціи, какъ доказываютъ недавно открытые храмы и дворцы, которымъ подражали позднѣйшіе цари Вавилона.

§ 25. **Халдейская культура**. У халдеевъ были уже тогда порядочные частные *дома* изъ сушенаго кирпича, узкіе и длинные, украшенные внутри изразцами. Найдены *могилы*, въ видѣ склеповъ, облитыхъ голубою глазурью; скелетъ лежитъ на рогожѣ изъ тростника, головою на кирпичѣ, на которомъ видны слѣды подушки съ кисточками; къ костямъ прилипли клочки тонкаго полотна съ цвѣтными полосками и бахромой. Теперь въ Халдеѣ вырываютъ много мелкихъ вещей того времени: лампъ, стрѣлъ, топоровъ, колецъ и проч.; все это сдѣлано грубо, рукой, и относится частью къ *каменному*, частью къ *бронзовому* вѣку. Скульптура, весьма дѣтская, видна преимущественно на *цилиндрикахъ*, служившихъ печатью, которые носили на рукѣ на шнуркѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Уруху, отъ котораго осталась еще базальтовая статуя. Вся эта культура кушитская, но съ сильнымъ туранскимъ оттѣнкомъ. Халдеи заимствовали у туранцевъ письмо и отчасти религію. Одинъ изъ ихъ боговъ превратился въ туранскаго бога, *Молухи*; у нихъ распространилась вѣра въ духовъ и появилось множество талисмановъ, въ видѣ бронзовыхъ статуетокъ, изображающихъ чудовищныхъ животныхъ (демоновъ); ихъ жрецами стали туранскіе маги, которые также лѣчили больныхъ нашептываніемъ; халдеи даже употребляли туранскій языкъ въ своихъ храмахъ и школахъ. Преданія халдеевъ, сохранившіяся на надписяхъ, служатъ древнѣйшими воспоминаніями человѣчества. Въ нихъ говорится, что сначала въ Халдеѣ кишѣло множество разныхъ народовъ, жившихъ подобно животнымъ. Къ нимъ вышло изъ моря чудовище, *Оаннъ*—полу-рыба, полу-человѣкъ. Оно научило ихъ всѣмъ благамъ цивилизаціи и оставило имъ премудрую книгу. Затѣмъ боги назначили имъ перваго царя-пастыря, который управлялъ около 40.000 лѣтъ. Но люди дурно вели себя, и при десятомъ царѣ, *Ксисутрѣ*, Белъ истребилъ ихъ потопомъ. Спасся одинъ Ксисутръ. По повелѣнію бога, онъ зарылъ священную книгу и построилъ судно, на которое взялъ съ собою свою семью, рабовъ и рабынь, а также по парѣ всякихъ животныхъ. Шесть сутокъ свирѣпствовалъ такой потопъ, что сами боги оплакивали родъ людской и дрожали, забравшись на самый верхъ неба, „какъ собаки въ берлогѣ“. На седьмыя сутки Ксисутръ выпустилъ голубя, но онъ возвратился, не найдя ни клочка земли; то же произошло потомъ съ ласточкой; наконецъ былъ выпущенъ воронъ, который, покушавъ пловучихъ труповъ, остался гдѣ-то на землѣ. Тогда Ксисутръ открылъ двери въ своемъ суднѣ, и послышался голосъ бога, обѣщавшій, что больше не будетъ потопа. Всѣ вышли на землю, которая оказалась горою Араратомъ. Ксисутръ съ женой были взяты

живыми на небо. Они завѣщали людямъ возвратиться въ Халдею и вырыть книгу. Люди исполнили это и сверхъ того написали еще много книгъ и основали большой городъ, Вавилонъ. Но они вообразили себя слишкомъ умными и сильными (они были великаны) и начали строить башню до небесъ, чтобы добраться до боговъ, которыхъ они презирали въ своей гордости; боги разрушили башню и заставили ихъ говорить на многихъ языкахъ, чтобы они не понимали другъ друга. Халдеи считали этою башнею неоконченный и очень древній зиггуратъ въ Борсиппѣ (§ 22), который состоялъ изъ семи разноцвѣтныхъ этажей, посвященныхъ семи богамъ. Послѣ потопа въ Халдеѣ было много сказочныхъ царей, совершавшихъ разныя чудеса, во главѣ ихъ *Нимродъ*— „великій ловецъ передъ Господомъ“. Но исторія считаетъ первою халдейскою династіей урскую, отъ которой сохранились памятники. Урская династія была уничтожена ок. 2300 г. до Р. Х. нашествіемъ эламитовъ.

§ 26. **Первобытные семиты.** При урской династіи появляются первыя историческія свѣдѣнія о семитахъ. *Семиты*, т.-е. „славные“, выше кушитовъ по физическому типу. У нихъ борода гуще, цвѣтъ кожи свѣтлѣе, ростъ выше, лицо длинное, носъ орлиный; они очень сухощавы. Семиты вышли изъ Памира (§ 4) послѣ кушитовъ. Ихъ первые переселенцы, двигаясь на западъ, остановились въ Халдеѣ, встрѣтивъ тамъ своихъ родственниковъ, кушитовъ, у которыхъ лишь нѣсколько исказился ихъ типъ подъ мѣстными вліяніями. Съ теченіемъ времени семиты черезчуръ размножились въ Халдеѣ; ихъ тѣснилъ также наплывъ эламитовъ,—и они начали выселяться подъ руководствомъ миѳическихъ вождей. Часть ихъ, съ *Ассуромъ* во главѣ, перешла въ сѣверную Месопотамію, образовавъ тамъ ассирійскую народность. *Ѳара* вывелъ также на сѣверъ, въ Гаранъ, другую часть семитовъ, которые перешли потомъ въ Палестину подъ руководствомъ *Авраама*, и тамъ получили названіе *евреевъ*, т.-е. „зарѣчныхъ“; одна отрасль евреевъ проникла даже въ Египетъ (§ 9). Многіе изъ семитовъ Халдеи двинулись на западъ, въ Сирію, гдѣ стали называться *арамеями*; часть ихъ перешла потомъ въ Палестину и Финикію, гдѣ они слились съ евреями. Наконецъ семиты заселили Аравію и отчасти Абиссинію. Всѣ эти отрасли семитовъ говорили близкими между собой нарѣчіями, которыя мало измѣнялись: семитскіе языки почти такъ же неподвижны, какъ кушитскіе, сравнительно съ такими быстро-измѣняющимися нарѣчіями, какъ арійскія. Столь же строго сохраняютъ семиты свой физическій типъ: на самыхъ древнихъ изображеніяхъ легко отличить ихъ черты.

§ 27. **Вавилонскіе семиты.** Семиты, оставшіеся въ Халдеѣ, развивались насчетъ кушитовъ и туранцевъ. Туранцы недолго владѣли Халдеей. Они только сначала выказывали воинственность и доходили до Палестины; затѣмъ ихъ цари сидѣли въ Сузѣ, а у халдеевъ явился національный герой, *Саргонъ I.* По преданію, мать тайно родила его

и положила въ корзинку, которую бросила въ Евфратъ. Одинъ рыбакъ вынулъ ребенка и воспиталъ, какъ своего сына. Выросши, Саргонъ соединилъ всѣ халдейскіе города и разбилъ эламитовъ, затѣмъ ходилъ въ Сирію. Саргонъ перевелъ туранскія книги на семитское нарѣчіе, а 1500 л. спустя, ассирійцы сдѣлали съ нихъ списки, которые хранятся въ Британскомъ Музеѣ. Такъ было возстановлено царство халдеевъ, но уже съ чисто *семитскимъ* характеромъ; центромъ его стала сѣверная часть страны, со столицею *Вавилономъ*. Вавилонъ соприкасался съ верхнею Месопотаміей, которая превратилась тогда уже въ семитскую *Ассирію*: миѳическій Ассуръ основалъ древнѣйшую столицу новаго царства, *Эль-Ассуръ* (§ 22). Въ то время (1800—1600) была тѣсная связь между Вавилономъ и Ассиріей: Ассиріей управляли намѣстники вавилонскихъ царей, власть которыхъ простиралась до Арменіи. То была пора высшаго процвѣтанія Вавилона, у котораго не было соперниковъ, такъ какъ могущественный Египетъ находился тогда подъ игомъ гиксовъ (§ 9). Но ок. 1600 г. на Востокѣ произошелъ великій переворотъ. Египетъ достигъ высшей степени могущества; Таут-месъ III (§ 11) дошелъ до Нинивіи и посадилъ въ Вавилонѣ своего намѣстника. Съ тѣхъ поръ пала независимость Вавилона: почти до 1300 г. онъ подчинялся египтянамъ, затѣмъ его захватили ассирійцы.

§ 28. **Вавилонъ подъ господствомъ египтянъ и ассирійцевъ.** Египтяне и ассирійцы оставляли въ Вавилонѣ своими намѣстниками его національныхъ царей и не мѣшали его внутренней жизни. Въ то время Вавилонъ представлялъ высшую степень развитія *семитской* цивилизаціи въ Азіи. Уже внѣшній видъ города, раскинувшагося на 100 верстъ въ окружности, поражалъ своимъ величіемъ и роскошью. „Это—говорили тогда—скорѣе государство, чѣмъ городъ“. Здѣсь было много величественныхъ зиггуратовъ и большихъ домовъ съ раскрашенной штукатуркой и арками на дверяхъ. На улицахъ кишѣли толпы разныхъ націй. Всюду замѣчалось богатство и франтовство. Вавилоняне ходили въ тройныхъ одеждахъ изъ дорогихъ матерій, обвивали волоса ленточками, заплетали бороды, умащали тѣло, носили драгоцѣнные перстни. Въ особенности щеголяли тросточками съ богатыми набалдашниками да большими индійскими псами: одинъ намѣстникъ возложилъ на 4 города обязанность содержать этихъ прожоръ и за это освободилъ жителей отъ податей. Вавилоняне были горды, сознавая міровое значеніе своей столицы, которую пророкъ Исаія называлъ „золотымъ городомъ, славою царствъ, прелестью халдейскаго величія“. Тогда Вавилонъ былъ центромъ всемірной торговли и промышленности: здѣсь скрещивалось много торговыхъ путей—къ Средиземному м. и Кавказу, къ Нинивіи и Малой Азіи, къ Каспійскому м., Самарканду и Гангу. Отовсюду стекалось въ Вавилонъ

сырье, которое превращалось здѣсь въ выдѣланные товары, благодаря тысячамъ заводовъ. Особенно славились вавилонскіе ткани, ковры и изящные мелкіе предметы роскоши (вродѣ articles de Paris), а также парфюмерія и косметика. Весь міръ подражалъ Вавилону, учился у него, потому что здѣсь былъ и центръ образованія, въ особенности точныхъ наукъ. Вавилоняне знали почти все, что можно замѣтить на небѣ простымъ глазомъ. Они правильно дѣлили годъ, называли дни по именамъ семи планетъ, измѣряли время солнечными часами, установили систему созвѣздій со знаками зодіака, предсказывали лунныя затменія, что дало намъ возможность точно опредѣлить ихъ хронологію до 1000 г. Вавилоняне дѣлали сложныя математическія вычисленія, знали таблицу умноженія и квадраты дробей. Они изобрѣли систему мѣръ и вѣсовъ: кубъ воды (100 фунтовъ) составлялъ вавилонскій пудъ—*талантъ*, дѣлившійся на 60 *минъ*; а каждая сторона квадратной поверхности этого куба была вавилонскимъ аршиномъ, или *локтемъ*; впослѣдствіи талантъ сталъ и крупною монетой. Вся Вавилонія свидѣтельствуетъ о геометрическихъ познаніяхъ: уже въ 18 в. до Р. Х. былъ сооруженъ большой *Царскій Каналъ* (§ 21) между Тигромъ и Евфратомъ. Въ связи съ геометріей развилась архитектура. Роскошно разукрасился главный зиггуратъ (Вавилонская Башня) и появился пышный дворецъ, который былъ обнесенъ тремя стѣнами, каждая болѣе 10 в. въ окружности, 40 саж. вышины и 10 толщины. Краски и барельефы стали отличительною чертой зодчества. Только скульптура была очень груба. Грубость, чувственность и эгоизмъ видны во всей цивилизаціи Вавилона. У богачей-вавилонянъ господствовали легкомысліе и равнодушіе къ бѣдности, въ которой погрязала масса народа. Они любили болтать и весело жить преимущественно уличною жизнью. Самая религія превращалась у нихъ въ грубую забаву. Изъ всѣхъ боговъ почитались только *Белъ*, „отецъ боговъ“, въ особенности же *Милита*, при храмѣ которой были голубятни, пруды и рощицы, гдѣ совершалось грязное богослуженіе: въ большіе праздники сюда стекалось множество женщинъ и устраивались пиры. Сверхъ того толпа, не понимавшая мудреной, астрономической, религіи своихъ жрецовъ, поклонялась множеству безобразныхъ демоновъ, которымъ приносила въ жертву дѣтей, потомъ лошадей, воловъ и овецъ. Она считала фетишами (введ. § 6) ихъ идоловъ, сдѣланныхъ изъ камня, металла или дерева. Вавилонъ, какъ древнѣйшій центръ цивилизаціи, имѣетъ столь же важное историческое значеніе, какъ Египетъ; но онъ противоположенъ ему по характеру. Вавилонъ — городъ-космополитъ (міровой): это — первый въ исторіи *центръ международныхъ сношеній*. Въ немъ сосредоточивались достоинства и недостатки міровыхъ столицъ. Съ одной стороны, еврейскіе пророки справедливо карали Вавилонъ за роскошь, безсердечіе и распущенность нра-

вовъ; съ другой — его просвѣщеніе, жизненныя удобства, веселость, многолюдство составляли неотразимое очарованіе для всѣхъ націй. Даже когда погибъ Вавилонъ, были окружены благоговѣніемъ жалкіе потомки великихъ космополитовъ Востока — тѣ шарлатаны, которые, подъ именемъ „халдеевъ“, жили въ блестящемъ Римѣ фокусами и колдовствомъ.

§ 29. **Возвышеніе Ассиріи.** Вавилонъ былъ міровою столицей въ культурномъ отношеніи; въ политическомъ же смыслѣ онъ былъ вассаломъ двухъ великихъ державъ, Египта и Ассиріи, которыя боролись между собой за обладаніе Востокомъ. Сначала (1600—1300) первенствовалъ Египетъ; но въ то же время постепенно усиливалось *Ассирійское царство*. Столица его долго передвигалась отъ Эль-Ассура (§ 27) на сѣверъ (§ 22), пока не утвердилась въ *Ниневіи*. Его правители, которые были вассалами Вавилона, потомъ Египта, стали стремиться къ независимости и называться *сарами* (царями). Около 1300 г., когда ослабѣла египетская держава, они уже овладѣли Вавилономъ. Хотя ассирійцы приняли халдейскую цивилизацію и оставляли намѣстникамъ изъ туземцевъ титулъ „вавилонскихъ царей“, однако Вавилонъ считался ихъ вассаломъ около семи вѣковъ (1300—600), и въ немъ утвердился ассирійскій языкъ: онъ не могъ освободиться до самаго паденія Ниневіи, несмотря на частыя возстанія. Ассирія быстро усиливалась оттого, что она была плотнымъ, централизованнымъ государствомъ, а вокругъ нея жили мелкіе народцы, разбитые на роды. Уже ок. 1100 г. мы видимъ типъ воинственнаго ассирійскаго деспота, въ лицѣ *Тиглат-фала-сара I.* Это былъ неутомимый полководецъ. Его не останавливали ни рѣки, ни моря, ни „вершины горъ, острыя какъ кончикъ кинжала“. Всю свою жизнь онъ лично совершалъ походы отъ Персидскаго залива до истоковъ Тигра, отъ Заба до Оронта: при немъ ассирійцы впервые овладѣли сѣверною Сиріей и увидали Средиземное м., гдѣ ихъ царь собственноручно убилъ дельфина. Египетскій фараонъ испугался новой великой державы и прислалъ въ Ниневію дары, въ томъ числѣ крокодила и гиппопотама, которымъ дивился ассирійскій владыка. Надосугѣ Тиглат-фала-саръ увлекался самою опасною охотой: онъ „убилъ стрѣлами четырехъ дикихъ быковъ и взялъ живьемъ четырехъ дикихъ буйволовъ“; онъ поразилъ до 1000 львовъ. Всѣ эти подвиги записаны самимъ царемъ, отъ котораго сохранились еще древнѣйшія ассирійскія книги, остатки обширныхъ храмовъ и дворцовъ, а также первая ассирійская статуя. Эти надписи дышатъ свирѣпостью кровожаднаго воина. Въ нихъ говорится: „Я, словно буря, свалилъ ряды враговъ. Я преслѣдовалъ ихъ, какъ лютыхъ звѣрей. Я покрылъ ихъ трупами долины и горныя вершины. Я отрѣзалъ имъ головы. Изъ зубцовъ ихъ крѣпостей я наворотилъ кучи, словно горы. Я забралъ несмѣтное число всякаго добра,

драгоцѣнностей и ихъ боговъ. Я обратилъ въ пепелъ, разрушилъ, сравнялъ съ землей ихъ города. Тысячи ихъ воиновъ, бѣжавшихъ передъ моими холопами и принявшихъ тяжкое иго моего владычества, я отдалъ въ рабство людямъ моей земли. Таковъ я, Тиглат-фала-саръ, могучій царь, бичъ злодѣевъ, разгромитель вражьихъ ратей". Преемники этого царя столкнулись съ новыми сильными врагами—съ *хананитами*, которые занимали Целе-Сирію (§ 20), Финикію и Палестину.

§ 30. **Финикія, Палестина и хананиты.** *Финикія*—небольшой клочекъ земли между Ливаномъ и моремъ. Почва здѣсь одна изъ самыхъ плодородныхъ въ свѣтѣ. Она влажная вслѣдствіе множества горныхъ потоковъ, которые, вмѣстѣ съ моремъ, умѣряютъ жаръ, свойственный этой широтѣ. Оттого здѣсь повсюду богатая растительность, которой горныя террасы придаютъ рѣдкое разнообразіе. На пространствѣ какихъ-нибудь 40 верстъ встрѣчаются сначала цѣлые лѣса финиковыхъ пальмъ, оливковыя и тутовыя деревья, виноградники, потомъ ущелья съ душистыми лугами, гдѣ паслось множество овецъ и козъ, наконецъ горныя вершины съ соснами, кипарисами и могучими *кедрами*, среди которыхъ водились львы и шакалы. А у самаго моря извивалась превосходная береговая линія со множествомъ хорошихъ бухтъ и пристаней. Здѣсь изстари пріютились богатые города-гавани: на крайнемъ сѣверѣ островной *Арадъ*, стѣны котораго недавно открыты; южнѣе *Триполисъ* или „Тройной городъ" (онъ былъ основанъ жителями Арада, Тира и Сидона); далѣе *Библъ*—„гробница бога", гдѣ показывали могилу Адониса, и *Беритъ* (теперь Бейрутъ); еще южнѣе *Сидонъ* (теп. Саида) съ своимъ знаменитымъ некрополемъ; его величали „матерью городовъ", хотя имя его собственно значитъ „рыболовство". Недалеко отъ Сидона его соперникъ, *Тиръ*, или „скала" лѣпился по скалистому острову, словно птичье гнѣздо; впрочемъ часть его, „древній Тиръ", помѣщался на берегу. Южную границу Финикіи составлялъ городъ *Ако*, который греки прозвали *Птолемаидой*, а средніе вѣка—*Акромъ*. Вліяніе природы отразилось на бытѣ и исторіи финикіянъ. Ея разнообразіе привело къ процвѣтанію, какъ земледѣлія съ скотоводствомъ, такъ и торговли съ промышленностью; сильное развитіе береговой линіи дало преобладаніе *городской* и *торговой* жизни; обиліе горныхъ отроговъ и ущелій вызвало много *мелкихъ республикъ*. *Палестина* (§ 20) отличалась другимъ характеромъ, чѣмъ Финикія. Евреи назвали ее *Ханааномъ* (низменностью), такъ какъ это одна изъ самыхъ низкихъ странъ въ мірѣ. Палестина—узкая и глубокая трещина, созданная вулканическими силами. На днѣ ея течетъ *Іорданъ*, образующій нѣсколько озеръ на террасахъ различной высоты: оз. *Меромъ*, недалеко отъ его истоковъ, находится на уровнѣ Средизем-

наго м.; оз. *Генисаретское* ниже его; а *Мертвое м.* почти на 1½ в. ниже уровня Средиземнаго м.; далѣе на югъ, до Краснаго м., долина снова подымается до 50 саж. Сѣверная часть Палестины, *Галилея*, изобиловала свѣжею водой и зелеными холмами и утопала въ зелени садовъ и виноградниковъ; южная часть распадалась на песчаный берегъ (отъ Ако до Египта), усѣянный городами съ парками (Газа, Іоппе и др.) и занятый впослѣдствіи филистимлянами, и на область широкихъ *долинъ*, богато орошаемыхъ горными потоками. Эти долины, среди которыхъ лежали городки или большія села (Іерусалимъ, Іерихонъ, Виолеемъ, Сихемъ, Самарія и др.), были такъ плодородны, что давали роскошную жатву безъ удобренія и почти безъ труда. Только гребни горъ да ю.-восточная оконечность Палестины, переходившая въ сирійскую пустыню, были голы и почти безлюдны. Прелестныя долины и склоны горъ, покрытые лѣсами, призывали населеніе къ земледѣлію и скотоводству; но отдаленность отъ моря и замкнутость среди горъ не дозволяли ему развиваться, переходить отъ сельскаго быта къ городскому. Сверхъ того горы дробили населеніе на части, которыя упорно сохраняли мѣстный духъ и вѣчно враждовали между собой. Здѣсь могли возникнуть родовыя общины, но не городскія республики, какъ въ Финикіи, и не обширная монархія, какъ въ Ассиріи и Египтѣ. Финикія и Палестина, такъ же какъ Сирія и Аравія, въ незапамятныя времена были заняты кушитами, переселившимися съ береговъ Персидскаго залива. По преданіямъ, кушиты застали здѣсь какихъ-то „жужжавшихъ“, какъ шмели, дикарей-великановъ, передъ которыми они казались „саранчей“. Истребивъ ихъ, кушиты ввели свою цивилизацію и религію. Особенно много сдѣлали пунійцы (§ 24), или *финикіяне*, разселившіеся по берегамъ Средиземнаго м. Они-то построили упомянутые выше города. Около 2200 л. до Р. Х. жизнь кушитовъ была нарушена нашествіемъ семитовъ изъ Месопотаміи (§ 26). Изъ смѣси этихъ двухъ племенъ образовалась *хананейская* народность, въ которой преобладало *семитство;* только финикіяне сохраняли свою цивилизацію, которую передали даже пришельцамъ; но и они стали говорить посемитски. Въ наибольшей чистотѣ семиты сохранились въ Палестинѣ, въ лицѣ евреевъ.

§ 31. **Финикіяне. Сидонская эпоха.** Палестинскіе хананиты были земледѣльцами и пастухами; они жили родами, которые враждовали между собой. Финикійскіе же хананиты стали моряками и торговцами; ихъ города были государствами, которыя составляли союзъ, съ Сидономъ во главѣ. Пока ихъ соплеменники владѣли Египтомъ (2200—1700), подъ именемъ гиксовъ (§ 9), они успѣли разбогатѣть и развить свою торговлю. Наставшее потомъ господство египтянъ (1700—1200) не мѣшало ихъ процвѣтанію, къ какъ фараоны покровительство-

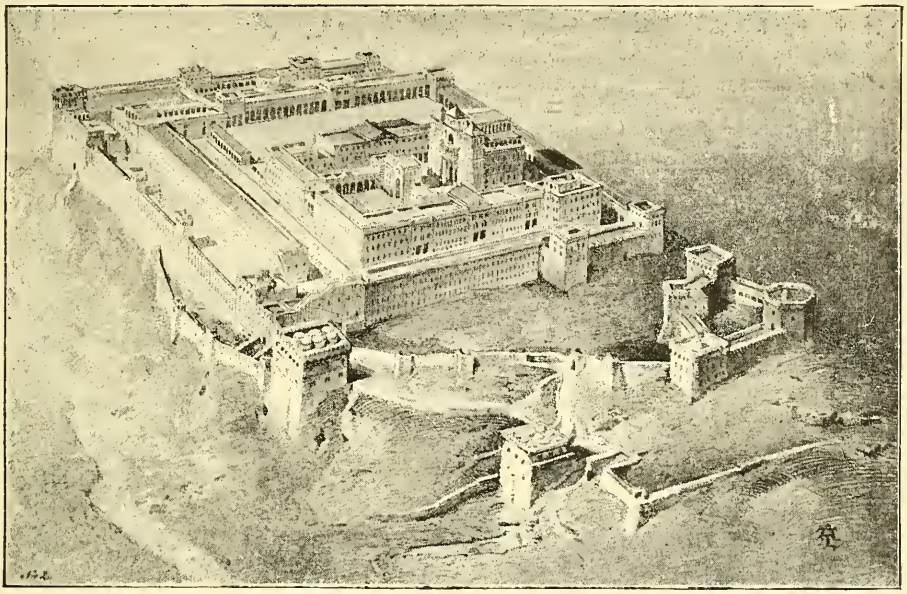
вали имъ, дорожа ихъ флотомъ. Тогда финикіяне распространили свои колоніи, торговыя конторы и пристани по *восточному* бассейну Средиземнаго м. до Италіи, по Архипелагу и Черному м. до Колхиды и устьевъ Тира (Днѣстра); сидонецъ Кадмъ основалъ даже Ѳивы внутри Греціи. Въ то же время финикіяне вели сухопутную торговлю съ Индіей, Аравіей, Вавилономъ и Кавказомъ. Они мастерски приготовляли *бронзовыя* издѣлія, доставая олово въ Индіи и на Кавказѣ, и развозили ихъ по берегамъ Средиземнаго м., обитатели которыхъ жили еще въ каменномъ вѣкѣ. Величіе колоніальныхъ предпріятій финикіянъ такъ поражало всѣхъ, что составилось много сказокъ о нихъ; сами финикіяне говорили, что ихъ богъ, *Мелькартъ*, или Баалъ тирскій, устраивалъ имъ колоніи. Но у сидонцевъ явился опасный врагъ. Они легко основывали колоніи вездѣ, гдѣ встрѣчались семиты; но по берегамъ Малой Азіи они столкнулись съ арійцами, которые дали имъ отпоръ. Ок. 1400 г. арійцы, подъ именемъ *пелазговъ*, сами стали плавать по Средиземному м. и усилились до того, что достигли Мемфиса и Колхиды—два событія, которыя слились въ ихъ преданіяхъ въ одну сказку о *походѣ Аргонавтовъ*. Часть ихъ, съ Крита, ворвалась въ Палестину, подъ именемъ *филистимлянъ*. Въ то же время могущество сидонцевъ было потрясено нашествіемъ новыхъ семитовъ: то евреи возвращались изъ Египта (§ 12). Ок. 1200 г. палъ Сидонъ, но его мѣсто занялъ *Тиръ* — и финикіяне усилились больше прежняго.

§ 32. **Еврейская держава. Давидъ**. Возвращеніе евреевъ изъ Египта послужило началомъ исторіи Палестины. Пока евреи странствовали въ пустынѣ, опасаясь Раммесу III, который опустошалъ Сирію (§ 16), у нихъ не могло быть государства: они распадались на 12 колѣнъ, которыя вели свое происхожденіе отъ Іакова, внука Авраамова, и раздѣлялись на роды, управляемые старѣйшинами. Но евреи уже составили особую народность, благодаря новой религіи, данной черезъ *Моисея*. Они презирали свою старую вѣру, сохранявшуюся у хананитовъ (§ 30), какъ идолопоклонство, и стали монотеистами (введ. § 6), признавъ единаго бога, *Іегову*. Іегова сталъ могучимъ и строгимъ царемъ евреевъ; онъ далъ имъ первые законы (10 заповѣдей) и соединилъ ихъ вокругъ своего святилища — скиніи (палатки) съ ковчежцемъ, у которой собирался весь народъ въ праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей. Съ такимъ Богомъ евреи почувствовали въ себѣ силу и захватили *Палестину* у хананитовъ (ок. 1300 г.). Здѣсь они должны были остановиться, въ виду сильныхъ филистимлянъ и сидонцевъ. Вскорѣ евреи стали подчиняться мѣстнымъ вѣрованіямъ, и у нихъ начались междоусобія: родъ возсталъ на родъ. Тогда стали возникать у евреевъ попытки создать государство: вожди, побѣждавшіе хананитовъ, становились князьками, подъ

именемъ *судей*. Таковы героическія личности *Самсона*, *Деворы* и *Барака*, *Гедеона*, *Иліи*, *Самуила*. Но судьи являлись лишь временно, и не всѣ колѣна подчинялись имъ. Оттого бѣдствія продолжались, и евреи выбрали себѣ царя, т.-е. перешли къ государственному быту. Первый царь, *Саулъ*, еще не могъ ввести порядка; но его преемникъ, *Давидъ*, уже объединилъ евреевъ и основалъ, среди колѣна Іуды, столицу *Іерусалимъ*, куда была поставлена священная скинія. При немъ евреи вдругъ стали великою державой, наравнѣ съ Египтомъ и Ассиріей, и такими же воинственными. Давиду повиновались всѣ народы отъ Евфрата до Египта, а финикіяне искали его союза, посылали ему кедровый лѣсъ и мастеровыхъ для постройки роскошнаго дворца. Много было недостатковъ у Давида; но евреи помнили только, что это былъ сильный и искусный основатель ихъ державы и сверхъ того—народный поэтъ. Давидъ сталъ героемъ націи, типомъ Мессіи, который придетъ возстановить еврейство въ минуту его паденія; съ его именемъ связаны всѣ религіозныя пѣсни народа.

§ 33. **Саломонъ. Распаденіе еврейской державы.** Такимъ же національнымъ героемъ сталъ сынъ Давида, *Саломонъ* (ок. 1000 л.), только съ другимъ характеромъ. Саломонъ не воинъ, а философъ. Евреи вели отъ него всю свою философскую литературу, состоявшую изъ изреченій по житейской мудрости и отчасти по зоологіи и ботаникѣ. Они превозносили его, какъ вѣчный образецъ премудрости, какъ учителя, къ которому пріѣзжала за совѣтами даже царица аравійскаго государства Сабы. Этотъ величавый образъ перешелъ въ преданія всѣхъ семитовъ и даже арійцевъ. Саломонъ былъ также типомъ царя сильнаго, установившагося царства. У него было множество женъ, египтянокъ и хананитокъ, и онъ иногда служилъ ихъ богамъ. Его дворцы блистали роскошью; у него тронъ былъ изъ слоновой кости и золота, посуда и щиты тѣлохранителей золотые; тогда на дорогой кедръ евреи стали смотрѣть, какъ на простую смоковницу. Саломонъ построилъ и храмъ въ Іерусалимѣ, который народъ считалъ чудомъ Свѣта, хотя онъ былъ ничтожествомъ сравнительно съ сооруженіями египтянъ и халдеевъ, такъ какъ евреи были небольшимъ и бѣднымъ народомъ: одинъ Тиръ былъ богаче всего ихъ царства. Чтобы сдѣлать свой народъ такимъ же богатымъ, какъ финикіяне, Саломонъ устраивалъ торговые пути изъ Египта въ Халдею черезъ Палестину, завелъ флотъ съ помощью своего союзника, тирскаго царя *Гирама;* сталъ торговать съ Аравіей и Индіей. Эти предпріятія разнесли имя Саломона по всему свѣту; но они были тяжелы для народа: евреи были мирными земледѣльцами, сбывавшими въ Финикію хлѣбъ, масло, вино и шерсть, и твердыми приверженцами старины, освященной вѣрою, которая сохраняла ихъ національность среди массы чуждыхъ народовъ; а ихъ хотѣли сдѣлать воинственною и тор-

говою націей, стремящеюся къ новизнѣ и чужимъ обычаямъ. Оттого еврейская держава процвѣтала недолго, да и то лишь благодаря упадку Египта, Ассиріи и Сидона. Она начала разлагаться уже въ концѣ царствованія Саломона. Съ сооруженіемъ храма развилась сильная іерархія; евреи уже перестали сами приносить домашнія жертвы и обращались къ *левитамъ* (священникамъ). Первосвященникъ вскорѣ



Іерусалимскій храмъ Саломона.

пріобрѣлъ большое вліяніе на народъ. Между колѣнами вспыхнула вражда, которая разгорѣлась оттого, что всѣ завидовали іудину колѣну, владѣвшему Іерусалимомъ и скиніей. Народъ волновался еще отъ тяжелыхъ налоговъ, которыми поддерживалась пышность Саломона. 10 сѣверныхъ колѣнъ отложились: назвавъ только себя *Израилемъ* *) они выбрали себѣ особаго царя, *Іероваама;* остальныя два колѣна, съ іудинымъ во главѣ, признали сына Саломона, *Роваама.* Такъ распалась еврейская держава на два царства—іудейское и израильское (978 г.); столицею послѣдняго стала деревня *Самарія.* Ханаанитскіе вассалы тотчасъ же отпали отъ евреевъ, которые оскорбляли ихъ своею нетерпимостью, и даже начали нападать на нихъ. Между израильскимъ и іудейскимъ царствами возгорѣлось соперничество, тѣмъ болѣе упорное, что они были равносильны. Но израильское царство пало раньше. Въ немъ господствовали междоусобія, особенно

*) До тѣхъ поръ такъ называли себя всѣ евреи, въ честь Іакова, который носилъ прозвище «Израиля».

при царѣ *Ахавѣ*, женатомъ на *Іезавели* тирской. Ахавъ ввелъ поклоненіе Баалу, и пророки *Илія* и *Елисей* возстановили противъ него народъ. Сверхъ того на израильтянъ пали первые удары Ассиріи.

§ 34. **Успѣхи Ассиріи и паденіе израильскаго царства.** Ассирія достигла тогда высшаго могущества. Преемники Тиглат-фаласара I (§ 29) расширили ея владѣнія неутомимыми походами, достигая Чернаго и Каспійскаго морей и Инда — съ одной стороны, хетовъ и Сидона — съ другой. Они же создали ту Нинивію, остатки которой найдены Лейярдомъ у Нимруда (§ 22). Около 800 г. Ассирія стала первою державой на Востокѣ. Она брала дань съ израильскаго царства и владѣла, за Тавромъ, Киликіей и Каппадокіей; а на Востокѣ ей подчинялись мидяне и персы. Еврейскіе пророки сравнивали Ассирію съ „ливанскимъ кедромъ, который возвышается надъ всѣми деревьями". Ассирія особенно прославилась при новой династіи, основанной *Саргономъ*. Уже владѣя бо́льшею частью Передней Азіи, она рѣшилась тогда уничтожить три послѣднія державы Востока — Палестину, Финикію и Египетъ. Палестина совсѣмъ ослабѣвала отъ внутреннихъ раздоровъ. Кромѣ борьбы между царствами израильскимъ и іудейскимъ, въ каждомъ изъ нихъ были волненія и насильственная смѣна царей. Въ Самаріи и Іерусалимѣ боролись двѣ партіи — свѣтская и духовная. Свѣтская держалась воинственной политики: она желала союза съ финикіянами и особенно съ Египтомъ, чтобы остановить успѣхи нинивійскихъ деспотовъ. Духовная же партія, которая трепетала предъ могуществомъ Ассиріи и не надѣялась на своевременную помощь Египта, проповѣдовала миръ, старалась задобрить ассирійцевъ покорностью и дарами, даже помогала имъ противъ Финикіи и Египта. Во главѣ этой партіи стояли *пророки* — „богодухновенные" люди, служившіе представителями еврейской національности и чистоты религіи. Они имѣли могущественное вліяніе на народъ. Оттого Іудея не помогла союзу Израиля съ сирійцами, финикіянами и египтянами противъ Саргона — и Саргонъ уничтожилъ эти послѣднія силы Востока. Сначала онъ разбилъ сирійскихъ царьковъ, потомъ взялъ Самарію (720). Ея жители были переселены въ Мидію, а на мѣсто ихъ пригнали халдеевъ: евреи называютъ это несчастіе *ассирійскимъ плѣненіемъ*. Въ Самаріи водворились ассирійскій намѣстникъ и боги Нинивіи. Затѣмъ Саргонъ поразилъ въ Палестинѣ египетское войско, опоздавшее помочь Самаріи. „Я (говоритъ онъ въ своей надписи) наложилъ дань на фараона Шабаку (§ 16) и на царицу Аравіи. Въ пустынѣ живетъ царь Мероэ. Его предки никогда не присылали къ моимъ предкамъ пословъ съ миромъ и дружбой; но неописанный ужасъ, внушаемый моимъ величіемъ, подѣйствовалъ на него, и страхъ измѣнилъ его намѣренія; онъ призналъ величіе боговъ Нинивіи, направилъ стопы свои къ Ассиріи и простерся

передо мной". Саргонъ умалчиваетъ о томъ, какъ сила его была остановлена Финикіей.

§ 35. **Государственный бытъ Финикіи.** Финикія стала тогда великою державой. Послѣ паденія Сидона (§ 30), она еще болѣе усилилась, благодаря процвѣтанію Тира. Господство Тира продолжалось около 500 л. (1200—700); впрочемъ оно было ограничено. Тиръ былъ не столицей большаго государства, а главой *союза* финикійскихъ городовъ, которые присылали сюда своихъ депутатовъ для обсужденія общихъ дѣлъ; во всемъ остальномъ каждый городъ былъ самостоятеленъ. Финикійскіе города представляли собой рядъ маленькихъ монархій, напоминающихъ конституціонную Англію. Здѣсь царская власть была ограничена чинами, выбранными народомъ, жрецами и собраніями богачей. По своему характеру, это было *тимократическое* правленіе, или господство денежной аристократіи, капиталистовъ. Богачи составляли замкнутое сословіе и угнетали народъ. Впослѣдствіи городское населеніе, раздѣленное на цехи, соединилось съ рабами и наемными войсками и низвергло господство богачей. Но несчастный сельскій людъ вѣчно оставался рабомъ и крѣпостнымъ, котораго помѣщикъ могъ выслать въ далекую колонію за малѣйшее ослушаніе. У крестьянина не было даже клочка земли, которая вся была подѣлена между царемъ, жрецами и богачами. Такъ Финикія, столь непохожая на азіятскія деспотіи по формѣ правленія, была не лучше нихъ относительно массы народа. Здѣсь политическая свобода существовала лишь для весьма немногихъ. Оттого Финикія вскорѣ пала подъ ударами азіятскихъ же деспотій: она не была сильнѣе ихъ.

§ 36. **Религія финикіянъ.** Господство Тира основывалось не только на его политическомъ, но и на религіозномъ значеніи. Изстари это былъ центръ поклоненія главнымъ финикійскимъ божествамъ, *Баалу* (Белу) и *Милитѣ*. Уже эти названія доказываютъ, что религія финикіянъ была точно такая же, какъ у вавилонянъ; только у нихъ гораздо болѣе развилось *мѣстное* поклоненіе, вслѣдствіе раздробленности націи. Здѣсь въ каждомъ городѣ былъ свой Баалъ: *Баалъ Тирскій*, *Баалъ Сидонскій* и т. д. Только Тирскій Баалъ почитался одинаково по всей Финикіи, подъ особымъ именемъ *Мелькарта* („царя города"). У него былъ знаменитый храмъ въ Тирѣ, имѣвшій значеніе собора для всей страны и послужившій образцомъ для Саломонова храма. Въ немъ горѣлъ вѣчный огонь, отъ котораго блистали два большихъ столба (эмблема божества), одинъ золотой, другой изумрудный. Мелькарту поклонялись также въ видѣ аэролитовъ, деревьевъ, горъ и источниковъ. Со всей страны стекались сюда толпы богомольцевъ три раза въ годъ: зимой на праздникъ засыпанія бога, весной—воскресенія, лѣтомъ—самосожженія. Баалъ—вся природа, въ особенности солнце. Подобно египетскому Гору, подлѣ Баала стоялъ его

юный образъ, *Адонъ* (греч. Адонисъ), который умиралъ осенью, и его кровью наполнялась рѣчка Адонъ близъ Библа; а весной праздновалось его „воскресеніе“. Природу означала и „великая мать“, Милита, которую чаще называли здѣсь *Ашерой*, а въ Аскалонѣ – *Деркето*. Ей были посвящены рощи и воды, а изъ животныхъ голуби. Всего болѣе почитали ее женщины, которыя устраивали въ честь нея роскошные лѣтніе праздники „кущей“, или палатокъ. Въ финикійской религіи замѣчательно смѣшеніе добраго и злаго начала. Добрый Баалъ обращается лѣтомъ во всесожигающее солнце, въ огонь, въ смерть, словомъ, въ зло. Тогда онъ назывался *Молохомъ* („царь“), котораго изображали въ видѣ мѣднаго тельца или человѣка съ бычачьей головой и съ протянутыми руками, на которыя клали дѣтей, скатывавшихся въ раскрытую пасть истукана, раскаленнаго докрасна. Добрая, веселая Ашера также превращалась въ свирѣпую *Астарту* (Истаръ). Ея жрецы уродовали себя, рѣзали, бичевали. Она изображалась въ видѣ дѣвы, ѣдущей на волѣ или львѣ, съ копьемъ въ рукѣ (§ 24). Это—Луна; а за нею гонится солнце, Мелькартъ. Оба божества основываютъ по дорогѣ колоніи и города и вводятъ свою религію. Дѣйствительно, финикійская религія оставила слѣды по всѣмъ берегамъ Средиземнаго м.: *Минотавръ* критскій и *Колоссъ* родосскій изображали Молоха и Адона. Греческая *Аѳродита* есть Ашера миртовыхъ рощицъ города Пафоса на Кипрѣ. Смѣсь добра и зла еще болѣе выразилась въ финикійскомъ богослуженіи. Празднества въ честь Молоха и Астарты сопровождались самоистязаніемъ и кровопролитіемъ, а въ честь Адона и Ашеры—оргіями, т.-е. неистовымъ весельемъ, плясками и пьянствомъ.

§ 37. **Наука и искусство въ Финикіи.** Финикіяне не оказали успѣховъ ни въ наукахъ, ни въ искусствахъ. Надписей отъ нихъ осталось мало, да и тѣ неважны. Книги были у нихъ все религіозныя, написанныя богомъ *Таутомъ*, играющимъ роль Тота (§ 14) и Оанна (§ 25). Великая заслуга финикіянъ состоитъ только въ изобрѣтеніи ключа къ наукѣ, *азбуки* (введ. § 16), которая нужна была имъ, какъ купцамъ. Въ искусствѣ финикіяне были подражателями другихъ націй. Зодчество они заимствовали у египтянъ, какъ видно по развалинамъ въ Арадѣ, Іерусалимѣ и Баалбекѣ (§ 20). Храмы, отчасти сохранившіеся на Кипрѣ и Мальтѣ, были маленькіе, но дворы при нихъ большіе. Форма храмовъ египетская. Были даже столбы, напоминающіе обелиски, но съ конусообразной вершиной: это эмблемы божествъ. Подобною же формой отличаются зданія, находимыя въ Сардиніи и на Балеарахъ, похожія на ассирійскіе зиггураты. На мѣстѣ важнѣйшихъ городовъ Финикіи остались однѣ могилы египетской же формы, съ саркофагами и муміями: это самая любимая архитектурная форма у финикійскихъ художниковъ. Отъ финикійской *скульптуры* осталось

нѣсколько идоловъ, а больше всего глиняныхъ, каменныхъ и бронзовыхъ статуекъ да мелкихъ произведеній изъ золота и слоновой кости. Главная черта этой скульптуры — *смѣсь египетскаго и ассирійскаго вліяній*: ея формы египетскія, а исполненіе ассирійское; она щеголяетъ отдѣлкой мелочей, иногда даже болѣе тонкой, чѣмъ въ Нимрудѣ и Хорзабадѣ. Этотъ смѣшанный скульптурный стиль отразился въ раннихъ произведеніяхъ греческаго ваянія. Онъ былъ принятъ дорянами и этрусками точно такъ же, какъ чисто ассирійскій стиль перешелъ къ іонійцамъ.

§ 38. **Промышленность и торговля финикіянъ**. Матеріальная культура достигла у финикіянъ необыкновеннаго развитія. Каждый клочекъ земли былъ хорошо обработанъ, особенно для винодѣлія. Но на первомъ планѣ стояла *промышленность*, обработка сырыхъ продуктовъ. Обиліемъ заводовъ и мастерскихъ каждый городъ напоминалъ Лондонъ. Вотъ главныя отрасли финикійскаго производства. 1) *Пурпурныя*, или цвѣтныя, *матеріи*. Краски извлекались изъ морскихъ раковинъ. Обыкновенно красили шерсть, получаемую изъ Сиріи и Испаніи. Такъ какъ на одинъ фунтъ шерсти шло 6 фунтовъ краски, то пурпурныя матеріи были дороги и употреблялись только царями, главными жрецами, да на украшеніе храмовъ и дворцовъ. Частныя лица довольствовались пурпурными каймами и бантами. 2) *Стекло*. Хотя оно было изобрѣтено египтянами, но въ древности никто не умѣлъ такъ хорошо приготовлять его, какъ финикіяне. Особенно славились ихъ стеклянныя вазы съ эмалью, затѣмъ мелкія украшенія, ожерелья и т. д. 3) *Гончарныя произведенія*. Раскрашенныя глиняныя вазы особенно нравились дикарямъ Британіи. Онѣ послужили образцомъ для греческихъ вазъ. 4) *Металлическія вещи* всякаго рода, отъ кубковъ до топоровъ. Финикіяне были неподражаемы въ горномъ дѣлѣ. Они добывали всякіе металлы и драгоцѣнные камни, но всего болѣе любили обрабатывать *бронзу*, которая послужила образцомъ для издѣлій бронзоваго вѣка въ Европѣ. 5) Столь же хорошо обдѣлывали финикіяне *слоновую кость*, которую находили на сѣверныхъ берегахъ Африки. Сырые продукты для этой замѣчательной промышленности добывались главнымъ образомъ за-границей. Тамъ же были и главные рынки для сбыта финикійскихъ произведеній. Вотъ причины весьма ранняго и поразительнаго развитія финикійской *торговли*, превосходившей торговлю венеціанцевъ въ средніе вѣка. Морская торговля финикіянъ доходила до Офира (устья Инда) и Касситеридскихъ, или Оловянныхъ, острововъ (Сорлингскіе). Сухопутная шла по слѣдующимъ направленіямъ: 1) отъ устьевъ Сены до устьевъ Роны; 2) отъ Одера до По (этимъ путемъ финикіяне получали янтарь); 3) изъ Финикіи въ Іеменъ, Египетъ и Арамъ; 4) изъ Финикіи въ Месопотамію; у Эмезы путь раздѣлялся на вавилонскій и нинивійскій; 5) изъ

Гарана къ армянамъ и колхамъ. Финикійская торговля была мѣновая. Торговая дѣятельность создала мрачный *характеръ* финикійца. Грубость сердца, корыстолюбіе, эгоизмъ—вотъ типъ этого „торгаша“, какъ называли его презрительно греки даже въ позднѣйшее время. Финикіяне всегда были болѣе или менѣе пиратами. Они воровали дѣтей для продажи въ рабство; на морѣ губили чужіе корабли; распространяли ужасныя сказки о новыхъ странахъ, чтобы никто не смѣлъ заглянуть туда.

§ 39. **Тирская эпоха. Карѳагенъ.** Торговля привела финикіянъ къ *колоніальной системѣ*, хотя они основывали не столько полныя колоніи (государства съ населенными землями), сколько торговыя конторы, вродѣ старыхъ европейскихъ факторій въ Индіи и Африкѣ. Въ тирскій періодъ *западный* бассейнъ Средиземнаго моря покрылся финикійскими колоніями. Сначала была основана Утика, потомъ Гадесъ (Кадиксъ, „крѣпость“) и Малага („солонина“). Финикіяне заняли также Мальту, Сардинію и Сицилію и доходили до Сенегала и Британіи. Всѣ эти колоніи были основаны въ 1200—1000 г. Онѣ подчинялись своей *митрополіи* („матери-городу“), которая давала имъ своихъ правителей, и платили десятину храму Мелькарта тирскаго. Распространяя свое господство на западѣ, финикіяне старались оградить себя съ востока отъ нападеній ассирійской державы. Отсюда ихъ союзъ съ еврсями, начиная съ Гирама (§ 33). Въ эту эпоху процвѣтанія даже внутренніе безпорядки не приносили вреда финикіянамъ. Ок. 880 г. въ Тирѣ произошла революція, при царѣ *Пигмаліонѣ*, который понялъ необходимость помочь угнетенной массѣ и сталъ за демократовъ (за городскихъ рабочихъ). Сестра его, *Элисса*, возстала противъ него во главѣ аристократовъ (богачей), желавшихъ поддержать свои старыя привилегіи. Она должна была бѣжать съ своими приверженцами и основала *Карѳагенъ* („новый городъ“). Элиссу прозвали Дидоной („бѣглянкой“). Карѳагенъ оказался самою важною колоніей. *Пунійцы* (такъ называли карѳагенянъ на Западѣ), въ теченіе менѣе трехъ вѣковъ (880—600), покорили туземцевъ, ливофиникіянъ (смѣсь кушитовъ, арійцевъ и сидонцевъ), которые вели частью осѣдлый, частью кочевой образъ жизни и распадались на много мелкихъ родовъ, связанныхъ между собой только религіозною святыней у оз. Тритона, близъ мыса Бона. Пунійцы основали много колоній по сѣверному берегу Африки и на островахъ. Ок. 600 г. они овладѣли *Сиртскими* заливами, откуда шелъ торговый путь во внутреннюю Африку. Здѣсь карѳагеняне впервые столкнулись съ греками, которые основали сильную колонію *Кирену* (§ 17) и даже побѣждали египтянъ. Они остановили грековъ у *Алтарей-Филеновъ*, т.-е. утвердили за собою выгодную торговлю съ неграми до р. Нигера и оз. Чада. Когда палъ Тиръ, всѣ его колоніи искали опоры у Карѳагена про-

тивъ туземцевъ, и пунійцы стали уже важною державой, напоминавшею Сидонъ и Тиръ. Они устроили рядъ приморскихъ крѣпостей къ западу отъ Бона, колонизовали берега Испаніи и завели сильный флотъ.

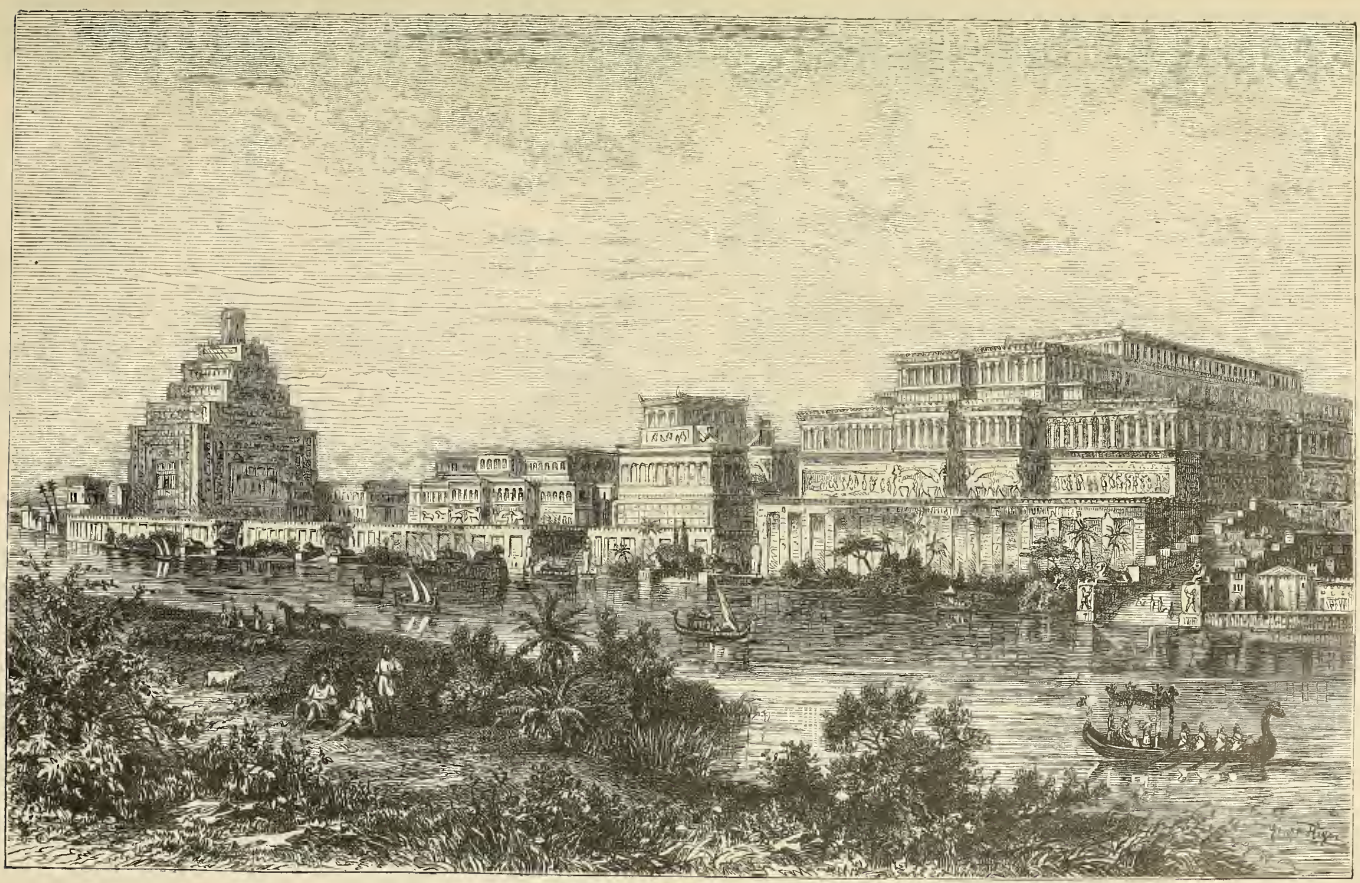
§ 40. **Культура Карѳагена. Значеніе Финикіи и Карѳагена.** Карѳагенская культура мало отличается отъ финикійской; она только грубѣе, менѣе развита. Пунійцы прославились своими промыслами и торговлей: передъ пуническими войнами они дошли почти до бумажныхъ денегъ и были первыми банкирами въ мірѣ. Но пунійцы занимались также *земледѣліемъ;* у нихъ были огромныя плантаціи съ массой рабовъ; ихъ письменность была попреимуществу сельско-хозяйственная. Искусство придерживалось финикійскаго стиля, но отличалось первобытнымъ безобразіемъ; лишь впослѣдствіи явился изящный стиль; но онъ принадлежалъ греческимъ мастерамъ. Въ религіи особенно развилось злое начало: пунійцы поклонялись *Баалу-Сожигателю* (Молоху), которому приносили въ жертву дѣтей даже въ началѣ христіанства. Господства этого чудовища не могли подавить даже нѣжные образы Аполлона и Цереры, которые позже проникли въ Карѳагенъ. Жрецовъ не было: ихъ роль играли государственные сановники. Государство поглощало жизнь гражданъ, хотя оно было *республиканское.* Правленіе принадлежало двумъ *суффетамъ*, которые избирались пожизненно изъ богачей и богачами же. Всѣ должности были безъ жалованья, т.-е. ихъ могли занимать только богачи, среди которыхъ выдавались фамиліи *Магона* и *Барки.* Главы знатныхъ семей сходились по ночамъ на сходки, чтобы подготовлять дѣла для сената. *Сенатъ*, состоявшій изъ 300 главныхъ богачей, издавалъ законы, назначалъ чиновниковъ, судилъ полководцевъ. Онъ избиралъ два совѣта—*Ста* и *Десяти*, которые слѣдили, какъ тайная полиція, за всѣми, не исключая суффетовъ и самихъ сенаторовъ. Вскорѣ эти совѣты, напоминающіе средневѣковую Венецію, обратили республику въ невыносимый деспотизмъ, основанный на шпіонствѣ. Этотъ насильственный и коварный характеръ отразился и въ колоніальной политикѣ пунійцевъ. Колоніи обязывались покупать только карѳагенскіе товары, а подчиненные пунійцамъ народы Африки изнывали подъ бременемъ налоговъ; они доставляли имъ и войска, состоявшія изъ легкой кавалеріи, вооруженной длинными пиками. Эгоистическая политика торгашей погубила Карѳагенъ: угнетенные народы всегда были союзниками ихъ враговъ; внутри республики безправная демократія возставала противъ деспотической тимократіи. Римляне только довершили внутреннее разложеніе пунійцевъ. Значеніе Карѳагена заключается въ томъ, что онъ былъ *передовымъ* распространителемъ восточной цивилизаціи на Западѣ. Сверхъ того онъ представляетъ намъ первый образчикъ *республики* и единственный въ древности примѣръ

торговаго государства съ *завоевательною* политикой. Но такъ какъ Карѳагенъ распространялъ не свою, а финикійскую цивилизацію, то значеніе его митрополіи гораздо выше. Финикіяне были истинными *піонерами матеріальной цивилизаціи на Западѣ*. Европа обязана имъ своимъ *бронзовымъ* вѣкомъ: здѣсь и формы, и отдѣлка бронзовыхъ вещей чисто азіатскія. Финикіяне, сверхъ того, всюду распространили азбуку и зачатки дорическаго стиля въ архитектурѣ, хотя вообще ихъ наука и искусство были заимствованы у египтянъ. Наконецъ Финикія представила первый образчикъ ограниченной, *конституціонной монархіи*.

§ 41. **Паденіе Тира и Іерусалима.** Эпоха процвѣтанія Карѳагена связана съ эпохой упадка Финикіи. Могущество Тира поколебалось съ паденіемъ израильскаго царства, союзъ съ которымъ задерживалъ успѣхи ассирійцевъ. Тиръ сопротивлялся сильнѣе Самаріи, но не могъ удержаться. Онъ остановилъ армію Саргона (§ 34), который безуспѣшно осаждалъ его нѣсколько лѣтъ; но его господство уже пало тогда. Всѣ другіе города Финикіи подчинились Ассиріи и помогли ей овладѣть Кипромъ. Около того же времени греки, уже владѣвшіе сидонскими колоніями, отняли у финикіянъ восточную Сицилію и основали тамъ *Сиракузы* (734); въ Италіи финикіяне встрѣтились съ новою морскою державой — съ этрусками, а въ Испанію вторгнулись кельты. Въ самой Финикіи, за исключеніемъ Тира, владычество Ассиріи продолжалось до самаго ея паденія. Его смѣнило господство ново-халдейской державы царь которой, Навуходоносоръ, разрушилъ Тиръ послѣ 13-лѣтней осады (574 г.). А въ 537 г. финикіяне уже безъ борьбы подчинились персидскому царю Киру. Они безропотно стали совершать морскіе походы по его приказанію, и только разъ не послушались его — когда онъ велѣлъ имъ разрушить родной Карѳагенъ. Союзники финикіянъ, евреи, гораздо раньше испытали ту же судьбу. Послѣ паденія Израиля, они представляли ничтожную силу, въ видѣ іудейскаго царства. *Сеннахерибъ*, сынъ Саргона, уже обращался съ ними, какъ съ подданными. Въ его надписи (ок. 680 г.) сказано, согласно съ Библіей: „Съ помощью огня, битвъ и осадныхъ башенъ, я овладѣлъ городами Езекіи, царя іудейскаго, и выгналъ оттуда 200,150 человѣкъ старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, а также несмѣтное множество коней, ословъ, муловъ, верблюдовъ, быковъ и овецъ; и все это я взялъ съ собой, какъ добычу. Езекію же я заперъ въ Іерусалимѣ, какъ птицу въ клѣткѣ. Страхъ предъ моимъ величіемъ поразилъ его. Онъ выслалъ ко мнѣ воиновъ, собранныхъ для защиты его державнаго города, а съ ними 30 золотыхъ и 400 серебряныхъ талантовъ, много металловъ, рубиновъ, жемчуга, большихъ карбункуловъ, кожаныхъ стульевъ и троновъ, амбры, кожъ морскихъ животныхъ, сандальнаго

и чернаго дерева, а также всю свою казну, своихъ дочерей и женъ, рабовъ и рабынь. Онъ отрядилъ посла, чтобы вручить мнѣ эту дань и признать себя моимъ подданнымъ". Самъ Іерусалимъ уцѣлѣлъ, потому что зараза уничтожила войско, посланное Сеннахерибомъ противъ египтянъ, но не надолго. Евреи чуяли бѣду и становились еще упорнѣе въ сохраненіи своей національности. Замученнаго царемъ, покланявшимся Баалу, Исаію замѣнилъ *Іеремія*, пророкъ еще болѣе національный и непримиримый. При царѣ *Іосіи*, левиты нашли въ храмѣ „Второй Законъ" (622 г.) — книгу, которая предписывала болѣе строгое почитаніе Іеговы. Иностранные идолы были уничтожены вмѣстѣ съ ихъ жрецами. Въ то время евреи задабривали ассирійцевъ дарами. Между тѣмъ пала Ниневія, и Навуходоносоръ вавилонскій взялъ Іерусалимъ и разрушилъ іудейское царство, въ 587 г. Послѣ паденія еврейскихъ царствъ постепенно исчезъ и древній еврейскій языкъ. Около времени Магомета (600 л. по Р. Х.) онъ уступилъ мѣсто арамейскому нарѣчію, какъ народный говоръ, но сохранился, какъ языкъ церковный и литературный. Впрочемъ и этотъ послѣдній подвергался сильнымъ измѣненіямъ: въ него вошло много словъ арамейскихъ, греческихъ и латинскихъ (таковъ языкъ Мишны, или собранія толкованій раввиновъ, которыя составили основу Талмуда); затѣмъ явилось много арабскихъ словъ, благодаря испанскимъ евреямъ, принявшимъ арабскую культуру. Это послѣднее нарѣчіе до сихъ поръ служитъ литературнымъ языкомъ евреевъ.

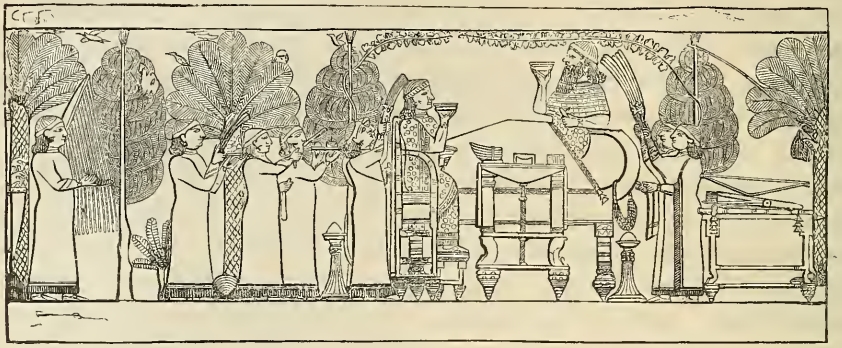
§ 42. **Процвѣтаніе Ассиріи. Искусство.** Паденіе Іудеи и Финикіи было слѣдствіемъ процвѣтанія Ассиріи, которое началось около 800 г. (§ 34) и достигло высшей степени при Саргонидахъ. Уже Сеннахерибъ стремился отомстить Египту за походъ Таут-меса III на Ниневію, но онъ былъ убитъ своими сыновьями въ храмѣ, на молитвѣ. При его сынѣ, и особенно внукѣ, *Ассур-бан-абалѣ* (ок. 650 г.), ассирійская держава дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ. Кромѣ Сиріи и Ханаана, ей принадлежали Египетъ до Ѳивъ, часть Аравіи и Малая Азія. Тогда же погибъ гордый Эламъ: Ассур-бан-абалъ бросилъ туловище его послѣдняго царя псамъ, а голову посолилъ и повѣсилъ въ своемъ саду, чтобы любоваться ею. Наканунѣ паденія Ниневіи Ассур-бан-абалъ былъ полнымъ представителемъ своего народа, образцомъ энергіи, воинственности, жестокости и любви къ искусству. Онъ довершилъ своими постройками (въ Куюнджикѣ) блескъ, приданный ассирійскому *искусству* другими Саргонидами (въ Хорзабадѣ). Ассирійскіе *дворцы* располагались на искусственныхъ холмахъ. Они состояли изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей. Стѣны были толсты, комнаты узки, низки и длинны; крыши земляныя и плоскія, и въ нихъ прорѣзывались отверстія для освѣщенія комнатъ, лишенныхъ оконъ. У входа стояли „херувы" — два огромныхъ камен-



Ассирійскій дворецъ въ Нинивіи.

ные быка или льва съ человѣчьей головой и съ крыльями. При большихъ пріемахъ дворы также обращались въ залы: ихъ покрывали пологомъ, растянутымъ на колонкахъ. Головка колоннъ состояла изъ *завитка*. Дворецъ раздѣлялся на три части, какъ и теперь у турокъ, которые называютъ ихъ *сералемъ* (жилище царя съ пріемными залами), *ханомъ* (службы, особенно „казна“ — кладовая, гдѣ хранилась дворцовая посуда, провизія и драгоцѣнности) и *гаремомъ* (замкнутое помѣщеніе для царскихъ женъ, охраняемое евнухами). Сераль отличался особенною роскошью и богатствомъ. Крыша была сдѣлана изъ кедровыхъ балокъ, покоившихся на кипарисныхъ колоннахъ, украшенныхъ желѣзомъ, серебромъ и скульптурой. Двери изъ чернаго дерева и кипариса представляли дугообразную *арку*; онѣ были испещрены рѣзьбой и накладною работой изъ желѣза, серебра и слоновой кости. Стѣны покрывались внизу каменными плитами съ барельефами, вверху *изразцами*, которыми вообще щеголяли ассирійцы; иногда онѣ обшивались кедромъ, кипарисомъ или чернымъ деревомъ; встрѣчаются и просто оштукатуренныя стѣны, но покрытыя живописью (фресками). Позади дворца возвышались зиггуратъ и храмъ. Здѣсь зиггуратъ походилъ больше на башню, чѣмъ на пирамиду, и служилъ обсерваторіей для придворныхъ астрологовъ, которые гадали по небеснымъ свѣтиламъ. *Храмъ* походилъ на дворецъ и былъ не великъ. Ассирійское зодчество представляетъ значительное развитіе искусства; оно отчасти сохранилось на Востокѣ до сихъ поръ; оно же послужило образцомъ для греческой архитектуры, наравнѣ съ египетскимъ зодчествомъ. Но въ немъ есть дѣтская черта — отсутствіе симметріи (соразмѣрности частей); вообще оно ниже египетской архитектуры, какъ по размѣрамъ и прочности, такъ и по исполненію. Зато ассирійское *ваяніе* превосходитъ египетское. Оно не такъ величественно, состоитъ изъ мелкихъ барельефовъ (статуй мало), избѣгаетъ твердаго матеріала, вдается въ мелочи; но отличается тонкостью и мягкостью чертъ, а главное — глубокимъ реализмомъ; оно полно жизни и движенія; въ изображеніи животныхъ даже греки не могли превзойти ассирійцевъ. Нинивійскій художникъ строго придерживался дѣйствительности, какъ бы фотографируя ее. Его барельефы изображаютъ самыя разнообразныя сцены обыденной жизни. Передъ нами проходитъ вся жизнь ассирійскаго царя. Въ Куюнджикѣ найденъ барельефъ, на которомъ изображены подробности пира Ассур-бан-абала и его жены въ саду гарема. Въ ассирійской скульптурѣ, конечно, много дѣтскаго, какъ и въ египетской (господство профиля), но она — мать греческой пластики, древнѣйшіе образцы которой трудно отличить отъ нинивійскихъ. *Живопись* играла важную роль въ украшеніи ассирійскихъ зданій; но она находилась въ дѣтскомъ состояніи; не было ни тѣней, ни перспективы. Много

занимались также *гравировкой* на твердыхъ камняхъ, особенно на цилиндрахъ. Художественный талантъ отразился и въ промышленности ассирійцевъ. Славились ихъ *изразцы* и глазурная глиняная посуда, а также изящныя *металлическія издѣлія*, особенно бронзовыя



Пиръ Ассур-бан-абала въ гаремѣ.

гирлянды для стѣнъ. Въ Греціи долго дорожили бронзовыми, золотыми и серебряными *вазами* ассирійской работы, которыя находятъ даже въ Этруріи. Не менѣе славилась ассирійская рѣзная *мебель* съ металлическими украшеніями, а также матеріи съ прекрасными *узорами*, которые послужили образцомъ для украшенія древнѣйшихъ греческихъ вазъ.

§ 43. **Государство, религія и письменность ассирійцевъ.** Благодаря барельефамъ, а также клинообразнымъ надписямъ, объясняются и другія особенности быта ассирійцевъ, развившіяся въ эпоху саргонидовъ. Ассирійцы были народомъ-рабомъ. *Женщины*, вслѣдствіе многоженства и безнравственности, были рабынями мужчинъ; онѣ жили узницами, подъ замкомъ гарема. Мужчины были *рабами*, вслѣдствіе крѣпостнаго права, вѣчнаго солдатства и нелѣпаго закона, по которому должникъ становился собственностью кредитора. Надъ всѣми тяготѣли *жестокіе законы*. Судъ былъ военный, быстрый и безпощадный, сопровождаемый пытками: обезглавленіе встрѣчалось рѣдко, какъ милость; обыкновенно или распинали на крестѣ, сажали на колъ, сожигали, или сдирали кожу съ живаго человѣка и бросали въ ровъ на растерзаніе лютымъ звѣрямъ; за малыя преступленія отрѣзывали члены, выкалывали глаза, вырывали языки. Эти законы были собственно плодомъ каприза невѣжественнаго и жестокаго царя. Ассирійскій *царь* былъ „намѣстникъ боговъ на землѣ“, т.-е. и главою религіи, и неограниченнымъ владыкой. Онъ назначалъ своихъ служителей, которыхъ сегодня призывалъ ко двору (иногда изъ самаго низшаго званія), завтра казнилъ, какъ послѣдняго раба. Изъ нихъ онъ выби-

ралъ и *сатраповъ*, или правителей провинцій, которые распоряжались, какъ царьки, пока царь не снималъ съ нихъ головы, чтобы воспользоваться ихъ богатствомъ и уничтожить сильнаго подданнаго. Въ Ассиріи не могло быть ни личностей, ни сословій съ правами, а также интеллигенціи, или аристократіи таланта и знанія: цари вовсе не думали о народномъ просвѣщеніи. Такое политическое устройство называется восточнымъ *деспотизмомъ*, или азіатскимъ султанатомъ; въ своемъ чистомъ видѣ оно впервые появилось въ Ассиріи. Въ остальной жизни ассирійцевъ было мало самобытнаго: они все перенимали у халдеевъ. Даже ихъ *религія* — вавилонская, только главный богъ назывался не Беломъ, а *Ассуромъ* и *Нином*ъ, т.-е. основателемъ Ассиріи и Ниневіи: онъ изображался въ кругѣ съ орлиными крыльями. *Письменность* у ассирійцевъ также вавилонская; они прибавили только грамматику и словари, что̀ было вызвано трудностями клинообразнаго письма и разнообразіемъ народовъ, входившихъ въ составъ ассирійской державы. Эта письменность довольно обширна. Открыта цѣлая придворная библіотека, „книги“ которой состоятъ изъ глиняныхъ дощечекъ, цилиндровъ и призмъ: часть ихъ относится ко временамъ Тиглат-фала-сара I (§ 29). У придворныхъ писцовъ слагался даже эпосъ, отрывокъ котораго составляютъ преданія о началѣ и концѣ Ниневіи. По этимъ преданіямъ, Ниневію построилъ чудо-богатырь, *Нинъ*, который сразу завоевалъ чуть не всю Переднюю Азію. Долго не поддавалась ему только крѣпкая Бактра; но ему помогла *Семирамида*, дочь богини Деркето, вскормленная голубями въ пустынѣ. Она была женой одного полководца Нина и пріѣхала въ лагерь къ мужу въ мужскомъ одѣяніи. Замѣтивъ слабую сторону Бактры, Семирамида указала на нее — и крѣпость была взята. Затѣмъ она стала женой Нина и послѣ его смерти продолжала его подвиги. Семирамида дошла до Инда, Нила и Дона; всюда она строила города, дороги, мосты, каналы, раи (парки); она же создала Вавилонъ, украсивъ его „чудомъ Свѣта“ — висячими садами. Эта чародѣйка не умерла, а обратилась въ голубя и улетѣла. Если Семирамида была богатыремъ въ женскомъ образѣ, то послѣдній ассирійскій царь, *Сарданапалъ*, представляется въ преданіи женоподобнымъ. Онъ провелъ свою жизнь въ стѣнахъ дворца, одѣвался въ женское платье, румянился, ткалъ и шилъ. Сверхъ того, онъ предавался лѣни и пьянству. Когда враги, халдеи и мидійцы, ворвались въ Ниневію, Сарданапалъ разложилъ костеръ посреди дворца и погибъ на немъ вмѣстѣ съ своими женами и сокровищами. Въ этихъ преданіяхъ Нину и Семирамидѣ приписано все, что̀ было сдѣлано ассирійцами въ теченіе ихъ исторіи. Имя Семирамиды взято у жены одного царя, которая была поставлена намѣстницей Вавилона. Деркето — та же Милита: ее почитали, какъ въ Финикіи (§ 36), такъ и въ Ассиріи. Смѣшеніе мужскаго и

женскаго элементовъ замѣтно въ религіи халдеевъ и финикіянъ, именно въ поклоненіи Астартѣ и Ашерѣ.

§ 44. **Паденіе и значеніе Ассиріи.** Со смертью Ассур-бан-абала кончается періодъ процвѣтанія Ассиріи. Между тѣмъ, какъ этотъ могущественный царь совершалъ отдаленные походы, подготовлялась гибель Нинивіи. Вавилоняне, которымъ ассирійцы были обязаны и своимъ происхожденіемъ, и своей цивилизаціей, постоянно мечтали о возстановленіи своей независимости. Они возставали при всякомъ отдаленномъ походѣ своихъ поработителей и вступали въ союзъ то съ сирійцами, то съ эламитами. Эти возстанія были особенно упорны въ эпоху процвѣтанія Ассиріи, что̀ вызывало жажду жестокой мести у міровыхъ завоевателей. Сеннахерибъ говоритъ въ своей надписи: „Вавилонъ съ Эламомъ поднялись для преступленій, словно туча саранчи, обсѣдающей поля. Сердце мое наполнилось гнѣвомъ. Я быстро вскочилъ на самую большую изъ моихъ боевыхъ колесницъ, на ту, которая сметаетъ враговъ; я взялъ могучій лукъ, дарованный мнѣ богомъ Ассуромъ. Я ринулся на мятежниковъ, какъ всепожирающій огонь, какъ богъ наводненій, какъ опустошительный ураганъ, и навелъ ужасъ на оцѣпенѣвшаго врага. Съ помощью Ассура, я, въ разгаръ боя, поколебалъ ихъ мужество. Оружіе и сбруя, отбитыя при моихъ натискахъ, плавали на влажной землѣ, въ крови враговъ, какъ въ рѣкѣ, ибо колесницы, на которыхъ несутся воины, раздробляютъ тѣла и члены, истекающіе кровью. Я свалилъ въ кучу ихъ трупы, какъ трофеи, и отрѣзалъ имъ руки и ноги; я изуродовалъ живыхъ, попавшихся мнѣ въ руки, смявши ихъ, какъ соломинки; въ наказаніе, я отрубилъ имъ руки“. Не смотря на эти ужасы, при преемникахъ Сеннахериба возстанія вавилонянъ усиливались; и если погибъ ихъ помощникъ, Эламъ (§ 42), зато у нихъ явился новый союзникъ— *Мидія*. Въ Мидію уже давно пришли арійцы (§ 53). Послѣ долгой борьбы они подчинили себѣ туранцевъ и дошли до границъ Ассиріи. Такъ какъ они распадались на много мелкихъ родовъ, то Саргону (§ 34) легко было отогнать ихъ отъ Тигра и подчинить себѣ (ок. 700 г.). Лѣтъ 50 мидяне находились подъ игомъ ассирійцевъ, пока не освободилъ ихъ *Кіаксаръ*. Много пришлось испытать этому храброму царю. Онъ уже двинулся-было на Нинивію, какъ вдругъ его остановилъ неожиданный врагъ — *скиѳы* (§ 3, 71). Этотъ полудикій туранскій народъ кочевалъ въ степяхъ ю. Россіи и часто прорывался въ Азію черезъ Дарьяльское ущелье (Кавказскія Ворота) и Дербентъ (Албанскія Ворота). Сначала скиѳы опустошали Малую Азію, слѣдуя по берегамъ Чернаго и Эгейскаго морей; потомъ ихъ привлекли богатства Ассиріи. Грабители подошли къ Нинивіи, которую осаждалъ Кіаксаръ. Мидяне были разбиты, но скиѳы не интересовались ихъ бѣднымъ царствомъ; они пронеслись, въ теченіе 8 лѣтъ,

по Ассиріи, Вавилоніи, Сиріи, Палестинѣ и Финикіи, вырѣзывая и выжигая все на своемъ пути. Возвратившись назадъ, скиѳы подошли къ Мидіи; но Кіаксаръ созвалъ ихъ вождей на пиръ и всѣхъ передушилъ, а затѣмъ поразилъ ихъ войско. Скиѳы ушли за Кавказъ, чтобы уже не возвращаться больше въ Азію, а Кіаксаръ поспѣшилъ покончить съ полуразрушенной Ассиріей. Онъ вступилъ въ союзъ съ ассирійскимъ намѣстникомъ въ Халдеѣ, *Набу-бал-уссуромъ*, который провозгласилъ себя вавилонскимъ царемъ. Въ 625 г. союзники взяли Ниневію, царь которой сжегъ себя, чтобы не даться врагамъ живымъ. Вскорѣ послѣ паденія Ниневіи исчезъ и ассирійскій языкъ, въ которомъ было много туранскихъ и кушитскихъ словъ; его мѣсто заняло арамейское нарѣчіе, которое было уничтожено, въ свою очередь, арабскимъ языкомъ при господствѣ магометанства. 700-лѣтнее господство Ассиріи (1300 – 625) оставило глубокій, но печальный слѣдъ въ исторіи: вся Передняя Азія представляла развалины съ истощенными народами, которые были готовою добычей новаго завоеванія. Ассирія—образецъ *воинственности и изувѣрства*. Ассирійцы превосходили всѣхъ семитовъ и кушитовъ военными качествами—физическою силой, подвижностью, ловкостью, храбростью и стойкостью; въ мирное время они ходили на дикихъ быковъ и львовъ. Но они были кровожадны, мстительны, вѣроломны и чувственны. Рѣдко какой народъ такъ злоупотреблялъ правомъ сильнаго. И все это во имя Ассура: ассирійцы были крайне религіозны; войны и великія постройки ихъ царей были столько же свѣтскими, сколько религіозными подвигами. Вопреки внѣшнему блеску цивилизаціи, ассирійцы всегда оставались полу-дикарями. Вся ихъ культура была заимствована изъ Вавилона; развилась только одна сторона искусства — ваяніе. Ассирія доказываетъ намъ еще, что основою завоевательныхъ государствъ служитъ всеобщее *рабство*.

§ 45. **Ново-халдейская держава**. На развалинахъ Ниневіи образовались двѣ новыя державы — мидійская и вавилонская: Кіаксаръ взялъ себѣ Ассирію и ея сѣверо-западныхъ вассаловъ, до р. Галиса; Набу-бал-уссуръ присоединилъ къ Вавилоніи Эламъ, Сирію и Ханаанъ. Послѣднія силы семитовъ сосредоточились въ вавилонскомъ царствѣ, которое называютъ *Ново-халдейскимъ*. Вавилонъ, послѣ своего подчиненія Ассиріи, не переставалъ проявлять признаки жизни и оставался центромъ семитской цивилизаціи. Съ погибелью своего порабoтителя, онъ достигъ новаго и болѣе широкаго процвѣтанія, не смотря на то, что при саргонидахъ онъ два раза былъ уничтоженъ до тла за возстанія. Вавилонъ сразу сталъ міровою державой, благодаря неосторожности фараона Нехо (§ 18), который спѣшилъ наслѣдовать роль Ассиріи на Востокѣ. Нехо разбилъ Іосію іудейскаго, подчинилъ себѣ Финикію и Сирію и дошелъ до *Кархемыша*; но здѣсь

его поразилъ на голову Навуходоносоръ, сынъ Набу-бал-уссура (604 г.). „Съ тѣхъ поръ (говоритъ Библія) египетскій царь уже не выходилъ изъ своей земли“: роль единственной великой державы на Востокѣ перешла къ Вавилону. Побѣдоносный *Навуходоносоръ* сталъ героемъ халдеевъ и прославился всюду. Онъ разрушилъ іудейское царство (§ 41) и переселилъ въ Вавилонъ множество евреевъ: такъ началось „70-лѣтнее вавилонское плѣненіе“. А когда, 10 лѣтъ спустя (587), возсталъ Зедекія, поставленный въ Іерусалимѣ, какъ вассальный царь, халдеи разрушили и храмъ Саломона; Зедекія былъ ослѣпленъ и отведенъ въ цѣпяхъ въ Вавилонъ, а изъ евреевъ многіе бѣжали въ Египетъ, вмѣстѣ съ своимъ пророкомъ Іереміей. Преслѣдуя ихъ, халдеи захватили часть Дельты, а потомъ разрушили Тиръ (§ 41). Финикійскія колоніи со страху признали ихъ господство: отсюда сказка о томъ, что самъ Навуходоносоръ доходилъ до Гибралтара.

На вуходоносоръ и клинообразная надпись.

§ 46. **Новый Вавилонъ**. Ново-халдеи прославились также своею культурой. Имъ удалось сдѣлать Вавилонъ первымъ городомъ въ мірѣ, благодаря мучительному труду плѣнниковъ, пригнанныхъ изъ Ханаана. Опасаясь Мидіи, халдеи устроили, къ сѣверу отъ Вавилона, сѣть *каналовъ*, вырыли *озеро* для отвода Евфрата и построили знаменитый новый мостъ, который разбирался на ночь. *Вавилонъ* занималъ тогда уже 500 кв. верстъ. Это пространство было окружено рвомъ и гигантской стѣной, сажени въ три толщины, съ сотней бронзовыхъ воротъ. Собственно городъ помѣщался внутри второй стѣны и занималъ пространство въ 250 кв. в. Онъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ Евфрата, обнесеннымъ также стѣнами, въ которыхъ было столько бронзовыхъ воротъ, сколько улицъ, выходившихъ на рѣку. Улицы были прямыя; дома въ 3 и 4 этажа. Главнымъ украшеніемъ восточнаго города былъ *дворецъ*, въ свою очередь обнесенный большою стѣной; его развалины составляютъ теперь господствующій курганъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ дворцѣ самъ его строитель въ надписи: „Я утвердилъ основаніе на кирпичахъ. Я положилъ здѣсь первый камень. Я проникъ до уровня водъ и тамъ, въ глубинѣ, заложилъ фундаментъ дворца. Я построилъ его изъ горной смолы и кирпича. Для плотничной работы я употреблялъ толстыя бревна—все кедры съ желѣзной оковкой; употреблялъ я также изразцы съ надписями и картинами; изразцовая же работа окаймляетъ двери. Я собралъ здѣсь много серебра, золота, металловъ, драгоцѣнныхъ камней всякаго рода и всякой цѣны,—словомъ, массу дорогихъ вещей, безчисленныхъ сокровищъ. И поставилъ я здѣсь храбрую дружину,

какъ оплотъ царской власти". Близъ дворца красовались *висячіе сады*, устроенные Навуходоносоромъ, чтобы плѣнять взоры своей супруги, уроженки горной Мидіи. Это—рядъ искусственныхъ плодородныхъ террасъ въ нѣсколько этажей; подъ каждой террасой было огромное подземелье съ машинами для орошенія садовъ. Подлѣ этихъ сооруженій, или „царскаго города", раскидывался „простой городъ" у *Гилла* (§ 22). Онъ особенно разросся отъ наплыва плѣнниковъ, угнетаемыхъ работами, но жившихъ по своимъ обычаямъ. Здѣсь-то обитали евреи, открыто выказывая свою ненависть къ поработителямъ. Среди нихъ гремѣли проповѣди пророковъ *Іезекіиля* и *Даніила*; здѣсь сложилась пѣснь „На рѣкахъ вавилонскихъ", гдѣ Вавилонъ называется „окаяннымъ". Главнымъ украшеніемъ западнаго города была „Башня семи планетъ": это — знаменитая *Вавилонская Башня* въ Борсиппѣ (§ 22), построенная совершенно по образцу древнѣйшей. Сверхъ того Навуходоносоръ возстановилъ Царскій Каналъ, устроилъ *портъ* у устья Евфрата и воздвигъ много храмовъ по всей Вавилоніи, развалины которыхъ изслѣдуются теперь.

§ 47. **Паденіе Вавилона.** Со смертью Навуходоносора прекратилась мимолетная слава ново-халдейской державы. Его преемники погибли жертвами придворныхъ революцій: ихъ смѣнилось 4 въ теченіе 20 лѣтъ. Послѣднему изъ нихъ, *Набу-нагиду*, пришлось бороться съ новою державой, которой суждено было завоевать Востокъ. Уже при смерти Навуходоносора пронеслась молва о блестящемъ вождѣ персовъ, который разрушилъ мидійскую державу. То былъ *Киръ*, задумавшій покорить всю Переднюю Азію. Онъ напалъ на халдеевъ. Набу-нагидъ, вышедшій ему навстрѣчу, былъ разбитъ, а его сынъ *Валтасаръ* (на надписяхъ Бел-сар-уссуръ), заперся въ Вавилонѣ, крѣпость котораго была неприступна. Киръ рѣшился на отчаянное средство, разсчитывая на безпечность халдеевъ. Онъ вырылъ каналы и отвелъ въ нихъ, на нѣсколько часовъ, воды Евфрата. Воспользовавшись большимъ праздникомъ у вавилонянъ, Киръ ночью прошелъ по руслу рѣки и вступилъ въ городъ: ворота стояли отворенными, стража пировала на праздникѣ (538). Валтасаръ погибъ въ свалкѣ; его отецъ сдался. Вавилонъ сначала сталъ одною изъ столицъ персидскаго царства. Но онъ постоянно возставалъ — и персы разрушили его укрѣпленія, разграбили его святыни. Послѣдній ударъ Вавилону былъ нанесенъ основаніемъ *Селевкіи*, куда перешли и его жители, и его торговое значеніе. Уже ок. Р. Хр. Вавилонъ былъ пустыней, которою онъ остается до нашихъ дней. — Значеніе ново-халдейскаго царства состоитъ въ томъ, что оно представляетъ лучшій примѣръ *внезапныхъ перемѣнъ*, свойственныхъ политикѣ Востока. Въ теченіе всего трехъ поколѣній, новые халдеи превратились изъ ассирійскихъ рабовъ въ міровыхъ завоевателей и затѣмъ исчезли на-

всегда. Они быстро создали блестящаго колосса на глиняныхъ ногахъ, который разсыпался при первомъ ударѣ: внутри него не было жизни, были только азіатскій деспотизмъ и всеобщее рабство. Что касается семитовъ, подчинявшихся халдеямъ (Сирія, Палестина, Финикія), то они безропотно перешли подъ власть персовъ, тѣмъ болѣе, что новые господа не походили на лютыхъ ассирійцевъ: персы обращались съ ними мягко. Евреи даже привѣтствовали своихъ новыхъ господъ чуждой крови изъ ненависти къ родственнымъ халдеямъ. Они назвали Кира „помазанникомъ Іеговы“, и онъ отпустилъ ихъ домой, подаривъ имъ священные сосуды, взятые халдеями. Ок. 50.000 іудеевъ возвратились въ Іерусалимъ и тотчасъ же начали возобновлять храмъ Саломона.

§ 48. **Историческое значеніе семитовъ.** Преемники кушитовъ, семиты, дѣйствовали въ древней исторіи около 1500 л. (2000—538 г.). Они уступили мѣсто арійцамъ, которымъ съ тѣхъ поръ принадлежитъ исторія. Изъ нихъ вавилоняне, ассирійцы и финикіяне исчезли навсегда; евреи исчезли, какъ нація, но сохранились въ Азіи и Европѣ, какъ части чужихъ государствъ. Одни арабы, не имѣвшіе значенія въ древней исторіи, выступили, черезъ 600 л. послѣ Р. Х., какъ важная нація, но ненадолго. Арабы создали магометанство, но вскорѣ возвратились въ свою пустыню, гдѣ и теперь живутъ такъ же первобытно, какъ жили до Р. Хр.; свою новую религію они передали многимъ народамъ туранскаго и отчасти арійскаго племени. Магометанство—монотеизмъ; еврейская религія и христіанство, возникшее среди евреевъ, — также монотеизмъ. Такимъ образомъ главное значеніе семитовъ состоитъ въ *религіозномъ* развитіи. Они мало сдѣлали для остальныхъ сторонъ идеальной культуры: у нихъ не процвѣтали науки, искусства и письменность, которыя они лишь временно заимствовали у кушитовъ Халдеи и Египта, да у арійцевъ (арабская образованность заимствована у грековъ). *Семиты не проявили и государственныхъ способностей.* Ихъ народы вѣчно враждовали между собою, и у каждаго изъ нихъ происходили революціи. Такъ семиты пожирали сами себя, вмѣсто того, чтобы организовать сильное цѣлое. Одна Ассирія стремилась къ такой организаціи, но хотѣла достигнуть ея путемъ смерти и рабства. Она не организовала, а погубила семитовъ: разрушая ихъ царства, истощая ихъ народность войнами, она *пролагала путь господству арійцевъ*; этимъ объясняются быстрыя завоеванія Кира, этого бойкаго представителя свѣжаго, арійскаго племени. Изъ всѣхъ семитовъ одни ассирійцы проявили воинственную энергію, какъ самые сѣверные обитатели горныхъ странъ. Остальные, южные, семиты отличались *мирными* свойствами. За исключеніемъ евреевъ, занимавшихся земледѣліемъ, они проявляли особенную способность къ торговлѣ и промысламъ: въ этомъ смыслѣ

вавилоняне и финикіяне были космополитами, соединявшими весь тогдашній міръ, отъ Индіи до Великобританіи. Но это зависѣло отъ ихъ географическаго положенія. По духу же, всѣ семиты были исключительны и крайне *консервативны:* имъ недоставало гибкости и многосторонности натуры, которыми отличаются арійцы. Семиты упорно сохраняютъ даже свой физическій типъ; ихъ языки неподвижны, вслѣдствіе чего ихъ такъ мало; въ ихъ идеальной культурѣ также мало развитія.

в) Арійское племя.

§ 49. **Характеристика арійцевъ.** Послѣ хамитовъ и семитовъ, въ исторіи выступаетъ третья отрасль бѣлой породы—арійское племя (Введ. § 4). По библейскому преданію, оно происходитъ отъ *Яфета;* это имя значитъ посемитски „распространеніе“. Арійцы, дѣйствительно, самое распространенное изъ бѣлыхъ племенъ. Никто изъ бѣлыхъ не передвигался такъ много, какъ они; никто не умѣлъ такъ *приспособляться къ средѣ* и такъ *многосторонне развиваться.* Между тѣмъ, какъ кушиты и семиты частью исчезли, частью давно находятся въ застоѣ (введ. § 1), арійцы создали богатую цивилизацію, которая не перестаетъ совершенствоваться. Эта цивилизація называется *европейскою*, такъ какъ Европа населена почти исключительно арійцами, которые развились именно здѣсь, а не въ Азіи. Она не только улучшается до сихъ поръ, но и не перестаетъ быстро распространяться по всему міру: въ концѣ прошлаго вѣка она обнимала собой 150 милл. людей, теперь обнимаетъ болѣе 500 милл., и во всѣхъ частяхъ Свѣта. Арійцы выше другихъ бѣлыхъ племенъ и по физическому типу, и по дарованіямъ. Это — вполнѣ бородатое племя, совсѣмъ свѣтлаго цвѣта кожи, обладающее красивою соразмѣрностью членовъ. Оно отличается также *гибкостью ума* и *впечатлительностью:* арійскіе языки подвергались множеству измѣненій, которыя продолжаются на нашихъ глазахъ; они составляютъ самую многочисленную семью. Вмѣстѣ съ тѣмъ арійцы энергичны и выносливы: у нихъ *нѣтъ крайностей между дѣятельною и страдательною жизнью (активностью и пассивностью)*, которыя встрѣчаются у другихъ племенъ Востока.

§ 50. **Бытъ древнѣйшихъ арійцевъ.** Предки арійцевъ разселились изъ Памира (§ 2). Первоначально они жили въ *Аріанѣ* (позднѣйшая Бактрія, теперь Кабулъ), у истоковъ *Окса* (Аму-Дарьи). Благодаря языковѣдѣнію, извѣстенъ ихъ бытъ тамъ болѣе чѣмъ за 3000 л. до Р. Хр. Въ Бактріи они и назвали себя *аріями*, т.-е. „благородными“, въ отличіе отъ своихъ сосѣдей съ сѣвера, туранцевъ, т.-е. „бѣгающихъ“ (кочующихъ). Аріи вели *полуосѣдлую* жизнь. Ихъ богатство состояло въ домашнихъ животныхъ, которыя уже почти

всѣ были извѣстны имъ. Стадамъ было привольно гулять въ роскошныхъ долинахъ, наполненныхъ лугами, лѣсами и виноградниками: по преданіямъ персовъ, здѣсь, гдѣ теперь песчаная пустыня съ солончаками, тогда былъ рай. Но рядомъ со скотоводствомъ у аріевъ уже началось земледѣліе: они ѣли „молотое“ зерно (хлѣбъ), употребляли ярмо и телѣгу. Аріи обрабатывали *бронзу*, дѣлали изъ нея кольца, серьги, ожерелья. Они жили въ домахъ малыми поселками, плавали на лодкахъ, сражались стрѣлами, копьями и дротиками. *Семья* цѣнилась высоко, хотя еще не исчезло многоженство; свадебнымъ обрядомъ было „обрученіе“ (соединеніе рукъ); въ приданое давалась корова. Положеніе *женщины* было почетно, и въ семьѣ царствовала любовь, хотя, конечно, нравы были еще грубы. Отецъ, по значенію слова, былъ „опекуномъ“, а не тираномъ; сынъ — „тотъ, кто изгоняетъ печаль“, дочь—„утѣшительница“, братъ—„опора“, сестра—„добрая, милая“. Близкія семьи составляли *родъ*, или „собраніе братьевъ“ (греч. fratria), подчиненное князю, т.-е. „родителю“. Рабами были только плѣнники, для которыхъ князь былъ „деспотомъ“, т.-е. „повелителемъ врага“. Князю принадлежала вся власть: онъ былъ и жрецомъ, и судьей. На судѣ прибѣгали къ „суду божію“, т.-е. къ испытанію посредствомъ кипятка и раскаленнаго желѣза. Религія аріевъ состояла въ обоготвореніи свѣтлыхъ, особенно небесныхъ, силъ природы. Самый добрый богъ (*дева*, лат. deus, франц. dieu), *Миѳра*, вѣчно ѣздилъ по небу на четверкѣ бѣлыхъ коней и опускался вечеромъ на позлащенную вершину горы. Утромъ отворяла ему двери неба его „свѣтлая“ румяная дочь, *Ушасъ* (заря); эта красавица, въ роскошномъ нарядѣ, носилась въ воздухѣ на колесницѣ; блеснетъ она—и все оживаетъ, улыбается; лучшая жертва ей—искренность и правдивость. Подлѣ нея ея братцы-близнецы, *Асвины*, прелестные, лучезарные, рѣзвые юноши. Они носятся, сумерками, по небу въ колесницѣ, запряженной то крылатыми конями, то лебедями, предшествуя Миѳрѣ и разгоняя ночную тьму. Асвины очень смѣтливы и внимательны: они помогаютъ несчастнымъ, спасаютъ отъ кораблекрушеній, врачуютъ больныхъ. Миѳрѣ помогалъ грозный *Индра*, который истреблялъ все вредное своими молніями и громомъ. Богамъ приносили жертвы. Отецъ семейства устраивалъ на пригоркѣ алтарь изъ дерна или камня и обносилъ его изгородью. Ставъ на колѣна или поднявъ руки къ небу, онъ тутъ же сочинялъ молитву. А на алтарѣ уже пылалъ *Агни* (огонь)—земное воплощеніе Миѳры, добытое треніемъ двухъ деревяшекъ. Это самый добрый и близкій къ человѣку божокъ: онъ запросто живетъ въ каждой семьѣ, охраняя домашній очагъ отъ бѣдствій и истребляя всякія нечистоты; онъ „побѣждаетъ ночь своимъ краснымъ цвѣтомъ и изгоняетъ чертей“. Къ Агни примыкалъ весь культъ аріевъ: онъ весело пожиралъ жертву—*сому*

(мѣстное вино), отъ которой боги становились веселы и храбры. Иногда къ сомѣ прибавляли масло, кислое молоко, ячмень и каравай. Въ важныхъ случаяхъ приносили въ жертву коровъ, овецъ, и даже коня. При этомъ пѣли гимны, созданные святымъ *Словомъ*, этимъ „сокровищемъ молитвы“, богомъ мудрости и просвѣщенія.

§ 51. **Преданія аріевъ. Явane.** По преданіямъ аріевъ, боги создали сначала всю природу, потомъ *Ману*, т.-е. „разумное существо“. Однажды утромъ зачерпнулъ Ману воды умыться; въ рукахъ у него очутилась рыбка. „Не губи меня — сказала она—и я спасу тебя отъ потопа; сдѣлай только ковчегъ“. Насталъ потопъ; рыбка всплыла, и Ману привязалъ свой ковчегъ къ ея рогу; она вынесла его на высокую гору. Спасенный Ману принесъ жертву, а изъ пламени вышла жена его, *Ила*. Отъ нихъ и расплодились первобытные аріи. Такъ какъ они заняли обширное пространство и жили среди различной природы, то, съ теченіемъ времени, у нихъ образовалось два типа: обитатели восточной части Аріаны, самые древніе, сохранили за собой имя арійцевъ; а въ западной части они назывались *явanами*, т.-е. „юными“ (лат. juvenis, нѣм. jung, франц. jeune). Тревожна была жизнь нашихъ пращуровъ за 3000—2500 л. до Р. Хр. Они такъ размножились, что имъ стало тѣсно въ Бактріанѣ; къ тому же съ сѣверо-востока ихъ тѣснили полудикіе туранцы. Яване стали массами выселяться на западъ, распадаясь на различные народы, подъ вліяніемъ времени и новыхъ климатовъ. Сначала они заняли южные и западные берега *Понта Эвксинскаго* (Чернаго м.), подъ именемъ *ѳрако-фригійцевъ*, такъ какъ ихъ главныя поселенія были во Фригіи и Ѳракіи. Изъ ѳрако-фригійцевъ выдѣлились *пелазги*, или греко-италики, которые сначала заняли западъ и югъ Малой Азіи, потомъ острова *Эгейскаго м.* (Архипелагъ), Грецію и Италію. Забиваясь въ извилистые берега и въ ущелья Тавра, пелазги рано раздробились на множество мелкихъ народцевъ, которые, впрочемъ, составляли союзъ для такихъ важныхъ предпріятій, какъ нападенія на сильный Египетъ. Въ ихъ древнѣйшемъ преданіи о походѣ аргонавтовъ (§ 31) связываются *Колхида* съ оз. *Тритономъ* (§ 39); на то же указываютъ миѳическія генеалогіи греческихъ героевъ, въ которыхъ личныя имена должно считать именами народовъ. Такое значеніе греческихъ сказокъ доказано египетскими памятниками. На нихъ записаны, въ 14 в., имена многихъ пелазгическихъ народцевъ—сардовъ, дардановъ, троянъ, данаевъ, ахейцевъ, лаконцевъ, авзоновъ, сикуловъ, тирренцевъ, а также названія Крита, Малой Азіи, Пелопонеса, ю. Италіи. Когда пелазги заняли почти весь югъ Европы, выступили два другіе отдѣла яванъ—*кельты* и *германцы*, занявшіе, выше пелазговъ, западъ и центръ Европы. Позади всѣхъ шли самые юные изъ яванъ, *славяне* и *литовцы*, которымъ

принадлежитъ сѣверо-востокъ нашей части Свѣта. Объ эпохѣ первыхъ переселеній яванъ изъ Бактріи сохранились смутныя преданія, записанныя персидскимъ поэтомъ Фирдуси (1000 л. по Р. Хр.). Тогда у арійцевъ жилъ цѣлую тысячу лѣтъ божественный царь *Джемшидъ*, при которомъ былъ рай земной. Но потомъ Джемшидъ возгордился—и боги наслали на него туранское иго, въ видѣ трехглаваго „змѣя“ *Азидаиаки*. Змѣй убилъ Джемшида и страшно угнеталъ арійцевъ, даже заставилъ ихъ признать свою кровожадную религію. Напрасно являлись герои для спасенія арійцевъ, и во главѣ ихъ слонообразный великанъ *Рустемъ*, одинъ видъ котораго приводилъ враговъ въ трепетъ. Требовалось нравственное возрожденіе цѣлаго народа.

§ 52. **Зороастръ и маздеизмъ.** Около 2500 л. до Р. Х. явился пророкъ *Зороастръ* (погречески, а позендски Заратустра, „олескъ золота“), чтобы спасти и очистить арійцевъ. Онъ происходилъ изъ царскаго рода. Его дѣтство и юность прошли въ борьбѣ съ демонами, которыхъ онъ постоянно побѣждалъ. Когда ему было 30 лѣтъ, его призвалъ къ себѣ *Ормуздъ*, или „святой духъ“ (позендски Аура-мазда). Здѣсь пророкъ прошелъ чрезъ огненную гору; ему вскрыли грудь и влили расплавленное золото, затѣмъ дали книгу *Зенд-Авесту*, т.-е. „зендское исправленное вѣдѣніе“ (знаніе), или новую религію. Зороастръ пришелъ къ бактрійскому царю и побѣдилъ своими чудесами и краснорѣчіемъ 60 придворныхъ жрецовъ: царь, а за нимъ большая часть арійцевъ приняли новую религію и стали воздвигать жертвенники съ огнемъ. Зороастръ долго жилъ, пользуясь всеобщимъ почетомъ, и погибъ въ борьбѣ съ туранцами. Впослѣдствіи погибла и Авеста, написанная клиньями; но она была возстановлена по памяти при Сассанидахъ (3 в. по Р. Хр.) и состояла тогда изъ 21 книги. Затѣмъ почти все было уничтожено мусульманами; сохранилась одна только книга, *Вендидатъ* („законъ противъ демоновъ“), и то лишь благодаря самоотверженію Анкетиля-дю-Перрона, который нашелъ ее (1771 г.), послѣ многихъ страданій, у *гебровъ*, или парсовъ (огнепоклонники у Бомбея, бѣжавшіе туда отъ преслѣдованія мусульманъ). Вендидатъ—драгоцѣнный памятникъ не только новой религіи, но и древнѣйшаго изъ иранскихъ языковъ—*зенда* *). Изъ этой книги мы знаемъ ученіе Зороастра, или *маздеизмъ* („всеобщая мудрость“). Это лучшій образецъ дуализма (введ. § 6). Богъ добра, Ормуздъ, всесовершененъ, все-

*) По древности, наряду съ зендомъ стоитъ другой языкъ иранской семьи—*древне-персидскій*, сохранившійся въ клинообразныхъ надписяхъ; имъ говорили въ западномъ Иранѣ, зендомъ—въ восточномъ. Отъ зенда произошло нарѣчіе гебровъ, а отъ древне-персидскаго—пельви (при парѳянахъ и сассанидахъ; въ немъ много арамейскихъ словъ) и нынѣшній персидскій, съ его нарѣчіями — курдскимъ, белуджистанскимъ и авганскимъ. Ново-персидскій яз. образовался ок. 11 в. по Р. Хр.; въ немъ много арабскихъ и турецкихъ словъ; его вытѣсняетъ турецкій языкъ.

могущъ, всеблагъ, всемудръ. Онъ не сотворенъ, но самъ сотворилъ міръ посредствомъ своего Слова; послѣднимъ (6-мъ) созданіемъ былъ человѣкъ. Ормузду помогаютъ имъ же сотворенные духи (въ томъ числѣ Миора), особенно *фравары*, которымъ нѣтъ числа; у каждаго предмета, даже у самого бога, есть свой фраваръ-хранитель. Когда человѣкъ умираетъ, его фраваръ вѣчно живетъ на небѣ, и ему молятся родные покойника. Но какъ только создался міръ, въ немъ зародился *Аримань*, или „злой духъ“ (позендски Агра-майнъ), задача котораго—осквернять и разрушать вселенную. Ему помогаютъ свои духи (въ томъ числѣ Индра)—*дивы* (мужескаго пола) и *пери* (женскаго), которые являются въ формѣ вредныхъ животныхъ, ночи, разрушительныхъ силъ. Аримань испортилъ первыхъ людей: онъ явился къ нимъ въ рай въ видѣ „двуногаго змѣя“, или *Лжи* и убѣдилъ ихъ, что все создано имъ, а не Ормуздомъ. Люди повѣрили, стали злыми и за это были истреблены потопомъ. Но Ариману будетъ конецъ: придутъ три пророка съ тремя новыми книгами, и онъ исчезнетъ, а съ нимъ пропадутъ зло, мракъ и смерть. Тогда не будетъ и ада; до тѣхъ же поръ душа покойника идетъ на судъ божій, гдѣ одинъ изъ духовъ взвѣшиваетъ ея дѣла; затѣмъ ее ведутъ къ мосту въ рай, перекинутому черезъ адъ; грѣшники сваливаются съ моста и должны мучиться въ аду до воскресенія мертвыхъ. Нравственный долгъ человѣка—помогать добру въ борьбѣ со зломъ. Маздеисты истребляли все вредное и нечистое: мухъ, лягушекъ, мышей, волоса, ногти, слюну, въ особенности же трупы, которые выставлялись на подпоркахъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, чтобы не поганить ими земли. Такъ какъ поганое встрѣчалось часто, то маздеисту приходилось постоянно *очищаться* посредствомъ разныхъ обрядовъ. Онъ пуще всего боялся осквернить самые дорогіе Ормузду предметы — воду, землю и огонь. *Огонь* продолжали считать самымъ чистымъ предметомъ, даже „сыномъ Ормузда“. Пламя было единственною эмблемой божества въ маздеизмѣ, не допускавшемъ ни изображеній божества, ни храмовъ. Неугасимый огонь хранился въ каждомъ семействѣ, и ему постоянно приносились жертвы: подложатъ сухое, ароматное полѣно на домашній алтарикъ, польютъ его масломъ и жиромъ — и радуются, слѣдя, какъ „рѣзвѣйшій изъ безсмертныхъ“ далеко возноситъ молитву семьи. Боже сохрани раздувать его своимъ грѣшнымъ дыханіемъ или заливать водой! А все-таки черезъ каждые два дня семья несетъ его самого, въ лампочкѣ, „очищаться“ къ главному алтарю въ своемъ поселкѣ—къ мѣстному „Огню-царю“.

§ 53. **Иранцы и индусы.** Маздеизмъ былъ противоположенъ первоначальному многобожію арійцевъ: онъ даже обратилъ нѣкоторыхъ изъ старыхъ боговъ въ демоновъ. Оттого у арійцевъ Бактріи возникли жестокія распри между исповѣдниками старой и новой

религіи. Слѣдствіемъ ихъ было новое разселеніе. Часть арійцевъ двинулась, долиной Кабула, на ю.-в., переправилась черезъ Индъ и поселилась у его пяти притоковъ — въ *Пенджабѣ* (Пятирѣчіе): это *индусы*, вѣрные первоначальной религіи арійцевъ. Остальные пошли на ю.-з. и заняли Иранъ: это *иранцы*, приверженцы маздеизма, распавшіеся здѣсь на мидянъ и персовъ. Только персы сохранили въ чистотѣ маздеизмъ и арійскія черты: они встрѣтили лишь слабыя поселенія кушитовъ и туранцевъ. Мидяне же подверглись значительному вліянію туранцевъ, сидѣвшихъ на этой землѣ сплоченною массой (§ 44). Туранцы не считали нужнымъ задабривать добрыхъ боговъ молитвами; они поклонялись преимущественно злому началу, изъ страха передъ нимъ; здѣсь и теперь встрѣчаются „поклонники дьявола“. По понятіямъ туранцевъ (то же у гебровъ), Ариманъ и Ормуздъ — родные братья, происшедшіе изъ какой-то высшей сущности, *Зерваны* („безпредѣльное время“); они равносильны и современемъ возвратятся въ лоно этой сущности, вмѣстѣ со вселенной. Мидяне заимствовали у туранцевъ и *магово* (§ 23) съ ихъ колдовствомъ, которые составляли у нихъ наслѣдственное, замкнутое сословіе. Безъ маговъ никто не смѣлъ принести жертву и начать новое дѣло; они имѣли огромное вліяніе на народъ, предсказывая будущее. Вездѣ среди мидянъ можно было встрѣтить ихъ гордыя повелительныя фигуры, въ длинныхъ бѣлыхъ халатахъ и высокихъ колпакахъ, со священными пучками тамарисковыхъ прутьевъ въ рукахъ. Въ Мидіи сохранялось даже туранское нарѣчіе, на которомъ издавались указы царей для народа; зендскій же языкъ считался такимъ же аристократическимъ, какъ халдейскій въ Вавилонѣ.

§ 54. **Природа и первые обитатели Индіи.** Огромный полуостровъ *Ост-Индія*, гдѣ живетъ теперь болѣе 150 милл. народу, дѣлится на плоскогорье Деканъ и низменность Индустанъ. *Деканъ* очень высокъ, покрытъ множествомъ рѣкъ и дѣвственныхъ лѣсовъ; здѣсь свѣжій и здоровый климатъ, весьма плодородная почва и много драгоцѣнныхъ камней. Но Деканъ дикъ, переполненъ хищными животными и окруженъ почти неприступными горами. Въ самомъ центрѣ его, въ суровыхъ ущельяхъ, доселѣ сохранились остатки древнѣйшаго населенія Индіи, близкаго къ *австралійскимъ неграмъ* (Введ. § 4). Напротивъ, *Индустанъ*—легко-доступная и очаровательная страна. Это—роскошная долина двухъ большихъ рѣкъ, *Инда* и *Ганга*, и множества ихъ притоковъ, изъ которыхъ важнѣйшіе—священная *Сарасвати* и *Джумна*. Индъ и Гангъ ежегодно разливаются съ такою-же правильностью, какъ Нилъ. Сверхъ того періодическіе вѣтры пригоняютъ съ океана массу паровъ, которые не могутъ пробраться черезъ Гималайю и превращаются, у ея подошвы, въ ливни. Рядомъ съ влажностью царствуетъ почти тропическій зной, а великанъ Гималайя

защищаетъ страну отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Въ Индустанѣ необыкновенное богатство природы. Повсюду тропическія растенія, иногда до того изобильныя, что человѣкъ обходитъ лѣса, предоставляя ихъ во владѣніе слоновъ, обезьянъ и попугаевъ; всюду душистыя травы и коренья, въ горахъ — алмазы, въ морѣ — жемчугъ, на рѣкахъ — водяныя розы и священный цвѣтокъ, розовый лотосъ; здѣсь собираютъ рисъ три раза въ годъ. Эта природа даже черезчуръ роскошна. Столько нѣги, опьяняющаго очарованія, что человѣка такъ и тянетъ къ лѣни, ко сну или къ мечтательности. Если его кормятъ другіе, онъ можетъ до того погрузиться въ сладкую дремоту, что забудетъ о собственномъ существованіи. Сюда-то спустились арійцы съ прохладныхъ долинъ Аріаны. Но еще до нихъ многіе увлекались этимъ раемъ. Оттуда же, съ Ирана, пришли когда-то *дравидійцы*, родственники туранцевъ, загнавшіе черныхъ въ ущелья Декана. Но ихъ, въ свою очередь, вытѣснили *кушиты*, прикочевавшіе съ Персидскаго залива. Дравидійцамъ пришлось податься на югъ, въ сосѣдство съ черными. Около 2500 л. до Р. Х. на кушитовъ Индіи обрушились арійцы.

§ 55. **Веды и санскритъ.** Арійцы сначала заняли только бассейнъ *Инда*, или „потока“, гдѣ они прожили ок. 1000 лѣтъ; далѣе на востокъ ихъ не пускали кушиты, во главѣ которыхъ стоялъ народъ *судры*. Кушиты превосходили ихъ и числомъ, и цивилизаціей: они внушали имъ сильный страхъ, какъ могучіе „змѣиные люди“. Бытъ арійцевъ на Индѣ хорошо извѣстенъ, благодаря ихъ библіи – *Ведамъ* („вѣдѣніе“), которыя возникли тамъ. Веды состоятъ изъ 4 книгъ. Въ древнѣйшей изъ нихъ *Риг-ведѣ*, содержатся гимны, или краткія молитвы въ стихахъ. Гимны долго жили въ устахъ сотенъ отдѣльныхъ поэтовъ, пока не образовались жреческія школы, гдѣ молодежь выучивала ихъ и соединяла въ одно цѣлое со словъ старшихъ. Ок. 800 г. до Р. Х. въ Индіи появилось письмо — и жрецы записали Риг-веду, прибавивъ къ ней еще 3 книги позднѣйшаго сочиненія. Но та Риг-веда, которая дошла до насъ, записана, на пальмовыхъ листьяхъ, лишь въ 12 в. по Р. Х. Это одинъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ человѣчества (Введ. § 16); для исторіи же арійцевъ это — неоцѣненное сокровище: здѣсь чистѣйшій *санскритъ* („законченный, совершенный“), отецъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. Онъ-то доказалъ ученымъ родство этихъ языковъ, создалъ лингвистику (Введ. § 5) и опредѣлилъ первоначальный бытъ нашихъ пращуровъ. Отъ санскрита, вымершаго еще до Р. Х., происходятъ нынѣшнія нарѣчія Индустана и языкъ цыганъ, очень давно выселившихся съ Инда. Такъ какъ Веды — единственный источникъ нашихъ свѣдѣній объ арійцахъ на Индѣ, то ихъ время (2500—1500) назвали *ведійскою эпохой*.

§ 56. **Бытъ ведійской эпохи.** *Религія* оставалась въ сущности

та же, что въ Бактріанѣ (§ 50), но измѣнилась въ мелочахъ. Политеизмъ дошелъ до крайней степени; даже главныхъ боговъ было нѣсколько десятковъ. Впрочемъ это скорѣе разныя названія (есть и Перунъ, и Сварогъ) главныхъ силъ природы, въ особенности солнца, что́ зависѣло отъ мѣстнаго поклоненія по отдѣльнымъ родамъ. Выше всѣхъ выдвинулся *Индра*. Онъ сталъ образцомъ энергіи и предпріимчивости. Онъ любитъ весело пожить, особенно пить сому. Вѣчно подъ хмѣлькомъ, Индра безпрестанно дерется со злымъ Змѣемъ, который предводительствуетъ домовыми, мертвецами, лѣшими, гадами, лютыми звѣрями, похищаетъ у Индры дойныхъ коровъ (тучи) и запираетъ ихъ въ неприступныя пещеры. Индра выступаетъ противъ змѣя въ видѣ юнаго героя, на золотой колесницѣ съ златогривыми конями, въ золотыхъ доспѣхахъ; въ рукахъ у него стрѣлы и топоръ, который онъ точитъ нетерпѣливо. Его окружаетъ сонмъ приспѣшниковъ; во главѣ ихъ Вѣтры. Вселенная наполняется ужасомъ отъ раскатовъ грома: Змѣй пораженъ, коровы освобождены, т.-е. на жаждущую землю проливаются благодатные потоки съ неба. А отыскивать коровъ помогъ *Агни*, который усѣялъ звѣздами мрачную бездну ночи и, благодаря имъ да своему вѣрному псу, дошелъ до завѣтныхъ пещеръ. Появилось сознаніе нравственнаго долга, котораго не было въ Бактріанѣ: боги требовали отъ людей правды и честности. Но еще не было понятія о судѣ за гробомъ: по смерти человѣка тѣло погребалось, безъ гроба, въ долменѣ (введ. § 11), т.-е. отходило къ Матери-сырой-землѣ, а душу бралъ Агни; облекши ее въ прозрачное тѣло, онъ уносилъ ее на небо, въ рай, охраняемый двумя псами, гдѣ она наслаждалась счастьемъ земной жизни. Главное отличіе отъ бактрійской религіи составляетъ появленіе *псалмопѣвцевъ*, которые стали приносить жертвы богамъ и одушевлять воиновъ передъ битвой. Эти пѣвцы были какъ бы министрами у *раджей*, или „правителей“, которые возвысились надъ родовыми князьками. Подлѣ раджей находилась еще дружина изъ лучшихъ воиновъ да сходка родоначальниковъ, которые избирали раджей, сообразуясь съ ихъ боевой доблестью. Всякій, по призванію, могъ быть пѣвцомъ и воиномъ. Остальной народъ, который до сихъ поръ живетъ тамъ родовыми общинами, уже занимался не столько скотоводствомъ, сколько земледѣліемъ, выжигая первобытные лѣса для пашенъ; были и главныя ремесла, только торговлей гнушались, какъ мошенничествомъ. Рядомъ съ бронзой уже употреблялось *желѣзо* для орудій и золото для украшеній, въ особенности для бляхъ, которыми покрывали даже лошадей и телѣги. Женщины пряли шерсть и ленъ, ткали, шили одежды съ узорами и сандаліи, готовили пищу, которая состояла преимущественно изъ хлѣбныхъ и молочныхъ продуктовъ, а также изъ хмѣльныхъ медовъ. Жилища состояли изъ круглыхъ деревянныхъ избъ съ соломенной крышей,

мебель—изъ лавокъ, кроватей, ковровъ и рогожъ. Вооруженіе обогатилось сѣкирой, топоромъ, большимъ ножемъ и пращею; возникли военныя колесницы. Поселки стали обширнѣе; явились даже кремли, или городки, окруженные валами и стѣнами. Народъ рисуется въ Ведахъ терпѣливымъ, гостепріимнымъ, добрымъ даже къ животнымъ, пристрастнымъ къ музыкѣ и танцамъ, но еще чувственнымъ и недалекимъ. Онъ знаетъ цѣлебныя травы, но больше прибѣгаетъ къ ворожбѣ и заклинаніямъ; небо представляется ему колпакомъ на плоской землѣ; онъ только спрашиваетъ силы природы о причинахъ, но тѣ не отвѣчаютъ; онъ желаетъ только „жить долго и хорошо“, да имѣть дѣтей.

§ 57. **Героическій періодъ. Мага-Бгарата и Рамаяна.** Къ концу ведійской эпохи индусамъ стало тѣсно въ Пенджабѣ, и они стали подаваться на востокъ, гдѣ туземцы сильно защищали свои родныя земли; сверхъ того, возникли междоусобія. Оттого и выдвинулись цари, воины и псалмопѣвцы, а среди боговъ—грозный и могучій Индра. Послѣ побѣды, когда индусы овладѣли долиною Ганга, междоусобія достигли крайней степени, при раздѣлѣ новыхъ земель; въ народѣ ходили баснословные разсказы и пѣсни о нихъ, составившіе индійскій эпосъ. Этотъ періодъ (1500—1000) въ исторіи Индіи и называется *эпическимъ* или *героическимъ*. Героемъ эпоса служитъ царскій родъ, жившій у священныхъ водъ Сарасвати и происходившій отъ рѣчныхъ нимфъ. Въ этомъ родѣ прославилась царица *Сакунтала*, воспѣтая впослѣдствіи въ одной драмѣ. Въ ея-то потомствѣ возгорѣлось жестокое междоусобіе, или „великая война“ (1200 л.), воспѣтая въ поэмѣ *Мага-Бгарата*, состоящей изъ 100 т. двустишій, записанныхъ ок. Р. Хр. Средоточіемъ поэмы служатъ невообразимые подвиги царя-чародѣя, *Кришны*, который преодолѣлъ всѣ препятствія и побилъ всѣхъ злыхъ духовъ, но самъ былъ убитъ охотникомъ, принявшимъ его за антилопу, когда онъ отдыхалъ въ лѣсу подъ деревомъ. Послѣ междоусобій, описанныхъ въ Мага-Бгаратѣ, весь Индустанъ принадлежалъ арійцамъ, а ок. 1000 г. мы уже видимъ ихъ на Коромандельскомъ берегу, до самаго мыса Коморина. О колонизаціи Декана повѣствуетъ другая поэма, *Рамаяна*. Она также состоитъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ (рапсодій); ея первые тексты возникли почти въ одно время съ Ведами (8 в. до Р. Хр.). Они гораздо ближе къ воспѣтому въ нихъ времени, чѣмъ тексты Мага-Бгараты къ описаннымъ въ нихъ событіямъ; а между тѣмъ въ нихъ гораздо меньше правды. Но зато Рамаяна болѣе цѣльное произведеніе, чѣмъ Мага-Бгарата. Поэтому на нее должно смотрѣть не какъ на историческій источникъ, а какъ на важное *литературное* произведеніе. Это—лучшій образецъ необузданной фантазіи индусовъ: здѣсь почти все—

сказка, но переполненная поэтическими красотами. Герой поэмы, *Рама*, изъ рода, царствовавшаго у Сарасвати, былъ выгнанъ злою мачихой и удалился въ лѣса и пустыни Декана. Тутъ оказалось, что Рама — воплощеніе бога *Вишну*, ибо только богъ могъ совершить такіе чудесные подвиги. Онъ уничтожилъ множество злыхъ духовъ, великановъ и всякихъ лѣсныхъ чудовищъ, въ союзѣ съ царствомъ коршуновъ, обезьянъ и медвѣдей. Союзники устроили мостъ на Цейлонъ, набросавъ въ проливъ цѣлые горы и лѣса. Рама побѣдилъ и воскресилъ всѣхъ воиновъ, павшихъ за него въ бояхъ. Онъ долго наслаждался счастьемъ праведника, пока не переселился на небо, въ качествѣ Вишну. Сколько исторической правды въ Рамаянѣ, видно уже изъ того, что арійцы появились на Цейлонѣ не ранѣе 6 в. до Р. Хр.; но когда составлялась поэма, они уже дошли до мыса Коморина.

§ 58. **Кшатріи и псалмопѣвцы.** Бытъ индусовъ въ героическомъ періодѣ уже не тотъ, что въ Ведахъ. Исчезло древнее равенство. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ раджи усилились и образовали династіи; подлѣ нихъ выдвинулись воины и псалмопѣвцы, которые, вмѣстѣ съ царями, получали львиную часть при раздѣлѣ земель, завоеванныхъ на Гангѣ. Особенною властью пользовались воины, какъ самые необходимые люди, проливавшіе свою кровь за народъ: они образовали замкнутое сословіе *кшатріевъ* („сильныхъ“) съ наслѣдственными привилегіями и наложили на народъ иго рабства. Такъ свободныя родовыя общины превращались въ помѣстья съ закабаленными людьми. Въ то же время побѣдители стали заниматься торговлей, которая скопляла богатства въ рукахъ немногихъ купцовъ и создавала обнищалую массу. Еще болѣе измѣнился бытъ индусовъ, когда окончилась героическая эпоха. Народныя передвиженія, битвы и междоусобія прекратились. Арійцы осѣлись на новыхъ мѣстахъ; образовалось нѣсколько большихъ государствъ съ прочными династіями; настала эпоха мирнаго труда; возникли города съ обширною торговлей и промышленностью. Народъ желалъ посвятить досугъ, доставляемый миромъ, идеальной культурѣ; но она состояла тогда въ одной религіи: оттого на первый планъ выступили *брамины* („молельщики“). Они развились изъ псалмопѣвцевъ ведійской эпохи, которые славословили боговъ, а потомъ воспѣвали подвиги воиновъ и раджей и жили ихъ подачками, да остатками отъ жертвъ. Въ героическій періодъ у святыхъ водъ Сарасвати пѣвцы стали собираться въ школы для изученія Ведъ и помогали народу въ войнахъ, одушевляя его своими гимнами и наставляя раджей умными совѣтами. Здѣсь же они изобрѣли множество сложныхъ обрядовъ, которые трудно было исполнять простымъ людямъ. Народъ, занятый войною, охотно предоставлялъ имъ достойно умилостивлять боговъ; а въ случаѣ несчастья

онъ вѣрилъ пѣвцамъ, что это „боги наказываютъ его за грѣхи“. По прекращеніи героическаго періода, пѣвцы стали еще необходимѣе: при всеобщемъ мирѣ оставалось думать только о спасеніи души. Чѣмъ больше „народъ“, *вайсьи*, привязывался къ этимъ богоугодникамъ, тѣмъ сильнѣе ненавидѣлъ онъ кшатріевъ, которые угнетали массу, какъ дармоѣды, утопая въ роскоши и не проливая крови. Опираясь на вайсьевъ, пѣвцы прозвели революцію и возобладали надъ кшатріями послѣ упорной борьбы. Съ тѣхъ поръ они стали могущественнымъ сословіемъ браминовъ — и въ исторіи Индіи начался *браминскій періодъ*, длившійся около 400 лѣтъ (1000 — 600).

§ 59. **Брама и брамины.** Брамины возобладали потому, что они были самые умные и образованные изъ индусовъ: только у нихъ были школы. Для утвержденія своего господства брамины создали даже новую религію, во главѣ которой сталъ *Брама*, „непостижимый господь“. Вселенная, вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ, *Ману*, не сотворена Брамой, а „вытекла“ изъ него. Брама —міровая душа, изъ которой все исходитъ и въ которую все снова возвращается; слѣдовательно каждая пылинка есть частица Брамы. Это—чистый *пантеизмъ* (введ. § 6). Прежніе народные боги (брамины довели число ихъ до 330 милліоновъ и при каждомъ поставили по богинѣ) стали слугами Брамы, этого безличнаго созданія жреческой фантазіи, имя котораго означало главное занятіе браминовъ, „молитву“. Загробная жизнь стала также иною, чѣмъ въ Ведахъ. Прежде чѣмъ возвратиться въ Браму, душа должна очиститься; грѣшника ждутъ ужасныя истязанія въ *аду*, а затѣмъ мучительныя *переселенія* въ тѣла низшихъ существъ; переселеній не избѣгаетъ даже праведная душа. Самая ужасная участь постигаетъ того, кто не повинуется браминамъ: онъ превращается въ самыя поганыя животныя: въ осла, собаку, червяка и рыбу. Когда-то онъ, бѣдняга, дойдетъ до тѣла брамина, безъ котораго даже ни одинъ праведникъ не можетъ достигнуть сліянія съ Брамой! Еще выгоднѣе было для браминовъ нравственное ученіе, вытекавшее изъ понятія о Брамѣ. Такъ какъ весь міръ—Брама, то измѣнить его значило бы посягать на самого господа: все должно оставаться навѣки нерушимымъ. Съ этою цѣлью Брама опредѣлилъ судьбу каждаго человѣка, создавъ замкнутыя и неизмѣнныя сословія, или *касты*. Никто не смѣетъ выйти изъ своей касты или даже заняться дѣломъ другой касты: „лучше дурно исполнять свои собственныя обязанности, чѣмъ хорошо—чужія“. Брама, конечно, устроилъ касты выгодно для богоравныхъ браминовъ: брамины вытекли изъ его устъ, кшатріи изъ рукъ, вайсьи (земледѣльцы и купцы) изъ бедръ, а судры (поденщики и бѣдняки) изъ ногъ. Первыя три касты отличаются шнуркомъ черезъ плечо (теперь его носятъ одни брамины), а также бѣлизной

кожи, красотою чертъ и изяществомъ манеръ: это чистые арійцы, а темные судры были смѣсью арійцевъ съ туземцами. Чтобы удержать народъ въ повиновеніи, брамины сочинили *законы Ману*, будто бы ниспосланные самимъ господомъ первому человѣку. По этимъ законамъ, *раджа*—настоящій деспотъ, „богъ въ человѣческомъ видѣ“: онъ долженъ быть строгъ до жестокости. Но раджа всесиленъ лишь по внѣшности: въ сущности же это—игрушка браминовъ. Онъ не смѣетъ сдѣлать ни шагу безъ совѣта браминовъ, которые опутали его жизнь религіозными правилами и обрядами; за это брамины проповѣдовали народу безграничное повиновеніе раджамъ. Въ сущности, индійское государство есть *теократія въ формѣ восточнаго деспотизма*. Брамины — настоящіе царьки. Впрочемъ высокое положеніе налагаетъ на брамина тяжелыя обязанности. Всѣ его движенія, даже слова и мысли, подчинены правиламъ. Всю свою юность, до 35 лѣтъ, браминъ обучается Ведамъ и обрядамъ; а въ старости предается *аскетизму*, или самоотреченію. Такъ какъ жизнь — „оковы духа“, а тѣло — „темница души“, то нужно поскорѣе разбить эти оковы, чтобы слиться съ Брамой. Престарѣлый браминъ беретъ свой священный огонь и удаляется въ лѣсъ, гдѣ питается плодами да процѣженной водой: это *муни*, „одинокій“. Муни налагаетъ на себя какой-нибудь нелѣпый, но изнурительный обѣтъ, чтобы скорѣе слиться съ Брамой, т.-е. умереть.

§ 60. **Угнетеніе народа. Тримурти.** Браминамъ служили всѣ остальныя касты. Но кшатріямъ жилось хорошо: за нихъ работали крестьяне, а они занимались только охотой да пирами. Вайсьи были уже безправны и много работали; но они могли богатѣть: въ Индіи развилась тогда промышленность; ея ковры и шелковыя ткани славились повсюду. Положеніе *судръ* было тяжело. Всякій могъ заставить ихъ работать на себя и взять ихъ имущество. Судра оставался рабомъ, даже когда господинъ отпускалъ его на волю. За одно грубое слово брамину ему отрѣзывали языкъ, вливали въ ротъ и уши растопленное масло или втыкали раскаленное желѣзо; онъ не смѣлъ даже обучаться Ведамъ или законамъ Ману. Еще несчастнѣе были потомки черныхъ, *паріи*, имя которыхъ стало нарицательнымъ даже въ Европѣ. Парія живетъ въ полѣ; подходя къ жилищамъ, онъ обязанъ стучать палочками, чтобы все бѣжало отъ него, какъ отъ прокаженнаго. Парія одѣвается въ платье покойниковъ (онъ занимается погребеніемъ) и преступниковъ, которымъ онъ объявляетъ смертные приговоры. Питается онъ обглодками, которые кидаютъ на землю, приговаривая: „собакамъ, паріямъ и воронамъ!“. Отъ паріевъ происходятъ цыгане. Тяжело стало и положеніе *женщины*. Она до старости находилась подъ опекой мужчины. Отцу дозволялось даже убивать дѣвочекъ. Уже восьми лѣтъ дочь выводилась съ музыкой на

рынокъ для продажи жениху. Мужъ могъ прогнать жену за грубое слово; за проступокъ онъ платилъ штрафъ, а ее казнили. Вдова не могла выходить замужъ, такъ какъ „принадлежала мужу и по смерти его“. Отсюда обычай сожженія вдовъ на могилѣ мужа. Въ Индіи до сихъ поръ ежегодно сожигается до 30 т. вдовъ. Кромѣ кастъ, индуса угнетали *очистительные обряды*, которые требовались на каждомъ шагу, а также мысль объ адскихъ мукахъ и переселеніяхъ. Хоть бы помолиться! Но молиться некому: простой индусъ не понималъ Брамы. Оттого онъ создалъ собственныхъ боговъ. *Вишну* сталъ отцомъ жизни и всего хорошаго. Онъ то носится въ воздухѣ на златокрылой птицѣ, то покоится на свѣтломъ Гангѣ, рядомъ съ своимъ любимцемъ, лотосомъ. Онъ такъ любитъ людей, что сходитъ на землю помогать имъ: Рама, Кришна, Будда — его *аватары*, т.-е. „сошествія“, или воплощенія; индусы ждутъ теперь десятой, послѣдней аватары. Подлѣ Вишну явился грязный и лютый богъ кушитовъ, *Сива*. Это — чудовище съ огромными зубами, съ тремя глазами, съ трезубцемъ и сѣтями въ рукахъ; онъ обвѣшанъ черепами, какъ богъ смерти и разрушенія. Его поклонники предавались то самоистязаніямъ, то оргіямъ. Брамины побѣдили народныя божества тѣмъ, что слили ихъ съ своимъ Брамой. Они объявили, что это—три формы одной и той же сущности: Брама — творецъ вселенной, Вишну — ея хранитель, а Сива — ея разрушитель. Такъ создалась индійская *тримурти*, троебожіе.

§ 61. **Будда**. Для спасенія угнетеннаго народа явился великій пророкъ. Около 600 г., въ небольшомъ государствѣ у подошвы Гималайи, родился царевичъ съ рѣдкими дарованіями. Онъ быстро обогналъ въ наукѣ своихъ учителей, браминовъ, и еще дитятей все размышлялъ въ уединеніи. Его рано женили и окружили роскошью; но ничто не могло развеселить царевича, который мучился, видя страданія народа. Однажды встрѣтилъ онъ старика, больнаго, похороны и нищаго — и эта встрѣча утвердила окончательно его рѣшимость покинуть этотъ печальный міръ, сдѣлаться муни. Тайкомъ бѣжалъ онъ отъ своего отца, отъ женъ и дѣтей, одѣлся въ лохмотья и пошелъ искать самыхъ ученыхъ браминовъ. Но мертвая наука спѣсивыхъ жрецовъ была не по душѣ царевичу, горячо любившему человѣчество; не помогъ и аскетизмъ. Тогда философъ скрылся въ лѣсъ и провелъ 2 года въ размышленіяхъ, подъ смоковницей. Здѣсь онъ почувствовалъ въ себѣ неземную силу и самъ призналъ себя *Буддой*, т.-е. „просвѣщеннымъ“. Сначала стало ему страшно возставать „противъ всего на свѣтѣ“; но потомъ ужъ „очень жалко“ стало ему людей — и началась его великая проповѣдь. Буддѣ было тогда 35 лѣтъ. 40 лѣтъ ходилъ пророкъ по долинѣ Ганга въ видѣ нищаго. Онъ говорилъ объ „освобожденіи“.

вездѣ, гдѣ собиралась толпа, говорилъ подъ открытымъ небомъ, просто, народнымъ языкомъ и притчами. За нимъ слѣдовали толпы учениковъ: женщины, судры, паріи, вайсьи—все угнетенное жадно внимало пророку. Его называли „желаннымъ“; говорили — „сами боги сходятъ съ неба взглянуть на него и послушать его“. Къ Буддѣ склонились даже цари и кшатріи, ненавидѣвшіе браминовъ. Одинъ министръ роздалъ свое имущество бѣднымъ и выстроилъ домъ, гдѣ Будда проповѣдовалъ въ ненастье. Отсюда образовались *вигары,* гдѣ жили „нищіе“, какъ называли себя буддійскіе муни. Подлѣ нихъ возникли женскія обители, гдѣ первыми монахинями были три жены самого пророка. Отецъ Будды все звалъ его къ себѣ, опасаясь за его жизнь, на которую много разъ посягали брамины; но его посланцы не возвращались, привязываясь къ пророку; наконецъ самъ старикъ принялъ религію своего сына. А когда больной Будда, чувствуя приближеніе смерти, велѣлъ нести себя къ своей смоковницѣ, за нимъ шли несмѣтныя толпы рыдавшаго народа; восемь городовъ воевали между собою, пока не подѣлили его праха. Будду всѣ любили за то, что его ученіе было основано на *любви къ ближнему.* „Мой законъ—говорилъ онъ—есть милость для всѣхъ; и такъ какъ всѣ люди равны, то люби ближняго, какъ брата“; жертвуй собой для него; будь сострадателенъ ко всему, даже къ животнымъ, потому что „міръ наполненъ скорбью“, которую нужно искоренить. Для этого нужно и самому быть чистымъ: подавляй свои желанія, только не уходя изъ міра; будь терпѣливъ и скроменъ; прощай врага и кайся во грѣхахъ всенародно. Вотъ высокое нравственное ученіе Будды, которое уничтожало касты и самого Браму. Гораздо ниже догма Будды. У него нѣтъ божества: „всюду пустота“; все возникло изъ ничтожества и возвратится въ него; мы — словно „пузыри на болотѣ“; жизнь есть „міровая скорбь“; а по смерти насъ ожидаютъ ужасныя переселенія. Чтобы избѣгнуть хотя загробныхъ страданій, нужно уничтожить всего себя—не только тѣло, но и душу; нужно дойти до такого ледянаго равнодушія ко всему, чтобы даже не сознавать себя. Этого можно достигнуть, если долго сидѣть, не шевелясь, и все смотря на кончикъ своего носа: тогда-то человѣкъ погружается въ *нирвану,* или „погашеніе“ себя самого.

§ 62. **Искаженіе буддизма.** Будда проповѣдовалъ не столько нирвану, сколько любовь къ ближнему. Объ его ученіи должно судить по примѣру царя *Асоки* (ок. 250 л. до Р. Х.), имя котораго народъ окружилъ легендами и чудесами. Асока, сдѣлавшій буддизмъ государственною религіей, отмѣнилъ смертную казнь и построилъ много пріютовъ не только для бѣдняковъ, но и для хилыхъ животныхъ. Онъ насадилъ по дорогамъ тѣнистыя деревья, посѣялъ цѣлебныя травы, вырылъ колодцы, устроилъ бесѣдки и скамеечки. Его жена

отличалась такою же добротой и милосердіемъ. Но съ этого же времени начинаются *соборы* буддійскаго духовенства, на которыхъ было искажено ученіе пророка. На первый планъ выступила догма съ нелѣпыми заимствованіями у браминовъ. Будда сталъ божествомъ, и его окружилъ цѣлый штатъ мелкихъ боговъ, въ томъ числѣ Брама, Индра и Вишну. Явились милліоны милліоновъ міровъ, устроенныхъ также, какъ нашъ. На самомъ верху помѣщается нирвана, подъ нею 23 неба съ небесными Буддами; еще ниже—земля, въ видѣ корабля, мачтой котораго служитъ гора, упирающаяся въ небо. Гора также раздѣляется на ярусы или небеса, на которыхъ возсѣдаютъ земные Будды. На пятомъ небѣ живетъ пророкъ Будда, приходившій на землю; его окружаютъ милліоны веселыхъ, улыбающихся божковъ. Ниже живутъ полу-боги, или духи; а подъ землей 16 адовъ ярусами. Затѣмъ было введено множество *обрядовъ* и церемоній. Нашлось тѣло Будды, которое раздѣлили на 84 т. частей и разослали по *пагодамъ* (зиггураты съ куполами, т.-е. пузырями). Возникли нелѣпыя сказанія о Буддѣ: на Цейлонѣ и теперь показываютъ „слѣдъ“ Будды на высокой горѣ. Возникли и *статуи* Будды, со скрещенными руками и поджатыми ногами. Изобрѣли пышное богослуженіе, церковную музыку и *молитвенныя колеса*, въ которыхъ вертѣли бумажки съ молитвами. Развилась обширная іерархія: въ Тибетѣ треть мужчинъ—*ламы* („высшіе“), во главѣ которыхъ стоитъ *Далай-лама*, буддійскій папа. Подлѣ жрецовъ видимъ множество муни съ четками. Эти искаженія повредили буддизму. Сначала онъ распространялся съ небывалою быстротой и, какъ первая *міровая* религія, не знавшая національности, проникъ въ другія страны—въ Заднюю Индію, на Малайскіе острова, въ Тибетъ, Монголію, Китай и Японію: теперь около трети человѣчества — буддисты. Но въ самой Индіи буддизма почти нѣтъ: его искоренили ловкіе брамины, воспользовавшись искаженіемъ мысли пророка. Они внушили народу, что буддисты безбожники, а раджамъ, что это мятежники — и первые вѣка нашей эры наполнены страшными гоненіями на буддистовъ; ихъ избивали, а ихъ храмы посвящали Брамѣ. Внѣ Индіи буддизмъ не исправилъ своихъ поклонниковъ также оттого, что явился въ искаженномъ видѣ: здѣсь приняли не столько его нравственное ученіе, сколько его нелѣпую догму и обрядность.

§ 63. **Культура и значеніе индусовъ.** Искаженія лишили буддизмъ и культурнаго значенія. Богатая цивилизація Индіи—созданіе браминовъ, а не буддистовъ. Особенно замѣчательны браминскіе храмы въ скалахъ, или *гроты*. Въ *Эллорѣ* (сѣв. Деканъ) и на островахъ *Сальсеттѣ* и *Элефантѣ* (у Бомбея) цѣлые подземные города, высѣченные въ гранитѣ. Тутъ много храмовъ въ нѣсколько этажей, галлерей, залъ, бассейновъ, лѣстницъ, мостовъ надъ каналами, выруб-

ленными въ скалахъ. Постройки поддерживаются цѣлымъ лѣсомъ короткихъ, толстыхъ и неуклюжихъ колоннъ. Все это величаво и фантастично, но лишено вкуса и формъ. Таково же браминское *ваяніе*. Это — громадныя, но безобразныя статуи, часто со множествомъ головъ, рукъ и ногъ; иногда головы животныхъ торчатъ на человѣческомъ тѣлѣ. Хороши только нѣжность и мягкость линій, особенно въ женскихъ фигурахъ. Тѣ же черты замѣтны въ литературѣ, которая вся браминская: она величественна и нѣжна, но чудовищна. Эта литература развилась со введенія письма (ок. 800 л. до Р. Х.). Въ ней господствуетъ поэзія: лирика (Веды), эпосъ (Мага-Бгарата и Рамаяна) и драма. Драма вытекла изъ культа Вишну, который сопровождался пѣснями, музыкой и танцами (баядерки), и достигла вскорѣ послѣ Р. Х. совершенства, въ лицѣ *Калидасы*, воспѣвшаго Сакунталу. Не менѣе развился *животный эпосъ*, къ которому относится большинство существующихъ басенъ. Индійскія *сказки* послужили основаніемъ арабской „Тысячи и одной ночи“. Изъ наукъ у индусовъ процвѣтали особенно *философія* и *лингвистика*, заимствованныя у нихъ греками и арабами: они открыли корни словъ и создали всѣ философскія системы, извѣстныя въ древнемъ мірѣ. Въ *математикѣ* индусамъ принадлежитъ открытіе „арабскихъ“ цифръ и основаній алгебры и геометріи. Славились также индійскіе *врачи*, которые начали давать внутрь металлы (меркурій и мышьякъ) и изобрѣли хирургію. Индусы вводятъ насъ въ арійскій міръ, съ его многосторонними и широкими дарованіями. Какъ вавилоняне были космополитами въ матеріальной культурѣ, такъ индусы—*космополиты идеализма*. Ихъ богатая фантазія стремилась обнять весь міръ, рѣшить самые общіе, философскіе вопросы; а Будда создалъ первую міровую религію, основанную на любви не къ своему только, избранному, народу, а ко всему человѣчеству. Но индусы — юные, слабые арійцы. Они остановились на ѳеократіи и деспотизмѣ, на нирванѣ, на многоголовыхъ статуяхъ. Въ Европѣ арійцы бросили все это въ свое время и пошли дальше. Причина такой разницы лежитъ въ природѣ странъ. Роскошная, опьяняющая природа разслабляла арійца въ Индіи, погружала его въ дремоту до самозабвенія и грезъ: его отличіемъ стали фантастичность до чудовищности и чувствительность до нѣжничанья. Изъ-за *крайняго идеализма* индусъ забылъ реальность, дѣйствительный міръ. Онъ населялъ вселенную миріадами божествъ и странствующихъ душъ, а на забытой имъ землѣ водворился истинный адъ. У индусовъ множество религіозныхъ и сказочныхъ книгъ, и нѣтъ ни одного историческаго сочиненія. Вся исторія Индіи какая-то фантастическая и грустная сказка. Но она озарена прелестнымъ образомъ пророка міровой любви: благодаря ему, чувствуется, что хотя мы и на Востокѣ, но у арійцевъ.

§ 64. **Природа Ирана.** Ближайшіе родственники индусовъ, иранцы, разселились въ Иранѣ (§ 53), какъ позволяла природа страны. Внутри огромнаго плоскогорья, которое тянется отъ Каспійскаго м. до устьевъ Инда (§ 20), изрѣдка встрѣчаются бездомные кочевники, пасущіе свои тощія стада на оазисахъ: здѣсь разстилается угрюмая пустыня — песокъ да солончаки, среди которыхъ теряется огромное болото *Гамунъ*, принимающее воды единственной рѣки, *Гильменда*. Но эта пустыня окружена горными хребтами, которые ниспадаютъ плодородными террасами—обиталищами древнѣйшихъ населеній. Южныя террасы, *Карманію* и *Гедрозію* (теперь Белуджистанъ) занимали кушиты, сѣверо-восточныя (*Арахозію*, *Аріану*, *Бактріану* и *Маргіану* (теперь Авганистанъ, Кабулъ и Мервъ) арійцы, выше которыхъ, въ *Согдіанѣ* (теперь Бухара и Хива), кочевали туранцы, занимавшіе также *Парѳію* (теперь Хорасанъ). Для исторіи важнѣе всего сѣверо-западныя террасы, примыкавшія къ Ассиріи и Вавилоніи: тамъ и теперь сосредоточена жизнь главнаго изъ народовъ Передней Азіи, персіянъ. Онѣ образуются двумя хребтами—на сѣверѣ *Эльбурсомъ*, на западѣ *Загромъ*. Эльбурсъ окаймляетъ южный берегъ Каспійскаго м. и тянется на в. къ Гинду-Кушу, на з. къ рр. *Араксу* и *Киру* (Кура), образуя *Гирканію* (Мазандеранъ и Астрабадъ), откуда ведетъ только одинъ проходъ въ Иранъ — опасныя *Каспійскія Ворота*. Вершина Эльбурса, *Демавендъ* (20 т. фут.), выше всѣхъ горъ Передней Азіи (Араратъ имѣетъ 17 т., Эльбрусъ 18 т. фут.). Загръ не такъ высокъ; но онъ тянется съ сѣвера на югъ пятью параллельными кряжами, которые образуютъ множество свѣжихъ долинъ, орошаемыхъ горными потоками, низвергающимися въ Тигръ. Сѣверная часть этихъ долинъ, примыкавшая къ Ассиріи (Курдистанъ), вмѣстѣ съ террасами Эльбурса, составляла *Мидію*. Она была усѣяна сочными лугами, густыми лѣсами, плодовыми садами, горными рѣчками, нефтяными источниками. Въ горахъ добывались мѣдь, желѣзо, мраморъ (у Тавриса) и драгоцѣнные камни, въ особенности лапись-лазури. Тамъ водились почти вымершіе теперь львы, тигры и леопарды, а долины изобиловали домашними животными, въ томъ числѣ прекрасными конями. Здѣсь разсѣяно также много развалинъ—цѣлые лабиринты гротовъ и многоэтажныхъ пещеръ Среди нихъ возвышается гора *Бегистунъ*, славная своею огромною надписью, начертанной клиньями на неприступной скалѣ. Она лежитъ къ западу отъ *Гамадана* — города у развалинъ *Экбатаны*, столицы древней Мидіи. Къ югу отъ Мидіи спускалась къ морю, вдоль Вавилоніи, равнина *Эламъ* или Сузіана (§ 21). Въ Эламѣ долго держались туранцы, составлявшіе сильное государство (§ 23), они принуждены были подчиниться арійцамъ сосѣдней Персиды. *Персида* (Фарсистанъ) располагалась по Персидскому заливу, между Эламомъ и Карманіей. Это

прелестная страна, особенно внутри, гдѣ долины и теперь называются „цвѣтниками Ирана, страной вина и соловьевъ". Въ горахъ лежатъ величавыя развалины столицы персовъ, *Персеполя:* это — громадный музей, наполненный мраморными лѣстницами, статуями, гротами, колоннами. Къ ю.-востоку отъ него находятся остатки еще болѣе древней столицы персовъ, *Пасаргадъ,* съ красивою гробницей Кира въ прелестномъ паркѣ.

§ 65. **Мидійское царство.** Мидія раньше Персиды играла роль въ исторіи. Арійцы Мидіи многое заимствовали у туранцевъ (§ 53), съ которыми вели тяжелую борьбу, воспѣтую въ сказаніяхъ, особенно прославляющихъ героя *Рустема* (§ 51). Но у нихъ не было государства даже около 1000 г., когда начинается достовѣрная исторія Мидіи, благодаря ассирійскимъ надписямъ. Они жили тогда въ родовомъ быту, какъ живутъ и теперь курды: у курдовъ обширные роды, которые иногда выставляютъ по 1000 воиновъ: они такъ привержены къ своимъ бегамъ (родоначальникамъ), что иногда умерщвляютъ себя на ихъ могилахъ. У мидянъ лишь кое-гдѣ роды соединялись въ общины, управляемыя князьями, власть которыхъ была ограничена сходкой родичей. Между князьями происходила постоянная борьба: оттого *ассирійцы покорили мидянъ,* ок. 800 г. (§ 34). Но ассирійское иго заставило мидянъ сплотиться для обороны. У нихъ возникло сильное государство, въ формѣ деспотизма, заимствованнаго у ассирійцевъ. Столицей его была *Экбатана.* Она напоминала огромный зиггуратъ: ее окружали семь стѣнъ (въ честь семи планетъ), зубцы которыхъ выдавались другъ надъ другомъ, образуя семь поясовъ, расписанныхъ разными красками и украшенныхъ серебряными и золотыми пластинками. По примѣру Ассиріи, мидійскіе цари увлеклись завоеваніями: они быстро захватили почти весь Иранъ, до Согдіаны и Персиды, и уже начали-было нападать на Ассирію, но неудачно. Арійцы Мидіи нуждались въ свѣжихъ силахъ, которыя и были приведены изъ Бактріи *Кіаксаромъ.* При этомъ царѣ, который уничтожилъ Ассирію (§ 44), Мидія достигла кратковременнаго процвѣтанія. Ея границы дошли на з. до р. *Галиса* (теперь Кизиль-Ирмакъ); ей подчинялась Арменія.

§ 66. **Арменія и Лидія.** Исторія Арменіи уяснилась чрезъ сличеніе извѣстій армянскаго историка, *Моисея Хоренскаго* (5 в. по Р. Х.), съ клинообразными надписями. Эта страна долго считалась раемъ по своему плодородію и красотѣ. Важно и ея стратегическое значеніе: оттого всѣ державы Востока старались овладѣть ею. По преданіямъ, въ Арменіи жили первоначально татуированные туземцы; ихъ уничтожили тѣ изъ арійцевъ, потомки которыхъ сохранились въ лицѣ *грузинъ.* Еще позже, ок. 700 г., пришли армяне, близкіе къ фригійцамъ; они завоевали грузинъ и назвались *гайками* („господами").

Всѣ эти народы распадались на много родовъ, раздѣленныхъ между собою горными ущельями; оттого ихъ легко было побѣждать. Сначала ими владѣли древніе халдеи, потомъ египтяне и ассирійцы. Вся цивилизація древней Арменіи ассирійская, не исключая религіи и письма; даже въ преданія армянъ проникла Семирамида, въ видѣ строительницы крѣпости у озера *Вана*, гдѣ находятъ много клинообразныхъ надписей. Но армяне мечтали о независимости и помогли мидянамъ разрушить Ниневію. Кіаксаръ отплатилъ имъ тѣмъ, что завоевалъ ихъ царство и поставилъ своимъ вассаломъ *Тиграна I*, который считается у армянъ народнымъ героемъ, идеаломъ ума, справедливости и патріотизма. Захвативъ Арменію, Кіаскаръ столкнулся съ *Лидіей*. Исторія этой страны окружена множествомъ преданій мѣстнаго, греческаго и ассирійскаго происхожденія. Жившіе здѣсь пелазги (§ 51) основали большое государство, съ столицей *Сардами*, лѣтъ за 1500 до Р. Х. Его начальная исторія состоитъ изъ однѣхъ сказокъ. Достовѣрно только, что въ 7-мъ в. скиѳы разрушили Сарды; но затѣмъ настало процвѣтаніе Лидіи. Царь *Аліатъ* завоевалъ нѣкоторыя греческія колоніи по берегамъ Эгейскаго моря и значительную часть Малой Азіи. Но у Галиса онъ столкнулся съ Кіаксаромъ. Силы двухъ новыхъ державъ на Востокѣ оказались равными: послѣ многолѣтней войны былъ заключенъ миръ, по которому Галисъ сталъ границею Лидіи и Мидіи (ок. 600 г.).

§ 67. **Паденіе Мидіи. Киръ.** Со смертью Кіаксара окончилось процвѣтаніе Мидіи. Сынъ его, *Астіагъ* (на надписяхъ Ази-дагакъ), былъ бездарный и жестокій деспотъ, предававшійся наслажденіямъ въ своемъ гаремѣ. Народъ не терпѣлъ его, и измѣна гнѣздилась въ его дворцѣ, въ лицѣ оскорбленнаго имъ наперстника, Гарпага. Въ то же время армяне собирались возстать, узнавъ, что подозрительный Астіагъ задумалъ убить ихъ любимца, Тиграна. Лидійцы и халдеи, чувствуя свою силу, также готовились къ нападенію на Мидію. А у Астіага не было сыновей. По преданію, у него былъ только внукъ, *Киръ* (на надписяхъ Курушъ), отъ дочери, бывшей замужемъ за вассальнымъ царемъ Персиды, *Камбизомъ I* (на надписяхъ Камбузія). Онъ воспитывался въ Экбатанѣ, какъ заложникъ. Киръ ненавидѣлъ мидійскій дворъ, какъ сынъ неиспорченныхъ горцевъ: красивые, статные, гордые и благородные персы сохраняли въ чистотѣ арійскія черты, маздеизмъ и первобытную простоту нравовъ. „Персидскіе юноши — по Геродоту—обучаются, отъ 5 до 20 лѣтъ, тремъ вещамъ—ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука, да говорить правду“. Персы любили своихъ царей, происходившихъ отъ *Ахеменеса* („дружелюбнаго“), приведшаго ихъ изъ Аріаны: эти цари не были деспотами; они были избирательными и поступали сообразно съ совѣтомъ „бѣлыхъ бородъ“ (родовыхъ старшинъ). Еще болѣе любили персы даровитаго юнаго

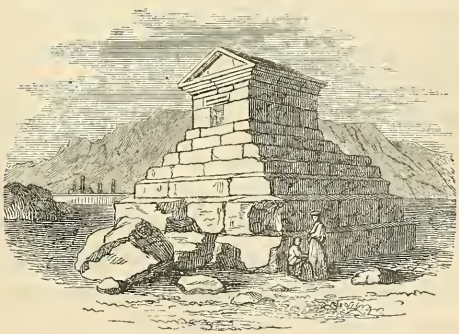
сына своего царя. Когда Киръ, сговорившись съ Гарпагомъ, предложилъ имъ сбросить господство мидянъ, они поднялись, какъ одинъ человѣкъ; въ то же время Тигранъ предложилъ имъ свою помощь; а войска Астіага передались Киру. Около 560 г. персидская держава замѣнила мидійскую. Затѣмъ Киръ, въ союзѣ съ Тиграномъ, покорилъ *Албанію* (Дагестанъ) и *Иберію съ Колхидой* и бросился на Малую Азію.

§ 68. **Малая Азія.** Малая Азія похожа на иранское плоскогорье: это — плато, образуемое отрогами Кавказа и Тавромъ. Сѣверныя террасы сначала служили перепутьемъ для арійцевъ, пробиравшихся въ Европу, и добычею киммерійцевъ, спускавшихся сюда черезъ Кавказъ; потомъ здѣсь образовались пелазгическія народности — *виѳиницы*, *пафлагонійцы* и *понтійцы*. Самыми важными террасами были западныя. Онѣ изобиловали хлѣбами, виноградомъ, мраморомъ, металлами, золотоносными рѣчками и хорошими гаванями, которыя замыкались такими плодородными и уютными островами, какъ *Лесбосъ*, *Хіосъ*, *Самосъ*, *Косъ*, *Родосъ*. Здѣсь, въ сѣверномъ углу, въ *Мизіи*, было древнѣйшее царство пелазгическихъ *дардановъ* или *трояицевъ*. Тамъ находятъ теперь множество памятниковъ; Шлиманъ открылъ недавно на мѣстѣ *Трои* развалины трехъ древнѣйшихъ поселеній частью каменнаго, частью бронзоваго вѣка. Къ югу отъ Мизіи осѣлись впослѣдствіи (за 1000 л. до Р. Х.) греки, назвавшіе эти мѣста, по своимъ тремъ народностямъ, *Эоліей*, *Іоніей* и *Доридой*. Южныя террасы непривѣтливы. Онѣ тѣснятся близко къ берегу и обрываются кручами, по которымъ низвергаются водопадами горныя рѣчки, засоряя гавани цѣлыми скалами. Это — истинные притоны разбойниковъ, какими и были *карійцы* и *киликійцы*, прятавшіе илѣнниковъ и награбленныя сокровища въ свои неприступныя ущелья. Только *ликійцы*, среди которыхъ жило много финикіянъ и грековъ, отличались значительной городской культурой; у нихъ была даже своя монета. Ликія усѣяна развалинами, въ которыхъ скульптура греческая, а зодчество туземное; на первомъ планѣ стоятъ гробницы, по большей части высѣченныя въ скалахъ, но въ формѣ деревянныхъ построекъ. Важнѣе всего развалины ликійской столицы, *Ксанѳа*, съ ихъ прелестнымъ *монументомъ Гарпій*, или геніевъ смерти, которые изображались въ видѣ птицъ съ головой и туловищемъ женщины, кормящей грудью душу младенца. Средина Малой Азіи, *Лидія* и *Каппадокія*, не такъ гостепріимны, какъ террассы: здѣсь много пустынныхъ мѣстъ, какъ внутри Ирана. Въ Малой Азіи первоначально жили туранцы и кушиты: первые — внутри, въ горахъ, вторые—по берегамъ. Ихъ смѣнили въ Киликіи семиты, на остальномъ же полуостровѣ — арійцы, которые быстро выучились у сидонцевъ морскому дѣлу, вытѣснили ихъ изъ Эгейскаго и Чернаго морей и начали на-

падать на Египетъ. Древнѣйшимъ средоточіемъ арійцевъ была *Фригія*, которая славилась плодородіемъ и красотой своей природы. Здѣсь было царство, едва-ли не болѣе древнее, чѣмъ дарданское, и особенно процвѣтавшее по паденіи Трои. Память о богатствѣ этого царства отразилась въ преданіи о царѣ *Мидасѣ*, который превращалъ въ золото все, къ чему ни прикасался. Кромѣ Мизіи и Ликіи, нигдѣ въ Малой Азіи нѣтъ столько остатковъ древнѣйшаго искусства — гротовъ, колоннъ, кремлей, могилъ съ саркофагами, высѣченныхъ въ скалахъ; попадаются и надписи съ барельефами. Восторженное поклоненіе фригійской „великой матери боговъ“. *Кибелѣ*, перешло за предѣлы своей родины. Фригійцы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ греками; ихъ языкъ очень близокъ къ греческому; по преданію, династія *Пелопидовъ*, давшая свое имя Пелопонесу, происходила отъ нихъ; въ Греціи одинъ родъ музыки назывался „фригійскимъ“. Наряду съ Фригіей рано прославилось другое царство арійцевъ — *лидійское*. При сынѣ Аліата (§ 66), *Крезѣ*, оно уже стремилось стать первою державой на Востокѣ. Крезъ овладѣлъ всею Малою Азіей до Галиса и захватилъ богатѣйшіе города Іоніи, *Милетъ* и *Эфесъ*, такъ какъ греки не послушались совѣта своего философа, *Ѳалеса*, составить союзъ. Благодаря этимъ завоеваніямъ, а также золоту, которымъ изобиловали рѣки и горы Лидіи, имя Креза стало нарицательнымъ именемъ богатства. Сарды стали роскошны: въ нихъ развились промыслы и торговля; тогда были уже лидійскія монеты и славились лидійскіе ковры, которыми и теперь щеголяетъ Смирна. Испугавшись персовъ, суевѣрный и избалованный богатствомъ Крезъ сталъ посылать дорогіе дары въ храмы Греціи и составилъ союзъ съ Лакедемономъ, Египтомъ и Вавилономъ. Но онъ не дождался союзниковъ, истолковавъ въ свою пользу отвѣтъ греческаго оракула: „ты разрушишь большое царство“. Киръ разбилъ его и разрушилъ Сарды (554). Паденіе Лидіи произвело потрясающее впечатлѣніе: ни боги, ни богатство, ни пресловутое счастье—ничто не помогло въ борьбѣ съ новымъ, непобѣдимымъ народомъ. Вся Малая Азія и даже сосѣдніе острова (кромѣ Самоса) подчинились персамъ. Но многіе греки такъ дорожили свободой, что частью сожигали свои города, частью выселялись: такъ фокейцы взяли на суда свои семьи и статуетки боговъ и отплыли далеко на западъ, гдѣ основали *Массилію* (Марсель).

§ 69. **Смерть Кира.** Киру оставалось покорить халдеевъ, чтобы стать повелителемъ всей Передней Азіи. Но Вавилонъ самъ повелѣвалъ юго-западомъ Азіи и былъ столицею и первою крѣпостью всего Востока. Съ трехъ сторонъ Вавилонію охраняла вода, а на сѣверѣ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ между Тигромъ и Евфратомъ, тянулась гигантская стѣна, остатки которой называются теперь „Нимрудовымъ

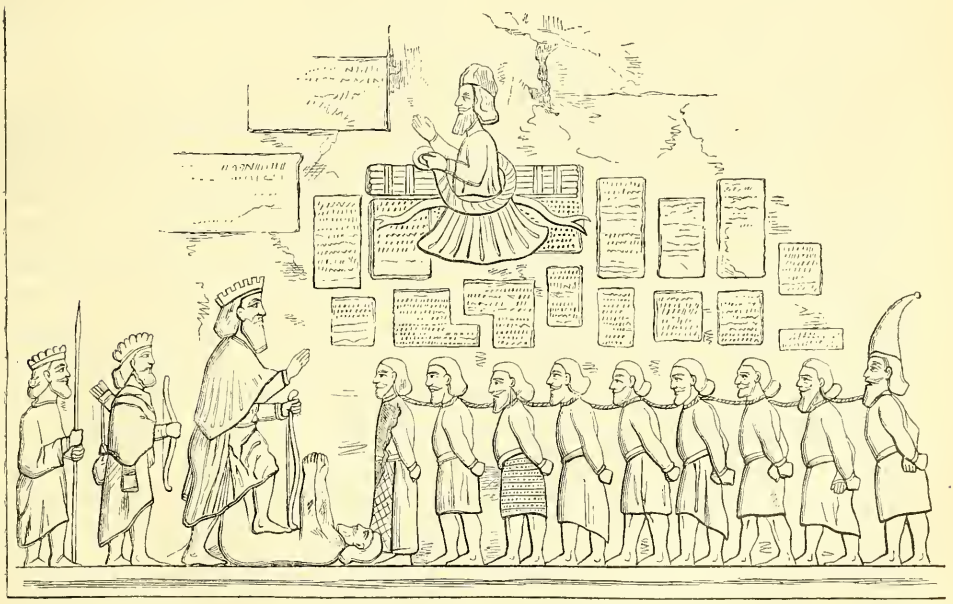
Валомъ". Киру нужно было набраться силъ и утвердить за собой восточныя владѣнія Мидіи. 15 лѣтъ провелъ онъ въ тяжелыхъ походахъ по Ирану и завоевалъ даже Согдіану и Арахозію. Киръ основалъ здѣсь много городовъ, въ томъ числѣ *Киресхату* („крайній Киръ") на Яксартѣ (теперь Ходжендъ). Затѣмъ (538), когда „копье перса" хватало отъ Инда до Эгейскаго м., Киръ смѣлымъ ударомъ разрушилъ Вавилонъ (§ 47), съ паденіемъ котораго подчинились персамъ Месопотамія, Сирія, Палестина и Финикія. Вся Передняя Азія лежала у ногъ завоевателя; только заклятые враги маздеизма, степные туранцы, тревожили его державу. Самыми сильными изъ нихъ были *массагеты*, жившіе на Оксѣ, которыми управляла царица Томира. Они поклонялись Землѣ и Солнцу, которому приносили въ жертву лошадей; копья и сѣкиры были у нихъ мѣдныя, удила и уздечки золотыя; ѣли они барановъ да дикіе плоды и травы; старухъ вѣшали; стариковъ ѣли, а черепа ихъ хранили, какъ святыню. Массагеты были храбрыми наѣздниками и первыми стрѣлками въ мірѣ. Киръ пошелъ противъ нихъ (529) и уже не возвращался. Говорятъ, онъ былъ разбитъ Томирой и умеръ отъ раны. Прахъ Кира былъ погребенъ въ Пасаргадахъ. Тамъ возвышается теперь небольшой зиггуратъ, увѣнчанный простою комнатой изъ бѣлаго мрамора, гдѣ стоялъ саркофагъ, а подлѣ него находились оружіе и сосуды Кира; стѣны же были обиты вавилонскими коврами. Этотъ изящный памятникъ греческой работы считается у туранцевъ святыней, „гробницею Саломоновой матери". Вокругъ него нѣсколько колоннъ: на одной изображенъ царь съ крыльями, поассирійски, но въ египетскомъ головномъ уборѣ; надъ нимъ надпись клиньями: „Это я, царь Курушъ, ахеменидъ". Простота памятника соотвѣтствуетъ характеру Кира, вѣрнаго представителя персовъ того времени. Отличный полководецъ, Киръ избѣгалъ кровопролитія, гдѣ можно было обойтись безъ битвъ. Онъ обращался милостиво съ покоренными, ласкалъ ихъ, не нарушалъ ихъ обычаевъ и даже прежняго правленія. Киръ отпустилъ евреевъ изъ плѣна, сдѣлалъ Набу-нагида правителемъ одной провинціи, а Креза —своимъ другомъ. Онъ жилъ просто, вращался среди поддан ныхъ, пересыпалъ свою рѣчь народными шуточками. Подлѣ него находились семь совѣтниковъ и независимые судьи. Персы любили своего царя, какъ „отца", и въ своихъ преданіяхъ, разошедшихся



Гробница Кира.

по всей Азіи и даже Европѣ, представляли его образцомъ гуманности, правдивости и красоты. Но Киръ ничего не сдѣлалъ для внутренняго управленія; а къ концу своей жизни началъ увлекаться азіатскою пышностью и высокомѣріемъ ассирійскихъ деспотовъ.

§ 70. **Камбизъ II и самозванецъ.** Деспотизмъ вполнѣ развился у сына Кира, *Камбиза II*. Съ помощью одного мага, онъ умертвилъ своего брата, *Бардью*, и убилъ въ припадкѣ ярости свою сестру, которую прежде сдѣлалъ своей женой. Затѣмъ Камбизъ покорилъ Египетъ и задумалъ овладѣть всею Африкой. Но финикіяне отказались дать свой флотъ для уничтоженія Карѳагена; отрядъ, посланный къ Аммонскому оазису, былъ засыпанъ пескомъ; самъ Камбизъ едва не погибъ въ Эѳіопіи, гдѣ его воинамъ пришлось пожирать другъ друга съ голоду. Когда онъ возвратился въ Мемфисъ, тамъ праздновали новаго Апи (§ 15). Деспотъ вообразилъ, что это народъ радуется его неудачамъ, и разсвирѣпѣлъ. Онъ собственноручно умертвилъ Апи, выкидывалъ муміи изъ гробницъ, казнилъ знатныхъ египтянъ и даже персовъ. Но тутъ пришло извѣстіе, что въ Персіи воцарился самозванецъ: то былъ магъ *Гаумата*, весьма похожій на убитаго



Надпись въ Бегистунѣ. Подъ ногами Дарія Гаумата, а впереди 9 вождей возстанія.

Бардью. Камбизъ лишилъ себя жизни, но и Гаумата царствовалъ только полгода. Обманъ открылся—и персидскіе вельможи, изъ рода ахеменидовъ, убили самозванца. Одинъ изъ нихъ, *Дарій* I, сталъ персидскимъ царемъ. Но провинціи не хотѣли признавать его — и

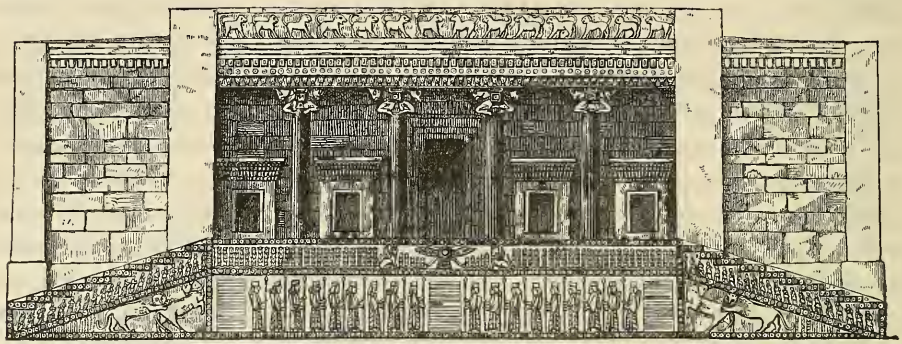
первыя семь лѣтъ его правленія пошли на усмиреніе возстаній. Это время описано самимъ Даріемъ въ самой длинной надписи на горѣ *Бегистунъ*. (§ 64). Затѣмъ Дарій занялся государственными преобразованіями.

§ 71. **Государственная система Дарія I.** До Дарія на Востокѣ были только цари, личности, но не было правительственной *системы*: онъ первый ввелъ государственное устройство, которое закрѣпило *восточный деспотизмъ* и въ главныхъ чертахъ до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Азіи. Дарій оставилъ провинціямъ всѣ ихъ мѣстныя особенности, даже законы, но подчинилъ ихъ строгой *централизаціи* и *чиновничеству*. Верховная власть сосредоточилась въ царѣ; лишь изрѣдка призывалъ онъ, кого хотѣлъ, къ себѣ на совѣтъ; но совѣтникъ отвѣчалъ головой за свое мнѣніе и потому говорилъ угодное царю. Царь сталъ божествомъ, замкнутымъ во дворцѣ, вмѣстѣ со своими женами и наперсниками. До него можно было дойти лишь черезъ рядъ сановниковъ, которые назывались „царскими ушами и очами“: кто проникалъ безъ доклада, того казнили на мѣстѣ. Ассирійская пышность воскресла при дворѣ, который жилъ зимой въ Сузѣ, лѣтомъ — въ прохладной Экбатанѣ. Дворцы были украшены золотомъ, слоновою костью, рѣдкою мебелью: по всему Востоку славилась одна придворная игрушка — золотая виноградная лоза, съ гроздьями изъ драгоцѣнныхъ камней. Въ подвалахъ лежали слитки золота и серебра, изъ которыхъ грубо чеканили *дарики* (мелкая монета). Царь былъ окруженъ множествомъ придворныхъ чиновъ: тѣлохранителей, евнуховъ, привратниковъ, министровъ, пословъ, жрецовъ, лейбъ-медиковъ (изъ грековъ и египтянъ), носителей зонтика, опахала, духовъ, платковъ. Во дворцѣ ежедневно кормилось до 15 т. человѣкъ свиты, во главѣ которой стояли „застольники“ царя изъ знатныхъ персовъ. Царь рѣдко показывался народу, и то лишь въ пышныхъ церемоніяхъ: на немъ была длинная пурпурная мантія, желтые башмаки, высокая тіара съ діадемой (бѣлой повязкой), золотой поясъ, дорогія серьги и ожерелья; ножны меча и сбруя коня были усыпаны драгоцѣнными камнями. Въ правой рукѣ онъ держалъ жезлъ (скипетръ), въ лѣвой—цвѣтокъ. Онъ сходилъ съ коня на золотую скамеечку и на дорогіе ковры, никогда не касаясь земли. За нимъ возили всюду его огромный гаремъ, его кухню и воду изъ Хоаспа. При дворѣ были школы, гдѣ воспитывались чиновники для 20 *сатрапій* (намѣстничествъ), на которыя Дарій раздѣлилъ свою державу. Сатрапъ выбирался царемъ изъ людей всякаго званія и ставился безсрочно. Его главною задачей было держать провинцію въ повиновеніи и собирать дани. При Даріи возникла *финансовая система*, т.-е. всякая провинція (за исключеніемъ Персиды, свободной отъ податей) платила опредѣленную дань, сообразно со своимъ богатствомъ. Казна собирала

болѣе 150 милл. р. въ годъ, и подданные называли Дарія „кулакомъ-торгашемъ“. Сатрапы копировали царя въ своей жизни, но у нихъ была отнята военная власть: чтобы создать имъ соперниковъ, она ввѣрялась особому генералу. Но надъ этими обѣими властями надзирала третья—царскій писецъ со своею канцеляріей. Сверхъ того внезапно наѣзжало „царское око“—ревизоръ съ сильнымъ отрядомъ: стоило ревизору шепнуть слово повелителю, и царька-сатрапа распинали безъ суда. Писцы постоянно сносились съ придворною канцеляріей; съ этою цѣлью Дарій *основалъ почты*: постоянные верховые нарочные ѣздили отъ станціи до станціи. Эти почты служили *только для правительства*, а не для общества. Дарій строилъ даже водяные пути: онъ докончилъ каналъ между Ниломъ и Краснымъ м. и заставилъ грековъ изслѣдовать берега отъ Суэза до Инда. Характеръ системы Дарія виденъ изъ *казней*. Преступниковъ распинали, душили, сажали на колъ, закапывали живыми въ землю до головы, которую размазживали камнями; ихъ распиливали, сожигали, сдирали съ нихъ кожу, опаивали воловьею кровью, ослѣпляли, всячески уродовали. Сверхъ того народы были отягощены непосильными податями: они содержали не только огромное войско и дорогой дворъ, но также сатраповъ, которые не получали жалованья. Система Дарія не измѣнялась до самаго паденія Персіи. Она была выше ассирійскаго патріархальнаго произвола; но это всетаки азіатскій деспотизмъ, т.-е. та система, которая преграждаетъ народамъ путь къ свободному развитію и потому въ себѣ самой носитъ залогъ смерти. Персидское государство начало быстро разлагаться тотчасъ послѣ Дарія.

§ 72. **Культура персовъ.** Персидская культура ограниченна. Въ умственномъ отношеніи все было заимствовано сначала у халдеевъ, потомъ у грековъ. Самое письмо было ассирійское; только въ ассирійскихъ клиньяхъ былъ *силлабизмъ* (Введ. § 14), а персидскіе дошли до *алфавитизма*. Нѣкоторая самобытность видна только въ персидскомъ искусствѣ, особенно въ *зодчествѣ*. Киръ украсилъ скромную резиденцію Ахеменидовъ, *Пасаргады*, дворцомъ, крѣпостью и жертвенниками для огня, которые составляютъ теперь цѣлое поле развалинъ вокругъ его уцѣлѣвшей гробницы. Дарій устроилъ столицу въ центрѣ своей державы, въ *Сузѣ*, развалины которой сохранились у нынѣшняго Шуша, въ трехъ огромныхъ курганахъ: здѣсь масса кирпичей, глиняныхъ вещей, статуетокъ и т. под. Впрочемъ это по большей части остатки дворцовъ болѣе древнихъ, эламскихъ царей. Сохранились еще ничтожные остатки дворца Дарія въ *Экбатанѣ*. Но лучшій художественный музей персовъ представляютъ обширныя развалины *Персеполя* — главнаго дворца, основаннаго Даріемъ и расширеннаго его преемниками. Онѣ расположены на высокой скалѣ, къ которой ведетъ великолѣпная лѣстница тремя

уступами, такая пологая, что по ней въѣзжали всадники. Какъ лѣстница, такъ и полъ дворца покрыты огромными плитами превосходнаго *мрамора* такой полировки, что и теперь можно смотрѣться въ него, какъ въ зеркало. Дворецъ состоялъ изъ обширныхъ залъ, крытыхъ кедровымъ деревомъ и щеголявшихъ массой колоннъ. Особенно роскошна была Дарiева стоколонная зала. *Колонны* составляютъ главную особенность персидскаго искусства, и ихъ сохранилось такъ много, что туземцы называютъ персепольскія развалины „сорока столбами“. Онѣ въ три обхвата толщины, но кажутся легкими, тоненькими, по-



Дворецъ Дарія въ Персеполѣ.

тому что высота ихъ небывалая (до 10 саж.) Основанія и стволы колоннъ—дорическіе, но головки самобытныя: это—соединеніе іоническихъ завитковъ съ чашечками цвѣтовъ, то стоящими прямо, то опрокинутыми; иногда завитокъ состоитъ изъ двухъ конскихъ головъ. Во дворцѣ было много нишей и оконъ, обрамленныхъ надписями съ именами строителей. Позади дворца, въ большой скалѣ высѣчены 4 *усыпальницы Ахеменидовъ*. Это—крестообразное углубленіе съ тремя ярусами; въ среднемъ ярусѣ входъ въ склепъ, представляющій прелестную модель дворцоваго фасада; онъ ведетъ въ длинный, узкій корридоръ, по бокамъ котораго высѣчены три покойчика, въ каждомъ по могилѣ, прикрытой каменною плитой. Верхній ярусъ, поддерживаемый человѣческими фигурами, предназначенъ для барельефовъ: здѣсь Дарій молится, предъ алтаремъ огня, Ормузду, а его крылатая душа взлетаетъ подъ самый верхъ скалы, чтобы унестись на небо; подлѣ царя надпись, столь-же простая, какъ на гробницѣ Кира (§ 69). Подобныя могилы персидскаго стиля встрѣчаются далеко, даже въ Малой Азіи, гдѣ онѣ хранятъ кости сатраповъ. Но въ сущности сами онѣ служатъ подражаніемъ *египетскимъ* могиламъ. Иностранное вліяніе еще болѣе отразилось въ персидскомъ *ваяніи*, которое состоитъ изъ множества низенькихъ барельефовъ да изъ огромныхъ

херувовъ (до 3 саж. выс.). Это — прямое *подражаніе Ассиріи*, какъ по содержанію (оно историческое и бытовое), такъ и по исполненію. Но персидское ваяніе выше ассирійскаго: въ немъ больше правды, нѣжности линій, изящной отдѣлки мелочей. Все это, въ особенности же появленіе складокъ на одеждѣ, указываетъ на *греческое* вліяніе, которое несомнѣнно въ персидскомъ зодчествѣ. Это особенно замѣтно въ изображеніи борьбы Дарія съ чудовищемъ Аримана, *дивомъ*-дивнымъ (§ 52), у котораго морда волчья, затылокъ и крылья орлиные, переднія лапы львиныя, заднія — ястребиныя, хвостъ костяной, а на головѣ рогъ. Это чудовище встрѣчается въ халдейскихъ преданіяхъ, откуда оно перешло въ Апокалипсисъ и къ Альбрехту Дюреру.

Дарій со свитой.

§ 73. **Скиѳы и ихъ сосѣди.** Весь древній Востокъ принадлежалъ Дарію — и персы начали переходить за его предѣлы. Они показались за Индомъ, гдѣ наложили дань на царства Пенджаба, и на Эгейскомъ м., гдѣ сдался даже непокорный Самосъ, тиранъ котораго, *Поликратъ*, славившійся своимъ счастьемъ, былъ вѣроломно убитъ лидійскимъ сатрапомъ. Наконецъ Дарій первый изъ восточныхъ завоевателей вступилъ въ Европу. Тамъ онъ рѣшился начать со *скиѳовъ* — народа арійскаго племени, отличнаго отъ скиѳовъ, которые вторгались въ Переднюю Азію (§ 44). Скиѳы занимали степи у сѣверныхъ береговъ Чернаго м. отъ *Борисѳена* (Днѣпра) до *Танаиса* (Дона). Именно тутъ жили скиѳы, которыхъ называли *царскими*, потому что въ случаѣ опасности у нихъ появлялся общій вождь; въ мирное же время они жили отдѣльными родами. Царскіе скиѳы были полудикіе кочевники. Они питались кониной и кумысомъ, изготовляемымъ рабами, которымъ выкалывали глаза, чтобы они не бѣжали. Они были кровожадны: ихъ божествомъ была война, которой они поклонялись въ видѣ большаго желѣзнаго меча, обливаемаго кровью

плѣнниковъ. Скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ человѣка; онъ былъ обязанъ приносить царю съ битвы хоть одну голову врага; съ трупа онъ сдиралъ кожу, которою обшивалъ свои одежды, уздечки и котлы; а черепъ служилъ ему чашкой. Когда умиралъ царь, его тѣло бальзамировали и возили по всѣмъ городамъ; затѣмъ погребали, вмѣстѣ съ его женами, слугами и вещами. Надъ могилой насыпали огромный курганъ, вокругъ котораго ставили 50 убитыхъ юношей верхомъ на выпотрошенныхъ коняхъ. Этихъ кургановъ множество въ южной Россіи; изъ изслѣдованныхъ самый важный *Чертомлыцкій*. Становища царскихъ скиѳовъ доходили на югѣ до *Меотиды* (Азовское м.) и *Понта*, гдѣ этотъ народъ смѣшивался съ арійскими киммерійцами, имя которыхъ перешло на *Крымъ* и *Босфоръ Киммерійскій* (Керченскій проливъ). Здѣсь скиѳы смѣшивались также съ греками, жившими въ колоніяхъ: *Пантикапеѣ* (Керчь) и *Херсонесѣ Таврическомъ* (иначе Гераклея, а съ Августа—Севастополь). Но болѣе всего подчинялись греческому вліянію, благодаря колоніи *Ольвіи*, осѣдлые скиѳы, жившіе къ западу отъ царскихъ, до *Истра* (Дуная). Эти скиѳы отчасти смѣшивались со своими арійскими сосѣдями—ѳракійцами, кельтами и германцами. Къ сѣверу отъ скиѳовъ жили финскіе народцы, о которыхъ греки, ходившіе за золотомъ до Урала, разсказывали чудеса. Тамъ летали бѣлыя мухи, жили людоѣды и какіе-то черно-халатники, а также люди съ козьими ножками; тамъ спали по полугоду. У Перми обитали одноглазые *аримаспы*, которые похищали золото у „грифовъ", чудовищъ съ головой и крыльями орла на львиномъ туловищѣ. А еще далѣе на сѣверѣ жили блаженные *гипербореи*, вѣчно счастливые, невинные, озаряемые лучами Аполлона. Къ в. отъ скиѳовъ, между Танаисомъ, *Ра* (Волгой) и Кавказомъ, обитали бѣлокурые *сарматы*, у которыхъ женщины такъ храбро воевали, что греки сочли ихъ за своихъ баснословныхъ амазонокъ. Это предки литовско-славянскаго племени, которое потомъ вытѣснило скиѳовъ, такъ что римляне (ок. 100 л. до Р. Х.) уже называли Сарматіей всю Скиѳію.

§ 74. **Персы въ Европѣ и Киренѣ**. Около 500 л. до Р. Х. Дарій выступилъ въ Скиѳію съ 700-тысячной арміей. Іонійскіе греки сопровождали его на 600 судахъ и построили ему мосты черезъ *Босфоръ Ѳракійскій* (Константинопольскій проливъ) и Дунай; имъ же было поручено охранять мосты до возвращенія персовъ. Скиѳы рѣшились заманивать врага въ глубину степей, истребляя за собой запасы и засыпая колодцы. Гоняясь за ними, Дарій прошелъ до 2 т. в. по пустынной странѣ, доходя до Воронежа и Волги. Наконецъ онъ понялъ, что только отступленіе можетъ спасти его; но тутъ скиѳы начали нападать на отдѣльные отряды его истомленнаго войска. Между тѣмъ у Дуная шли совѣщанія между іонійскими тиранами (князьками), охранявшими мостъ. Владѣтель *Херсонеса Ѳракійскаго* у *Гел-*

Геспонта (Дарданеллы), благородный аѳинянинъ *Мильтіадъ* требовалъ разрушить мостъ, чтобы погубить Дарія и тѣмъ освободить малоазійскихъ грековъ отъ персидскаго ига. Но корыстолюбивый *Гистіей* милетскій напомнилъ товарищамъ, что всѣ они—тираны лишь по милости Дарія, безъ котораго греческіе города тотчасъ низвергнутъ ихъ и превратятся въ республики. Гистіей восторжествовалъ, и Дарій былъ спасенъ. Царь достойно вознаградилъ тирана: испугавшись вліянія Гистіея на грековъ, онъ призвалъ его въ Сузу и безотлучно держалъ при себѣ, какъ друга. Этотъ почетный плѣнъ довелъ тирана до отчаянія. По всему видно, что при Даріи Востокъ уже начинаетъ сталкиваться съ Европой. При дворѣ азіатскаго деспота мелькаютъ греческія лица. Іонійцы строятъ мосты Дарію; каріецъ *Скилаксъ* совершаетъ, по его порученію, путешествіе отъ Кашмира до Суэза; другой грекъ излѣчиваетъ его отъ болѣзни и ведетъ экспедицію въ Грецію и Италію, снаряженную царемъ также для развѣдокъ. Въ то же время персидскія войска, оставшіяся за *Пропонтидой* (Мраморное м.) послѣ скиѳскаго похода, покоряютъ *Ѳракію* и берутъ дань съ царя *Македоніи*. Персы показываются и въ греческихъ колоніяхъ за Египтомъ. Они воспользовались волненіями въ *Киренѣ* и *Баркѣ*, гдѣ народъ убилъ своего царя; мать погибшаго призвала къ себѣ на помощь египетскаго сатрапа, который обманомъ завладѣлъ обѣими странами. Множество грековъ было переселено отсюда въ Бактрію. Ужасъ до того овладѣлъ всѣмъ сѣверомъ Африки, что даже отдаленный *Карѳагенъ* прислалъ дань въ Сузу. Такъ съ крайняго сѣвера и юга надвигались азіатскія полчища на юную цивилизацію Европы, именно Греціи. Кончается исторія древняго Востока: она становится *эпизодомъ* (отрывкомъ) *исторіи Греціи* и *Рима*.

§ 75. **Значеніе мидянъ и персовъ.** Историческое значеніе *мидянъ* ничтожно. Они представляютъ намъ лишь любопытный примѣръ арійскаго народа, сильно смѣшаннаго съ туранцами. Мидяне успѣли только образовать государство и свергнуть чужеземное иго; затѣмъ они подчинились вліянію деспотизма уничтоженной ими Ниневіи. Еслибы они жили дольше, вышло-бы повтореніе ассирійской исторіи. Гораздо важнѣе значеніе *персовъ*. Послѣ индусовъ это второй чистокровный арійскій народъ. Эти родственники различны по характеру: индусы народъ мирный, персы—*завоеватели*. Если въ Индіи былъ деспотизмъ, свойственный вообще Востоку, то ѳеократическій; персы же усвоили истинно *восточный деспотизмъ* Ассиріи: въ Передней Азіи всѣ народы обращались въ завоевателей. Но во всемъ остальномъ персы родственны индусамъ. Это—даровитый народъ съ многосторонними, широкими стремленіями, съ *задатками идеальной культуры*. Маздеизмъ—идеальная религія, которой немного не доставало до монотеизма. Его нравственное ученіе, высокое и великодушное,

напоминаетъ буддизмъ. Оно олицетворилось въ симпатичной личности Кира, этого героя народныхъ преданій персовъ. Гуманно и умно поступали персы даже съ покоренными народами: они пользовались ихъ силами, щадя ихъ понятія и привычки; въ дикихъ мѣстахъ они строили города, рыли каналы, проводили дороги. Персы первые въ Азіи создали *правительственную систему* или организацію и связанныя съ нею *почты*. Сверхъ того персы успѣли проявить художественный талантъ въ самое короткое время; а морскія экспедиціи, вызванныя духомъ любознательности, и привлеченіе свѣдущихъ грековъ свидѣтельствуютъ объ ихъ научныхъ стремленіяхъ. Но на всемъ лежитъ основная азіатская черта—застой, быстрое утомленіе подъ вліяніемъ могущественной природы. Послѣ Дарія персы не создали ничего новаго, и ихъ государство превратилось въ жалкое придворное правленіе. Оно быстро разлагалось само собою, и этотъ гнилой колоссъ рухнулъ при столкновеніи съ маленькою Греціей, представительницей европейской цивилизаціи.

§ 76. **Значеніе древняго Востока.** Исторія древняго Востока касается всѣхъ частей человѣчества. Изъ нея видно, что первобытная, *черная* порода еще не успѣла ничего выработать, какъ была смѣнена желтою. *Туранцы* уже создали многое (даже письмо), что легло основнымъ вкладомъ въ цивилизацію; но они давно остановились въ своемъ развитіи, впрочемъ сохранивъ способность воспринимать чужую культуру, какъ доказываетъ Японія. Затѣмъ древній Востокъ обнимаетъ большую часть бѣлой породы, въ которой сосредоточенъ историческій прогрессъ. Къ нему относится вся жизнь *кушитовъ*, этихъ вторыхъ піонеровъ цивилизаціи, которые во многихъ мѣстахъ раньше всѣхъ выступили на борьбу съ природой и невѣжествомъ и раньше всѣхъ удалились съ историческаго поприща. Культура *семитовъ*, которые всѣ входятъ въ исторію древняго Востока, за исключеніемъ арабовъ, была развитіемъ туранскихъ и кушитскихъ основъ: въ ней прибавлено мало новаго. *Арійцы*, которые лишь частью входятъ въ исторію Востока, унаслѣдовали культуру семитовъ и кушитовъ. Проживъ сравнительно мало, они не могли значительно обогатить полученное достояніе. Но въ своихъ пріемахъ они обнаружили *задатки самыхъ крупныхъ дарованій*, гибкости ума. У нихъ выдаются *многосторонніе идеальные* стремленія, эта соль цивилизаціи и главный рычагъ развитія: арійцы—племя *прогрессивное* попреимуществу (введ. § 3). Чѣмъ болѣе наука овладѣваетъ древнею исторіей, тѣмъ болѣе уваженія внушаетъ Востокъ. Безъ его исторіи непонятна дальнѣйшая судьба человѣчества. *Его цивилизація — мать европейской.* Востокъ далъ намъ бронзовый вѣкъ и начало желѣзнаго со множествомъ мелочей матеріальной культуры. Оттуда получили мы единобожіе, любовь къ ближнему, обряды и миѳологическіе образы; тамъ начало эпоса,

сказки и басни, гимна и драмы, философіи разныхъ направленій (у индусовъ), письма и грамматики, цифръ и математики, греческаго ваянія и зодчества; тамъ же первые образцы формъ общежитія — ѳеократіи, монархіи и республики, аристократіи и демократіи. Мы сами — переселенцы оттуда же. Но ослѣпительная картина первыхъ успѣховъ человѣчества покрыта мрачнымъ оттѣнкомъ, особенно если вспомнить, какъ томительно-долго создавалась она. На древнемъ Востокѣ господствуетъ печальное *однообразіе:* жизнь—какой-то обрядъ, напыщенная процессія, не отступавшая отъ древнѣйшихъ правилъ, какъ художникъ не уклонялся отъ жреческихъ подлинниковъ. Вездѣ типы, народы, племена и расы, и *нѣтъ* общественныхъ расчлененій, кружковъ и *личностей*. Здѣсь все скучивается въ *огромныхъ размѣрахъ*, не давая хода мелкой игрѣ жизни, частныхъ силъ. Оттого вездѣ, особенно въ политическомъ быту, послѣ поразительнаго полета генія, виденъ *застой*, предѣлъ развитія, незнакомый Европѣ. Оттого всюду безропотное *рабство* съ одной стороны, разгулъ кровожадной власти— съ другой. Востокъ и теперь отличается подобными чертами, которыя отчуждаютъ его отъ насъ, хотя тамъ много родственныхъ намъ народностей. Главная причина запустѣнія первой школы человѣчества лежитъ не въ людяхъ, которые составляютъ одинъ родъ человѣческій, а въ *природѣ* Азіи и Африки, которая притомъ была тогда въ полнотѣ своихъ дѣвственныхъ силъ: она была первымъ тираномъ человѣка: то изнуряла его своими мертвыми пустынями, то убаюкивала изнѣживающею роскошью. Но есть сила крупнѣе природы: это — *время*. Первому путнику труднѣе, томительнѣе, чѣмъ идущимъ по его слѣдамъ.

Б) ГРЕЦІЯ.

I. Герои и переселенія. 1500—850.

---

§ 77. **Природа Греціи.** Греки называли свою страну *Элладой*. Это одна изъ самыхъ малыхъ земель въ Европѣ (450 верстъ длины и 300 ширины). Эллада представляетъ какъ-бы одинъ большой мысъ, образуемый отрогами восточныхъ Альпъ. Главный изъ этихъ отроговъ, *Пиндъ*, тянется на югъ между Эпиромъ и Ѳессаліей, которые составляли *Сѣверную* Элладу. *Эпиръ* — дикая страна, со скалистыми берегами и недоступными ущельями. Эпироты всегда сохраняли первобытную грубость и патріархальную власть: остальные греки считали ихъ „варварами“, т.-е. иноплеменниками. А между тѣмъ Эпиръ — ко-

лыбель греческой націи. Здѣсь жилъ древнѣйшій изъ ея народовъ — „греки“, имя которыхъ римляне перенесли на всѣхъ обитателей полуострова, называвшихъ себя *эллинами*. Здѣсь (у Янины), въ *Додонѣ*, былъ древнѣйшій греческій „оракулъ“, или прорицалище, среди дубовъ, посвященныхъ Зевсу и Діонѣ. *Θессалія* — котловина, въ которую можно было проникнуть съ сѣвера только черезъ маленькую долину *Темпе* у устьевъ рѣчки *Пенея*, а съ юга черезъ *Θермопилы* (Теплыя Ворота) — узкій, для одной телѣги, проходъ между скалами и берегомъ, гдѣ и теперь струится горячій сѣрный источникъ. Въ Θессаліи славилась древняя гора *Олимпъ*, какъ обиталище всѣхъ боговъ. Страна была покрыта тучными лугами, на которыхъ паслись табуны лучшихъ въ Греціи коней. Θессалійцы были цивилизованнѣе эпиротовъ: у нихъ было много „ларисъ“ (кремлей). Но и они были преимущественно грубыми пастухами и наѣздниками: къ нимъ относятся сказки о *кентаврахъ*, свирѣпыхъ полу-людяхъ, полу-коняхъ. Эллины считали θессалійцевъ полу-варварами. Настоящею Элладой были Средняя и Южная Греція, отдѣленныя другъ отъ друга *Исθмомъ* — такимъ узкимъ перешейкомъ (5 верстъ), что съ высоты его видны оба залива, Коринѳскій и Саронический. Средняя Греція изрѣзана горами болѣе Сѣверной. Главныя изъ нихъ, *Парнасъ* и *Геликонъ*, были такими же святынями, какъ Олимпъ. Священными считались и окрестныя земли — *Беотія*, въ особенности же *Фокида* съ ея *Дельфами*, гдѣ былъ оракулъ Аполлона. Эти земли были древнѣйшими центрами греческой цивилизаціи, особенно Беотія съ ея семивратными *Θивами*. Далѣе къ западу преобладали бѣдность и невѣжество: жители *Дориды*, *Локриды*, въ особенности же *Этоліи* и *Акарнаніи* считались варварами. Зато къ востоку отъ Беотіи лежалъ центръ греческой культуры, *Аттика* — маленькая страна (100 в. длины, 50 ширины), покрытая скалами, которыя оканчиваются мысомъ Суніемъ и горою Лавріономъ, изобилующею серебромъ. Въ этой безплодной землѣ есть только двѣ долины, покрытыя пашнями, оливками и пчельниками — *Элевзисъ* и *Марaθонъ*. Въ Аттикѣ былъ одинъ только городъ, но это — *Аθины*, лежавшія въ 7 в. отъ трехъ прекрасныхъ гаваней, вмѣщавшихъ въ себѣ до 500 судовъ. Безплодіе Аттики вознаграждалось плодородіемъ ближайшихъ острововъ: *Саламинъ* и *Эгина* были покрыты оливковыми плантаціями, смоковницами и роскошными нивами; *Эвбея* была сплошнымъ сочнымъ, душистымъ лугомъ и житницею Аѳинъ. Къ Аттикѣ примыкала Мегарида съ однимъ только городомъ, *Мегарой*; но этотъ городъ обладалъ прекрасными гаванями, былъ богатъ, славился своею торговлей и просвѣщеніемъ. Восточная часть Средней Греціи отличалась морскимъ характеромъ и развитіемъ торговли и просвѣщенія, благодаря *Эгейскому* м. (Архипелагъ), которое представляетъ длинную береговую линію, т.-е. излучистость

береговъ, изрѣзанныхъ множествомъ заливовъ, бухтъ и гаваней. Это море связывало Среднюю Грецію съ Востокомъ посредствомъ множества острововъ, образующихъ двѣ группы — *Циклады* (они составляютъ „циклъ“, кругъ, съ священнымъ Делосомъ въ центрѣ) и *Сporады* („разбросанные“). Остр. *Критъ* (Кандія) служилъ станціей на пути изъ Аѳинъ въ Кирену. Южная Греція, или *Пелопонесъ* (Морея), отличалась материковымъ характеромъ. Здѣсь береговая линія короче: главное море, *Іоническое*, представляетъ мало бухтъ и острововъ (Закинѳъ, Корцира и др.). Горы въ Пелопонесѣ не такъ многочисленны и велики: онѣ давали просторъ болѣе значительнымъ рѣкамъ (Пеней, Алфей, Эвротъ) и плодороднымъ равнинамъ. Здѣсь развилась свойственная материковымъ странамъ воинственность съ сопровождающимъ ее культурнымъ застоемъ. Центромъ Пелопонеса служитъ *Аркадія*: эта „греческая Швейцарія“, хотя и имѣла много городковъ (Мантинея, Тегея и др.), была до того замкнута, что аркадцы считались типомъ „пастуховъ“. Изъ Аркадіи тянулась на югъ главная горная цѣпь, *Тайгетъ*, который оканчивался мысомъ *Тенаромъ* (Матапанъ) и раздѣлялъ одну отъ другой двѣ крупнѣйшія страны полуострова — Лаконію и Мессенію. *Лаконія*, или *Лакедемонъ* — широкая долина Эврота, усѣянная тучными нивами и лугами, купами платановъ и лавровъ, но суровая: берега Эврота были покрыты тростникомъ, гдѣ гнѣздились дикіе лебеди и утки; Тайгетъ, почти всегда снѣжный, былъ наполненъ мрачными ущельями — притономъ дикихъ звѣрей. Въ Лаконіи было мало городовъ (Гелосъ, Селласія), да и тѣ, подобно *Спартѣ*, были большими деревнями. *Мессенія* славилась такимъ плодородіемъ, что даже возбуждала зависть въ лакедемонцахъ: это — житница Греціи. Въ Мессеніи были старинные города: *Мессена* у подошвы Ѳооме, горная *Эйра*, приморскій *Пилосъ* и др. По плодородію, съ Мессеніей могла соперничать только *Элида* съ храмомъ въ *Олимпіи*, который доставлялъ ей вѣчный миръ, какъ странѣ священной. Но культурное значеніе имѣли не эти, западныя, земли, а восточныя — *Арголида* и *Коринѳія*, хотя это были небольшія и безплодныя страны. Подъ вліяніемъ Востока, Арголида была древнѣйшимъ центромъ греческой культуры, какъ доказываютъ города *Аргосъ*, *Микены*, *Тиринѳъ*, *Сикіонъ*, *Немея*. Коринѳія, занимавшая Исѳмъ, сохраняла торговое и культурное значеніе до самаго конца греческой исторіи, которая и завершилась паденіемъ Коринѳа. Западная сосѣдка Коринѳіи, *Ахаія*, имѣла мимолетное значеніе лишь при паденіи Греціи, хотя она занимала берега Коринѳскаго залива и представляла союзъ 12-ти городовъ (Эгіонъ, Патры и др.). Ахаія подвергалась бурямъ, землетрясеніямъ и набѣгамъ этолійцевъ.—Въ природѣ Греціи важнѣе всего сильное развитіе *береговой линіи* и *горнаго строя*, съ которыми связаны, съ одной стороны, высокое культур-

ное развитіе эллиновъ, съ другой—раздробленность народа на мелкія враждующія между собой города-государства. Затѣмъ важны *скудость* и вмѣстѣ *разнообразіе почвы*. Горы, занимавшія $^{9}/_{10}$ всей Греціи, превращали ее въ безплодный утесъ; но при обработкѣ этотъ утесъ, лежащій въ благодатномъ климатѣ, вознаграждалъ трудъ сторицею, притомъ различными произведеніями. Беотія, Элида и Мессенія славились земледѣліемъ; Эвбея, Аркадія и Ѳессалія — скотоводствомъ; Аттика и о. Паросъ — мраморомъ; другія мѣста — оливками, винодѣліемъ и пчеловодствомъ, добываніемъ золота, серебра, мѣди и желѣза. Наконецъ природа Греціи порождала художественное чувство въ населеніи: она была *красива* и *умѣренна*, не подавляла человѣка, какъ въ Индіи. Въ Греціи всюду красивые узоры горъ и береговъ, прохладныя ночи и теплые, свѣтлые дни, которые выгоняли человѣка на воздухъ и заставляли полуоткрывать тѣло. А воздухъ былъ такъ чистъ, что съ Сунія (за 40 верстъ) было видно копье статуи аѳинской Паллады.

§ 78. **Пелазги и эллины.** Древнѣйшими обитателями Греціи и праотцами эллиновъ были *пелазги*. Это — передовой отрядъ яванъ, покинувшихъ Бактріану почти за 3000 л. до Р. Хр. (§§ 51, 68). Они заселили западъ Малой Азіи, Архипелагъ, Элладу и Италію. Азіатскіе пелазги были образованы. У нихъ были весьма древнія и богатыя государства — *Троянское* и *Фригійское*. Греческое преданіе такъ связываетъ азіятскихъ пелазговъ съ европейскими. Отъ фригійскаго царя, *Мидаса* (§ 68), происходилъ царь *Танталъ*, который обидѣлъ боговъ тѣмъ, что, испытывая ихъ всевѣдѣніе, угостилъ ихъ тѣломъ собственнаго сына, *Пелопса*. Боги воскресили Пелопса, но прокляли родъ Тантала. Самъ Танталъ попалъ въ адъ, гдѣ его окружали плоды и вода, которые уходили отъ него, какъ только онъ хотѣлъ коснуться ихъ. Дочь Тантала, *Ніоба*, сразу лишилась своихъ 12 дѣтей, перебитыхъ богами, и была обращена въ скалу. Пелопсъ былъ изгнанъ фригійцами и бѣжалъ въ южную Грецію, которой далъ свое имя: Пелопонесъ—„островъ Пелопса“; первые цари Аргоса были Пелопиды. Въ Европѣ пелазги были менѣе цивилизованы. Они приносили человѣческія жертвы и занимались преимущественно скотоводствомъ. Но они вели уже осѣдлую жизнь, подчиняясь родовымъ князькамъ; у нихъ были зачатки земледѣлія. Храмовъ еще не было, потому что пелазги вѣрили въ силы природы, которыхъ не изображали. Главными божествами были солнце и земля — *Зевсъ* и *Діона*. Имъ строили жертвенники на горахъ и въ чащѣ деревьевъ, которыя убирали лентами и погремушками. Священные пѣвцы гадали на камушкахъ въ мрачныхъ пещерахъ. Но главною, всеобщею святыней былъ *додонскій* дубъ. Въ Элладѣ пелазги раздѣлялись на нѣсколько народовъ: *лаконцы* занимали Лакедемонъ, *іонійцы* — Аттику и Ахаію,

эолійцы—среднюю и сѣверную Грецію. Пелазги были піонерами цивилизаціи въ Элладѣ. Они вырубали лѣса, осушали болота, засѣяли скалы первымъ хлѣбомъ. Прошло много вѣковъ — и ок. 1500 г. среди пелазговъ произошелъ переворотъ, о которомъ такъ разсказываетъ преданіе. Пелазги жили сначала счастливо, въ „золотомъ" вѣкѣ, потому что ихъ родоначальникъ, *Пелазгъ*, былъ сыномъ Зевса и Діоны. Но потомъ они испортились и дошли до „желѣзнаго" вѣка, когда воцарились безбожіе и грубость. Зевсъ положилъ истребить порочное человѣчество и послалъ потопъ. Спаслись только *Девкаліонъ* и жена его, *Пирра;* они начали кидать камни позади себя, которые превращались въ людей. Первымъ владыкой новаго человѣчества былъ *Эллинъ*, у котораго было двое сыновей — *Эолъ* и *Доръ*, и двое внуковъ *Ахей* и *Іонъ*. Отсюда произошло эллинское племя съ его четырьмя народами—эолійцами, дорійцами, ахейцами и іонійцами. Такъ какъ здѣсь упоминается два пелазгійскихъ народа, то очевидно, что эллины и пелазги — разныя поколѣнія одного и того же племени. Эллины образовались на сѣверѣ. Тѣснимые дикими иллирійцами и ѳракійцами, они постепенно распространились изъ Эпира въ Ѳессалію, а оттуда по всей Греціи. Стѣсненные ими эолійцы подвинулись на югъ и уцѣлѣли въ Беотіи; а іонійцы сохранились въ Аттикѣ. Эллины подвигались въ теченіе многихъ вѣковъ. Впереди всѣхъ шли *ахейцы*—„благородные, лучшіе". Они долго господствовали въ Греціи, подчинивъ себѣ пелазговъ. Это время (1500—1200) называется героическимъ періодомъ.

§ 79. **Ахейцы и героическіе подвиги.** Ахейцы были отважными и неутомимыми воинами. Ихъ воспитала борьба съ иноземцами, особенно съ ѳракійцами и финикіянами, а также съ покоренными пелазгами. Подобно средневѣковымъ рыцарямъ, они построили на вершинахъ горъ замки, или акрополи, окруженные стѣнами изъ неотесанныхъ каменныхъ глыбъ безъ цемента: это — *циклопическія* постройки (потомки думали, что ихъ соорудили одноглазые великаны — циклопы), остатки которыхъ сохранились въ Тиринѳѣ. Когда внизу образовывался городъ, акрополь царилъ надъ нимъ: въ немъ помѣщались городскія святыни, казна и правительственныя учрежденія. Къ концу героическаго періода ахейцы уже образовали нѣсколько царствъ, въ особенности на ю.-востокѣ Пелопонеса, гдѣ происходили главныя столкновенія съ финикіянами. Здѣсь былъ центръ ахейства—царскій домъ *Атридовъ*, дѣтей *Атрея*, Пелопсова сына. Ихъ было два брата: *Агамемнонъ*, который считался самымъ доблестнымъ героемъ и какъ бы вождемъ всѣхъ эллиновъ, царствовалъ въ Микенахъ, а *Менелай* съ *Еленою*, первою красавицей въ странѣ, царствовалъ въ Спартѣ. Столица Атридовъ, *Микены*, была лучшимъ городомъ въ Греціи. Ея акрополь былъ сложенъ уже наполовину изъ обтесанныхъ квадратныхъ камней.

Входъ въ него былъ украшенъ изображеніемъ двухъ львовъ, отчасти сохранившимся до нашихъ дней: эти *Львиныя Ворота*—древнѣйшій памятникъ греческой скульптуры. Сохранились и стѣны круглой подземной кладовой Атридовъ, которыя были украшены внутри мѣдною обшивкой; къ кладовой примыкала гробница, плохо высѣченная въ скалѣ. Атриды уже начали покорять острова Эгейскаго м. и приблизились къ Малой Азіи. А тамъ, въ блестящей Троѣ, царствовалъ тогда *Пріамъ*, подчинившій себѣ половину Малой Азіи. Разбогатѣвшіе троянцы занялись мореплаваніемъ; ихъ царевичи превратились въ морскихъ разбойниковъ. Сынъ Пріама, *Парисъ*, уже пробрался въ Спарту: онъ разграбилъ ее и плѣнилъ Елену, что послужило поводомъ къ Троянской войнѣ. Эта война была однимъ изъ трехъ главныхъ героическихъ подвиговъ эллиновъ, о которыхъ повѣствуютъ греческія преданія. Въ преданіяхъ, рядомъ съ вымыслами миѳологіи и рыцарскаго романтизма, есть зерно истины, которое тѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ позже разсказъ. Желая выказать *національное чувство*, преданія иногда собираютъ героевъ со всей Эллады: оттого ими дорожили всѣ греческіе народы. Самымъ древнимъ и баснословнымъ подвигомъ всѣхъ эллиновъ былъ *походъ Аргонавтовъ*, въ которомъ упоминаются и Колхида, и Африка. Здѣсь отразилось воспоминаніе о началѣ мореходства пелазговъ, о которомъ упоминаютъ египетскіе памятники около 1400 г. (§§ 12, 67). Нѣсколько позже эллины совершили *походъ семерыхъ противъ Ѳивъ*, который означаетъ ихъ борьбу съ финикійскими Кадмидами (§ 31). Третьимъ общеэллинскимъ подвигомъ была *Троянская война*, воспѣтая въ Иліадѣ Гомера. Троя пала лишь послѣ 10-лѣтней осады (около 1200 г.). Основа этого событія чисто историческая: недавно Шлиманъ нашелъ остатки Трои въ курганахъ у мѣстечка *Гиссарликъ*.

§ 80. **Эпоха переселеній. Вторженіе дорійцевъ въ Пелопонесъ. Колоніи.** Послѣ Троянской войны прекращаются героическіе подвиги; но время было еще тревожное и отчасти баснословное. Тогда были большія передвиженія эллинскихъ народовъ, такъ что то время можно назвать *эпохою переселеній* (1200—850). Она открывается возвращеніемъ изъ-подъ Трои уцѣлѣвшихъ героевъ, мучительныя странствія которыхъ описаны въ сказкахъ *Одиссеи* Гомера. Имъ пришлось возстановлять свои забытыя права. Агамемнонъ погибъ отъ коварства собственной жены; но сынъ его, *Орестъ*, отомстилъ за смерть отца и возстановилъ въ Микенахъ блестящее царство Атридовъ. По смерти Менелая, счастливо дожившаго свои дни на родинѣ вмѣстѣ съ возвращенною Еленой, онъ даже присоединилъ къ себѣ Спарту. Въ мессенскомъ Пилосѣ мирно царствовали потомки старѣйшаго изъ героевъ Троянской войны, *Нестора*. Далѣе на сѣверъ спокойно жили потомки пелазговъ — іонійцы и эолійцы. Въ Аттикѣ у

іонійцевъ утвердился сильный царскій родъ, который велъ свое происхожденіе отъ героя Ѳезея; онъ построилъ на одной горѣ крѣпкій акрополь, *Кекропію*, и господствовалъ оттуда надъ долиной, которую уже превратилъ въ свое маленькое царство. На крайнемъ сѣверѣ, у Олимпа, жили грубые, но мужественные горцы, *дорійцы*, распадаясь на роды. Они-то нарушили спокойствіе Греціи ок. 1100 г. Тѣснимые сѣверными варварами, они бросились на югъ. Часть ихъ основалась въ Доридѣ, но главная масса, минуя сильную Аттику, наводнила Пелопонесъ. Такъ какъ, по преданію, ими предводили *Гераклиды*, у предка которыхъ, Геракла (§ 84), ахейцы будто-бы отняли аргосскій тронъ, то *переселеніе дорійцевъ въ Пелопонесъ* называли еще „возвращеніемъ Гераклидовъ“. Дорійцы разрушили ахейскія царства и заняли Мессенію, Лаконію и Арголиду. Ахейцы частью подчинились имъ, частью бѣжали въ *Ахаію*, вытѣснивъ отсюда іонійцевъ въ Аттику. Дорійцы пробрались-было и обратно за Исѳмъ, но царь Аттики, *Кодръ*, отразилъ ихъ, пожертвовавъ собой. Переселеніе дорійцевъ внесло разстройство почти по всей Греціи, которое долго не улегалось. Эллины не только перемѣняли мѣста внутри Греціи, но и вышли за ея предѣлы: тогда были основаны ихъ *древнѣйшія колоніи*. Многіе изъ прежнихъ обитателей Эллады не захотѣли подчиниться пришельцамъ; да и сами дорійцы не могли всѣ помѣститься въ Пелопонесѣ. Переселенцы отправлялись частью на острова, а больше на знакомые имъ берега Малой Азіи. Эолійцы съ остатками ахейцевъ заняли Мизію съ Троадой, назвали ее *Эоліей* и построили много городовъ (Кумы и др.); имъ же принадлежали острова *Лесбосъ* и *Тенедосъ*. Южнѣе эолійцевъ іонійцы образовали *Іонію* съ блестящими городами *Милетомъ*, *Эфесомъ*, *Фокеей* и др; они же заселили острова *Хіосъ*, *Самосъ* и *Циклады*. Еще южнѣе образовалась *Дорида* съ городами *Галикарнассомъ* и *Книдомъ;* дорійцы заняли также острова *Косъ*, *Родосъ* и даже отбили *Критъ* у финикіянъ, а впослѣдствіи основали *Кирену*.

§ 81. **Типъ эллина.** Наконецъ, все улеглось въ Греціи къ 850 г., съ котораго начинается болѣе достовѣрная исторія. Въ теченіе обширнаго перваго періода своей исторіи (1500—850) эллины достигли значительнаго развитія. Къ концу его уже сложился *эллинизмъ*, т.-е. главныя черты, которыми всегда отличалась потомъ греческая жизнь. Онъ состоялъ изъ двухъ главныхъ народностей — изъ *дорійцевъ* (ихъ центры—Аргосъ, Спарта и Критъ) и *іонійцевъ* (Аттика, о. Делосъ, Милетъ и Эфесъ). Эолійцы были смѣсью разныхъ древнѣйшихъ народцевъ и не играли важной роли въ исторіи; къ нимъ относились, кромѣ эолійцевъ Малой Азіи, беотійцы, этолійцы, элидцы, аркадцы и отчасти ѳессалійцы и эпироты. Разница между этими народностями выражалась въ *діалектахъ* (нарѣчіяхъ) грече-

скаго языка: тяжелый эолійскій діалектъ былъ пережиткомъ глубокой древности; близкій къ нему дорическій отличался грубостью и окаменѣлостью; іоническій же славился своею юною гибкостью, мягкостью, богатствомъ формъ и звуковъ. Дорійцы и іонійцы создали различные быты и враждебныя другъ другу государства. Тѣмъ не менѣе эллины составляли одинъ національный типъ, который выработался уже къ 8 вѣку. Физически это былъ образецъ *арійской красоты*, т.-е. правильности чертъ лица и соразмѣрности частей тѣла. Эллинъ обращалъ большое вниманіе на свое тѣло, воспитывалъ его. Онъ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія *пластики*, или ваянія, т.-е. выпуклости, рельефности чертъ. Эллинъ отличался необыкновенною воспріимчивостью, блестящею фантазіей и гибкостью ума. Но крайняя подвижность приводила его къ страстности: онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, увлекался мелкою борьбой партій, былъ жестокъ въ войнахъ и крайне вспыльчивъ; гордость переходила у него въ отталкивающее самовеличаніе. Эллинъ былъ *художникъ* попреимуществу. Онъ стремился къ *гармоніи*, или равновѣсію между своими идеальными и матеріальными потребностями и не походилъ ни на аскета-индуса, ни на матеріалиста-кушита. Въ его религіи не было противоположности между природой и человѣкомъ, матеріей и духомъ. Эллинъ не трепеталъ передъ богами, а жилъ съ ними, какъ съ дорогими идеалами. Онъ всегда почиталъ руководительницею своей жизни *Софросину* — изящную, гармоничную мѣру во всемъ. Эллинъ наполнилъ свой героическій періодъ *миѳами*, или „сказаніями“, и нигдѣ миѳологія не была такъ богата и поэтична; а въ историческую эпоху эллинъ украшалъ свою жизнь изящными произведеніями искусствъ и литературы. Главнымъ источникомъ этихъ произведеній служила греческая миѳологія, которая до сихъ поръ не утратила своего образовательнаго значенія въ искусствѣ и воспитаніи.

§ 82. **Миѳологія**. Древнѣйшія свѣдѣнія о греческой миѳологіи доставляетъ Иліада, которая была не только поэмой и учебникомъ, но и Библіей эллиновъ. Но это отрывочныя свѣдѣнія; систематическую же миѳологію, или *ѳеогонію* („происхожденіе боговъ“), составилъ (ок. 800 г.) поэтъ *Гезіодъ*, прибывшій, по преданію, изъ Малой Азіи къ Геликону, мѣстопребыванію Музъ. Греческая миѳологія развилась постепенно, отчасти подъ вліяніемъ Востока. Къ пелазгическимъ Зевсу и Діонѣ (§ 78) прибавилось много новыхъ божествъ. Значеніе боговъ также мѣнялось: сначала это были безличныя силы природы; потомъ они стали эѳическими (введ. § 8), человѣкообразными существами (антропоморфизмъ, введ. § 6). *Артемида* передала свое лунное значеніе *Селенѣ*, а сама стала богиней строгой нравственности, дѣвственности; *Аполлонъ* изъ бога солнца, которымъ сталъ *Геліосъ*,

превратился въ бога просвѣщенія; *Паллада*, богиня бурь и кровопролитія, стала богинею мудрости и военной политики, а боевая роль перешла къ *Аресу*. Всѣ эти перемѣны, перевороты въ религіи отразились у Гезіода. По ѳеогоніи, сначала былъ одинъ *Хаосъ* (первобытная безформенная матерія), изъ котораго вышли *Гея* (земля) и *Уранъ* (небо), родившіе *титановъ* и *циклоповъ* — одноглазыхъ вели-

Аполлонъ (Фебъ) Бельведерскій. Въ Ватиканѣ.

кановъ, кующихъ молніи въ Этнѣ. Главный титанъ, *Кронъ*, убилъ серпомъ своего отца. Царство Урана было временемъ борьбы первобытныхъ, „титаническихъ“ силъ природы. Тогда бушевали моря, съ неба лились цѣлые потоки, извергались вулканы. Эпоха Крона была золотымъ вѣкомъ, спокойнымъ и счастливымъ. Но Крону показалось, что дѣти погубятъ его—и онъ началъ поѣдать ихъ. Его жена, *Рея*,

спасла младшаго сына, *Зевса*, подавъ мужу камень вмѣсто ребенка. Малютку спрятала она на о. Критѣ, гдѣ нимфы воспитали его. Когда Зевсъ выросъ, онъ заставилъ Крона воскресить проглоченныхъ братьевъ и началъ борьбу съ отцомъ, за котораго стали титаны. Онъ металъ въ нихъ съ Олимпа молніи, а они кидали цѣлыя горы. Ужасъ овладѣлъ вселенною, и Зевсъ еле-еле одолѣлъ титановъ. Онъ сбросилъ ихъ въ *Тартаръ*, подземный міръ. Такъ началось свѣтлое, спокойное царство Зевса или *Олимпійцевъ:* Зевсъ, съ братьями и сестрами, избралъ себѣ резиденціей Олимпъ. Впрочемъ сынъ одного титана, *Промеѳей*, успѣлъ сдѣлать большую непріятность Олимпійцамъ. Онъ слѣпилъ изъ земли перваго человѣка, который былъ грубъ, какъ звѣрь, потому что Зевсъ не хотѣлъ дать ему огня. Промеѳей похитилъ съ неба искру и принесъ ее людямъ въ камышинкѣ. За это Зевсъ приковалъ его къ Кавказу и велѣлъ орлу ежедневно выклевывать у него печень, которая ночью опять выростала. Сверхъ того онъ послалъ брату Промеѳея красавицу *Пандору*, съ какимъ-то даромъ въ большой бочкѣ. Вопреки совѣтамъ Промеѳея, женихъ раскрылъ бочку, и оттуда вылетѣли всѣ бѣдствія и страданія. Когда захлопнули крышку, въ бочкѣ ничего не осталось, кромѣ Надежды. Олимпійцы — тѣ же люди, только больше и красивѣе. Они воспитываются и живутъ, почеловѣчески: любятъ пировать у своего царя, Зевса, возсѣдая на золотыхъ креслахъ и вкушая нектаръ съ амброзіей; любятъ и нарядиться, особенно богини. Олимпійцы страдаютъ, какъ люди, и даже доступны ранамъ. Часто на Олимпѣ происходятъ ссоры и заговоры. Отъ скуки боги сходятъ на землю и грѣшатъ здѣсь не меньше людей. Но они могущественны. Встряхнетъ Зевсъ кудрями — и вся земля задрожитъ. Боги могутъ превратиться, во что̀ угодно, произвести перевороты во вселенной, наслать болѣзни. А главное, они безсмертны, всегда юны и счастливы. Ихъ удѣлъ — вѣчное блаженство и бездѣлье. Они боятся только мрачнаго исчадія Ночи, *Ананки* (судьба, рокъ), которая предопредѣляетъ судьбу каждаго созданья на свѣтѣ (римляне называли ее *Фатумъ;* отсюда „фатализмъ“, вѣра въ предопредѣленіе). Олимпійцевъ было 6 паръ: *Зевсъ* (римскій Юпитеръ) и его жена *Гера* (Юнона), *Аресъ* (Марсъ) и *Аѳродита* (Венера, § 36), *Посейдонъ* (Нептунъ), богъ морей, и его соперница. *Аѳина-Паллада* (Минерва), *Аполлонъ* (Фебъ) и его сестра *Артемида* (Діана), *Гефестъ* (Вулканъ) и *Гестія* (Веста), *Гермесъ* (Меркурій) и *Деметра* (Церера). Подлѣ Олимпійцевъ было еще съ полсотни *демоновъ*, или второстепенныхъ боговъ — небесныхъ (Музы и др.), водяныхъ (Океанъ, нереиды, сирены и др.), земныхъ (Нимфы, Діонисъ, или Вакхъ, сатиры и др.), подземныхъ (Гадесъ съ Персефоной, рим. Плутонъ съ Прозерпиной). Словомъ, греки населили весь міръ человѣкообразными существами, которыя толпились въ каждой

волнѣ, въ каждомъ ручейкѣ, на каждомъ клочкѣ земли, на каждомъ листочкѣ и облачкѣ.

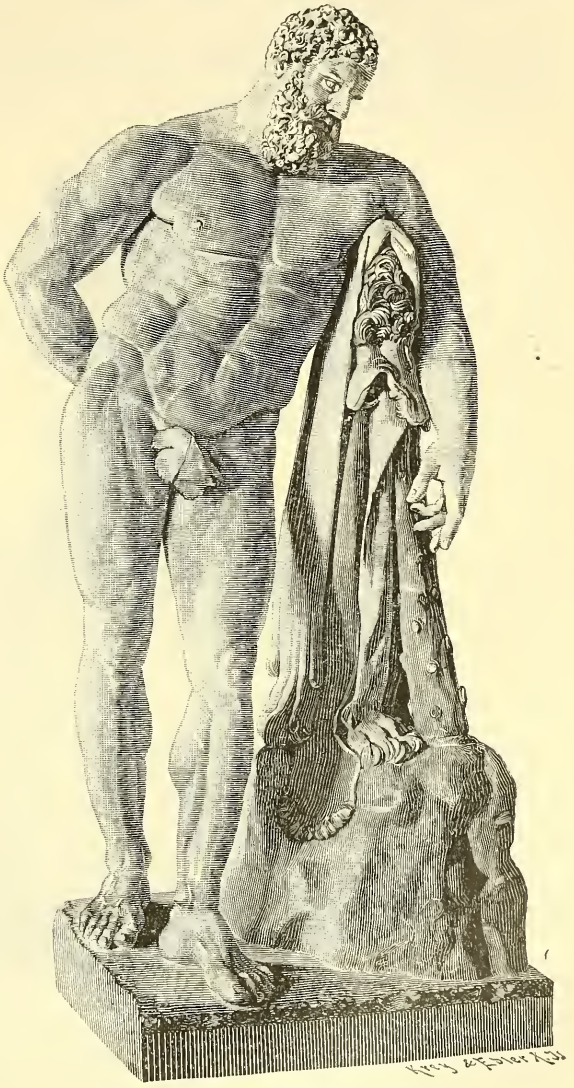
§ 83. **Богослуженіе**. Въ то время были *идольчики* изъ дерева, въ одеждѣ и украшеніяхъ, вродѣ куколъ. Ихъ хранили въ маленькихъ деревянныхъ храмахъ. Роль жреца игралъ отецъ семейства. *Молитва* состояла въ произнесеніи заученныхъ гимновъ утромъ, послѣ обѣда и вечеромъ. Молящійся окроплялся святой водой. Призывая Олимпійцевъ, онъ поднималъ руки кверху; призывая подземныхъ боговъ, топалъ ногами, прикасался руками къ землѣ, распростирался по полу. При этомъ обнимали и цѣловали идоловъ. Но важнѣе молитвы считалась *жертва*. Сначала приносили въ жертву людей, потомъ животныхъ — вола, козла или барана. Самымъ важнымъ жертвоприношеніемъ считалась *гекатомба* — сто быковъ разомъ. Жертву убирали вѣнками и лентами, золотили ей рога. Въ огонь кидали только ножныя кости, обвернутыя жиромъ. Мясо или съѣдали тутъ же, среди пиршества, или уносили домой по кускамъ. Богатыя жертвы сопровождались торжественными процессіями, которыя называли *помпой*. Огромное значеніе имѣла еще *мантика* — ворожба. Чаще всего ворожеями были старухи, которыя жили въ таинственныхъ пещерахъ и назывались *Сивиллами*. Онѣ разгадывали сны, необыкновенныя явленія (неожиданныя встрѣчи и проч.) и „голоса“ — странные звуки, случайныя слова. Еще важнѣе было гаданье при жертвахъ, особенно по внутренностямъ жертвъ и по полету хищныхъ

Гера (Юнона). Статуя эпохи Праксителя, въ Римѣ.

птицъ. Впослѣдствіи у ворожей отбивали доходъ *оракулы*—цѣлыя заведенія для предсказаній. Оракулы находились при храмахъ и управлялись смѣтливыми жрецами. Вопрошающаго клали спать въ храмѣ на шкурѣ жертвеннаго животнаго, чтобы онъ увидѣлъ священный сонъ. Иногда его спускали на ночь въ подземную пещеру, гдѣ его встрѣчали ужасы, приготовленные жрецами. Потомъ самыми важными оракулами стали „словесные", гдѣ гадали по изреченіямъ старухъ, впадавшихъ въ изступленіе. Жрецы подхватывали безсвязныя слова этихъ старухъ и составляли изъ нихъ отвѣты въ стихахъ. Въ Элладѣ первымъ оракуломъ былъ *Дельфійскій* въ Фокидѣ, съ прекраснымъ храмомъ, на которомъ было написано: „познай самого себя". Здѣсь прорицала *Пиѳія*. Она садилась на золотой треножникъ надъ пропастью, откуда подымались одуряющіе пары. Жрецы выбирались пожизненно изъ самыхъ образованныхъ семействъ города. Ихъ предсказанія нерѣдко были умны, гуманны и патріотичны. Религія эллиновъ допускала множество *героевъ*. Это—полубоги, происшедшіе отъ брака боговъ со смертными. Герои одарены чудесной силой и высшимъ разумомъ; нѣкоторые даже безвредно сходили въ Тартаръ. Жизнь ихъ — рядъ благодѣяній. Они расчищаютъ дикую природу, истребляютъ чудовищъ, пожирающихъ людей, обучаютъ народъ всему полезному. Но они были смертны и даже попадали въ адъ. Рѣдко кто изъ нихъ удостоивался *Элизія*, или „Острововъ блаженства", и такому люди поклонялись, какъ божеству. Къ числу главныхъ героевъ относятся *Геракл*ъ (римскій Геркулесъ) и *Ѳезей*, похожіе другъ на друга. Представленіе о нихъ мѣнялось съ развитіемъ грековъ. Сынъ Зевса, Гераклъ, сначала былъ небеснымъ помощникомъ своего отца, гонителемъ облаковъ, ночнымъ стрѣлкомъ. Потомъ каждая греческая община старалась сдѣлать его своимъ героемъ, и въ его 12 подвигахъ отразились дѣла чуть не всѣхъ героевъ Эллады. Сначала Гераклъ имѣлъ значеніе творца матеріальной культуры, истребителя вредныхъ силъ природы. Потомъ, подъ вліяніемъ финикійскаго Мелькарта (§ 36), онъ сталъ путешественникомъ и основателемъ колоній (Гибралтарскій проливъ называли Столбами Геркулеса). Еще позже Гераклъ сталъ идеаломъ труда, благородной настойчивости, побѣды надъ самимъ собою. Какъ Гераклъ сначала былъ героемъ ахейцевъ Аргоса, такъ его двойникъ, Ѳезей, принадлежалъ преимущественно іонійцамъ Аттики, у которыхъ онъ устроилъ аѳинское царство. Но впослѣдствіи этихъ двухъ героевъ почитали по всей Элладѣ, такъ какъ въ нихъ поэтически изображались лучшія свойства эллинизма. Остальные герои имѣли лишь мѣстное значеніе. О нихъ повѣствуетъ множество *мѣстныхъ былинъ*, или сказаній, особенно въ Беотіи, Аттикѣ и Арголидѣ.

§ 84. **Иностранное вліяніе.** Былины указываютъ также на сильное *вліяніе Востока* при зарожденіи эллинской культуры. Восточная

цивилизація проникала въ Грецію сначала прямо, черезъ финикіянъ, потомъ косвенно, черезъ пелазговъ Малой Азіи. Финикіяне мѣняли свои и вавилонскіе товары на греческія кожи, шерсть и рабовъ и ловили пурпуровыя раковины у Пелопонеса. Они передали эллинамъ свое письмо и вавилонскіе мѣры и вѣсъ; они научили ихъ мореплаванію, зодчеству, горному дѣлу. Ихъ слѣды отразились въ миѳологіи грековъ и въ былинахъ Аѳинъ, Ѳивъ и Аргоса. Главною станціей финикіянъ, на пути въ Грецію, былъ *Критъ* — и, по преданію, здѣсь Зевсъ царствовалъ рядомъ съ Астартой (иначе *Европой*, дочерью сидонскаго царя) и Молохомъ, или Минотавромъ (чудовище, пожиравшее людей). Сынъ Зевса и Европы, *Миносъ*, основалъ на Критѣ сильное государство и далъ мудрые законы, перешедшіе потомъ въ Спарту. Главнымъ подвигомъ Ѳезея было уничтоженіе Минотавра. Затѣмъ Астарта переселилась въ самую Грецію подъ именемъ *Аѳродиты*, въ честь которой сначала совершались такія же грязныя празднества, какъ въ Сидонѣ и на Кипрѣ. Съ нею прибылъ и *Мелькартъ* тирскій, слившійся съ Геракломъ, которому сначала приносили такія же человѣческія жертвы, какъ Молоху. Ок. 1300 г. въ Ѳивы прибылъ сидонецъ *Кадмъ*, отыскивая свою сестру, Европу, похищенную Зевсомъ; онъ построилъ кремль, Кадмею, т.-е. основалъ государство. Отъ него произошелъ злополучный царь *Эдипъ*, и походъ



Геракль (Геркулесъ). Въ Неаполѣ.

семерыхъ (§ 79) означаетъ возстаніе эллиновъ противъ финикійскаго господства. Въ былинахъ есть намеки и на египетское вліяніе. *Кекропсъ* построилъ Кекропію и ввелъ поклоненіе Аѳинѣ-Палладѣ (Нитъ, § 15); отъ него происходилъ Ѳезей. Въ Аргосъ прибылъ изъ Ливіи *Данай* съ 50 дочерьми, а за нимъ и братъ его, *Египетъ*, съ 50 сыновьями. Потомство Даная царствовало здѣсь (ахейцы называли себя данайцами), пока не было смѣнено *Пелопидами*, прибывшими изъ Фригіи. Былины о Пелопидахъ въ Греціи и Гераклидахъ въ Лидіи (§ 66)

Венера (Афродита) Милосская. Въ Луврѣ.

указываютъ на связь Эллады съ Малой Азіей. По преданію, и *Посейдонъ* съ Діонисомъ прибыли изъ Азіи. *Артемида*—фригійская Кибела (§ 68), славившаяся у іонійцевъ какъ богиня эфесская. Братъ Артемиды, *Аполлонъ*, прибылъ въ Грецію на дельфинѣ изъ-за моря. Его древнѣйшее святилище находилось на Родосѣ; родиной его считался о. Делосъ, куда на его праздникъ стекалисьэллины отъ Малой Азіи и устьевъ Дуная до Сициліи.

§ 85. **Бытъ** На основаніи былинъ и Гомера составляется по-

нятіе о бытѣ грековъ въ первый періодъ ихъ исторіи. Каменный вѣкъ уже смѣнился *бронзовымъ*. Нравы еще грубы: на первомъ планѣ воинственность, рыцарскій духъ; всюду междоусобія, грабежъ, убійства, кровомщеніе да ссоры, кончающіяся поединкомъ. Но уже есть слѣды наивной гуманности—гостепріимство, уваженіе къ женщинѣ и къ герольдамъ (посламъ), милосердіе къ просящимъ прощенія, строгость семейной жизни. Въ религіи выдвинулся свѣтлый, идеальный образъ Аполлона. Видно и вліяніе его музъ: пѣвцы воспѣваютъ бо-

Діана (Артемида) Въ Луврѣ.

говъ и героевъ. Зодчество проявляется въ кремляхъ, могилахъ и домахъ со сводами. Родовой бытъ смѣнился государственнымъ. Было много царствъ, часто состоявшихъ изъ одной городской общины. *Базилевсъ* (царь), вооруженный длиннымъ посохомъ (скипетромъ), былъ полководцемъ, судьей и жрецомъ. Его власть, происходившая отъ Зевса, наслѣдственна и слабо ограничена совѣтомъ дружины, *буле,* и народной сходкой, *агорой*, которая служила лишь для обнародованія воли царя. Дружина, или витязи (бывшіе старѣйшины) обладаютъ

большими стадами, землями и обширными наслѣдственными правами; они несутъ только воинскую повинность. Витязи являются на бой на колесницахъ, съ длиннымъ копьемъ и въ шлемѣ, вызывая врага на поединокъ. Въ мирное время они занимаются охотой и состязаніями въ тѣлесной силѣ и ловкости, а больше пируютъ, окруженные пѣвцами, музыкантами и плясуньями. Витязи живутъ въ обширныхъ усадьбахъ, обнесенныхъ стѣнами, какъ помѣщики, сохраняя патріархальную простоту. Несмотря на развитіе земледѣлія и винодѣлія, ихъ главное богатство—все еще стада. Даже цари сами плотничаютъ, ихъ сыновья пасутъ стада, дочери моютъ бѣлье, жены ткутъ и прядутъ. Кромѣ стадъ, богатство составляли *рабы*, число которыхъ особенно умножилось подъ вліяніемъ дорійскаго переселенія; они считались вещью и содержали господъ, но съ ними обращались патріархально, какъ съ младшими членами семьи. Подлѣ витязей, или знати былъ свободный народъ, но его положеніе уже было тяжело. Изъ „Работъ и дней“, сочиненія крестьянина *Гезіода* (§ 82), видно, что крестьянинъ былъ обижаемъ витязями и царями, которыхъ онъ называлъ „вкусителями подарковъ“. У многихъ крестьянъ даже не было земли: это—*θέτы* (θῆτες), которые обрабатывали пашни витязей за пищу и одежду. Еще хуже было положеніе крѣпостныхъ, которыхъ было много въ Θессаліи и Лаконіи. Средній классъ былъ мало развитъ. Въ торговлѣ греки зависѣли отъ финикіянъ, которые обирали ихъ и даже занимались пиратствомъ. Впрочемъ къ концу періода у грековъ завелось много 50-весельныхъ кораблей, а въ городахъ встрѣчались плотники, кузнецы, ткачи, скорняки, горшечники, оружейники, слесаря и даже врачи. Тогда же появились зачатки поэзіи. Прежде всего возникли *гимны*—грустныя пѣсни, оплакивавшія смерть Адониса (§ 36), или увяданіе природы. Ихъ приписывали жившему у Олимпа баснословному *Орфею*, который укрощалъ даже звѣрей своимъ пѣніемъ. Когда настала героическая пора, бездомные *рапсоды* начали ходить по замкамъ, воспѣвая подвиги витязей тяжелыми стихами (гекзаметрами) и подыгрывая на киѳарѣ. Сначала рапсоды воспѣвали короткія „приключенія“ героевъ, изъ которыхъ возникли потомъ въ Эолидѣ цѣльныя *эпическія поэмы* — *Иліада* и *Одиссея*. Такъ какъ главная пѣвческая артель, находившаяся на Хіосѣ, называлась „гомеридами“, то выдумали сказку о слѣпомъ пѣвцѣ *Гомерѣ*, будто бы сочинившемъ поэмы. Впослѣдствіи семь городовъ спорили изъ-за чести быть родиной Гомера, которому даже воздвигали храмы. Иліада и Одиссея возникли ок. 850 г.; а записали ихъ, лѣтъ 300 спустя, въ Аѳинахъ, по мысли поэта и мудреца Солона. Тогда же явилась пародія на Иліаду — забавная *Батрахоміомахія* (война мышей съ лягушками).

II. Эвпатриды и тираны. 850—500.

§ 86. **Пелопонесъ при дорійцахъ.** Тревожная эпоха переселеній остановила культурное развитіе грековъ; но зато она привела къ широкому *политическому развитію*. Она произвела разрушеніе старыхъ государственныхъ формъ и вызвала много новыхъ. Во многихъ мѣстахъ Эллады цари уступали господство аристократамъ, и стали появляться законодатели, чтобы опредѣлить новый строй жизни. Такъ какъ Пелопонесъ больше всѣхъ подвергся переселеніямъ, то здѣсь произошли главныя событія, которыми ознаменовано начало новаго періода греческой исторіи. Здѣсь было много смутъ, въ теченіе 150 лѣтъ послѣ вторженія дорійцевъ (1000—850). Дорійцамъ трудно было держаться. Сѣверо-западъ полуострова сохранилъ независимость. Ахаія была союзомъ 12 ахейскихъ городовъ-республикъ. Независимость Элиды охранялась олимпійскимъ храмомъ. Въ Аркадіи уцѣлѣло древнее населеніе, постоянно враждовавшее съ дорійцами, она составляла союзъ нѣсколькихъ республикъ. Только на ю.-в. дорійцы образовали три государства—*Аргосъ*, *Спарту* и *Мессенію*, изъ которыхъ Аргосъ первенствовалъ; но между ними шла борьба. Въ каждомъ изъ нихъ ахейцы боролись со своими поработителями. Въ Мессеніи они даже низвергли родъ Гераклидовъ и завели туземную династію. Средоточіемъ доризма была только Спарта, но она страдала отъ внутреннихъ волненій. Дорійцы составляли здѣсь лишь высшій слой общества и назывались *спартіатами* (ок. 50.000 душъ); имъ принадлежала власть и большая часть земли. Ахейцы, названные *періэками* (περίοικοι), или „сосѣдями“, владѣли малыми участками земли на скалахъ и населяли города, гдѣ имъ принадлежали промыслы и торговля. Они отдавали спартіатамъ часть своихъ доходовъ и несли военную службу подъ ихъ начальствомъ; ими управляли жестокіе *гармосты*, которые могли даже казнить безъ суда. Но періэки были лично свободны и даже участвовали въ національныхъ играхъ; ихъ топографическое имя, *лакедемоніцы*, стало офиціально обозначать ихъ вмѣстѣ со спартіатами. Гораздо хуже была судьба *илотовъ* (εἵλωται)—ахейскихъ крестьянъ, обращенныхъ спартіатами въ своихъ рабовъ. Илоты обрабатывали поля спартіатовъ и вообще содержали ихъ, работая, какъ волы, и не пользуясь никакими правами. Участь ихъ была такъ жестока, что вошла въ пословицу. Каждую зиму сотни юныхъ спартіатовъ занимались *криптіей*—шпіонствомъ: они подслушивали и рѣзали недовольныхъ илотовъ. Тѣмъ не менѣе илоты, которыхъ было около полмилліона, часто возставали. Волненія въ Спартѣ увеличивались еще оттого, что спартіаты стали сильными аристократами и старались ослабить царскую власть: они установили даже, чтобы всегда было *два царя*, которые соперничали между собой.

§ 87. **Спартанское государство.** Смуты въ Пелопонесѣ прекратились, когда Спарта стала сильнымъ государствомъ, благодаря *Ликургу* (ок. 850 г.), жизнь котораго окружена сказаніями: ему долго ставили храмы, какъ полубогу. Вѣрно только то, что Ликургъ былъ царскаго рода и самый образованный изъ лакедемонцевъ: онъ путешествовалъ въ просвѣщенныхъ странахъ, особенно на Критѣ, гдѣ заимствовалъ многіе изъ своихъ законовъ. На возвратномъ пути Ликургъ заручился содѣйствіемъ Пиѳіи, которая назвала его „болѣе богомъ, чѣмъ человѣкомъ", и преобразовалъ Спарту. Онъ сохранилъ двоевластіе, но *ограничилъ царскую власть аристократіей*. Для этого было оставлено древнее родовое дѣленіе спартіатовъ на 3 *филы* (φυλαι — колѣна), изъ которыхъ каждая распадалась на 10 *обовъ* (ὠβαι — родовъ). Старшины обовъ составляли постоянный совѣтъ старцевъ, *герусію* (γερουσία), при царяхъ. Герусіи принадлежала законодательная и судебная власть. Сверхъ того важнѣйшіе вопросы рѣшала народная сходка, состоявшая изъ всѣхъ взрослыхъ спартіатовъ, которые собирались на полѣ и только кричали „да" или „нѣтъ". Царская власть была ограничена пятью *эфорами*, избираемыми на одинъ годъ. Эфоры слѣдили за соблюденіемъ законовъ Ликурга, особенно со стороны царей, которые ежемѣсячно присягали имъ въ вѣрности и подчинялись имъ даже въ своей домашней жизни: эфоры не дозволяли имъ жениться на иностранкахъ, чтобы они не завели династической политики, опираясь на иноземную помощь. Эфоры сопровождали царей даже на поле битвы и могли арестовать ихъ для представленія на судъ герусіи. Эфоры обѣдали на главной площади, чтобы всякій могъ приносить имъ жалобы лично. Они отдавали отчеты герусіи, которая строго судила ихъ. У эфоровъ была государственная печать, и годъ назывался по имени перваго изъ нихъ. Благодаря этимъ ограниченіямъ, царская власть сохранилась въ Спартѣ, тогда какъ вездѣ въ остальной Греціи она была уничтожена. Ликургъ понималъ, что его законы будутъ исполняться лишь до тѣхъ поръ, пока между самими спартіатами не будетъ ссоръ, ненависти бѣдныхъ къ богатымъ. Оттого онъ ввелъ *имущественное равенство*, раздѣливъ землю поровну между 9 т. спартіатскихъ семей и запретивъ продавать и раздроблять ее. По смерти спартіата, его участокъ переходилъ къ его старшему сыну (майоратъ), который обязывался содержать остальныхъ братьевъ и сестеръ. Если землю наслѣдовала дочь, то правительство выдавало ее замужъ за какого-нибудь младшаго сына. Съ каждымъ участкомъ была связана военная служба. Спартіатъ выходилъ на войну во главѣ своихъ безземельныхъ братьевъ и илотовъ, исполнявшихъ черную лагерную работу. Спартіаты были *гоплитами*, или тяжело-вооруженными, т.-е. носили щитъ и латы; періэки были попреимуществу легко-вооруженными.

§ 88. **Бытъ и нравы спартанцевъ.** Чтобы спартіаты удержались въ борьбѣ, какъ съ угнетенными, такъ и съ еще не покоренными туземцами, Ликургъ обратилъ всѣхъ ихъ въ воиновъ и ввелъ желѣзную дисциплину. Спартанецъ былъ *собственностью государства* съ самаго своего рожденія. Если ребенокъ былъ слабъ и уродливъ, его забрасывали въ горы. Здоровый оставался у матери только до 7 лѣтъ; потомъ его брали въ правительственное заведеніе, гдѣ онъ воспитывался солдатомъ. Мальчиковъ обучали *гимнастикѣ* и военнымъ упражненіямъ. Ихъ водили босыми и почти нагими; спали они на соломѣ или камышѣ, который сами и заготовляли; кормили ихъ мало и дурно. По временамъ имъ вовсе не давали ѣсть — и тогда мальчикамъ приказывали воровать хлѣбъ, но половчѣе; если поймаютъ, засѣкутъ. Палки и плети вообще считались лучшею педагогіей. Сверхъ того, чтобы пріучить дѣтей къ страданіямъ, производилось регулярное и поголовное сѣченье, причемъ запрещалось плакать. Умственнаго воспитанія вовсе не было. Развивали только хитрость, находчивость и умѣнье говорить *лаконически*, т.-е. кратко и мѣтко. Изъ искусствъ допускались только музыка съ короткими пѣснями и танцы, и то потому, что это развивало воинственный духъ; въ хорахъ и хороводахъ пріучались къ порядку и маршировкѣ. У взрослаго спартанца было не больше свободы, чѣмъ у мальчика. У него даже *не было* собственной, *частной жизни:* все время было занято службой. Спартанецъ жилъ не дома, а въ лагерѣ, разбитомъ на „палатки“, въ которыхъ помѣщалось по 15 „товарищей“, неразлучавшихся и въ бою (συσκηνία). Каждый товарищъ доставлялъ скудную провизію кашевару, приготовлявшему *сисситію* (συσσίτια) — общій обѣдъ, который состоялъ изъ отвратительной черной похлебки да изъ свинины, жареной въ крови. Въ палаткахъ и спали спартанцы; домой они ходили рѣдко, и то тайкомъ. Въ походѣ было нѣсколько свободнѣе, и потому война была праздникомъ для спартанца. Дома онъ ходилъ въ четырехугольномъ плащѣ изъ толстой шерсти, въ тяжелыхъ сандаліяхъ (въ родѣ лаптей), съ огромной палкой въ рукѣ и съ длинными косматыми волосами. А на войнѣ онъ былъ чистъ и наряденъ: на немъ былъ пурпуръ, волосы были причесаны и украшены вѣнкомъ, въ рукахъ блестѣли копье и щитъ. Въ лагерѣ, всегда хорошо укрѣпленномъ, раздавались звуки флейты и совершались жертвоприношенія съ ихъ попойками. Передъ арміей, которая всегда выступала въ полнолуніе и при благопріятныхъ жертвахъ, несли священный огонь и ветхихъ деревянныхъ идольчиковъ, тщательно закутанныхъ. За этимъ знаменемъ маршировали съ музыкой и грозными пѣснями ряды рослыхъ, мускулистыхъ молодцовъ, съ волосами, напоминавшими львиную гриву. Это была непреодолимая армія. Каждый воинъ былъ героемъ. Трусъ, бѣжавшій съ поля битвы, становился ниже илота: онъ лишался

правъ; при пляскахъ и хорахъ его сажали отдѣльно, какъ зачумленнаго; ему дозволялось носить только лохмотья; ему обстригали полголовы; никто не говорилъ съ нимъ и не давалъ ему огня со своего очага. Несчастный обыкновенно налагалъ на себя руки. *Спартанка* воспитывалась точно также. Слабыхъ и некрасивыхъ дѣвочекъ выкидывали на Тайгетъ. Остальныя обучались гимнастикѣ и достигали мужской силы и ловкости. Бракъ также считался не частнымъ дѣломъ, а службой. Правительство опредѣляло, когда кому жениться, и иногда даже назначало невѣсту; оно могло предписать разводъ или многоженство. Спартанка не только не уступала въ мужествѣ спартанцу, но и была такою же *гражданкой* и патріоткой. Въ ея груди билось солдатское сердце: она отказывалась отъ собственнаго сына-труса и одѣвалась попраздничному, если ея дѣти умирали на полѣ брани. За это гордыя и честныя спартанки пользовались большимъ почетомъ. Другіе греки, у которыхъ женщина была въ униженіи, даже видѣли въ Спартѣ „господство женщинъ“.

§ 89. **Значеніе Спарты.** Спарта—образецъ *исключительно государственной идеи*. Ничто не принадлежало гражданину, не исключая его самого: все было достояніемъ государства. Всѣ были одинаково слуги государства, и потому *равны* между собой во всемъ. Подчиненіе собственнаго эгоизма общему дѣлу—великій подвигъ. Поэтому мы видимъ въ Спартѣ трогательные образцы патріотизма, честности, терпѣнія. Но это достигалось цѣною существенныхъ недостатковъ. Въ Спартѣ *не было культурнаго развитія*. Спартанецъ былъ грубъ даже по виду: другіе греки подсмѣивались надъ его тяжелыми сандаліями, надъ его дубинкой и косматой головой. Спартанки, едва прикрывавшія свои желѣзные мускулы грубой одеждой, казались нарядным аѳинянкамъ полудикими амазонками. Спартанцы были грязны, полны суевѣрій и предразсудковъ, гнушались мирнымъ трудомъ, презирали искусства. Ликургъ запретилъ имъ писать и сочинять новыя пѣсни; когда появилась семиструнная киѳара, вмѣсто древней четырехструнной, эфоры оборвали лишнія струны. Воспитаніе спартанцевъ было основано на палкѣ и на гнусной криптіи. Въ Спартѣ была совсѣмъ *убита личность* человѣка. У спартанца не было собственныхъ чувствъ, мыслей, даже частной жизни. Оттого никто не могъ выдвинуться ни талантомъ, ни умомъ, ни образованіемъ. Это былъ такой деспотизмъ, что Ликургъ долженъ былъ особыми законами принуждать спартанцевъ къ новому быту. Онъ не допускалъ роскоши и даже стѣснялъ торговлю. Запрещено было путешествовать за-границей и у себя принимать чужеземцевъ. При всемъ томъ впослѣдствіи спартанцы возстали противъ деспотическихъ законовъ, обрекавшихъ ихъ на вѣчный *застой*. Но сначала Ликургъ достигъ своей цѣли: грубые, невѣжественные, но воинственные спартанцы покорили Пелопонесъ и на

время стали первою державой въ эллинскомъ мірѣ. Ихъ побуждало къ завоеваніямъ также желаніе сохранить Ликургово равенство имуществъ: все возрастало число младшихъ сыновей спартіатовъ, и ихъ надѣляли вновь завоеванными землями.

§ 90. **Мессенскія войны и гегемонія Спарты.** Спартанцамъ труднѣе всего было бороться съ храбрыми и благородными мессенцами, которымъ помогали Аркадія и Аргосъ. Цѣлое столѣтіе (ок. 750—650) длились двѣ жестокія *мессенскія войны*. Мессенцы оказали чудеса храбрости и патріотизма и часто наносили своимъ врагамъ жестокія пораженія, особенно изъ такихъ неприступныхъ твердынь, какъ *Ифоме*. Особенно прославился ихъ царь, *Аристоменъ*, о которомъ ходило въ народѣ много сказокъ. Онъ привелъ въ отчаяніе спартанцевъ, и они, по совѣту Пиѳіи, прибѣгнули къ нравственному средству — попросили у болѣе образованныхъ аѳинянъ прислать имъ поэта, *Тиртея*, который своими задушевными пѣснями ободрилъ ихъ воиновъ. Впрочемъ и при немъ еще долго не могли одолѣть Аристомена, котэрый заперся въ неприступной крѣпости, *Эйрѣ*. Только хитростью и измѣной удалось выгнать его оттуда. Онъ удалился на Родосъ; его сподвижники бѣжали въ Италію, гдѣ дали имя старой греческой колоніи — *Мессинѣ*. Остальные мессенцы были обращены въ илотовъ. „Сгибаясь, какъ ослы, подъ тяжелыми вьюками (говоритъ Тиртей), эти несчастные принуждены были отдавать своимъ господамъ половину жатвы. Вмѣстѣ со своими женами, они должны были, по приказу, оплакивать смерть своихъ господъ“. Мессенцы вѣчно питали ненависть къ своимъ поработителямъ. Всегда они помогали врагамъ Спарты. Много вѣковъ спустя, когда уже погибла Грецiя, они все еще распѣвали свою любимую пѣсню: „По полямъ Стениклярскимъ, и до самой вершины горы гнался Аристоменъ за лакедемонцами“. Послѣ мессенскихъ войнъ, въ 600—550 г., одинъ изъ „семи мудрецовъ“, *Хилонъ*, строгими постановленіями развилъ и утвердилъ законы Ликурга—и Спарта стала сильнѣе прежняго. Она завоевала еще много земель и ок. 500 г. уже владѣла $^2/_3$ Пелопонеса; а земли, еще сохранявшія свою независимость, до того боялись ея, что вполнѣ подчинялись ея совѣтамъ въ политикѣ и отдавали ей свои войска по первому требованію. Такъ Спарта пріобрѣла первенство въ Пелопонесѣ, которое эллины называли *гегемоніей*, (ἡγεμονία — предводительство). И за предѣлами полуострова спартанцы прославились своею воинственностью и патріотизмомъ: греческія государства отдавали имъ на судъ свои споры; сицилійскіе греки просили у нихъ помощи противъ карѳагенянъ, Крезъ и скиѳы — противъ персовъ. Первенство спартанцевъ основывалось не на одной физической силѣ, но и на разсчетливой политикѣ. Тогда они еще не злоупотребляли своею гегемоніей, довольствуясь предсѣдательствомъ

въ союзномъ совѣтѣ и предводительствомъ союзными войсками, а главное—они старались вездѣ *поддерживать аристократію*, противъ которой возсталъ опасный врагъ въ лицѣ *тирановъ*, особенно угрожавшихъ Спартѣ въ Пелопонесѣ.

§ 91. **Господство эвпатридовъ.** Послѣ патріархальной монархіи героическаго періода (§ 85), второю политическою формой въ Греціи было господство аристократовъ, которые назывались тогда *эвпатридами*, εὐπατρίδαι, т.-е. „благородными“. Они произошли изъ дружины, или витязей, окружавшихъ базилевса. Гордые своими подвигами, богатствомъ и происхожденіемъ отъ боговъ и героевъ, витязи стали стремиться къ власти, когда настало мирное время послѣ Троянской войны. Эпоха переселеній (§ 80) послужила имъ въ пользу: связанные съ нею перевороты расшатывали власть базилевсовъ. Такъ какъ базилевсы безъ дружины не имѣли матеріальной силы, то они постепенно исчезли, и почти безъ кровопролитій. Около 750 г. по всей Греціи ихъ замѣнили аристократическія республики эвпатридовъ, за исключеніемъ Македоніи и Эпира, жившихъ въ первобытныхъ условіяхъ; въ Спартѣ монархія (вѣрнѣе, двоевластіе) сохранилась только по формѣ. Въ республикахъ эвпатридовъ впервые появилось раздѣленіе властей: законодательная власть принадлежала совѣту, исполнительная (администрація) — чиновникамъ, назначаемымъ на извѣстные сроки. Сохранилась старая сходка *демоса* (народа); но она была безправна, какъ древняя агора (§ 85). Совѣтъ состоялъ изъ представителей эвпатридскихъ родовъ; чиновники избирались не сходкой, а эвпатридами изъ собственной среды. Въ сущности власть эвпатридовъ была неограниченна, тѣмъ болѣе что не было писанныхъ законовъ: эвпатриды судили народъ „по обычному праву“, или по преданіямъ, т.-е. по собственному произволу. Слабое жречество еще не могло ограничивать эвпатридовъ, которымъ оно и принадлежало, такъ что даже дельфійское святилище находилось въ ихъ рукахъ. Сначала эвпатриды управляли хорошо. Люди самые образованные и богатые, они несли общественныя тяжести, защищали страну, добывали славу своимъ республикамъ на національныхъ играхъ. Но безотчетная власть и богатство испортили ихъ. Эвпатриды стали спѣсивы и наглы, обижали народъ, особенно женщинъ, судили пристрастно, многихъ закабалили за долги. Ихъ господство становилось тѣмъ тяжелѣе, что ихъ роды вымирали отъ дурной жизни, и власть сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ: это — *олигархія*, преслѣдующая только свои фамильные интересы, не думая о народѣ. Въ то же время демосъ измѣнялся. Онъ размножался и становился развитѣе. Подъ кремлями выросло много городовъ, гдѣ образовалось *среднее сословіе* — люди разныхъ свободныхъ занятій, въ особенности же купцы, промышленники, мореходцы. Тутъ выдѣлялось уже много людей зажиточныхъ,

умныхъ, видѣвшихъ свѣтъ, которые понимали правленіе лучше эвпатридовъ и становились гордыми. Словомъ, изъ сѣраго демоса создавалась *демократія*—образованное и сознающее свои интересы общество. Она стала требовать постепенно браковъ съ эвпатридами, отмѣны долговъ, передѣла земель, писанныхъ законовъ, наконецъ — политическихъ правъ, т.-е. участія въ правленіи. Отсюда, ок. 700 г., началась жестокая, кровавая борьба между демократіей и эвпатридами, которая никогда не прекращалась вполнѣ въ Греціи. Эвпатриды удержались только въ такихъ военныхъ и неподвижныхъ государствахъ, какъ Лаконія и Ѳессалія. Они пали поздно, послѣ персидскихъ войнъ, въ Аркадіи и Беотіи, гдѣ долго сохранялось неразвитое, консервативное крестьянство. Раньше всего пало господство аристократіи въ подвижныхъ приморскихъ республикахъ.

§ 92. **Тираны.** Но власть не сразу перешла къ демосу, который еще не былъ настолько развитъ, чтобы справиться съ нею. Она досталась сначала *демагогамъ*, „вождямъ народа“, въ борьбѣ съ эвпатридами. Обыкновенно демагогомъ становился даровитый и честолюбивый эвпатридъ, обиженный своими собратами, иногда же проникнутый патріотическимъ убѣжденіемъ въ необходимости помочь народу. Демагогъ пріобрѣталъ довѣріе демоса, обѣщая освободить его отъ ига эвпатридовъ, и, зная слабости послѣднихъ, велъ толпу къ побѣдѣ; но затѣмъ онъ овладѣвалъ кремлемъ и становился *тираномъ*, или „повелителемъ“. Такъ, ок. 650 г., возникла третья форма политической жизни въ Греціи: *7* и *6 вѣка* названы *эпохой тирановъ*. Первыя тиранніи образовались въ торговыхъ республикахъ, *Сикіонѣ* и *Коринѳѣ*, гдѣ положеніе демоса было тѣмъ тяжелѣ, что онъ состоялъ изъ стараго населенія, а эвпатриды — изъ дорійцевъ. Ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали *Эпидавръ* и *Мегара*. Затѣмъ появились тираны во многихъ греческихъ колоніяхъ въ Италіи и Малой Азіи. Иногда тираны оказывались хорошими правителями, мудрыми законодателями и покровителями наукъ и искусствъ: они старались блистать роскошью, дѣлали величественныя постройки, содержали поэтовъ. Таковы были: одинъ изъ семи мудрецовъ, *Питтакъ* лесбосскій, и *Періандръ* коринѳскій. Но по бо́льшей части тираны, какъ выскочки и похитители престоловъ, опасаясь потерять свою неограниченную власть, думали только объ ея утвержденіи, были жестоки и подозрительны. Они окружали себя головорѣзами-тѣлохранителями, нахватывали много денегъ, заключали тайные союзы между собой и даже съ персами. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше слово „тиранъ“ означало деспотизмъ. Тиранамъ не удалось утвердить своихъ династій. Ихъ господство было тревожно: ихъ уничтожали частью эвпатриды съ помощью спартіатовъ, частью демократія.

§ 93. **Эвпатриды въ Аттикѣ.** Представителемъ демократіи былъ

городъ *Аѳины*, который получилъ первенствующее значеніе въ Аттикѣ еще въ баснословныя времена, благодаря *Ѳезею*, (§ 83), уничтожившему родовыхъ князьковъ и раздѣлившему народъ на эвпатридовъ, геоморовъ (γεωμοροί — земледѣльцы) и деміурговъ (δημιουργοί — ремесленники). Здѣсь долго управляли цари даже послѣ Кодра (§ 80). Эвпатриды возобладали лишь ок. 750 г., когда царь былъ замѣненъ *архонтомъ*, котораго они сами избирали, судили и даже могли казнить. Сначала архонтъ былъ пожизненъ и назначался только изъ Кодридовъ; потомъ его избирали на 10 лѣтъ; наконецъ стали избирать 9 архонтовъ и лишь на годъ, притомъ изъ всѣхъ „благородныхъ“ фамилій, среди которыхъ выдавались *Алкмеониды*. Главный архонтъ назывался „эпонимомъ“, потому что его именемъ назывался годъ; второй архонтъ, „базилевсъ“, считался только главнымъ жрецомъ, не имѣя власти; третій, „полемархъ“, завѣдывалъ войсками; остальные шесть, „ѳесмоѳеты“, были судьями. Подлѣ архонтовъ находился совѣтъ, *буле* (βουλή), связанный съ древнѣйшимъ общественнымъ устройствомъ Аттики. Въ Аттикѣ эвпатриды раздѣлялись на 4 *филы*, въ каждой по 3 *фратріи* (φράτρια—братство); каждая фратрія состояла изъ 30 *геновъ* (γένος — родъ). Генеты (родичи) были какъ бы членами одной огромной семьи; у нихъ были общіе богипатроны (Аполлонъ πατρῳος), обряды и кладбища; земля также была общинною собственностью. Главы всѣхъ филъ вмѣстѣ совершали „праздникъ родовъ“ и творили, на *ареопагѣ* (холмъ Ареса), высшій судъ, который назывался „кровавымъ“, потому что вѣдалъ только убійства и всегда приговаривалъ къ смерти. Замкнутые въ своихъ филахъ, эвпатриды съ презрѣніемъ смотрѣли на народъ. Когда была отмѣнена царская власть, они разрѣшили демосу приписываться къ своимъ филамъ, но лишь въ качествѣ покровительствуемыхъ кліентовъ; сами же получили значеніе *мѣстныхъ* крестьянскихъ властей. Въ то же время эвпатриды обладали *верховною* властью, благодаря своимъ архонтамъ и совѣту, состоявшему изъ 360 главъ ихъ родовъ. Сходка же демоса, *агора* (ἀγορά), какъ вездѣ тогда, служила только для обнародованія воли эвпатридовъ. Захвативъ всю власть въ свои руки, эвпатриды начали угнетать народъ, въ особенности геоморовъ. Сверхъ того народъ бѣднѣлъ отъ войнъ, въ особенности же отъ корабельной повинности: Аттика была раздѣлена на 48 *навкраріи* („оснастительные“ округа), изъ которыхъ каждая должна была выставлять по одной вполнѣ вооруженной *триремѣ* (большое, изобрѣтенное въ Коринѳѣ судно, съ 3 рядами веселъ и съ 150 гребцами); во главѣ навкраріи стоялъ, какъ главная мѣстная власть, *пританъ* изъ эвпатридовъ. Народъ занималъ деньги у эвпатридовъ за такіе высокіе проценты, что земля переходила въ руки кредитора, и самъ должникъ поступалъ къ нему въ кабалу. Демосъ наконецъ взвол-

новался и потребовалъ *писанныхъ законовъ*. Архонтъ *Драконъ* далъ законы (624 г.), но такіе жестокіе, что они вошли въ пословицу: въ силу нихъ закрѣплялись злоупотребленія эвпатридовъ, а должникъ обращался въ раба, котораго кредиторъ могъ даже продать на чужбину. Народъ ропталъ больше прежняго—и эвпатридъ *Килонъ* вздумалъ разыграть роль тирана. Съ помощью войскъ своего тестя, мегарскаго тирана, онъ захватилъ Акрополь; но народу не понравилось вмѣшательство иноземцевъ—и архонтъ *Мегаклъ* Алкмеонидъ выгналъ похитителя престола. Килонъ бѣжалъ; но его помощники, которымъ обѣщали свободный выходъ, были перебиты у статуй и жертвенниковъ. Это нарушеніе права церковнаго убѣжища смутило народъ, снова подпавшій подъ иго эвпатридовъ. Въ то же время мегарскій тиранъ, мстя за зятя, отнялъ у аѳинянъ *Саламинъ* и нанесъ имъ такое пораженіе, что малодушные эвпатриды запретили подъ страхомъ смерти даже говорить о возвращеніи этого острова. Аѳиняне погибали; но ихъ спасъ *Солонъ*.

§ 94. **Солонъ. Его общественныя преобразованія.** Потомокъ Кодра, Солонъ, не походилъ на свою братью, эвпатридовъ. Онъ не гнушался торговлей, которая доставила ему огромное состояніе, былъ очень любознателенъ и долго путешествовалъ по Востоку: эллины причислили его къ своимъ 7 мудрецамъ. Величіе Солона особенно проявилось въ томъ, что онъ посвятилъ свою жизнь народу, и именно угнетеннымъ. Онъ растратилъ свое состояніе на бѣдныхъ и освободилъ всѣхъ, попавшихъ къ нему въ рабство за долги. Досугъ посвящалъ онъ прекраснымъ стихамъ, въ которыхъ передавалъ свои познанія народу. Какъ геніальный политикъ, Солонъ понялъ, что сначала нужно поднять духъ народа, потомъ облегчить участь бѣдняковъ. Прикинувшись дурачкомъ, чтобы избѣгнуть смертной казни, онъ выбѣжалъ на площадь и сказалъ такіе стихи, что всѣ закричали: „На Саламинъ!“—и островъ былъ завоеванъ. Затѣмъ онъ уговорилъ эвпатридовъ изгнать Алкмеонидовъ и очиститься отъ ихъ преступленія призваніемъ *Эпименида* критскаго. Этотъ отшельникъ и чародѣй, почитавшійся всѣми греками, успокоилъ народъ, принеся въ жертву двухъ юношей. Уѣзжая, онъ приказалъ аѳинянамъ слушаться Солона, что̀ подтвердила и Пиѳія: Солонъ уговорилъ тогда аѳинянъ защитить дельфійскій оракулъ отъ напавшихъ на него сосѣдей. Теперь Солонъ легко могъ стать тираномъ; но онъ не желалъ власти. Эвпатриды назначили его безсрочнымъ архонтомъ-эпонимомъ (595 г.) и законодателемъ, съ правомъ „сохранять или уничтожать все старое, по его усмотрѣнію“. Солонъ довольствовался тѣмъ, что въ теченіе 10 л. далъ народу законы, которые мирно произвели благодѣтельный переворотъ, и затѣмъ покинулъ отечество на 10 л., взявъ съ народа клятву, что въ это время не измѣнятъ его законовъ. Солонъ хотѣлъ

облегчить участь низшихъ классовъ. Онъ требовалъ, чтобы люди довольствовались малымъ и усмиряли свои страсти: „все въ мѣру“ — вотъ его любимая поговорка. Его первымъ дѣломъ была *сейсахѳія* (σεισάχθεια — „облегченіе“), которая состояла въ отмѣнѣ рабства за долги и въ сокращеніи самыхъ долговъ почти на $^1/_4$ пониженіемъ цѣнности монеты: были выпущены болѣе легкія драхмы (серебр. монета въ 25 коп.), такъ что 100 новыхъ драхмъ равнялись 73 старымъ по вѣсу серебра. Чтобы эвпатриды опять не забрали земель подъ залогъ своихъ денегъ, былъ опредѣленъ высшій размѣръ земли, больше котораго нельзя было закладывать въ однѣ руки. Затѣмъ Солонъ, какъ отецъ, старался *воспитать* неразвитое общество на началахъ умѣренности, справедливости и трудолюбія. Праздность была объявлена преступленіемъ: всякій могъ жаловаться въ судъ на бездѣльника; ареопагъ требовалъ отчета у каждаго въ средствахъ, которыми онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе. Въ противоположность Ликургу, Солонъ возвышалъ, какъ благороднѣйшія занятія, земледѣліе и торговлю, въ особенности же *промыслы*. Съ этою цѣлью онъ покровительствовалъ иностранцамъ, или *метекамъ* (μέτοικοι — „сожители“), которые жили въ Аѳинахъ, платя извѣстную подать: ремесленникамъ среди нихъ облегченъ былъ даже пріемъ въ филы, т.-е. пріобрѣтеніе правъ аттическаго гражданства. Солонъ ослабилъ власть рода, дозволивъ всякому свободно завѣщать свое имущество, въ случаѣ бездѣтности. Онъ обязалъ родителей обучать дѣтей какому-нибудь ремеслу, исправилъ календарь и ввелъ систему мѣръ и монетъ: хлѣбная мѣра, *медимнъ*, соотвѣтствовала *драхмѣ* *), дѣлившейся на 6 *оболовъ* (вродѣ нашихъ пятачковъ); 6.000 драхмъ составляли *талантъ* (ок. 1500 р.). Солонъ высоко цѣнилъ просвѣщеніе. Онъ ввелъ обязательное и одинаковое для всѣхъ сословій обученіе: сынъ, не получившій образованія, освобождался отъ обязанности кормить и достойно хоронить своего отца. Въ обученіе были введены, наряду съ гимнастикой, музыка и поэзія; для развитія художественнаго вкуса были установлены пышныя религіозныя процессіи. Солонъ до мелочей входилъ въ жизнь аѳинянъ: издавалъ даже законы о томъ, какъ обработывать землю, истреблять звѣрей, совершать браки и погребеніе. Онъ не коснулся только положенія *женщины*, которое было унизительно у всѣхъ іонійцевъ. Дѣвушкой она была рабой отца и братьевъ, потомъ рабой мужа. Женихъ покупалъ невѣсту, какъ вещь. Аѳинянку держали взаперти въ *гинекеѣ*—особомъ женскомъ отдѣленіи; она рѣдко показывалась мужчинамъ и выходила на улицу закутанная, съ опущенными глазами и въ сопровожденіи раба.

§ 95. **Политическія преобразованія Солона.** Умѣренность и

*) Значеніе драхмы было велико, при крайней дешевизнѣ жизни: тогда можно было купить за 1 драхму овцу, а за 5—вола.

справедливость послужили также основою политическихъ преобразованій Солона, главное отличіе которыхъ — *соотвѣтствіе правъ съ обязанностями*, по правилу: кто много имѣетъ, съ того много и взыщется. Сами греки считали Солона основателемъ *демократіи*. Они сочинили сказку, будто представитель аристократіи, Хилонъ (§ 90), бывшій другомъ Солона, сталъ его врагомъ, узнавъ про его законы. Но Солонъ не хотѣлъ сразу лишить власти эвпатридовъ и поступилъ такъ: сохранивъ филы, онъ прибавилъ новое дѣленіе народа, по земельному имуществу, на *4 класса*. I-й классъ (или πεντακοσιομέδιμνοι, не менѣе 500 медимновъ ежегоднаго дохода) несъ самыя дорогія *литургіи* (λειτουργίαι—общественныя повинности): онъ устраивалъ хоры въ театрахъ (χορηγία) и гимназіи (γυμνασιαρχία), въ особенности же содержалъ флотъ (τριηραρχία); II-й классъ (или ἱππεῖς 500—300 медимновъ) составлялъ конницу; III-й классъ (или ζευγῖται) служилъ гоплитами; IV-й классъ состоялъ изъ θетовъ (менѣе 150 м.), безземельныхъ, которые только при всеобщемъ ополченіи служили легковооруженными, но зато были прекрасными моряками. Только военная служба была всеобщею повинностью. Податей граждане не платили, да онѣ и не требовались: такъ какъ должности были безъ жалованья, то ничтожные государственные расходы оплачивались пошлинами съ иностранныхъ товаровъ и данью метековъ. Чѣмъ выше былъ классъ, тѣмъ тяжелѣе была его воинская повинность, но зато тѣмъ больше было у него правъ. Такъ *архонтовъ* выбирали изъ одного I класса. *Буле*, или совѣтъ Четырехсотъ (по 100 изъ каждой филы) избирался на одинъ годъ только изъ первыхъ трехъ классовъ; онъ управлялъ администраціей и финансами, а также изготовлялъ предложенія для народной сходки (προβούλευμα); каждую $^1/_4$ года 100 изъ членовъ буле играли роль судей (притановъ), подъ предсѣдательствомъ θесмоθетовъ. Если буле отдавалъ приказанія архонтамъ, зато послѣднимъ Солонъ далъ право поступать при отставкѣ пожизненно въ *ареопагъ*, значеніе котораго было увеличено: кромѣ уголовнаго суда, ареопагъ сталъ безотвѣтственнымъ блюстителемъ нравовъ и законовъ; онъ наказывалъ даже правителей за нерадѣніе и налагалъ запрещеніе на рѣшенія буле и агоры. Ареопагитами, архонтами, членами буле могли быть только богачи, которыми тогда были все еще эвпатриды. Но рядомъ Солонъ далъ много правъ демосу. 1) Классы зависѣли не отъ рожденія, а отъ цѣнности имущества (τίμημα), слѣдовательно аристократія превратилась въ *тимократію*, при которой разбогатѣвшій θетъ могъ попасть въ I-й классъ, а обнищалый эвпатридъ – въ IV-й. 2) Агора была такъ измѣнена въ демократическомъ смыслѣ, что даже получила новое названіе — *экклесіи* (ἐκκλησία). Экклесія состояла изъ гражданъ всѣхъ классовъ, достигшихъ 20 л. Она собиралась, подъ руководствомъ буле, 4 раза въ годъ, на рынкѣ, подъ открытымъ

небомъ. Послѣ молитвъ и жертвъ, глашатай изрекалъ проклятіе злоупотребляющимъ правомъ голоса; затѣмъ всякій могъ взойти на подмостки, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ, и говорить рѣчь. Экклесія избирала всѣ власти, а по истеченіи года выслушивала ихъ отчеты и наказывала за беззаконія; она обсуждала также предложенія буле, касавшіяся важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ (вопросъ о войнѣ и мирѣ и т. п.). 3) Демосу принадлежала и высшая судебная власть въ видѣ *геліэи* (ἡλιαία): изъ каждой филы ежегодно выбирали по жребію 1,000 *геліастовъ* (присяжныхъ), которымъ приносились апелляціи на рѣшенія другихъ судовъ. Какъ ни разумно было новое законодательство, Солонъ понималъ, что жизнь постоянно будетъ требовать измѣненій. Онъ постановилъ, что только буле можетъ предлагать экклесіи отмѣнить извѣстный законъ; если экклесія соглашалась, то геліасты избирали изъ своей среды до 400 опытныхъ лицъ, *номоѳетовъ*, которые судили старый законъ, какъ обвиняемаго судятъ на судѣ. Солонъ даже предвидѣлъ, что его законы не устранятъ междоусобій; чтобы они не были продолжительны, онъ постановилъ, что каждый гражданинъ обязанъ подъ страхомъ потери имущества, становиться на сторону одной изъ борющихся партій.

§ 96. **Тиранія въ Аѳинахъ.** Волненія начались тотчасъ же послѣ отъѣзда Солона. Эвпатриды пользовались оставленною имъ властью противъ демоса, который сталъ чувствительнѣе къ обидамъ, сознавая свои новыя права. Возобновилась борьба, причемъ во главѣ эвпатридовъ стояли неукротимые Алкмеониды (§ 93) и храбрый *Мильтіадъ* (§ 74). Вождемъ народа сталъ родственникъ Солона, богатый потомокъ Нестора (§ 80), *Пизистратъ*. Это былъ очаровательный человѣкъ: красивый, краснорѣчивый, образованный и ловкій. Онъ прославился на войнѣ, помогалъ Солону въ законодательствѣ и привлекалъ бѣдняковъ щедростью. Пизистратъ такъ искусно руководилъ возстаніемъ, что аристократы были побѣждены, и Мильтіадъ бѣжалъ въ *Херсонесъ Ѳракійскій*, гдѣ сталъ тираномъ. Но властолюбіе овладѣло душой побѣдителя. Возвратившійся Солонъ понялъ это и горячо возсталъ противъ своего любимца, котораго назвалъ „хитрою лисой“. „Плохо ты, братъ, разыгрываешь роль Одиссея!“ сказалъ онъ Пизистрату, явившемуся на рынокъ въ легкихъ ранахъ, будто бы нанесенныхъ ему эвпатридами. Но напрасно мудрецъ предостерегалъ отъ тираніи народъ, который онъ называлъ „безмозглымъ стадомъ“. Демосъ далъ стражу Пизистрату, который захватилъ Акрополь и сталъ тираномъ (560). Солонъ бросилъ свое оружіе на улицѣ и удалился сначала къ Крезу (§ 68), потомъ на Кипръ, гдѣ вскорѣ умеръ. Эвпатриды лѣтъ 20 преслѣдовали Пизистрата и дважды изгоняли его; только послѣднія 10 л. онъ управлялъ мирно. Пизистратъ былъ однимъ изъ лучшихъ тирановъ древности. Обезпечивъ себя войсками

и податями, онъ сталъ работать на пользу народа. Онъ сохранилъ законы Солона, помогалъ торговлѣ и промысламъ, щедро надѣлялъ бѣдныхъ, заводилъ колоніи для безземельныхъ. Пизистратъ особенно заботился объ искусствахъ и образованіи народа. Онъ основалъ первую въ Элладѣ публичную библіотеку и украсилъ Аѳины прекрасными зданіями, а также снабдилъ городъ водопроводами. Пизистратъ ввелъ роскошное празднество въ честь Аѳины-Паллады, причемъ пѣлись пѣсни Гомера, собранныя и приведенныя въ порядокъ (§ 85). Тогда же появилось начало *театра*, въ видѣ веселыхъ празднествъ въ честь Діониса. При дворѣ Пизистрата текла свѣтлая и веселая жизнь, озаренная поэзіей и искусствомъ. Сюда приглашались лучшіе поэты и мудрецы со всей Эллады; во главѣ ихъ былъ пылкій авторъ нѣжныхъ одъ, *Анакреонъ*. Сынъ Пизистрата, *Гиппій*, сначала управлялъ подобно отцу. Но когда двое аѳинянъ, лично оскорбленныхъ имъ, составили заговоръ и убили его брата, онъ сталъ жестокимъ деспотомъ, грабилъ и убивалъ народъ. Эвпатриды бѣжали изъ Аѳинъ; но вскорѣ возвратились, благодаря доблестному Алкмеониду *Клисѳену*, который задобрилъ Пиѳію своимъ содѣйствіемъ при возобновленіи сгорѣвшаго дельфійскаго храма. Пиѳія приказала спартанцамъ „освободить Аѳины отъ тирана“; народъ присоединился къ своему любимцу, Клисѳену — и Гиппій былъ изгнанъ (510 г.); онъ бѣжалъ къ персамъ.

§ 97. **Клисѳенъ и возвышеніе Аѳинъ. Значеніе греческой колонизаціи.** Аѳиняне такъ опасались тираніи, что для предупрежденія ея ввели *остракизмъ*. Зимой буле спрашивалъ у нарочно собранной сходки: не нужно ли изгнать кого-нибудь? Если отвѣтъ былъ утвердительный, то каждый выцарапывалъ на черепкѣ имя изгоняемаго. Гражданинъ, имя котораго встрѣчалось на 6.000 раковинахъ (почти $^1/_3$ всѣхъ гражданъ), изгонялся изъ отечества на 10 лѣтъ, но не лишался ни правъ, ни почета, и экклесія могла всегда возвратить изгнанника. Затѣмъ смѣлый и даровитый *Клисѳенъ*, съ благословенія Пиѳіи и съ помощью друзей, развилъ дѣло Солона въ пользу демократіи. Онъ ограничилъ эвпатридскія филы религіозными церемоніями, а политическое значеніе передалъ новымъ *десяти* филамъ, изъ которыхъ каждая дѣлилась на 10 *демовъ*, но взятыхъ не подрядъ, такъ что не могло возникать мѣстныхъ партій; сходки филъ происходили въ Аѳинахъ. Демъ (волость) состоялъ изъ главнаго села, или городка съ окрестными деревнями; всѣ жившіе здѣсь, не исключая метековъ, считались гражданами; въ демѣ были свои выборныя власти, своя казна и сходка. Каждая фила выставляла 5 кораблей и 10 всадниковъ. Буле превратился въ Совѣтъ Пятисотъ, избираемый изъ всѣхъ гражданъ, и по жребію: къ нему перешло почти все управленіе. Архонтство, избираемое уже изъ первыхъ 3-хъ классовъ (но не по жребію), потеряло много правъ; особенно пало значеніе поле-

марха, котораго окружили совѣтомъ десяти *стратеговъ*. Экклесія увеличилась и стала собираться 10 разъ въ годъ; такъ какъ въ нее входили теперь и безземельные, то ея характеръ сталъ измѣняться изъ крестьянскаго въ городской: число геліастовъ дошло до 6.000. Такъ демократія совсѣмъ возобладала. Раздраженные эвпатриды призвали на помощь спартанцевъ: нѣсколько разъ силы всего Пелопонеса и аристократовъ Беотіи нападали на Аттику. Но демократія создала изъ аѳинянъ такое сильное и цѣльное Аѳинское государство, что они разбили (ок. 500 г.) разомъ всѣхъ враговъ и завоевали нѣсколько сосѣднихъ острововъ. Благодаря Мильтіаду, владѣнія Аѳинъ доходили до Геллеспонта. Аѳиняне даже послали флотъ въ Малую Азію на защиту іонійцевъ, возставшихъ противъ персовъ. Къ 500 году въ Греціи выдвинулись два значительныя государства: Аѳины и Спарта. Но и они были небольшія; остальная же Грекія была раздроблена на множество политическихъ общинъ. Но зато эллинизмъ широко распространился по всѣмъ извѣстнымъ тогда морямъ. Второй періодъ греческой исторіи окончательно доказалъ, что никто въ древнемъ мірѣ, не исключая финикіянъ, не могъ соперничать въ колонизаціи съ эллинами. Финикіяне почти вездѣ принуждены были или удаляться, или сливаться съ греческими колонистами, которые создавали цѣлыя прочныя государства. Главною причиной греческой колонизаціи во второмъ періодѣ были завоеванія спартанцевъ, въ особенности же жестокая *борьба демоса съ эвпатридами;* позднѣйшія же колоніи были слѣдствіемъ торговаго развитія эллиновъ. Греческія колоніи (ἀποικίαι) сохраняли *связи со своими митрополіями.* Переселенцы привозили съ собою статуи боговъ и священный огонь, въ праздники посылали на родину подарки и жертвы, отдавали на судъ митрополіи свои споры, чеканили монету по ея образцу. Митрополія допускала колонистовъ на свои національныя торжества, защищала ихъ отъ враговъ. Война между митрополіей и колоніей считалась дѣломъ нечестивымъ. Въ сущности колоніи были независимы: только нѣкоторыя изъ нихъ, *клерухіи* (κληρουχίαι), подчинялись митрополіямъ, такъ какъ занимали ихъ земли. Греческія колоніи имѣли большое *вліяніе на туземцевъ*, съ которыми роднились: онѣ распространяли эллинизмъ и даже греческій языкъ далеко внутри дикихъ странъ. Колоніи имѣли *вліяніе и на митрополію*, развиваясь быстрѣе: восточныя колоніи рано выработали высокую культуру и стали учительницами своихъ „матерей“. Но зато онѣ и пали раньше, подъ вліяніемъ восточной изнѣженности и кровавыхъ смутъ. Во главѣ колонизаціи стояли іонійцы, въ особенности милетцы; за ними слѣдовали дорійцы — коринѳяне и мегарцы. Греческія колоніи должно раздѣлять на восточныя, западныя и южныя, что̀ соотвѣтствуетъ и ихъ хронологіи.

§ 98. **Восточныя колоніи.**—*Восточныя* колоніи достигли выс-

шаго процвѣтанія въ 650—500 гг. Онѣ были очень богаты, обогнали своихъ учителей, азіатовъ, въ промышленной и торговой техникѣ, особенно же въ искусствахъ и наукахъ. Онѣ страдали только отъ внутреннихъ волненій и отъ вліянія восточныхъ нравовъ и богатства: малоазійскіе греки стали отличаться изнѣженностью, тщеславіемъ, чувственностью. Изъ древнѣйшихъ восточныхъ поселеній эллиновъ самою слабою оказалась Эолія (§ 80), гдѣ каждая колонія жила особнякомъ. Здѣсь славилась только *Митилена* лесбосская, какъ своимъ законодательствомъ (§ 92), такъ и поэзіей. Зато Іонія была славою эллиновъ. Она составляла союзъ 12-ти городовъ, съ своимъ перломъ, *Милетомъ*, во главѣ. Милетъ славился философами, художниками и тканями, въ особенности же своею колонизаціей: онъ населилъ берега сѣверныхъ морей, отъ Геллеспонта до Азова, за что получилъ названіе Стограднаго. Съ Милетомъ соперничала *Фокея*: фокейцы первые изъ грековъ узнали западный бассейнъ Средиземнаго м. и одни только прошли Гибралтаръ. Еще позднѣе возвысился о. *Самосъ*, благодаря *Поликрату* (§ 73), лукавому и жестокому тирану, который былъ въ союзѣ съ Аѳинами и Египтомъ, занимался пиратствомъ и соединялъ въ своемъ блестящемъ дворцѣ пышность Востока съ искусствомъ и поэзіей Эллады. Сатрапъ Дарія заманилъ Поликрата къ себѣ въ Сарды и распялъ его, а Самосъ былъ отданъ одному тирану, подвластному персамъ. Вскорѣ персы разрушили и Милетъ съ Фокеей, и тогда возвысился *Эфесъ*, съ его храмомъ Артемиды, который считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта и былъ сожженъ Геростратомъ съ цѣлью прославиться хотя бы великимъ злодѣяніемъ. Вообще вся Іонія и Эолія, возставшія противъ персовъ при ложномъ слухѣ о погибели Дарія въ Скиѳіи, жестоко пострадали (ок. 500) и приняли тирановъ, поставленныхъ персами. Только Доридѣ, составлявшей союзъ 6-ти колоній, было лучше: она не участвовала въ возстаніи. Изъ массы восточныхъ колоній внѣ Малой Азіи важны: *Херсонесъ Ѳракійскій*, гдѣ ок. 500 г. управлялъ племянникъ Мильтіада аѳинскаго (§ 96), Мильтіадъ Младшій, *Византія*, Кизикъ, *Одессъ* (глава союза ѳракійскихъ колоній), Синопа, Фазисъ (Поти), Діоскурія (Сухумъ), Тира (Аккерманъ), *Ольвія*, *Ѳеодосія*, *Пантикапея* (Керчь), Фанагорія (Тамань), Танаисъ (Азовъ), *Херсонесъ Таврическій* (Севастополь). Къ 500 г. была уже значительно эллинизована весьма важная для будущаго *Македонія*. Эта страна служила естественнымъ переходомъ отъ Эллады къ сѣвернымъ варварамъ, какъ по своему положенію между Олимпомъ и р. *Стримономъ*, такъ и по своей этнографіи: здѣсь была смѣсь пелазговъ съ дикими ѳракійцами и иллирійцами. Но на берегу моря все усиливался эллинскій элементъ. Ок. 700 г. жившіе у Олимпа эолійскіе *македонцы* образовали государство, благодаря царю *Пердиккѣ I*. Они постепенно завоевали земли

отъ Пенея до Стримона и основали сильную столицу *Эдессу*, или *Эгэ*, въ прелестной мѣстности (теперь Водена). Эдесскіе цари жили въ постоянной тревогѣ. Ихъ стремленіе вводить эллинскую культуру вызывало ропотъ со стороны сильной аристократіи, погрязшей въ древней чувственности, обжорствѣ и пьянствѣ. Нужно было постоянно бороться съ сѣверными дикарями. По берегамъ греки начали занимать земли. Эвбейскіе халкидцы основали тамъ такъ много колоній, что полуостровъ у Стримона получилъ названіе *Халкидики*. Затѣмъ коринѳяне основали *Потидею*, которая первенствовала здѣсь, покуда не возвысился впослѣдствіи аѳинскій *Амфиполь*. Между тѣмъ, ок. 500 г., македонскій царь *Аминтъ I* долженъ былъ признать себя вассаломъ Персіи.

§ 99. **Западныя и южныя колоніи.** Западныя колоніи, между которыми было много дорическихъ, сосредоточивались въ южной Италіи, названной *Великою Грецією*, и въ Сициліи. Самыми древними и важными были ахейскіе Сибарисъ и Кротонъ и спартанскій Тарентъ (ранѣе 700 г.). Сначала господство въ Великой Греціи принадлежало *Сибарису*, который основалъ 25 колоній, имѣлъ 100 т. жителей и былъ такъ богатъ, что слово „сибаритизмъ“ означало изнѣженность и роскошь. Сибаритяне обратили туземцевъ въ своихъ крѣпостныхъ и производили массу хлѣба, скота и шерсти, которые они обмѣнивали милетцамъ, карѳагенянамъ и этрускамъ на промышленные товары. Но съ Сибарисомъ сталъ соперничать энергическій и любившій просвѣщеніе *Кротонъ*. Онъ подчинился вліянію философа, самосца *Пиѳагора*, который учился въ Египтѣ и бѣжалъ изъ отечества отъ Поликрата и персовъ. Туманная философія Пиѳагора не имѣла бы значенія для кротонцевъ, еслибы въ ней не было нравственной и политической стороны. На многихъ, особенно на женщинъ, дѣйствовали аскетическая жизнь и молчаливость ученаго, а также таинственныя церемоніи, которыми онъ окружалъ свое ученіе, словно пророкъ новой религіи. Гордый эвпатридъ, боровшійся на Самосѣ съ тиранiей, Пиѳагоръ ввелъ въ Кротонѣ правленіе аристократовъ, образовавшихъ вокругъ него *гетерію*—родъ политическаго клуба, который назывался „пиѳагорейскимъ союзомъ“. Онъ возстановилъ нравственныхъ кротонцевъ противъ распущенности сибаритянъ и въ 510 г. разбилъ враговъ. Потомъ сочинили сказку, будто побѣдѣ способствовала музыка кротонцевъ, подъ которую заплясали изнѣженные кони сибаритянъ. Сибарисъ былъ разрушенъ до основанія. Кротонскіе аристократы возгордились послѣ побѣды и стали угнетать народъ, который возсталъ, перебилъ много пиѳагорейцевъ и устроилъ демократію (ок. 500 г.), которая распространилась почти по всей Великой Греціи. Но волненія такъ ослабили Кротонъ, что первая роль перешла къ *Таренту*, гдѣ водворились также остатки пиѳагорейской школы. Тарентъ не

только занимался земледѣліемъ, но и обширною торговлей и промышленностью, въ особенности выдѣлкою тканей, для которой онъ пользовался пурпурными раковинами своего залива. Сверхъ того онъ имѣлъ много войска для борьбы съ энергичными туземцами. Изъ другихъ греческихъ колоній въ Италіи болѣе важными были: фокейская *Элея*, славная своею философскою школой, и *Кумы*, которыя успѣшно боролись съ этрусками и основали много колоній, въ томъ числѣ *Неаполь*. Но къ 500 г. вообще эллинизму становилось тяжело въ Италіи: его начали тѣснить туземные сабеллы. Въ Сициліи греческія колоніи (по большей части дорическія) занимали восточный и южный берега. Обративши туземцевъ, сикуловъ, въ своихъ крѣпостныхъ, онѣ завели обширное хлѣбопашество и скотоводство и очень разбогатѣли, несмотря на то, что ихъ исторія наполнена смѣною тираній, враждой іонизма съ доризмомъ, борьбой съ карѳагенянами и римлянами. Первая роль принадлежала *Сиракузамъ* (ок. 734). особенно послѣ паденія Сибариса и Кротона. Въ 485 г. здѣсь появился умный тиранъ *Гелонъ*, который сдѣлалъ изъ Сиракузъ сильную крѣпость и столицу эллинизма въ восточной Сициліи. Тогда же съ Сиракузами началъ соперничать *Агригентъ*, который славился своими постройками, роскошью и философскими школами. Центромъ іонизма въ Сициліи была *Катана*, присоединенная къ Сиракузамъ (ок. 500). Сицилійскимъ колоніямъ все болѣе и болѣе угрожало развитіе карѳагенскихъ поселеній, занимавшихъ сѣверо-западные острова. Въ Галліи процвѣтала фокейская *Масиллія* (§ 68), которая торговала съ варварами до Британіи и основала много колоній въ Генуэзскомъ заливѣ. (*Ницца*, *Монако*), въ Испаніи и на Корсикѣ. Южныя колоніи грековъ были незначительны, за исключеніемъ *Кирены* (ок. 630) и *Барки*. Всѣ онѣ составляли союзную область Киренаику, которая простиралась на западѣ до *Алтарей Филеновъ* (§ 39). Кирена славилась торговлей съ дикарями пустыни, зодчествомъ, поэзіей и философіей. Она составляла монархію, ограниченную сильною аристократіей. Весьма богатый іонійскій *Навкратисъ*, основанный въ нильской Дельтѣ при Амесѣ (§ 18), былъ единственнымъ греческимъ поселеніемъ въ Египтѣ; но онъ, также какъ и Кирена, подчинился персамъ (525).

§ 100. **Амфиктіонія, гегемонія, дельфійскій оракулъ.** Ок. 500 г. эллинизмъ занималъ весьма широкое пространство по всѣмъ извѣстнымъ тогда морямъ. И вездѣ онъ сталкивался съ Востокомъ. На западѣ ему преграждали путь пунійцы; на югѣ его подчинили себѣ персы; на сѣверѣ македонскій царь сталъ сатрапомъ персовъ; въ Малой Азіи персы подавили въ крови возстаніе грековъ. Подготовлялась борьба между Востокомъ и Европой въ лицѣ персовъ и грековъ, которая названа *персидскими войнами*. Исходъ ея былъ сомнителенъ, потому что греки были слабѣе персовъ политически и сильнѣе ихъ культурно. Полити-

ческая слабость эллиновъ зависѣла отъ *раздробленности*. У нихъ были только намеки на единство, да и то не цѣлой націи, а отдѣльныхъ ея частей: это — союзы, древнѣйшею формой которыхъ была *амфиктіонія* („сожительство“). Начало амфиктіоніи теряется во мракѣ эпохи переселенія дорійцевъ. Перешедши изъ Эпира въ Ѳессалію, эллины устроили ее у Олимпа; подвинувшись на югъ, они перенесли ее къ Ѳермопиламъ, потомъ въ Дельфы. Только *дельфійская* амфиктіонія, связанная съ знаменитымъ оракуломъ, имѣла значеніе: она обнимала 12 народцевъ сѣверной и средней Греціи, какъ іонійцевъ, такъ и дорійцевъ, и существовала съ 8 в. до самаго Р. Х. и даже позже. Члены амфиктіоніи обязывались содержать и защищать свой главный храмъ, въ которомъ хранилась и союзная казна. Выборные завѣдывали святыней, устраивали празднества и жертвоприношенія, разбирали споры союзниковъ. Амфиктіоніи, которыя возникали во многихъ мѣстахъ, были лишь *религіозными* союзами, или церковными братствами; онѣ были не прочны; ихъ члены нерѣдко враждовали между собой. Но всетаки это была подготовка къ *политическимъ* союзамъ, или *гегемоніямъ*. Къ 500 г. въ Греціи образовалась только спартанская гегемонія (§ 90) Она уже имѣла значительную силу. Спарта управляла Пелопонесомъ въ военномъ и дипломатическомъ отношеніи. Она опредѣляла размѣры воинской и денежной повинности союзниковъ и назначала своихъ офицеровъ начальниками союзныхъ армій. Правда, вопросъ о войнѣ рѣшался въ союзномъ совѣтѣ большинствомъ голосовъ, но этотъ совѣтъ собирался въ Спартѣ подъ ея вліяніемъ, и спартанцы имѣли право вести войны безъ согласія союзниковъ. Но если Спарта вызывала войска союзниковъ безъ согласія совѣта, они могли покинуть поле битвы, что и случалось. Такимъ образомъ и гегемонія была тогда лишь намекомъ на единство. Матеріально и въ смыслѣ государственной цѣлостности греки стояли ниже персовъ. Но они далеко превосходили ихъ въ *идеальной* культурѣ, которая, зародившись подъ вліяніемъ Востока, достигла уже самобытности, стала *эллинизмомъ*. Эллинизмъ-то служилъ сильнымъ средствомъ *объединенія всѣхъ грековъ*. Онъ проявлялся главнымъ образомъ въ религіи, національныхъ играхъ и поэзіи. Тогда завершилось развитіе греческой миѳологіи, благодаря Гезіоду, „Ѳеогонія“ (§ 82) котораго была библіей для всякаго эллина. Подлѣ множества мелкихъ храмовъ, возникло нѣсколько главныхъ святынь, почитаемыхъ всѣми эллинами, отчасти даже иновѣрцами. Таковы были храмы Артемиды въ Эфесѣ, Аполлона на Делосѣ. Но всегреческимъ соборомъ и первымъ центромъ эллинизма былъ *дельфійскій оракулъ*, который возвысился ок. 850 г., благодаря своимъ связямъ съ главною амфиктіоніей и со спартанцами. Въ Дельфахъ господствовала опытная аристократія, которая избирала изъ своей среды пять пожизненныхъ „святыхъ“ для

управленія храмомъ и выбора жрецовъ и Пиѳіи. Святые поставляли въ Пиѳіи незнатныхъ женщинъ строгаго образа жизни. Вопрошающій омывался въ сосѣднемъ источникѣ, приносилъ жертву Аполлону и входилъ въ компату надъ дымящеюся пропастью, гдѣ садилась Пиѳія, послѣ поста и разныхъ церемоній. Безсвязныя слова, которыя произносила она подъ вліяніемъ одуряющихъ паровъ, записывалъ жрецъ, слагавшій отвѣтъ гекзаметрами. Имѣя связи по всему эллинскому міру, жрецы часто давали удачные отвѣты. Они поддерживали религіозное преданіе, уничтожили кровавую месть, руководили основаніемъ колоній, освятили преобразованія Ликурга, Солона, Клисѳена и проч. Даже иностранные народы и государи спрашивали совѣта у Пиѳіи. Дельфы получили и финансовое значеніе: многія греческія общины складывали въ ихъ храмъ свои капиталы, которые жрецы отдавали на процетны. Лишь къ концу 2-го періода Пиѳія стала портиться. Орудіе дельфійской аристократіи, она вовлекалась въ борьбу партій и въ интриги, даже начала продавать свой голосъ.

§ 101. **Олимпійскія игры.** Наряду съ дельфійскимъ оракуломъ было другое сильное средство объединенія грековъ — *національныя игры*. Ихъ было нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ; но всеэллинское значеніе принадлежало только *олимпійскимъ* играмъ. Олимпія (§ 77)— печальная мѣстность: тамъ не было хорошей воды и кишѣли рои комаровъ. А между тѣмъ черезъ каждые 4 года тамъ собиралось множество грековъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ колоній. Значеніе олимпійскихъ игръ видно изъ того, что греческою эрой былъ 776 г., когда впервые было записано имя побѣдителя на нихъ; четырехлѣтіе между играми называлось *олимпіадой* (греки считали такъ: „въ такомъ-то году такой-то олимпіады“). Греки не прекращали этихъ игръ даже при нашествіи непріятеля и сохраняли ихъ почти четыре вѣка послѣ Р. Х. Олимпійскія игры, вытекшія изъ церковныхъ празднествъ (§ 83), пріобрѣли національное значеніе въ 7 в. Олимпія—группа домиковъ, въ которыхъ жили жрецы и учителя гимнастики, а также сохранялись принадлежности игръ и церковная утварь. Эти зданія были раскинуты вокругъ рощи, въ которой расло старое оливковое дерево, будто бы посаженное Геракломъ: изъ его вѣтвей, которыя срѣзывалъ мальчикъ золотымъ ножомъ, плели вѣнокъ — эту единственную награду побѣдителю на играхъ, которой больше всего дивились персы. Въ глубинѣ рощи возвышался одинъ изъ лучшихъ храмовъ въ Греціи, посвященный Зевсу; въ немъ, передъ статуей божества, стояли кресла для судей, одѣтыхъ въ пурпуръ. Къ рощѣ примыкали полукругомъ мѣста для состязаній: именно *стадій* для гимнастовъ и *ипподромъ* для конскихъ скачекъ. Здѣсь же была огромная гимназія, гдѣ гимнасты по цѣлымъ мѣсяцамъ готовились къ состязаніямъ. Далѣе тянулись домики для художниковъ

Внутренность храма Зевса въ Олимпіи, со статуей работы Фидія.

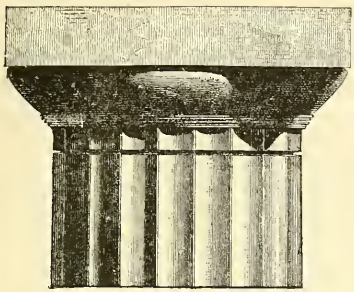
и мастеровыхъ, занимавшихся постройками въ Олимпіи, а также гостинницы для знатныхъ посѣтителей. Остальная несмѣтная толпа зрителей, чуть не всѣ греки (кромѣ женщинъ, которыя не допускались въ Олимпію), помѣщалась, гдѣ попало: или въ палаткахъ, или подъ открытымъ небомъ. Повсюду были раскинуты балаганы и лавочки. Масса купцовъ сновала между зрителями: это была главная ярмарка всего эллинскаго міра. Время игръ считалось священнымъ. По всей Греціи прекращались войны и междоусобія; дороги починялись и хорошо охранялись; грабежи наказывались строго; а сама Элида всегда признавалась священною страной, на которую никто не смѣлъ нападать. Ея „вѣстники мира“ пробѣгали передъ играми по всей Элладѣ, возвѣщая, что наступило время, когда въ Пелопонесѣ не должно быть ни одного вооруженнаго человѣка. Олимпійскія игры состояли изъ разнаго рода состязаній, въ особенности же изъ „пентаѳла“ — *бѣганья, прыганья, борьбы, метанья диска* и *копья*. Гимнасты были наги. Они намазывали тѣло оливковымъ масломъ, чтобы не слишкомъ потѣть, и обсыпались пылью, чтобы можно было схватиться въ борьбѣ. По окончаніи игръ они соскребали всю эту нечистоту ложечками. Самое тяжелое испытаніе состояло въ бѣганьѣ въ полномъ вооруженіи, самое хитрое — въ бѣганьѣ съ факелами. Позднѣе явились и кулачные бои. Побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ признавался тотъ, кто побѣдитъ не менѣе, какъ въ трехъ состязаніяхъ. Все это совершалось на стадіи длиной въ 600 фут., который обѣгали отъ одного до 12 разъ. На второмъ планѣ стояли состязанія на гипподромѣ. Здѣсь происходили конскія скачки или верхомъ, или на колесницахъ въ двѣ и четыре лошади. Онѣ были менѣе важны, потому что въ нихъ могли участвовать только богачи. Къ тому же побѣдителемъ считался не наѣздникъ, а владѣлецъ лошадей, хотя при поворотѣ колесницъ на всемъ скаку возница часто лишался жизни или становился калѣкой. Олимпійскія игры были всеэллинскою выставкой дарованій и воспитанія грековъ. Побѣдитель на играхъ былъ славою и украшеніемъ всей Эллады. Его имя становилось извѣстнымъ всему міру; а родной городъ осыпалъ его почестями. Побѣдителя встрѣчали съ торжественными процессіями, въ честь его слагались пѣсни, въ годовщину побѣды справлялись празднества. Побѣдителю уступали самый опасный постъ въ битвѣ и первое мѣсто въ общественныхъ собраніяхъ; статуи его ставились во дворахъ храмовъ; его и его семью содержали на государственный счетъ.

§ 102. **Поэзія и философія.** Кромѣ религіи и игръ, главною національною связью была поэзія. Подлѣ гомерическаго эпоса явилось нѣсколько родовъ стихотвореній. Ближе всѣхъ къ Гомеру стоитъ *Гезіодъ*, который, кромѣ „Ѳеогоніи“, воспѣлъ въ „Каталогѣ женщинъ“ героинь и полубогинь. Затѣмъ возникли разные виды короткихъ

стихотвореній, въ которыхъ выражалось сильное чувство. Сначала это были патріотическія (политическія и военныя) пѣсни, или *элегіи*. Самыми знаменитыми элегиками считаются Тиртей и Солонъ. Потомъ къ нимъ присоединились насмѣшливыя стихотворенія, которыя назывались *ямбами*. Сюда относятся и писанныя этимъ же размѣромъ знаменитыя *басни*, послужившія основой для всѣхъ европейскихъ басенъ. Ихъ приписываютъ рабу *Эзопу*, но онѣ восточнаго происхожденія. Наконецъ явились и романсы, тѣсно связанные съ *музыкой*. Музыка развилась, подъ вліяніемъ Востока, на о. Лесбосѣ, который славился своими соловьями. Отцомъ ея считается *Терпандръ*, изобрѣтатель семиструнной киѳары, или лиры. По связи съ этимъ инструментомъ, всѣ относящіяся сюда стихотворенія называются *лирическими*. Самыми знаменитыми лириками были: *Анакреонъ* и *Сапфо*. Сапфо была чистая и кроткая дѣвушка; она преслѣдовала сатирами дурныхъ лесбосокъ, а хорошихъ собирала въ своемъ домѣ, который былъ поэтической и музыкальной школой эолійцевъ; у Сапфо были ученицы и соперницы по искусству. Какъ хорошо пѣла Сапфо, видно уже изъ того, что Солонъ, услыхавъ одинъ изъ ея романсовъ, воскликнулъ: „Не умру спокойно, пока не выучу этой пьесы!“ Къ концу 2-го періода возникла проза. Сначала это были надписи, договоры и законы. Затѣмъ явились зародыши науки, въ лицѣ *философовъ* („любителей мудрости“) разныхъ направленій. Древнѣйшіе изъ нихъ называются „семью мудрецами“. Они прославились, какъ патріоты, какъ политическіе дѣятели, и какъ авторы краткихъ, мудрыхъ изреченій. Кромѣ солоновскаго: „Все въ мѣру“, особенно славилось изреченіе Ѳалеса (§ 68) милетскаго, украсившее даже дельфійскій храмъ: „Познай самого себя!“ Кромѣ Ѳалеса, тогда появилось много философовъ, особенно въ Малой Азіи и Италіи. Это были философы-*физики*, которые все объясняли силами природы, водой, огнемъ и др. Они изобрѣли солнечные часы и ландкарты. Послѣ физиковъ прославился философъ-математикъ, *Пиѳагоръ* (§ 99). Онъ стремился къ такой же гармоніи въ жизни, какая господствуетъ въ *цифрахъ*. Сверхъ того въ его философіи замѣтенъ религіозный мистицизмъ, заимствованный отчасти изъ Египта: пиѳагорейцы вѣрили въ переселеніе душъ. Они носили бѣлую одежду; все у нихъ было общее; пища ихъ напоминала спартанскую похлебку; молчаніе и самоистязаніе соединялись у нихъ со странными обрядами; они узнавали другъ друга по таинственнымъ знакамъ и словамъ. Въ одно время съ пиѳагореизмомъ была основана философская *школа элеатовъ*. Философы, какъ люди просвѣщенные, казались подозрительными невѣжественной толпѣ, потому что они иначе понимали вселенную, чѣмъ миѳологія.

§ 103. **Искусство**. Рядомъ съ письменностью, но слабѣе ея, начало развиваться искусство, именно дорическое, соотвѣтственно съ

политическимъ преобладаніемъ Спарты. Оно заключалось въ зодчествѣ, именно въ *храмахъ*. Въ 1-мъ періодѣ у грековъ были только пещеры для ворожей, да часовеньки для статуй боговъ. Теперь же явились большіе храмы съ папертями и колоннадами на египетскій ладъ. Вполнѣ развилась и та колонна, которую мы встрѣчали въ Египтѣ и назвали первообразомъ *дорическаго стиля* (§ 8). Она безъ базиса, капитель у нея состоитъ изъ четырехугольной плитки, подъ которой лежитъ полукруглая шейка. Дорическій стиль, еще довольно грубый, преобладалъ тогда въ Элладѣ. Онъ весьма напоминаетъ египетское искусство, которое проникало вначалѣ во всѣ дорическія страны чрезъ Финикію. Въ Пелопонесѣ строили тогда даже небольшія пирамиды. Дорическіе храмы сначала были деревянные, а потомъ каменные. Такъ какъ у нихъ не было оконъ, то въ крышѣ дѣлалось отверстіе посрединѣ. Подъ крышей образовывались, спереди и сзади храма, два трехугольныхъ пространства — *фронтоны*, щеголявшіе барельефами. И снаружи, и внутри храма шли ряды колоннъ—*перистили*. Съ открытіемъ Египта для грековъ при Псаметихѣ (§ 17), выдвинулось и ваяніе. *Статуи* сначала были деревянныя, съ отдѣлкой изъ золота и слоновой кости, а потомъ стали появляться мѣдныя и изрѣдка мраморныя. Тогда ихъ уже дѣлали много. И это были не однѣ маленькія фигурки, приносимыя въ храмъ по обѣту: встрѣчаются и колоссальныя статуи, притомъ не только боговъ, но и частныхъ лицъ. Вообще скульптура была въ дѣтскомъ состояніи, груба и неподвижна. Она раздѣлялась на два стиля: кромѣ дорическаго, подражавшаго Египту, былъ уже и іоническій стиль, заимствованный изъ Ассиріи (§ 42). Появились и зачатки *живописи*. Это разрисованныя глиняныя вазы, которыя называются „египетскими“: на нихъ изображены тонко, безъ тѣней, миѳологическія сцены черною или бѣлою краской по желтому или красному полю. Искусство процвѣтало тогда собственно у грековъ Малой Азіи, которой лишь подражала Эллада.



Дорическая капитель.

III. Войны персидскія и пелопонесская. 500—400.

§ 104. **Возстаніе малоазійскихъ грековъ.** Борьба Европы съ Востокомъ уже была настолько подготовлена, что недоставало только повода къ войнѣ. Въ 500 г. онъ явился въ Милетѣ,

гдѣ тираномъ былъ *Аристагоръ*, зять Гистіея (§ 74). Человѣкъ честолюбивый, Аристагоръ вздумалъ завладѣть однимъ островомъ; но, не имѣя собственнаго войска, онъ взялъ персидское, поручившись сатрапу головой за успѣхъ предпріятія. Аристагоръ былъ разбитъ, и его ждало распятіе на крестѣ. Въ это время Гистіей внушилъ ему мысль произвести возстаніе, надѣясь, что Дарій пошлетъ его усмирять мятежъ. Малоазійскіе греки, ненавидѣвшіе персовъ и поставленныхъ ими тирановъ, возстали повсюду—отъ Галикарнаса до Византіи. Аристагоръ между тѣмъ поспѣшилъ въ Элладу просить помощи. Спартанцы отказали, но аѳиняне тотчасъ же прислали свой флотъ. Впрочемъ эта помощь была ничтожна. Мятежъ, дошедшій до того, что пали Сарды (§ 68), былъ потопленъ въ крови. Особенно ужасна была участь Милета, этого „перла Іоніи и царя морей“. Зато что онъ защищался болѣе года, персы убили всѣхъ воиновъ, а остальныхъ жителей переселили на Тигръ. Аристагоръ бѣжалъ въ самомъ началѣ возстанія во Ѳракію, гдѣ палъ безславно въ какой-то стычкѣ. Туда же бѣжалъ и Гистіей, котораго Дарій послалъ-было тиранствовать въ Милетѣ, но тамъ не приняли его. Онъ сталъ морскимъ разбойникомъ и попался въ руки персамъ, которые распяли его на крестѣ. Насталъ упадокъ и всей малоазійской Эллады. Вмѣстѣ съ утратой свободы, окончилась здѣсь и историческая жизнь. Блестящая культура Малой Азіи, ея науки и искусства перешли въ Аѳины. Персидскіе сатрапы и солдаты сторожили берега Малой Азіи до самаго Херсонеса Ѳракійскаго, гдѣ они захватили въ плѣнъ сына Мильтіада Младшаго. Самъ Мильтіадъ (§ 98), уже 60-лѣтній старикъ, бѣжалъ въ Аѳины; а тамъ въ это время одинъ актеръ до того трогательно изобразилъ разрушеніе Милета, „сына Аѳинъ“, что граждане рыдали и оштрафовали поэта, зато что онъ растравилъ ихъ сердечную рану. Тогда же въ Сузѣ, за столомъ Дарія, рабу приказано было трижды восклицать: „Царь, не забудь аѳинянъ!“. Дарій понялъ, что нужно взять Элладу, чтобы не повторялись возстанія въ Азіи; а Гиппій (§ 96) внушалъ ему, что ничего не стоитъ покорить ничтожныхъ аѳинянъ.

§ 105. **Мараѳонъ**. Два года спустя послѣ разрушенія Милета, большой флотъ и армія Дарія потянулись у береговъ Ѳракіи, по направленію къ Элладѣ. Но они погибли отъ бури и набѣговъ ѳракійскихъ дикарей. Прошло еще два года—и, въ 490 г., болѣе 100 т. отборнаго персидскаго войска двинулось прямо на Аттику на 600 корабляхъ, подъ начальствомъ посѣдѣлаго въ бояхъ мидянина *Датиса* и юнаго племянника Дарія, *Артаферна*. Но душой экспедиціи былъ злопамятный *Гиппій*, который надѣялся снова стать тираномъ Аѳинъ. Впереди арміи плыли герольды, требуя отъ эллиновъ „земли и воды“, т.-е. повиновенія. Въ ужасѣ всѣ изъявили покорность.

Только спартанцы бросили герольдовъ въ колодезь „искать тамъ земли и воды“, а аѳиняне замучили ихъ и даже казнили собственнаго переводчика, дерзнувшаго осквернить свой языкъ передачей приказанія варваровъ. Гиппій привелъ персовъ на *Маратонское* поле, гдѣ могла развернуться блестящая кавалерія Дарія. Аѳиняне послали гонца въ Спарту, который въ два дня добѣжалъ туда (болѣе 200 в.). Ему отвѣчали, что религія запрещаетъ спартанцамъ выступать въ походъ до полнолунія, а до него оставалось еще 10 дней. Аѳинянамъ приходилось драться однимъ, а у нихъ было всего 10 т. войска. Многіе совѣтовали покориться; но за битву стояли трое лучшихъ и краснорѣчивыхъ гражданъ — стратеги *Мильтіадъ*, *Аристидъ* и *Ѳемистоклъ*, и ихъ мнѣніе взяло верхъ. Главнокомандующимъ единодушно назначили Мильтіада, который обнаружилъ военный талантъ во Ѳракіи и хорошо зналъ боевые пріемы персовъ. Когда аѳиняне выступили въ походъ, къ нимъ присоединилась добровольно, безъ призыва, тысяча гражданъ *Платеи*, которую аѳиняне однажды защитили отъ нападенія спартанцевъ. Маратонская битва доказала, что нравственная сила выше физической и *европейская цивилизація надежнѣе азіатской*. Эллины одушевились до того, что видѣли въ своихъ рядахъ самого Ѳезея (§ 83, и одержали изумительную побѣду, сражаясь одинъ противъ десяти. Персы оставили болѣе 6.000 труповъ наполѣ битвы и бѣжали въ безпорядкѣ; множество ихъ погибло или въ морѣ, или въ сосѣднихъ болотахъ, гдѣ нашли и трупъ Гиппія. На другой день послѣ битвы пришли 2.000 спартанцевъ; они осмотрѣли поле битвы, похвалили аѳинянъ и возвратились домой. А на этомъ полѣ вскорѣ появилось два памятника изъ бѣлаго мрамора (одинъ въ честь Мильтіада, другой надъ костями 200 павшихъ аѳинянъ) съ десятью колоннами, исписанными именами убитыхъ героевъ. Много вѣковъ спустя, народъ разсказывалъ, что каждую ночь здѣсь слышится ржаніе коней и шумъ борьбы. Путешественникъ и теперь видитъ холмы, подъ которыми покоится прахъ маратонскихъ героевъ.

§ 106. **Мильтіадъ. Аристидъ. Ѳемистоклъ.** Въ сущности, на Маратонѣ умеръ старый великій народъ, персы, и родился новый — аѳиняне, которыхъ поэты уже прославляли, какъ „опору Эллады“. Но борьба между этими двумя народами длилась еще около 50 л. Обѣ стороны понимали, что Маратонъ — лишь начало великой кровавой драмы, и готовились къ новому бою. Въ Аѳинахъ всѣ слушались Мильтіада, статуя котораго красовалась въ Акрополѣ, среди статуй героевъ и полубоговъ. Ему вручили войско и казну, когда онъ потребовалъ этого, не говоря зачѣмъ. Планъ Мильтіада былъ — наказать острова Эгейскаго моря за подчиненіе персамъ. Но онъ потерпѣлъ неудачу и самъ былъ раненъ. Тогда выступилъ его политическій врагъ, Алкмеонидъ *Ксанѳиппъ*, вождь демократовъ, по-

клонникъ идей своего родственника, Клисѳена (§ 97). Онъ обвинилъ Мильтіада въ томъ, что онъ обманулъ республику ложными обѣщаніями. Геліасты приговорили героя къ огромному штрафу, который равнялся почти всему его состоянію. Старикъ умеръ, не успѣвъ собрать денегъ; сынъ его, *Кимонъ*, заплатилъ штрафъ. Мильтіада замѣнили другіе замѣчательные люди, которыми богаты были тогда Аѳины. То были вожди новаго поколѣнія, Аристидъ и Ѳемистоклъ. Народъ особенно довѣрялъ *Аристиду*, человѣку не очень богатому, который растратилъ свое достояніе на пользу народа; его жизнь была посвящена республикѣ. Но въ немъ не было ни блестящей внѣшности, ни геніальности. Онъ былъ крайне скроменъ, уступалъ другимъ первое мѣсто, даже указывалъ народу на своихъ личныхъ враговъ, когда считалъ ихъ полезными на высшихъ мѣстахъ. Онъ придерживался старины, всего установленнаго. Никто не былъ такъ почтителенъ къ правителямъ, никто такъ строго не исполнялъ законовъ и своихъ обязанностей, какъ Аристидъ. Не было человѣка въ Аттикѣ, который, при всей враждѣ къ Аристиду, не называлъ бы его Справедливымъ. Когда однажды актеръ говорилъ о справедливости и честности одного миѳическаго героя, весь театръ взглянулъ на сидѣвшаго здѣсь Аристида. Не таковъ былъ *Ѳемистоклъ*. Ему нельзя было довѣрять: онъ не гнушался и безчестными средствами, даже бралъ взятки. Ѳемистоклъ былъ необузданъ и властолюбивъ. Уже мальчикомъ онъ хотѣлъ играть первую роль среди своихъ сверстниковъ. Потомъ онъ сталъ искать популярности, растратилъ свое большое состояніе на пышныя процессіи и хоры, защищалъ гражданъ въ судахъ и зналъ почти всѣхъ ихъ по именамъ. Но Ѳемистоклъ былъ чрезвычайно талантливъ: даже враги признавали его рѣдкимъ политикомъ. Онъ такъ понималъ будущее, что смѣло брался за мѣры, которыя казались Аристиду безумными.

§ 107. **Преобразованія Ѳемистокла.** Борьба между двумя вождями аѳинянъ была неизбѣжна. По смерти Мильтіада, Аристидъ былъ первымъ человѣкомъ въ Аттикѣ; на него перешли почести, которыя сначала расточались мараѳонскому побѣдителю. Его выбрали первымъ архонтомъ. Аристидъ рѣшился поддерживать прежній порядокъ, охраняемый ареопагомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы аѳиняне оставались землевладѣльцами и гоплитами. Ѳемистоклъ же доказывалъ, что на сухомъ пути аѳинянамъ никогда не совладать ни съ спартанцами, ни съ персами, а посредствомъ моря они могутъ разбогатѣть и усилиться. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ окончательно поднять самый подвижной элементъ въ Аттикѣ — отличныхъ моряковъ, ѳетовъ. Завязалась жестокая борьба между двумя государственными идеалами. Не проходило экклесіи, чтобы не раздавалось могучаго краснорѣчія Ѳемистокла. „Право — сказалъ ему однажды Аристидъ — еслибы аѳиняне были

поумнѣе, они бросили бы обоихъ насъ въ пропасть". Но пострадалъ только одинъ изъ соперниковъ. Геній и краснорѣчіе Ѳемистокла побѣдили: Аристидъ былъ изгнанъ остракизмомъ (§ 97), незадолго до новаго нашествія персовъ, а Ѳемистоклъ сталъ первымъ архонтомъ. Съ помощью Пиѳіи, которая сказала, что грековъ спасутъ „деревянныя стѣны", Ѳемистоклъ потребовалъ немедленно устроить флотъ изъ 200 триремъ, пожертвовавъ для этого доходъ съ серебряныхъ рудниковъ Лавріона (§ 77), который дѣлился между гражданами. Но этихъ денегъ недостало. Тогда Ѳемистоклъ придумалъ слѣдующую мѣру, въ замѣнъ навкрарій (§ 93). Казна стала строить только кузовъ триремы; затѣмъ предлагали кому угодно должность капитана — „тріерарха", но съ тѣмъ, чтобы желающій на свой счетъ оснастилъ трирему, содержалъ ея экипажъ и былъ готовъ выступить въ море по первому знаку. Если не находилось охотника, то правительство само назначало тріерархомъ кого-нибудь изъ богачей. Эту обязанность, *тріерархію* (§ 95), несли только годъ; и нельзя было возлагать ее на одно лицо два года сряду. Тріерархъ освобождался отъ всѣхъ другихъ повинностей. Единственною наградой исправному тріерарху былъ золотой вѣнокъ; но зато его имя становилось извѣстнымъ всей Аттикѣ. Тріерархія была весьма почетной службой и ступенью къ высшимъ должностямъ: оттого въ охотникахъ на нее не было недостатка. Когда же она назначалась обязательно, то можно было избавиться отъ нея, предложивъ болѣе богатому или взять ее, или помѣняться имуществами. Такимъ образомъ, тріерархія всегда падала на богатыхъ; это былъ какъ бы чрезвычайный налогъ на капиталистовъ. А казна, облегченная такимъ участіемъ самихъ гражданъ, получила возможность устроить знаменитую аѳинскую гавань, *Пирей*, отлично укрѣпивъ ее и снабдивъ верфями, магазинами, арсеналами. Реформа Ѳемистокла очень важна. Она превращала аѳинянъ въ *морскую націю*. Сверхъ того она втягивала въ государственную службу большую массу ѳетовъ, которые, какъ бѣдняки, не могли занимать должностей, лишенныхъ жалованья. До тѣхъ поръ аѳинское государство все еще основывалось на первыхъ 3-хъ классахъ, т.-е. на землевладѣльцахъ. Теперь же масса поденьщиковъ, мастеровыхъ, рыбаковъ стала дѣйствительною частью гражданства; она устремилась на корабли, куда наперерывъ зазывали ее тріерархи, изъ которыхъ каждый старался содержать ее получше. Слѣдовательно *реформа Ѳемистокла вводила демократію* не въ законъ только, а *въ самую жизнь*.

§ 108. **Нашествіе Ксеркса. Ѳермопилы.** Въ это время (480 г.) противъ Эллады выступила невиданная армія всего Востока — около 2 милл. войска и 1200 кораблей. Во главѣ ея стоялъ самый красивый и высокомѣрный изъ персовъ, ловкій и дѣятельный сынъ Дарія, *Ксерксъ*, который уже видѣлъ во снѣ весь міръ у своихъ ногъ. Подлѣ

него былъ его зять, даровитый и энергическій полководецъ, *Мардоній*. Армія проходила по мосту черезъ Геллеспонтъ 7 сутокъ; флотъ шелъ у берега, и, чтобы избѣгнуть бури, прорыли каналъ черезъ мысъ Аѳонъ. Эллины могли бы дать отпоръ Востоку, еслибы они составляли цѣльную націю. Ихъ было до 20 милл.; но одна треть этого числа подчинялась персамъ, другая жила особнякомъ, въ Италіи и Сициліи. Греками же Эллады овладѣлъ ужасъ, который поддерживала Пиѳія, совѣтовавшая покориться Ксерксу. Македонцы, ѳессалійцы и ѳиванцы подчинились персамъ безъ боя. По своему могуществу важнѣе всего былъ Пелопонесъ съ его двухмилліоннымъ населеніемъ и со спартанскою гегемоніей. Но спартанцы собирались оградить себя стѣной, протянутой черезъ Исѳмъ, и отпустили своихъ воиновъ на олимпійскія игры, которыя пришлись именно въ это время. Одни аѳиняне, съ Ѳемистокломъ во главѣ, были тогда на стражѣ Эллады. Ѳемистоклъ убѣдилъ Пиѳію перемѣнить взглядъ и уговорилъ спартанцевъ собрать на Исѳмѣ всеобщій совѣтъ, рѣшившій прекратить внутренніе раздоры и защищаться. Онъ же собралъ флотъ изъ 280 триремъ, по бо́льшей части аѳинскихъ. Конечно, спартанцамъ предложили начальство надъ арміей, но они потребовали и начальства надъ флотомъ. Ѳемистоклъ согласился и на это. Но Спарта прислала всего 7 т. пелопонесскихъ гоплитовъ, среди которыхъ было только 300 спартанцевъ. Зато этою арміей предводительствовалъ царь *Леонидъ*, образецъ чистаго спартанца: онъ зналъ одинъ только законъ—побѣдить или умереть. Занявъ *Ѳермопилы*, Леонидъ не скрылъ отъ воиновъ, что здѣсь придется всѣмъ умереть, и предложилъ остаться только охотникамъ. Осталось 1200 гоплитовъ, въ томъ числѣ всѣ спартанцы. Два дня высылалъ Ксерксъ свѣжіе отряды противъ этой горсти героевъ; и всѣ они были отбиты, не исключая „безсмертныхъ“—прекрасной гвардіи персовъ. Болѣе 20000 труповъ азіатовъ лежало передъ проходомъ. Ночью на третій день измѣнникъ, ѳессаліецъ *Эпіальтъ*, провелъ персовъ по глухой тропинкѣ черезъ горы—и греки, поражаемые спереди и сзади, были перебиты всѣ до одного. Потомки поставили у Ѳермопилъ мѣднаго льва съ надписью: „Прохожій! Скажи Спартѣ, что мы погребли себя здѣсь, повинуясь ея законамъ“. Во дни ѳермопильскаго боя спартанцевъ, аѳиняне совершали подобные же подвиги на морѣ, гдѣ Ѳемистоклъ руководилъ бездарнымъ спартанскимъ адмираломъ. Они не допустили персидскій флотъ помочь Ксерксу, задержавъ его у мыса *Артемизія* рядомъ сраженій, доказавшихъ, что одинъ греческій корабль можетъ держаться противъ пяти персидскихъ. Греческій флотъ отступилъ только тогда, когда узналъ о погибели Леонида. Ѳемистоклъ уговорилъ всѣхъ аѳинянъ, способныхъ носить оружіе, пойти на суда, а свои семьи перевезти въ ущелья и пещеры *Саламина* и сверхъ того вызвать

Аристида изъ изгнанія. Флотъ онъ расположилъ въ узкомъ проливѣ между Саламиномъ и Пиреемъ. Персы сожгли Аѳины и заняли полукругомъ весь берегъ противъ Саламина; Ксерксъ приготовилъ себѣ тронъ на утесѣ, чтобы любоваться пораженіемъ эллиновъ. Между тѣмъ на Саламинѣ господствовало смущеніе: на военномъ совѣтѣ кричали, шумѣли, чуть не дрались. Преобладало мнѣніе спартанцевъ, что слѣдуетъ немедленно отступить къ Исому, гдѣ стояло ихъ войско. Ѳемистоклъ понялъ, что если греческій флотъ не станетъ драться теперь, то потомъ его не соберешь. Съ пылкимъ краснорѣчіемъ удерживалъ онъ отступающихъ и сказалъ: „Если не послушаетесь, мы, аѳиняне, переселимся въ Италію“. Эти слова подѣйствовали. Но на другой день эллины, видя, что у нихъ вдвое меньше кораблей, чѣмъ у персовъ, опять собрались отступать. Ѳемистоклъ рѣшился на отчаянное средство: онъ написалъ Ксерксу, что передается къ нему и совѣтуетъ загородить путь грекамъ, которые ссорятся между собой и рѣшились бѣжать; а самъ съ умысломъ затягивалъ совѣтъ. Вдругъ кто-то вызываетъ его изъ собранія. То былъ Аристидъ, которому удалось проскользнуть мимо персидскихъ кораблей, уже окружившихъ Саламинъ. Аристидъ сообщилъ Ѳемистоклу объ опасности и прибавилъ: „Мы съ тобой долго соперничали; теперь настала пора посоперничать въ томъ, кто изъ насъ окажетъ больше услугъ отечеству“. Они оба дрались, какъ львы, въ саламинской битвѣ, которая окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ персовъ. Ксерксъ рвалъ на себѣ волосы и платье и поспѣшилъ домой, оставивъ 300 т. отборнаго войска, подъ начальствомъ *Мардонія*. На возвратномъ пути, значительная часть его арміи погибла въ Македоніи отъ голода и заразы.

§ 109. **Платея, Микале и Гимера.** Мардоній дѣятельно готовился къ новому походу, а у грековъ снова господствовали раздоры. Всѣ завидовали аѳинянамъ. Особенно интриговали спартанцы. Награды даже за морскіе подвиги были присуждены не аѳинянамъ, а спартанцамъ и эгинетамъ. Спартанцы изъ приличія оказывали внѣшній почетъ Ѳемистоклу: когда онъ пріѣхалъ къ нимъ, его увѣнчали оливковымъ вѣнкомъ и подарили ему лучшую колесницу; почетный караулъ изъ знатнѣйшихъ спартанцевъ сопровождалъ его до самаго Исѳма. А между тѣмъ спартанцы внушали аѳинянамъ, что Ѳемистоклъ стремится къ тиранніи. Такъ какъ тогда же открылось, что онъ бралъ взятки съ острововъ, которые ему поручено было наказать за сношенія съ персами, то онъ былъ отстраненъ отъ дѣлъ: аѳиняне назначили стратегами—на сушѣ Аристида, а на морѣ Ксанѳиппа (§ 106). Весной 479 г. Мардоній предложилъ аѳинянамъ выгодныя условія; но они отвѣчали, по совѣту Аристида, что будутъ драться съ персами „пока солнце ходитъ по небу“. Аѳиняне снова перебрались на

Саламинъ и послали въ Спарту за помощью. Спартанцы отговаривались то праздниками, то дурными предзнаменованіями, а сами кончали стѣну на Исѳмѣ. Мардоній же опустошалъ Аттику и Аѳины. Только когда аѳиняне погрозили заключить миръ съ персами, спартанцы выслали войско подъ начальствомъ бездарнаго царя *Павзанія*. У персовъ было втрое болѣе войска; тѣмъ не менѣе у *Платеи* они были снова разбиты, несмотря на свою отчаянную храбрость: ихъ пало до 100 т., а грековъ 10.000 самъ доблестный Мардоній палъ на полѣ битвы. Аѳинянамъ и спартанцамъ принадлежала честь побѣды, но они уступили ее храбрымъ платейцамъ, которымъ поручили охранять памятники павшихъ здѣсь эллиновъ и справлять игры, названныя „праздникомъ свободы“. Послѣ платейской битвы, персы не приходили болѣе въ Элладу. Напротивъ, *греки перешли въ наступленіе*. Ихъ флотъ, состоявшій преимущественно изъ аѳинянъ, хотя и предводимый спартанскимъ царемъ, преслѣдовалъ корабли Ксеркса и подошелъ къ мысу *Микале*, противъ Самоса. Здѣсь 100 т. персовъ укрѣпились въ неприступной позиціи. Эллины, которыхъ было всего $3^1/_2$ т., внезапно напали на нихъ. Малоазійскіе греки, принужденные персами къ войнѣ, передались на ихъ сторону—и персы были разбиты наголову. Іонійцевъ Малой Азіи приняли въ эллинскій союзъ и въ честь этого событія помогли имъ достроить роскошный храмъ Артемиды въ Эфесѣ. Тогда же греки побѣдили азіатовъ на крайнемъ Западѣ. Замѣтивъ усиленіе умнаго Гелона (§ 99), карѳагеняне рѣшились сразу уничтожить сиракузское господство. Они выслали противъ него огромную армію, подъ начальствомъ храбраго *Гамилькара*. У Гелона было въ шесть разъ меньше войска; но онъ уничтожилъ пунійцевъ у р. *Гимеры* (480), причемъ погибъ самъ Гамилькаръ, бросившійся въ пламя, какъ жертва Молоху.

§ 110. **Спарта послѣ Микале. Павзаній.** Персидскія войны имѣютъ двоякое значеніе. 1) Онѣ освободили Элладу отъ завоевательныхъ стремленій Востока и доказали *превосходство европейской цивилизаціи передъ азіатской:* роль руководителей исторіи перешла отъ персовъ къ грекамъ, которые пользовались ею около двухъ вѣковъ, пока не возвысились римляне. 2) Персидскія войны произвели *переворотъ въ самой Элладѣ*. Значеніе Спарты ослабѣло вслѣдствіе возвышенія Аѳинъ. Правда, еще лѣтъ 20 она считалась вождемъ Греціи, что доставляло Элладѣ извѣстное единство: большинство грековъ, по привычкѣ, видѣло только подвиги спартанцевъ и не любило аѳинянъ, какъ выскочекъ и представителей смѣлаго демократизма и новизны. Аѳиняне же не смѣли заявить своихъ правъ, въ виду сильной и эгоистической Спарты, тѣмъ болѣе что имъ приходилось устраиваться, даже возобновлять свои пепелища послѣ персидскаго погрома. Тѣмъ не менѣе, было ясно, что Спарта и Аѳины должны были

помѣняться ролями. Во время персидскихъ войнъ спартанцы вели себя не патріотично, медлили и думали только о себѣ; а ихъ друзья, ѳиванцы, прямо измѣняли Греціи. У нихъ не оказалось ни одного талантливаго человѣка. Леонидъ спасъ ихъ честь, но это былъ просто честный солдатъ. *Павзаній* не выказалъ подъ Платеей ничего, кромѣ крайней осторожности, едва не погубившей дѣла, и коварства, съ которымъ онъ старался поставить аѳинянъ противъ лучшей части персидскаго войска. Послѣ побѣды онъ осрамилъ Спарту. Ему было поручено начальство надъ союзнымъ флотомъ, отправленнымъ къ Малой Азіи для продолженія борьбы съ Ксерксомъ. Освободивъ многіе острова отъ ига персовъ, Павзаній остановился въ Византіи и оттуда вступилъ въ тайные переговоры съ Сузой. Ксерксъ согласился сдѣлать его сатрапомъ Эллады и выдать за него свою дочь. Павзаній сталъ даже жить, какъ сатрапъ, и одѣваться поперсидски. Аѳиняне пожаловались Спартѣ, и когда Павзанія вызвали для объясненій, начальство надъ флотомъ само собою перешло къ ихъ вождямъ, Аристиду и Кимону (476). Спартанцы оправдали Павзанія, который сталъ еще самонадѣяннѣе: онъ подстрекалъ илотовъ къ возстанію и посылалъ письма къ Ксерксу. Но эфоры перехватили переписку. Спасаясь отъ казни, измѣнникъ бѣжалъ въ храмъ; но двери храма завалили, и онъ умеръ тамъ голодною смертью.

§ 111. **Преобразованія въ Аѳинахъ.** Совсѣмъ иное было положеніе Аѳинъ. Во время персидскихъ войнъ онѣ обезсмертили себя подвигами патріотизма, энергіи и высокаго таланта. Собственно онѣ спасли Грецію, и поэты и художники уже называли ихъ „опорой Эллады“. Аѳины выставили рядъ людей, знаменитыхъ по талантамъ и нравственному достоинству. Если одинъ изъ нихъ, Мильтіадъ, сошелъ со сцены, то онъ оставилъ еще болѣе замѣчательнаго сына, *Кимона*. Былъ живъ геніальный *Ѳемистоклъ*, истинный спаситель Эллады. Правда, всѣ опасались его властолюбія и неразборчивости въ средствахъ; но жилъ и безукоризненный *Аристидъ*, и его-то аѳиняне выставили на первый планъ, какъ своего вождя. То была такая возвышенная эпоха въ жизни аѳинянъ, что эти трое соперниковъ не только не мѣшали, но помогали другъ другу. Они раздѣлили труды по призванію: Кимонъ посвятилъ свою жизнь войнѣ, и какъ честный патріотъ — войнѣ съ персами. Ѳемистоклъ довершалъ великія внутреннія преобразованія въ Аѳинахъ, причемъ уже выдвигался его преемникъ, *Периклъ*, эта четвертая аѳинская знаменитость. Аристидъ помогалъ Кимону и Ѳемистоклу и всюду поднималъ нравственное значеніе своего отечества. Первые два года послѣ изгнанія персовъ (479—477) принадлежали Ѳемистоклу, такъ какъ нужно было устроить Аѳины. Дальновидный Ѳемистоклъ опасался уже не персовъ, а спартанцевъ, и понималъ великую роль Аѳинъ, какъ

сердца эллинизма: онъ рѣшился превратить Аѳины въ первостепенную морскую крѣпость. Начали обносить городъ толстыми *стѣнами;* работали даже женщины и дѣти; употребляли на постройку даже памятники, колонны и статуи. Поспѣшность была умѣстна: спартанцы приказали остановить постройку. Ѳемистоклъ самъ отправился въ Спарту для объясненій. Пока онъ поджидалъ тамъ прибытія товарищей, которымъ велѣлъ замѣшкаться, спартанцы узнали, что стѣны уже выведены высоко. На ихъ запросъ онъ отвѣчалъ, что это неправда, и уговорилъ ихъ послать гонцовъ въ Аѳины, чтобы лично удостовѣриться; но тамъ задержали гонцовъ, какъ залогъ безопасности аѳинскихъ пословъ. Когда стѣны были окончены, Ѳемистоклъ рѣзко объявилъ спартанцамъ, что аѳиняне вправѣ сами рѣшать, что̀ имъ нужно. Затѣмъ онъ обнесъ *Пирей* такою толстою стѣной, что на ней могли разъѣхаться двѣ телѣги. Въ пирейской гавани помѣщалась масса судовъ; а берегъ былъ усѣянъ верфями, арсеналами, мастерскими, хлѣбными магазинами и лавками. Наконецъ Ѳемистоклъ уговорилъ аѳинянъ строить ежегодно по 20 новыхъ триремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и общественное положеніе гражданъ: моряки и ремесленники — ѳеты, стали главною опорой Аѳинъ, и имъ нужно было дать всѣ права. Это было такъ ясно, что самъ Аристидъ, аристократъ по убѣжденіямъ, впрочемъ помогавшій прежде Клисѳену, сдѣлалъ новый шагъ къ полной демократіи: онъ провелъ (477) законъ о томъ, чтобы *архонты* избирались *изъ 4-го класса* (§ 97).

§ 112. **Гегемонія Аѳинъ. Кимонъ и конецъ персидскихъ войнъ.** Тогда же измѣнилось международное положеніе Аѳинъ. Ясно было, что Спарта неспособна къ широкой *всеэллинской* политикѣ, которая уже сама собою переходила къ даровитымъ аѳинянамъ. Когда, въ 476 г., имъ пришлось принять начальство надъ союзнымъ флотомъ (§ 110), всѣ государства Эллады, за исключеніемъ Пелопонеса, должны были признать ихъ первенство на морѣ. Составивъ *союзъ,* названный *делосскимъ,* такъ какъ средоточіемъ его былъ назначенъ *Делосъ,* они поручили Аристиду начертать уставъ, по которому аѳиняне должны были, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла союзниковъ, распредѣлить между ними денежную и военную повинности, командовать ихъ флотомъ и вести за нихъ дипломатическіе переговоры. Въ Делосѣ должна была собираться сходка союзныхъ депутатовъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ и для улаженія споровъ между союзниками по большинству голосовъ; тамъ же хранилась союзная казна. Такъ образовалась *морская гегемонія Аѳинъ* рядомъ съ материковою гегемоніей Спарты. Она тотчасъ же доказала свою силу, благодаря аѳинянамъ. Въ теченіе 27 лѣтъ (476—449) союзный флотъ былъ въ постоянномъ движеніи. Во главѣ его стоялъ доблестный *Кимонъ* — солдатъ

по натурѣ и воспитанію. У Кимона были грубоватыя манеры и деревенская рѣчь; онъ любилъ простой народъ и часто помогалъ бѣднякамъ. Кимону было тогда не болѣе 30 л., но онъ уже выказалъ и храбрость, и талантъ полководца. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ за свою доброту, честность и товарищеское обращеніе. Кимонъ не отличался только политическимъ глубокомысліемъ. Придерживаясь идей своего отца, онъ былъ врагомъ демократіи и выказывалъ такое сочувствіе къ опорѣ аристократовъ, Спартѣ, что его заподозрѣвали въ сношеніяхъ съ нею. Кимона каждый годъ выбирали стратегомъ. Онъ вытѣснилъ персовъ съ Эгейскаго м., которое стали называть „аѳинскими водами". Персы пали духомъ; Ксеркъ погрузился въ грязныя козни гарема. Разъ только персы встрепенулись и собрали огромную силу; но Кимонъ жестоко разбилъ изъ у р. *Эвримедона* (466), въ двойной битвѣ, на сушѣ и на морѣ. Въ 449 г. Кимонъ умеръ отъ ранъ при осадѣ Кипра. Сложилось преданіе о *Кимоновомъ мирѣ*, который онъ будто бы заключилъ передъ смертью. Персидскія войны окончились, безъ всякаго договора, тѣмъ, что малоазійскіе греки получили независимость, и персидскіе корабли не смѣли показываться въ Эгейскомъ м. Лучшимъ памятникомъ Кимону была аѳинская колонія *Амфиполь*, вскорѣ основанная у устьевъ Стримона, на мѣстѣ крѣпости, отбитой имъ у персовъ.

§ 113. **Смерть Ѳемистокла и Аристида.** Между тѣмъ какъ Кимонъ первенствовалъ, такъ что даже Аристидъ отступалъ на второй планъ, несчастная судьба постигла творца аѳинской гегемоніи, Ѳемистокла. Аѳиняне боялись его, какъ генія, не стѣснявшагося въ выборѣ средствъ, и подчинялись вліянію его политическихъ противниковъ, Аристида и Кимона. Имъ не нравилась также его ненависть къ Спартѣ, съ которою они еще не расходились въ бытѣ такъ далеко, какъ впослѣдствіи; занятые персидскими войнами и развитіемъ своей торговли, они не желали враждовать съ такою сильною державой. Ктому же аристократы, друзья мира и медленнаго развитія, поддерживали въ народѣ симпатіи къ такимъ твердымъ охранителямъ старины, какъ спартанцы. Ихъ поэтъ, Эсхилъ, имѣвшій большое вліяніе посредствомъ театра, въ трагедіи „Персы" поставилъ на задній планъ Ѳемистокла даже въ Саламинской битвѣ. Въ Аѳинахъ работали также козни спартанцевъ, бездарная и своекорыстная политика которыхъ постоянно терпѣла пораженія отъ Ѳемистокла. Ѳемистоклъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ и удалился въ Аргосъ, который былъ главнымъ врагомъ Спарты. Тогда спартанцы узнали, что Ѳемистоклу были извѣстны замыслы Павсанія: имъ этого было довольно, чтобы обвинить его въ измѣнѣ отечеству и призвать на судъ. Ѳемистоклъ скрылся, но спартанскіе и аѳинскіе послы бросились по его слѣдамъ. Скрываясь отъ нихъ, Ѳемистоклъ долго

переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, пока не попалъ въ Персію послѣ ряда опасныхъ приключеній. Ему обрадовались въ Сузѣ, гдѣ вскорѣ онъ пріобрѣлъ большое вліяніе, выучившись персидскому языку. Ѳемистоклъ получилъ нѣсколько греческихъ городовъ въ Малой Азіи и жилъ поцарски, но года черезъ 4 умеръ отъ болѣзни (461). Лѣтъ за 6 передъ тѣмъ умеръ Аристидъ. Его похоронили насчетъ республики, которая дала приданое его дочерямъ и содержала его нищихъ потомковъ.

§ 114. **Периклъ и война Аѳинъ со Спартой.** Поколѣніе „марѳонскихъ бойцовъ“ сошло со сцены, но у нихъ осталось достойное потомство: Кимонъ замѣнилъ своего отца и Аристида; подлѣ него сталъ выдвигаться сынъ Ксанѳиппа (§ 106), *Периклъ*, замѣнившій своего отца и Ѳемистокла. Периклъ былъ противоположенъ Кимону и по характеру, и по убѣжденіямъ. Хотя не лишенный и военнаго таланта, онъ былъ по-преимуществу геніальный политикъ и просвѣщенный человѣкъ. Онъ получилъ лучшее воспитаніе: его учителемъ и потомъ другомъ былъ молодой философъ, знаменитый *Анаксагоръ*. Периклъ отличался главною чертой европеизма, еще невиданною до тѣхъ поръ — свободомысліемъ и широкимъ міровоззрѣніемъ: онъ былъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ, не исключая и пережитковъ политеизма. Отсюда его горячая любовь къ наукамъ и искусствамъ, а также творческая способность: съ неутомимымъ рвеніемъ онъ старался создавать новое и лучшее въ жизни. Периклъ могъ двигать трусливую толпу на новый путь: онъ обладалъ небывалымъ краснорѣчіемъ, которое, по словамъ очарованныхъ аѳинянъ, „оставляло жало въ сердцѣ слушателя“. Периклъ былъ истиннымъ представителемъ аѳинянъ, которые подчинялись ему свободно, тѣмъ болѣе что въ немъ съ даровитостью Ѳемистокла соединялась непорочность Аристида. Периклъ съ художественнымъ чутьемъ іонійца избѣгалъ излишествъ. Богачъ, какихъ мало, онъ велъ трезвый, умѣренный образъ жизни; его манеры были изящны и строги; онъ никогда не возвышалъ голоса, не дѣлалъ порывистыхъ движеній, не измѣнялъ серьёзнаго и величаваго выраженія своего лица; его прозвали „Олимпійцемъ“ (Ὀλύμπιος). Периклъ рѣдко являлся въ экклесіи, предоставляя друзьямъ говорить за себя; онъ любилъ проводить время дома, среди массы работъ, отъ которыхъ онъ отдыхалъ въ обществѣ ученыхъ, поэтовъ и художниковъ. Родственникъ Клисѳена, сынъ Ксанѳиппа и сотрудникъ Ѳемистокла, Периклъ былъ горячимъ демократомъ и сталъ противникомъ Кимона,

Периклъ. Бюстъ эпохи Фидія. Въ Ватиканѣ.

какъ только выступилъ на политическое поприще, вскорѣ послѣ эвримедонской битвы (§ 112). Съ тѣхъ поръ, до самой своей смерти, въ теченіе 40 лѣтъ (469—429), Периклъ руководилъ Аѳинами, но сначала раздѣлялъ власть съ Кимономъ. Спарта помогла уничтожить вліяніе соперника. Упорный Кимонъ все стоялъ за нее, тогда какъ она уже собирала войска, чтобы погубить Аѳины. Походъ спартанцевъ былъ остановленъ только рядомъ бѣдствій. Землетрясеніе разрушило Спарту; ея цари стали продажными интриганами; половина Пелопонеса, увлекаемая успѣхами Аѳинъ, превратилась въ демократическія республики и возстала противъ нея подъ руководствомъ неукротимаго Аргоса. Наконецъ возмутились илоты, которыхъ немилосердно преслѣдовали за связи съ Павзаніемъ; они массами бѣжали въ Мессенію, которая также поднялась. *Третья мессенская война* была такъ мучительна для спартанцевъ, что они обратились за помощью къ аѳинянамъ же. Кимону съ трудомъ удалось уговорить экклесію помочь Спартѣ, „безъ которой Эллада охромѣетъ“. Но когда онъ привелъ войско, подозрительные спартанцы объявили, что его помощь уже не нужна. Вліяніе Кимона сразу пало; демократы остракизировали его и заключили союзъ съ Аргосомъ и другими врагами Спарты (460). Тогда спартанцы *возстановили гегемонію Ѳивъ надъ Беотіей*, уничтоженную за измѣну ѳиванцевъ при нашествіи персовъ, и во главѣ своихъ союзниковъ выступили противъ аѳинянъ. *Первая обширная международная война въ Элладѣ* длилась ок. 15 лѣтъ (459 — 445). Аѳиняне употребили всѣ усилія и выказали великую изобрѣтательность; а Периклъ даже уговорилъ гражданъ возвратить до срока Кимона, который много помогъ ему. Но силы Аѳинъ были ограниченны; онѣ одерживали верхъ только на морѣ и терпѣли пораженія на сушѣ. Периклу хотѣлось доставить внутреннее развитіе Аѳинамъ, которое требовало мира, и онъ добился его, подкупивъ спартанскаго царя. По „Периклову“ миру (445), заключенному на 30 л., аѳиняне отказались отъ своихъ завоеваній на сушѣ, а спартанцы признали за ними морскую гегемонію.

§ 115. **Могущество Перикла и его кружокъ.** Миръ между Аѳинами и Спартой продолжался всего 15 лѣтъ; но Периклъ успѣлъ тогда такъ подвинуть культурное развитіе человѣчества, что его дѣятельность названа въ исторіи *эпохой Перикла* (460—429). Это названіе означаетъ новое, высшее направленіе умовъ, которое зародилось у малоазійскихъ грековъ. Съ начала 5 вѣка въ Іоніи образовалось просвѣщенное общество, которое увлекалось науками и искусствами и любило свободно, критически разсуждать обо всемъ на площадяхъ и въ собраніяхъ: во главѣ его стоялъ великій философъ *Анаксагоръ*. Женщины тамъ не уступали мужчинамъ въ образованіи и блистали въ обществѣ умнымъ разговоромъ; особенно выдавалась

своими познаніями и остроуміемъ красивая и серьезная *Аспазія* милетская. Іонійцы покинули множество предразсудковъ: ихъ уже не удовлетворяли не только Олимпійцы, но и философы-физики (§ 102). Новое направленіе умовъ быстро перешло въ Аѳины, которыя замѣнили тогда павшій Милетъ. Сюда стекались самые просвѣщенные эллины: прибыли и Анаксагоръ съ Аспазіей. Сравнительно съ своей родиной, они нашли здѣсь варварское общество. Аѳинская толпа только-что начинала развиваться. Она еще не чувствовала отвращенія къ спартанству, дорожила Олимпійцами, сохраняла дикіе обычаи старины и предразсудки, презирала женщину и держала ее взаперти, безъ обученія. Но переселенцы нашли пріютъ у Перикла, главная задача котораго состояла въ *просвѣщеніи всѣхъ эллиновъ*. Анаксагоръ сталъ его учителемъ и другомъ, Аспазія — женой. Его домъ сталъ школой человѣчества. Сюда стекалось по вечерамъ все, что́ было тогда въ Элладѣ талантливаго и просвѣщеннаго. Здѣсь можно было встрѣтить великаго философа *Сократа*, тогдашняго Шекспира — *Софокла*, историка *Геродота*, отца медицины — *Гиппократа*, перваго комика въ древности — *Аристофана*, и другія свѣтила наукъ и искусствъ. Во главѣ этого кружка стояли Анаксагоръ и *Фидій*. Первый руководилъ научною, второй — художественною дѣятельностью Перикла, который былъ особенно преданъ имъ, потому что они были сродны ему по генію и вполнѣ понимали его широкіе замыслы. Съ такими сотрудниками Периклъ могъ смѣло браться за исполненіе великихъ плановъ, тѣмъ болѣе что послѣ остракизированія Кимона въ его рукахъ сосредоточилась вся власть: его ежегодно избирали въ первые стратеги, т.-е. вручали ему войска, финансы, дипломатію и право созывать экклесію; сверхъ того онъ завѣдывалъ общественными постройками и празднествами. Ктому же Периклъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, а жилъ скромно, даже экономно: у него оставалось много денегъ изъ доходовъ, которыя онъ тратилъ на пользу республики. Но главная сила Перикла заключалась въ народѣ, безъ котораго его уничтожили бы закоренѣлые аристократы. Оттого онъ ввелъ преобразованія, которыя служили послѣднею ступенью въ развитіи *демократіи*.

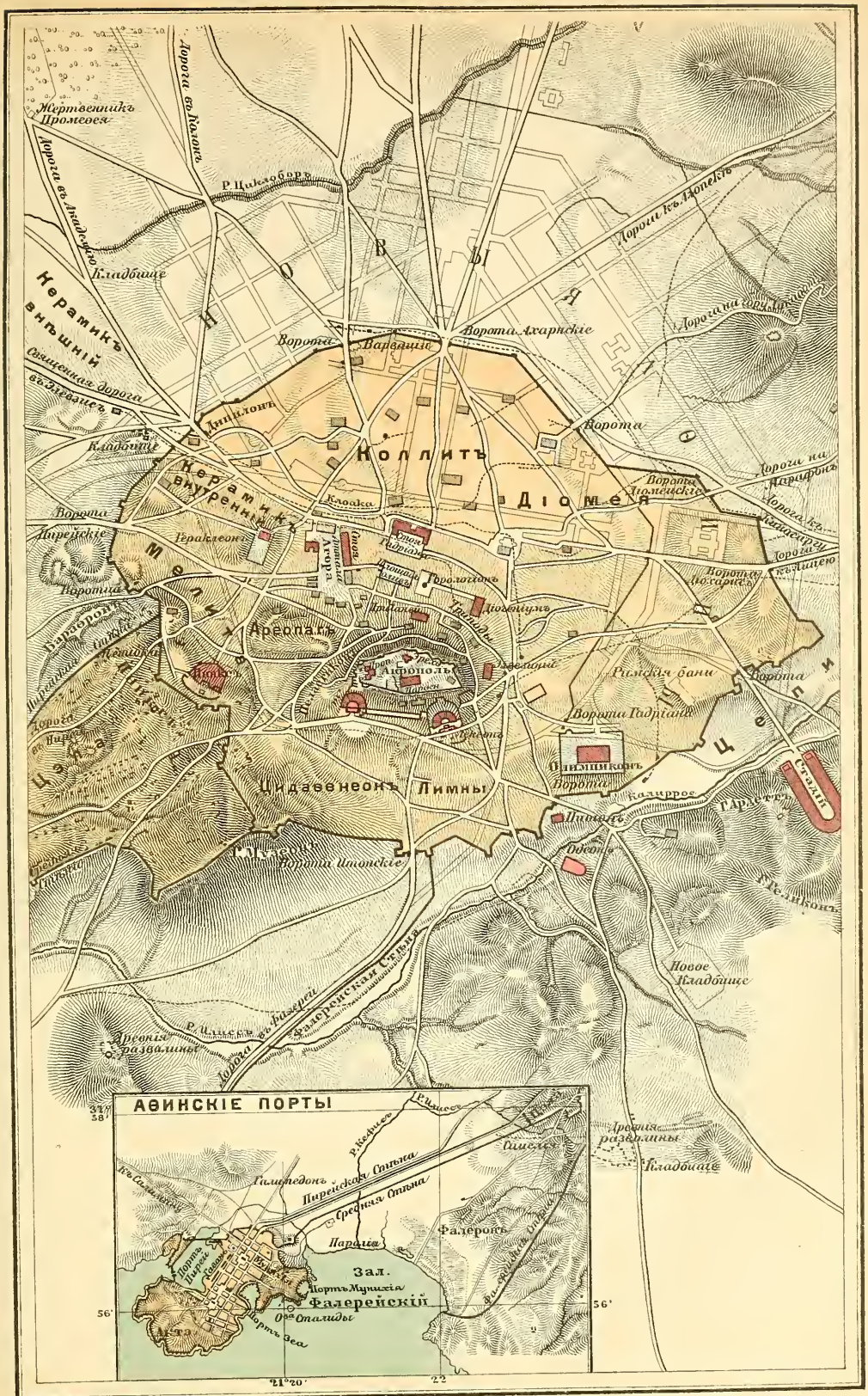
§ 116. **Завершеніе демократіи и возвеличеніе Аѳинъ.** Прежде всего было уничтожено значеніе ареопага, этого гнѣзда аристократовъ, мѣшавшаго развитію демократіи. Противъ него выступилъ другъ Перикла, краснорѣчивый, честный и непреклонный адвокатъ *Эфіальтъ*, который жестоко преслѣдовалъ богачей въ судахъ. По его предложенію, у ареопага была отнята политическая власть блюстителя нравовъ; за нимъ оставили лишь судъ надъ нѣкоторыми преступниками. Сверхъ того ареопагитами становились семь *стражей закона* (νομοφύλακες), избираемыхъ ежегодно экклесіей изъ всѣхъ гражданъ: эти

прокуроры демоса засѣдали на почетныхъ мѣстахъ въ буле и экклесіи, чтобы слѣдить за законнымъ ходомъ дѣлъ и наказывать его нарушителей. У остальныхъ чиновниковъ была отнята судебная власть, которая сосредоточилась исключительно въ рукахъ геліастовъ, судившихъ даже аѳинскихъ союзниковъ. У *архонтовъ*, которые теперь избирались уже *по жребію* (§ 97), также было отнято всякое значеніе, кромѣ внѣшняго почета. Такъ всѣ верховныя права перешли къ экклесіи, которая стала собираться еженедѣльно. Чтобы сдѣлать всѣ должности дѣйствительно доступными для послѣдняго матроса или мастероваго, Периклъ ввелъ *жалованье:* геліастамъ выдавали по три обола суточныхъ; воины получали по 4 обола и болѣе, смотря по роду оружія. Власть демократіи достигла такого развитія, что самъ Периклъ озаботился ея ограниченіемъ посредствомъ „стражей закона". Сверхъ того экклесіи было дано право издавать только указы (ψήφισμα), относящіеся къ частнымъ случаямъ; а для изданія общихъ законовъ (νόμος) она избирала ежегодно до 1000 *номоѳетовъ*. Экклесія заявляла номоѳетамъ свое желаніе издать извѣстный законъ, причемъ назначала защитниковъ послѣдняго. Выслушавши пренія, номоѳеты рѣшали, принять или нѣтъ новый законъ. Периклъ ввелъ еще *обвиненіе въ противозаконіи* (γραφὴ παρανόμων), по которому каждый могъ привлечь къ суду автора новаго законопроекта, если онъ самъ не указывалъ, что его предложеніе ведетъ къ отмѣнѣ стараго закона. Въ такомъ случаѣ назначали судъ надъ закономъ. Если обвинитель выигрывалъ, то законъ отмѣнялся, а его авторъ подвергался штрафу; въ противномъ случаѣ штрафовали обвинителя. Такъ какъ *равенство* правъ, въ особенности же жребій, требовали равенства образованія, а главнымъ средствомъ къ образованію сталъ театръ, то Периклъ ввелъ *ѳеорикон*ъ (ѳεωρικόν—театральныя деньги), или выдачу бѣднякамъ по 2 обола изъ казны для платы за входъ въ театръ. Периклъ помогалъ бѣднымъ еще тѣмъ, что давалъ имъ хлѣбъ, а главное—работу: въ Аѳинахъ постоянно производились обширныя постройки. Периклъ докончилъ мысль Ѳемистокла: Акрополь сталъ неприступною крѣпостью, такъ что служилъ цитаделью до 1827 г.; городъ былъ соединенъ съ Пиреемъ тремя *Длинными Стѣнами* (7 верстъ), между которыми оставалось широкое пространство, застроенное домами. *Пирей*, какъ новый городъ, отличался изяществомъ: большими площадями, прямыми и широкими улицами, просторными и расписанными внутри гостинными дворами, роскошною биржей. Въ самихъ Аѳинахъ были узкія и кривыя улицы; но зато повсюду встрѣчались великолѣпные храмы, театры и статуи; Акрополь же сталъ истиннымъ художественнымъ музеемъ. Главный рынокъ (ἀγορά) былъ украшенъ платанами, рядами статуй Гермеса и галлереями, изъ которыхъ славилась „цвѣтная" (στοὰ ποικίλη), украшенная изображе-

ніями побѣдъ надъ персами. Неподалеку возвышались скалистый холмъ *Пниксъ* — мѣсто сходокъ, а также театръ Діониса и Одеонъ. Прелестны были и окрестности Аѳинъ, гдѣ помѣщались гимназіи, носившія названія *Академіи* и *Лицея:* благодаря множеству садовъ, аллей и фонтановъ, это были любимыя мѣста прогулокъ у аѳинянъ. На всѣ эти сооруженія было истрачено болѣе 30 милл. р. Периклъ дорожилъ также драмой и музыкой, какъ средствами къ образованію толпы, особенно важному въ демократическихъ государствахъ. Онъ улучшилъ постановку театральныхъ пьесъ, или *хорегію* (§ 95). „Хореги", или поставщики пьесъ отъ каждой филы состязались на празднествахъ передъ народомъ; побѣдитель получалъ плющевый вѣнокъ; имена его и его филы записывались на памятной доскѣ. Хорегія была одною изъ главныхъ ступеней къ извѣстности, къ высшимъ должностямъ. Периклъ съ Аспазіей ввели общественныя музыкальныя состязанія, а также музыку и декламированіе стиховъ за обѣдами и ужинами, что̀ привлекало въ Аѳины поэтовъ со всей Эллады. Съ тѣхъ поръ *симпосіонъ* (συμπόσιον — послѣобѣденная пирушка) принялъ видъ изящнаго развлеченія. Тутъ гости, возлегавшіе на низкихъ софахъ, обложенныхъ подушками, лакомясь десертомъ и прихлебывая вино, разбавленное на $^2/_3$ водой, то развлекались остроумными шутками, то вели научные и литературные споры подъ звуки музыки и стиховъ Подъ вліяніемъ Перикла, въ Аѳинахъ образовалась блестящая *интеллигенція,* или „мыслящая" среда, которая отличалась художественнымъ вкусомъ и страстью къ просвѣщенію. Она внесла въ жизнь *ритмъ* и *гармонію*, т.-е. соразмѣрность и складность всѣхъ сторонъ. „Мы любимъ, говорилъ Периклъ, изящество безъ пышности, мудрость безъ суемудрія, удобство безъ изнѣженности". Аѳиняне поражали своею высокой матеріальной культурой, необыкновеннымъ развитіемъ торговли и промысловъ. Въ то же время они были воспріимчивы къ великимъ идеямъ и къ новымъ взглядамъ. Ихъ легко было увлечь рѣчами о великомъ призваніи и славѣ ихъ націи. При малѣйшей опасности, угрожавшей отечеству, они забывали свои раздоры: ѳетъ и архонтъ, художникъ и философъ—всѣ становились въ ряды простыхъ гоплитовъ или гребцовъ. Этотъ *идеализмъ* преобладалъ въ жизни аѳинянъ того времени, согласно съ философскою школой Анаксагора и Сократа, и исторія наименовала его „юностью человѣчества"; сами же греки называли тогда Аѳины „школою и сердцемъ Эллады". Аѳины были и *культурною столицей всего міра:* къ нимъ перешло космополитическое значеніе Вавилона (§ 28). Сюда отовсюду стекалось населеніе, доходившее до 180 т.

§ 117. **Враги Перикла.** Но Периклъ успѣлъ образовать только тонкій слой общества, сосредоточившійся вокругъ него. *Толпа* же онъ могъ только передать свой художественный вкусъ: сравнительно

ДРЕВНІЯ АѲИНЫ



она была еще мало просвѣщена и легко поддавалась политическимъ кознямъ. Отсюда рядъ важныхъ препятствій, которыя приходилось преодолѣть Периклу. Во главѣ враговъ Перикла стояли приверженцы старины, *крайніе консерваторы*, примыкавшіе къ эвпатридамъ. Аристократія начала портиться: вездѣ въ Греціи она уже превращалась во вредную олигархію. Эвпатриды негодовали на Перикла за лишеніе ихъ власти, которую они старались возвратить всякими средствами. Они составляли гетеріи (§ 99), тайно умертвили Эфіальта, выставили противъ Перикла соперника — Ѳукидида, интриговали на выборахъ, даже сносились со спартанцами и ускорили ихъ нападеніе на Аттику, чтобы не дать Периклу достроить Длинныя Стѣны. За аристократовъ стояли *жрецы*, которые внушали толпѣ, что кружокъ Перикла — гнѣздо безбожія. Къ нимъ примыкалъ театръ, въ лицѣ *комиковъ*, и именно Аристофана, который старался очернить Перикла и его друзей, въ особенности Аспазію: пользуясь полною свободой слова, комики называли ихъ по именамъ и изображали на сценѣ, съ ихъ манерами и чертами лица. Наконецъ аристократы старались дѣйствовать на толпу чрезъ крайнюю партію *радикаловъ*, руководимыхъ *демагогами* изъ купцовъ и промышленниковъ, которые хотѣли стать вождями демоса: радикалы дѣлали толпѣ черезчуръ льстивыя и отважныя предложенія, а Перикла, аристократа по происхожденію и по манерамъ, обвиняли въ умѣренности и даже внушали, что величіе „Олимпійца“ начинаетъ походить на тиранію. Всѣ эти враги Перикла старались прежде всего лишить его помощниковъ: они жестоко нападали на его личныхъ друзей. Въ 432 г. они обвинили Анаксагора, какъ государственнаго преступника, за богохульство. Толпа, которой не нравилось свободомысліе философа, приговорила его къ смерти; Периклъ спасъ своего друга только тѣмъ, что далъ ему возможность бѣжать. Вслѣдъ затѣмъ Фидій былъ обвиненъ однимъ изъ своихъ ничтожныхъ помощниковъ въ томъ, что укралъ часть золота, даннаго гражданами на одежду одной статуи. Фидій легко оправдался; но тогда его обвинили въ кощунствѣ за то, что онъ изобразилъ себя и Перикла на щитѣ статуи Аѳины — и геній умеръ въ темницѣ. Наконецъ обвинили Аспазію въ безбожіи и дурной жизни; но Периклъ самъ защищалъ ее передъ присяжными, которые вынесли оправдательный приговоръ. Тогда (431) потребовали отчета у Перикла въ общественныхъ деньгахъ. Но не успѣли назначить судъ, какъ разразилась война со Спартой. Периклъ преодолѣлъ враговъ. Выставленный противъ него соперникъ, Ѳукидидъ, былъ еще раньше остракизованъ, а онъ сохранилъ свою власть и успѣлъ хорошо приготовить Аѳины къ борьбѣ со спартанцами, которую онъ ясно предвидѣлъ.

§ 118. **Силы Аѳинъ и Спарты.** Аѳины представляли тогда боль-

шую силу. Это былъ самый укрѣпленный городъ въ Элладѣ и первоклассная *военная гавань*. При 21 т. полноправныхъ гражданъ, Аттика могла выставить 300 триремъ и болѣе 30 т. воиновъ, хорошо приготовленныхъ къ бою и одушевленныхъ патріотизмомъ. Арсеналы и магазины были полны запасовъ, въ числѣ которыхъ были новыя военныя машины, составлявшія секретъ. Финансы содержались Перикломъ въ образцовомъ порядкѣ. Доходы достигали огромной суммы — 2 т. талантовъ въ годъ, а значительную часть расходовъ брали на себя богачи, подъ видомъ *литургій* (§ 95). Оттого Периклъ могъ скопить запасную казну въ 6 т. талантовъ; а въ случаѣ нужды, можно было тронуть огромные капиталы и приношенія, сложенныя въ храмахъ на Акрополѣ. Пользуясь такими финансами и наплывомъ населенія, Периклъ развилъ систему *клерухій* (§ 97), которая служила къ обогащенію Аѳинъ и къ укрѣпленію ихъ вліянія среди отдаленныхъ союзниковъ. *Союзники* доставляли большую силу Аѳинамъ, тѣмъ болѣе, что они стали въ новыя отношенія къ нимъ. Тяготясь военною повинностью, они согласились дѣлать двойной взносъ въ казну (до 600 талант. въ годъ) и выставлять пустые корабли, которые должны были вооружать аѳиняне. Такъ они сами себя обезоружили—и лишились *автономіи*, или независимости. Аѳинская гегемонія превратилась въ *державу* (ἀρχή). Управленіе союзомъ и делійская казна были перенесены въ Аѳины; даже высшею судебною инстанціей для союзниковъ стали аѳинскіе геліасты (§ 116). Вскорѣ союзники замѣтили свою ошибку, особенно, когда Периклъ сталъ стѣснять ихъ новыми клерухіями и употреблять часть союзныхъ денегъ на украшеніе Аѳинъ. Появлялись даже попытки возстановить утраченную автономію, или отпасть отъ союза; но онѣ были энергично подавлены аѳинскимъ флотомъ, и мятежники были обращены въ аѳинскихъ подданныхъ. Впрочемъ при Периклѣ, который не вмѣшивался во внутреннія дѣла союзниковъ, недовольство встрѣчалось только у мѣстныхъ аристократовъ: масса же вездѣ охотно повиновалась Аѳинамъ, которыя составляли предъ борьбой со Спартой великую морскую державу, съ 10 милл. жителей и съ 300 государствъ и городовъ, раздѣленныхъ на 5 податныхъ округовъ (карійскій, іонійскій, геллеспонтскій, македоно-ѳракійскій и островной). Периклъ уже мечталъ о томъ, чтобы Аѳины, эта „школа Эллады“, стали и ея главою; онъ собирался созвать пословъ отъ всѣхъ греческихъ республикъ на *панэллинскій съѣздъ* въ Аѳины для обезпеченія общихъ святынь и для обезопасенія морей. Слабая сторона Аѳинъ состояла въ томъ, что ихъ владѣнія были раскинуты по морямъ; на сушѣ ихъ союзниками были только маленькая *Платея*, да первобытные *Аргосъ* съ *Ѳессаліей*. Почти весь материкъ повиновался Спартѣ, обладавшей прекрасною пѣхотой (60 т. гоплитовъ), причемъ особенно важна была помощь богатѣйшихъ

дорійскихъ республикъ и главныхъ соперницъ Аѳинъ — *Коринѳа* и *Мегары*. У Спарты союзники были надежнѣе, чѣмъ у Аѳинъ: ихъ гегемонъ, не нуждавшійся въ деньгахъ, бралъ съ нихъ только заложниковъ да войска во время войны; притомъ, въ случаѣ опасности, онъ собиралъ ихъ пословъ на сеймъ для совѣщанія.

§ 119. **Начало пелопонесской войны. Смерть Перикла.** Вторая междоусобная или *пелопонесская* война, гораздо болѣе пагубная, чѣмъ первая (§ 114), началась въ 431 г. Ее вызвали враги Аѳинъ. Спарта и Коринѳъ возбудили противъ Аѳинъ ихъ союзника, *Потидею*, а ѳивскіе аристократы внезапно напали на платейцевъ. Когда аѳиняне начали защищаться въ этихъ мѣстахъ, Спарта выступила противъ нихъ со множествомъ несправедливыхъ обвиненій. Аѳиняне предлагали рѣшить споръ третейскимъ судомъ, но Спарта потребовала, чтобы они „освободили“ своихъ союзниковъ и изгнали Алкмеонидовъ за вину ихъ предковъ (§ 93). Къ Алкмеонидамъ принадлежалъ Периклъ, противъ котораго тогда начались нападенія со стороны друзей Спарты — аѳинскихъ аристократовъ. Аѳиняне отвергли эти дерзкія требованія — и Спарта объявила имъ войну, которая длилась 27 л. (431 — 404) и погубила Элладу. Спартанцы воображали, что сразу подавятъ аѳинянъ массой своихъ гоплитовъ, и двинули въ Аттику огромное войско. Но аѳиняне приняли искусный планъ Перикла — собрать жителей Аттики въ неприступныя Аѳины и опустошать берега Пелопонеса, избѣгая сраженій на сушѣ. Спартанцы не разъ опустошали Аттику, стояли подъ Аѳинами и уходили назадъ ни съ чѣмъ; аѳиняне же наносили имъ много вреда въ Пелопонесѣ. Но въ Аѳинахъ появилась чума, занесенная съ Востока, и городъ, переполненный народомъ, покрылся трупами. Толпа впала въ отчаяніе, обвинила во всемъ Перикла и приговорила его къ такому штрафу, что онъ не могъ уплатить его и лишился даже правъ гражданства. Вслѣдъ затѣмъ аѳиняне одумались и возвратили своему вождю прежнее довѣріе; но на него посыпались другія несчастія: умерли отъ чумы его дѣти, сестра, друзья; вскорѣ онъ самъ послѣдовалъ за ними (429). Несмотря на чуму и ежегодныя опустошенія Аттики, аѳиняне побѣждали въ первыя 7 лѣтъ, благодаря Периклу, его ученикамъ и хорошей подготовкѣ къ войнѣ, а также вслѣдствіе недостатка хорошихъ полководцевъ у спартанцевъ. Но потомъ положеніе дѣлъ измѣнилось подъ вліяніемъ людей, воспитавшихся среди ужасовъ войны.

§ 120. **Характеръ войны.** Пелопонесская война велась съ безпримѣрнымъ, восточнымъ звѣрствомъ, тѣмъ болѣе что въ каждомъ городѣ шла кровавая борьба демократовъ съ аристократами. Спартанцы разрушили *Платею* до основанія: землю отдали ѳиванцамъ, мужчинъ всѣхъ перерѣзали, женщинъ и дѣтей отдали въ рабство. Они умерщвляли всякаго аѳинскаго союзника, даже мирнаго кре-

стьянина или купца, и оставляли трупы несчастныхъ непогребенными. Ожесточились и аѳиняне. Когда пришло извѣстіе объ измѣнѣ *Лесбоса*, экклесія рѣшила подвергнуть его жителей участи платейцевъ; но ночью раскаяніе овладѣло ими, и на зарѣ собралась новая сходка, которая опредѣлила только перебить всѣхъ (1000) аристократовъ. На *Корцирѣ* сначала возобладали аристократы: они убили на сходкѣ вождя демократовъ и съ ножами гонялись по улицамъ за его друзьями. Потомъ взяли верхъ демократы. Аристократы скрылись въ храмѣ. Имъ обѣщали помилованіе: 500 человѣкъ вышли — и были перебиты на мѣстѣ; остальные умертвили сами себя. Затѣмъ началась по всему острову охота на аристократовъ и полная анархія: должники убивали своихъ кредиторовъ, рабы своихъ господъ; рѣзали въ храмахъ, у подножія статуй боговъ. Подобныя сцены происходили среди грековъ и внѣ Эллады. Въ *Сициліи* въ каждомъ городѣ становилась безпощадною старая борьба между аристократами и демосомъ, который по бо́льшей части побѣждалъ. Въ *Сиракузахъ* было особенно безпокойно: тамъ сначала нужно было еще покончить съ монархіей, которая была хороша только при Гелонѣ (§ 99) и его братѣ, *Гіеронѣ*, поразившемъ этрусковъ. У нихъ были недостойные преемники — и республиканцы уничтожили монархію; но затѣмъ возникла кровавая борьба между аристократіей и демократіей, которая долго велась съ перемѣннымъ счастьемъ, какъ на Корцирѣ, пока не палъ демосъ. Когда все улеглось, Сиракузы стали гнѣздомъ аристократизма и доризма въ Сициліи и напали на *Леонтини*, гдѣ сосредоточивались демократизмъ и іонизмъ. Ожесточенный и упорный характеръ пелопонесской войны объясняется тѣмъ, что въ эллинскомъ мірѣ было тогда разомъ четыре рода борьбы — *политическая* (споръ за гегемонію между Аѳинами и Спартой), *племенная* (вражда между іонизмомъ и доризмомъ), *идеальная* (борьба за демократическія и аристократическія убѣжденія) и *соціальная* (борьба бѣдныхъ съ богатыми).

§ 121. **Софисты. Никій и Клеонъ.** При такомъ характерѣ войны, борьба партій въ Аѳинахъ также принимала страстный оттѣнокъ. По смерти Перикла, представителя изящнаго спокойствія, выступили люди увлекающіеся и съ крайними убѣжденіями; и у аѳинянъ уже не встрѣчалось счастливаго соединенія въ одномъ лицѣ талантовъ полководца и политика. Поколѣніе, слѣдовавшее за Периклом, характеризуется школой *софистовъ*. При Периклѣ софистами назывались почтенные философы, близкіе къ Анаксагору и много сдѣлавшіе для просвѣщенія Эллады. Но потомъ ихъ имя стало позорнымъ названіемъ. Софисты говорили: „человѣкъ — мѣрка всему“, т.-е. ничего не существуетъ, кромѣ мнѣній и желаній отдѣльныхъ личностей. Они первые начали брать деньги за уроки и переѣзжали съ мѣста на мѣсто, говоря, что отечество тамъ, гдѣ хорошо. Они сами предлагали сегодня

доказывать одно, завтра совсѣмъ другое: отсюда *софизмъ* — ложная мысль, выраженная вполнѣ логично. У софистовъ были и достоинства; но толпа видѣла только ихъ недостатки и не терпѣла ихъ зато, что они отвергали все, а слѣдовательно и ея предразсудки съ политеизмомъ. Между тѣмъ сами аѳиняне раздѣляли недостатки софистовъ. Они изнѣжились, проводили время въ театрѣ или въ болтовнѣ на улицѣ; на экклесіи не столько разсуждали, сколько горячились и кричали. Политика стала служить себялюбію. Аристократы и богачи, стоявшіе за миръ и не желавшіе жертвовать на пользу отечества, измѣннически протягивали руки спартанцамъ и обращались въ гетеристовъ, которые не пренебрегали даже ножомъ тайнаго убійцы. Экклесія становилась поприщемъ козней, подкуповъ и насилія: наставало господство *охлократіи* (невѣжественной, испорченной толпы) съ ея своекорыстными и отчаянными демагогами, которые любили прибѣгать къ *сикофантіи* (ябедничеству) и требовали войны безъ конца. Во главѣ мирной партіи стояли: умный и образованный политикъ, очень богатый и знатный, но еще молодой, историкъ *Ѳукидидъ*, въ особенности же полководецъ *Никій*. Никій напоминалъ Кимона по соединенію патріотизма со спартанскими симпатіями; но онъ былъ ниже его по военному таланту. Это былъ добрый, щедрый старикъ, аккуратный на службѣ до педантизма, но крайне осторожный и не находчивый. Онъ не понималъ политики и не жалѣлъ своего богатства для подкупа ораторовъ демоса, чтобы они щадили его въ своихъ рѣчахъ. Никій дорожилъ всѣмъ старымъ: онъ былъ суевѣренъ дотого, что его всегда окружали ворожеи и жрецы. Главою воинственной партіи былъ *Клеонъ*-„кожевникъ“, какъ называлъ его Аристофанъ, хотя онъ только владѣлъ кожевенными заводами и былъ богатъ. Клеонъ былъ честный человѣкъ, но грубый и властолюбивый себялюбецъ. Онъ зналъ предразсудки и настроеніе толпы, обладалъ рѣзкимъ краснорѣчіемъ, громаднымъ голосомъ и мужицкими манерами. Клеонъ ничего не боялся и говорилъ горькую правду даже толпѣ. Онъ возвысилъ жалованье демосу и прибѣгнулъ къ чрезвычайному подоходному налогу (εἰσφορά), падавшему преимущественно на богатыхъ. Толпа повиновалась Клеону, хотя онъ былъ плохой политикъ. Онъ руководился только ненавистью къ аристократамъ и къ Спартѣ. Клеонъ яростно, безъ отдыха, нападалъ на знать въ экклесіи, да обвинялъ чиновниковъ и полководцевъ передъ геліастами, за что Аристофанъ зло осмѣивалъ его, особенно въ комедіи „Всадники“. Онъ бранилъ даже Перикла за вялость войны и не хотѣлъ слышать о „гниломъ“ мирѣ со Спартой.

§ 122. **Бразидъ и Алкивіадъ**. Случай доставилъ Клеону ненадолго первенство въ Аѳинахъ. Аѳиняне захватили *Пилосъ* и начали оттуда возбуждать мессенцевъ къ возстанію. Спартанцы выслали от-

рядъ противъ нихъ, но были отбиты, и 300 ихъ гоплитовъ были отрѣзаны на ближайшемъ островѣ. Спартанцы предложили аѳинянамъ выгодный миръ, чтобы спасти гоплитовъ; но Клеонъ уговорилъ экклесію отвергнуть миръ к послать его самого въ Пилосъ, гдѣ онъ плѣнилъ гоплитовъ, которые уже готовы были сдаться. Спартанцы снова просили мира, но аѳиняне возгордились: никогда еще никому не сдавался цѣлый отрядъ спартанцевъ. То была пора *высшихъ успѣховъ аѳинянъ въ пелопонесской войнѣ:* тогда же начались ихъ несчастія. Спартанцы рѣшились смыть свой позоръ, и у нихъ явился, наконецъ, достойный вождь—молодой, храбрый, обожаемый воинами полководецъ, *Бразидъ:* онъ не походилъ на спартанца, отличался добротой, краснорѣчіемъ и искусною дипломатіей. Бразидъ перенесъ войну на *Халкидику*, гдѣ привлекъ къ себѣ почти всѣхъ аѳинскихъ союзниковъ, обѣщая имъ „свободу“. Клеонъ, не бывавшій въ бояхъ, выступилъ противъ него и потерпѣлъ пораженіе, хотя стоившее жизни Бразиду; самъ онъ погибъ, убѣгая съ поля битвы, а съ нимъ пала и воинственная партія въ Аѳинахъ. Въ 421 г. былъ заключенъ миръ, съ помощію Никія: противники отказались отъ своихъ завоеваній. Но черезъ два года война возобновилась. Въ Аѳинахъ выдвинулся тогда *Алкивіадъ*, богатый аристократъ, племянникъ Перикла, въ домѣ котораго онъ и выросъ. По талантамъ, это былъ достойный преемникъ Ѳемистокла и Перикла: онъ былъ изобрѣтателенъ, краснорѣчивъ, способенъ къ геройскимъ порывамъ; онъ создавалъ смѣлые и искусные планы, какъ военные, такъ и дипломатическіе, обладалъ крайнею рѣшимостью и энергіей. Но на Алкивіадѣ ярко отражались пороки времени. Этотъ красивый и изящный вельможа, которому всѣ льстили, особенно женщины, былъ властолюбивъ, самоувѣренъ, капризенъ и не признавалъ ничего, кромѣ своихъ желаній; онъ презиралъ суевѣрія толпы, мнѣніе согражданъ и законы. Съ малыхъ лѣтъ совершалъ онъ злыя проказы, а потомъ преступленія: то онъ бьетъ своего учителя или тестя, то тиранитъ жену или буйствуетъ по ночамъ съ толпой бездѣльниковъ. Аѳиняне понимали, что нужно или покориться этому „львенку“, или выгнать его, но не могли обойтись безъ него. Алкивіадъ былъ первымъ не только по талантамъ, но и по образованію, какъ лучшій ученикъ Сократа, который любилъ его, какъ сына. Обидѣть же его значило пріобрѣсти страшнаго врага. Алкивіадъ интриговалъ противъ Клеона, а по смерти его сталъ демократомъ—и народъ выбралъ его въ стратеги.

Алкивіадъ. Бюстъ въ Ватиканѣ.

§ 123. **Походъ въ Сицилію и измѣна Алкивіада.** Алкивіаду хотѣлось отличиться блестящимъ подвигомъ. Въ это время въ Сициліи демократы (§ 120), которымъ аѳиняне уже посылали нѣсколько кораблей, были доведены до отчаянія сиракузянами, которымъ помогала Спарта. Они просили аѳинянъ о спасеніи. Алкивіадъ предпринялъ походъ въ Сицилію — планъ, столь же блестящій, какъ Брасидова экспедиція во Ѳракію: еслибы аѳиняне завладѣли Сиракузами, Спарта погибла бы. Алкивіадъ, къ которому тотчасъ же стали переходить дорійскіе города въ Сициліи, вѣроятно, исполнилъ бы свой планъ, тѣмъ болѣе что ему помогали этруски: онъ уже предпринималъ осаду Сиракузъ. Но аѳиняне измѣнили ему. Его враги изуродовали ночью много статуй боговъ на улицахъ и взвалили вину на него. Олигархи, жрецы, мелкіе демагоги выступили со множествомъ ложныхъ доносовъ, требуя наказать Алкивіада за безбожіе, какъ государственнаго преступника. Они довели экклесію до крайняго раздраженія, и она приговорила къ смерти Алкивіада и его друзей, а жрецы изрекли ему проклятіе. Алкивіадъ бѣжалъ въ Спарту, съ жаждой мести своей родинѣ; а аѳинская армія, отданная подъ начальство Никія, почти вся была перебита сиракузянами, съ помощью спартанцевъ. Алкивіадъ плѣнилъ своихъ новыхъ друзей, превратившись въ спартіата: онъ жилъ бѣдно, говорилъ мало, даже ѣлъ кровяную похлебку. Алкивіадъ оживилъ неповоротливыхъ спартанцевъ своими пылкими и блестящими рѣчами. Они явились подъ стѣнами Аѳинъ, гдѣ не было ни войска, ни денегъ. Еще важнѣе, что Алкивіадъ убѣдилъ Спарту устроить *пелопонесскій флотъ*, съ которымъ онъ показался въ Эгейскомъ м., возстановляя повсюду господство аристократовъ и увлекая делосскихъ союзниковъ льстивыми рѣчами о спартанцахъ, какъ „освободителяхъ Эллады“ отъ аѳинскаго ига. Въ то же время Алкивіадъ устроилъ *союзъ Спарты съ персами*. Сразу погибли всѣ жертвы, принесенныя Элладой во время персидскихъ войнъ: персы снова должны были получить все, что̀ имъ принадлежало прежде; за это они дали спартанцамъ финикійскій флотъ и деньги, собранныя съ новыхъ подданныхъ. Присутствіе аѳинянина Алкивіада было ясно изъ быстрыхъ и ловкихъ ударовъ, которые спартанцы стали наносить врагу; но и аѳиняне показали тогда съ блескомъ, на что́ они способны. Они обнаружили необыкновенное рвеніе и мужество: была тронута запасная казна Перикла, былъ созданъ новый флотъ, и явились даровитые полководцы, во главѣ нихъ честный демократъ, *Ѳразибулъ*. Этотъ флотъ, послѣдняя надежда Аѳинъ, искусно выбралъ своею стоянкой *Самосъ* — почти единственный островъ, гдѣ демократы сохранили власть. Онъ поджидалъ случая для счастливой битвы, какъ вдругъ у спартанцевъ обнаружилась старая вялость и рутина: у нихъ уже не было Алкивіада. Алкивіадъ успѣлъ пріобрѣсти много враговъ въ Спартѣ.

Одни завидовали его вліянію, другіе ненавидѣли его за заносчивость: ему надоѣла спартанская жизнь; онъ сталъ веселиться, насмѣхался надъ грубыми спартіатами, наконецъ лично обидѣлъ ихъ царя. Эфоры велѣли тайно убить его; но жена царя увѣдомила его, и онъ бѣжалъ къ сатрапу Малой Азіи. Алкивіадъ быстрѣе Ѳемистокла превратился въ настоящаго перса, очаровалъ сатрапа и убѣдилъ его, что теперь Спарта сдѣлалась опаснѣе Аѳинъ для персовъ: персы перестали помогать Спартѣ.

§ 124. **Олигархія въ Аѳинахъ и возвращеніе Алкивіада.** Теперь Алкивіадъ могъ надѣяться на возвращеніе въ Аѳины, по которымъ онъ тосковалъ, тѣмъ болѣе что тамъ возникло междоусобіе. Подымались аристократы и богачи, которые рѣшились ввести *олигархію*, чтобы заслужить расположеніе Спарты и склонить ее къ миру. Во главѣ ихъ стоялъ честолюбивый и изворотливый интриганъ, *Ѳераменъ*, который, по разсчету, старался дѣйствовать умѣренно, безъ кровопролитія. Заговорщики составили обширное тайное общество изъ аристократическихъ гетерій и произвели мятежъ. Главные демократы были тайно перебиты—и запуганная толпа приняла новое правительство (411 г.). Былъ составленъ изъ первыхъ олигарховъ *совѣтъ Четырехсотъ*, который созывалъ экклесію только изъ 5 т. зажиточныхъ гражданъ; жалованье было отмѣнено. Олигархи предложили миръ Спартѣ и вовсе не думали принимать въ свою среду такого опаснаго товарища, какъ Алкивіадъ. Раздраженный Алкивіадъ явился на самосскій флотъ, который тогда представлялъ собой аѳинскую демократію. Онъ обѣщалъ низвергнуть тиранію Четырехсотъ и доставить помощь персовъ противъ спартанцевъ. Флотъ назначилъ Алкивіада своимъ полководцемъ—и тотчасъ же положеніе дѣлъ измѣнилось. Прибрежныя персидскія крѣпости, занятыя спартанскими гоплитами, начали сдаваться, а отпавшіе союзники снова признавали гегемонію Аѳинъ. Въ 410 г. Алкивіадъ одержалъ при *Кизикѣ* блистательную побѣду надъ спартанцами, сиракузянами и персами: весь пелопонесскій флотъ былъ взятъ въ плѣнъ. Между тѣмъ въ Аѳинахъ произошло низверженіе олигарховъ, гнусное правленіе которыхъ продолжалось всего 4 мѣсяца. Ихъ жестокостями былъ возмущенъ даже ихъ товарищъ, Ѳераменъ, который перешелъ на сторону демоса. Съ олигархами поступили гуманно: только двое изъ нихъ были казнены за прямыя сношенія съ Спартой; остальные были изгнаны; нѣкоторые, съ *Критіемъ* во главѣ, удалились добровольно. Затѣмъ прибылъ Алкивіадъ съ триремами, нагруженными военною добычей. Аѳиняне приняли его съ восторгомъ и назначили начальникомъ арміи и флота. Алкивіадъ же притворился набожнымъ, устраивалъ дорогія религіозныя процессіи.

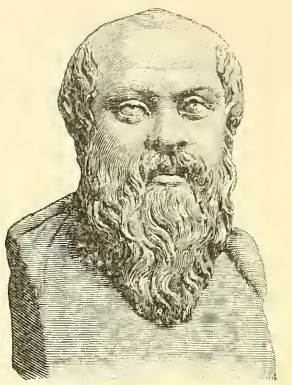
§ 125. **Лизандръ и паденіе Аѳинъ.** Но на Востокѣ произошелъ

гибельный для Аѳинъ переворотъ въ политикѣ. Сатрапомъ Малой Азіи сталъ *Киръ Младшій*, братъ царя *Артаксеркса*—персъ стараго закала, способный и энергичный; онъ жаждалъ отомстить аѳинянамъ за Мараѳонъ и Саламинъ, а также низвергнуть брата съ престола, при помощи лакедемонцевъ. Киръ сталъ искренно помогать Спартѣ, у которой явился тогда достойный соперникъ Алкивіада, *Лизандръ*. Это былъ спартанскій Алкивіадъ по военному таланту и политическому уму, но со спартанскимъ закаломъ: онъ былъ твердъ и хладнокровенъ, недоступенъ наслажденіямъ, строгъ до жестокости. Лизандръ, мать котораго была илотка, долго былъ въ пренебреженіи: онъ добился званія полководца хитростями и привыкъ не разбирать средствъ. Презирая людей и свое отечество, онъ мечталъ только о первой роли въ Элладѣ, которую хотѣлъ подчинить для этого Спартѣ. Лизандръ поддерживалъ всюду олигарховъ и устраивалъ изъ нихъ фанатическія *декархіи* (правленіе десятниковъ), которыя совершали страшныя злодѣянія съ помощью свирѣпыхъ лакедемонскихъ гармостовъ. Затѣмъ онъ очаровалъ Кира, который не жалѣлъ для него ни денегъ, ни войскъ. Лизандръ нанесъ много пораженій аѳинянамъ, которые снова возненавидѣли Алкивіада, обѣщавшаго имъ побѣды. Алкивіадъ скрылся въ свои крѣпкіе замки у Геллеспонта, а на его мѣсто назначили 10 стратеговъ изъ демократовъ, въ томъ числѣ даровитаго и благороднаго *Конона*. Они разбили непріятельскій флотъ въ большой битвѣ у Аргинузскихъ острововъ; но буря помѣшала имъ подобрать раненыхъ и съ почестью похоронить убитыхъ. Олигархи напали на нихъ за это и такъ взволновали экклесію, что она привлекла къ суду и казнила шестерыхъ изъ побѣдоносныхъ стратеговъ. Замѣнившіе ихъ полководцы отличались безпечностью. Когда они расположились на берегахъ р. *Эгоспотами*, впадающей въ Геллеспонтъ, Алкивіадъ явился къ нимъ подать совѣтъ, указывая на караулившаго ихъ Лизандра. Они грубо отвергли его услуги —и потерпѣли жестокое пораженіе: Лизандръ плѣнилъ почти всѣхъ ихъ воиновъ, казнилъ ихъ и даже лишилъ погребенія. Затѣмъ онъ осадилъ беззащитный Пирей, между тѣмъ какъ спартанцы обложили городъ съ сухаго пути. Длинныя Стѣны были разрушены; аѳинскій флотъ былъ сожженъ; Аттика признала гегемонію Спарты; аѳиняне обязались принять „бѣглецовъ и изгнанниковъ“, т.-е. мстительныхъ аристократовъ (404). Тогда же погибъ Алкивіадъ. Опасаясь спартанцевъ, онъ собралъ свои богатства и отправился въ Сузу, чтобы донести Артаксерксу о замыслахъ Кира и склонить его на сторону Аѳинъ. Но на дорогѣ его ограбили разбойники. Затѣмъ его выслѣдили Киръ съ Лизандромъ. Его убѣжище было окружено наемными убійцами и подожжено. Онъ бѣжалъ, пробившись съ копьемъ въ рукѣ, но былъ сраженъ издали пущенною стрѣлой.

§ 126. **Тиранія Тридцати и возстановленіе демократіи.** Лизандръ устроилъ въ Аѳинахъ родъ декархіи изъ 30 худшихъ олигарховъ, возвратившихся изъ изгнанія, съ Ѳераменомъ и Критіемъ во главѣ. Знатный богачъ, Критій, былъ хитеръ, краснорѣчивъ и образованъ, даже писалъ хорошіе стихи. Онъ учился у Сократа, который ожидалъ отъ него многаго; но его дарованія были отравлены безнравственностью и властолюбіемъ, которое разгорѣлось отъ долгаго изгнанія. Теперь Критій рѣшился отомстить аѳинянамъ и проявилъ чудовищную жестокость и корыстолюбіе: онъ придалъ новому правительству тотъ злобный характеръ, за который оно было названо *тираніей Тридцати*. Огражденные гармостомъ, тираны обезоружили народъ, запретили Сократу философскія бесѣды, а комикамъ—осмѣяніе живыхъ лицъ. Затѣмъ они перебили много демократовъ, а также богачей, имущества которыхъ присвоили себѣ. Ѳераменъ, опасаясь возстанія, сталъ-было упрекать Критія въ кровожадности, но тотъ заставилъ его выпить ядъ. Аѳины опустѣли: граждане толпами бѣжали въ сосѣдніе города; а тамъ ихъ настигали спартанцы. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ мужественный патріотъ, *Ѳразибулъ* (§ 123). Онъ собралъ нѣсколько сотенъ аѳинянъ и разбилъ тирановъ въ Пиреѣ, гдѣ палъ Критій. Ѳразибулъ *возстановилъ демократію*, которая впервые въ Греціи объявила амнистію, или всепрощеніе: былъ изданъ законъ, чтобы не вспоминать прошлаго и наказывать доносчиковъ штрафами. Такъ, въ 403 г., было возстановлено созданіе Солона, Ѳемистокла и Перикла. Аѳины прожили еще нѣсколько десятилѣтій, и не безъ славы: въ нихъ вновь процвѣтали искусства и науки, торговля и промышленность. Но уже не было величія и блеска, которыми ознаменованъ 5-й вѣкъ. Аѳины стали „среднею державой въ свитѣ Спарты“; не было у нихъ ни массы союзниковъ, ни богатой казны и первокласнаго флота; ими управляли то иноземцы, то домашніе интриганы и честолюбцы. Почти исчезло трудолюбивое и выносливое крестьянство. Въ обществѣ же развивалось паденіе нравовъ, начавшееся послѣ Перикла: толпа погрязала въ невѣжествѣ, а интеллигенція подчинялась вырождавшимся софистамъ (§ 121). Яркою характеристикой аѳинянъ того времени служитъ гнусное преступленіе, совершенное ими надъ обличителемъ софистовъ, великимъ *Сократомъ*.

§ 127. **Сократъ.** Сократъ былъ сынъ бѣднаго скульптора. Смолоду онъ бросилъ отцовское ремесло и сталъ искать истины у софистовъ, которые не удовлетворили его. Сократъ создалъ собственное ученіе и вышелъ проповѣдовать его, хотя у него не было внѣшнихъ качествъ учителя. Онъ былъ безобразенъ и неуклюжъ; его рѣчь, пересыпанная стихами, пословицами и шутками, была безпорядочна; жилъ онъ, какъ приходилось, понищенски. „По мнѣ—говорилъ онъ—

не имѣть потребностей — значитъ быть чѣмъ-то вродѣ божества". Иногда жена не знала, чѣмъ накормить дѣтей, и жаловалась на философа. Но Сократъ почти и не видѣлъ своей семьи. Спозаранку выбирался онъ изъ дому и цѣлый день ходилъ по улицамъ и площадямъ, чтобы учить и поучаться. Завидѣвъ человѣка, не спѣшащаго къ дѣлу, онъ останавливалъ его и, прикидываясь простачкомъ, желающимъ поучиться у своего собесѣдника, закидывалъ его ловкими *вопросами* и заставлялъ признаться, что онъ ничего не знаетъ, а потомъ вопросами же „наводилъ" ученика на истины своего ученія. Сократъ особенно преслѣдовалъ своей *ироніей* софистовъ, заставляя ихъ краснѣть передъ толпой слушателей. Вскорѣ у него образовалась ходячая аудиторія, увлекавшаяся глубокой идеей, которой онъ посвятилъ всего себя и которую проповѣдовалъ даромъ, въ укоръ софистамъ, а самъ голодалъ. Ученіе Сократа было высокимъ *идеализмомъ*. Онъ училъ „познавать самого себя", т.-е. сознавать свои пороки и невѣжество, и исправляться. Онъ указывалъ на вѣчную правду и добродѣтель, къ которымъ должно стремиться, презирая земныя блага и не жалѣя жизни. Онъ говорилъ даже о Высшемъ Существѣ, правящемъ міромъ, только не зналъ, какъ именовать его. Самъ Сократъ не писалъ ничего: „я желаю начертать мое ученіе — говорилъ онъ — не на звѣриной кожѣ (пергаментъ), а въ человѣческомъ сердцѣ". Сократъ самъ былъ олицетвореніемъ своей идеи. Онъ жилъ не по своимъ желаніямъ, а по внушенію сознанія, которое называлъ своимъ „демономъ" (божкомъ). Онъ никого не обижалъ и ничего не разрушалъ, кромѣ пороковъ. Сократъ образцово исполнялъ свои обязанности, какъ гражданинъ и воинъ, стоялъ внѣ партій, твердо изобличалъ крайности олигархіи и демоса. Онъ требовалъ отъ каждаго строгаго исполненія законовъ и благочестія, приносилъ жертвы, совѣщался съ оракулами, казался софистамъ отсталымъ человѣкомъ. Сократъ самъ возложилъ на себя долгъ — нравственно воспитывать гражданъ, и ни одинъ чиновникъ не ходилъ такъ аккуратно на службу, какъ онъ на свою проповѣдь. Ни дурная погода, ни даже моровая язва при Периклѣ не могли удержать его дома ни на одинъ день. Во всю свою жизнь онъ разъ только видѣлъ игры, и то исомійскія, потому что онѣ были недалеко отъ Аѳинъ. Ученики были восторженно преданы Сократу; нѣкоторые изъ нихъ оплакивали, какъ потерянный въ своей жизни, тотъ часъ, который имъ не удавалось провести въ бесѣдахъ съ нимъ. Но *толпа не поняла Сократа*. Многимъ не нравилось, что



Сократъ. Бюстъ въ Неаполѣ.

этотъ чудакъ-нищій, говорилъ правду въ глаза и уличалъ въ невѣжествѣ. Рабочіе негодовали на него зато, что онъ отвлекаетъ ихъ молодежь къ непрактичнымъ занятіямъ. Жрецы ненавидѣли Сократа, какъ всякаго философа, и придирались къ его „демону“ и Высшему Существу, не смотря на то, что Пиѳія назвала его „мудрѣйшимъ изъ эллиновъ“. Аристократамъ онъ не нравился, потому что изобличалъ ихъ жестокосердіе; они смѣшивали его съ софистами, и ихъ поэтъ, Аристофанъ, осмѣялъ его въ комедіи „Облака“. Демократы ненавидѣли Сократа, потому что онъ открыто смѣялся надъ замѣщеніемъ должностей по жребію и доказывалъ, что власть должна принадлежать самымъ умнымъ и образованнымъ людямъ; его упрекали еще въ томъ, что онъ воспиталъ такихъ учениковъ, какъ Алкивіадъ, Критій, Ѳераменъ и еще нѣкоторые изъ Четырехсотъ и Тридцати. Въ 399 году, когда Сократу было 70 лѣтъ, явилось три сикофанта, обвинявшихъ его въ обученіи софистикѣ, въ развращеніи юношества и въ подрываніи религіи. Сократъ отвергъ законныя средства защиты, предложенныя ему учениками. Онъ явился въ судъ одинъ и сказалъ гордую „апологію“ себѣ самому. Онъ напомнилъ слова Пиѳіи, указалъ на свою жизнь, какъ на ихъ оправданіе, выставилъ свои заслуги передъ отечествомъ и сказалъ въ заключеніе: „Моимъ усернымъ и безкорыстнымъ стремленіемъ сдѣлать гражданъ мудрыми и добродѣтельными я заслужилъ, чтобы меня содержали до смерти на общественный счетъ, въ почетѣ, какъ содержатъ олимпійскихъ побѣдителей и другихъ полезныхъ республикѣ людей. Я говорю въ защиту васъ, судьи, а не себя, ибо, осудивъ меня, вы принесли бы величайшій вредъ Аѳинамъ и тяжко согрѣшили бы передъ богами“. Сократа приговорили къ смерти. Въ это время аѳинское священное судно отправилось съ жертвами на празднество въ Делосъ, а по древнему обычаю до его возвращенія нельзя было казнить преступниковъ. 30 дней поджидалъ его Сократъ, сидя въ цѣпяхъ въ тюрьмѣ. Онъ былъ окруженъ учениками и велъ самую свѣтлую изъ своихъ бесѣдъ: „О безсмертіи души“. Ученики плакали; Сократъ утѣшалъ ихъ. На предложеніе бѣжать, для чего уже одинъ богатый ученикъ подкупилъ тюремщика, Сократъ сказалъ, что не хочетъ окончить свою правдивую жизнь ложью. Послѣ пріема яда, отъ котораго медленно леденѣли члены, начиная съ ногъ, Сократъ продолжалъ спокойно бесѣдовать съ учениками, пока смертельный холодъ не дошелъ до сердца. Послѣднія слова Сократа были обращены къ богу врачеванья: „Принесите пѣтуха въ жертву Асклепію за мое выздоровленіе“, попросилъ онъ своихъ учениковъ. Аѳиняне вскорѣ раскаялись. Когда въ театрѣ актеръ сказалъ про одного героя: „Вы умертвили истинномудраго и непорочнаго соловья Музъ, лучшаго изъ эллиновъ“, со всѣхъ сторонъ послышались рыданія.

§ 128. **Культура 5-го вѣка. а) религія.** Смертью Сократа кончается третій періодъ греческой исторіи, или *5-й вѣкъ*. Этотъ вѣкъ— самая блестящая пора въ развитіи культуры всего древняго міра. Тогда греческая цивилизація была особенно производительна, и въ ней участвовали всѣ эллинскія племена. Но средоточіемъ культуры были іонійцы, въ особенности же аѳиняне, которые проявили поразительную живучесть: въ разгаръ бѣдствій, въ концѣ пелопонесской войны, въ Аѳинахъ создавались такіе перлы искусства, какъ храмы Эрехѳеонъ и Парѳенонъ, и дѣйствовали такіе геніи, какъ Сократъ, Аристофанъ, Софоклъ и Эврипидъ, не говоря уже о массѣ мелкихъ трагиковъ, комиковъ, ораторовъ, софистовъ, художниковъ. Въ 5 в. развились почти всѣ отрасли греческой культуры, и она уже освободилась отъ вліянія Востока, стала совершенно *самостоятельна*. Въ религіи толпа придерживалась вѣры предковъ; интеллигенція же подсмѣивалась надъ Олимпійцами, миѳами и героями; въ лицѣ Сократа, она уже предчувствовала единое *Высшее Существо* и искала *Добродѣтели*, высокой нравственной жизни. Многіе образованные люди удовлетворяли своей потребности въ болѣе серьезной религіи путемъ *мистерій*, или таинствъ. Мистеріи возникли, подъ вліяніемъ Египта, еще во 2-мъ періодѣ, но развились въ 5 в. до болѣе высокаго ученія о Божествѣ и загробной жизни. Впрочемъ до этого „внутренняго“ (эсотерическаго) ученія, или до „большихъ“ мистерій, доходили немногіе; большинство довольствовалось „внѣшнимъ“ (экзотерическимъ) ученіемъ, причудливыми обрядами и символами, которые назывались „малыми“ мистеріями. Въ таинства „посвящались“ послѣ долгихъ постовъ и покаяній, причемъ давалась клятва не разглашать ничего; за нарушеніе клятвы наказывали лишеніемъ имущества, а иногда и смертью. Мистеріи почитались даже такими умами, какъ Пиѳагоръ, Софоклъ и Платонъ; онѣ прекратились лишь около 400 г. по Р. Х. Главными мистеріями были *элевзинскія*, въ честь Деметры. Съ ними соединялось 9-тидневное празднество съ церковнымъ ходомъ изъ Аѳинъ въ Элевзисъ, который совершался ночью съ факелами и миртовыми вѣнками. Одна половина празднества была печальная: народъ постился и пѣлъ жалобные гимны; затѣмъ наставали „оргіи“, или пирушки, въ честь *Діониса*, или *Вакха*, бога вина и веселья, причемъ комедіанты давали драматическія представленія. У грековъ, кромѣ того, было тогда много празднествъ и церковныхъ ходовъ, которыя устраивались очень изящно и пышно. Образцомъ ихъ служилъ главный праздникъ въ Аѳинахъ — *Панаѳинеи*, устраеваемый разъ въ три года, въ августѣ. Онъ состоялъ въ томъ, что везли въ Акрополь новую одежду для *палладіума* — старой статуи Аѳины-Паллады, хранившейся въ Эрехѳеонѣ. Народъ вѣрилъ, что этотъ палладіумъ упалъ съ неба еще тогда, когда Аѳина спорила съ Посейдономъ и создала оливковое дерево,

помѣщавшееся также въ Эрехѳеонѣ. Въ честь этой-то Аѳины, покровительницы города, жившей въ Эрехѳеонѣ вмѣстѣ съ своимъ питомцемъ, змѣевиднымъ Эрехѳеемъ, Ѳезей завелъ панаѳинеи. Ходъ устраивался за городомъ и тянулся черезъ него, останавливаясь передъ главными святынями для жертвъ. Впереди шли флейтисты и киѳаристы, за ними вооруженное юношество съ миртовыми вѣнками на головахъ, воспѣвавшее хоромъ богиню. Далѣе двигались всадники на разубранныхъ коняхъ и колесницы для скачекъ. За ними шли жрецы, разукрашенныя жертвенныя животныя и причтъ, несшій священную утварь, награды для побѣдителей на играхъ и разныя вещи, пожертвованныя въ храмъ. Далѣе слѣдовали „корзинщицы“ — красивыя дѣвушки изъ „аѳинскихъ гражданокъ“; убранныя вѣнками изъ колосьевъ, онѣ несли корзинки, наполненныя святымъ ячменемъ, медомъ и жертвенными пирожками; жены и дочери метековъ держали надъ ними зонтики и несли стулья для нихъ. За молодежью шли почтенные и красивые старцы, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ. Но главнымъ украшеніемъ хода былъ корабль, катившійся на колесахъ. На его мачтѣ, вмѣсто паруса, развѣвался нарядъ для палладіума — саванъ внизу ярко-желтаго цвѣта, покрытый тонкимъ, искуснымъ шитьемъ, изображавшимъ борьбу Аѳины съ гигантами. Этотъ нарядъ вышивали аѳинскія гражданки: онъ служилъ для нихъ какъ бы экзаменомъ изъ рукодѣлья. Ходъ тихо двигался по городу, переполненному народомъ въ бѣлыхъ плащахъ, тщательно вышитыхъ къ свѣтлому празднику. Взойдя на Акрополь, ходъ располагался у Эрехѳеона. Воины снимали оружіе, жрецы совершали жертвоприношенія, хоры пѣли гимны. Затѣмъ надѣвали новую одежду на палладіумъ, складывали пожертвованія, и открывался жертвенный пиръ. Празднество завершалось играми и раздачей наградъ побѣдителямъ.

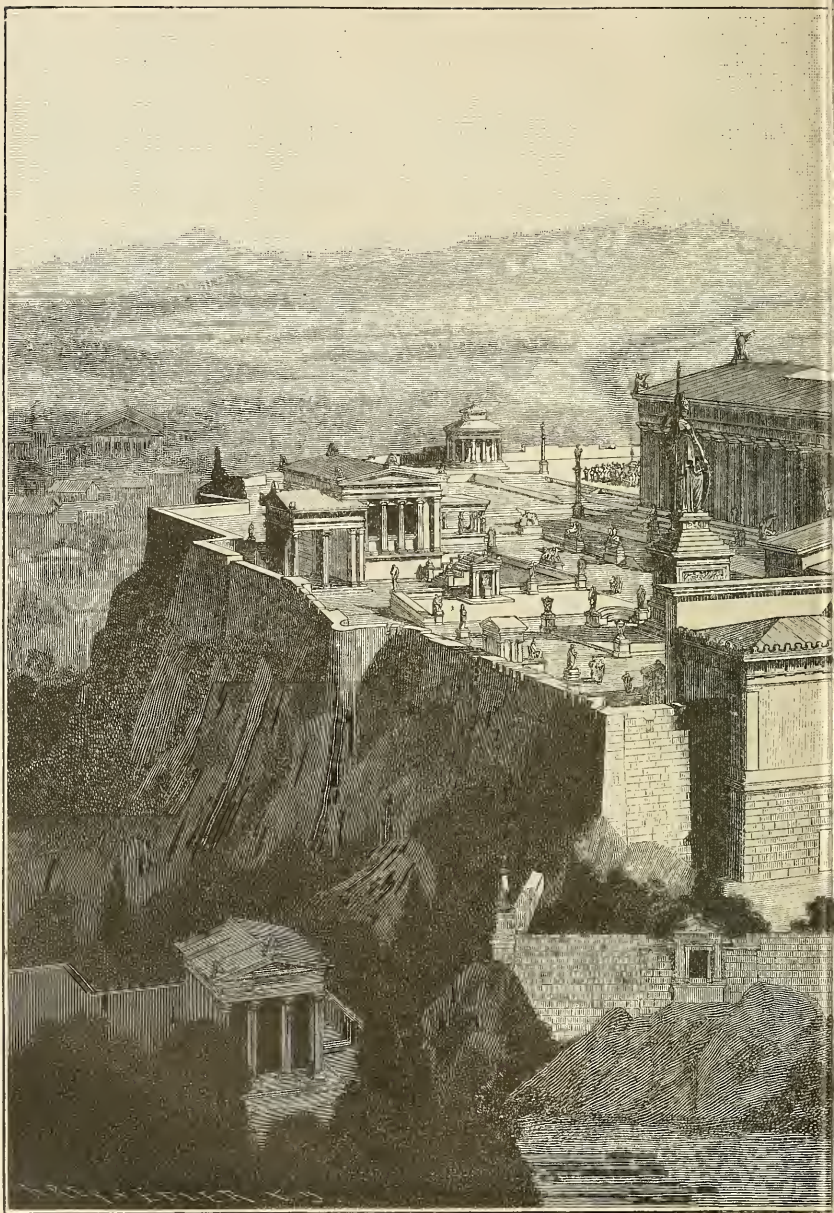
Діонисъ (Вакхъ). Статуя въ Римѣ.

§ 129. б) **Воспитаніе; пиѳійскія игры; женщина**. Больше развитія видно въ воспитаніи, чѣмъ въ религіи. *Систематическое* (школьное) воспитаніе началось во 2-мъ періодѣ, при Ликургѣ, въ Спартѣ, гдѣ

оно состояло въ гимнастикѣ, приноровленной къ военнымъ цѣлямъ, причемъ дѣвочки обучались наравнѣ съ мальчиками (§ 88). Спарта навсегда осталась при этой системѣ. Въ Аѳинахъ же педагогія, возникшая при Солонѣ, подвергалась измѣненіямъ, хотя на первомъ планѣ стояла гимнастика. Здѣсь она касалась только мальчиковъ. Новорожденнаго обносили вокругъ домашняго жертвенника, давали ему имя предка или божества и клали у ногъ отца, который имѣлъ право оттолкнуть его — и тогда несчастнаго подкидывали въ чей-нибудь домъ. Затѣмъ собирались на пиръ родственники и друзья, приносившіе подарки: ребенку — игрушки, матери — разрисованныя вазы. Между тѣмъ нанимали кормилицу, обыкновенно спартанку, которая укачивала ребенка въ колыбели и убаюкивала его пѣснями. Черезъ годъ кормилицу замѣняла нянька, которая кормила ребенка кашицами, въ особенности медомъ, и забавляла его гремушками, глиняными размалеванными куклами, колясочками, кожаными домиками и корабликами. Съ 6 л. мальчикъ поступалъ въ школу, и до 18 л. при немъ находился дядька, котораго называли *педагогомъ*, т.-е. „дитяводителемъ“. Это былъ почтенный, пожилой рабъ, который зналъ правила общежитія и обучалъ питомца манерамъ, приличіямъ, а также нелегкому искусству изящно носить плащъ; но главною его обязанностью было сопровождать питомца въ школу. *Школы*, все частныя, были двухъ родовъ — музыкальныя и гимнастическія. Въ первыхъ обучали *грамматикѣ*, подъ которой разумѣли чтеніе, письмо и счетъ. Ученики сидѣли на лавкахъ и писали на колѣняхъ; вмѣсто книгъ и тетрадей, они употребляли дощечки, покрытыя воскомъ, на которыхъ писали грифелемъ, сдѣланнымъ изъ металла или слоновой кости. Были еще „цилиндры“, или свитки изъ папируса, на которыхъ писали камышевымъ перомъ и чернилами. Послѣ грамматики, проходили *музыку*, подъ которой разумѣлось все, что относилось къ музамъ и Аполлону, т.-е. всѣ науки и искусства. Но на первомъ планѣ было заучиваніе поэтовъ, особенно Гомера, которое сопровождалось декламаціей и игрой на кіоарѣ (§ 102). Важнѣе музыкальныхъ школокъ были *гимназіи*, посвященныя тѣлеснымъ упражненіямъ. Гимназіи часто устраивались насчетъ общества, которое гордилось ими: быть директоромъ гимназіи, т.-е. содержать ее на собственный счетъ, считалось большимъ почетомъ. Гимназія устраивалась за городомъ, въ лучшемъ мѣстѣ, среди рощъ и ручьевъ. Это было обширное и роскошное зданіе со множествомъ залъ, колоннадъ, портиковъ, прохладныхъ аллей, теплыхъ и холодныхъ ваннъ. Гимназіи играли родъ клубовъ для взрослыхъ: сюда могъ зайти всякій погулять, посмотрѣть на состязаніе учениковъ и побесѣдовать съ друзьями. Тогда въ Аѳинахъ славились двѣ гимназіи, названныя по мѣстностямъ, гдѣ онѣ помѣщались, *Академіей* и *Лицеемъ* (§ 116).

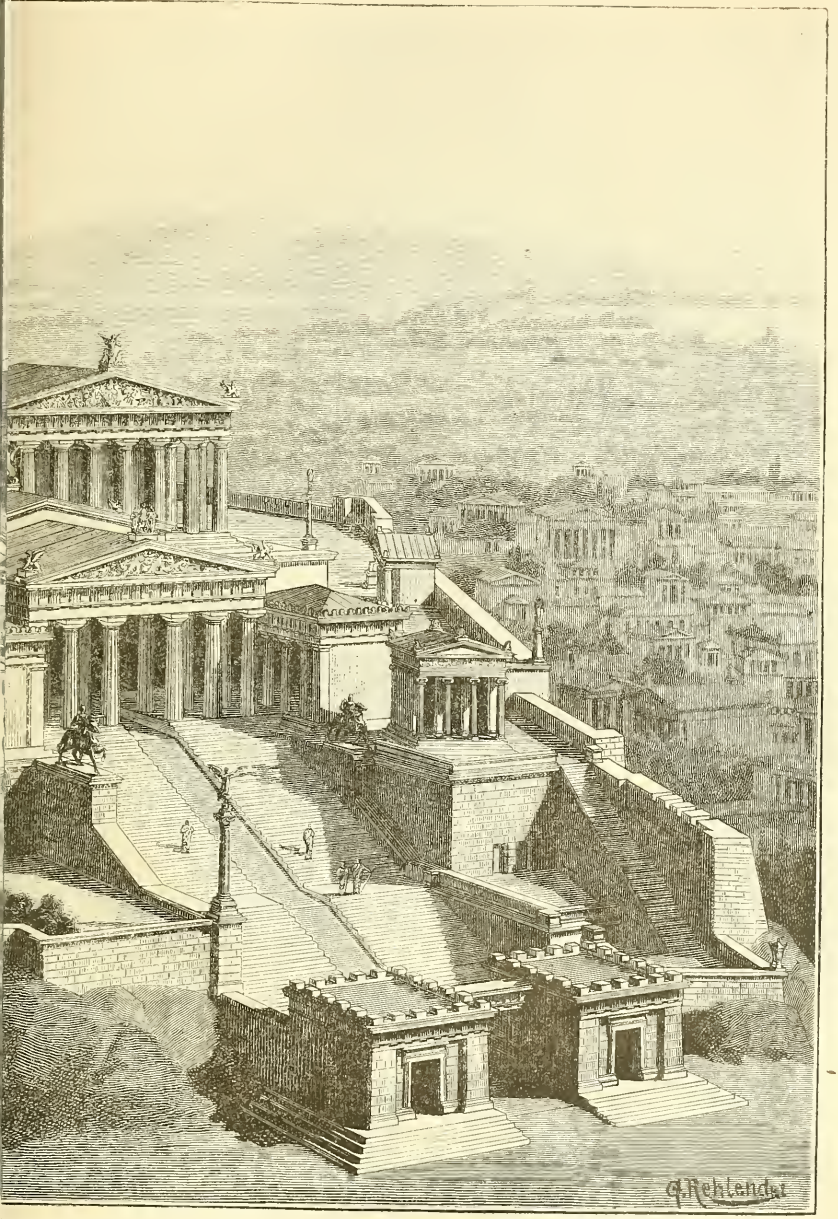
О занятіяхъ гимназистовъ можно судить по олимпійскимъ играмъ (§ 101). Если аѳинянинъ проходилъ и гимназію, и музыкальную школу, онъ получалъ *энциклопедію*, или полное, законченное „воспитаніе въ кругу“. Окончивъ ученіе въ 18 л., онъ былъ обязанъ прослужить 2 года въ военной службѣ, и тогда только становился полноправнымъ „гражданиномъ“. Къ концу 5 в. начала развиваться *умственная* сторона воспитанія, подавленная прежде тѣлесною. Софисты завели новыя школы, въ которыхъ обучали всѣмъ наукамъ того времени, въ особенности же краснорѣчію, или риторикѣ: они обучали ловко спорить, говорить рѣчи на сходкахъ и на судѣ. Тогда же распространился обычай собираться риторамъ и философамъ въ гимназіяхъ, чтобы бесѣдовать тамъ въ аллеяхъ и особенно въ *стоях*ъ— родъ портиковъ съ троттуарами. Это были какъ бы постоянныя публичныя лекціи, много помогавшія образованію народа. Усиленіе умственной стороны въ греческомъ воспитаніи отразилось въ національныхъ играхъ. На нихъ явились „музыкальныя“ состязанія, которыми особенно славились *пиѳійскія* игры, близъ Дельфъ. По преданію, ихъ учредилъ самъ Аполлонъ, когда убилъ здѣсь чудовище, *Пиѳона*; но въ дѣйствительности онѣ явились незадолго до персидскихъ войнъ. Сначала онѣ состояли въ пѣніи гимновъ въ честь Аполлона съ аккомпаниментомъ киѳары; потомъ присоединилась игра на киѳарѣ и флейтѣ безъ пѣнія и вокальныя состязанія безъ музыки; наконецъ появились всѣ искусства и науки: танцы, драма, лирика, декламація, мимика. Здѣсь-то состязались знаменитые трагики, Эсхилъ и Софоклъ; здѣсь видѣли Пиѳагора и Ѳемистокла; послѣдній признавался, что это были лучшія минуты въ его жизни; наконецъ сюда любили приносить свои лучшія произведенія знаменитости эллинскаго ваянія и живописи. Наградой побѣдителю былъ лавровый вѣнокъ. Всѣ эти успѣхи воспитанія не касались дѣвочекъ. Ихъ обучали дома, и то только танцамъ да музыкѣ. Главное вниманіе было обращено на пріученіе ихъ къ хозяйству и рукодѣльямъ. Гречанка постоянно сидѣла дома, въ отдѣльной женской половинѣ. Она пряла, ткала и вышивала, такъ какъ одежда приготовлялась дома; сверхъ того она управляла множествомъ рабынь, которыя мололи хлѣбъ на ручныхъ мельничкахъ и занимались кухней. Къ числу главныхъ занятій гречанки относилось также франтовство: туалетъ, зеркало, гребепочки и т. д. были главными принадлежностями ея жизни. Ея развлеченіями были качели, игра въ мячъ и пѣніе съ аккомпаниментомъ киѳары. Замужество было для гречанки лишь переходомъ изъ одного дома въ другой: браки совершались по разсчету, и мужья обращались съ женами грубо, смотрѣли на нихъ, какъ на главныхъ рабынь или приказчицъ, рѣдко даже совѣщались съ ними о домашнихъ дѣлахъ. Только приданое, безъ котораго не обходилось свадьбы, давало нѣ-

Эрехѳеонъ. Аѳина-Паллада.



АѲИНСКІЙ

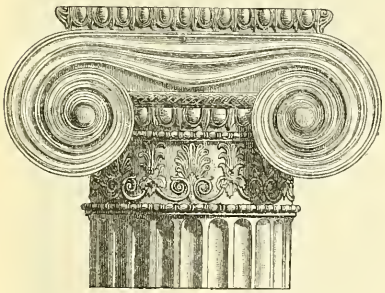
арѳенонъ. Храмъ Аѳины-Побѣдительницы.



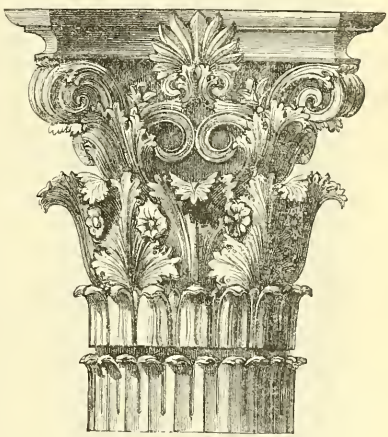
КРОПОЛЬ. Пропилеи.

которую самостоятельность женщинѣ: оно считалось ея собственностью и въ случаѣ развода, который былъ очень легокъ, возвращалось вмѣстѣ съ нею въ родительскій домъ.

§ 130. в) **Искусство.** Въ религіи и воспитаніи греки ставили на первый планъ изящество. *Художественность* служитъ главнымъ отличіемъ эллинизма вообще и культуры 5 в. въ особенности. Она проявилась преимущественно въ искусствахъ, во главѣ которыхъ стояло *ваяніе*, такъ что весь эллинскій бытъ этого періода проникнутъ *пластическимъ* характеромъ. Никогда не было столько школъ и талантовъ въ ваяніи; никогда они не группировались вокругъ такого генія, какъ *Фидій* (§ 115), который былъ также живописцемъ и руководителемъ архитектурныхъ работъ у Перикла. Славу Фидія составляли не дошедшія до насъ статуи: колоссальная *Аѳина Воительница* (ок. 9 саж. вышины), сдѣланная изъ персидской добычи; подобный же *Зевсъ Олимпійскій* и изящная *Аѳина Парѳенонская*, у которой тѣло было изъ слоновой кости, одежда изъ золота, глаза изъ дорогихъ камней, а шлемъ и щитъ были усыпаны фигурами и группами. Отъ Фидія сохранились только прелестные *барельефы Парѳенона*. Изъ статуй дошли до

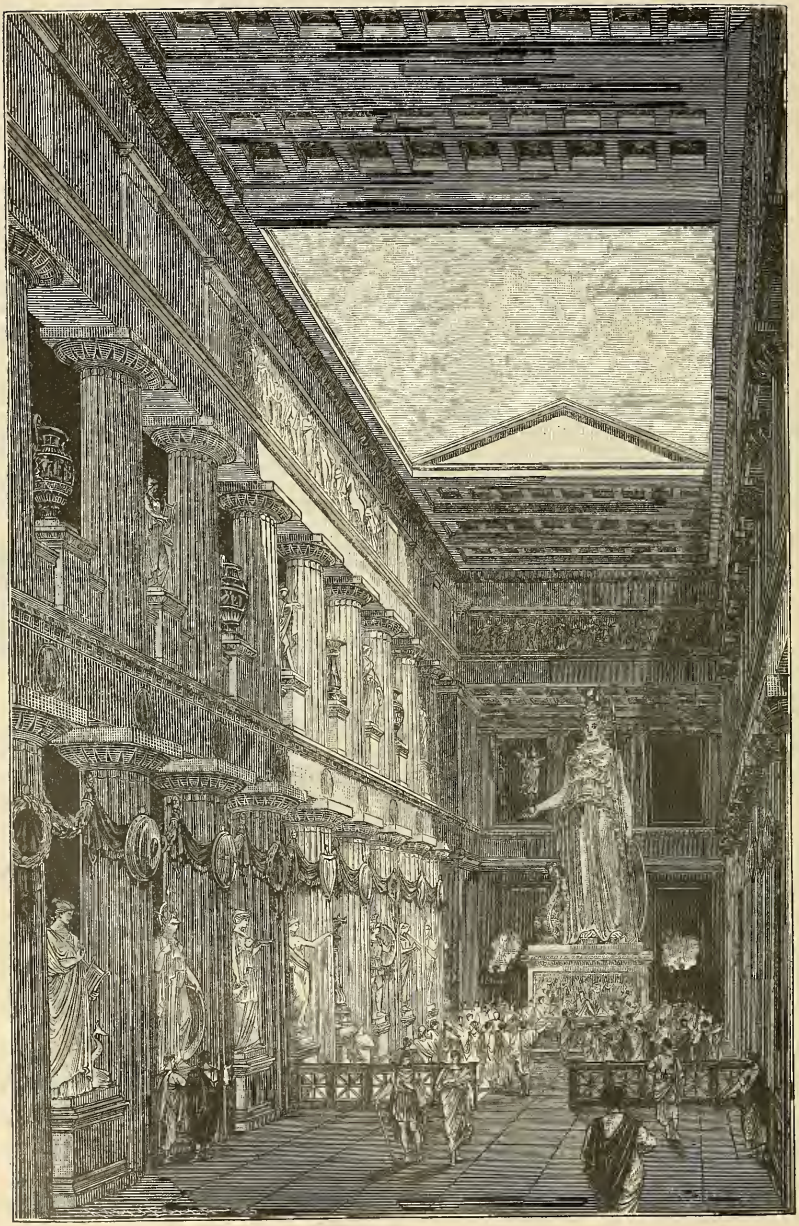


Іоническая капитель.



Коринѳская капитель.

насъ только *каріатиды Эрехѳеона* (изящныя женскія фигуры, поддерживавшія крышу, вмѣсто колоннъ) и *Молящійся* (побѣдитель на играхъ), котораго относятъ къ школѣ *Поликлета* — перваго скульптора послѣ Фидія. Но зато сохранились копіи со статуй того времени. Зодчество также достигло совершенства въ 5 в. Явилось много изящныхъ храмовъ, особенно въ Аттикѣ; они стали красивѣе, и ихъ дѣлали уже исключительно изъ мрамора. Колонны съузились кверху, вытянулись и покрылись красивыми ложбинками. Верхомъ совершенства были храмы на Акрополѣ—*Парѳенонъ* дорическаго стиля и *Эрехѳеонъ*—іоническаго. Парѳенонъ, окруженный множествомъ колоннъ и



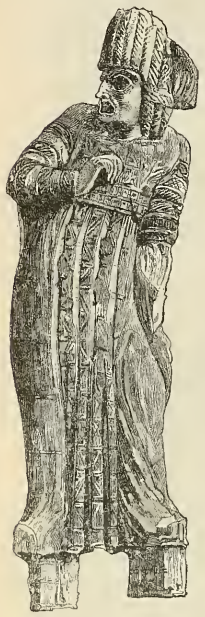
Парѳенонъ со статуей Аѳины, работы Фидія.

служившій казнохранилищемъ аѳинянъ, сохранился въ значительной степени. Эрехѳеонъ былъ хранилищемъ древнѣйшихъ святынь: гробницъ героевъ, оливковаго дерева Аѳины и колодца Посейдона. Тогда же Каллимахъ изобрѣлъ новый, *коринѳскій* стиль, который отличался отъ іоническаго только капителью, изображающею чашечку распустившагося цвѣтка. Возникли и новыя архитектурныя формы—каменный *театръ* и *Одеонъ*—круглое зданіе для музыкальныхъ состязаній, съ куполомъ въ видѣ палатки Ксеркса. Чудомъ искусства были *Пропилеи*, или „преддверіе“, чрезъ которое всходили на Акрополь. Это—три галлереи изъ іоническихъ колоннъ, кончавшіяся съ обѣихъ сторонъ дорическими портиками, каждый съ пятью пролетами; сохранился только портикъ, служившій *пинакотекой* (картинною галлереей). Къ Пропилеямъ вела широкая лѣстница, отъ которой уцѣлѣло лишь нѣсколько ступеней; посреди нея шла мраморная мостовая съ вырѣзанными въ ней колеями для колесницы, на которой возили въ панаѳинеи одежду для Аѳины Вотельницы.

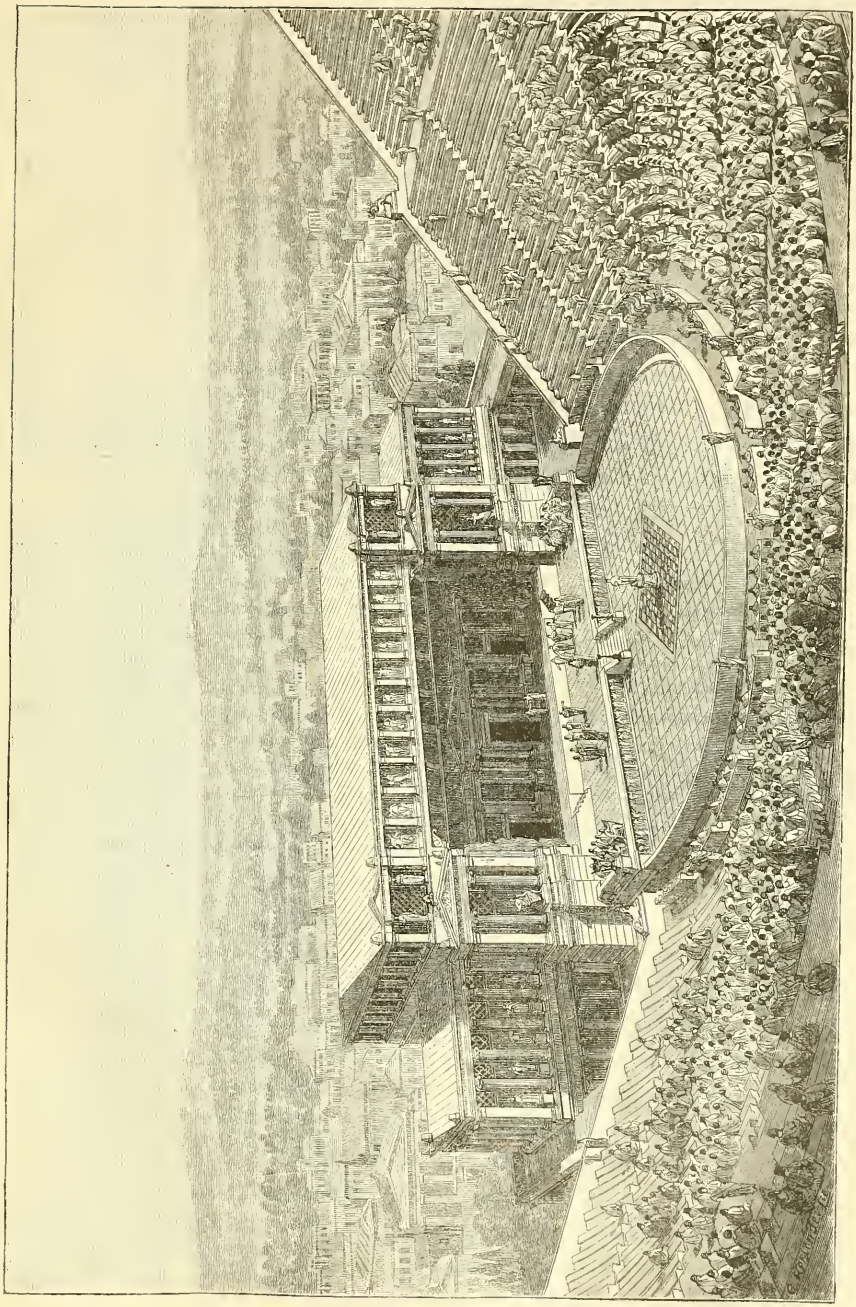
Наконецъ появилась *живопись*, благодаря геніальному *Полигноту*, писавшему большія картины, вродѣ осады Трои; но она не отличалась ни тѣнями ни сочностью красокъ: это было расписываніе стѣнъ, особенно въ храмахъ и гостиныхъ дворахъ. Но уже тогда возникли *декораціи* въ театрѣ, вызвавшія потомъ изобрѣтеніе перспективы и тѣней.

§ 131. г) **Поэзія. Театръ.** Кромѣ искусства, художественный геній грековъ проявился въ поэзіи. Какъ передъ персидскими войнами господствовала лирика (§ 102), такъ въ 5 в. выдвинулась драма. Переходомъ къ новой поэтической эпохѣ служитъ послѣдній и самый важный лирикъ, ѳиванецъ *Пиндаръ*, который получилъ извѣстность передъ персидскими войнами, а умеръ вскорѣ послѣ Кимона. Пиндаръ прославился торжественными *одами* на важныя событія. Тираны и богачи платили ему огромныя суммы за нѣсколько стиховъ. На играхъ ему присуждали награды; однажды посадили его на тронъ, увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ, дали ему часть жертвы, какъ богу, и поставили въ храмъ тронъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Его домъ былъ единственнымъ зданіемъ, которое пощадилъ Александръ Македонскій, разрушившій Ѳивы до основанія. Уже при Пиндарѣ началось господство *драмы*, которая вытекла изъ религіи. При праздникахъ въ честь Діониса пѣли *дивирамбъ*, въ которомъ изображалась отчасти печаль, по случаю смерти бога, отчасти же радость, по поводу его возрожденія. При этомъ приносили въ жертву козла (погречески „трагосъ“): отсюда названіе жертвенной пѣсни—*трагедія*. Хоръ, плясавшій вокругъ жертвенника, переряживался, чтобы подладиться къ воспѣваемому миѳу: намазывались глиной или сажей, одѣвались въ овечьи шкуры, нацѣпляли листья, вмѣсто бороды и парика, и даже надѣвали деревянныя маски. Во время

Пизистрата одинъ смѣльчакъ выступилъ изъ хора и началъ перегова-риваться съ нимъ, быстро перемѣняя маски, чтобы изображать раз-ныя лица. Это былъ первый въ мірѣ актеръ. Народу и Пизистрату понравилось нововведеніе, противъ котораго былъ старикъ Солонъ. Затѣмъ не трудно было прибавить актеровъ и брать сюжеты не изъ одного миѳа о Діонисѣ, но и изъ другихъ разсказовъ о богахъ. Чтобы угодить народу, нашлись богачи, которые стали на свой счетъ составлять и обучать хоры, т.-е. ставить пьесу на сцену (§ 116). Между ними, а также между драматургами, возникли состязанія; имена побѣдителей вырѣзывались на общественныхъ памятникахъ. Сначала играли на подвиж-ныхъ подмосткахъ; потомъ въ Аѳинахъ сдѣлали деревянный театръ, а когда онъ обрушился, устроили каменный. Греческій театръ былъ огромныхъ раз-мѣровъ, потому что сюда сходились всѣ граждане съ женами и даже дѣтьми и рабами. Его строили на покатости холма. Крыши не было. Мѣста шли амфитеатромъ („амфи" — вокругъ, „ѳеатронъ" —зрѣ-лище), т.-е. полукругомъ и одинъ рядъ выше друго-го. Они были широкія, потому что грекъ любилъ прилечь на подушкахъ или коврикахъ, которые онъ приносилъ съ собою. Противъ зрителей поднима-лась *сцена* („скинія" —палатка), а передъ нею на-ходилось пустое пространство, которое называлось *орхестрой:* это — нашъ оркестръ съ прибавкой партера. Посрединѣ орхестры стоялъ жертвенникъ Вакху, вокругъ кото-раго пѣлъ и плясалъ хоръ, переходившій иногда и на сцену по лѣсенкѣ. На сценѣ декорація изображала фасадъ храма или дворца: дѣйствіе всегда происходило на чистомъ воздухѣ. Декорація не мѣнялась, но кулисы представляли разные виды, поворачиваясь на своихъ осяхъ. Механическая часть достигла высокаго развитія: были громы, молніи, пожары; съ неба слетали боги на драконахъ и крылатыхъ колесни-цахъ; хоръ превращался то въ осъ или лягушекъ, то въ птицъ или облака. Актеръ долженъ былъ походить не на человѣка, а на героя или бога. Поэтому онъ носилъ высокіе *котурны* (деревянные баш-маки, стоившіе маленькихъ ходуль), обкладывался подушками, надѣ-валъ огромную *маску.* Авторъ самъ обучалъ актеровъ декламаціи, которая была медленна и торжественна; онъ же сочинялъ музыку для хора. Впрочемъ съ главными ролями ему еще не трудно было справиться, потому что онѣ исполнялись артистами по профессіи. Но второстепенныя роли отдавались первому встрѣчному. Труднѣе всего было обучить хоръ, который составлялся изъ юныхъ богачей,



Греческій трагикъ.



Театръ Діониса въ Аѳинахъ.

смотрѣвшихъ на это занятіе, какъ на забаву. Но тутъ драматургу помогалъ *корифей*, или глава хора, запѣвало, который хорошо зналъ свое дѣло. Главною обязанностью хора было пѣть „пѣсню“ — *оду*, причемъ онъ медленно подвигался въ одну сторону, или совершалъ „обходъ“ вокругъ жертвенника. Обходъ погречески — *строфа;* поэтому и та часть пѣсни, которая соединялась съ нимъ, называлась строфой. Потомъ хоръ совершалъ „обратный обходъ“, или *антистрофу:* такъ назывался и второй куплетъ пѣсни. Хоръ пѣлъ спокойно и торжественно. Ему вторила весьма простая и наивная музыка. Съ теченіемъ времени хоръ потерялъ свое значеніе, такъ какъ онъ мѣшалъ дѣйствію на сценѣ, часто прерывая его.

§ 132. д) **Трагедія и комедія.** Основателями трагедіи считаются Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Въ день Саламинской битвы 35-ти лѣтній Эсхилъ сражался за отечество, 15-тилѣтній Софоклъ былъ корифеемъ хора при торжествѣ послѣ побѣды, а Эврипидъ родился. Каждый изъ нихъ написалъ болѣе 100 пьесъ, но до насъ дошло отъ Эсхила и Софокла по 7 трагедій, отъ Эврипида — 19. *Эсхилъ* умеръ въ Сициліи, покинувъ Аѳины, гдѣ ему становилось тяжело жить: онъ былъ аристократъ по рожденію и по духу, защищалъ ареопагъ (§ 116), восхвалялъ Кимона, въ то время какъ въ Аѳинахъ уже развилась демократія; ктому же Эсхилу непріятно было, что Софоклъ началъ побѣждать его въ драматическихъ состязаніяхъ. *Софоклъ* былъ счастливѣе. Сынъ зажиточной семьи, онъ дожилъ въ Аѳинахъ до глубокой старости, не испытавъ несчастій. Юность его протекла среди уединенія села, гдѣ его отецъ былъ оружейникомъ. Первая же пьеса доставила ему побѣду надъ Эсхиломъ; потомъ всѣ его трагедіи были увѣнчаны, если не первою, то второю наградой; за одну изъ нихъ онъ былъ выбранъ даже полководцемъ въ важномъ походѣ. Аѳиняне всегда любили и ласкали Софокла, сочиненія котораго представляютъ высшее развитіе драмы въ древности. Въ нихъ отразились всѣ лучшія стороны вѣка Перикла: они также изящны, очаровательны и полны гармоніи, какъ статуи Фидія. Не такова была судьба *Эврипида.* Это былъ очень умный, образованный и крайне любознательный человѣкъ. Вопреки отцу, который хотѣлъ сдѣлать изъ него акробата, онъ пошелъ учиться къ софистамъ; но они не удовлетворили его, и онъ сталъ другомъ Сократа. Въ театрѣ первыя трагедіи Эврипида рѣдко удостоивались награды, и Аристофанъ безпощадно осмѣивалъ ихъ. Несчастья преслѣдовали Эврипида и дома: его жены (онъ былъ два раза женатъ) были злаго характера. Эврипидъ постоянно тосковалъ и бранилъ все на свѣтѣ. Года за три до смерти, онъ покинулъ родину и переселился къ македонскому царю, *Архелаю*, который старался распространить просвѣщеніе въ своей варварской странѣ. Здѣсь Эврипидъ былъ окруженъ

необыкновеннымъ почетомъ; но вскорѣ завистливые царедворцы затравили его собаками во время одной изъ его уединенныхъ прогулокъ. Это случилось за полгода до смерти Софокла. Извѣстіе о кончинѣ Эврипида пришло въ Аѳины въ то самое время, когда Софоклъ ставилъ свою послѣднюю трагедію: онъ приказалъ актерамъ играть безъ вѣнковъ на головѣ, въ знакъ траура по своемъ несчастномъ соперникѣ. Трагедіи Эврипида отличались самобытностью и философскою мыслью, въ особенности же необыкновенною трогательностью. Стихи, въ которыхъ дѣйствующія лица выражали свою скорбь, душевныя мученія, производили чудеса: они доводили зрителей до слезъ. При Алкивіадѣ аѳиняне, попавшіе въ рабство къ сицилійцамъ, получили свободу, растрогавъ своихъ господъ стихами Эврипида. Многіе изъ нихъ добывали себѣ пропитаніе декламированіемъ этихъ стиховъ. Лизандръ, овладѣвъ Аѳинами, собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили разрушить городъ; но за совѣтомъ послѣдовалъ пиръ, на которомъ одинъ наемный пѣвецъ продекламировалъ изъ Эврипида; полководцы прослезились — и Аѳины были спасены. — Въ праздники Вакха послѣ серьезнаго дивирамба начинался „пиръ“, или *комосъ*, во время котораго толпа потѣшно переряживалась, пѣла веселыя пѣсни и шутила, подсмѣиваясь надъ разными лицами изъ своей среды. Главная пѣсня называлась *комедія*. Когда она перешла изъ села въ Аѳины, здѣсь уже былъ театръ, и она усвоила себѣ всю внѣшность трагедіи. Но по содержанію комедія вовсе не походила на трагедію. Она заимствовала свои сюжеты не изъ миѳовъ и великихъ событій, а изъ обыденной жизни. Она рисовала съ смѣшной стороны простыхъ смертныхъ, и если иногда выводила на сцену Олимпійцевъ, то только для того, чтобы осмѣять ихъ. Чаще всего изображались живыя современныя личности, и ихъ такъ копировали даже по наружному виду, что оригиналъ, сидѣвшій между зрителями, легко узналъ себя. Нерѣдко этими оригиналами были первыя лица въ республикѣ. Вообще задачей комедіи было осмѣяніе предразсудковъ и пороковъ общества; но часто она обращалась въ орудіе политическихъ партій, какъ пасквиль или газетная клевета. Комедія нерѣдко бранилась до того грубо, что въ театръ не пускали женщинъ и дѣтей. Архонты долго подвергали ее разнымъ стѣсненіямъ; но въ началѣ пелопонесской войны она получила полную свободу, и тогда появился самый знаменитый въ древности комикъ, *Аристофанъ*, отъ котораго сохранились почти всѣ 11 пьесъ. Аристофанъ внесъ въ пріятную аѳинскую рѣчь сарказмъ, или „аттическую соль“. Онъ былъ поклонникомъ старины и аристократизма, осмѣивалъ Перикла, Аспазію и Сократа (§ 117). Онъ былъ необыкновенно ѣдокъ и смѣлъ. Въ одной комедіи (§ 121) онъ зло осмѣялъ Клеона, котораго тогда такъ боялись, что актеры отказались исполнить его роль, никто не согла-

шался даже сдѣлать маску, похожую на сильнаго демагога; Аристофанъ раскрасилъ себѣ лицо и самъ сыгралъ роль Клеона.

§ 133. **е) Философія, риторика и исторія.** Проза 5 в. ниже искусства и поэзіи, но и она достигла значительнаго развитія. Въ *философіи* возникли новыя школы, вовсе не походившія на первоначальныхъ философовъ-физиковъ (§ 102). *Анаксагоръ* (§ 115) доказывалъ, что основою вселенной служитъ не какая-нибудь физическая сила, а идея, или Разумъ: это—начало *метафизики*, или философскаго идеализма („мета"—сверхъ, за, дальше). *Софисты* переиначили ученіе Анаксагора, поставивъ умъ *личности* на мѣсто Разума вообще. При всѣхъ своихъ ошибкахъ (§ 121), они имѣли важное значеніе, выдвигая свободу человѣка и критику, необходимую для искорененія старыхъ предразсудковъ. Софисты были самыми просвѣщенными людьми своего времени; они дошли до многихъ новыхъ мыслей, заставляли разсуждать обо всемъ, распространяли обученіе народа, *развили греческій языкъ* созданіемъ грамматики, риторики и краснорѣчія. Софисты были умственною аристократіей своего времени и гордо осмѣивали недостатки толпы, особенно ея старую религію; ихъ учениками были преимущественно богатые юноши, такъ какъ они брали деньги за свои уроки. Все это не нравилось невѣжественной толпѣ, которая считала ихъ разрушителями существующаго порядка: она и Сократа осудила оттого, что смѣшивала его съ софистами. Между тѣмъ *Сократъ* (§ 127) представлялъ новую философскую школу, враждебную софистамъ. Онъ именно выступилъ противъ увлеченій софистовъ, доказывалъ, что они неправы, отрицая все, и что есть вѣчная правда и нравственныя требованія, которыя онъ нашелъ въ нашей собственной душѣ. Изъ философіи, въ которой были въ зародышѣ всякія знанія, выдѣлились въ 5 в. астрономія (Метонъ), медицина (Гиппократъ), юриспруденція, риторика и исторія. Прежде всего, подъ вліяніемъ демократіи съ ея свободою слова, развилась *риторика*, или искусство хорошо писать и говорить разныя рѣчи, въ особенности же судебныя. Тогда старались говорить изысканно, взвѣшивая не только каждое слово, но и каждое удареніе, какъ въ стихахъ. Это искусственное, внѣшнее краснорѣчіе соотвѣтствовало *діалектикѣ*, или внѣшней логичности софистовъ, которые и ввели его. Въ Аѳинахъ, передъ пелопонесскою войной, сициліецъ *Горгій* устроилъ первую риторскую школу. Вскорѣ риторство проникло всюду, даже въ обыденную рѣчь. Но записными риторами считались тѣ изъ софистовъ, которые сочиняли рѣчи по заказу, особенно судебныя. Насчитываютъ 10 главныхъ аттическихъ ораторовъ 5 в.; во главѣ ихъ стоялъ *Антифонъ*, ученикъ Горгія и членъ правленія Четырехсотъ. Отцомъ исторіи называютъ *Геродота*, который родился въ Галикарнассѣ, въ началѣ персидскихъ войнъ, въ

знатномъ и богатомъ семействѣ. Онъ получилъ хорошее воспитаніе, которое докончилъ путешествіями по Египту, Азіи, Черному м. и Элладѣ. Вслѣдствіе борьбы партій на родинѣ, Геродотъ переселился въ ю. Италію, гдѣ умеръ въ глубокой старости. Первые отрывки изъ своей исторіи Геродотъ прочелъ на панаѳинеяхъ. Они такъ понравились аѳинянамъ, что автора наградили 15,000 р. Содержаніемъ исторіи Геродота были персидскія войны; но въ ней множество *эпизодовъ*, въ которыхъ авторъ разсказываетъ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время своихъ путешествій. Эти разсказы правдивы и очаровательны; но въ нихъ много дѣтскаго, наивнаго, даже сказочнаго. Геродотъ, вѣрившій въ Олимпійцевъ, не разсуждаетъ: это скорѣе поэтъ-разсказчикъ, чѣмъ историкъ. Истиннымъ историкомъ былъ ученикъ Антифона, *Ѳукидидъ* (§ 121). Онъ происходилъ изъ весьма знатной аѳинской фамиліи и былъ очень богатъ, владѣя золотыми рудниками во Ѳракіи. Вслѣдствіе одной оплошности во время пелопонесской войны онъ удалился во Ѳракію, гдѣ долго потомъ показывали платанъ, подъ которымъ онъ писалъ свою „Исторію пелопонесской войны“. Великій историкъ не успѣлъ окончить своего труда, какъ его сразила рука убійцы. Исторія Ѳукидида основана на фактахъ, которые онъ собиралъ повсюду, не жалѣя средствъ. Въ ней нѣтъ ничего сказочнаго и наивнаго: Ѳукидидъ презрительно отзывался о *разсказахъ* Геродота, которые, однако, по преданію, заставили его прослезиться, когда онъ въ дѣтствѣ услышалъ ихъ на публичномъ чтеніи. Ѳукидидъ оставилъ первую политическую *исторію*, т.-е. критическое изслѣдованіе политики съ характеристикою дѣятелей. Его труды отличались безпристрастіемъ, а также философскими разсужденіями, за которыя современники упрекали его въ безвѣріи. Въ немъ столько поучительнаго, что политики изучали его, а Демосѳенъ собственноручно переписалъ его 8 разъ. Къ сожалѣнію, языкъ Ѳукидида кратокъ иногда до темноты, и на его трудѣ отразилось риторство софистовъ; въ немъ много изящныхъ рѣчей, которыхъ никто никогда не произносилъ.

IV. Гегемонія Ѳивъ и господство Македоніи. 400—323.

§ 134. **Вторая гегемонія Спарты.** Послѣ паденія Аѳинъ настала вторая, болѣе невыносимая гегемонія Спарты. Она распространялась не на одинъ Пелопонесъ: по всей Греціи слово спартанца стало закономъ. Спартанская гегемонія была шагомъ назадъ въ греческой исторіи. Первенство Аѳинъ, служившее наградой за освобожденіе Эллады отъ персовъ, было тяжело только въ послѣднее время, да и то лишь въ денежномъ отношеніи; ктому же оно доставляло союзникамъ широкое торговое поприще и высокую цивилизацію. Спартан-

ская же гегемонія была пріобрѣтена выдачею освобожденныхъ грековъ персамъ и разрушеніемъ „школы Эллады“. Спарта, не знавшая ничего, кромѣ войны, не могла доставить союзникамъ никакихъ выгодъ; а между тѣмъ, ставъ великою державой, она принуждена была брать съ нихъ не меньше денегъ, чѣмъ Аѳины. Но тяжелѣе всего было управленіе свирѣпыхъ и жадныхъ гармостовъ, назначаемыхъ иногда даже изъ илотовъ, и ихъ орудій — олигархическихъ декархій (§ 125). Они клялись „быть врагами демоса и вредить ему, насколько хватитъ силъ“. Демократовъ избивали и изгоняли сотнями; ихъ семьи подвергались всякимъ оскорбленіямъ. Однажды аргосцы заспорили со спартанцами о границахъ и оказались правыми; но Лизандръ сказалъ, указывая на свой мечъ: „у кого сильнѣе вотъ это доказательство, тотъ лучше понимаетъ вопросы о границахъ“. Въ Спартѣ не было геліастовъ, которымъ союзники могли-бы жаловаться на злоупотребленія властей. И эта-то Спарта хвасталась, что доставляетъ „свободу“ грекамъ! Освободивъ делосскихъ союзниковъ отъ „ига Аѳинъ“, она стала требовать теперь „свободы“ мелкихъ городовъ, подчинявшихся болѣе крупнымъ. Это значило уничтожить ненавистныя персамъ *мелкія гегемоніи*, или союзы, спасавшіе грековъ отъ гибельныхъ послѣдствій крайней раздробленности. Такъ спартанцы уничтожили Мантинею и „освободили“ элидцевъ отъ ихъ гегемона, города Элиды, т.-е. обратили ихъ въ своихъ рабовъ; затѣмъ на очереди были крупные города — Ѳивы, Коринѳъ и Аргосъ.

§ 135. **Безпорядки въ Спартѣ. Походъ десяти тысячъ.** Господство спартанцевъ было тѣмъ ненавистнѣе, что они утратили старыя доблести. Ликурговъ бытъ разлагался, и Лакедемонъ превращался въ поприще интригъ и междоусобій. Спартанцы съ жадностью набросились на золото и наслажденія, и стали жить роскошно, франтить, ѣсть изысканно; персы легко подкупали ихъ правителей; пала даже военная дисциплина. Исчезло имущественное равенство между самими спартіатами. Въ рукахъ 50 фамилій „равныхъ“ сосредоточивались земли и богатства, и онѣ устранили отъ власти „меньшихъ“ спартіатовъ, которые поэтому бунтовали заодно съ періэками и илотами. Волненіями пользовались такіе честолюбцы, какъ Павзаній (§ 110). Въ 392 г. одинъ изъ „меньшихъ“, горячій юноша *Кинадонъ*, невознагражденный за свои заслуги, составилъ обширный заговоръ съ цѣлью вырѣзать „равныхъ“, и только измѣна помѣшала разразиться этой великой революціи въ Спартѣ. Въ то же время эфоры вели ожесточенную борьбу съ царями, желавшими освободиться отъ ихъ власти; а цари враждовали между собой. Наконецъ былъ живъ спартанскій Алкивіадъ, Лизандръ, который стремился теперь къ тираніи, имѣя въ рукахъ нити отъ всѣхъ олигархическихъ гетерій и декархій. Такъ какъ ему, даже не спартіату, нельзя было сдѣлаться

царемъ, то онъ интригами посадилъ на тронъ родственника законнаго наслѣдника, хромаго *Агезилая*, который казался ничтожествомъ и угождалъ ему, какъ своему господину. Затѣмъ, чтобы пріобрѣсти военную диктатуру, Лизандръ побудилъ спартанцевъ къ войнѣ съ персами, которая уже началась тогда, помимо ихъ воли, подъ именемъ *похода десяти тысячъ* грековъ въ Азію. Это событіе связано съ *наемничествомъ*, которое развилось среди грековъ послѣ пелопонесской войны, воспитавшей духъ грабежа и жажду приключеній. Въ наемники шли оставшіеся безъ дѣла воины и политическіе изгнанники. Это были буйныя головы, у которыхъ не было другаго отечества, кромѣ лагеря съ любимымъ атаманомъ, и другой цѣли, кромѣ добычи и наемной платы. Среди нихъ больше всего было аркадцевъ, критянъ, въ особенности же спартанцевъ: главнымъ мѣстомъ найма былъ мысъ Тенаръ (§ 77). Наемники составляли тогда лучшее войско, отличались отвагой, быстротой и *новою* искусною *тактикой*. Ихъ боялись, какъ огня: когда они пристава̀ли къ берегу, жители бѣжали въ лѣса и ущелья. Историческое значеніе наемниковъ состоитъ въ томъ, что они доказывали *общественное разложеніе Греціи* и служили *опорой тираніи* повсюду, отъ Сициліи до Македоніи: только съ ихъ помощью могло возникнуть господство Македоніи въ Элладѣ. Отрядъ греческихъ наемниковъ пошелъ на службу въ Киру Младшему, задумавшему низвергнуть Артаксеркса съ престола (§ 125); ему тайно помогала Спарта. Вслѣдствіе погибели Кира въ бою близъ Вавилона, дѣло наемниковъ было проиграно; но они возвратились къ Черному морю, пройдя 3 т. верстъ по непроходимымъ мѣстамъ, среди множества враждебныхъ народовъ (400). Предводителемъ 10 т. героевъ былъ простой солдатъ, но аѳинянинъ и другъ Сократа, *Ксенофонтъ*. Этотъ походъ имѣлъ большое значеніе. Онъ возвысилъ военную славу грековъ и обнаружилъ разложеніе Персіи, которой до тѣхъ поръ боялись спартанцы. Его прямымъ слѣдствіемъ было *возобновленіе персидскихъ войнъ* (399—387). Артаксеркс̀ъ началъ опустошать греческія колоніи въ Малой Азіи, которыя обратились за помощью къ Спартѣ, какъ къ гегемону Эллады. Спарта отправила армію въ Азію, подъ начальствомъ Агезилая, главнымъ совѣтникомъ котораго назначили Лизандра.

§ 136. **Война Спарты съ персами. Коринѳская война.** Тутъ обнаружилась ошибка Лизандра. Агезилай сбросилъ маску и оказался однимъ изъ послѣднихъ спартанцевъ стараго закала. Онъ носилъ грубое платье, ѣлъ кровяную похлебку, соблюдалъ до мелочей древніе обычаи и обряды; онъ выказалъ военный талантъ и сталъ любимцемъ войска. Агезилай хотѣлъ возстановить законы Ликурга: онъ безпощадно подавилъ заговоръ Кинадона и возненавидѣлъ Лизандра. Агезилай возмечталъ завоевать Востокъ и сдѣлать Спарту владычицей

міра. Но это была такая ложная мысль, что слѣдствіемъ ея было истощеніе силъ Спарты; и противъ самого Агезилая поднялось недовольство, послѣ того, какъ онъ около 40 л. управлялъ съ властью, небывалою въ Спартѣ. Прибывъ въ Азію, Агезилай заставилъ Лизандра возвратиться въ Спарту, предложивъ ему должность смотрителя за придворной кухней, и поставилъ на его мѣсто Ксенофонта, который сочувствовалъ спартанству и покинулъ Аѳины послѣ казни Сократа. Два года Агезилай одерживалъ побѣды и уже готовился къ походу въ Сузу, когда его отозвали домой. Въ Элладѣ вспыхнуло междоусобіе. По совѣту Конона (§ 125), который старался отомстить Спартѣ за Аѳины, персы возбудили противъ лакедемонцевъ половину Эллады. Самыя сильныя республики—Ѳивы, Коринѳъ, Аѳины, Аргосъ начали войну, которая называется *коринѳскою*, такъ какъ она сосредоточивалась у Исѳма. Лизандръ смѣло выступилъ противъ союзниковъ, но былъ убитъ въ первомъ сраженіи. Эфоры призвали Агезилая, но и онъ не могъ поправить дѣла, тѣмъ болѣе что повелъ его со спартанскою жестокостью и мстительностью. А въ Аѳинахъ воскресла тогда старая геніальность, въ лицѣ наемниковъ, вождемъ которыхъ сталъ сынъ сапожника, *Ификратъ*. Ификратъ былъ идоломъ солдатъ, хотя въ его лагерѣ царствовала желѣзная дисциплина. Онъ произвелъ переворотъ въ военномъ дѣлѣ, замѣнивъ тяжеловѣснаго гоплита изворотливымъ *пельтастомъ*, въ легкомъ панцырѣ, съ легкимъ щитомъ (пельта) и длиннымъ мечемъ. Быстрые и удалые пельтасты внезапно словно выростали изъ земли, и у союзниковъ Спарты матери пугали ребятъ ихъ именемъ. Вскорѣ сами спартанцы стали бояться ихъ, послѣ того какъ Ификратъ истребилъ цѣлый отрядъ ихъ гоплитовъ, не давъ имъ опомниться отъ неожиданности. Въ то же время Кононъ истребилъ спартанскій флотъ у *Книда*, опустошилъ берега Лаконіи и, вмѣстѣ съ Ѳразибуломъ (§ 123), *возстановилъ Длинныя Стѣны* въ Аѳинахъ и укрѣпленія въ Пиреѣ. Спарта просила мира и даже помощи у персовъ, которые уже начали опасаться аѳинянъ. Посланный въ Сузу хитрый спартанецъ, *Анталкидъ*, послѣ многихъ униженій, добился мира (387), по которому: 1) малоазійскіе греки и Кипръ впервые *формально* были подчинены персамъ; 2) была объявлена автономія всѣхъ мелкихъ городовъ Эллады, т.-е. гибель сильныхъ республикъ: Ѳивъ, Аѳинъ и Коринѳа. Персидскій царь поручилъ Спартѣ наблюдать за исполненіемъ этихъ условій. Греки всегда считали Анталкидовъ миръ пятномъ въ исторіи Эллады. Онъ означалъ, что они принесли персидскому царю повинную за славные дни Мараѳона и Саламина и сдѣлали его судьей въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; и это въ то время, когда Персія разлагалась и сама жила только греческими наемниками.

§ 137. **Деспотизмъ Спарты. Пелопидъ и Эпаминондъ.** Этотъ

позоръ грековъ былъ дѣломъ Спарты, которая между тѣмъ стала владычицей Эллады. Въ качествѣ блюстительницы Анталкидова мира, она начала распоряжаться въ Греціи деспотичнѣе прежняго. Повсюду возвращались толпами изгнанные олигархи и вырѣзывали демократовъ; Агезилай же выступилъ съ войсками уничтожать сильныя республики. Въ Пелопоннесѣ была разрушена *Мантинея*, этотъ оплотъ Аркадіи. На сѣверѣ та же участь постигла *Олинѳъ*, къ которому переходило тогда морское могущество Аѳинъ. Олинѳъ образовалъ цѣлый халкидскій союзъ и тѣснилъ македонянъ, у которыхъ отнялъ даже столицу Пеллу. Онъ уже началъ переговоры о союзѣ съ Аѳинами и Ѳивами, когда спартанцы внезапно напали на него. Халкидскій союзъ былъ разрушенъ; часть его земель отошла къ Македоніи, которая начала тогда усиливаться. Спартанцамъ оставалось расправиться съ среднею Греціей, гдѣ главною силой стали *Ѳивы*. Съ помощью ѳивскихъ аристократовъ, они хитростью овладѣли Кадмеей и начали свирѣпствовать противъ демократовъ, изъ которыхъ спаслось всего человѣкъ 500, бѣжавшихъ въ Аѳины, съ Пелопидомъ во главѣ. Никогда еще Спарта не была такъ могущественна; но тогда же началось ея паденіе, потому что это могущество было основано на деспотизмѣ и опиралось на дружбу царей Персіи, Македоніи и Эпира, да тирана Сиракузъ. Во главѣ враговъ Спарты стали ѳиванцы, которыхъ называли до тѣхъ поръ „беотійскими свиньями“ за ихъ невѣжество, обжорство и неповоротливость. Они какъ бы переродились стали заниматься военными упражненіями; ихъ гимназіи переполнились гордою, энергичною молодежью, которая увлекалась также философіей, занесенною въ Ѳивы однимъ пиѳагорейцемъ. Представителемъ этой молодежи былъ *Пелопидъ*, знатный, богатый и образованный юноша, горячій демократъ и патріотъ, храбрый и блестящій воинъ. Онъ пробрался тайкомъ изъ Аѳинъ въ Ѳивы, во главѣ 12 отважныхъ товарищей, и выгналъ спартанскій гарнизонъ съ помощью возставшаго народа. Ѳиванцы устроили демократическое правленіе и вручили власть другу Пелопида, *Эпаминонду*, которому было уже 40 л. Это былъ задумчивый философъ, усвоившій правила Пиѳагора—воздержность, молчаливость и смиреніе. У него не было даже необходимой мебели и посуды; ему приходилось сидѣть дома, когда его плащъ отдавался въ починку. Эпаминондъ учился у заѣзжаго пиѳагорейца и Горгія и ѣздилъ въ Аѳины слушать Платона. Онъ былъ музыкантъ, гимнастъ, ораторъ, замѣчательный политикъ и полководецъ. Онъ развилъ тактику Ксенофонта и Ификрата, изобрѣвши *косой строй*, при которомъ одна половина арміи стояла въ резервѣ, а другая представляла видъ клина, толстый конецъ котораго врѣзывался въ центръ непріятеля съ неотразимой силой. Эпаминондъ посвятилъ всѣ свои дарованія отечеству и потому не женился. Патріо-

тизмъ же свелъ его съ Пелопидомъ: ихъ дружба никогда не нарушалась.

§ 138. **Ѳивы и Аѳины. Левктра.** Эпаминондъ съ Пелопидомъ быстро превратили Ѳивы въ неприступную крѣпость и образовали превосходную армію, во главѣ которой стояла *священная дружина* изъ 300 лучшихъ юношей, клявшихся охранять знамя до смерти. Затѣмъ Эпаминондъ возстановилъ *беотійскій союзъ*, т.-е. подчинилъ Ѳивамъ всѣ города Беотіи, получившіе автономію по Анталкидову миру. Наконецъ онъ вовлекъ въ интересы Ѳивъ сѣверную и среднюю Грецію. Тогда въ полудикой Ѳессаліи, среди грубыхъ и жестокихъ тирановъ, выдвинулся даровитый и образованный *Язонъ*, другъ народа, врагъ знати. Онъ сталъ вождемъ всей Ѳессаліи, собралъ большую армію съ первою въ мірѣ кавалеріей, и стремился овладѣть Элладой, пользуясь ея междоусобіями. Язонъ самъ предложилъ свою помощь ѳиванцамъ. Еще важнѣе былъ союзъ Ѳивъ съ Аѳинами, которыя тогда снова захватили въ свои руки торговлю и возобновили *морской союзъ*, обнимавшій до 70 городовъ и острововъ. У аѳинянъ образовалась также хорошая казна изъ взносовъ союзниковъ и крупныхъ налоговъ на богачей. Ихъ арміей управлялъ доблестный Ификратъ, а флотомъ—даровитый сынъ Конона, *Тимоѳей*, который такъ привлекалъ союзниковъ кротостью, щедростью и дисциплиной, что его изображали спящимъ, съ сѣтью въ рукахъ, въ которую сами вползаютъ города. Аѳиняне вступили въ союзъ съ Ѳивами, уничтожили спартанскій флотъ и опустошили берега Лаконіи. Ѳиванцы же отличались на сушѣ, такъ что Агезилай даже заболѣлъ и удалился отъ дѣлъ. Слава ихъ разнеслась по всей Элладѣ и на Востокѣ и такъ встревожила всѣхъ, что даже аѳиняне испугались ихъ могущества и заключили миръ съ Лакедемономъ, когда тотъ призналъ ихъ морскую гегемонію. Теперь спартанцы рѣшились сразу стереть съ лица земли одинокія Ѳивы. Они собрали всѣ свои силы и явились въ Беотіи. У Эпаминонда было вдвое меньше войска, но онъ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе при *Левктрѣ* (371), гдѣ палъ самъ спартанскій царь.

§ 139. **Гегемонія Ѳивъ. Мантинея.** Съ Левктры начинается гегемонія Ѳивъ. У Эпаминонда была теперь первая армія въ мірѣ: онъ распоряжался силами большей части Эллады. Онъ даже вдругъ создалъ обширный *беотійскій флотъ*, чтобы наказать аѳинянъ за измѣну, и ихъ союзники начали переходить на его сторону. Ѳивы владѣли Ѳермопилами и Исѳмомъ и даже распоряжались въ сѣверной Греціи. Язонъ былъ убитъ соперниками, и въ *Ѳессаліи* настала кровавая борьба партій, которая достигла тогда крайнихъ размѣровъ и въ *Македоніи*. Соперники просили ѳиванцевъ о помощи, и Пелопидъ нѣсколько разъ являлся въ этихъ странахъ, то съ грозною арміей,

то лишь съ своею священною дружиной. Онъ устраивалъ тамъ дѣла и однажды привезъ заложниковъ изъ Македоніи, въ томъ числѣ царскаго брата, *Филиппа*. Оттуда Пелопидъ ѣздилъ въ Сузу, чтобы уничтожить тамъ козни спартанскихъ пословъ; онъ велъ себя гордо, но такъ очаровалъ персидскаго царя, что тотъ призналъ Ѳивы главою Греціи и поручилъ имъ уничтожить аѳинскій флотъ. Оставалось покончить съ Лакедемономъ: съ этою цѣлью Эпаминондъ совершилъ нѣсколько походовъ за Исѳмъ, причемъ два раза едва не овладѣлъ самою Спартой, которая была спасена только энергіей Агезилая да мужествомъ жителей, поголовно дравшихся на улицахъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Эпаминондъ искусно возстановлялъ въ Пелопонесѣ враговъ Спарты, демократовъ. Онъ основалъ, у Иѳоме, городъ *Мессену*, куда стекались со всего міра потомки героевъ временъ Аристомена (§ 90), а также илоты, такъ что Лакедемонъ пустѣлъ и ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ. По совѣту Эпаминонда образовался аркадскій союзъ и возникла его столица—*Мегалополь* („большой городъ“). Но поразительные успѣхи ѳиванцевъ продолжались только до смерти ихъ вождей. Въ 364 г. погибъ Пелопидъ, попавъ въ засаду въ Ѳессаліи; а въ 362 г. палъ Эпаминондъ въ битвѣ подъ *Мантинеей*. Эта битва имѣетъ великое значеніе: тутъ соединились, для рѣшительнаго удара, всѣ силы ѳиванцевъ и ихъ союзниковъ. Ѳиванцы одержали блестящую побѣду, но смерть великаго вождя остановила ихъ успѣхи. Послѣднимъ словомъ Эпаминонда былъ совѣтъ эллинамъ примириться на существующихъ условіяхъ. Всѣ послушались его, кромѣ Спарты, которой хотѣлось истребить Мессену, хотя бы черезъ это погибла вся Эллада. Гегемонія Ѳивъ продержалась *только 10 лѣтъ*, потому что она была дѣломъ лишь двухъ замѣчательныхъ личностей, пользовавшихся слабостью, разложеніемъ Греціи. Сами по себѣ, лишенные культуры ѳиванцы не были способны къ великой роли. Они не могли вдругъ стать развитыми и могущественными. Ѳиванцы даже не понимали своего Эпаминонда: когда онъ мягко обращался съ врагами, они обвиняли его чуть не въ измѣнѣ и лишали власти, такъ что онъ иногда служилъ простымъ солдатомъ, а разъ былъ надсмотрщикомъ за чистотой улицъ — должность, которую онъ облагородилъ образцовымъ исполненіемъ. Въ отсутствіе Эпаминонда ѳиванцы свирѣпствовали постарому: вырѣзывали аристократовъ и разрушали такіе города, какъ Платея. Эпаминондъ могъ исполнить свои великіе замыслы только при быстротѣ, не давая опомниться ѳиванцамъ; но это было искусственное напряженіе силъ, которое быстро истощило Ѳивы. Были и ошибки у Эпаминонда, напр., морская борьба съ Аѳинами, въ которой Тимоѳей скоро взялъ вверхъ, и связи съ врагами Эллады—персами. Послѣ Пелопида и Эпаминонда ѳиванцы погрузились въ прежнее ничтожество. Ихъ значеніе отрицательное: разрушая

старое и не создавая новаго; они *способствовали разложенію Эллады* и *пролагали путь чужеземному владычеству*. Послѣ Мантинеи въ сѣверной Греціи полудикій народъ находился въ состояніи анархіи; въ средней Греціи Ѳивы и Аѳины были истощены борьбой. Пелопонесъ же разлагался. Значеніе Спарты погибло; исчезъ и послѣдній представитель спартанства, Агезилай, который умеръ во время экспедиціи въ Египетъ, куда онъ отплылъ съ наемниками, чтобы поддержать возстаніе противъ персовъ. Въ Аркадіи вспыхнуло кровавое междоусобіе. Аркадяне возмечтали о роли Спарты и начали громить сосѣдей, не щадя даже владѣній храма Зевса Олимпійскаго. Но самыя ужасныя сцены совершались въ Аргосѣ, гдѣ демократы избили дубинами до 1,500 аристократовъ: слово *скитализмъ* („скитале“ — дубина), или палочное право, которымъ назвали тогда это дикое правленіе, наводило ужасъ на отдаленныхъ потомковъ. При такомъ всеобщемъ разложеніи, которымъ закончилась борьба главныхъ греческихъ государствъ за гегемонію, Эллада могла стать добычей чужеземцевъ, изъ которыхъ самыми опасными стали тогда македонцы.

§ 140. **Природа и населеніе Македоніи.** Македонія („горная страна“) — небольшое плоскогорье, которое отдѣлялось отъ Ѳессаліи Олимпомъ, отъ Иллиріи Пиндомъ, отъ Ѳракіи Стримономъ, отъ сѣверныхъ варваровъ цѣпью горъ, идущихъ отъ Пинда къ Стримону. *Верхняя* (западная) Македонія изрѣзана горными цѣпями, почти всегда покрытыми снѣгомъ, и усѣяна озерами и потоками, пробирающимися по дремучимъ лѣсамъ. Здѣсь жили почти дикіе пастухи, охотники и разбойники, привыкшіе къ морозамъ и нищетѣ. Въ *Нижней* (восточной) Македоніи горы уступаютъ мѣсто плодороднымъ полямъ и тучнымъ лугамъ; здѣсь процвѣтало хлѣбопашество и даже винодѣліе, а по берегамъ моря развивалась городская жизнь. Населеніе Македоніи было немногочисленно и представляло смѣсь древнегреческихъ племенъ (пелазговъ) съ варварами, которые татуировались, поклонялись Великому Духу и колдунамъ; а по берегамъ издавна поселились эллинскіе колонисты (§ 98). Эллины образовали верхній слой македонцевъ. Изъ нихъ выдѣлилась царская династія, которая возобладала надъ родовыми князьками. Она сохраняла тѣсныя связи съ Элладой и даже принимала участіе въ олимпійскихъ играхъ. Ея задачей было *распространеніе эллинизма въ дикой Македоніи*. Но трудно было исполнить эту задачу. Царей окружала сильная и невѣжественная знать, или дружина изъ бывшихъ родовыхъ старшинъ. Она криками одобряла или отвергала ихъ рѣшенія на сходкѣ и вмѣшивалась въ правленіе: оттого при дворѣ господствовала борьба партій, и рѣдкій царь умиралъ своею смертью. Вообще македонцы съ трудомъ подчинялись эллинской культурѣ. Они упорно сохраняли

свою первобытную дикость, говорили испорченнымъ греческимъ языкомъ и негодовали на вторженіе изящной аттической рѣчи. Въ мирное время они предавались охотѣ и пирушкамъ; они пили цѣльное вино и сидѣли, а не лежали за столомъ. Первою добродѣтелью считалась у нихъ дикая отвага, которою особенно славилась ихъ блестящая конница; кто не убилъ ни одного врага, тотъ носилъ уздечку, какъ клеймо позора; второю добродѣтелью была хитрость, не разбиравшая средствъ. Кромѣ грубости нравовъ, которая отражалась даже на царяхъ, развитію македонцевъ мѣшали сосѣди: на нихъ вѣчно нападали дикіе иллирійцы и ѳракійцы; съ нихъ брали дань Дарій и Ксерксъ; ихъ тѣснили союзы — сначала аоинскій, потомъ халкидскій и олинѳскій.

§ 141. **Филиппъ I.** Македонія стала выдвигаться въ исторіи, когда падала Эллада. Ок. 400 г. въ ней явился замѣчательный царь, *Архелай*, который энергично вводилъ эллинизмъ въ свою страну. Образовавъ хорошую армію и построивъ много крѣпостей, онъ воспользовался междоусобіями въ Элладѣ, отъ которыхъ бѣжало много образованныхъ грековъ. Не жалѣя денегъ, Архелай привлекалъ греческихъ переселенцевъ и окружилъ себя греческими учеными и художниками, которые украсили его новую столицу, *Пеллу*, болѣе удобную, чѣмъ Эгэ (§ 98); при его дворѣ жили такія знаменитости, какъ Эврипидъ, Гиппократъ, Платонъ, Зевксисъ. Но послѣ Архелая въ Пеллѣ начались кровавыя интриги, которыя терзали Македонію почти полстолѣтія и вызвали вмѣшательство ѳиванцевъ (§ 139). Онѣ прекратились со вступленіемъ на престолъ 23-лѣтняго *Филиппа* (360). Филиппъ въ юности видѣлъ много крови въ Пеллѣ и у иллирійцевъ, у которыхъ онъ былъ заложникомъ. Потомъ онъ прожилъ 3 года въ Ѳивахъ. Въ сущности это былъ сынъ полудикой орды, которому суждено было развращать эллиновъ и губить ихъ культуру. Филиппъ былъ коваренъ, мстителенъ и бѣшенъ; онъ хвастался, что „взялъ больше городовъ золотомъ, чѣмъ желѣзомъ“. Какъ настоящій македонецъ, онъ проводилъ ночи въ попойкахъ и грубыхъ шуткахъ; но, чуть заря, уже былъ на конѣ; онъ былъ покрытъ ранами и потерялъ глазъ въ бою. По внѣшности же, это былъ эллинъ: проживъ 3 года у Эпаминонда и Пелопида, Филиппъ усвоилъ новую военную тактику, греческое образованіе и очаровательныя манеры. Изъ него выработался замѣчательный *организаторъ*, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Особенно славился онъ какъ *дипломатъ*. Понимая людей, Филиппъ умѣлъ прельщать ихъ и ссорить между собой, выжидать, пользоваться обстоятельствами. Не было врага, котораго онъ не опуталъ бы своими льстивыми рѣчами, вѣроломными клятвами и разсчитанными благодѣяніями. Филиппъ началъ съ того, что обезопасилъ Македонію съ сѣвера, нанеся жестокое пораженіе

иллирійцамъ и ѳракійцамъ и дойдя до Дуная. Затѣмъ онъ подавилъ родовой бытъ новымъ военнымъ устройствомъ страны. Прежде каждый князекъ приводилъ свой отрядъ и содержалъ его на свой счетъ; теперь явилась *всеобщая воинская повинность*, съ вооруженіемъ и жалованьемъ отъ царя. Былъ устроенъ *пажескій корпусъ* для сыновей князьковъ, которые служили вмѣстѣ и заложниками, и хорошею гвардіей. Изъ этихъ „товарищей“ царя выработались доблестные полководцы Александра Македонскаго; буйные же ихъ отцы составляли превосходную, отважную кавалерію. Изъ греческихъ механиковъ была образована сильная артиллерія. Но важнѣе всего была пѣхота съ ея знаменитою *фалангой* — весьма густою колонной (въ 16 рядовъ) солдатъ, закрытыхъ огромными щитами и вооруженныхъ страшными „сариссами“ — такими длинными копьями, что ими можно было колоть даже изъ пятой шеренги. Наконецъ былъ заведенъ флотъ и построенъ городъ *Филиппи* у богатѣйшихъ золотыхъ пріисковъ, которые наполнили казну предпріимчиваго царя. Въ то же время Филиппъ женился на эпиротской красавицѣ, царевнѣ *Олимпіадѣ*, кровожадной дикаркѣ, воспитанной колдуньями. Вскорѣ отъ нея родился наслѣдникъ престола, *Александръ*, для воспитанія котораго былъ вызванъ изъ Аѳинъ величайшій ученый древности, *Аристотель* Теперь Филиппъ приступилъ къ исполненію своихъ великихъ замысловъ.

§ 142. **Вторая гегемонія Аѳинъ и Филиппъ.** Планы Филиппа развивались постепенно, по требованію обстоятельствъ. Сначала онъ думалъ только укрѣпить Македонію и свою власть, оградивъ ихъ отъ ударовъ варваровъ съ сѣвера и грековъ съ юга; потомъ онъ увидѣлъ, что легко стать главой Эллады; наконецъ онъ понялъ, что можно, въ качествѣ вождя грековъ, завоевать Персію. Съ греками было тѣмъ легче справиться, что они не обращали вниманія на ничтожную Македонію и были увѣрены, что Филиппъ вскорѣ будетъ зарѣзанъ, подобно своимъ предшественникамъ. Но, чтобы еще больше усыпить ихъ бодрость и патріотизмъ, Филиппъ ласкалъ ихъ, почти унижался передъ ними, разыгрывалъ роль ихъ друга и защитника. А между тѣмъ онъ сѣялъ раздоры между ними, наводнилъ Элладу интригами, шпіонами и измѣнниками, составлялъ себѣ партію подкупами. По словамъ Демосѳена, „эта зараза проникла всюду; Филиппу воздвигали статуи, вездѣ готовы были принять его съ восторгомъ“. Главное вниманіе Филиппа было обращено на Аѳины, которыя тогда снова стали на мгновеніе во главѣ эллинизма. То была пора высшаго развитія *второй гегемоніи Аѳинъ*. Ихъ морской союзъ (§ 138) дошелъ до Византіи; въ Эгейскомъ морѣ господствовалъ ихъ флотъ, предводимый Тимоѳеемъ, а на сушѣ славились непобѣдимые наемники Ификата. Искусство, въ особенности же наука и ораторство,

достигли у нихъ замѣчательнаго процвѣтанія. Но этотъ блескъ былъ непроченъ, такъ какъ масса въ Аѳинахъ нравственно пала больше прежняго (§ 121). Она способна была только на мгновеніе воспламеняться воспоминаніями о быломъ величіи и патріотизмѣ: ей недоставало характера и энергіи для исполненія широкихъ плановъ. Въ толпѣ господствовало *утомленіе* послѣ долгихъ войнъ, которыя истощили страну и матеріально: развилась нищета, а немногіе богачи думали только о томъ, чтобы прожить спокойно и весело. Лучшіе умы уходили въ философію и съ презрѣніемъ смотрѣли на общественную жизнь, въ которой господствовали козни партій, да казуистика и ябедничество юристовъ. А народомъ управляли демагоги, которые думали только о своей власти и сразу издерживали до 100.000 р. на народныя празднества; тогда даже былъ изданъ законъ, угрожавшій смертью тому, кто предложитъ обратить театральныя деньги на военныя цѣли. Такъ демагоги подкупали толпу, которая буйствовала на экклесіи, хохотала, передразнивала ораторовъ, иногда являлась даже подъ хмѣлькомъ. Получивъ власть, демагогъ быстро вознаграждалъ свои убытки: онъ пользовался государственною казной, какъ своимъ кошелькомъ, жилъ въ пышныхъ палатахъ и откупался, если попадалъ подъ судъ. Не лучше была частная жизнь. Аѳиняне готовы были грабить даже храмы. Они почти не жили дома: молодежь пировала по трактирамъ, которыми переполнялся городъ, и по ночамъ врывалась въ дома; старики играли въ кости съ утра до ночи да сплетничали. Филиппу легко было играть такимъ обществомъ съ помощью лести и золота: въ Аѳинахъ преобладали его друзья, носившіе названіе *партіи мира*.

§ 143. **Войны союзническая и священная**. Пока аѳиняне дремали, ихъ враги работали. Филиппъ помогалъ возвышенію олигарховъ среди ихъ союзниковъ. Галикарнасскій тиранъ, *Мавзолъ*, возмущалъ союзниковъ съ помощью персовъ, объявляя имъ „свободу“, а въ сущности желая завладѣть ими. Союзники, уже тяготившіеся данью Аѳинамъ, возстали—и вспыхнула трехлѣтняя *союзническая война*, погубившая вторую гегемонію Аѳинъ. Союзники завоевали себѣ независимость, а аѳиняне окончательно разстроили свои финансы и торговлю и лишились Ификрата съ Тимоѳеемъ (355). Въ то же время Филиппъ, отправивъ къ аѳинянамъ пословъ съ выраженіемъ соболѣзнованія и готовности оказать помощь, проворно захватилъ ихъ владѣнія на берегахъ Ѳракіи, почти безъ выстрѣла. Теперь онъ стоялъ во всеоружіи у границъ истощенной Эллады и только ждалъ удобнаго случая, чтобы перешагнуть черезъ нихъ. Греки не замедлили сами доставить ему этотъ случай. Ѳиванцы изстари ненавидѣли своихъ сосѣдей, фокійцевъ, которые при Эпаминондѣ были въ союзѣ со Спартой. Они рѣшились теперь истребить этихъ грубыхъ и непокорныхъ горцевъ и

подкупами склонили на свою сторону Пиѳію и амфиктіоновъ судъ, давно уже существовавшій только по имени. Пиѳія пожаловалась на захватъ фокійцами клочка ея священнаго луга, а судъ приговорилъ виновныхъ къ невозможному штрафу и поручилъ ѳиванцамъ и ѳессалійцамъ исполнить приговоръ. Отсюда возгорѣлась 10-лѣтняя *священная война* (356—346). Она охватила почти всю Элладу, потому что Спарта и Аѳины стали за фокійцевъ, опасаясь новаго возвышенія Ѳивъ. Ничтожные фокійцы успѣшно боролись съ цѣлыми арміями союзниковъ и едва не захватили гегемонію въ Элладѣ. У нихъ было большое наемное войско, такъ какъ они стали богачами, разграбивъ Дельфійскій храмъ, гдѣ хранилось на 15 милл. р. сокровищъ. Война отличалась рѣдкимъ звѣрствомъ: ѳиванцы, именовавшіе себя „божіими воинами“, не давали пощады „святотатцамъ“, которые отвѣчали тѣмъ же. Фокійцы побѣждали; они уже захватили Беотію и опустошали Ѳессалію, какъ вдругъ выступили македонцы, призванные на помощь побѣжденными. Филиппъ обрадовался случаю явиться не поработителемъ, а защитникомъ Эллады: онъ шелъ наказать „святотатцевъ“ и „освободить“ Ѳессалію; его воины были украшены лавровыми вѣнками, какъ ратники Аполлона. Сначала онъ даже пострадалъ за Элладу: фокійцы нанесли ему два сильныхъ пораженія. Затѣмъ Филиппъ разсѣялъ силы врага; но „освобожденная“ *Ѳессалія* была обращена въ *македонскую провинцію*. Филиппъ немедленно бросился занять ключъ къ средней Греціи—Ѳермопилы; но, ко всеобщему изумленію, аѳиняне занимали тѣснины, а подлѣ стоялъ ихъ флотъ.

§ 144. **Демосѳенъ и Эсхинъ.** Аѳины снова однѣ возстали для защиты Эллады отъ грознаго врага. Этотъ мимолетный подвигъ былъ дѣломъ великаго патріота, *Демосѳена*, который былъ почти ровесникъ Филиппу. Сынъ богатаго оружейника, Демосѳенъ рано осиротѣлъ, и опекуны расхитили его наслѣдство; но ему удалось поучиться у лучшихъ философовъ и риторовъ. Онъ сразу сталъ виднымъ адвокатомъ, выигравъ тяжбу противъ опекуновъ; но въ экклесіи его осмѣяли за слабый голосъ, картавость и угловатыя манеры. Демосѳенъ обрилъ себѣ голову, чтобы не выходить на улицу, и три мѣсяца провелъ въ погребѣ, съ лампой, передъ зеркаломъ, упражняясь въ декламаціи. Трудолюбіе соединялось въ Демосѳенѣ съ политическимъ талантомъ и возвышенностью души Перикла. Человѣкъ высокой нравственности и непреклонной воли, выражавшейся въ суровыхъ, некрасивыхъ чертахъ лица, онъ былъ одушевленъ такимъ патріотизмомъ, что умертвилъ себя, когда погибла Эллада. Слогъ Демосѳена искусственный, съ длинными и отчеканенными періодами; но онъ отличался рѣдкою логичностью и неотразимой силой убѣжденія. Ораторъ, въ глаза, зло упрекалъ согражданъ въ лѣни и трусости. Идея всѣхъ дошедшихъ до

насъ 60 рѣчей Демосѳена такая: аѳиняне должны *собрать вокругъ себя всю Элладу*, ничего не жалѣя для нея, какъ во времена Ѳемистокла и Перикла; а главное, они должны понять, что *общій врагъ — не Персія, а Филиппъ*. Эти рѣчи и назывались „филиппиками" — слово, которое стало означать потомъ вообще безпощадное обличеніе. Демосѳенъ одинъ только понималъ роль Македоніи; ему удавалось лишь на короткое время убѣждать ослѣпленныхъ согражданъ. Аѳиняне вполнѣ оцѣнили его только тогда, когда исполнились его печальныя предсказанія. Они воздвигли ему бронзовую статую, черты которой проникнуты благородною грустью и тяжелою думой. На ней вырѣзали надпись: „еслибы у Демосѳена была власть, равная его уму, македонецъ не овладѣлъ бы тогда Элладой". Когда Демосѳенъ, лѣтъ 30-ти, выступилъ на политическое поприще, ему пришлось бороться почти одному съ могущественною партіей мира, во главѣ которой стоялъ опасный соперникъ, *Эсхинъ*. Сынъ очень бѣдныхъ родителей, Эсхинъ, пользуясь своимъ могучимъ сложеніемъ, служилъ въ гимназіяхъ моделью для учениковъ, потомъ былъ актеромъ и писаремъ у извѣстныхъ ораторовъ, у которыхъ быстро научился краснорѣчію. Обладая очаровательнымъ и громаднымъ голосомъ, Эсхинъ отличался также живостью и поэтичностью. Онъ говорилъ по вдохновенію и рѣдко записывалъ свои рѣчи, изъ которыхъ до насъ дошли только три; онъ подсмѣивался надъ рѣчами Демосѳена, которыя „припахиваютъ ламповымъ масломъ". Но въ красивыхъ рѣчахъ Эсхина отражалась легкомысленная натура оратора, который отличался неистощимою веселостью, не былъ разборчивъ въ средствахъ, получалъ подарки отъ Филиппа. Эсхинъ и Демосѳенъ были непримиримыми врагами въ политикѣ. Когда аѳиняне хотѣли присудить золотой вѣнокъ Демосѳену, Эсхинъ злословилъ и даже клеветалъ на соперника. Но Демосѳенъ сказалъ такую рѣчь „о вѣнкѣ", что потрясенные граждане наградили его; тогда Эсхинъ бѣжалъ на Родосъ, гдѣ основалъ знаменитую риторическую школу. Подлѣ Эсхина стояла цѣлая группа мелкихъ ораторовъ партіи мира, бѣдныхъ, но жившихъ роскошно, благодаря щедротамъ Филиппа. Они примыкали къ почтенной личности *Фокіона*, человѣка такого честнаго, что аѳиняне называли его Справедливымъ и 45 разъ выбирали въ полководцы. Другъ Платона, Фокіонъ, жилъ философомъ, ходилъ босикомъ и безъ плаща, ѣлъ, что попало, говорилъ кратко, но мѣтко. Но онъ былъ только воиномъ и не понималъ политики. Онъ не вѣрилъ въ будущность Аѳинъ, любилъ олигарховъ и Спарту, презиралъ демократію и Демосѳена. Эти убѣжденія раздѣлялъ другой честный человѣкъ, престарѣлый *Исократъ*, первый риторъ своего времени. Онъ безкорыстно былъ убѣжденъ, что только Филиппъ можетъ соединить силы Эллады для борьбы съ персами.

§ 145. **Олинѳская война и торжество Демосѳена.** Долго увѣщанія Демосѳена не дѣйствовали; но наконецъ его выбрали въ члены буле и послали флотъ къ берегамъ Ѳракіи. Филиппъ пріостановилъ свои завоеванія, удвоилъ прельщенія — и аѳиняне снова задремали, какъ вдругъ *Олинѳъ* обратился къ нимъ съ просьбой о помощи. Филиппъ, который былъ лучшимъ другомъ Олинѳа и помогалъ ему поправиться послѣ спартанскаго разгрома (§ 137), внезапно напалъ на него безъ всякаго повода. Демосѳенъ явился въ экклесію съ тремя превосходными „олинѳскими“ рѣчами, въ которыхъ требовалъ ничего не щадить для спасенія Олинѳа. Аѳиняне послали флотъ лишь послѣ долгихъ колебаній, когда уже было поздно: Олинѳъ и съ нимъ еще 32 греческихъ города были разрушены македонцами до основанія. Вслѣдъ затѣмъ Филиппъ предложилъ аѳинянамъ прочный миръ на существующихъ условіяхъ, надавалъ имъ много лестныхъ обѣщаній и отослалъ ихъ плѣнниковъ безъ выкупа. Въ Аѳинахъ снова возобладала партія мира, и въ Пеллу отправилось посольство, съ Эсхиномъ во главѣ, которое Филиппъ обворожилъ любезностью, подарками и пирами. Но переговоры о мирѣ затягивались, а между тѣмъ македонская армія заняла Ѳермопилы, и Филиппъ, въ свитѣ котораго находилось аѳинское посольство, созвалъ амфиктіоновъ судъ, поручившій ему наказать „святотатцевъ“ (§ 143) и назначившій его предсѣдателемъ на пиѳійскихъ играхъ. Филиппъ уничтожилъ фокійцевъ, затѣмъ принесъ пышныя жертвы Аполлону и угостилъ на славу пословъ отъ многихъ греческихъ республикъ, которые собрались, съ Пиѳіей во главѣ, благодарить его, какъ защитника національной святыни. Тогда только аѳиняне поняли все. Думая, что Филиппъ сейчасъ же пойдетъ на нихъ, они заперлись въ городѣ и начали собирать войска. Но осторожный македонецъ возвратился домой, чтобы лучше приготовиться къ нанесенію послѣдняго удара Элладѣ. Аѳиняне въ свою очередь сознали, что нравственно на нихъ легла обязанность спасти Грецію, и какъ бы переродились. Въ лицѣ ихъ, эллинизмъ въ послѣдній разъ проявилъ свои великія и благородныя силы, напоминая времена Перикла. Началось какъ бы 5-лѣтнее правленіе Демосѳена. Всѣ слушались знаменитаго патріота, вокругъ котораго образовалась обширная *національная* партія съ достойными дѣятелями. Главнымъ помощникомъ Демосѳена сталъ *Ликургъ*. Человѣкъ практическій, не блестящій ораторъ, но зато превосходный финансистъ, онъ, подобно Фокіону, отличался такою честностью и трудолюбіемъ, что аѳиняне содержали его потомковъ на общественный счетъ. Патріоты работали неутомимо, безъ должностей и жалованья; только подконецъ Демосѳенъ сталъ завѣдывать флотомъ, а Ликургъ — финансами. Демосѳенъ не зналъ усталости. Онъ ѣздилъ повсюду, чтобы устроить „эллинскій союзъ“ противъ „презрѣннаго македонца, этого разбой-

ника. стоящаго у дверей Эллады". Демосѳенъ былъ въ Пелопонесѣ и Ѳракіи, даже вошелъ въ сношенія съ персами. Своими новыми, самыми блестящими филиппиками онъ поднялъ духъ аѳинянъ, которые жертвовали, что могли, и даже обратили театральныя деньги на вооруженія. Такъ какъ прежде богачи сваливали тріерархію (§ 107) на средній классъ, то Демосѳенъ ввелъ строгую оцѣнку имуществъ и заставилъ ихъ содержать флотъ; а менѣе богатые составляли компаніи, складчины, съ тою же цѣлью. Такъ Демосѳенъ сдѣлалъ все, чего можно было желать отъ великаго патріота. Онъ не могъ спасти Элладу: было уже поздно. Но онъ доставилъ ей славный, благородный конецъ.

§ 146. **Гибель Эллады и Филиппа.** Историческая картина измѣнилась на мгновеніе. Эгейское м. и Пропонтида покрылись аѳинскими крейсерами, которые загнали македонскій флотъ въ Черное м. и возстановили греческую торговлю. Многіе города и острова, въ томъ числѣ заклятые враги Аѳинъ, Византія и Эвбея, вносили деньги и давали суда аѳинянамъ, которые тотчасъ же отбили у Филиппа нѣсколько греческихъ колоній во Ѳракіи и нанесли ему два сильныхъ пораженія. Отъ спасенныхъ колонистовъ посыпались золотые вѣнки на аѳинянъ; національная партія начала брать верхъ по всей Элладѣ. Македонцы дрогнули. Филиппъ, увлекшійся тогда борьбой съ дикарями, чуть не погибъ у устьевъ Дуная отъ тяжелой раны. Въ Македоніи послышался ропотъ на безконечные наборы и налоги. Филиппъ уже отправилъ въ Аѳины пословъ съ просьбой о мирѣ, какъ вдругъ все измѣнилось. Въ Греціи вспыхнула *вторая священная война*, по проискамъ „филиппствовавшей" Ѳиѳіи, которая пожаловалась на локрійцевъ, будто бы запахавшихъ ея поле, подобно фокійцамъ. Амфиктіоновъ судъ, гдѣ засѣдалъ Эсхинъ, рѣшилъ призвать Филиппа для наказанія новыхъ „святотатцевъ". Филиппъ быстро опустошилъ Локриду и вдругъ повернулъ въ Беотію. Аѳиняне пришли въ ужасъ; въ экклесіи никто не смѣлъ открыть рта; одинъ Демосѳенъ ободрилъ народъ, взывая къ защитѣ отечества. Аѳиняне собрались съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и бросились на выручку къ ѳиванцамъ. У *Херонеи* (338) греки встрѣтились съ македонцами. У нихъ было больше войска; но солдаты были неопытны, а главное — не было единства въ дѣйствіяхъ полководцевъ разныхъ республикъ. Греки дрались цѣлый день, какъ въ дни Мараѳона и Платеи; „священная дружина" ѳиванцевъ пала вся, до послѣдняго человѣка. Аѳиняне, среди которыхъ сражался Демосѳенъ простымъ гоплитомъ, уже обратили въ бѣгство Филиппа, когда 18-лѣтній Александръ смялъ ѳиванцевъ молодецкимъ натискомъ своей конницы и затѣмъ ударилъ на побѣдителей отца. Греки потерпѣли полное пораженіе. Узнавъ о бѣдствіи, аѳиняне оцѣпенѣли отъ ужаса. Женщины, вопреки обы-

чаю, выходили изъ домовъ, спрашивая прибѣгавшихъ воиновъ о судьбѣ своихъ родныхъ; старики молча бродили по городу; маститый Исократъ выскочилъ на улицу, произнесъ три стиха изъ Эврипида и скрылся въ свой домъ, гдѣ уморилъ себя голодомъ. Но нисколько не поколебалось довѣріе къ Демосѳену. По его совѣту, поправляли стѣны, рыли рвы, вооружались. „Земля—говоритъ очевидецъ—отдавала тогда, для спасенія отечества, свои деревья, мертвые—свои памятники, храмы—свои жертвы". Всякій, у кого были силы, вышелъ въ поле съ оружіемъ въ рукахъ: тутъ были и рабы, которымъ дали свободу, и иностранцы съ изгнанниками, которымъ даровали гражданскія права. Самъ Демосѳенъ выѣхалъ на острова собирать деньги и провіантъ. Этимъ воспользовалась партія мира, когда Филиппъ, испугавшись народной войны, отпустилъ аѳинскихъ плѣнниковъ, одѣвъ ихъ заново, съ почестью отослалъ тѣла убитыхъ враговъ, наконецъ прислалъ пословъ съ предложеніемъ выгодныхъ условій мира. Аѳиняне приняли условія и поставили статую Филиппу, какъ своему другу. Между тѣмъ Филиппъ вырѣзалъ патріотовъ въ Ѳивахъ и поставилъ свой гарнизонъ въ Кадмеѣ. Затѣмъ онъ опустошилъ Спарту, которая одна гордо отвергла господство македонцевъ, и собралъ на сеймъ въ Коринѳъ пословъ отъ всѣхъ греческихъ государствъ, кромѣ Спарты, которая одна протестовала. Здѣсь рѣшили: 1) всѣмъ республикамъ составить *эллинскій союзъ*, не враждовать между собой и не допускать борьбы партій; 2) Эллада заключаетъ вѣчный союзъ съ Македоніей и вступаетъ въ войну съ персами, подъ неограниченнымъ начальствомъ Филиппа. Но не Филиппу суждено было вести грековъ на Востокъ. Возвратившись изъ Коринѳа, онъ все приготовилъ къ великому походу; но наканунѣ былъ заколотъ на свадьбѣ своей дочери (336). Подозрѣніе пало на Олимпіаду, которая тогда разссорилась съ Филиппомъ и бѣжала въ Эпиръ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Александромъ (§ 141).

§ 147. **Александръ Великій.** Александръ представлялъ смѣсь дикаго македонца съ цивилизованнымъ грекомъ. Капризы и вспышки гнѣва, который приводилъ въ трепетъ потомковъ передъ его бюстомъ, искажали его прелестныя нѣжныя черты и обворожительныя манеры. Мягкость его нрава, великодушіе и довѣрчивость омрачались деспотическими наклонностями, необузданностью и холодною безпощадностью, съ которою онъ устранялъ соперниковъ, не разбирая средствъ въ политикѣ. Впрочемъ мрачная, чувственная сторона выступила лишь подконецъ вмѣстѣ съ успѣхами, когда Александръ дошелъ до того, что призналъ себя богомъ и погубилъ почтеннаго философа и родственника Аристотеля, *Каллисѳена*, который не хотѣлъ преклонить колѣна передъ нимъ; тогда же онъ, по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, казнилъ своихъ главныхъ помощниковъ, въ томъ числѣ сво-

его друга дѣтства, *Филота*, и однажды въ спорѣ на пирушкѣ, убилъ *Клита*, хорошаго полководца, спасшаго ему жизнь. Вначалѣ у Александра преобладала другая черта — пылкій энтузіазмъ и геройство, доходившее до фантастичности и мечтательности. Онъ возилъ съ собой въ походахъ Иліаду, вообразивъ себя Ахиллесомъ; игралъ на

Александръ Великій. Бюстъ въ Римѣ.

лирѣ, какъ Ахиллесъ, и завелъ своего Патрокла — друга *Гефестіона*, съ которымъ приносилъ жертвы на могилахъ троянскихъ героевъ. Въ храмѣ, на мѣстѣ Трои, онъ повѣсилъ свое оружіе и взялъ какіе-то старые доспѣхи, будто-бы принадлежавшіе Ахиллесу, приказавъ оруженосцу носить ихъ передъ собой въ битвѣ. Онъ печалился, что нѣтъ

ни Гомера, ни Пиндара для его прославленія. Александръ дѣйствительно совершилъ почти сказочные подвиги, обладая рѣдкими способностями. Онъ былъ искусный гимнастъ и удалой наѣздникъ. Онъ наслѣдовалъ отъ Филиппа тонкій умъ, неутомимость и настойчивость, въ особенности же отличался быстротой, страстностью дѣйствій и талантомъ первоклассnаго полководца. Благодаря Аристотелю, учившему его въ возрастѣ отъ 13 до 17 л., въ немъ развилось возвышенное, идеальное настроеніе духа. Александръ усвоилъ философію, политику, краснорѣчіе, математику, въ особенности же медицину, которую онъ такъ полюбилъ, что написалъ лѣчебникъ, и занимался лѣченіемъ. Среди битвъ мысль его была обращена къ наукѣ; онъ присылалъ Аристотелю изъ походовъ матеріалы для естественной исторіи и просилъ высылать книги, которыя всегда находились въ его палаткѣ. Александръ названъ *Великимъ* въ исторіи. Его имя встрѣчается въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Эпосъ новыхъ персовъ доказываетъ, что Искандеръ (Александръ) былъ Ахеменидъ и завоевалъ міръ, отыскивая живую воду; средневѣковая поэзія христіанъ воспѣваетъ его походы по всей Европѣ, гдѣ онъ отыскивалъ рай. При вступленіи на престолъ положеніе Александра было тяжело. При дворѣ господствовала кровавая интрига: возвратившаяся Олимпіада истребляла друзей и даже родныхъ Филиппа, съ согласія сына. Сѣверные варвары напали на Македонію. Александръ нанесъ имъ жестокое пораженіе и даже переплылъ съ своей арміей за Дунай; но пронеслась вѣсть о погибели тамъ юнаго царя — и возстали греки, среди которыхъ дѣйствовало также персидское золото. На этотъ разъ во главѣ ихъ были ѳиванцы, на которыхъ вдругъ нагрянулъ Александръ, возвратившись съ Дуная съ изумительной быстротой. Ѳиванцы, дравшіеся отчаянно, были частью перебиты, частью отданы въ рабство съ своими семьями. Ѳивы были разрушены до основанія. Затѣмъ Александръ созвалъ новый сеймъ въ Коринѳѣ, подтвердившій постановленія стараго, и приказалъ грекамъ немедленно собираться въ походъ на персовъ.

§ 148. **Положеніе Персіи.** Мысль о походѣ въ Персію не была ни нова, ни несбыточна: она была естественнымъ исходомъ исторіи Греціи и Македоніи. Александръ зналъ, что въ Элладѣ ничего не могло быть популярнѣе похода въ Азію, который притомъ не былъ страшенъ, въ виду печальнаго положенія Востока. *Персія*, послѣ Дарія и Ксеркса, быстро *клонилась къ упадку*. Въ ней развивались худшія, ассирійскія черты насчетъ лучшихъ, персидскихъ. Сузскіе цари обратились въ восточныхъ деспотовъ: они заперлись въ гаремѣ, а государствомъ управляли ихъ жены и евнухи; не было конца кознямъ, заговорамъ, *придворнымъ революціямъ*. Этимъ пользовались властолюбивые сатрапы и угнетенные народы: правительство съ боль-

шимъ трудомъ усмиряло мятежи, которые стали въ Египтѣ обычнымъ явленіемъ. Послѣ Дарія I рѣдкій царь вступалъ на престолъ не по трупамъ своихъ родственниковъ и умиралъ собственною смертью. *Ксеркса* былъ убитъ своимъ тѣлохранителемъ, котораго онъ собирался казнить за отказъ зарѣзать его брата. При внукѣ его, *Даріи II*, который достигъ престола убійствомъ своего брата, царствомъ заправляла его жена, Парисатида, коварная и кровожадная вавилонянка. Она извела много родственниковъ царя и хотѣла возвести на престолъ своего любимца, *Кира Младшаго*, обойдя его старшаго брата, Артаксеркса II. Возстаніе Кира (§ 125) сильно потрясло Персію, которая вскорѣ дошла до разложенія, при *Артаксерксѣ III Охѣ*. Путемъ козней, сведшихъ въ могилу его отца, вступилъ Охъ на престолъ съ помощью кровожаднаго евнуха, египтянина *Багоя*. Онъ умертвилъ 118 своихъ родственниковъ и сталъ такъ жестоко управлять, что повсюду вспыхнулъ мятежъ. Всѣ арміи деспота съ трудомъ усмирили Кипръ; въ Каріи и Галикарнассѣ отложился другъ искусствъ и наукъ, *Мавзолъ* (§ 143); фригійскій сатрапъ образовалъ Понтійское царство изъ азіатскаго побережья Чернаго м. Сидонцы возстали съ такимъ ожесточеніемъ, что сами сожгли свой флотъ, чтобы не соблазняться возможностью бѣжать; взявъ ихъ городъ, Багой не нашелъ ничего, кромѣ груды развалинъ и 40 т. обгорѣлыхъ труповъ. Тогда же былъ разрушенъ до основанія Іерихонъ за то, что евреи помогали сидонцамъ. Затѣмъ настала неслыханная месть египтянамъ за то, что у нихъ уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія были свои цари, которые разбивали всѣ персидскія арміи съ помощью греческихъ наемниковъ. Теперь персы пришли также съ греческими дружинами - и Египетъ палъ. Народъ прозвалъ Оха „кинжаломъ“ за то, что онъ собственноручно рѣзалъ людей и закололъ Аписа. Даже суевѣрный Багой возненавидѣлъ Оха за убійство его бога и отравилъ его, а трупъ искрошилъ въ куски и бросилъ на съѣденіе кошкамъ. Затѣмъ Багой игралъ сузскимъ престоломъ, пока не уничтожилъ всей царской семьи и не поставилъ царемъ ея дальняго родственника, *Дарія III Кодомана*. Вскорѣ Багой приготовилъ ядъ и для Дарія, но долженъ былъ самъ выпить его. Послѣдній персидскій царь, Дарій III, напомнилъ лучшія времена первыхъ Ахеменидовъ: онъ былъ молодъ, красивъ, кротокъ и благороденъ; онъ жилъ просто и трезво, правилъ справедливо и милостиво, былъ хорошимъ семьяниномъ; но онъ не отличался талантомъ и характеромъ, и у него не было достойныхъ помощниковъ.

§ 149. **Иссъ, Тиръ. Александрія.** При такомъ положеніи Персіи ничего не значили ея несмѣтныя богатства и милліонная армія. У Александра, когда онъ выступилъ противъ нея (334), было только 35 т. войска и сотня тысячъ рублей. Но это войско состояло изъ доблестныхъ грековъ и македонцевъ школы Филиппа, и на его сто-

ронѣ были симпатіи всего эллинскаго міра, въ особенности же греческихъ подданныхъ сузскаго деспота. Самъ Александръ считалъ себя эллинскимъ героемъ, а борьбу съ персами — національнымъ греческимъ подвигомъ; онъ былъ безпощаденъ къ греческимъ наемникамъ въ персидской арміи, какъ къ измѣнникамъ. Сверхъ того у Александра, помимо его собственнаго военнаго генія, былъ цѣлый рядъ даровитыхъ полководцевъ, учениковъ Филиппа: *Пердикка*, *Птолемей*, *Антигонъ*, *Селевкъ*, *Антипатръ* и др. У него было также много ученыхъ грековъ, особенно математиковъ, которые составляли цѣлый штабъ съ двумя отдѣленіями — одно для картъ и плановъ, другое для инженерныхъ и осадныхъ работъ. При немъ находился въ качествѣ секретаря изворотливый и проницательный дипломатъ, *Эвменъ*. Оттого въ первой же битвѣ, у р. *Граника*, Александръ одержалъ блистательную побѣду надъ храбрымъ и многочисленнымъ непріятелемъ. Затѣмъ онъ создалъ весьма умный планъ — идти не въ глубь Персіи, а по берегу моря, чтобы освободить народы, угнетенные персами. Съ восторгомъ встрѣтили его малоазійскіе греки, среди которыхъ онъ возстановилъ свободную демократію. Отсюда Александръ двинулся по берегу къ Финикіи; но у *Исса* ему преградилъ путь смѣлый непріятель (333). Дарій самоувѣренно напалъ на него съ вдесятеро сильнѣйшимъ войскомъ, чтобы уничтожить его однимъ ударомъ, но потерпѣлъ такое пораженіе, что едва успѣлъ бѣжать, покинувъ свое оружіе, казну и даже семью, съ которою побѣдитель обошелся весьма почтительно. Александръ же появился въ Финикіи, гдѣ послѣ погибели Сидона (§ 148) самымъ сильнымъ городомъ былъ *Тиръ*. Осада Тира, длившаяся болѣе полугода, поразила міръ необыкновенной изобрѣтательностью съ обѣихъ сторонъ. Македонцы проводили плотины къ островному городу и спускали на море страшныя машины; тирійцы же сжигали плотины, загораживали гавань цѣпями, ихъ водолазы обрубали якоря у пловучихъ машинъ врага. Наконецъ Тиръ палъ и былъ разрушенъ такъ же, какъ Ѳивы. Персидскій флотъ частью перешелъ къ Александру. Съ погибелью Сидона и Тира исчезло навсегда торговое значеніе Финикіи. Чтобы проложить новый путь всемірной торговлѣ, Александръ тогда же (332) основалъ *Александрію* у устьевъ западнаго рукава Нила. Мѣсто было выбрано такъ удачно, что новый городъ на много вѣковъ сталъ средоточіемъ не только торговли, но и образованности, какъ азіатской, такъ и европейской. А для египтянъ это было истиннымъ благодѣяніемъ, и они съ восторгомъ подчинились Александру, какъ своему освободителю. Космополитъ по природѣ и образованію, Александръ и въ видахъ умной политики уважалъ народные нравы и обычаи. Въ Финикіи и Іерусалимѣ онъ приносилъ жертвы Мелькарту и Іеговѣ; въ Египтѣ онъ не только выказалъ благоговѣніе къ Апису,

но совершилъ опасный походъ къ *Аммонскому оракулу*, который посвятилъ его въ „сына бога“. Но здѣсь, рядомъ съ политическимъ разсчетомъ, обнаружились впервые признаки наклонности Александра къ восточнымъ привычкамъ. Онъ повѣрилъ пророчеству Даніила, потому что тамъ есть намекъ на „западнаго человѣка“, которому покорится Азія; онъ придалъ большое значеніе названію „сына бога“, которое восточные народы поняли буквально, тогда какъ греки и македонцы посмѣивались надъ нимъ. Такъ подготовлялся разрывъ между европеизмомъ и Александромъ, который насталъ впослѣдствіи, когда македонскій герой превратился въ азіатскаго деспота.

§ 150. **Гаугамела, Туранъ, Индія.** Между тѣмъ Дарій сдѣлалъ новую ошибку; онъ собралъ до милліона прекраснаго войска, но вздумалъ все кончить одною битвой. Александръ, у котораго было всего 50 т., внезапно напалъ на него на поляхъ *Гаугамелы*, близъ развалинъ Ниневіи (331). Онъ одержалъ трудную побѣду, лишь благодаря своей находчивости. Дарій едва ускакалъ въ Экбатану, а Александръ поспѣшно захватилъ его столицы — *Вавилонъ*, *Сузу* и *Персеполь*. Здѣсь онъ нашелъ столько сокровищъ, что навьючилъ ими 10 т. паръ муловъ и 3 т. верблюдовъ. Побѣда у Гаугамелы разрушила величайшую державу древняго міра; она была высшею точкой могущества Александра, но съ нея же началось его нравственное паденіе. Съ этого времени Александръ начинаетъ *превращаться изъ европейца въ восточнаго человѣка*. Его дальнѣйшіе походы становятся безцѣльны и мучительны, удовлетворяя лишь его страсти къ фантастическому; онъ самъ начинаетъ видѣть въ себѣ сказочнаго богатыря и ищетъ непреодолимыхъ препятствій, безполезно рискуя жизнью своихъ воиновъ. У Инда онъ воздвигъ 12 жертвенниковъ, каждый величиною съ башню, и закопалъ оружіе и сосуды огромныхъ размѣровъ, чтобы потомки дивились „поколѣнію великановъ“. Войны Александра становятся варварскими, жестокими; то же замѣчается въ его характерѣ: съ этого времени онъ начинаетъ предаваться чувственности, въ особенности пьянству, а также совершать тѣ убійства, которыя называются „темными пятнами“ на славѣ македонскаго героя. Прежде Александръ гордился названіемъ эллина; послѣ побѣдъ онъ посылалъ грекамъ трофеи съ лестными для нихъ надписями; теперь же онъ становился азіатомъ: надѣлъ діадему и бѣлую мантію, облекъ свою свиту въ пурпурные плащи, окружилъ себя ассирійскимъ церемоніаломъ, не исключая противнаго европейцамъ колѣнопреклоненія передъ царемъ, сталъ пополнять свою армію азіатами, принялъ персидскую знать въ свою свиту, роздалъ туземцамъ важнѣйшія должности въ Азіи, наконецъ женился на полудикой азіаткѣ. Эти черты уже обнаруживались въ Александрѣ, когда онъ явился въ Персеполѣ, объявляя, что теперь начинается „месть“ персамъ за

походы Дарія и Ксеркса. Жители Персеполя были перерѣзаны, а городъ подожженъ собственною рукой Александра. Затѣмъ побѣдитель бросился въ погоню за Даріемъ. Когда армія отстала отъ него, онъ мчался дни и ночи съ горстью всадниковъ по дикимъ горамъ и безводнымъ пустынямъ. Но онъ настигъ лишь трупъ Дарія, убитаго однимъ сатрапомъ. Александръ распялъ его на крестѣ послѣ жестокихъ пытокъ. Затѣмъ Александръ завоевалъ весь *Туранъ* и *Иранъ*, переходилъ черезъ пустыни, подымался на отроги Гинду-Куша, былъ за Яксартомъ и Оксомъ у скиѳовъ. Солдатамъ приходилось ѣсть коренья и умирать отъ жажды; самъ Александръ болѣлъ отъ дурной воды; кругомъ пылала народная война; туземцы истребляли отдѣльные отряды македонцевъ. На окраинѣ Бактріи Александра встрѣтили отчаянные дикари, которые сидѣли въ своихъ горныхъ крѣпостцахъ, какъ орлы въ гнѣздахъ. Но онъ досталъ ихъ и тамъ и изъ всѣхъ ихъ сокровищъ взялъ только себѣ въ жены дочь одного князька, *Роксану*, которую называли за красоту „перломъ Востока“. Отсюда Александръ бросился на другой конецъ монархіи Ахеменидовъ и перешелъ *Индъ*, чего, по преданію, не дѣлалъ самъ Геркулесъ. Но въ Пенджабѣ онъ встрѣтился съ врагомъ сильнымъ, богатымъ, хорошо вооруженнымъ: съ большимъ трудомъ удалось ему побѣдить перваго индійскаго царя, а дальше его ждали еще болѣе сильные властители. Александру всетаки хотѣлось идти впередъ на Гангъ; но здѣсь впервые онъ испыталъ неудачу. Армія отказалась повиноваться: она выбилась изъ силъ. Мучительно было возвращеніе въ Персеполь. Индусы преслѣдовали македонцевъ народною войной; самъ Александръ едва не умеръ отъ раны въ Гедрозіи (§ 64), гдѣ, по преданію, погибли арміи Семирамиды и Кира; $^3/_4$ воиновъ пало отъ голода и жажды.

§ 151. **Планы и смерть Александра.** Но вслѣдъ затѣмъ Александръ, казалось, дошелъ до вершины своего величія и славы. Свѣжія войска, прибывшія изъ Европы, съ избыткомъ вознаградили потери, а между ними распредѣлили еще массу вновь набранныхъ азіатовъ. Со всѣхъ покоренныхъ странъ притекали денежныя средства. Кипѣла работа для новыхъ великихъ подвиговъ, которые должны были начаться съ похода въ аравійскую пустыню. Ученый грекъ, *Неархъ*, только-что изслѣдовавшій берега отъ Инда до Тигра (его „Плаваніе“ въ этихъ мѣстахъ дошло до насъ), собирался плыть вокругъ Аравіи. Близъ Вавилона заложили новый портъ для большаго флота; у Каспія рубили дремучіе лѣса съ цѣлью построить флотилію для изслѣдованія этого моря. Самъ Александръ носился съ мыслію о *міровой монархіи*, въ которой слились бы Востокъ съ Европой. Столицей этой державы предназначался роскошный *Вавилонъ*, гдѣ Александръ поселился въ началѣ 323 года. Передъ новыми походами онъ рѣшился довершить

свое торжество сказочными пирами. Для нагляднаго „сліянія“ Востока съ Европой, онъ женилъ многихъ знатныхъ грековъ и македонцевъ на иранскихъ аристократкахъ, что дало поводъ къ ряду блестящихъ свадебъ. Вавилонъ переполнился любопытными иностранцами и послами чуть не со всего міра, даже изъ Рима, Галліи, Карѳагена, Эѳіопіи и Скиѳіи: кто заявлялъ свое благоговѣніе передъ героемъ, кто просилъ его рѣшить международный споръ. При дворѣ толпилось большинство греческихъ ученыхъ и художниковъ. Подлѣ ветерановъ Филиппа красовались азіатскіе князьки и цѣлая гвардія молодыхъ персовъ. Но, не смотря на небывалый внѣшній блескъ, въ сущности могущество Александра никогда еще не подвергалось такимъ опасностямъ. Его огромная монархія, созданная всего въ 10 л., уже разваливалась. Его сатрапы, не смотря на примѣрныя наказанія, грабили провинціи и помышляли сами сдѣлаться царями. Тамъ и сямъ уже появлялись мятежи и разбойничьи шайки. Главный казначей, другъ Александра, *Гарпалъ*, бѣжалъ съ несмѣтною суммой въ Аѳины, и его не выдавали, не смотря на самыя грозныя требованія. Греція уже готовилась къ возстанію. Европейская армія, обожавшая своего героя, начала роптать; Александръ подозрѣвалъ въ этомъ своихъ лучшихъ полководцевъ и казнилъ ихъ или отсылалъ въ Македонію. По возвращеніи изъ Индіи недовольство европейцевъ возрастало отъ яваго стремленія Александра не возвысить азіатовъ до европейцевъ, а унизить европейцевъ до азіатовъ, а также отъ его чисто ассирійскихъ замашекъ: тогда Александръ официально объявилъ себя божествомъ и требовалъ себѣ религіозныхъ почестей. Египетскія работы на каналахъ и въ лѣсахъ, отъ которыхъ солдаты погибали сотнями, вывели ихъ изъ терпѣнія. Когда Александръ предложилъ ветеранамъ возвратиться домой, армія взбунтовалась. Александръ самъ бросился въ толпу, выхватилъ нѣсколько человѣкъ и казнилъ ихъ на мѣстѣ. Потомъ онъ растрогалъ солдатъ своими рѣчами — и они мирно пошли домой, награжденные деньгами, пенсіями и почестями. Затѣмъ Александръ сталъ проводить дни и ночи въ шумныхъ пирахъ. Эта жизнь вскорѣ свела въ могилу Гефестіона. Трое сутокъ провелъ Александръ безъ сна и пищи, оплакивая своего друга; затѣмъ онъ устроилъ ему погребеніе, стоившее 15 милл. р. и жизни нѣсколькихъ тысячъ плѣнниковъ, принесенныхъ въ жертву тѣни усопшаго. На похоронной пирушкѣ Александръ простудился и черезъ нѣсколько дней умеръ, на 33-мъ году отъ рожденія (323). Тѣло его повезли въ Македонію; но ловкій египетскій сатрапъ, Птолемей, перехватилъ его и похоронилъ въ Александріи.

§ 152. **Возстаніе грековъ и смерть Демосѳена.** Со смертью Александра окончилось господство Македоніи въ древнемъ мірѣ; тогда же исчезли послѣдніе проблески эллинскаго творчества, послѣ кото-

рыхъ греческая исторія стала печальною подготовкой къ римскому владычеству. До тѣхъ поръ образованные республиканцы, эллины не могли примириться съ мыслью о подчиненіи монархизму своихъ учениковъ въ культурѣ, македонцевъ. Какъ ни искренно желали Филиппъ и Александръ быть вождями эллинизма, греки не могли довѣрять благодѣяніямъ, подносимымъ на остріѣ меча. Они не могли забыть потоковъ крови, пролитыхъ ими въ борьбѣ съ македонцами за свою свободу. На полѣ битвы у Херонеи былъ воздвигнутъ ими отчасти сохранившійся доселѣ, мраморный левъ безъ надписи: въ его чертахъ столько же глубокой грусти и гордости, сколько въ чертахъ бюста Демосѳена (§ 144). Когда умеръ Филиппъ, Демосѳенъ, носившій трауръ по своей дочери, надѣлъ бѣлый плащъ и вѣнокъ на голову и явился въ экклесію сіяющій отъ радости. Греки не увлекались идеей Александра о національной борьбѣ съ персами: они видѣли здѣсь желаніе врага усилиться и скорѣе готовы были поддержать сузскаго царя, тѣмъ болѣе что тотъ же Александръ безпощадно истреблялъ ѳиванцевъ и всюду возстановлялъ ненавистныя декархіи олигарховъ, охраняемыя македонскими гарнизонами. Самые блестящіе успѣхи македонцевъ на Востокѣ вызывали въ Элладѣ чувство тревоги, а не радости. Послѣ гаугамельской битвы возстала Спарта, которая никогда не признавала гегемоніи македонцевъ. Царь *Агисъ III*, лакедемонецъ стараго закала, собралъ войска почти со всего Пелопонеса и началъ борьбу, которую вовсе нельзя было назвать „войной мышей и лягушекъ“, какъ выразился заносчиво Александръ. *Антипатръ*, оставленный съ корпусомъ войскъ слѣдить за Греціей, съ большими потерями одержалъ побѣду въ генеральномъ сраженіи съ Агисомъ. Движеніе спартанцевъ отразилось въ Аѳинахъ, которыя уже успѣли нѣсколько оправиться. Благодаря Ликургу (§ 145), скопилось много денегъ, которыя были употреблены на вооруженія и даже отчасти на художественныя постройки. Демосѳенъ дотого сохранялъ вліяніе, что тогда его вѣнчали въ театрѣ золотымъ вѣнкомъ, который повѣсили въ Парѳенонѣ на память потомкамъ. Это *вѣнчаніе* досталось патріоту послѣ упорной борьбы съ врагами, за которою слѣдила вся Эллада; оно означало торжество національной партіи. Друзья Македоніи, къ которымъ принадлежала новая философская школа Аристотеля, пали: Эсхинъ и Аристотель бѣжали, присужденные къ штрафу, одинъ за клевету на Демосѳена, другой — за „безбожіе“. Въ это время пришелъ указъ о признаніи Александра божествомъ. Аѳиняне поняли, что это значило допустить восточный деспотизмъ, и стали готовиться къ возстанію; тогда же они приняли Гарпала (§ 151), отобравъ только у него деньги въ свою пользу. Такъ какъ Демосѳенъ убѣдилъ народъ не выдавать Гарпала, но также не спѣшить съ возстаніемъ, то враги взвели на него нелѣпое обвиненіе, будто

онъ подкупленъ и Гарпаломъ, и Александромъ. Геліасты приговорили его къ штрафу и посадили въ тюрьму; но онъ бѣжалъ. Тогда же (324) умеръ Ликургъ—и аѳиняне остались безъ вождей, когда пришла вѣсть о смерти Александра, возбудившая радость во всемъ эллинскомъ мірѣ, не исключая малоазійскихъ грековъ. Аѳиняне пожертвовали всѣ свои сокровища на войну за освобожденіе и взялись за оружіе; ихъ послы возбуждали народъ по всей Греціи; Демосѳенъ былъ возвращенъ съ великими почестями. Аѳиняне явились въ Ѳессаліи съ хорошею арміей, нанесли нѣсколько пораженій Антипатру и принудили его запереться въ крѣпости Ламіи, по имени которой эта война названа *ламійскою*. Но къ Антипатру подоспѣло подкрѣпленіе изъ Азіи—и греки проиграли кампанію. Антипатръ поставилъ *македонскій гарнизонъ въ Пирей и уничтожилъ аѳинскую демократію*, подчинивъ городъ богачамъ (9 т.) съ Фокіономъ во главѣ, остальные граждане (15 т.) были лишены правъ; многихъ отправили въ ссылку во Ѳракію. Палачи Антипатра бросились искать бѣжавшаго Демосѳена съ товарищами. Друзей великаго оратора предали мучительной смерти; самъ онъ успѣлъ принять ядъ въ храмѣ, на одномъ островѣ близъ Аргоса (322).

§ 153. **Культура 4-го вѣка: а) киренаики и циники.** Въ 5 в. въ идеальной культурѣ Эллады преобладало *художественное* направленіе (§ 130), въ 4-мъ же—*научное;* но и то, и другое сосредоточивалось въ Аттикѣ. Послѣ паденія политическаго могущества Аѳинъ началось ихъ умственное господство, преимущественно благодаря необыкновенному развитію *философіи*. Новые философы были учениками Сократа и даже придерживались его разговорной формы: ихъ называли *сократиками* (сократическими). Но они искажали ученіе Сократа тѣмъ, что развивали до крайности одну изъ его сторонъ. Такъ основатель *киренейской* философской школы, богатый, безпечный и изящный гражданинъ веселой Кирены, *Аристиппъ*, утверждалъ, что умъ и знанія нужны только для умѣнья жить, которое состоитъ въ искусствѣ умѣренно наслаждаться всѣмъ, ни о чемъ не заботясь, кромѣ себя самого. Бѣдный, лишенный гражданскихъ правъ, мрачный и грязный аѳинянинъ *Антисѳенъ* вывелъ совсѣмъ другое изъ ученія Сократа; онъ считалъ добродѣтелью презрѣніе къ жизни, въ особенности же къ наслажденіямъ, которыя дѣлаютъ насъ своими рабами; онъ утверждалъ, что чѣмъ болѣе подавлять человѣческія стремленія и приблизиться къ животному, тѣмъ лучше. Антисѳенъ истязалъ себя трудами и лишеніями, ходилъ какъ нищій, презиралъ образованіе и изящество. Такъ какъ онъ училъ въ Циносаргѣ (гимназія для бѣдняковъ и рабовъ), то его школа названа *цинической*. Она дошла до крайности въ лицѣ *Діогена* синопскаго, который довелъ Сократово самовоздержаніе до того, что его называли „неистовымъ

Сократомъ". Этотъ спартанецъ въ философіи жилъ, какъ аскетъ: его имущество состояло изъ дыряваго плаща, палки, сумы и чашки, которую онъ впрочемъ бросилъ, увидавъ, что мальчишки черпаютъ воду рукой; квартира его была или въ бочкѣ, или гдѣ-нибудь на улицѣ. Всѣ почитали и даже побаивались циниковъ, какъ идеалистовъ, которые, презирая блага міра, безпощадно разоблачали пороки людей. Передъ силой духа Діогена преклонился даже Александръ Вел. Однажды онъ самъ пришелъ взглянуть на философа и сказалъ ему: „проси, чего хочешь". Діогенъ отвѣчалъ изъ своей бочки: „подвинься, не заслоняй мнѣ солнца!" Царь воскликнулъ: „клянусь Зевсомъ, еслибъ я не былъ Александромъ, я бы желалъ быть Діогеномъ!"

§ 154. **б) Платонъ.** Только одинъ ученикъ Сократа не исказилъ, а развилъ его ученіе: это—знатный, красивый и величавый аѳинянинъ, *Платонъ*. Получивъ полное воспитаніе, онъ бросилъ гимнастику и предался поэзіи, музыкѣ и живописи; но встрѣтивъ Сократа, онъ лѣтъ десять не отходилъ отъ него, составляя изложеніе его бесѣдъ. Сократъ сказалъ о немъ: „сколько тутъ такого, чего и не приходило мнѣ въ голову!" Платонъ такъ любилъ Сократа, что не жалѣлъ денегъ, чтобы спасти его изъ тюрьмы, и возненавидѣлъ демократію послѣ его казни. Платонъ вообще былъ аристократомъ: онъ держалъ себя гордо, изящно и невозмутимо; въ его домѣ былъ замѣтенъ комфортъ образованнаго человѣка, обставленнаго произведеніями искусства; у него былъ избранный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ его другъ и родственникъ, Критій (§ 126). Платонъ восторгался Аристофаномъ за его выходки противъ экклесіи и восхвалялъ спартанскія учрежденія. Послѣ тираніи Критія и казни Сократа онъ удалился изъ Аѳинъ и посѣтилъ образованныя страны: Египетъ, Кирену, Великую Грецію. Особенно увлекся онъ пиѳагореизмомъ, который измѣнилъ его убѣжденія: прежде Платонъ считалъ политику врагомъ философіи, теперь онъ доказывалъ, что „правители должны быть философами". Эта мысль привела его къ бѣдствіямъ: онъ увлекся предложеніемъ благороднаго *Діона* прибыть въ Сиракузы, чтобы научить идеальному правленію его родственника, тирана *Діонисія I* (§ 207). Тиранъ вскорѣ не только прогналъ философа, но продалъ его въ рабство. Друзья выкупили Платона, которому было уже 40 л., и привезли его въ Аѳины. Тогда началась 20-лѣтняя учительская дѣятельность философа въ Академіи (§ 116), отъ которой его школа получила названіе *академической*. Затѣмъ Платонъ снова соблазнился приглашеніемъ Діона возвратиться въ Сиракузы, гдѣ царствовалъ уже его племянникъ, *Діонисій II;* вскорѣ Діонъ былъ изгнанъ, а Платонъ возвратился въ свою Академію. Нѣсколько лѣтъ спустя, партія Діона восторжествовала—и 70-лѣтній Платонъ въ третій разъ прибылъ въ Сиракузы на роскошномъ ко-

раблѣ, присланномъ Діонисіемъ; но теперь онъ былъ изгнанъ еще скорѣе, чѣмъ прежде. Послѣ этого философъ не измѣнялъ своимъ лекціямъ въ Академіи; болѣе 10 лѣтъ собиралъ онъ вокругъ себя массу восторженныхъ слушателей, между которыми были даже женщины въ мужскомъ платьѣ. Онъ сохранялъ полное здоровье, свѣжесть мысли и 82-хъ лѣтъ тихо заснулъ навѣки, пиша лекцію (348). Только одно нарушало спокойствіе старика въ послѣдніе годы: среди академиковъ завязывались споры; особенно горячился и привлекалъ къ себѣ молодежь его геніальный ученикъ, Аристотель, который уже начиналъ колко критиковать своего учителя. Платонъ считается *основателемъ философіи, какъ науки.* До него были только „любители мудрости", которые не читали стройнаго курса философіи и не писали книгъ. Это были скорѣе проповѣдники, чѣмъ ученые: они учили, кого попало, умнымъ разговоромъ, совѣтами, примѣромъ собственной жизни; они излагали мысль, овладѣвшую всѣмъ ихъ существомъ, не готовясь къ своему дѣлу, по вдохновенію. Въ 4 же в. увеличился запасъ знаній — и Платонъ долго самъ учился, готовился къ своему поприщу, какъ ученый, обрабатывалъ свои бесѣды, какъ профессоръ лекціи. Отсюда произошли его сочиненія (ихъ сохранилось 30), которыя составляютъ научное изложеніе цѣлаго предмета, или философскую *систему.* Только внѣшняя форма его трудовъ прежняя: они изложены въ видѣ бесѣдъ Сократа съ своими учениками. Платонъ считается отцомъ *метафизики* (§ 133), *или идеализма въ философіи,* такъ какъ онъ сильнѣе Анаксагора и Сократа выдвинулъ *душу* насчетъ тѣла. Платонъ училъ, что внѣшній, реальный міръ имѣетъ лишь видимое бытіе; на дѣлѣ же существуетъ только душа, да животворящія ее *идеи;* но истинная жизнь души — за гробомъ, гдѣ не мѣшаетъ ей тѣло. Прежде чѣмъ вселиться въ тѣло человѣка, каждая душа пребывала подлѣ *единаго* творца міра и созерцала тамъ вѣчныя идеи *Правды, Добра и Красоты;* оттого она тоскуетъ на землѣ, вспоминая свое божественное происхожденіе; отсюда цѣль жизни—знаніе философіи и исканіе, съ ея помощью, слѣдовъ лучшихъ, вѣчныхъ идей. За этотъ возвышенный идеализмъ, а также за прелестную, поэтическую форму изложенія, Платона называли, „божественнымъ". Его идеализмъ преобладалъ въ позднѣйшихъ философіяхъ древняго міра; и до сихъ поръ метафизическія системы относятся къ нему, какъ къ своему отцу. Ученіе Платона, подрывавшее чувственный взглядъ и политеизмъ грековъ, было протестомъ противъ старины; но его понятіе о государствѣ было старое, спартанское: это — *аристократическая монархія,* основанная на рабствѣ и на полномъ поглощеніи личности государствомъ. Не возвышались надъ общимъ уровнемъ и понятія Платона о физическомъ мірѣ: у него 7 планетъ означаютъ музыкальную октаву; ихъ движенія образуютъ гармоническіе тоны; вселенная движется вокругъ земли.

§ 155. **в) Аристотель.** Ученикъ Платона, *Аристотель*, былъ противоположностью своего учителя, который былъ вдвое старше него. Онъ былъ сынъ врача Филиппа и родился въ Стагирѣ, близъ Аѳона. Рано лишившись родителей, онъ самъ пріѣхалъ въ Аѳины учиться у Платона и 20 лѣтъ такъ прилежно работалъ въ Академіи, что Платонъ называлъ его „необузданнымъ читателемъ“. По смерти Платона Аристотель переѣхалъ въ Пеллу, гдѣ четыре года обучалъ Александра, потомъ возвратился въ Аѳины и открылъ курсъ философіи въ Лицеѣ (§ 116). Онъ читалъ лекціи (утромъ болѣе серьезныя, вечеромъ для публики), гуляя по аллеямъ, по имени которыхъ его школа называлась *перипатетическою*. 13 лѣтъ преподавалъ здѣсь Аристотель и написалъ до 500 сочиненій. У него были рѣдкая библіотека и собраніе естественныхъ произведеній многихъ странъ, присланныхъ Александромъ; онъ былъ обезпеченъ щедрыми наградами своего ученика и его отца. По смерти Александра онъ бѣжалъ, какъ приверженецъ македонской партіи (§ 152), и умеръ на Эвбеѣ въ одно время съ Демосѳеномъ (322). Аристотеля не любили. Онъ былъ небольшаго роста, тощъ, бли зорукъ и картавъ; на губахъ его играла язвительная улыбка; онъ былъ холоденъ и насмѣшливъ; таковъ же его слогъ — сухой и краткій, но зато ясный и точный. Сочиненія Аристотеля долго лежали въ погребѣ и попортились; до насъ дошла шестая, но зато важнѣйшая часть ихъ, въ томъ числѣ знаменитый *Органонъ*, или первая въ мірѣ логика, въ которой геніально опредѣлены десять „категорій“ нашего мышленія, а также основанія грамматики. Аристотель оставилъ и первую *Психологію*, въ которой поразительно мѣтко опредѣлены многія душевныя свойства. Онъ же отецъ *естествознанія*, составившій вѣрное описаніе царствъ природы, на основаніи идеи вѣчнаго совершенствованія отъ минерала до человѣка. Аристотель создалъ и теорію поэзіи своею *Поэтикой*, въ которой установлены правила поэтическаго творчества. Наконецъ его *Риторика* есть первая теорія ораторской рѣчи, а *Политика*, въ которой разобраны политическія формы — первая книга по государственному праву. Аристотель былъ первымъ въ исторіи *энциклопедистомъ* и геніальнѣйшимъ умомъ, такъ какъ онъ создалъ почти всѣ основныя науки. Насколько Платонъ — поэтъ и отчасти фантазеръ, настолько же Аристотель — *ученый*. Онъ судитъ только на основаніи видѣнныхъ явленій, фактовъ и *опыта;* онъ утвердилъ открытый Сократомъ научный методъ—*индукцію* (наведеніе § 127), или сужденіе о цѣломъ рядѣ явленій на основаніи общихъ чертъ въ нѣсколькихъ изъ нихъ. Оттого философія Аристотеля называется *реализмомъ:* онъ признавалъ только видимые предметы (лат. res) и горячо, съ ироніей, отвергалъ Платоново царство идей, какъ сущностей, живущихъ независимо отъ матеріи, а не понятій, создаваемыхъ нашею головой. Аристотель отвергалъ и этику Платона, у

котораго знаніе и добродѣтель—одно и то же: онъ утверждалъ, что философъ можетъ быть дурнымъ человѣкомъ, а неученый хорошимъ. По его мнѣнію, добродѣтель зависитъ отъ нашей природы, которую можно только улучшить посредствомъ образованія „характера". Платонъ и Аристотель — отцы двухъ противоположныхъ направленій въ философіи, не вымершихъ до нашихъ дней. Рафаэль наглядно объяснилъ ихъ въ своей „Аѳинской школѣ", гдѣ Платонъ восторженно подымаетъ руку къ небу, а Аристотель сурово указываетъ на землю. Въ древнемъ мірѣ Платонъ имѣлъ гораздо болѣе успѣха: реализмъ Аристотеля требовалъ много знаній, т.-е. недоступнаго массамъ умственнаго труда.

Аристотель. Статуя въ Римѣ.

§ 156. **г) Риторика и новый характеръ жизни.** По значенію въ культурѣ 4-го в. за философіей слѣдуетъ *риторика*, или краснорѣчіе: она такъ развилась, что Аристотель уже могъ вывести изъ наблюденій надъ нею первую теорію ораторской рѣчи. Краснорѣчіе возникло уже въ 5 вѣкѣ (§ 139). Но тогда было только трое „древнихъ" ораторовъ, и рѣчи ихъ были преимущественно судебныя, адвокатскія. Въ 4 же в. явилось много риторскихъ школъ, и онѣ выдвинулись на первый планъ въ воспитаніи. Это зависѣло отъ измѣненія характера всей эллинской жизни. Съ конца 5 в. *исчезаетъ древняя гармонія, или ритмъ* жизни (§ 116). Софисты вносили въ воспитаніе жажду многосторонняхъ знаній и критическій духъ, который обращался въ страсть къ спорамъ и діалектическимъ состязаніямъ. Строгая гимнастика, бывшая основой общаго образованія, превратилась въ *атлетику*, т.-е. въ выгодное ремесло, щеголявшее тѣлесною виртуозностью на потѣху публики; атлеты вырабатывались такъ же, какъ „акробаты", или скоморохи, которые размножились тогда же. Драма, начиная съ Эврипида (§ 132), теряетъ спокойный, какъ бы неземной характеръ и становится мятежною борьбою страстей.

Измѣняются и связанные съ нею танцы и музыка. Уже у Эврипида актеръ внезапно останавливаетъ ходъ пьесы и поетъ родъ оперныхъ арій, что наиболѣе нравилось публикѣ. Это стремленіе *соло* выдѣлиться изъ общей массы, совпадавшее съ эгоистической философіей софистовъ, замѣчается и въ хорѣ: прежде хоръ славился единствомъ и ритмомъ, и корифеи не жалѣли силъ, чтобы выучить его ходить, какъ одинъ человѣкъ, и пѣть строгимъ унисономъ; теперь же каждый голосъ старается выказаться, заглушить своихъ товарищей. Инструменты также стремятся къ самостоятельности и виртуозности, вмѣсто тихаго аккомпанированія; особенно страстные звуки азіатской флейты усиливаются заглушить скромное дребезжаніе эллинской кивары; въ оркестрѣ слышатся даже громъ, плескъ волнъ, крики звѣрей. *Танцы* прежде были величавымъ, религіозно-военнымъ движеніемъ, такъ что однажды былъ выбранъ въ стратеги танцоръ, хорошо изображавшій военную пляску; теперь же они превратились въ безпокойный балетъ, щеголявшій хореграфическою виртуозностью. При такой всеобщей раздражительности, которая выгоняла грека изъ дома на улицу, въ общество, слово стало великою потребностью и силой, а изящнымъ эллинамъ хотѣлось слушать красивыя рѣчи и говорить красно на языкѣ, который достигъ тогда высокаго развитія, благодаря софистамъ (§ 133). Ктому же раздражительность и общительность вели къ частымъ столкновеніямъ и ссорамъ: развивалось сутяжничество, кляузничество, страсть къ судебнымъ процессамъ. Этотъ духъ проникалъ и въ политику: то и дѣло судили государственныхъ дѣятелей за малѣйшую провинность или по доносамъ сикофантовъ (§ 121). Самая политика стала иною. Послѣ пелопонесской войны жизнь греческихъ республикъ была полна переворотовъ, борьбы партій, внезапныхъ союзовъ и войнъ, соперничества между Аѳинами, Спартой, Ѳивами, Ѳессаліей, вмѣшательствъ Македоніи и Востока: на первый планъ выдвинулась *дипломатія* съ ея изворотами, основанными на софистикѣ и умѣньѣ говорить, обмануть другъ друга хитрыми рѣчами. Тогда жилъ геній дипломатіи, Филиппъ, придавшій огромное значеніе посольствамъ, а послы должны были прежде всего блистать краснорѣчіемъ: ихъ называли „риторами“ (ораторами). Оттого краснорѣчіе, бывшее въ 5 в. преимущественно судебнымъ, обратилось въ *политическое*. Этотъ переворотъ въ риторикѣ былъ произведенъ *Исократомъ* (§ 144), которымъ открывается рядъ семи „новыхъ“ ораторовъ. Скромная, кабинетная натура, другъ Сократа и Платона, Исократъ рѣдко выступалъ передъ толпой: онъ важенъ, какъ основатель новой школы, которую Цицеронъ сравнилъ съ деревяннымъ конемъ подъ Троей, такъ какъ изъ нея вышли герои краснорѣчія — *Эсхинъ*, *Демосѳенъ*, *Ликургъ* и др. Исократъ трудился дома надъ кропотливою отдѣлкой рѣчей (одну рѣчь онъ писалъ 10

лѣтъ), которыя пускалъ въ публику въ спискахъ, съ помощью писцовъ и книжныхъ лавокъ, уже появившихся тогда въ Аѳинахъ: это — первыя въ исторіи политическія брошюры или *начало публицистики*. Произведенія Исократа славились дотого, что одинъ тиранъ заплатилъ за одно изъ нихъ 30 т. р. Съ учениками Исократа угасло политическое краснорѣчіе въ Элладѣ, хотя насчитываютъ не мало риторовъ, во главѣ которыхъ стоялъ болтливый и пустой *Димитрій Фалерейскій*, неудачный ученикъ Демосѳена. Но въ теоріи краснорѣчіе достигло поразительнаго развитія къ концу 4 в., благодаря Аристотелю, „Риторика“ котораго пытается сбросить съ рѣчи гнетъ софистики и искусственности. По Аристотелю, краснорѣчіе есть трезвость сужденій; лучшій стиль тотъ, который даетъ наиболѣе знаній и мыслей, выраженныхъ наиболѣе просто и ясно. Но совѣты Аристотеля запоздали: тогда уже умерла политическая свобода Эллады.

§ 157. д) **Исторія и комедія**. За исключеніемъ философіи и риторики, проза 4-го в. представляетъ упадокъ. Особенно понизилась *исторія*, сравнительно съ Ѳукидидомъ и даже Геродотомъ, какъ видно изъ ея представителя, *Ксенофонта*. Ксенофонтъ родился въ Аѳинахъ еще при Периклѣ и прожилъ около ста лѣтъ. Онъ долго учился у Сократа, котораго любилъ, какъ отца и друга: онъ написалъ ему похвалу и „Воспоминанія“ о немъ. Сократъ также любилъ его, какъ сына, и въ одной битвѣ вынесъ его, раненаго, на своихъ плечахъ. Ксенофонтъ не любилъ своей родины и увлекался спартанскими порядками; оттого онъ пошелъ на помощь Киру Младшему въ отрядѣ лакедемонцевъ, который былъ спасенъ имъ (§ 135)—подвигъ, описанный имъ въ *Анабазисѣ*. Возвратившись изъ Азіи, Ксенофонтъ узналъ о казни Сократа и переселился въ Спарту, гдѣ привязался къ Агезилаю, съ которымъ воевалъ противъ Аѳинъ. Спартанцы подарили ему прелестное имѣніе у Олимпіи, гдѣ онъ долго жилъ спокойно, занимаясь хозяйствомъ, охотой и литературой. Когда палъ его сынъ въ мантинейской битвѣ, онъ затосковалъ и вскорѣ умеръ. Ксенофонтъ былъ любимымъ писателемъ древности: его слогъ и языкъ такъ очаровательны, что его называли „аттическою пчелой“. Но по содержанію, сочиненія Ксенофонта не важны. Его философія — поверхностное изложеніе Сократа; его „Эллинская исторія“, служащая продолженіемъ Ѳукидида, до мантинейской битвы, наполнена узкими спартанскими воззрѣніями и пристрастіемъ къ Агезилаю; въ ней нѣтъ ни слова объ Эпаминондѣ. Еще слабѣе „Киропедія“, или „Воспитаніе Кира“ Старшаго: это — историческій романъ, цѣль котораго — представить идеалъ воспитанія въ духѣ Сократа; здѣсь интересно только широкое, космополитическое міровоззрѣніе. Кромѣ Ксенофонта, было много другихъ историковъ, еще болѣе сла-

быхъ и извѣстныхъ намъ лишь изъ отзывовъ другихъ писателей или по ничтожнымъ отрывкамъ. По большей части это были бездарные собиратели мелкихъ извѣстій, вродѣ тѣхъ писцовъ въ свитѣ Александра, которые вели *дневники* изъ его жизни. Многіе изъ нихъ были учениками Исократа: оттого у нихъ видимъ *риторство*, которое сталось тѣхъ поръ отличительною чертой древней исторіографіи. Рядомъ съ указаннымъ развитіемъ наукъ, къ которому должно прибавить еще процвѣтаніе медицины, математики и военнаго дѣла, въ 4 в. замѣчается упадокъ во всѣхъ отрасляхъ поэзіи, кромѣ *комедіи*. Впрочемъ, и комедія уже отличалась другимъ характеромъ: ее назвали *новою*, въ отличіе отъ древней, или Аристофановой. Она ниже послѣдней: на ней отразилось вліяніе софистики и закона Тридцати (§ 126), воспретившаго комикамъ касаться политики и личностей. Новая комедія нападала только на философовъ и писателей; она суха и разсудочна. Она хороша только въ изображеніи *обыденной* жизни. Отсюда ея связь съ Эврипидомъ, который имѣетъ такое же значеніе въ трагедіи: она называла его „золотымъ поэтомъ“ и заимствовала у него цѣлые стихи. Главою новой комедіи былъ талантливый киренаикъ *Менандръ*, человѣкъ весьма образованный, веселый и безпечный. О немъ говорили, что неизвѣстно, Менандръ ли подражалъ природѣ, или природа Менандру. Онъ написалъ массу пьесъ; латинскіе комики то передѣлывали, то переводили ихъ. На новую комедію сильное вліяніе имѣлъ еще сициліецъ *Софронъ*, современникъ Діонисіевъ, изобрѣтатель *мимовъ*, или „подражаній“. Мимы — краткіе прозаическіе разговоры крестьянъ, полные грубаго, деревенскаго юмора и голой правды; они предназначались для чтенія или для декламацій, вродѣ нашего Петрушки.

§ 158. е) **Искусство**. Относительно искусства 4 вѣкъ мало уступаетъ 5-му: онъ называется *второю эпохой процвѣтанія искусства*. Но это былъ третій періодъ въ исторіи греческаго искусства вообще. Въ *первомъ* періодѣ (до персидскихъ войнъ) искусство было религіозное, съ преобладаніемъ зодчества и дорическаго стиля; оно сосредоточивалось на островахъ и было подъ вліяніемъ Востока. Во *второмъ* періодѣ (вѣкъ Перикла), который называется *первою эпохой процвѣтанія*, искусство становится болѣе свѣтскимъ, но сохраняетъ спокойный, религіозно-величавый характеръ; тогда преобладало ваяніе, посвященное преимущественно изображенію боговъ и украшенію храмовъ; въ зодчествѣ господствовалъ іоническій стиль. Это искусство, которое сосредоточивалось въ Аѳинахъ, самостоятельно, но *идеально* до сухости; для оживленія своихъ строгихъ типовъ художникъ прибѣгалъ къ *полихроміи* (раскраска) и къ соединенію разныхъ матеріаловъ (чаще всего статуи дѣлались изъ слоновой кости съ золотомъ). *Третій* періодъ (4 в.) отличается *реализмомъ*, или подража-

ніемъ природѣ въ изображеніи предметовъ и чувствъ человѣка; отсюда развитіе *техники*, или отдѣлки мелочей, господство *индивидуальныхъ* чертъ, вмѣсто типовъ, доходящее иногда до фотографичности, и полная свобода художника, иногда жертвующаго художественною гармоніей ради *эффекта* (сильнаго впечатлѣнія). Тогда преобладала живопись съ ея сочностью красокъ и игрой свѣта и тѣни, а полихромія исчезла; статуи дѣлались уже изъ одного мрамора; въ зодчествѣ возникла декоративность (отдѣлка мелочей, украшеній) и пристрастіе къ коринѳскому стилю (§ 130). Въ 4 в. искусство сосредоточивалось въ Пелопонесѣ, Малой Азіи и въ Аѳинахъ; отъ него дошли до насъ не однѣ копіи, но и нѣкоторые изъ драгоцѣннѣйшихъ оригиналовъ. Развитіе живописи въ 4 в. видно уже изъ того, что въ ней образовалось много школъ, съ іонійской (въ Эфесѣ) и сикіонской во главѣ. Къ іонійской принадлежали *Зевксисъ* и *Парразій:* они довели подражаніе природѣ до совершенства, вызвавшаго извѣстныя преданія о виноградѣ и занавѣсѣ и о рабѣ, котораго замучилъ Парразій, чтобы вѣрнѣе изобразить страданія своего „Скованнаго Промѳея". О сикіонской школѣ можно судить по одной копіи, подъ названіемъ „Альдобрандинская свадьба" (въ Ватиканѣ). Достоинства обѣихъ школъ соединялись въ царѣ древней живописи, *Апеллесѣ*, жившемъ при дворѣ Александра Вел. Тогда же достигла высшаго развитія *живопись на вазахъ*. Содержаніе живописи 4 в. нынѣшнее, свѣтское: историческія сцены, портреты, жанръ (бытовыя сцены), цвѣты. Въ скульптурѣ прославились аѳиняне *Скопасъ* и *Праксителъ*. Скопасъ, который былъ также хорошимъ архитекторомъ, изображалъ съ необыкновенною силой могучія страсти, мученія и экстазы. Статуи же Праксителя отличались нѣжностью и граціозностью: древніе сходили съ ума отъ нихъ, также какъ отъ стиховъ Эврипида. Праксителю приписываютъ „Группу Ніобеи" — одно изъ величайшихъ произведеній искусства вообще, даже судя по копіи (во Флоренціи). Еще болѣе славилась его „Афродита книдская": отовсюду стекались любители взглянуть на нее; одинъ восточный царь предлагалъ за нее книдянамъ уплатить ихъ государственный долгъ. Третьимъ великимъ ваятелемъ былъ *Лизиппъ*, который дѣлалъ мѣдныя статуи-портреты и особенно хорошо изображалъ атлетовъ и коней („Обтирающійся атлетъ" въ Ватиканѣ); онъ жилъ при дворѣ Александра Вел., который ему одному позволялъ дѣлать свои статуи. Къ 4 в. относится также высшее развитіе *чеканки монетъ:* особенно изящны монеты аркадскія и сиракузскія. Важнѣйшимъ архитектурнымъ памятникомъ 4 в. служитъ *храмъ Аполлона въ Милетѣ*, затмившій собою храмъ Артемиды эфесской: онъ былъ окруженъ двойнымъ рядомъ іоническихъ колоннъ, по 10 поперекъ и по 21 вдоль въ каждомъ рядѣ; каждая колонна — сажень въ поперечникѣ и ок. 10 саж. вышины.

Въ 4 в. особенно развились *памятники*. Прежде это были сначала курганы, потомъ пещерныя могилы въ скалахъ, разукрашенныя снаружи въ видѣ домиковъ и храмиковъ; теперь же ставили свободные памятники, или *монументы*. Сначала это были простые столбики или камни съ именами покойниковъ, потомъ колонки, храмики на столбахъ, каменные гробы, жертвенники и статуи. Большіе монументы принадлежатъ Малой Азіи, особенно *Ликіи*, гдѣ (въ Ксанѳѣ) славилась „Гробница Гарпага“ — храмикъ, похожій на Парѳенонъ, работы Скопаса. Другой памятникъ, найденный у древняго Галикарнасса, считался „чудомъ свѣта“: это—*Мавзолей*, имя котораго стало означать памятникъ вообще. Онъ былъ поставленъ вдовой Мавзола (§ 143) и состоялъ изъ храмика, съ пирамидою на крышѣ, украшенною статуей покойника. Въ 4 в. возникли и *пустыя гробницы*—памятники въ знакъ почета, безъ могилъ. Воздвигали монументы и въ честь *живыхъ лицъ*, именно побѣдителей на музыкальныхъ состязаніяхъ: обыкновенно это былъ круглый храмикъ съ куполомъ, на которомъ стоялъ треножникъ—награда побѣдителю.

V. Діадохи и эпигоны. 323—30.

§ 159. **Діадохи**. Александръ Вел. не оставилъ преемника — и власть подѣлили между собой его полководцы или „наслѣдники“, *діадохи;* но никто изъ нихъ не довольствовался своимъ удѣломъ, каждый стремился къ единодержавію. Идея всемірной монархіи жила еще 17 лѣтъ (323—306), пока не сошли со сцены люди, воспитанные въ школѣ Александра: время діадоховъ должно назвать *эпохой борьбы за восточную монархію*. Въ этой борьбѣ діадохи по большей части истребили другъ друга. Прежде всѣхъ погибъ *Пердикка* (§ 149), противъ властолюбія котораго образовался союзъ изъ главныхъ діадоховъ. Послѣ него выдвинулись на первый планъ два ветерана, Птолемей и Антигонъ, и три представителя молодаго поколѣнія — сынъ Антигона, Димитрій, сынъ Антипатра, Кассандръ, и самый юный изъ сподвижниковъ Александра, Селевкъ. Эти лица, отличавшіяся дарованіями и энергіей, не походили другъ на друга по характеру. *Птолемей*, владѣвшій богатымъ Египтомъ, былъ Крезомъ того времени: у него занимали даже карѳагеняне. Онъ воевалъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда требовалось оградить Египетъ и его торговлю отъ честолюбцевъ и соперниковъ. Это—единственный тогда типъ мирнаго устроителя внутреннихъ силъ страны. Птолемей былъ терпѣливъ и остороженъ, держалъ свое слово, жилъ просто, отличался великодушіемъ, дорожилъ науками и искусствомъ, самъ былъ писателемъ. Когда его вызывали на борьбу, онъ обнаруживалъ тонкій дипломатическій умъ, храбрость и настойчивость, которые доставляли ему

побѣду. Напротивъ, *Антигонъ* отличался не столько серьезностью, сколько внѣшнимъ блескомъ. Онъ казался царемъ всей Азіи, потому что ему достались всѣ восточныя сатрапіи, а также сокровища Сузы и Вавилона. Ктому же Антигонъ былъ первымъ полководцемъ своего времени и идоломъ солдатъ, любившихъ его за веселость, щедрость и любезность. Антигонъ позволялъ даже шутить надъ собой, впрочемъ только не надъ своимъ кривымъ глазомъ: одинъ поэтъ поплатился жизнью за то, что сравнилъ его съ Циклопомъ. *Димитрій*, прозванный *Поліоркетомъ* (осаждателемъ городовъ) за изобрѣтеніе осадныхъ машинъ, натура талантливая, пылкая и романтическая, быстро прославился своими отважными приключеніями и военными подвигами. На полѣ битвы, особенно при осадахъ и на морѣ, лучшіе ветераны боялись этого красиваго и вкрадчиваго юноши: въ немъ видѣли будущаго Александра, котораго онъ напоминалъ и внѣшнимъ видомъ. Пока былъ живъ Димитрій, даже даровитый *Селевкъ* находился въ тѣни. Это былъ изворотливый и мужественный дипломатъ и полководецъ. Онъ умѣлъ такъ умно обходиться съ людьми, что въ Вавилонѣ плакали, когда Антигонъ выгналъ его оттуда, а когда ему удалось, всего съ тысячью всадниковъ, снова овладѣть Вавилономъ, на Востокѣ перемѣнили лѣтосчисленіе („эра Селевкидовъ“, 312 г.), его же самого прозвали Никаторомъ (Побѣдителемъ). *Кассандръ* былъ смѣлъ и энергиченъ, но отличался не столько талантами, сколько грубымъ честолюбіемъ, вѣроломствомъ и кровожадностью. Чтобы спокойно носить титулъ македонскаго царя, онъ перерѣзалъ семью Александра Вел. — все женщинъ да дѣтей. Сила Кассандра заключалась въ томъ, что, кромѣ Македоніи, ему подчинялась Греція, и въ Аѳинахъ сидѣлъ его намѣстникъ, Димитрій Фалерейскій.

§ 160. **Борьба между Діадохами.** Антигонъ и Поліоркетъ были послѣдними могучими борцами за всемірную монархію. Остальные діадохи составили союзъ противъ нихъ, съ цѣлью основать отдѣльныя царства; возгорѣлась долгая (314—301) борьба, замѣчательная по подвигамъ и искусству обѣихъ сторонъ; она распространялась отъ Дуная до Кирены, отъ Эпира до Тигра. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Антигона и Поліоркета, и они назвали себя *царями;* особенно величался Поліоркетъ. Посланный отцомъ въ Элладу объявить „свободу и автономію“ ея городовъ, онъ явился въ Аѳины, гдѣ Димитрій Фалерейскій (§ 156) разыгрывалъ роль бога и утопалъ въ наслажденіяхъ, а граждане поставили ему 360 статуй. Поліоркетъ прогналъ своего соименника и возстановилъ демократію. Аѳиняне передѣлали статуи Димитрія Фалерейскаго въ негодные горшки, а Поліоркету стали оказывать божескія почести. Они называли его и Антигона „Сотерами“, (спасителями) воздвигали имъ жертвенники, обозначили дни и мѣсяцы ихъ именами, пѣли въ честь ихъ гимны и совершали цер-

ковные ходы. Поліоркетъ погрязалъ въ оргіяхъ, какъ вдругъ Антигонъ призвалъ его къ себѣ на помощь. Бѣда состояла въ томъ, что ихъ соперники, Птолемей, Селевкъ и Кассандръ, въ свою очередь провозгласили себя царями (306), а вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали тираны Великой Греціи и Сиракузъ. Чтобы подорвать могущество своего главнаго врага, Птолемея, Антигонъ рѣшился овладѣть принадлежавшимъ ему *Родосомъ*. Родосъ сталъ тогда новыми Аѳинами: онъ славился своимъ богатствомъ, флотомъ, роскошными городами и крѣпостями, а также художественными и риторскими школами. Димитрій понялъ, что овладѣть Родосомъ значило погубить Птолемея; но Птолемей оказался достойнымъ соперникомъ. Цѣлый годъ весь міръ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за осадой Родоса, какъ вдругъ Поліоркетъ бросился въ Грецію, гдѣ ему угрожалъ Кассандръ. Родосцы воздвигли съ радости „чудо свѣта“—*Колосса Родосскаго*, вылитаго изъ мѣдныхъ машинъ Димитрія, а Птолемея назвали „богомъ *Сотеромъ*“ и поставили ему храмъ. Поліоркетъ прогналъ Кассандра, завладѣвшаго-было Элладой, и снова вступилъ въ Аѳины. Аѳиняне оказали своему „спасителю“ еще болѣе подобострастный пріемъ, чѣмъ прежде. Цѣлую зиму провелъ Димитрій въ Парѳенонѣ, въ качествѣ брата Аѳины-Паллады, оскверняя святилище невиданными оргіями и выказывая презрѣніе къ раболѣпнымъ гражданамъ. Но онъ снова былъ оторванъ отъ наслажденій своимъ отцомъ, противъ котораго цари-соперники составили союзъ. Поліоркетъ немедленно двинулся въ Азію, въ сопровожденіи блестящаго юноши, эпирскаго царя *Пирра*. У *Ипса*, во Фригіи, сошлись стотысячныя арміи соперниковъ (301); союзники побѣдили, благодаря изворотливости и слонамъ Селевка. Антигонъ палъ, а Димитрій бѣжалъ въ Аѳины, но его не приняли; тогда онъ снарядилъ небольшую эскадру, и по Эгейскому м. разнеслась слава о двухъ грозныхъ пиратахъ, Димитріи и Пиррѣ. Союзники раздѣлили между собой наслѣдіе Антигона, но вскорѣ должны были бороться съ Поліоркетомъ, который воспользовался смертью Кассандра и безъ всякихъ средствъ ловко овладѣлъ Македоніей и Греціей. Димитрій уже началъ дѣлать огромныя приготовленія къ возвращенію отцовскаго царства, какъ вдругъ противъ него поднялся его питомецъ, Пирръ, успѣвшій снискать любовь эпиротовъ и македонцевъ и дружбу Птолемея. Войска Димитрія перешли на сторону Пирра, и онъ бѣжалъ въ Азію съ небольшимъ отрядомъ, который наткнулся на цѣлую армію союзниковъ. Поліоркетъ сдался Селевку, который держалъ его въ почетномъ плѣну до самой его смерти, и отправилъ его прахъ его сыну, *Антигону Гонату*, владѣвшему Греціей именемъ отца. Тогда же умеръ Птолемей, а черезъ три года (280) Селевкъ передалъ Азію своему сыну, *Антіоху*, самъ же отправился въ Македонію, достав-

шуюся ему по смерти Поліоркета, но тамъ былъ убитъ однимъ изъ соискателей престола. Убійца вскорѣ погибъ въ битвѣ съ галлами, которые опустошали тогда Македонію и Грецію. Затѣмъ эти полудикари перебрались въ Малую Азію, гдѣ утвердились въ странѣ, названной *Галатіей*, а Греція съ Македоніей подчинялись Антигону Гонату. Такъ ок. 280 г. вымерли великіе діадохи Александра, а также самые энергичные и даровитые изъ ихъ сыновей. Настало господство *эпигоновъ*, или ихъ ничтожныхъ преемниковъ, которые правили царствами, возникшими на развалинахъ державы Александра Вел.

§ 161. **Эпигоны: а) Селевкиды.** Подъ господствомъ эпигоновъ разумѣются три державы: царство Селевкидовъ въ Азіи, царство Лагидовъ въ Египтѣ и царство Антигонидовъ въ Македоніи и Греціи. Самое большое изъ нихъ, царство Селевкидовъ, рано стало распадаться: изъ него выдѣлилось нѣсколько государствъ, среди которыхъ Іудея и въ особенности Парѳія имѣли историческое значеніе. Царство Селевкидовъ называется *Сирійскимъ*, потому что основатель его, *Селевкъ I Никаторъ*, сосредоточилъ свое вниманіе на Сиріи, чтобы удобнѣе отбиваться отъ Птолемеевъ: сюда, въ новый городъ, *Антіохію* (на Оронтѣ), перенесъ онъ свою столицу изъ Селевкіи (на Тигрѣ). Но это не былъ центръ его великой монархіи, доходившей до Понта, Яксарта и Инда; оттого земли къ в. отъ Евфрата были предоставлены иранскому вліянію и вторженію такихъ кочевниковъ, какъ парѳяне. Утрата этихъ земель ослабляла Селевкидовъ и на западѣ, такъ что ок. Р. Х. у нихъ оставалась только узкая полоса земли между Евфратомъ и Средиземнымъ м. Этому способствовала принятая ими система сатрапій, которыхъ сначала было болѣе 70, а также вѣчная борьба съ Птолемеями за Палестину и Финикію. Но Селевкидамъ удалось исполнить культурную задачу, оставившую глубокій слѣдъ въ исторіи: это—*эллинизація земель къ западу отъ Евфрата*. Здѣсь сатрапы и всѣ власти были изъ грековъ и македонцевъ. Здѣсь строилось много городовъ, которымъ давалось самоуправленіе, привлекавшее греческій средній классъ: однѣхъ Антіохій насчитывалось 16, Селевкій—9 и т. д. Во главѣ ихъ стояла первая Антіохія (на Оронтѣ), чисто греческій городъ, который соперничалъ съ Аѳинами и Александріей, въ отношеніи наукъ, искусствъ и веселой, роскошной жизни. Если въ Сиріи и Месопотаміи эллинизація проникла только въ высшій классъ и къ горожанамъ, зато Малая Азія перешла потомъ въ руки византійцевъ совсѣмъ эллинизованною; она снова приняла восточный характеръ лишь въ средніе вѣка, благодаря туркамъ-сельджукамъ и особенно османліямъ, вытѣснившимъ греческій элементъ къ берегамъ. Сирійское царство существовало ок. 250 л. (312—65); но его паденіе началось уже по смерти Никатора, ничтожные преемники котораго увлеклись восточными обычаями. У эпи-

гоновъ вообще семейная жизнь напоминала ужасы персидскаго двора послѣ Дарія I, благодаря полигаміи и бракамъ между родственниками, даже между братьями и сестрами; но нигдѣ она не падала такъ глубоко, какъ у Селевкидовъ. Общество подражало двору: антіохійцы напоминали вавилонянъ своею безнравственностью и раболѣпіемъ; они не только воздвигали храмы Селевкидамъ, но назвали одного изъ нихъ *Θεοσомъ* (богомъ). Быстрота паденія сирійскаго царства видна изъ того, что важнѣйшимъ изъ Селевкидовъ считается *Антіохъ III* „Великій", который побѣдилъ египтянъ и даже занялъ часть Ѳракіи; но римляне сразу уничтожили его. Онъ велъ себя безразсудно: пріютилъ врага римлянъ, Ганнибала, но не слушался его совѣтовъ; бросился завоевывать Элладу, но предавался тамъ пирамъ и долженъ былъ бѣжать передъ римлянами, которые разбили его на голову у *Магнезіи* (190) и отдали часть Малой Азіи Пергаму. Послѣ Антіоха III у Селевкидовъ явился новый недостатокъ—религіозная нетерпимость: они грабили и оскверняли негреческіе, въ особенности же еврейскіе, храмы. Отсюда возстанія, стоившія жизни нѣкоторымъ Селевкидамъ, и пріобрѣтеніе независимости евреями. Между тѣмъ, парѳяне такъ усилились, что даже держали въ плѣну нѣсколькихъ Селевкидовъ. Безпорядки дошли дотого, что сами сирійцы призвали противъ своихъ царей Тиграна армянскаго, послѣ котораго всего лѣтъ 5 процарствовалъ послѣдній Селевкидъ, *Антіохъ IX:* римляне низложили его и обратили Сирію въ свою провинцію (65).

§ 162. **Мелкія царства Передней Азіи: 1) Іудея.** Подлѣ царства Селевкидовъ, въ Передней Азіи было множество мелкихъ государствъ, которыя играли извѣстную роль въ періодъ паденія греческаго міра и возвышенія Рима. Они образовались частью изъ наслѣдія Александра Вел., частью изъ нетронутыхъ македонцами земель персидской монархіи. Такъ какъ древніе историки не обращали на нихъ вниманія, то ихъ исторія начинаетъ выясняться только теперь, особенно благодаря нумизматикѣ. Самыми важными изъ этихъ государствъ были Парѳія, Понтъ, Пергамъ и Іудея, а за ними—Арменія, Бактрія, Каппадокія и Виѳинія. Возвратившись изъ вавилонскаго плѣна (§ 69), *евреи* жили спокойно подъ владычествомъ персовъ болѣе 200 л. (538—320), составляя часть сирійской сатрапіи; у нихъ было даже собственное управленіе, во главѣ котораго стояли первосвященники; они сдѣлали изъ Іерусалима хорошую крѣпость и возобновили храмъ Саломоновъ. По смерти Александра Вел., Іудея досталась Птолемеямъ, которые владѣли ею болѣе 100 л. (320—203). Евреямъ жилось тогда еще лучше, чѣмъ при персахъ: управленіе сохранялось въ рукахъ первосвященниковъ; въ Александріи евреямъ были даны большія привилегіи. Но подконецъ египетскіе цари

стали деспотами и фанатиками, нарушавшими даже мѣстныя религіи. Оттого евреи поддались Антіоху Ш, когда онъ вступилъ въ борьбу съ Египтомъ. Владычество Селевкидовъ (203—168) также было сначала сносно; но сынъ Антіоха Ш, *Антіохъ IV Эпифанъ*, вздумалъ разграбить Іерусалимъ съ его храмомъ, чтобы уплатить дань Риму, а также рѣшился ввести въ Іудею греческую культуру и даже религію. Евреи возстали (168) подъ предводительствомъ сильной фамиліи *Асмонеевъ*, во главѣ которой стояли священникъ *Маттаѳія* и трое его сыновей, *Маккавеевъ*. Такъ какъ сирійское царство тогда падало подъ ударами египтянъ и римлянъ, то имъ удалось создать независимое царство, которое продержалось болѣе 200 л., но было наполнено смутами: члены фамиліи Асмонеевъ враждовали между собой, опираясь на *фарисеевъ и саддукеевъ*, которые изъ религіозныхъ сектъ превратились въ политическія партіи. Римляне пользовались смутами и съ 63 г. уже распоряжались въ Іудеѣ, какъ въ покоренной странѣ. Въ 37 г. они отняли царское достоинство у Асмонеевъ и передали его своему клеврету, *Ироду Великому*, который прославился своею жестокостью столько же, сколько страстью къ постройкамъ; а въ 44 г. по Р. Х. Іудея стала римскою провинціей, управляемой прокураторами.

§ 163. **2) Пергамъ, Понтъ, Парѳія.** Въ эпоху эпигоновъ Іудея имѣла значеніе только, какъ страна, гдѣ подготовлялся религіозный переворотъ (христіанство), да отчасти какъ орудіе Рима въ борьбѣ съ Сиріей. Важнѣе были Пергамъ, Понтъ и Парѳія—первый въ культурномъ, остальные въ политическомъ отношеніи. *Пергамское* царство было основано однимъ македонскимъ евнухомъ, во время борьбы между діадохами (281). Его потомки отличались искусною политикой: они поддерживали римлянъ противъ Сиріи и Македоніи и съ помощью ихъ пріобрѣли почти половину Малой Азіи и даже часть Ѳракіи. Но особенно славились они страстью къ просвѣщенію: одинъ изъ нихъ заплатилъ 200 т. р. за одну картину, и аѳиняне приняли его съ необыкновеннымъ почетомъ, когда онъ заѣхалъ къ нимъ. Пергамъ сталъ соперникомъ Александріи по культурѣ: здѣсь былъ замѣчательный музей, привлекавшій лучшихъ ученыхъ и художниковъ, и много важныхъ построекъ, слѣды которыхъ сохранились до нашихъ дней, а *пергаментъ* (введ. § 14) вытѣснилъ папирусъ повсюду. Искусству покровительствовалъ даже послѣдній царь *Аттал̀ъ III*—сумасшедшій тиранъ, который, безъ всякой причины, умертвилъ свою мать и многихъ родныхъ и чиновниковъ, а затѣмъ завѣщалъ свое царство „римскому народу“ (133). *Понтъ* — древнѣйшее изъ мелкихъ государствъ Передней Азіи. Оно образовалось еще въ 363 г., когда одинъ сатрапъ Каппадокіи, объявилъ себя царемъ приморской части этой страны, названной греками „Понтомъ“. Преемники его

удачно отбивались, какъ отъ Александра Вел., такъ и отъ діадоховъ и галловъ, и даже отняли у грековъ *Синопъ*, который сталъ ихъ столицей. Но съ 180 г. начались столкновенія между Понтомъ и Римомъ, которыя перешли въ ожесточенную борьбу при *Митридатѣ V* (по надписямъ – Миѳрадатъ). Потомокъ Ахеменидовъ (§ 67), Митридатъ осиротѣлъ ребенкомъ и воспитался въ горныхъ ущельяхъ, охотясь за дичью. Великанъ ростомъ и силачъ, онъ былъ жестокъ и бѣшенъ, но изворотливъ и энергиченъ; онъ задавался смѣлыми и широкими планами, за что его назвали *Великимъ*. Митридатъ изучилъ нравы и даже 25 языковъ мѣстныхъ племенъ, которымъ онъ нравился, какъ типъ азіатскаго деспота; онъ былъ знакомъ также съ эллинскимъ образованіемъ и окружалъ себя свѣдущими греками. Вступивъ на престолъ по трупамъ матери и брата, Митридатъ поставилъ цѣлью своей жизни бороться съ Римомъ; но для этого ему нужно было расширить свое ничтожное царство. Онъ завоевалъ берега Чернаго м. отъ Синопа до Днѣстра, а также Арменію, Колхиду и Босфорское царство (Крымъ). Затѣмъ онъ такъ опуталъ своихъ сосѣдей дипломатіей и браками, что почти вся Малая Азія частью принадлежала ему, частью находилась подъ его вліяніемъ. Наконецъ Митридатъ собралъ большое войско и казну и началъ борьбу съ Римомъ, которая длилась 25 л. (88 – 63) и состояла изъ трехъ войнъ. Сначала Митридатъ имѣлъ успѣхъ; но онъ разомъ истребилъ до 80 т. мирныхъ римлянъ, жившихъ въ Малой Азіи, и это ожесточило его враговъ. Римляне призвали на помощь парѳянъ и поразили его. Митридатъ бѣжалъ въ Пантикапею и началъ-было готовиться къ великому подвигу: онъ хотѣлъ броситься на Италію съ сѣвера и нанималъ дикарей, жившихъ на югѣ Россіи и по Дунаю. Но подданные устрашились такого далекаго похода и возстали, предводимые собственнымъ сыномъ Митридата, *Фарнакомъ*. Митридатъ отравилъ своихъ женъ и дочерей, а потомъ велѣлъ наемнику заколоть себя. Малоазійскій Понтъ сталъ римскою провинціей (63); Фарнаку были оставлены сѣверо-восточные берега Чернаго м. *Парѳянское* царство, существовавшее ок. 500 л. (255 до Р. Х.—226 по Р. Х.), наслѣдовало могущество Селевкидовъ, остановило римлянъ у Тигра и выдержало всѣ бури Востока, уступивъ лишь національному движенію новыхъ персовъ. Оно простиралось отъ Евфрата до Инда и Хивы; столицей его былъ Гекатомпилосъ (Стовратный, теперь Дамаганъ), у Астрабада. Толчкомъ къ возстанію парѳянъ противъ Селевкидовъ было вторженіе изъ Окса родственной имъ туранской орды, подъ начальствомъ *Арсака*. Имя этого вождя стало обязательнымъ, и въ исторіи Парѳіи мы видимъ 30 Арсаковъ. Грубые и воинственные парѳяне подчинились персидскому и эллинскому вліяніямъ: они приняли огнепоклонство и придворные обычаи персовъ, а идеальную

культуру заимствовали у грековъ (всѣ ихъ монеты греческія). Но зодчество и управленіе страной были у нихъ ассирійскія. Каждая провинція управлялась мѣстнымъ царькомъ; оттого парѳянскій повелитель назывался „царемъ царей"; монархія была по формѣ избирательная и ограниченная совѣтомъ знати. Возвысившись путемъ завоеваній, парѳяне уже думали захватить Арменію; но здѣсь столкнулись съ римлянами. Ок. 50 г. началась жестокая борьба между Парѳіей и Римомъ за первенство на Востокѣ.

§ 164. б) **Лагиды.** Благодаря великому государственному таланту *Птолемея I Лага*, или *Сотера* (§ 159), изъ остатковъ Александровой монархіи только въ Египтѣ образовалась прочная держава, притомъ съ міровымъ значеніемъ. Считая просвѣщеніе основой дѣльной политики, Сотеръ сдѣлалъ *Александрію* узломъ культуры того времени, которая названа въ исторіи „александрійскою". Такъ какъ Александрія, благодаря своему географическому положенію и заботамъ Александра Вел., была также центромъ всемірной торговли и промышленности, то Египетъ сталъ *средоточеніемъ міровыхъ сношеній* вообще, подобно древнему Вавилону и Аѳинамъ. Но эта черта противорѣчила характеру древняго Египта: поэтому 300-лѣтнее господство Лагидовъ (323—30) должно считать совершенно *новою* исторіей страны или, вѣрнѣе, исторіей Александріи и иностранцевъ. Александрія состояла преимущественно изъ *грековъ* и македонцевъ, которые раздѣлялись на свои филы и демы, управлялись выборными властями и пользовались всякими привилегіями, такъ какъ династія Лагидовъ была изъ ихъ среды. Подлѣ грековъ имѣли значеніе только *евреи*, которые переселялись сюда массами, привлекаемые обширными привилегіями и полною вѣротерпимостью. Они составляли отдѣльную общину и управлялись собственными властями. Александрія имѣла чарующее вліяніе на всю страну: всякій египтянинъ, если только онъ не сидѣлъ безвыходно въ деревенской глуши, перенималъ языкъ, манеры и мысли блестящихъ столичниковъ. Нигдѣ не было такого сильнаго *сліянія эллинизма съ туземнымъ элементомъ*, какъ въ Египтѣ. Этому много способствовала умная система первыхъ Лагидовъ, которые ласкали туземцевъ, щадили ихъ національныя и религіозныя особенности, давали имъ ходъ въ войскѣ и управленіи, заботились объ ихъ просвѣщеніи. Провинціи управлялись, какъ прежде, *номархами*, которые руководились древними законами и обычаями, но подчинялись сильной центральной власти. Оттого въ странѣ царствовали порядокъ и спокойствіе; и египтяне, вѣчно бунтовавшіе при персахъ, готовы были положить жизнь за своихъ любимыхъ Лагидовъ. Эта образцовая политическая система была дѣломъ трехъ первыхъ Лагидовъ, царствовавшихъ 100 л., въ особенности же Сотера, который наиболѣе щадилъ туземный элементъ: онъ сохранилъ привилегіи жре-

цовъ, строилъ храмы ихъ божествамъ, особенно почиталъ Озириса и Гапи, подъ именемъ *Сераписа* (§ 15), а также Изиду, которые стали общими божествами грековъ и египтянъ. Сотеръ устроилъ также образцовую армію и флотъ. Его дѣло продолжали его сынъ, *Птолемей II Филадельфъ* (братолюбецъ), и внукъ, *Птолемей III Эвергетъ* (благодѣтель). Филадельфъ особенно заботился о внутреннемъ развитіи страны, строилъ города и торговые пути, возстановилъ каналъ Рамессу (§ 12), а для просвѣщенія сдѣлалъ даже больше своего отца. Эвергетъ занимался больше внѣшнею политикой. При немъ египтяне перешли въ наступательное положеніе и завоевали Эѳіопію, берега Аравіи и Малой Азіи, Циклады и даже берега Ѳракіи. За Эвергетомъ слѣдуютъ еще 9 Птолемеевъ, но уже выродившихся. Они вступали на престолъ малолѣтними; царствомъ управляли порочные регенты и любимцы изъ грековъ; сами же Лагиды вели такую позорную жизнь, что одного изъ нихъ прозвали *Трифономъ* (пьяница). Завелся обычай, чтобы цари женились на родныхъ сестрахъ и племянницахъ: отсюда раздоры и убійства при дворѣ; иногда являлось по два царя разомъ; бывали и народныя волненія. Враги пользовались этимъ, и уже при пятомъ Птолемеѣ были утрачены почти всѣ завоеванія первыхъ Лагидовъ. Тогда же Египетъ обратился къ Риму за помощью противъ Селевкидовъ, и началось гибельное римское вліяніе. *Птолемей Авлетъ* (флейтистъ) уже принужденъ былъ купить въ Римѣ египетскій престолъ, на которомъ онъ держался только съ помощью римскаго гарнизона. По смерти его римляне посадили на престолъ его дочь, *Клеопатру*, и старшаго сына, который долженъ былъ жениться на сестрѣ. Желая царствовать одна, Клеопатра начала войну съ своимъ мужемъ, но должна была бѣжать въ Сирію, гдѣ привлекла къ себѣ Цезаря, который возвратилъ ей престолъ. По приказу римскаго сената она вышла замужъ за своего младшаго брата, но вскорѣ отравила его и царствовала одна, подъ покровительствомъ сначала Цезаря, потомъ Антонія. Въ 30 г. до Р. Х. Октавіанъ Августъ взялъ ее въ плѣнъ, а Египетъ обратилъ въ *римскую провинцію*.

§ 165. в) **Антигониды.** Потомки Антигона I Гоната (§ 160), *Антигониды*, царствовали въ Македоніи и Греціи около 150 л. Не смотря на ихъ энергію и дарованія, положеніе ихъ было печально. Имъ приходилось постоянно бороться съ сѣверными дикарями, съ эпиротами и съ ловкою политикой Лагидовъ, которые не давали имъ покоя, стараясь отстранить ихъ отъ вліянія на Эгейское м. Лагиды особенно упорно возстановляли эллиновъ противъ царей Пеллы, которые не могли существовать безъ Греціи, такъ какъ Македонія была бѣдна и обезлюдѣла вслѣдствіе войнъ и отлива переселенцевъ въ города Востока. Въ самой Македоніи народъ смотрѣлъ на Анти-

гонидовъ, какъ на похитителей престола у вырѣзанной семьи Александра Вел., и ихъ армія состояла изъ наемниковъ, преимущественно изъ галловъ, иллирійцевъ и оракійцевъ, которые легко измѣняли изъ-за денегъ. Антигонъ I долженъ былъ бороться еще съ *Пирромъ* (§ 160), который уже одержалъ надъ нимъ нѣсколько побѣдъ, какъ вдругъ увлекся борьбой съ римлянами и вскорѣ погибъ. Эпирское царство распалось послѣ Пирра на демократическія республики, которыя составляли слабый союзъ, не имѣвшій значенія въ исторіи. Между тѣмъ противъ Антигона I поднималась Греція. Здѣсь господствовало полное разложеніе, благодаря *олигархамъ* и *тиранамъ*, которые опирались на македонскіе отряды и поддерживали другъ друга въ злодѣяніяхъ, съ цѣлью истребленія демократіи. Это зло, особенно сильное въ Пелопонесѣ, достигло крайнихъ предѣловъ, когда не удалась послѣдняя попытка демократовъ сбросить македонское иго, названная *хремонидскою войной* (266—263). Она заключалась въ возстаніи аѳинянъ противъ Гоната, подготовленномъ Лагидами. Во главѣ его стоялъ пылкій и благородный патріотъ, *Хремонидъ*, напоминавшій Демосѳена. Но египтяне не помогли ему вовремя, а остальная Греція не приняла участія — и Аѳины сдались отъ голода, послѣ блестящаго сопротивленія. Хремонидъ бѣжалъ въ Египетъ. Длинныя Стѣны снова были срыты; по всей Аттикѣ разставили македонскіе гарнизоны. Послѣ этой „послѣдней войны за свободу“ Аѳины исчезли, какъ политическая держава, сохраняя за собой лишь значеніе одного изъ центровъ просвѣщенія. Онѣ стали „школьнымъ городомъ“ и, чтобы обезпечить свое спокойствіе, вступили въ союзъ съ Римомъ (228). Но на смѣну имъ явились новыя силы, столь же неожиданно, какъ нѣкогда Ѳивы и Олиѳъ. То были союзы этолійскій и ахейскій.

§ 166. **Этолійскій и ахейскій союзы. Послѣдніе дни Спарты.** Живя уединенно, этолійцы сохраняя первобытныя черты. Они жили крестьянскими общинами, въ открытыхъ деревняхъ, съ избирательными старшинами, сохраняя физическую силу, выносливость и храбрость. У нихъ былъ одинъ городъ, *Ѳермонъ*, на скалистомъ мысѣ, окруженномъ храмами и статуями; сюда собирались они разъ въ годъ для празднествъ, игръ и торговъ. Этолійцы начали развиваться и входить въ интересы эллинизма лишь съ эпохи діадоховъ; тогда же они должны были объединиться, чтобы отбиваться отъ эпиротовъ, македонцевъ и особенно галловъ. У нихъ образовался союзъ: собираясь на ярмарку въ Ѳермонъ, они составляли *пан-этоликонъ* или вѣче „всѣхъ этолійцевъ“, которое избирало совѣтъ и *стратега* (вождя союза). Вскорѣ этолійскій союзъ сталъ во главѣ Эллады: ему подчинились почти вся средняя Греція и половина Пелопонеса; его вассалами считались многіе острова и города по берегамъ Эгейскаго

моря до Пропонтиды и Іоніи. Но этолійцевъ не любили остальные греки за ихъ невѣжество; сами они не могли выставить достойныхъ вождей и широкой политики. Они думали только о себѣ и разбойничали, а когда усилились ахейцы, стали изъ вражды къ нимъ на сторону македонцевъ и наконецъ навели римлянъ на Грецію. Никто не принесъ больше вреда Элладѣ, чѣмъ этолійцы. Не таковъ былъ ихъ соперникъ, *ахейскій союзъ*. Честные, трудолюбивые и образованные ахейцы не испортились даже въ эпоху діадоховъ и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Они явились послѣдними представителями эллинской политики и борцами за національную свободу. Испугавшись нашествія галловъ, ахейцы внезапно прогнали македонскіе гарнизоны, которые вовсе не защищали ихъ, и составили союзъ, похожій на этолійскій (280). Въ *Эгіонѣ* собиралось два раза въ годъ вѣче, на которомъ голоса подавались не поголовно, а по городамъ. Стратегъ имѣлъ большую власть, такъ какъ одно и то же лицо могло быть избираемо ежегодно. Каждая республика, входившая въ союзъ, сохраняла свое самоуправленіе. Это привлекало многихъ; ктому же союзъ выставилъ ясную политику — борьбу съ олигархами и Антигонидами и дружбу съ Лагидами. Внушалъ всеобщее уваженіе и вождь союза, *Аратъ*, который почти безпрерывно занималъ должность стратега, въ теченіе 30 л., до самой своей смерти. Аратъ былъ сикіонецъ, но мальчикомъ бѣжалъ отъ мѣстнаго тирана, убившаго его отца; на чужбинѣ онъ много учился, пріобрѣлъ друзей и отомстилъ тирану; потомъ уговорилъ сикіонцевъ пристать къ ахейскому союзу. Человѣкъ умный, честный, непреклонный до упрямства, Аратъ былъ лучшимъ дипломатомъ эпохи эпигоновъ; но онъ былъ плохимъ полководцемъ и не могъ воспламенять народъ пылкимъ словомъ или отважнымъ примѣромъ. Аратъ искусно присоединилъ къ союзу половину Пелопонеса, получилъ много денегъ изъ Египта и собирался нанести вѣрный ударъ Антигонидамъ; но его остановили обычные между греками раздоры. Этолійскій союзъ изъ зависти перешелъ на сторону македонцевъ; въ то же время неожиданно поднялась *Спарта*. Разложеніе Лакедемона, начавшееся съ пелопонесской войны (§ 135), достигло крайнихъ предѣловъ. Нигдѣ не было такой продажности и роскоши, какъ здѣсь, а правленіе принадлежало самой бездарной и своекорыстной олигархіи (всего 100 семействъ), которая подчинялась своимъ дамамъ и не могла защитить страну ни отъ иллирійскихъ пиратовъ, ни отъ этолійскихъ мародеровъ. Такое паденіе Лакедемона вызвало стремленіе двухъ молодыхъ царей-патріотовъ преобразовать отечество; но, подобно Агезилаю (§ 136), они думали возвратиться къ отжившей ликурговой системѣ, притомъ путемъ соціальнаго переворота. Первый изъ нихъ, *Агисъ IV*, возстановилъ законы Ликурга, отмѣнилъ долги, роздалъ бѣднымъ свое имущество и

раздѣлилъ землю поровну, отобравъ у богачей излишекъ (244). Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ олигархи возобладали и задушили царя въ тюрьмѣ. Вскорѣ попытку Агиса повторилъ *Клеоменъ III*, человѣкъ гораздо болѣе даровитый, образованный и страстный. Сначала онъ скрывалъ свои замыслы и, чтобы усилиться, выступилъ противъ ахейскаго союза, разбилъ Арата и захватилъ почти весь Пелопонесъ. Затѣмъ Клеоменъ разогналъ олигарховъ и возстановилъ реформу Агиса (225). Къ Спартѣ уже переходила гегемонія въ Пелопонесѣ, когда Аратъ призвалъ македонцевъ и съ ихъ помощью разбилъ спартанцевъ при *Селласіи* (221). Клеоменъ бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ зарѣзался въ изступленіи; а въ Спартѣ началось господство *тирановъ*, которые продолжали борьбу съ своими олигархами и съ ахейскимъ союзомъ.

§ 167. **Филиппъ III. Филопеменъ и римляне.** Ни Спарта, ни ахейскій и этолійскій союзы не могли объединить Элладу, что́ было бы ея единственнымъ спасеніемъ въ виду возраставшаго могущества Рима. Какъ послѣ Эпаминонда, эта задача снова выпадала на долю македонцевъ, престолъ которыхъ занялъ тогда молодой внукъ Гоната, *Филиппъ III*, подававшій большія надежды. Это былъ искусный и энергическій дипломатъ, который очаровывалъ людей притворною искренностью и безпечностью, такъ что даже Аратъ уважалъ его, какъ друга грековъ; между тѣмъ жестокій и коварный Филиппъ не только презиралъ грековъ, но вообще считалъ людей своими орудіями. Съ лѣтами развивались его деспотическія свойства и его покинули дѣльные совѣтники, обладавшіе характеромъ и убѣжденіями. Онъ сталъ самонадѣянъ, мстителенъ и безразсуденъ. Онъ воскликнулъ въ бесѣдѣ съ римскимъ полководцемъ: „никого не боюсь, кромѣ боговъ“! Филиппъ вздумалъ разыграть на Западѣ роль Александра Вел., воспользовавшись борьбой Рима съ Карѳагеномъ. Но для этого ему нужно было сначала утвердиться въ Элладѣ—и здѣсь произошли такія же событія, какъ передъ херонейской битвой (§ 145). Послѣ паденія Спарты (§ 166), началась жестокая *союзническая война* между этолійцами и ахейцами, причемъ этолійцы напоминали фокійцевъ (§ 143) своими разбоями. Аратъ призвалъ на помощь Филиппа, который побилъ этолійцевъ, но затѣмъ внезапно захватилъ Коринѳъ и Иѳоме, подшучивая, что онъ теперь „держитъ за рога пелопонесскаго быка“. Аратъ возсталъ противъ этого поступка, но Филиппъ тотчасъ отдѣлался отъ него посредствомъ „напитка забвенія“, какъ онъ называлъ ядъ. Но у Арата явился знаменитый преемникъ, *Филопеменъ*. Потомокъ знатной аркадской семьи, Филопеменъ жилъ бѣдно и самъ обрабатывалъ свою землю. Какъ полководецъ, политикъ и ораторъ, онъ не уступалъ Эпаминонду, котораго взялъ себѣ за образецъ. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, онъ готовъ

былъ положить жизнь за свободу Греціи, и его называли „послѣднимъ эллиномъ“. Но уже было поздно. Въ самомъ ахейскомъ союзѣ возникли раздоры, такъ какъ вліяніе принадлежало богачамъ, которые довели бѣдняковъ до того, что они, какъ въ Спартѣ, начали грозно требовать раздѣла земель. Съ другой стороны, римляне уже начали вмѣшиваться въ дѣла Греціи и заключили союзъ съ этолійцами. Филопемену пришлось, подобно Арату, соединиться съ македонцами, за которыхъ стали всѣ греческіе патріоты. Филиппъ III могъ тогда погубить римлянъ, еслибы явился въ Италію, куда призывалъ его побѣдоносный Ганнибалъ; но онъ не слушался карѳагенскаго героя и вяло дѣйствовалъ въ Элладѣ противъ этолійцевъ. Только благодаря успѣхамъ Ганнибала, *первая война Македоніи съ Римомъ* (214 — 205) окончилась миромъ, сохранившимъ за Филиппомъ всѣ его владѣнія.

§ 168. **Паденіе Македоніи**. Филиппъ понималъ, что предстоитъ окончательная борьба съ Римомъ; но не умѣлъ приготовиться къ ней. Онъ превратился въ свирѣпаго разбойника, сдружился съ критскими пиратами и сталъ поступать по правилу: „большія рыбы должны пожирать мелочь“. Затѣмъ онъ заключилъ союзъ съ Антіохомъ III (§ 161), съ цѣлью подѣлить между собой державу Лагидовъ, и навелъ ужасъ на острова и берега Эгейскаго м., подчиненные египтянамъ и этолійцамъ. Всѣ возненавидѣли македонцевъ; отъ нихъ отступился даже ахейскій союзъ, потому что Филиппъ хотѣлъ отравить Филопемена изъ зависти къ его славѣ. Наконецъ Лагиды и аѳиняне, которымъ также началъ угрожать Филиппъ, обратились за помощью къ римлянамъ. При такихъ условіяхъ началась *вторая война Македоніи съ Римомъ*. Римляне назначили полководцемъ молодаго, даровитаго поклонника эллинизма, *Фламинина*, который объявилъ, что пришелъ бороться за „освобожденіе Эллады отъ македонскаго ига“. Греки съ восторгомъ стали за римлянъ, а Антіохъ не поддержалъ македонцевъ—и Филиппъ потерпѣлъ такое пораженіе (у Кинокефалъ), что отказался отъ всѣхъ земель, кромѣ Македоніи, и обязался не вести никакихъ войнъ безъ согласія Рима (197). Эллада же была объявлена на исѳмійскихъ играхъ свободною. Греки прославляли римлянъ, Фламининъ былъ закиданъ цвѣтами; всякій старался пожать ему руку или прикоснуться къ его платью. Самъ Фламининъ искренно радовался. Но это мирное настроеніе длилось недолго. Этолійцы подняли бурю, которая уничтожила и Македонію, и Элладу. Негодуя на римлянъ, которые не вознаградили ихъ за помощь въ борьбѣ съ Филиппомъ, они рѣшились воевать съ ними въ союзѣ съ Антіохомъ III. Они звали Селевкида въ Элладу, увѣряя, что всѣ греки и македонцы станутъ за нихъ. Антіохъ явился въ Грецію, но его войско было ничтожно, а самъ онъ предавался пирамъ. Греки не тронулись, Фи-

липпъ даже помогъ римлянамъ — и Антіохъ былъ легко вытѣсненъ изъ Греціи, а потомъ разбитъ въ Азіи, у *Магнезіи* (190). Этолійскій союзъ подчинился Риму и вскорѣ исчезъ; а ахейскій лишился тогда Филопемена, который попалъ въ плѣнъ къ мессенцамъ и былъ отравленъ (183). Греки долго чествовали память послѣдняго эллина жертвами и пѣснями въ годовщину его смерти и ставили ему статуи. Тогда же умеръ заклятый врагъ римлянъ, Филиппъ III; но онъ воспиталъ своего сына, *Персея*, въ ненависти къ нимъ. Персей лѣтъ 10 готовился къ борьбѣ, пріобрѣлъ союзниковъ на Востокѣ, собралъ большую казну и образовалъ значительную армію, въ которой даже было много кельтовъ и германцевъ. Онъ уже думалъ напасть на Италію сухимъ путемъ, но оказался неспособнымъ къ такому подвигу. Ловкій дипломатъ и скопидомъ, Персей понималъ только мелкія дѣла и сталъ скрягой. Когда настала рѣшительная минута, онъ началъ затягивать дѣло и перессорился съ союзниками изъ-за денегъ. Ему пришлось выдержать одному *третью войну Македоніи съ Римомъ*. Онъ долго боролся съ успѣхомъ вслѣдствіе испорченности римской арміи, пока сенатъ не прислалъ неподкупнаго Эмилія Павла, который уничтожилъ македонскую армію при *Пидни* (168). Персей бѣжалъ со своими сокровищами, но былъ пойманъ и убитъ въ тюрьмѣ; сынъ его проживалъ въ Италіи бѣднымъ писцомъ. Римляне оставили за Македоніей на время титулъ независимаго государства, раздѣливъ ее на 4 части подъ управленіемъ своихъ чиновниковъ. Но въ 148 г. они воспользовались возстаніемъ самозванца, который выдавалъ себя за сына Персея,—и Македонія была обращена въ *римскую провинцію*.

§ 169. **Послѣдніе дни Эллады.** Послѣ битвы при Пиднѣ, римлянамъ оставалось покончить съ греками, которые были увлечены упорною борьбой Персея и считали его защитникомъ своей свободы. Нѣкоторые изъ патріотовъ открыто помогали Персею; масса выказывала презрѣніе къ римлянамъ и громко молилась объ ихъ пораженіи; за нихъ стояли только эгоистичные олигархи. Но Эмилій Павелъ быстро явился въ Элладѣ — и начался рядъ „судбищъ объ оскорбленіи римской республики“. Когда были уничтожены грозныя фаланги Македоніи, патріоты, или демократы Эллады должны были узнать, что́ значитъ римскій мечъ и римская месть. Особенно пострадали Эпиръ и Этолія, помогавшіе Персею; здѣсь было разрушено 70 поселеній и продано въ рабство 150 т. человѣкъ. Затѣмъ всюду тюрьмы переполнились патріотами, которыхъ хватали по доносу кровожадныхъ олигарховъ. Вереницы несчастныхъ шли въ Римъ „на судъ“, въ томъ числѣ *тысяча* лучшихъ, просвѣщенныхъ *ахейцевъ*. Тщетно ахейскій союзъ умолялъ сенатъ въ теченіе 17 л. отпустить его невинныхъ согражданъ: многіе изъ нихъ умерли съ тоски по

родинѣ или лишили себя жизни; нѣкоторые, подобно историку *Поливію* пришли къ убѣжденію, что сами боги предназначили Римъ къ міроправленію. Когда осталось только 300 ссыльныхъ, ихъ отпустили домой, по предложенію Катона, который сказалъ: „стоитъ ли спорить изъ-за того, нашимъ или ахейскимъ могильщикамъ хоронить пару отжившихъ греческихъ старцевъ!“ Сенаторы надѣялись также, что ссыльные затѣютъ смуту у себя на родинѣ и дадутъ поводъ къ полному подчиненію Эллады. Дѣйствительно, одинъ изъ нихъ, *Діей*, былъ выбранъ въ стратеги и сталъ готовиться къ мести римлянамъ. Когда сенатъ потребовалъ уничтоженія ахейскаго союза, онъ возбудилъ *ахейскую войну*, хотя у него было ничтожное и сбродное войско. Римляне прислали хорошую армію подъ начальствомъ грубаго и безпощаднаго *Муммія*. Враги сошлись на Исѳмѣ. Ахейцы дрались отчаянно на глазахъ у своихъ женъ и дѣтей, смотрѣвшихъ съ высотъ, но потерпѣли жестокое пораженіе. Діей поскакалъ домой, убилъ жену и дѣтей, сжегъ свой домъ и принялъ ядъ. А Муммій бросился на беззащитный *Коринѳъ* и разрушилъ его до основанія: здѣсь погибло въ пламени или было продано за безцѣнокъ множество перловъ греческаго искусства: по требованію римскихъ купцовъ, запрещено было возобновлять городъ, съ которымъ они не могли соперничать въ торговлѣ. Затѣмъ тѣ же ужасныя сцены происходили почти во всѣхъ лучшихъ городахъ Эллады, въ особенности же въ Ахаіи. Греція была обращена въ *римскую провинцію*, подъ именемъ *Ахаіи* (146): она подчинилась „римскимъ розгамъ и сѣкирѣ“; ею сталъ управлять суровый проконсулъ съ толпой туземныхъ олигарховъ. Ей дозволили только, по просьбѣ Поливія, сохранить статуи Арата и Филопемена. Эллада погибла не только политически, но и нравственно. Она лишилась своихъ лучшихъ гражданъ, томившихся въ тюрьмахъ или въ ссылкѣ. Аѳиняне стали презрѣннымъ народомъ. При послѣдней борьбѣ Эллады за свободу, они оставались вѣрными друзьями римлянъ, которые наградили ихъ землями, сохранили за ними право чеканить свою монету и даже оставили демократію, лишь нѣсколько ограничивъ ее. Аѳиняне унижались передъ поработителями Греціи, льстили имъ, ставили храмы ихъ божествамъ; ихъ художники приготовляли декораціи для тріумфовъ Эмилія Павла и Муммія. Въ то же время они ставили статуи сирійскимъ, египетскимъ и пергамскимъ царямъ и называли свои филы ихъ именами, потому что эти цари присылали имъ деньги и украшали Аѳины въ память ихъ великихъ предковъ. Эллада погибала и физически. Со времени херонейской битвы сотни тысячъ грековъ разошлись по Востоку, потомъ и по Италіи, въ видѣ наемниковъ, колонистовъ, купцовъ, ученыхъ и художниковъ, а также танцоровъ, актеровъ и скомороховъ. А въ самой Элладѣ царствовала тишина захолустья, слабо населеннаго за-

битыми и нищенскими поколѣніями. Ок. Р. Х. проѣзжалъ здѣсь географъ *Страбонъ*: онъ нашелъ лишь нѣсколько ничтожныхъ городовъ; на мѣстѣ Ѳивъ торчали только полуразрушенныя стѣны Кадмеи, въ которыхъ пріютилось нѣсколько одичалыхъ семействъ. Чѣмъ было бѣднѣе и пустыннѣе повсюду, тѣмъ замѣтнѣе красовались вездѣ роскошныя развалины, оставленныя, на поученіе потомкамъ, изящною и образованною Элладой.

§ 170. **Александрійская культура. а) Александрія.** Время діадоховъ и эпигоновъ представляетъ одну изъ мрачныхъ страницъ исторіи въ *политическомъ* и *общественномъ* отношеніи. Безпрерывныя войны вели къ нищетѣ и паденію нравовъ. Съ одной стороны господствовало раболѣпство до суевѣрія, съ другой — кровожадность и вѣроломная дипломатія, доводившая вождей до полигаміи. Самые даровитые изъ нихъ обращались или въ презрѣнныхъ эгоистовъ, или въ разбойниковъ и искателей приключеній. Бѣдняки, доведенные до отчаянія порочною олигархіей, возставали, требуя раздѣла имуществъ. Но въ *культурномъ* отношеніи это время имѣетъ важное положительное значеніе. Тогда проникла въ жизнь идея *распространенія эллинизма по всему міру*, и это умственное единодержавіе оказалось прочнѣе политическаго монархизма Александра Вел. Повсюду возникали средоточія эллинской гражданственности, подъ именемъ Александрій, Селевкій, Птолемаидъ, Антигоній, Кассандрій, Никомедій и проч. Греческая рѣчь слышалась во всякомъ городишкѣ, отъ Испаніи до Инда, отъ Крыма до стовратныхъ Ѳивъ; на Востокѣ она частью стала языкомъ правительства и интеллигенціи, частью совсѣмъ вытѣснила туземныя нарѣчія. Тогда сложились, подъ вліяніемъ эллинизма, тѣ этнографическія черты Передней Азіи, которыя сохранялись до арабовъ. Наконецъ время діадоховъ и эпигоновъ представляетъ новую ступень развитія въ исторіи общечеловѣческой культуры. Тогда выработался особенный типъ образованности, который господствовалъ до самаго христіанства и носилъ спеціальное названіе *александрійской* культуры. Это названіе произошло оттого, что значеніе школы человѣчества перешло тогда отъ Аѳинъ къ египетской *Александріи*, ставшей средоточіемъ міроваго энциклопедическаго образованія и греческой литературы, которымъ она и оставалась вплоть до византійской эпохи. Помимо своего географическаго положенія, Александрія была этимъ обязана первымъ тремъ Лагидамъ, въ особенности же умному *Сотеру*. Увлекаемый страстью собирать книги, подобно Аристотелю, Сотеръ обезсмертилъ себя устройствомъ *музея*. Этотъ „храмъ музъ“ состоялъ изъ огромнаго зданія при дворцѣ, гдѣ жили ученые и художники, привлекаемые отовсюду казеннымъ содержаніемъ и многими привилегіями. Здѣсь помѣщались также залы съ колоннадами для перипатетическихъ лекцій и гимнастики, театръ

для публичныхъ диспутовъ и пировъ, общая столовая, ботаническій и зоологическій сады, обсерваторія, хирургическій и анатомическій кабинеты. Здѣсь же хранилась знаменитая *библіотека*, обнимавшая всю тогдашнюю письменность (до милліона свитковъ), въ томъ числѣ много греческихъ переводовъ съ еврейскаго, персидскаго, халдейскаго и египетскаго. Библіотекари, особенно первые шесть (Эратосѳенъ, Аристархъ и др.), были знаменитыми учеными, такъ какъ имъ приходилось составлять критическіе каталоги и установлять правильные тексты старинныхъ сочиненій. Музей былъ и академіей, или ученымъ обществомъ, и университетомъ. Сюда стекались ученики со всѣхъ странъ слушать лекціи по поэзіи, математикѣ, астрономіи и медицинѣ; было и отдѣленіе искусствъ, во главѣ котораго стоялъ Апеллесъ (§ 158). Сверхъ того Птолемей I прославился роскошными сооруженіями, которыя были торжествомъ науки и искусства. Кромѣ музея и дворца, достойнаго столицы, вмѣщавшей въ себѣ милліонъ жителей, славился его *Фаросскій Маякъ* изъ бѣлаго мрамора у входа въ гавань, 85 саж. вышины; онъ соединялся съ городомъ крѣпкой плотиной, тянувшеюся на полторы в. Замѣчательны были также *Сома* (тѣло)—гробница Александра Вел. и *Серапеонъ*—храмъ Сераписа.

§ 171. б) **Характеръ александрійской культуры.** Вотъ отличительныя черты александрійской культуры. 1) *Космополитизмъ*, или универсальность, т.-е. отсутствіе мѣстныхъ особенностей и пригодность для всего міра. Эта черта, связанная съ дѣятельностью Александра Вел., разрушавшаго національности, проявлялась въ новомъ содержаніи литературы, которое называлось *эллинистическимъ*, въ отличіе отъ прежняго, „эллинскаго“: оно только вытекало изъ греческихъ началъ, но было уже не національнымъ, а общечеловѣческимъ. Космополитизмомъ былъ проникнутъ весь бытъ того времени. Никогда не было такихъ оживленныхъ *международныхъ сношеній*, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. То была эпоха усобицъ на Востокѣ и пуническихъ войнъ на Западѣ. Торговые обороты достигли небывалыхъ размѣровъ: въ гаваняхъ Александріи, Родоса, Сиракузъ и Карѳагена, на рынкахъ Антіохіи, Эфеса, Пергама и Византіи, три части Свѣта обмѣнивались своими произведеніями. 4 и 5-ярусные корабли, похожіе на многоэтажные дома, бороздили Средиземное, Эгейское м. и Понтъ по всѣмъ направленіямъ, заплывая иногда за Геркулесовы столбы до Нѣмецкаго м.; они развозили все, что было добыто или изобрѣтено гдѣ-либо для удобствъ жизни. 2) Отсюда *матеріализмъ*, т.-е. пристрастіе къ комфорту и роскоши, къ чувственнымъ удовольствіямъ, а также къ необходимому для этого богатству. Особенно роскошны и очаровательны въ этомъ смыслѣ были большіе города, походившіе другъ на друга. Здѣсь щеголяли изящною утварью; на столахъ изъ мрамора или рѣдкаго дерева блистали прихотливо

разукрашенные золотые и серебряные сосуды; прелестно вытканные ковры были завалены мягкими подушками. Горожане умащали тѣло, завивали волосы, щеголяли пестрыми нарядами, а также легкимъ, пріятнымъ, но остроумнымъ и просвѣщеннымъ разговоромъ; веселью, пирамъ и сценическимъ представленіямъ не было конца. Бытъ носилъ отпечатокъ утонченнаго, элегантнаго упоенія жизнью, свойственнаго образованному эгоисту-богачу, котораго не стѣсняютъ правила религіи или нравственности, и не смущаетъ мысль о страданіяхъ массы бѣдняковъ. Матеріализму содѣйствовали завоеванія Александра Вел., такъ какъ они разрушали, вмѣстѣ съ національностями, мѣстныя религіи и связанное съ ними поэтическое и художественное творчество. 3) Но тѣмъ сильнѣе развивалась *наука*, которая отличается болѣе космополитическимъ характеромъ, чѣмъ религія, поэзія и искусство. Въ этомъ отношеніи александрійская эпоха была развитіемъ новаго направленія умовъ, возникшаго въ 4 в. (§ 153). Здѣсь господствовалъ *реализмъ*, выдвинутый Аристотелемъ и поддержанный Александромъ, по смерти котораго естествознаніе достигло небывалаго блеска. 4) Но рядомъ съ естествознаніемъ разрабатывались математика, филологія и философія. Оттого по разносторонности знаній александрійская письменность, созданная собственно въ *третьемъ* в. до Р. Х., заслуживаетъ названія *энциклопедической*.

§ 172. **в) Математика, естествознаніе, филологія и исторія.** Научное направленіе александрійской культуры видно уже изъ высокаго положенія въ обществѣ, которымъ пользовались ученые и профессора. Діадохи тратили огромныя суммы на нихъ и на обширныя ученыя предпріятія; научныя занятія были лучшею карьерой, путемъ къ богатству и даже къ власти; родители считали своимъ первымъ долгомъ дать дѣтямъ научное образованіе; всюду возникали новыя школы, и лучшія изъ нихъ привлекали къ себѣ юношество изъ отдаленныхъ странъ. На первомъ планѣ стояли науки точныя и реальныя —*математика* и *естествознаніе*. Тогда жилъ творецъ геометріи, *Эвклидъ*, учебникъ котораго не утратилъ своего значенія до сихъ поръ. Немного моложе него былъ основатель механики, *Архимедъ*. Сильно развилась и особенно любимая тогда *астрономія*, благодаря *Эратосѳену*, который написалъ также первый учебникъ математической географіи; а нѣсколько позднѣе (ок. 150) жилъ великій астрономъ древности, *Гиппархъ*, открывшій сферическую тригонометрію. Въ 3 в. выработалась *медицина*, какъ наука, съ появленіемъ анатоміи, хирургіи и ботаники; александрійскіе врачи, которые, говорятъ, рѣзали и живыхъ людей въ интересахъ науки, славились по всему міру даже послѣ Р. Х. Возникло замѣчательное оживленіе и въ области приложенія наукъ къ практикѣ — въ *техническихъ* искусствахъ и ремеслахъ, особенно въ мореплаваніи и военномъ дѣлѣ. Было сдѣлано

много *географическихъ открытій*, начиная со временъ Александра Вел., когда Неархъ (§ 151) открылъ Индійскій ок., а массиліецъ *Пиѳей*—Нѣмецкое м. Образовалась новая *тактика*, славившаяся развитіемъ артиллеріи, къ которой должно отнести, кромѣ множества новыхъ машинъ, употребленіе въ бою слоновъ цѣлыми сотнями. Гораздо ниже стояли науки нравственныя, гдѣ, вмѣсто творчества, господствовала мелкая, черная работа. Но и эта работа драгоцѣнна: мы обязаны ей пониманіемъ древняго греческаго языка и классической письменности. Тогда старую „грамматику“ замѣнила *филологія* — наука объ языкахъ и ихъ литературахъ. Первый назвалъ себя „филологомъ“ астрономъ Эратосѳенъ (§ 170), этотъ знаменитый энциклопедистъ своего времени. Впрочемъ, какъ филологъ, онъ уступаетъ первенство отцу нашей грамматики и литературной критики, *Аристарху*, имя котораго до сихъ поръ означаетъ „критика“ вообще. Филологи занимались собираніемъ и изданіемъ древнихъ произведеній греческой письменности. Съ поразительнымъ прилежаніемъ и критическимъ тактомъ изучали они каждую букву и сопровождали каждую строчку *глоссами* (объясненіями), безъ которыхъ мы многаго не понимали бы въ эллинской литературѣ или не имѣли бы въ такомъ полномъ и хорошемъ изданіи (особенно Гомеръ и Платонъ); нѣкоторые древнѣйшіе, погибшіе памятники письменности извѣстны намъ только по отрывкамъ, сохранившимся у глоссаторовъ. Александрійскіе филологи установили также литературный *канонъ*, раздѣливъ греческихъ писателей на классы, т.-е. они опредѣлили, какія изъ древнихъ сочиненій должно считать образцовыми, „классическими“. Къ ихъ средѣ принадлежали и *70 толковниковъ* — коммиссія изъ 70 еврейскихъ ученыхъ, сдѣлавшихъ переводъ Ветхаго Завѣта на греческій яз., извѣстный подъ именемъ Septuaginta (Семьдесятъ). Рядомъ съ филологіей продолжала процвѣтать *риторика*, которая проникала всюду, кромѣ точныхъ и реальныхъ наукъ; въ 3 в. возникли знаменитыя ораторскія школы во всѣхъ городахъ, въ особенности же на Родосѣ и въ Эфесѣ; но ихъ отличіемъ была напыщенная декламація, доходившая до смѣшнаго и вошедшая въ пословицу. Въ *политическихъ* наукахъ замѣтенъ глубокій упадокъ, такъ какъ тогда всюду разлагались старыя государственныя формы, а Эллада лишилась свободы. По примѣру Аристотеля, многіе писали о государствѣ вообще; но это были легкія статейки, а не ученые труды; онѣ любопытны только потому, что въ нихъ замѣтенъ духъ новаго времени—космополитизмъ и *индивидуализмъ*, или признаніе правъ личности. Еще больше было *историковъ*. Тогда даже туземцы стали писать историческія сочиненія: таковы *Манеѳонъ* египетскій и *Берозъ* вавилонскій. Но всѣ они подражали историку 4-го в., *Эфору*, который первый написалъ „всеобщую“ исторію. Эфоръ—образецъ отсутствія критики и вкуса; его подражатели отличались страстью къ чудесному

и крайнимъ риторствомъ; они сами сочиняли нелѣпыя рѣчи и безсмыслепныя описанія битвъ. Но ихъ работы служили источникомъ для позднѣйшихъ греческихъ историковъ; поэтому жаль, что почти ничего изъ нихъ не дошло до насъ. Одинъ только историкъ заслуживаетъ вниманія—*Поливій* (§ 169), который написалъ „Всемірную Исторію“ отъ начала пуническихъ войнъ до паденія Коринѳа и съ этою цѣлью посѣтилъ берега Средиземнаго и Чернаго м. Идея этого сочиненія—прославленіе Рима; но въ остальномъ видны критика, добросовѣстность и трудолюбіе. Поливій—отецъ новѣйшей исторіографіи: онъ изобрѣлъ *прагматизмъ*, т.-е. критическое описаніе событій съ указаніемъ ихъ причинъ и слѣдствій. Лѣтъ сто спустя послѣ Поливія, жили два греческихъ историка, которыхъ впрочемъ можно назвать скорѣе римскими по ихъ жизни и сочиненіямъ. *Діодоръ Сицилійскій*, который много путешествовалъ, но жилъ въ Римѣ при Цезарѣ и Августѣ, составилъ „Историческую Библіотеку“, или всемірную исторію по народамъ, доходящую до 60 г. до Р. Х. Изъ 40 книгъ этого сочиненія сохранилось только 15. Это—сухой, безсвязный перечень всякихъ извѣстій, драгоцѣнный только потому, что въ немъ сохранилось многое изъ болѣе древнихъ, утраченныхъ писателей. *Діонисій Галикарнасскій*, также проживавшій въ Римѣ при Августѣ, написалъ „Римскую Археологію“ — риторическое сочиненіе для прославленія римлянъ. Въ „Археологіи“ разсказывались событія отъ основанія Рима до пуническихъ войнъ въ 20 книгахъ, отъ которыхъ вполнѣ сохранилось только 9.

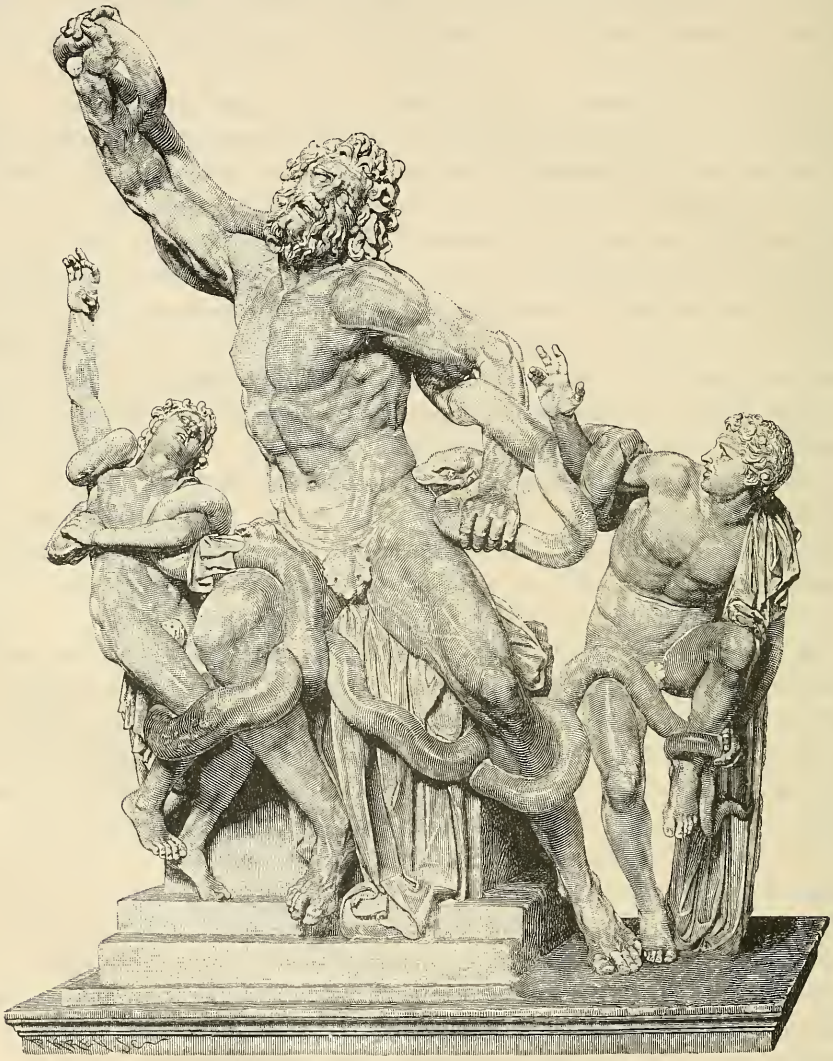
§ 173. г) **Философія.** Изъ нравственныхъ наукъ только *философія* вполнѣ процвѣтала, какъ по своему внѣшнему положенію, такъ и по содержанію. Она стала такимъ же признакомъ благовоспитанности, какъ греческій яз. Во многихъ городахъ были собственныя философскія школы, а гдѣ ихъ не было, тамъ устраивались временные публичные курсы заѣзжихъ философовъ, которые привлекали толпы слушателей. Философія проникала во всѣ круги общества, во всѣ отрасли литературы; образъ жизни людей сообразовался съ извѣстною философскою системой; политическіе преобразователи исполняли предписанія философовъ. Успѣхъ философіи объясняется разложеніемъ основъ стараго быта, въ особенности политеизма, и отсутствіемъ новыхъ началъ. При всѣхъ очарованіяхъ матеріальной жизни, общество скучало безъ идеаловъ, и масса ударялась въ суевѣрія, а интеллигенція искала въ философіи указаній на цѣль жизни и на путь къ истинѣ. Тревожное состояніе умовъ отразилось въ появленіи *скептицизма* (сомнѣнія), или отрицательныхъ ученій. Философскій скептицизмъ былъ созданъ современникомъ Александра Вел., *Пирономъ* элидскимъ, ученики котораго дошли до того, что сомнѣвались въ дѣйствительности самого сомнѣнія. Это ученіе тѣмъ болѣе при-

влекало умы, что Пирронъ былъ образцомъ нравственности и проповѣдовалъ „добродѣтель“ Сократа. Нѣсколько моложе Пиррона былъ сициліецъ *Эвгемеръ*, составившій „Священную Исторію“, которая была торжествомъ скептицизма по отношенію къ политеизму. Это—философскій романъ, написанный увлекательнымъ народнымъ языкомъ и украшенный прелестными описаніями природы Индіи, которую авторъ видѣлъ самъ, сопровождая Александра Вел. Онъ доказывалъ, что боги и герои были простыми смертными, отъ которыхъ остались даже кое-гдѣ гробницы. Несмотря на блестящія опроверженія Эратосѳена, романъ Эвгемера сталъ самою популярною книгой, и когда, лѣтъ сто спустя, онъ былъ переведенъ на латинскій языкъ, „эвгемеризмъ“ сталъ признакомъ образованности. Подлѣ скептицизма развивались всѣ главныя положительныя направленія въ философіи, и преимущественно въ *Аѳинахъ*. Академія и Лицей не переставали привлекать слушателей, число которыхъ у одного послѣдователя Аристотеля доходило до 2 т.; но здѣсь вообще не шли дальше объясненій Платона и Аристотеля. Только въ платонизмѣ было нѣкоторое, впрочемъ неважное, движеніе, создавшее его развѣтвленія, извѣстныя подъ именемъ *средней и новой Академіи*. Господство надъ умами принадлежало двумъ новымъ школамъ—*стоической* и *эпикурейской*, которыя примыкали къ циникамъ и киренаикамъ (§ 153). Основателемъ стоицизма былъ *Зенонъ* (ок. 300), человѣкъ съ желѣзной силой воли, закалившій свое слабое тѣло лишеніями, или „аскетикой“ (упражненіемъ). По образу жизни онъ былъ циникомъ, но чистымъ, облагороженнымъ; онъ ставилъ честь и убѣжденія выше всего на свѣтѣ, говорилъ кратко, былъ мраченъ и несообщителенъ. Гнушаясь внѣшними благами жизни, онъ уморилъ себя голодомъ въ старости. Ученіе Зенона, получившее названіе отъ одной стои (§ 129) въ Аѳинахъ, гдѣ онъ преподавалъ, соотвѣтствовало его характеру. Его сила заключалась въ этикѣ, основанной на *фатализмѣ*, или вѣрѣ въ предопредѣленіе судьбы человѣка Фатумомъ, или Рокомъ (§ 82). Отсюда неизбѣжность „апатіи“ (безстрастія): переноси все съ философскимъ равнодушіемъ, подавляй свои желанія, живи просто и правильно, какъ природа; чтобы скорѣе отдѣлаться отъ всякихъ потребностей, сократи свою жизнь. Самоубійство было въ большомъ ходу у стоиковъ. Вѣчно полемизируя съ другими школами, стоики выработали тонкую діалектику; они усердно занимались грамматикой и исторіей философіи. Несмотря на свою гордость, недоступность и самовеличаніе, стоики имѣли огромное вліяніе, благодаря своему нравственному героизму и преданности добру и общему благу до самозабвенія. *Эпикуръ* былъ лѣтъ на 20 моложе Зенона; онъ жилъ въ Аѳинахъ, въ прелестномъ домикѣ, утопавшемъ въ зелени. Вопреки Зенону, онъ выдвигалъ индивидуальность, „блаженство“ отдѣльной личности, которое онъ видѣлъ въ „сво-

бодѣ отъ всего непріятнаго и дѣйствующаго болѣзненно", во внутреннемъ мирѣ, въ избѣжаніи всего, что́ не касается прямо нашего личнаго счастья. Самъ Эпикуръ былъ образцомъ нравственности и простоты и довольствовался малымъ. Но ученики исказили его ученіе, стремясь къ бездѣйствію и къ чувственнымъ наслажденіямъ закоренѣлыхъ эгоистовъ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать „эпикуреизмъ", какъ важное культурное явленіе, замѣнившее собою сибаритизмъ (§ 99).

§ 174. д) **Поэзія и искусство.** Поэзія александрійской эпохи представляетъ жалкій видъ: какъ будто все творчество ушло въ науку. Ею занимались не поэты, а ученые, которые вносили въ нее педантическое стремленіе къ многознанію. Ея любимыми темами были изслѣдованія изъ области астрономіи, медицины и этнографіи, или же длинныя разсужденія о такой старинѣ, какъ походъ Аргонавтовъ и Троянская война. Словомъ, преобладали *дидактическія* (поучительныя) стихотворенія, притомъ писанныя длинными и неуклюжими „александрійскими" стихами. Если же поэтъ задавался мыслью пріукрасить форму, то выходило еще хуже. Онъ то изобрѣталъ „акростихи", то такъ распоряжался длиной стиховъ, чтобы выходилъ на бумагѣ какой-нибудь рисунокъ—яйцо, флейта, крылья и т. д. Эти стихоплеты брались за все: за эпосъ, лирику и драму, и были необыкновенно плодовиты; но только два рода поэзіи дѣйствительно процвѣтали: *сатира* (съ пародіей) и *идиллія*. Это объясняется тѣмъ, что лучшіе умы тяготились пустотой и распущенностью тогдашней жизни и частью приходили въ негодованіе, частью уносились мечтой въ міръ природы, рисуя здоровый и простой бытъ поселянина или пастуха. Особенно прославился, какъ сатирикъ, финикіецъ *Менипп*ъ, давшій имя колкимъ пьесамъ, въ которыхъ стихи перемѣшиваются съ прозой; но отъ его произведеній ничего не сохранилось. Выше сатиры стояла идиллія, особенно въ Сициліи, гдѣ долго сохранялась древняя національность. *Θеокритъ* былъ образцовымъ идилликомъ, которому подражали потомъ всѣ поэты этого рода, и вообще лучшимъ поэтомъ 3-го в. Изъ его жизни извѣстно только, что онъ пережилъ въ глубокой старости взятіе римлянами его родины, Сиракузъ. Сохранились всѣ его „идилліи", или „буколики"; въ нихъ часто встрѣчаются діалоги; это какъ бы маленькія пастушескія драмы.—Искусство также падало. Въ главныхъ чертахъ оно походило на искусство 4 в. (§ 158), отличалось тѣмъ же реализмомъ, индивидуализмомъ и техникой; но это было простое подражаніе, лишенное творчества, которое замѣнилось стремленіемъ бить на эфектъ. Отсюда фантастичность, азіятская пышность и *излишества въ украшеніяхъ*, въ особенности же *колоссальность*, связанная съ обширностью предпріятій Александра. Одинъ ваятель, не шутя, предлагалъ сдѣлать Аѳонъ подножіемъ ста-

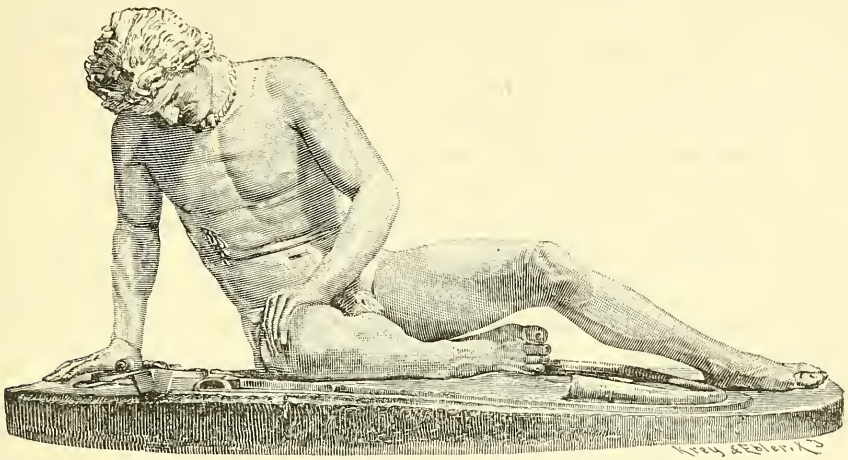
туи Александра, одна рука которой держала бы городъ въ 10 т. жителей, а другая служила бы порогами для горной рѣчки. Тогда были воздвигнуты: статуя бога солнца, названная „Колоссомъ Родосскимъ“ (15 саж. вышины, § 160), и огромная группа, именуемая „Фарнезскимъ Быкомъ“ (въ Неаполѣ). Лучшія статуи, относящіяся къ 3 в.: Лао-



Лаокоонъ. Родосской школы, въ Ватиканѣ.

коонъ, Аполлонъ Бельведерскій и Умирающій Галлъ прозванный Гладіаторомъ (въ Римѣ), Diane à la biche и Боргезскій Гладіаторъ (въ Парижѣ) и др. Зодчество служило практическимъ цѣлямъ—украшенію городовъ и дворцовъ, и особенно процвѣтало въ Сициліи. Въ немъ господствовалъ *эклектизмъ*, т.-е. смѣшеніе стилей, причемъ пре-

обладала коринѳская колонна. Живопись внезапно пала съ замѣчательной высоты (§ 158): она служила вкусу богачей, раскраскѣ ихъ домовъ. Зато развилась *глиптика* (рѣзьба), такъ какъ при дворахъ любили украшать *геммами* (рѣзные камни) кубки, лампы и проч. Особенно были въ модѣ камни съ выпуклой работой, или *камеи*, которые достигали иногда значительныхъ размѣровъ. Самою большою и изящною считается „Камея-Гонзага“, которая составляетъ перлъ петербургскаго Эрмитажа.



Умирающій Галлъ. Пергамской школы, въ Римѣ.

§ 175. **Періоды греческой исторіи.** Исторія Греціи обнимаетъ $13^1/_2$ вѣковъ, считая съ появленія эллиновъ до обращенія Греціи въ римскую провинцію (1500—146). Это время раздѣляется на нѣсколько отчетливыхъ періодовъ по своему внутреннему содержанію. 1) *Первый* періодъ, самый продолжительный, тянулся болѣе 6 вѣковъ (1500—850) и отличался однообразіемъ, или слабостью развитія и отсутствіемъ самобытности: это какъ бы продолженіе исторіи *Востока*. Но уже тогда обнаружились художественный геній грековъ въ богатой миѳологіи и въ эпосѣ, а также ихъ способность къ колонизаціи. Въ политикѣ господствовала патріархальная царская власть, окруженная богатырскою дружиной, въ идеальной культурѣ—*религія*. Главными дѣятелями были ахейцы и эолійцы, которые къ концу уступали мѣсто дорійцамъ. 2) *Второй* періодъ длился ок. 4 вѣковъ (850—500) и отличался гораздо большимъ разнообразіемъ, чѣмъ первый, что дѣлаетъ его исходною точкой *европейской* цивилизаціи: съ этихъ поръ падаетъ вліяніе Востока, который Эллада уже опередила на пути прогресса. Второй періодъ должно назвать *политическимъ*, по небывалому въ исторіи изобилію государственныхъ формъ и по обширности колонизаціи. Но политика не исчерпывала великихъ, почти не-

истощимыхъ силъ несравненной націи: тогда значительно развилось художественное творчество, особенно въ поэзіи, и появились зачатки научной прозы въ лицѣ древнѣйшихъ философовъ. Главными дѣятелями были представители доризма, спартанцы, съ ихъ упорнымъ консерватизмомъ въ политикѣ. 3) *Третій* періодъ, или 5-й в. (500—400), попреимуществу *художественный*, служитъ полнымъ проявленіемъ *эллинизма*. Никогда въ исторіи не было такого цѣльнаго и быстраго развитія художественности, во главѣ которой стояли драма и особенно ваяніе, такъ что все это время можно назвать эпохой *пластичности*. 5-й в. отличается еще быстротой развитія идеальной культуры, скорою смѣной направленій: замѣчательно отчетлива разница между тремя поколѣніями – Ѳемистокломъ, Перикломъ и Алкивіадомъ, или Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипидомъ. Алкивіадъ, Эврипидъ и софисты составляютъ переходъ къ 4-му періоду: въ нихъ замѣтно колебаніе основъ эллинизма, близость его разложенія. Такое же значеніе имѣетъ развитіе научной прозы къ концу 5 в. въ лицѣ Сократа и Ѳукидида, а также софистовъ, начавшихъ разработку словесности. Въ политикѣ третій періодъ ознаменованъ господствомъ *демократизма*, прославленнаго іонійцами въ лицѣ аѳинянъ, а также борьбой прогрессивнаго іонизма съ консервативнымъ доризмомъ. Паденіе Аѳинъ въ концѣ 5-го в. лучше всего доказывало близость разложенія эллинизма. 4) *Четвертый* періодъ (400—323) должно назвать *научнымъ*: философія выступила на первый планъ и приняла научный видъ, ставъ системой; сверхъ того, благодаря Аристотелю и его индукціи, возникло естествознаніе; съ того времени ведетъ свое начало большинство нынѣшнихъ наукъ. Но и наука не подавила художественнаго генія грековъ: то была эпоха второго процвѣтанія искусства. Въ политикѣ видимъ разложеніе Аѳинъ и особенно Спарты: главными дѣятелями стали ѳиванцы и особенно македонцы, выступившіе съ задачей политическаго объединенія грековъ. Но ни тѣ, ни другіе не могли спасти Элладу; они только истощали ея силы, подготовляя ея подчиненіе римлянамъ. *Македоніы* сами по себѣ лишены значенія: они не были культурнымъ народомъ и только доставляли хорошихъ солдатъ. Ихъ временная роль зависѣла отъ ихъ царей — грековъ. Уже Филиппъ ставилъ имъ эллинскую задачу, борьбу съ Персіей, и поручилъ воспитаніе своего сына вождю эллинской культуры, Аристотелю. Александръ же былъ послѣднимъ словомъ эллинскаго развитія. Для исторіи онъ важенъ не столько своими военными подвигами, которые не выше подвиговъ восточныхъ завоевателей, сколько своимъ культурнымъ вліяніемъ. Тогда въ древнемъ мірѣ созрѣла потребность въ *космополитизмѣ*, т.-е. въ сближеніи между народами на основаніи одной, высшей культуры, или эллинизма. Александръ одинъ вполнѣ сознавалъ это: онъ былъ космополитъ, тогда

какъ Аристотель былъ еще эллиномъ. Оттого каждый его походъ былъ *распространеніемъ эллинизма на Востокѣ*: его Александріи походили не на восточные города, а на греческія республики; насколько администрація въ Азіи приняла европейскій характеръ, видно уже изъ того, что натуральная повинность вездѣ была переложена на денежную и соразмѣрена съ силами плательщиковъ. Прекратился и матеріальный застой на Востокѣ: торговлѣ открылись новые пути; промышленность расцвѣла уже оттого, что масса капиталовъ, лежавшая безплодно въ казнѣ Ахеменидовъ, разошлась всюду, вызывая обширныя промышленныя предпріятія, во главѣ которыхъ стоялъ самъ Александръ. Сверхъ того, такъ какъ Александра сопровождали 3 т. греческихъ ученыхъ и художниковъ, то каждый его походъ былъ вкладомъ въ географію, лингвистику, этнографію и естествознаніе; каждая осада была торжествомъ прикладной математики, каждое празднество—торжествомъ искусства. Все это Александръ совершилъ лишь потому, что его завоеванія *разрушали національности* съ ихъ узкимъ мѣстнымъ духомъ, съ ихъ мелкими, племенными религіями. Но собственно для Эллады дѣятельность македонцевъ была вредна: Филиппъ I лишилъ ее независимости, а Александръ—умственныхъ силъ. 5) Въ *пятомъ* періодѣ (323—30) Эллады какъ бы не существуетъ: она только обливается кровью безъ всякой пользы, служа поприщемъ, на которомъ происходила борьба между діадохами, эпигонами и римлянами. Въ тоже время умственныя силы Эллады расходились изъ нея по всему міру. Культурная роль Аѳинъ раздробилась между Александріей, Антіохіей, Пергамомъ, Эфесомъ, Родосомъ и Сициліей. Эллада уже не создавала великихъ, оригинальныхъ умовъ и талантовъ, да еще подчинялась чуждымъ воззрѣніямъ и привычкамъ, приходившимъ изъ Азіи. Эпоха діадоховъ и эпигоновъ была временемъ *разложенія эллинизма* дотого, что падалъ даже художественный геній грековъ: александрійская культура лишена творчества въ области поэзіи и искусства; она жила подражаніемъ великой старинѣ. Процвѣтала только наука, и именно точныя и реальныя знанія, которыя не нуждаются въ національныхъ основахъ. Совсѣмъ исчезалъ и эллинскій политеизмъ, разъѣдаемый могущественнымъ скептицизмомъ и вторженіемъ азіатскихъ суевѣрій. Александрійская культура не эллинская, а *эллинистическая*: разница между нею и эллинизмомъ замѣчалась до тѣхъ поръ, пока вся греко-восточная культура не стала византійскою въ средніе вѣка Въ политикѣ пятый періодъ представляетъ также разложеніе эллинизма. Съ 306 г. *республиканизмъ вездѣ замѣняется монархіей*, которая принимаетъ въ Элладѣ форму старыхъ тираній. Новыми тиранами были вожди наемниковъ, которые думали только о грабежѣ и о своей власти, такъ что „тираноубійство“ становилось патріотическимъ по-

двигомъ. Республиканизмъ сохранялся только въ формѣ этолійскаго и ахейскаго союзовъ, которые подготовляли своими раздорами гибель Македоніи и господство Рима.

§ 176. **Значеніе Эллады.** Раздѣленіе греческой исторіи на періоды по внутреннему содержанію, чему не поддается исторія Востока, доказываетъ, что Эллада представляетъ *первый образецъ цѣльнаго историческаго развитія*. Сверхъ того этотъ образецъ — одинъ изъ самыхъ удачныхъ. Въ лицѣ грековъ человѣчество достигло почти всѣхъ великихъ открытій, разработка которыхъ составляетъ сущность цивилизаціи до нашихъ дней. Въ *политикѣ* мы видимъ здѣсь почти всѣ государственныя формы и выработанную систему колонизаціи; подконецъ явились даже попытки государственныхъ теорій. Въ *поэзіи* у эллиновъ встрѣчаются не только всѣ извѣстныя формы, но и образцовыя произведенія, которыя до сихъ поръ остаются безсмертными. Въ *искусствѣ* они достигли еще большихъ успѣховъ: никто еще не превзошелъ ихъ въ пластикѣ и зодчествѣ. Въ *наукѣ* мы обязаны имъ самымъ понятіемъ о ней, какъ о „системѣ“, а также терминами; сверхъ того къ нимъ сводится начало всѣхъ основныхъ наукъ нашего времени. Такъ почти во всѣхъ областяхъ культуры Грецію можно назвать *школой человѣчества*, подобно тому, какъ Периклъ называлъ Аѳины „школой Эллады“. Это подтверждается исторіей. Римская и византійская культуры заимствованы изъ Эллады. Средніе вѣка, незнакомые съ Элладой, называются эпохой варварства и невѣжества; новое развитіе человѣчества началось, въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ „Возрожденія“ эллинской культуры. До сихъ поръ на каждомъ шагу встрѣчаются то термины и познанія, то мысли, выработанныя въ Греціи. Если мы больше изучаемъ латинскій языкъ, то только потому, что римляне были популяризаторами эллинизма и сохранили многое изъ утраченнаго наслѣдства грековъ. Въ послѣднее время мы опередили эллиновъ въ религіи, наукѣ, политикѣ, музыкѣ, живописи и матеріальной культурѣ; но въ поэзіи, особенно же въ ваяніи и зодчествѣ, мы отчасти стоимъ наравнѣ съ ними, отчасти ниже. Эллинъ былъ художникомъ попреимуществу: никто и никогда не придавалъ такого значенія формѣ, красотѣ, внѣшней гармоніи. *Проявленіе изящнаго во всѣхъ областяхъ жизни*—вотъ существенное отличіе исторіи древней Греціи. Эллины первые достигли величайшихъ результатовъ историческаго развитія; трудъ ихъ былъ такъ тяжелъ, что естественно встрѣтить крупные недостатки въ эллинизмѣ. Въ *матеріальной* культурѣ греки оказали сравнительно мало успѣховъ: въ этомъ отношеніи 4-й в. почти не отличается отъ 5-го, и прогрессъ замѣчается только съ александрійской эпохи, когда двинулись впередъ точныя и реальныя науки. Весьма важны пробѣлы въ *политикѣ* грековъ, у которыхъ развитіе касалось формъ, а не

сущности государства. Основаніемъ всѣхъ этихъ формъ служила узкая идея *поглощенія личности государствомъ*, т.-е. подавленіе нравственной свободы и семейнаго начала. Оттого семейная жизнь была мало развита: это былъ восточный теремъ, заповѣдное хранилище всякихъ пережитковъ и грубости. *Женщина* была рабой въ такомъ просвѣщенномъ государствѣ, какъ Аѳины. Вообще *рабство* было второю основой греческаго государства: „гражданъ“ было немного, и ихъ кормили массы лицъ, лишенныхъ политическихъ, а часто и гражданскихъ правъ. Этотъ взглядъ эллинъ распространялъ и на весь міръ: онъ презиралъ все не свое и считалъ *варварами* всѣ другіе народы, которые, даже по мнѣнію Аристотеля, предназначены были для служенія эллинамъ. Наконецъ эллинское государство было недалеко отъ патріархальнаго, родоваго быта: это — *республика-городъ*. Греки не могли выбиться изъ узкихъ рамокъ мѣстнаго, племеннаго, патріотизма, дойти до пониманія націи. До самаго Филиппа I въ разныхъ республикахъ были даже свои монеты и свои названія мѣсяцевъ. Отсюда гибельная раздробленность Эллады, которая вела къ вѣчному ожесточенному *междоусобію*. Духъ раздоровъ, сварливости гнѣздился даже внутри каждой республики, проявляясь въ кровавой борьбѣ аристократовъ съ демократами. Припоминая, какъ аѳиняне сами губили своихъ Мильтіадовъ, Ѳемистокловъ, Алкивіадовъ, Сократовъ, можно сказать, что Эллада — счастливая, но ужасная мать, поѣдающая собственныхъ знаменитыхъ дѣтей. Но самый важный недостатокъ эллинизма связанъ съ его главнымъ достоинствомъ—съ художественностью. Грекъ слишкомъ поклонялся формѣ, внѣшности; подконецъ въ его жизни сталъ особенно выдвигаться матеріализмъ, и весь бытъ принималъ *риторическій* оттѣнокъ. Оттого лучшіе умы стали возставать противъ основъ эллинизма. Этотъ протестъ исподоволь проявлялся давно: онъ виденъ у первыхъ философовъ, въ элевзинскихъ таинствахъ и пиѳійскихъ играхъ, въ Перикловой идеѣ федераціи, а всего болѣе въ отрицательномъ направленіи софистовъ и въ ученіи Сократа. Но сильнѣе всего выразился онъ въ философіи Платона, съ ея неэллинскими чертами—со стремленіемъ къ идеализму и космополитизму. То же проглядываетъ даже у реалиста Аристотеля и друга спартанства, Ксенофонта, а также въ искусствѣ. Въ это-то время, когда чувствовалась несостоятельность эллинизма, явился Александръ съ его идеей міроваго царства, гдѣ всѣ народы должны были слиться подъ вліяніемъ политическаго равноправія и единой высшей культуры. Мы уже на порогѣ между древнею и новою исторіей, тѣмъ болѣе что тогда выступили *римляне*, какъ міровая сила: они были проникнуты тѣмъ же стремленіемъ къ новому міровоззрѣнію и своими завоеваніями способствовали его подготовкѣ даже больше, чѣмъ Александръ.

B) РИМЪ.

I. Цари. 753—509.

§ 177. **Природа Италіи.** Италія—самый малый изъ трехъ южныхъ полуострововъ Европы (1,000 верстъ въ длину, 20 — 200 в. въ ширину). По свойствамъ своей природы, она дѣлится на сѣверную, среднюю и южную. *Сѣверная* представляетъ единственную большую равнину, закрытую отъ остальной Европы *Альпами*, въ которыхъ есть однако же до десяти проходовъ. Съ юга ея границами служатъ *Апеннинскія* горы и рѣчка *Рубиконъ* (нынѣ Пизателло), впадающая, въ *Іонійское* (Адріатическое) м. Эту землю можно назвать долиной рѣки *Padus* (По), которая судоходна, начиная съ Турина. По уноситъ въ своемъ теченіи обломки скалъ. Оттого ея русло все подымается: въ Феррарѣ оно даже выше крышъ домовъ. Въ По впадаетъ до сотни притоковъ, по бо́льшей части судоходныхъ. Они образуютъ много озеръ, разливаясь среди природныхъ басейновъ въ скалахъ. Долина По лежитъ въ умѣренномъ климатѣ. Здѣсь южныя растенія разводятся съ трудомъ; но зато весьма плодородная почва и влажный воздухъ вполнѣ способствуютъ земледѣлію. Жители здѣсь напоминаютъ сѣверныхъ европейцевъ: они полны и свѣтлокожи. Въ сѣверной Италіи было три области: горная *Лигурія* у *Тирренскаго* м; низменная, наполненная водами и тучными лугами *Венеція* съ главнымъ городомъ Patavium (Падуа), и *Галлія Цизальпійская* (Gallia Cisalpina), или „по сю сторону Альпъ“. Послѣдняя такъ называлась потому, что настоящая Галлія (Франція) была „по ту сторону Альпъ“ (Gallia Transalpina). За Рубикономъ начинается, въ видѣ длиннаго сапога, *Апеннинскій полуостровъ*, образующій среднюю и южную Италію. Онъ состоитъ изъ *Апеннинъ*, которыя тянутся безпрерывно до города Регіума (Реджіо), имя котораго значитъ погречески „щель“. Но Апеннины идутъ дальше, по дну щели, и образуютъ прелестную, плодородную *Сицилію*. Апеннины — голыя горы, состоящія изъ хрупкаго известняка, что доказываетъ ихъ вулканическое происхожденіе. Да и по всему полуострову видны слѣды вулканической силы, которая теперь сохранилась только въ *Везувіи*, *Этнѣ* и на *Липарскихъ* островахъ. Всюду раскинуты холмы, вродѣ тѣхъ семи, на которыхъ построенъ Римъ: это — угасшіе вулканы. На вершинахъ горъ попадаются озера, которыя стоятъ на мѣстѣ старыхъ жерлъ вулкановъ. Одно изъ нихъ, *Фуцинское* (Челано), лежитъ на высшемъ пунктѣ Апеннинъ, въ угрюмыхъ *Абруццахъ*, почти всегда покрытыхъ снѣгомъ. Теперь высушенное, оно долго походило на кратеръ: порой оно внезапно поднималось и изливало свои воды на

далекое пространство. Кромѣ того тамъ и сямъ встрѣчаются то воспламеняющіеся источники, то сѣрныя воды. У туземцевъ есть много разсказовъ о городахъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ или внезапно провалившихся сквозь землю. Въ такой странѣ можно было заниматься только скотоводствомъ, потому что травы было много, благодаря изобилію горныхъ ручьевъ и южному климату. Особенно славились безконечныя степи *Апуліи*. Только лѣтомъ здѣсь было черезчуръ жарко — и апулійскіе пастухи гоняли тогда свои безчисленныя стада въ Абруццы. Равнины, да и то небольшія, встрѣчаются только у моря; но онѣ часто прерываются гнилыми и нездоровыми болотами. Таковы: тосканская *Маремма, Понтинскія* болота между Римомъ и Неаполемъ и *Ахерузское* оз. близъ Неаполя. Послѣднее было такъ зловредно и страшно, что древніе считали его входомъ въ преисподнюю. Они вѣрили, что здѣсь Одиссей сходилъ въ царство тѣней. Впрочемъ у Тирренскаго моря было три равнины, маленькія, но очень плодородныя. Это—*Этрурія*, *Лаціумъ* и *Кампанія*. На этомъ берегу были также удобныя бухты, тогда какъ берегъ Адріатическаго моря славился своею негостепріимностью. Апеннинскій полуостровъ дѣлится на двѣ части. Къ югу отъ Неаполя идетъ *Южная Италія*, или *Великая Греція*, усѣянная эллинскими колоніями; здѣсь и эллинская природа. Благодаря этой-то части полуострова, мы представляемъ себѣ Италію раемъ земнымъ, а древніе называли ее страной счастья, *Гесперіей*, гдѣ растутъ золотыя яблоки. Люди здѣсь худые, мускулистые, темноватые, съ рѣзкими чертами южныхъ жителей. *Средняя* же Италія во всемъ гораздо бѣднѣе: это — переходъ отъ юга къ сѣверу. Апеннинскій полуостровъ раздѣлялся на много областей, изъ которыхъ главными были три вышеупомянутыя равнины.

§ 178. **Значеніе итальянской природы.** По физическимъ условіямъ, сѣверная Италія была наиболѣе благопріятна для развитія цивилизаціи. Но она была промежуточной станціей для всѣхъ народовъ, шедшихъ съ сѣвера въ „счастливую“ Гесперію. Ее постоянно наводняли разныя дикія племена, вслѣдствіе чего она не могла рано устроиться и стать исходною точкой развитія Италіи. Эта роль должна была принадлежать какой-нибудь мѣстности на Апеннинскомъ полуостровѣ. Здѣсь лучшія физическія условія сосредоточивались на западной сторонѣ, гдѣ и береговая линія развита болѣе, чѣмъ на восточной. Впрочемъ эта линія гораздо бѣднѣе греческой. Поэтому здѣсь не могло возникнуть промышленной и торговой націи, какъ въ Элладѣ, именно въ Аттикѣ Апеннинскій полуостровъ болѣе похожъ на Пелопонесъ, чѣмъ на среднюю Грецію. Апулія и многія страны внутри полуострова—это итальянскія Аркадіи, гдѣ всегда сохранялось суровое и грубое пастушеское населеніе и замѣчательное скотоводство, давшее Апеннинскому полуострову имя Италіи (ἴταλος знач. быкъ). Лаціумъ

и Кампанія — это благодатныя долины Лакедемона и Мессеніи. Но въ Кампаніи, также какъ и въ Мессеніи, природа была слишкомъ щедра и хороша. Она разслабляла населеніе и манила его къ лѣни, къ чувственнымъ наслажденіямъ. Воины Ганнибала вдругъ обратились въ Капуѣ изъ львовъ въ барашковъ. Равнина Лаціума всего болѣе вызывала населеніе къ благодарному труду и къ бодрой, трезвой жизни. Еслибы въ Элладѣ не было сильной морской державы, Аѳинъ, которыя стремились къ гегемоніи надъ всею страной, то Спарта, уже объединившая почти весь Пелопонесъ, образовала бы изо всей Эллады одно большое государство—правда военное, неподвижное и непросвѣщенное, но могущественное. Въ Италіи подлѣ Лаціума съ его Римомъ не было Аѳинъ. Греческія колоніи, которыми была усыпана ю. Италія, начиная съ Капуи, могли богатѣть отъ своей торговли, но, какъ иностранныя поселенія, не могли достигнуть значенія сильныхъ морскихъ державъ. Сверхъ того сама природа Италіи призывала Римъ къ объединительной задачѣ. Благодаря Апеннинамъ, строеніе полуострова довольно однообразно, а однообразіе природы всегда вызываетъ обширныя и не столько культурныя, сколько военныя государства. Развѣтвленія Апеннинъ не такъ значительны, какъ въ Элладѣ. Они не могли разбить населеніе на множество городовъ-республикъ, способныхъ серьезно отстаивать свой политическій бытъ Они могли только навремя служить пріютомъ для разныхъ народовъ, спускавшихся сюда изъ-за Альпъ. Оттого-то первоначальная этнографія Италіи необыкновенно разнообразна и запутана. По своей природѣ Италія не могла достигнуть такого культурнаго развитія, какъ Греція; но *центральное положеніе въ Средиземномъ м.* доставляло ей важное значеніе въ исторіи. Съ одной стороны, она могла распространять свое вліяніе на всѣ берега этого моря, съ другой — она могла пользоваться культурными пріобрѣтеніями всего древняго міра. Нѣтъ страны, владѣнія которой распространялись бы такъ далеко, и нѣтъ страны, которая такъ измѣнилась бы подъ вліяніемъ иноземной культуры. Нынѣшняя Италія совсѣмъ не похожа на древнюю. Первоначально здѣсь была сѣверная природа—хвойные лѣса да дубы съ буками; а въ концѣ древней исторіи, подъ вліяніемъ Греціи, Азіи, Египта и Карѳагена, Италія представлялась цвѣтущимъ южнымъ садомъ съ преобладаніемъ „террасной культуры“, которая превратила скалистые склоны горъ въ плодородные участки. Были разведены мирты, лавры, пальмы и виноградники, оливковыя и гранатныя деревья, кипарисы и платаны, вишни, сливы и каштаны, тутовники и орѣшники. Въ первые вѣка христіанства появились лимоны, а съ 16 в. апельсины (изъ Китая), рисъ (изъ Индіи), маисъ, магнолія, кактусъ и алое (изъ Америки). Недавно привезенъ изъ Австраліи Eucalyptus для осушенія болотъ.

Изъ животныхъ Египетъ доставилъ Италіи кошку вскорѣ послѣ Р. Х.

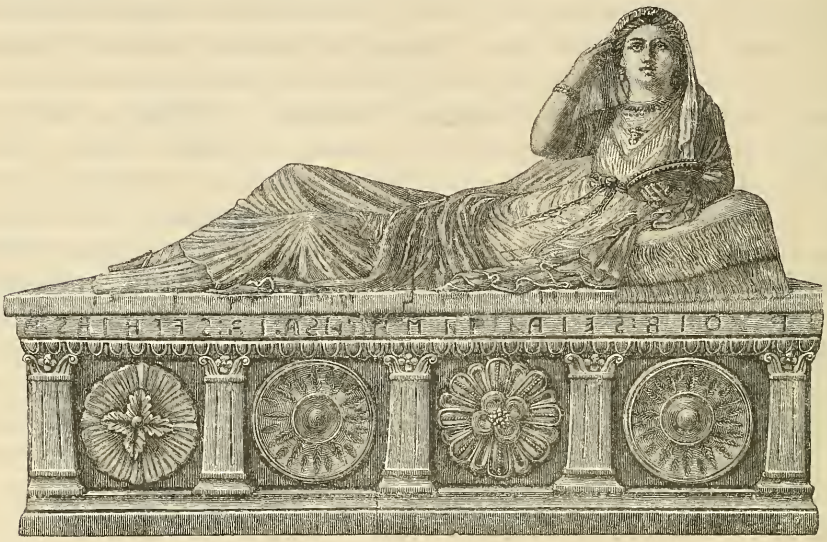
§ 179. **Первобытное населеніе Италіи.** Италія—истинный Кавказъ по разнообразію народовъ, населявшихъ ее въ первобытныя времена. Всѣ племена, передвигавшіяся тогда по Европѣ, заглядывали въ эту страну счастья, и ихъ выходцы долго сохранялись среди уединенныхъ ущелій Апеннинъ въ видѣ маленькихъ народцевъ. 1) Прежде всѣхъ (ок. 2000 л. до Р. Х.) прикочевали сюда изъ-за Балканъ дѣятельные и смѣлые *пелазги*. Они заняли восточную часть полуострова, гдѣ приняли разныя названія: у устьевъ По сѣли *венеты*, въ Калабріи и Апуліи — *япиги* и *мессапіи*. Языкъ итальянскихъ пелазговъ, судя по надписямъ, близокъ къ древнѣйшимъ греческимъ нарѣчіямъ. По быту они не отличались отъ греческихъ пелазговъ (§ 78), т.-е. были осѣдлыми земледѣльцами: греки называли ихъ страну то Италіей — страной „быковъ“, то Энотріей — страной „вина“. 2) Въ то время сѣверо-западъ Италіи, отъ Роны до Арно и до венетовъ, занимали грубые *лигуры*, кажется, туранскаго племени, этого первобытнаго обитателя едва ли не всей Европы. 3) Лѣтъ за 1500 доР. Х. изъ-за Балканъ пришли новые поселенцы — *италики*, близкіе родственники эллинамъ. Собственно говоря, италики и эллины составляли одно племя, когда пришли изъ Азіи. Но, между тѣмъ какъ эллины спустились въ Грецію и выгнали оттуда первобытныхъ „самородковъ“ („автохтоновъ“, пелазговъ), италики пошли дальше на западъ. Въ сѣверной Италіи они оставались недолго: ихъ тѣснили тамъ новыя племена. Но въ средней Италіи они утвердились навсегда, такъ что потомъ народъ думалъ, будто они здѣсь и родились, и назвалъ ихъ „аборигенами“ („первоначальниками“). Италики раздѣлялись на двѣ отрасли, распадавшіяся на множество народцевъ — западную, или *латинскую* и восточную или *умбро-сабельскую*. Латины, или жители „широкой“ равнины, Лаціума, считались самыми древними, и ихъ называли „старыми“. Къ нимъ принадлежали *авзоны* (въ Кампаніи), *италы* (въ Бруцціумѣ), *сикулы* (въ Луканіи и Сициліи). Въ умбро-сабельской отрасли сначала главную роль играли *умбры* и *сабины*. Сабины жили на самомъ верху Апеннинъ, въ суровыхъ Абруццахъ. Тамъ до сихъ поръ показываютъ очень древнія развалины, какъ ихъ гнѣзда. Тѣсно было жить имъ въ этой трущобѣ—и у нихъ завелся обычай „священной весны“. Время отъ времени сабины приносили подземнымъ богамъ особую жертву—обрекали дѣтей, родившихся тогда, на выселеніе по достиженіи 20-лѣтняго возраста, „подобно пчелиному рою, вылетающему весной“. Такимъ образомъ они колонизовали почти всю южную Италію: *самниты, марсы, кампаны, калабрійцы* и др. были ихъ переселенцами. Умбры распространялись сначала до По и Тирренскаго м. 4) Но ихъ вытѣснили оттуда *этруски*, которые

пришли изъ-за Альпъ лѣтъ за 1000 до Р. Х., гонимые кельтами. Этруски заняли все пространство отъ Альпъ до Тибра. Отъ нихъ осталось болѣе 1,000 надписей, чтеніе которыхъ весьма затруднительно, и много памятниковъ съ изображеніемъ ихъ типовъ. Эти типы напоминаютъ туранцевъ: малорослыя, коренастыя, неуклюжія фигуры съ большими головами и толстыми, короткими руками. Передъ основаніемъ Рима этруски стали подаваться на югъ, высылая моремъ колоніи даже въ Кампанію, гдѣ основали *Капую*. 5) Это движеніе объясняется тѣмъ, что ихъ начали тѣснить съ сѣвера *кельты*, прибывшіе изъ Галліи. Кельты подчинились вліянію италиковъ и носили плащъ (toga): оттого ихъ называли „галлами въ плащѣ“ (togati), въ отличіе отъ гальскихъ кельтовъ, или „галловъ въ шароварахъ“ (bracсati). 6) Наконецъ былъ еще слой населенія въ Италіи до Рима: это—*эллины*, которыхъ, по преданію, привели сюда герои Троянской войны (Несторъ, Діомедъ, Энеевъ сынъ—Асканій). Первыя колоніи грековъ (эолійцевъ и іонійцевъ) появились здѣсь лѣтъ за 1200—1000 до Р. Х.; но онѣ не могли процвѣтать рядомъ съ такими отличными мореходцами, какъ этруски и карѳагеняне. Разбогатѣла только одна изъ нихъ — *Кумы*, основанная выходцами изъ азіатскихъ Кумъ. Она даже сама основала такіе замѣчательные города, какъ *Неаполь* (Parthenope) и *Мессина* (§ 90).

§ 180. **Матеріальная культура и искусство этрусковъ.** Изъ всѣхъ перечисленныхъ народовъ больше всего извѣстно объ этрускахъ и италикахъ. Процвѣтаніе этрусковъ относится къ 1000 — 500 г. до Р. Х. У нихъ была замѣчательная культура. Этруски были народомъ мирнымъ, занимались земледѣліемъ, а больше всего *торговлей*, предоставляя военное дѣло наемникамъ. Они владычествовали въ западномъ басейнѣ Средиземнаго м., такъ что ихъ флота боялись не только карѳагеняне, но и греки. Морскія націи предпочитали поэтому жить съ ними въ дружбѣ. Въ *Цере*, лучшей этрусской гавани, тѣснилось множество кораблей финикійскихъ, греческихъ и карѳагенскихъ. Сюда привозили товары со всего Свѣта, въ томъ числѣ янтарь съ береговъ Балтики. Въ самой Этруріи было много серебра, желѣза, въ особенности же мѣди. Оттого этруски славились своимъ литейнымъ искусствомъ и обработкой металловъ, а также произведеніями изъ прекрасной глины, которую доставляла имъ вулканическая почва страны. Ихъ *утварь и предметы роскоши* (кольца, запястья, зеркала въ изящной оправѣ, лампы, кубки, урны и ящички для пепла) дорого покупались даже въ Элладѣ. Не менѣе славились этруски громадными *инженерными* сооруженіями, напоминающими Египетъ — водопроводами, которые дѣйствуютъ до сихъ поръ, плотинами, дорогами и мостами. Они высушивали озера и измѣняли теченіе рѣкъ. Культура

этрусковъ—плодъ иностраннаго, преимущественно *греческаго вліянія*. Греки, какъ изъ Эллады, такъ и изъ южной Италіи и Массиліи, постоянно сталкивались съ этрусками, то какъ купцы, то какъ корсары. Они даже имѣли свои поселки среди нихъ; съ другой стороны, этруски, научившись у грековъ мореплаванію, заводили свои колоніи среди нихъ, особенно въ Кампаніи. Греческое вліяніе яснѣе всего выразилось въ этрусскомъ *искусствѣ*. Это искусство весьма обширно, но въ немъ мало самобытнаго, кромѣ прибавки грубыхъ финикійскихъ чертъ къ греческой основѣ. Многое прямо привозилось изъ Греціи; остальное сдѣлано греками, жившими въ Этруріи; даже золотая и серебряная монета была греческаго образца; письмо также было заимствовано у грековъ (ок. 650 г.). Этрусскую работу можно узнать только потому, что она груба, лишена тонкихъ, идеальныхъ чертъ. Она остановилась на древне-греческомъ, дорическомъ, стилѣ. Древнѣйшія укрѣпленія этрусковъ состояли изъ *стѣнъ* у подошвы холма, совершенно похожихъ на циклопическія постройки въ Элладѣ. Потомъ стали укрѣплять вершины холмовъ, и опять на подобіе греческихъ акрополей. *Гробницы*, которыхъ больше всего встрѣчается въ Этруріи, напоминаютъ Египетъ. Это—большіе холмы съ подземельями, въ которыхъ цѣлый лабиринтъ корридоровъ и нишей для гробовъ. Нерѣдко эти подземелья были устроены совершенно какъ казнохранилища ахейцевъ—куполообразно и съ мѣдной обшивкой. Иногда на могилѣ ставили пирамидки. Гробницы замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ есть *сводъ*, который былъ усвоенъ этрусками раньше грековъ и помогъ имъ въ устройствѣ водопроводовъ. *Храмъ* былъ финикійской формы, но съ колоннадами кругомъ (перистиль) древне-дорическаго стиля. Только крыша была своеобразная—высокая и свѣсившаяся надъ зданіемъ: это — крыша домовъ въ сѣверной Европѣ, откуда пришли этруски. *Дома* въ Этруріи были греческаго фасона. Впереди было большое пространство, вродѣ двора, къ которому примыкали маленькіе покои членовъ семьи. Оно называлось потомъ у римлянъ *атріумомъ*, отъ ater—„черный“, потому что все было закопчено домашнимъ очагомъ. Это крытое святилище семьи. Здѣсь надъ очагомъ возвышался поставецъ, загроможденный идольчиками домашнихъ божествъ. Здѣсь вѣчно горѣлъ огонь, на которомъ приносились жертвы, и готовился обѣдъ. Здѣсь же хранилась утварь и все дорогое для семьи, а также помѣщалась собака-сторожъ и росъ любимый лавръ. Въ атріумѣ семья молилась каждое утро и вечеръ и обѣдала; хозяинъ принималъ гостей, а хозяйка пряла, окруженная служанками. Кромѣ зодчества, этруски много занимались *ваяніемъ*. Ихъ гробницы усѣяны барельефами, которыхъ много въ Берлинскомъ Музеѣ. Это—грубая работа, щеголяющая фантастичностью и чувственною роскошью. Содержаніе барельефовъ — сцены изъ обыденной жизни, а

позже—изъ греческой миѳологіи. Много дѣлалось и статуй, особенно изъ мѣди. При взятіи одного города римляне нашли болѣе 2 т. мѣдныхъ статуй. Но больше всего было развито *гончарное* дѣло, такъ что этруски даже лѣпили статуи изъ глины. Особенно славились повсюду ихъ *вазы* съ большими рисунками по черному фону, которые щеголяли яркостью и прочностью красокъ.



Этрусскій саркофагъ съ письменами. Ок. 150 г. до Р. Х. Во Флоренціи.

§ 181. **Религія и государство этрусковъ.** Грубая натура этрусковъ еще лучше выразилась въ религіи. Ихъ высшіе, или „сокровенные“ боги напоминали таинственный Рокъ (Фатумъ, § 82). Подлѣ нихъ была масса страшныхъ духовъ и демоновъ, разсѣянныхъ по всѣмъ предметамъ. Все это жаждало крови и страданій: этруски приносили въ жертву много рабовъ и плѣнныхъ и предавались самоистязанію. По смерти человѣка душа продолжала жить опять только для мученій. Отвратительный старикъ—полуживотное съ крыльями и страшнымъ молотомъ - низводилъ ее въ адъ, гдѣ ждали ее „палки и змѣи“. Запуганный этрускъ старался узнать волю боговъ и на каждомъ шагу видѣлъ чудо, знаменіе. У этрусковъ было необыкновенно развито гаданье, ворожба. Знахари гадали по полету и крику птицъ и по клеванью „священныхъ куръ“: это—римскіе *авгуры* (avis—птица). Другіе ворожили по внутренностямъ животныхъ или по молніи. Гаданье по молніи (гаруспицина) было особенно въ ходу, такъ какъ въ Этруріи часто свирѣпствовали грозы; при первомъ ударѣ грома даже у римлянъ сходка разбѣгалась. Гаданьямъ обучались въ школахъ по священнымъ книгамъ, которыя далъ *Таѕ* – сѣдой ребенокъ, вырытый однажды изъ земли пахаремъ. Изъ этихъ книгъ видно, что этруски имѣли понятіе

объ астрономіи, медицинѣ и календарѣ. Писали отъ правой руки къ лѣвой и сначала безъ строчекъ, змѣйкой. Это письмо разошлось почти по всей Италіи, а также и цифры, которыя мы называемъ „римскими“. Этрусскія цифры очень древни: это—знаки пальцами (I, V, X.). Мрачная религія съ ея таинственностью и строгою обрядностью, сковавшею человѣка, была отраженіемъ жизни народа въ Этруріи. Этотъ народъ, состоявшій изъ пелазговъ и умбровъ, находился въ рабствѣ у завоевателей, настоящихъ этрусковъ, которые назывались *лукумонами*. Лукумоны были деспотами вдвойнѣ: и какъ правители, и какъ жрецы-ворожеи. Все было въ ихъ рукахъ; они роскошествовали, два раза въ день обѣдали или, скорѣе, пировали. У нихъ были восточные ковры, серебряная посуда, плясуны и комедіанты, музыканты (флейтисты), кулачные бойцы, пышные тріумфы послѣ побѣдъ. Лукумоны избирали въ каждомъ городѣ царя, подчиненнаго имъ. Городовъ было 12, во главѣ ихъ *Вольсиніи*, *Тарквиніи* и *Клузіумъ*. Каждый городъ былъ независимымъ государствомъ. Правда, города составляли союзъ; но главный лукумонъ пользовался не властью надъ союзомъ, а только почестями. Онъ сидѣлъ на престолѣ изъ слоновой кости (лат. „курульское кресло“), носилъ тогу съ пурпурной каймой; за нимъ ходили 12 чиновниковъ (лат. „ликторы“), по одному отъ каждаго города, носившихъ пукъ розогъ съ сѣкирой посрединѣ, какъ знакъ его судебной власти. Угнетенный народъ возставалъ противъ лукумоновъ: гдѣ выгонялъ ихъ, гдѣ вырѣзывалъ. Сверхъ того города соперничали и воевали между собой. Отъ этихъ волненій и пала Этрурія. Историческое значеніе этрусковъ заключается въ ихъ сильномъ вліяніи на первоначальный Римъ. Римляне заимствовали у нихъ, помимо искусства и науки, правительственную внѣшность и даже потѣшные бои, которые превратились у нихъ, ок. 250 г., въ кровавую гладіатуру.

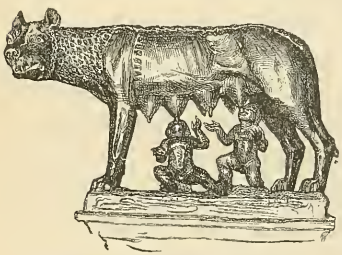
§ 182. **Культура италиковъ.** Италики первоначально были то же, что греки, и говорили однимъ языкомъ съ ними. Самыя древнія слова въ латинскомъ и греческомъ языкахъ одинаковы. Всѣ они относятся къ *земледѣльческому* быту. Но когда италики, разлучившись съ греками, долго пожили на Апеннинскомъ полуостровѣ, они стали непохожи на своихъ братьевъ въ Элладѣ. Въ нихъ не было ничего поэтическаго и художественнаго. Часть ихъ, засѣвшая въ горахъ, именно *сабины*, даже вовсе были лишены культуры. Сабины навсегда остались грубыми, угрюмыми, суевѣрными и неподвижными горцами-пастухами. У нихъ не было городовъ; жили они отдѣльными родами въ плохихъ деревушкахъ, ничѣмъ не защищенныхъ, кромѣ неприступныхъ скалъ; только въ крайней опасности соединялись эти деревушки и выбирали одного полководца, который назывался *императоромъ*. Сабины важны въ исторіи только тѣмъ, что колонизовали

почти всю Италію. Они вѣрили, что ихъ переселенцамъ указываютъ путь животныя ихъ главнаго бога, *Марса* — дятелъ, быкъ и волкъ. Сабины почитали Марса въ видѣ щита и копья и совершали въ честь него священныя пляски. Еще они вѣрили въ *Вулкана*, или подземную огненную силу. Особенные жрецы, называвшіеся „волками", бѣгали въ честь него босикомъ по пылающимъ кострамъ. Самыми развитыми изъ италиковъ были *латины*. Они болѣе сабиновъ подвинулись въ земледѣліи, были живѣе, менѣе привержены къ старинѣ, даже отличались пристрастіемъ къ шуточкамъ и насмѣшкамъ. Латины жили родами, изъ которыхъ каждый составлялъ деревню. Земля, принадлежавшая деревнѣ, находилась въ общемъ владѣніи у родичей. Совокупность деревень составляла гражданскую общину, или маленькое государство (civitas), средоточіемъ котораго былъ *Капитолій*, т.-е. „главизна", такъ какъ онъ устраивался на холмѣ. Капитолій обносили стѣной, и тогда возникалъ городъ (urbs, отъ orbis—кругъ, кольцо). Такихъ городовъ-общинъ было въ Лаціумѣ 30. Въ каждомъ изъ нихъ былъ свой царь, совѣтъ „стариковъ", или сенатъ (senis — старикъ) и комиціи (сходка) всего народа. Всѣ жители были одинаково свободны и полноправны: здѣсь не было ни рабовъ, ни слугъ. Всѣ города составляли одинъ *латинскій союзъ*, во главѣ котораго стоялъ древнѣйшій изъ нихъ, *Альба-лонга*, т.-е. Альба Длинная, состоявшая изъ одной улицы, шедшей кольцомъ вокругъ озера. Религія латиновъ сначала была обоготвореніемъ природы. Цвѣты и весна назывались у нихъ богинями *Флорой* и *Венерой*. Они молились еще *Матери-Сырой-Землѣ* и покровительницѣ сельской жизни, богинѣ домашняго очага пахаря — *Вестѣ*. Веста—греческая Гестія (§ 82). Она жила въ каждой семьѣ, въ атріумѣ подъ видомъ огня, а храмъ ея былъ какъ бы очагомъ цѣлаго города или народца. Въ немъ горѣлъ неугасимый священный огонь, поддерживаемый *весталками* — жрицами Весты, которыя выбирались изъ лучшихъ семействъ въ городѣ, назывались „дочерьми народа" и пользовались большимъ почетомъ. Если вели преступника на казнь и встрѣчалась весталка, то его освобождали. Но зато весталки постоянно постились и налагали на себя тяжелые уроки; а если провинится весталка, если она выйдетъ замужъ или погаснетъ огонь въ храмѣ на ея дежурствѣ, то ее бросали въ страшное подземелье, вродѣ колодца. Къ божествамъ природы относились также *Фавнъ* и *Сильванъ* — добрые лѣшіе, которыхъ крестьяне часто встрѣчали то въ рощахъ, то на своихъ поляхъ. Они особенно любили гору *Палатинъ* на берегу Тибра, гдѣ жила еще скотья богиня, *Палесъ*, которая дала свое имя горѣ. Впослѣдствіи выше всѣхъ этихъ божествъ стали новые боги — *Фортуна*, или Счастье, ея дѣти—*Юпитеръ* съ *Юноной*, похожіе на Зевса съ Герой, и *Янусъ*. Особенно любили латины этого Януса, бога солнца,

который утромъ открывалъ двери неба, а вечеромъ запиралъ ихъ; поэтому онъ былъ богомъ всякихъ дверей и пороговъ и изображался съ двумя лицами. Янусъ все открывалъ или начиналъ: поэтому и первый мѣсяцъ въ году назвали „январемъ“. Храмъ Януса отворялся только во время войны, чтобы молиться въ немъ за ратниковъ. Янусу соотвѣтствовала богиня *Яна*, или *Діана*, похожая на охотницу Артемиду: ей служили въ чащѣ лѣсной, у источниковъ. Наконецъ у латиновъ появились чужіе боги — сабинскій *Марсъ*, греческіе *Сатурнъ* (Кронъ) и *Минерва* (Аѳина-Паллада). Впрочемъ для латина важнѣе боговъ были *духи*, или демоны. У каждаго мужчины былъ свой *геній*, у женщины — своя *юнона*. Это — добрые духи-хранители, которые сопровождали своихъ кліентовъ отъ колыбели до могилы, оберегая ихъ отъ всякаго зла; а когда умиралъ человѣкъ, его геній продолжалъ жить подъ именемъ *лара*. Лары похожи на домовыхъ. Они жили въ атріумѣ, надъ очагомъ въ видѣ деревянныхъ идольчиковъ. Имъ клали частицу отъ обѣда; съ ними постоянно сообщались въ молитвѣ; при переселеніи ихъ уносили съ собой прежде всего. У цѣлаго города или народа были свои лары, но они назывались *пенатами*. У пенатовъ были и личныя имена, но извѣстныя только жрецамъ, такъ какъ если бы враги узнали ихъ, то народъ тотчасъ погибъ бы. Подлѣ добрыхъ духовъ было множество злыхъ, которые кишѣли больше подъ землей. Это — *ларвы*, которые пугали людей, какъ страшные призраки, отнимали у семьи все дорогое, даже младенцевъ. Ими заправляла молчаливая и ужасная *Манія*. Ей сначала приносили человѣческія жертвы, а потомъ вѣшали на дверяхъ чучела и куклы. Но иногда полководцы приносили себя въ жертву подземнымъ божествамъ, чтобы выиграть сраженіе. Латины думали о загробной жизни такъ же, какъ греки. У нихъ трупы сожигались, а души усопшихъ жили, какъ тѣни: онѣ блуждали у своихъ могилъ и, голодныя, жадно хватали пищу отъ родныхъ, которые постоянно поминали ихъ. Обряды состояли изъ грубыхъ плясокъ и пѣсенъ, но больше всего изъ жертвенныхъ пировъ, на которыхъ богамъ подносили кусокъ свинины. У латиновъ долго не было ни изображеній боговъ, ни храмовъ и жрецовъ; у нихъ копье означало Марса, кремень, дающій искру — молніеноснаго Юпитера и т. д. Каждый отецъ семейства былъ жрецомъ для своихъ родныхъ. Были только особые, ученые люди для ворожбы. Это *авгуры*, гадавшіе по птицамъ и особенно по клеванью священныхъ куръ, да *понтифексы*, или „строители мостовъ“. Понтифексы — тогдашніе математики: они строили мосты и зданія, вели календарь, опредѣляли счастливые и злополучные дни, смотрѣли за исполненіемъ обрядовъ и законовъ. Главный изъ нихъ, *понтифексъ максимусъ*, выбиралъ весталокъ и начальствовалъ надъ ними, наказывая ихъ. Вообще религія италиковъ рѣзко

отличается отъ греческой отсутствіемъ поэзіи и антропоморфизма (введ. § 6). Она разсудочна, служитъ практическимъ цѣлямъ. Ея божества—просто разныя *земледѣльческія понятія;* ея скаредное богослуженіе сводится къ сухимъ церемоніямъ въ честь хлѣбопашества, скотоводства, домашняго хозяйства и дѣторожденія.

§ 183. **Преданія объ основаніи Рима.** У римлянъ было много сказокъ о началѣ ихъ государства, которыми наполненъ весь періодъ царей. Они вѣрили, что тамъ, гдѣ потомъ возникъ Римъ, жилъ сначала *Янусъ* и храбрый витязь, *Тиберинъ*, который палъ въ битвѣ съ дикими аборигенами и превратился въ генія рѣки Тибра. Осиротѣвшій Янусъ запечалился; но его обрадовало прибытіе съ востока добраго *Сатурна*, который укротилъ дикарей и ввелъ „золотой вѣкъ". Затѣмъ и Янусъ, и Сатурнъ, какъ боги, ушли на небо. Но у нихъ остались дѣти, къ числу которыхъ принадлежалъ веселый *Фавнъ*. Фавнъ все колобродилъ по лѣсамъ, а между тѣмъ латиновъ сталъ угнетать разбойникъ *Какъ*. Къ счастью, прикочевалъ съ востока новый благодѣтель, силачъ и добрякъ, пастухъ *Рекаранъ* (Геркулесъ) Онъ уничтожилъ злодѣя и куда-то исчезъ вмѣстѣ съ Фавномъ. Но у латиновъ остался царствовать сынъ Фавна, *Латинъ*. Къ нему прибылъ *Эней* изъ Трои. Онъ женился на его дочери и когда обратился въ бога, сынъ его, *Юлъ*, основалъ новую династію въ Лаціумѣ, въ построенной имъ *Альбалонгѣ*. По смерти одного изъ потомковъ Юла осталось два сына, *Нумиторъ* и *Амулій*. Первый воцарился, какъ старшій, и народъ очень любилъ его за доброту. Но злой Амулій низвергнулъ его съ престола и убилъ его сына, а дочь, *Рею Сильвію*, посвятилъ въ весталки. Впрочемъ боги разстроили планы Амулія: самъ Марсъ женился на Сильвіи, и у нихъ родились близнецы, *Ромулъ и Ремъ*. Амулій казнилъ Сильвію, а малютокъ велѣлъ бросить въ корзинкѣ въ Тибръ. Старый Тиберинъ сжалился надъ ними и выкинулъ ихъ на берегъ. На плачъ дѣтей прибѣжала волчица, которая выкормила ихъ съ помощью дятла. Затѣмъ одинъ пастухъ воспиталъ близнецовъ, которые узнали тайну отъ Нумитора, уничтожили Амулія и основали новый городъ тамъ, гдѣ выкинуло ихъ изъ Тибра. Здѣсь было семь холмовъ, въ томъ числѣ *Палатинскій*, который братья выбрали для устройства кремля. Но при постройкѣ города братья поссорились—и Ромулъ убилъ Рема, а городъ назвалъ своимъ именемъ—Roma или *Римъ* (753 г.). Затѣмъ Ромулъ объявилъ Римъ убѣжищемъ (азиломъ) для кого-угодно, и къ нему набѣжало множество всякаго сброду изъ латинскихъ городовъ. Все



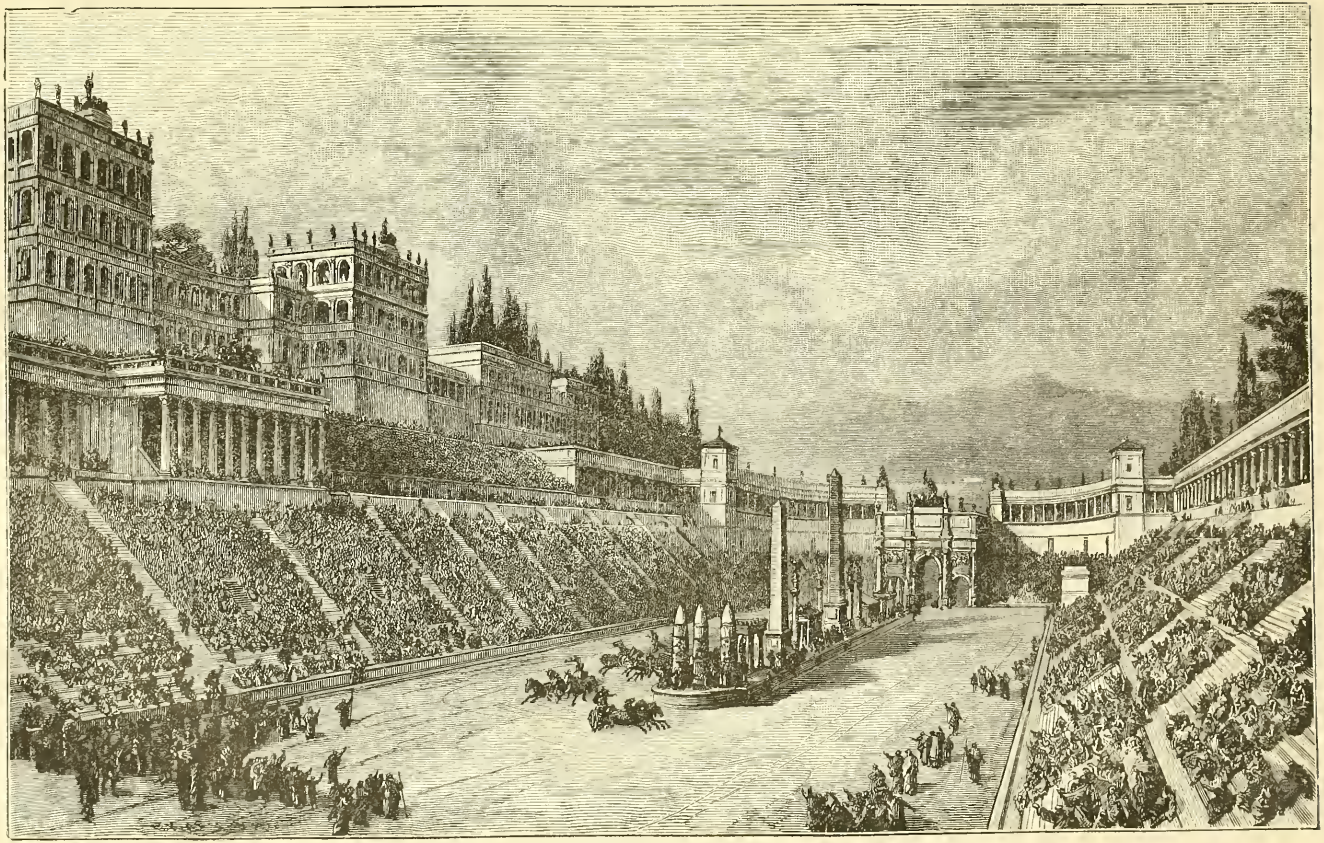
Капитолійская Волчица.

это были холостяки, а изъ сосѣдей никто не отдавалъ своихъ дочерей замужъ за такихъ бродягъ. Тогда римляне устроили великолѣпный праздникъ съ играми, на который пригласили сосѣднихъ сабиновъ съ ихъ семьями. Тутъ они украли у гостей невѣстъ. Сабины осадили Римъ и взяли его, съ помощью одной изъ похищенныхъ сабинокъ, *Тарпеи*. Они пообѣщали ей „то, что у нихъ на лѣвыхъ рукахъ", т.-е. золотые браслеты, — и она отворила имъ ворота города. Но у сабиновъ на лѣвыхъ рукахъ были также щиты — и они закидали ими Тарпею. Мѣсто, гдѣ она пала, было названо *Тарпейскою скалой:* подъ нею была страшная пропасть, куда сбрасывали потомъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти. Сабины вошли въ городъ; но тутъ жены римлянъ бросились между сражающихся и уговорили ихъ примириться. Сабины переселились въ Римъ и заняли холмъ *Капитолій*. Послѣ этого долго царствовалъ Ромулъ и все воевалъ. Однажды, во время смотра войскъ поднялась такая буря, что всѣ разбѣжались, кромѣ царя и сенаторовъ. Когда народъ собрался снова, Ромула уже не было: сенаторы объявили, что онъ отправился на небо въ марсовой колесницѣ, окруженный молніями, и народъ сталъ молиться Ромулу, назвавъ его богомъ *Квиритомъ*. Преданія объ основаніи Рима позднѣйшаго происхожденія. Цѣль ихъ — объяснить разныя имена, обряды и обычаи римлянъ, а также польстить народной гордости: тогда всѣ народы тщеславились своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ троянскихъ героевъ; даже основатели римской имперіи (Юліева династія) производили себя отъ Юла. Въ этихъ преданіяхъ вѣрно только слѣдующее. Римляне — самая юная отрасль латиновъ; у нихъ раньше всѣхъ развилась городская жизнь, вслѣдствіе военныхъ и торговыхъ удобствъ мѣстности; римляне — смѣсь сосѣднихъ, латинскихъ и сабельскихъ, народцевъ; похищеніе сабинокъ — свадебный обрядъ, свойственный неразвитымъ обществамъ; Палатинъ — древнѣйшій поселокъ, отъ котораго долго сохранялись слѣды (квадратная стѣна у подножія холма); Ромулъ убитъ собственною дружиной; латины уже находились тогда въ сношеніяхъ съ греками.

§ 184. **Преданія о первыхъ царяхъ**. Далѣе преданія относятся около $2^1/_2$ вѣковъ (753—509) къ семи царямъ. Послѣ Ромула былъ избранъ сабинъ *Нума Помпилій*. Онъ не походилъ на Ромула. Это — царь миролюбивый и набожный, который со дня рожденія былъ сѣдымъ, т.-е. мудрымъ. Его любили за умъ и простоту жизни, доходившую до бѣдности. Нума предавался размышленіямъ въ лѣсной чащѣ, у одного источника, подлѣ пещеры, гдѣ жила нимфа *Эгерія*, научившая его уму-разуму. Нума просвѣтилъ бродягъ: отмѣнилъ человѣческія жертвы, внушалъ миролюбіе, далъ первые законы. Онъ заимствовалъ гаданія у этрусковъ. Римляне даже называли его основателемъ своей религіи и долго почитали, какъ святыню, щитъ, упавшій

однажды передъ нимъ съ неба и ниспосланный Эгеріей. Этотъ щитъ былъ то же для римлянъ, что̀ палладіумъ для аѳинянъ (§ 128). Ученость Нумы особенно проявилась въ томъ, что онъ далъ римлянамъ календарь и оставилъ много рукописей; впрочемъ этихъ рукописей почему-то боялись: ихъ похоронили вмѣстѣ съ авторомъ, и когда онѣ всплыли при одномъ наводненіи, ихъ сожгли. Послѣ Нумы римляне избрали латина *Тулла Гостилія*, который подражалъ Ромулу. Онъ постоянно воевалъ и даже осмѣлился напасть на главу латинскаго союза—Альбалонгу. Уже сошлись войска альбанцевъ и римлянъ для страшной сѣчи, какъ вдругъ цари согласились рѣшить споръ поединкомъ между тремя воинами съ той и другой стороны. Римляне выставили трехъ братьевъ, *Гораціевъ*, альбанцы — трехъ *Куріаціевъ*. Горація побѣдили—и альбанцы переселились въ Римъ, а ихъ городъ былъ разрушенъ. Затѣмъ Туллъ еще долго воевалъ съ сосѣдями и совсѣмъ забылъ о религіи. За это боги наслали на Римъ каменный дождь, моровую язву и другія бѣдствія; а по лѣсамъ слышались страшные таинственные голоса. Наконецъ явилось грозное божество въ громѣ и молніи и спалило Туллія со всей его семьей и домомъ. Преемникъ его, *Анкъ Марцій*, напоминалъ Нуму; онъ даже былъ его внукомъ. Анкъ возстановилъ религію, устроилъ суды и первую тюрьму въ мрачномъ подземельѣ, сохранившуюся доселѣ: тутъ былъ и застѣнокъ для страшныхъ пытокъ. Анкъ особенно покровительствовалъ промысламъ и торговлѣ. Онъ устроилъ у устьевъ Тибра гавань *Остію*, которая то же значила для Рима, что̀ Пирей для Аѳинъ. Анкъ до того любилъ бѣдняковъ, что простой народъ прозвалъ его *Добрымъ*. Но и ему пришлось воевать съ сосѣдями, которые старались остановить быстрое развитіе Рима. Впрочемъ онъ передалъ ратное дѣло одному витязю, *Тарквинію*, переселившемуся изъ Этруріи и женатому на лукумонкѣ *Танаквилѣ*. Танаквила была колдунья, но добрая и умная. Она участвовала въ правленіи, подавала мужу совѣты и такъ любила народъ, что жертвовала для него даже собственными сыновьями. Анкъ такъ былъ доволенъ Тарквиніемъ, что, умирая, назначилъ его опекуномъ своихъ дѣтей. Но пришлецъ самъ сѣлъ на престолъ, подъ именемъ *Тарквинія I* или *Стараго*.

§ 185. **Династія Тарквиніевъ.** Тарквиній прославился мирными дѣлами. Онъ принесъ съ собою этрусскіе обычаи. Тогда появились въ Римѣ ликторы, курульское кресло, царская тога съ пурпурной каймой. Тарквиній ввелъ и *тріумфъ* — торжественное возвращеніе побѣдителя на колесницѣ, запряженной четверкой бѣлыхъ коней, въ мантіи, вышитой золотыми цвѣтами. Но больше всего прославился Тарквиній полезными сооруженіями. Онъ провелъ много *клоакъ* (подземныхъ канавъ) для осушенія болотъ, стоявшихъ между холмами Рима. Главная клоака сохранилась доселѣ: въ ней 2 саж. вышины



Циркусъ максимусъ.

и болѣе сажени ширины. Городъ расширился и занялъ всѣ семь холмовъ: на одномъ изъ нихъ, *Капитоліи*, построили большой кремль, взамѣнъ палатинскаго, и капитолійскій храмъ трехъ главныхъ божествъ: Юпитера, Юноны и Минервы. Черезъ Тибръ перекинули деревянный мостъ, который укрѣпили на правомъ берегу крѣпостцой на горѣ Яникулѣ. У подножія Капитолія воздвигли первыя общественныя зданія: *форумъ* (рынокъ съ лавками) и *комиціумъ* (мѣсто народной сходки). Здѣсь же былъ поставленъ дворецъ царя и круглый очагъ Весты. Подлѣ Авентина устроили *циркусъ максимусъ*—ристалище, гдѣ ежегодно совершались „римскія игры", вродѣ олимпійскихъ. Во всѣхъ полезныхъ дѣлахъ Тарквинію помогалъ *Сервій Туллій*, именемъ котораго названа *стѣна* вокругъ всего Рима: она тянулась верстъ на 10, состояла изъ большихъ каменныхъ плитъ и была усѣяна башнями и защитами; а за нею шелъ ровъ въ 15 саж. ширины и 5 глубины. Сервій происходилъ отъ сенатора одного латинскаго города, жена котораго была взята въ плѣнъ Тарквиніемъ и отдана въ рабство Танаквилѣ. Чародѣйка полюбила плѣнницу и отдала ее замужъ за бога Вулкана, отъ котораго и родился Сервій. Замѣтивъ негодность собственныхъ сыновей, Танаквила дала даровитому Сервію хорошее образованіе и выдала за него замужъ свою любимую дочь Когда Тарквиній состарѣлся, Сервій началъ заправлять дѣлами и пріобрѣлъ любовь народа: онъ помогалъ бѣднякамъ, выкупилъ много должниковъ и рабовъ. Сыновья Анка Марція задумали уничтожить Сервія. Съ этою цѣлью они убили Тарквинія; но Сервій спасся при помощи Танаквилы. Народъ избралъ его царемъ, а дѣти Анка были изгнаны. Но забыли про негодныхъ сыновей самого Тарквинія, которыхъ Танаквила сама отстранила отъ престола въ пользу талантливаго Сервія. Они ненавидѣли Сервія, правленіе котораго было счастьемъ для народа, думавшаго, что сама Фортуна сходила къ нему съ неба для совѣтовъ. Старшій изъ нихъ, *Луцій*, сталъ наконецъ во главѣ богачей и знатныхъ, ненавидѣвшихъ Сервія за его любовь къ бѣднымъ. Составили заговоръ; Сервія зарѣзали, а Луцій воцарился, подъ именемъ *Тарквинія II Гордаго*. Тарквиній былъ образцомъ деспота. Окруженный тѣлохранителями, онъ угнеталъ не только бѣдныхъ, но и знатныхъ, былъ гнѣвенъ и высокомѣренъ. Тарквиній, его кровожадная жена и порочный сынъ, Секстъ, наводили ужасъ даже на своихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, добрый и умный *Юній*, спасалъ свою жизнь только хитростью: когда Тарквиній погубилъ его отца и братьевъ, онъ притворился дурачкомъ, говорилъ вздоръ, лаялъ пособачьи, такъ что его прозвали *Брутомъ* (Дурачкомъ). Подъ этой личиной онъ могъ толкаться среди народа, который очень любилъ его, а также его друга и родственника, *Коллатина*. Лѣтъ 25 переносилъ народъ иго деспота. Наконецъ

Секстъ довелъ до самоубійства прекрасную женщину, *Лукрецію*, жену Коллатина. Брутъ и Коллатинъ вынесли трупъ Лукреціи на форумъ, причемъ Брутъ сбросилъ маску и сказалъ горячую, умную рѣчь народу. Тотчасъ же выгнали изъ города всѣхъ родственниковъ и друзей Тарквинія и заперли ворота. Сходка рѣшила, что царское достоинство отмѣняется, а Тарквиніи признаются врагами отечества. Это событіе произошло въ 509 году. Такъ кончился первый царскій періодъ римской исторіи. Въ преданіяхъ о немъ вѣрно только слѣдующее. Римъ завоевывалъ окрестныя мелкія общины, приближался къ морю съ торговою цѣлью и заимствовалъ этрусскую культуру: тутъ начало римскаго зодчества. Римъ подвергался внутреннимъ волненіямъ вслѣдствіе борьбы бѣдныхъ съ богатыми. Это повело къ преобразованіямъ Сервія, похожимъ на реформу Солона, жившаго въ то же время. Какъ въ Греціи послѣ Солона, такъ и въ Римѣ послѣ Сервія возникла тиранія. Тарквиній Гордый былъ изгнанъ подобно Пизистратидамъ, и въ одно и то же время (§ 96).

§ 186. **Земледѣліе и семья.** Въ царскій періодъ Римъ былъ крестьянскимъ, мужицкимъ государствомъ. Каждый „римскій гражданинъ“ (civis romanus) или „отецъ семейства“ (pater familias) былъ *земледѣльцемъ*. Онъ жилъ въ своей *виллѣ* (сельской усадьбѣ) — въ мазанкѣ съ высокой соломенной крышей. Въ его атріумѣ сидѣла почтенная „мать семейства“ (matrona) за деревенскою работой. Окруженная служанками и рабынями, она пряла шерсть и обшивала семью. Она выкраивала почти одинаковую одежду, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, именно бѣлую *тунику* — короткую рубаху безъ рукавовъ. Она валяла также для мужа войлочную шляпу съ широкими полями, хотя вообще длинноволосые и бородатые римляне рѣдко покрывали голову. Женщины также ходили большею частью съ непокрытой головой и убирали волоса очень просто. Когда римлянинъ шелъ въ городъ, онъ надѣвалъ верхнюю одежду, *тогу*, или „покрывало“—бѣлый шерстяной плащъ, такой же, какъ у эллиновъ. Тога считалась почетною одеждой, никто не смѣлъ носить ее, кромѣ римскаго гражданина. Римлянинъ рѣдко ходилъ въ городъ, только по праздникамъ, да и то не безъ дѣла: онъ являлся или на базаръ, или на сходку. Все остальное время проводилъ онъ въ полѣ. *Хлѣбопашество* было сильно развито. На заднемъ планѣ стояло огородничество, винодѣліе и разведеніе оливковыхъ деревьевъ. Рогатый скотъ держали только для плуга; но мелкій разводили въ изобиліи, потому что онъ былъ необходимъ, какъ для пищи, такъ и для одежды. Онъ пасся на лугахъ, которые всегда были въ общинномъ владѣніи и считались собственностью государства: за пользованіе ими платили въ казну небольшой налогъ, *скриптуру*. Что же касается полей, то они лишь въ самомъ началѣ находились въ общинномъ владѣніи; частная

собственность состояла лишь изъ рабовъ и скота, вслѣдствіе чего имущество и деньги назывались *pecunia* (pecus — скотъ) или *familia* (рабы) *pecuniaque*. Но вскорѣ земля была раздѣлена на участки, розданные въ полную собственность отцамъ семействъ. Впрочемъ земли все еще было такъ много, что и послѣ раздѣла часть оставалась въ общемъ владѣніи и называлась, вмѣстѣ съ лугами, *ager publicus*, т.-е. общественнымъ (государственнымъ) полемъ. Въ то время замѣна общинной собственности частною не измѣнила земельныхъ отношеній. Римляне очень дорожили землей и боялись не только продавать, но и дробить ее: обыкновенно братья не раздѣлялись, а сообща обрабатывали отцовскій участокъ, а дѣвицъ старались отдавать замужъ за сосѣднихъ родичей, чтобы ихъ приданое не выходило изъ рода. Оттого-то тогда земельные участки обозначались именами не мѣстностей, а людей: напр., fundus Cornelianus, т.-е. „земля Корнеліевичей“. Если даже попадались богачи, у которыхъ были лишнія земли, то они не продавали ихъ, а отдавали въ пользованіе своимъ рабамъ и кліентамъ. Римская *семья* основывалась на строгой родительской власти. Отецъ былъ господиномъ надъ всѣмъ, что находилось въ семьѣ. Матрона пользовалась большимъ почетомъ только потому, что была жена римскаго гражданина, слѣдовательно тоже госпожа. Она даже не марала своихъ барскихъ рукъ о черную работу: молоть муку и стряпать было дѣломъ служанокъ; сама же матрона только надзирала за хозяйствомъ да пряла; прялка—такое же господское орудіе, какъ плугъ. Но передъ лицомъ мужа матрона была такая же собственность, какъ и всякая вещь въ домѣ. Мужъ имѣлъ право прогнать ее, продать въ рабство и даже убить. Умретъ онъ—вдова поступаетъ въ опеку (tutela) къ взрослымъ сыновьямъ, какъ сестра—къ братьямъ. Хотя у женщины и была своя собственность, но она не могла распоряжаться ею, также какъ сумасшедшіе и несовершеннолѣтніе Только дочь могла освободиться отъ власти отца, именно если она выходила замужъ, впрочемъ опять-таки съ согласія отца. Но и тутъ она только мѣняла господина—становилась собственностью мужа, поступала, по тогдашнему выраженію, „въ руки къ мужу“. Но сынъ никогда не могъ освободиться отъ власти отца. Онъ подлежалъ ей съ самаго рожденія. Ребенка клали у ногъ отца, который могъ оттолкнуть его — и тогда малютку выбрасывали или убивали. Отецъ могъ казнить смертью своего сына или продать его въ рабство; и если даже купившій отпускалъ его, онъ все-таки возвращался подъ власть отца. Когда сынъ женится, и отецъ дастъ ему отдѣльное хозяйство, онъ все-таки принадлежитъ отцу, притомъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ, заработаннымъ собственными руками. Однажды мужикъ-отецъ убилъ своего сына, заслуженнаго сенатора—и никто слова не сказалъ.

§ 187. **Рабы и кліенты; роды и куріи.** Кромѣ жены и дѣтей, власти отца семейства подчинялись еще *рабы*, тогда впрочемъ еще немногочисленные. Они состояли изъ плѣнныхъ, преступниковъ и должниковъ. Особенно много было послѣднихъ, потому что въ Римѣ были самые безчеловѣчные долговые законы. Кредиторъ хваталъ несостоятельнаго должника, гдѣ бы онъ ни попался ему, и три раза приводилъ его на рынокъ, крича: „не сжалится ли кто надъ нимъ?“ Если никто не выкупалъ несчастнаго, то кредиторъ бралъ его къ себѣ въ рабы, сажалъ на цѣпь въ мерзкомъ подземельѣ, сѣкъ, тиранилъ его, заставлялъ работать до изнеможенія. Если же кредиторовъ было нѣсколько, то они имѣли право убить своего должника и раздѣлить трупъ между собой. Уже изъ этого примѣра видно, каково было положеніе раба. Господинъ имѣлъ право терзать его, убивать, продавать, сколько угодно; рабъ признавался вещью, а не человѣкомъ. Впрочемъ господинъ могъ отпустить раба на волю: но отпущенникъ всетаки не могъ стать гражданиномъ: онъ обращался въ *кліента*, похожаго на гомерическаго θета (§ 85). Кліентъ — лично свободный человѣкъ; но онъ былъ лишенъ „правъ римскаго гражданства“; у него не было имущества, земли; ему нечего было ѣсть. Поэтому онъ просилъ у какого-нибудь „отца семейства“ землицы. Тотъ давалъ ему маленькій участокъ, но съ тѣмъ чтобы онъ вошелъ въ его семью, принялъ его фамилію и давалъ ему денегъ, сколько ни потребуютъ. Кліентъ становился „слугою“ (слово кліентъ происходитъ отъ глагола „слушать“) своего покровителя, или *патрона* *). На войнѣ онъ былъ его оруженосцемъ, въ мирное время долженъ былъ „всегда находиться при немъ и быть ласковымъ“. Если кліентъ умиралъ безъ наслѣдниковъ, имущество его переходило къ патрону,—конечно, движимое, потому что уступленная ему земля всегда принадлежала патрону, который могъ прогнать съ нея кліента, когда хотѣлъ. Впрочемъ, такъ какъ кліентъ входилъ въ семью патрона и даже носилъ его родовое имя, то здѣсь были почти родственныя отношенія, которыя назывались pietas (преданностью) и были освящены религіей и общественнымъ мнѣніемъ. Патронъ заботился о своемъ кліентѣ, какъ о сынѣ, помогалъ ему словомъ и дѣломъ, хлопоталъ за него въ судѣ, выручалъ его изъ бѣды. Патронъ и кліентъ не могли судиться и свидѣтельствовать другъ противъ друга. Кромѣ отпущенниковъ, въ кліенты поступали всѣ бѣдные, безземельные *неграждане*: „гости“, или чужестранцы, покоренные, у которыхъ римляне отняли всю землю, и др. Кліентство играло важную роль въ римской исторіи: оно спасло государство отъ городскаго, самаго опаснаго, нищенства и способствовало колонизаціи; колоніи образовывались обыкновенно

*) Слово *патронъ* значитъ „почетный отецъ“, какъ *матрона* — женщина, почитаемая, какъ мать.

изъ кліентовъ, т.-е. изъ опытныхъ земледѣльцевъ. Управленіе римскаго государства было основано на родовомъ бытѣ. Первоначально 10 семействъ, носившихъ одну фамилію (Марковичи отъ Марка и т. д.), составляли *родъ* (gens), у котораго было свое поле съ кладбищемъ, свои пенаты и праздники. Родичи собирались на свои совѣты и совершали кровавую месть. Семья выставляла вооруженнаго пѣхотинца, родъ — всадника и сенатора. Весь родъ наслѣдовалъ родичу, не оставившему ни дѣтей, ни завѣщанія. Римскимъ гражданиномъ считался лишь тотъ, кто принадлежалъ къ одному изъ родовъ. Только онъ былъ истиннымъ „отцомъ“ или „сыномъ отца“. Поэтому римляне называли себя то *patres*, то *patricii* Первоначально въ Римѣ было всего 100 родовъ; но когда въ него переселились сабины и латины, тогда каждый изъ трехъ народцевъ составилъ *трибу*, или „часть“ цѣлаго гражданства, по 100 родовъ въ каждой. 10 родовъ составляли *курію* или „попечительство“. У куріи также были свои святыни, свой жрецъ, свои праздники. Она собирала подати и солдатъ. Курій было 30. Когда дѣло касалось всего римскаго государства, онѣ собирались на сходку, или *комиціумъ*, подлѣ форума. Куріатныя комиціи, на которыхъ дѣла рѣшались большинствомъ курій, а не поголовной подачей голосовъ, пользовались большою властью. Онѣ избирали царя, который самъ не издавалъ законовъ, а только предлагалъ на утвержденіе сходки *рогацію*, или „просьбу“ объ изданіи закона. Сходка же назначала „междуцаря“ (interrex), когда одинъ царь умиралъ, а другого еще не успѣвали выбрать. Она могла отмѣнить смертный приговоръ царя, если осужденный обращался къ ней за помилованіемъ. Она рѣшала также вопросъ о войнѣ и мирѣ. Слѣдовательно почти вся верховная власть принадлежала куріатнымъ комиціямъ.

§ 188. **Царь и сенатъ; плебеи.** Но много власти было и у *царя*, который одинъ составлялъ все правительство. Онъ только назначалъ себѣ помощниковъ на судѣ, *квесторовъ*, и оставлялъ *префекта города* (или „второго себя“, Alter Ego), когда удалялся изъ Рима. Но онъ могъ и не назначать ихъ: это были какъ бы его частные секретари, наемные помощники, а не чиновники, безъ которыхъ онъ не смѣлъ бы обходиться. Въ немъ одномъ сливались всѣ государственныя должности: оттого онъ и назывался *rex*, т.-е. „вождь“ народа, руководитель (отсюда „директоръ“). У его жилища горѣлъ огонь Весты и помѣщалась казна. Царь былъ главой религіи: онъ совершалъ жертвы и гаданія за народъ, и ему были подчинены жрецы. Царь былъ единственнымъ судьей и полководцемъ: лишь по своему желанію онъ назначалъ въ помощь себѣ *трибуновъ*, или начальниковъ „частей“ войска. Царь былъ даже полиціймейстеромъ и присутствовалъ при пожарахъ. Доходы царя были огромны. Въ его

пользу шли всякія пошлины и плата за пользованіе общественнымъ полемъ. Онъ могъ заставить каждаго гражданина работать на своихъ обширныхъ земляхъ. Онъ же безотчетно распоряжался *эраріумомъ* (казной, отъ aes — деньги) и *трибутомъ* — налогомъ, который собирали со всѣхъ гражданъ въ случаѣ войны и потомъ возвращали. Такимъ образомъ вся правительственная власть, или *imperium* принадлежала царю. Этому соотвѣтствовали *инсигніи*, или внѣшніе знаки царскаго достоинства. Царь сидѣлъ на курульскомъ креслѣ, съ посохомъ изъ слоновой кости, украшеннымъ орломъ наверху, въ золотомъ вѣнкѣ, нарумяненный, какъ статуя Юпитера, при которой всегда изображался орелъ. За царемъ слѣдовали 24 ликтора съ розгами и сѣкирой, какъ знакъ, что онъ можетъ наказывать гражданъ. Но власть царя была ограниченнѣе власти гомерическаго базилевса (§ 85): онъ былъ избирательнымъ; сходка имѣла болѣе правъ, чѣмъ агора; имѣлъ значеніе и *сенатъ*, въ которомъ было по одному „старику“, или сенатору отъ каждаго рода. Сенаторы носили тогу съ пурпурною каймой и красивые башмаки, какъ у царя; они были пожизненны; царь не могъ предпринять ничего важнаго безъ совѣщанія съ ними. Впрочемъ царь назначалъ ихъ и созывалъ на совѣщаніе, когда хотѣлъ. Римскихъ гражданъ, или патриціевъ, которые соотвѣтствовали эвпатридамъ (§ 91), было немного, и число ихъ уменьшалось отъ постоянныхъ войнъ. Но въ Римѣ было много негражданъ, называвшихся *плебсомъ*, т.-е. „множествомъ, толпой“, и соотвѣтствовавшихъ аѳинскому „демосу“. Тутъ были не только бѣдняки, но и богачи, даже знать, только не туземная, а пришлая. Плебсъ, напоминающій періэковъ Лаконіи (§ 86), составляли прежде всего покоренные латины, затѣмъ „гости“ (переселенцы) и отпущенники. Конечно, здѣсь болыпе всего было бѣдняковъ; но плебеи могли торговать, заниматься промыслами, богатѣть. Ихъ защищалъ самъ царь, который опирался на нихъ, опасаясь силы патриціевъ: они иногда назывались „кліентами царя“. Плебеи даже не несли военной службы. Они только давали постоянную подать, изъ которой составлялся эраріумъ, и должны были обрабатывать земли царя. При всемъ томъ положеніе плебеевъ было тяжело и обидно, потому что они были лишены правъ римскаго гражданства, не могли участвовать на сходкѣ и въ общественномъ богослуженіи. Патриціи презирали плебеевъ, гнушались сообщества съ ними и лишали ихъ права „коннубіума“ — права брачиться съ патриціями. А между тѣмъ число плебеевъ постоянно увеличивалось. Они богатѣли и приносили много пользы государству. Римъ не могъ обходиться безъ нихъ. Странно было считать плебеевъ не гражданами, а какими-то безправными иностранцами. Нужно было уравнять ихъ въ правахъ съ патриціями. По преданію, Анкъ Добрый первый далъ организацію плебсу, поселивъ его на *Авентинѣ*. Съ тѣхъ поръ

плебеи собирались на собственныя сходки и выбирали собственныхъ судей или чиновниковъ, которые назывались *эдилами*. Но первый шагъ къ уравненію плебеевъ въ правахъ съ патриціями былъ сдѣланъ Сервіемъ Тулліемъ.

§ 189. **Реформа Сервія Туллія.** Первоначально и право, и обязанности (военная служба) принадлежали только членамъ патриціанскихъ родовъ, т.-е. основывались на *происхожденіи* лица. Сервій же распредѣлилъ ихъ между всѣми жителями римскаго государства (какъ между патриціями, такъ и между плебеями) по *имуществу*. Для этого онъ раздѣлилъ народъ на пять *классовъ*, или „призывовъ". Къ I классу причислялись имѣющіе не менѣе 100 т. ассовъ *), ко II—75 т., къ III—50 т., къ IV—25 т., къ V—$12^1/_2$ т. Къ классамъ примѣнено было военное устройство. Каждый классъ долженъ былъ дать извѣстное число воиновъ, дѣлившихся на *центуріи*, „сотни". I кл. давалъ 80 центурій лучшихъ, или „тяжеловооруженныхъ" солдатъ, закованныхъ въ латы и снабженныхъ длиннымъ копьемъ, короткимъ мечемъ, круглымъ щитомъ и шлемомъ—все мѣдное; сверхъ того, онъ доставлялъ 18 центурій всадниковъ. II, III и IV кл. давали по 20 центурій, V—30. Эта часть войска называлась „легковооруженными": здѣсь не было латъ, а у иныхъ почти никакого оружія, кромѣ пращи. Но въ Римѣ было еще много бѣдняковъ, или *пролетаріевъ* („дѣтородцевъ"), которые не имѣли и $12^1/_2$ т. ассовъ. Они составили добавочный, VI, классъ. Съ нихъ брали всего 5 центурій, изъ которыхъ составлялись роты рабочихъ и музыкантовъ. Такимъ образомъ всего войска было 193 сотни или около 20 т. Оно раздѣлялось на „старшихъ" (seniores), 46—60 л., и „младшихъ" (juniores), 17—46 л. Первые служили дома, вторые выходили въ поле. Оцѣнка имущества, *цензъ*, производилась легко, потому что подъ имуществомъ понимали землю. Съ этою цѣлью черезъ каждые четыре года (lustrum) производился кадастръ (имущественная перепись), причемъ каждый былъ обязанъ сказать, какія у него семья и имущество; за ложную сказку подвергались большимъ штрафамъ и даже смертной казни. Такъ какъ землею владѣли тогда больше патриціи, а у плебеевъ были только маленькіе участки, то I классъ составился почти изъ однихъ старыхъ „гражданъ". Реформа Сервія отличалась справедливостью: кто былъ богаче, тотъ несъ больше тяжестей. Патриціи давали и больше податей, и больше солдатъ которые притомъ были хорошо вооружены и содержались на собственный счетъ. Но еще важнѣе, что теперь плебеи сравнивались съ патриціями. Во всякой центуріи были и тѣ, и другіе; богатый плебей попадалъ въ I кл., бѣдный патрицій—въ послѣдній; плебей могъ дослужиться до военнаго трибуна или центуріона (сотника), а эти

*) *Ассъ* („мѣдь") былъ въ Римѣ ходячей монетой; онъ равнялся 3 коп.

чины засѣдали въ сенатѣ. Плебеи получили даже участіе въ правительствѣ, потому что Сервій велѣлъ собираться центуріямъ на особую *центуріатную сходку*, которая рѣшала вопросъ о войнѣ и мирѣ. Къ этой сходкѣ перешла часть верховной власти отъ куріатныхъ комицій. Наконецъ, чтобы еще болѣе уравнять въ правахъ плебеевъ съ патриціями, Сервій позволилъ первымъ имѣть свои собственныя, плебейскія сходки, точно такъ же, какъ патриціи имѣли свои куріатныя комиціи. Онъ назвалъ плебейскія сходки *трибутными*, потому что тогда же раздѣлилъ плебеевъ на 30 трибъ, чтобы удобнѣе было имъ распоряжаться своими дѣлами; на этихъ сходкахъ выбирались плебеями свои эдилы и трибуны. Словомъ, плебсъ получилъ такъ много выгодъ, что Сервій, опасаясь ненависти патриціевъ, предоставилъ имъ преобладаніе въ центуріатной сходкѣ, опредѣливъ, чтобы здѣсь голоса подавали не поголовно, а по центуріямъ: дѣло рѣшалъ I классъ, у котораго было больше половины голосовъ (98 изъ 193). И все-таки Сервій погибъ отъ заговора патриціевъ.

§ 190. **Культура царскаго періода.** Въ царскій періодъ римляне оказались хорошими политиками и юристами (правовѣдами). Они уже выработали раздѣленіе *права* на *государственное и частное:* къ первому относили уголовныя преступленія, за которыя полагалась смертная казнь, и царь самъ подымалъ уголовныя дѣла; частныя же дѣла судились только по жалобѣ потерпѣвшей личности, и тутъ виновный подвергался только штрафу или тѣлесному наказанію. Въ остальномъ быту царскій періодъ представляетъ мало развитія. Матеріальная культура заключалась въ одномъ земледѣліи; промыслы, даже оружейное дѣло, принадлежали грекамъ и этрускамъ. Еще господствовалъ *бронзовый* вѣкъ. Идеальная культура была въ зародышѣ. Сущность религіи мало развилась. Собственныхъ боговъ у римлянъ не было, кромѣ сухихъ понятій, возведенныхъ въ божества: *Беллона* (война), *Ювентусъ* (юность), *Конкордія* (согласіе), *Квиринусъ* (копьевщикъ, военное дѣло). Остальные боги были заимствованы сначала у другихъ италиковъ, потомъ у грековъ: таковы Янусъ, Марсъ, Юпитеръ съ Юноной (Зевсъ, Гера), Діана (Артемида), Минерва (Аѳина), Меркурій (Гермесъ), Вулканъ (Плутонъ), Нептунъ (Посейдонъ), Венера (Афродита), Аполлонъ, Геркулесъ и др. Изъ нихъ верховными божествами стали *Юпитеръ*, богъ неба, грома и побѣдъ, и *Марсъ* въ качествѣ бога войны. Въ честь Марса первымъ мѣсяцемъ сталъ мартъ, а 1-е марта Новымъ Годомъ. При бѣдности внутренняго содержанія религіи, у римлянъ была очень развита внѣшняя сторона—обѣты, обряды и гаданія, причемъ возникли храмы и изображенія божествъ. Оттого появилось множество жрецовъ и жрицъ. Кромѣ весталокъ, понтифексовъ и авгуровъ (§ 181), важны были *фламины*, или „возжигатели“ жертвъ и *саліи*, или „прыгуны“, которые совер-

шали священную пляску въ честь Марса. Но главными жрецами оставались *понтифексы:* они участвовали во всѣхъ обѣтахъ, договорахъ, бракахъ, завѣщаніяхъ, а также слѣдили за исполненіемъ религіозныхъ правилъ. Понтифексы называли свою науку „знаніемъ всего божескаго и человѣческаго", потому что все исходило отъ нихъ: обрядовыя правила, законы, лѣтописи. Оттого pontifex maximus имѣлъ большое вліяніе на политику, и важнѣйшія лица въ государствѣ добивались этой должности. Кромѣ жрецовъ, римляне почитали всякихъ знахарей, и итальянскихъ (Сивиллы), и греческихъ (дельфійскій оракулъ). Строго предписывалось исполненіе обрядовъ и соблюденіе праздниковъ, такъ что религія составляла часть правительства: такая религія называется *государственною.* Письменность только начиналась. Азбука (финикійская, но въ греческой передѣлкѣ) явилась въ Лаціумѣ задолго до основанія Рима, когда еще писали отъ правой руки къ лѣвой. Въ царскомъ періодѣ встрѣчается нѣсколько памятниковъ письменности. На первомъ планѣ стоятъ *священныя книги* и *лѣтописи*, которыя вели понтифексы. Затѣмъ были нѣкоторые законы и договоры съ иностранными государствами. Но вся эта письменность исчезла главнымъ образомъ при нашествіи галловъ. У разсудочныхъ, суровыхъ римлянъ не было поэтическихъ стремленій. Они цѣнили только *пляску*, отчасти священную, во всеоружіи, отчасти комическую, праздничную, съ маскарадомъ, изображавшимъ козловъ и овецъ; плясали подъ плохія костяныя *флейты.* Поэзія состояла изъ безсмысленныхъ заклинаній, надгробныхъ причитаній, былинъ о царяхъ, да „пѣсенъ о предкахъ", пѣтыхъ мальчиками на пирахъ. На будущую драму намекали маскарады сатировъ („сытыхъ"), сопровождаемые грязными шутками и смѣшными пѣснями. Итакъ въ царскомъ періодѣ римляне лишь заимствовали культуру другихъ, да и ту искажали. Такъ они переняли даже олимпійскія игры; но ихъ *римскія игры* на circus maximus были пародіей эллинскихъ: это была забава зрителей, потѣшаемыхъ комедіантами, а не всенародная оцѣнка воспитанія. Да въ Римѣ и не было никакого *воспитанія.* Мальчика (про дѣвочку и говорить нечего) ничему не учили, даже и гимнастикѣ. Онъ всюду слѣдовалъ за отцемъ — въ поле, въ гости, на сходку: вотъ и все его воспитаніе. Этимъ способомъ онъ пріобрѣталъ главныя римскія добродѣтели: *virtus* — мужество и непреклонную волю (отъ vir — мужъ), *gravitas* — важность, серьезность, въ особенности же *pietas* — преданность богамъ, отечеству и обычаямъ. Римлянинъ смолоду понималъ, что самъ по себѣ онъ — ничто: онъ лишь слуга отечества. Здѣсь человѣкъ принадлежалъ, какъ въ Спартѣ, не себѣ, а государству (§ 89).

II. Патриціи и плебеи 509 — 340.

§ 191. **Учрежденіе республики.** Во второмъ періодѣ римской исторіи не было важныхъ войнъ. Сами римляне не нападали на сосѣдей, да и защищались плохо. Ихъ владѣнія даже уменьшились. Римъ былъ занятъ внутренними дѣлами, борьбой патриціевъ съ плебеями. Прежде всего нужно было установить новое правленіе послѣ изгнанія Тарквинія. Римляне отмѣнили царскую власть и, по примѣру эллиновъ, ввели *республику*. Президентами республики были сдѣланы два *консула*, или „сотоварища“, по имени которыхъ назывался годъ. Консулы были похожи на царей, но съ ограниченной властью. Они сидѣли на курульскихъ престолахъ, но тога у нихъ была обыкновенная, бѣлая, только съ пурпурной каймой. У каждаго изъ нихъ было только по 12 ликторовъ. Притомъ въ городѣ ликторы вынимали сѣкиру изъ пука розогъ—знакъ, что консулъ всегда *долженъ* былъ дозволять осужденному на смерть аппелировать („взывать“) къ народу о помилованіи. Только за городомъ, гдѣ собирались войска, которымъ запретили теперь стоять въ самомъ Римѣ, ликторы носили сѣкиру, т.-е. у консула была полная власть (imperium). Но главное ограниченіе консульской власти состояло въ томъ, что консуловъ избирали только *на годъ*, и они должны были, выходя въ отставку, давать отчетъ въ своей службѣ народу, который могъ даже присудить ихъ къ смерти. Впрочемъ римляне такъ дорожили историческими воспоминаніями, что оставили на Капитоліи статуи всѣхъ царей, не исключая Тарквинія Гордаго, и удержали титулъ царя. Назначили особаго пожизненнаго чиновника, который назывался „жертвеннымъ *царемъ*“; онъ не имѣлъ никакой власти и только присутствовалъ при всенародныхъ жертвахъ, которыя совершали консулы. Римляне удержали даже сущность царской власти въ лицѣ *диктатора*, или „повелителя“. Это былъ настоящій царь, со всѣми его инсигніями, но его назначали только на полгода и лишь въ случаѣ крайней опасности, когда требовался опытный полководецъ. Назначалъ его одинъ изъ консуловъ, среди полной тишины и религіозныхъ церемоній. Сенатъ пріобрѣлъ больше значенія, чѣмъ при царяхъ: консулы вступали въ него по окончаніи своей службы; сенатъ, какъ пожизненный, былъ прочнѣе ихъ, представляя единство и преданія государства; онъ же приказывалъ консуламъ избирать диктатора. Составъ сената измѣнился въ пользу плебеевъ: первые консулы, любимцы народа, *Брутъ* и *Коллатинъ*, назначили въ сенаторы половину плебеевъ, которыхъ гордые патриціи называли „приписными“ къ „отцамъ“ (patres conscripti). Плебеи получили выгоды и на сходкахъ: теперь всѣ верховныя права, не исключая избра-

нія консуловъ, перешли *отъ куріатныхъ комицій къ центуріатнымъ*.

§ 192. **Господство патриціевъ.** Учрежденіе республики было благопріятно плебеямъ, и тогда они жили дружно съ патриціями. Всѣ римляне заодно отстаивали свое государство отъ нападеній многочисленныхъ враговъ, во главѣ которыхъ стояли сильные и богатые этруски. Эта тяжелая борьба изукрашена въ преданіяхъ римлянъ сказками о подвигахъ ихъ героевъ, *Горація Коклеса* (Криваго) и *Муція Сцеволы* (Лѣвши). Но на дѣлѣ этруски, которые владѣли тогда Корсикой и Кампаніей и были въ союзѣ съ Карѳагеномъ, нанесли много пораженій римлянамъ и однажды разграбили самый Римъ. Они были отражены, когда Риму помогли латины и кампанскіе греки. Затѣмъ римляне выдержали тяжелую борьбу съ латинскимъ союзомъ и заключили съ нимъ „вѣчный миръ“ на равныхъ правахъ. Пока опасности угрожали Риму, патриціи соблюдали законы 509 года. Но какъ только враги успокоились, они стали возвращать себѣ древнія привилегіи и сдѣлались высокомѣрными. Такъ какъ центуріатная сходка выбирала *магистратовъ* (должностныя лица) только изъ списка кандидатовъ, представляемаго сенатомъ, то вся *администрація* (правительство), а также судебная власть, перешли въ руки патриціевъ. Вскорѣ сенатъ былъ очищенъ отъ плебейства, такъ какъ консулы, имѣвшіе право черезъ каждыя 5 лѣтъ, „исправлять списки сенаторовъ“, вычеркивали имена плебеевъ и замѣняли ихъ именами патриціевъ. Такъ сенатъ сталъ гнѣздомъ патриціата, и въ немъ сосредоточилась верховная власть. Годичный консулатъ не имѣлъ значенія при пожизненномъ сенаторствѣ. Консулы угождали сенаторамъ; а квесторамъ (§ 188), которые превратились въ казначеевъ, было запрещено выдавать деньги безъ разрѣшенія сената, кому бы то ни было, не исключая диктатора. Даже законодательная власть перешла къ сенату: онъ сталъ предлагать свои „сенатусъ-консульты“ (рѣшенія) центуріатной сходкѣ, которая не смѣла обсуждать ихъ, а только утверждала. Но патриціи не довольствовались даже такою властью. Въ соціальномъ отношеніи плебеямъ было еще тяжелѣе, чѣмъ въ политическомъ. Патриціи были единственными капиталистами (денежными людьми), такъ какъ теперь они одни владѣли общественнымъ полемъ, за которое почти ничего не платили въ казну, а купеческаго сословія не было подлѣ землевладѣльцевъ. Кромѣ того у патриціевъ было множество кліентовъ и рабовъ, которыхъ не брали на войну; плебей же самъ шелъ въ походъ, а его маленькое поле оставалось безъ обработки. Сверхъ того постоянныя войны требовали безконечныхъ издержекъ, а казна была почти пуста, потому что патриціи плохо платили за общественное поле, и консулы не смѣли взыскивать съ нихъ; оттого все увеличивалась подать

на войну, которая ложилась на плебеевъ. Такимъ образомъ бѣдные плебеи доходили до голода. Они принуждены были занимать деньги, которыя водились только у патриціевъ. Патрицій не щадилъ своего должника: онъ отдавалъ деньги за безбожные проценты (до 50%) и только на годъ. Плебей не могъ уплатить долга въ срокъ — и патрицій обращалъ его со всѣмъ семействомъ въ рабство. Несчастнаго заставляли работать до изнеможенія, постоянно подстегивая его кнутомъ; а ночью его запирали въ „эргастулъ“ — смрадный подвалъ и ѣковывали цѣпями по ногамъ, рукамъ и шеѣ. Въ этихъ подвалахъ томились нерѣдко весьма почтенныя личности: тутъ были и доблестные защитники отечества, и даже полководцы.

§ 193. **Священная Гора и народный трибунъ.** Плебеи обратились въ рабовъ патриціевъ и голодали. Очень терпѣливые и послушные властямъ, они молча переносили бѣдствія и не думали возставать. Но патриціи зашли слишкомъ далеко въ своихъ угнетеніяхъ, особенно когда они усилились отъ переселенія къ нимъ знатнаго сабинскаго рода *Клавдіевъ* съ 5,000 кліентовъ Въ 494 г. патриціи выбрали въ консулы *Аппія Клавдія* — кровопійцу, который наслаждался страданіями народа. Въ отвѣтъ на это плебеи отказались повиноваться, когда имъ велѣли идти въ походъ. Патриціи притворились, будто желаютъ помириться съ ними, и наобѣщали имъ много льготъ. Плебеи повѣрили, двинулись въ походъ и разбили непріятеля. Но патриціи обманули ихъ и начали угнетать должниковъ больше прежняго. Плебеи вышли изъ терпѣнія; но они не хотѣли бунтовать, бить патриціевъ, грабить ихъ имѣнія. Они произвели мирную революцію— прогнали патриціанскихъ полководцевъ, развернули знамена и ушли изъ Рима. Верстахъ въ 7 отъ города былъ холмъ, названный тогда *Священною Горой*. Здѣсь плебеи рѣшились поселиться и начали возводить стѣны новаго города. Римъ опустѣлъ. Патриціи испугались нападенія враговъ и послали любимцевъ народа просить плебеевъ возвратиться, обѣщая имъ большія облегченія. Плебеи возвратились, и имъ была сдѣлана важная уступка: имъ дозволили выбирать въ трибахъ на годъ своихъ защитниковъ, или *народныхъ трибуновъ* (плебейскихъ), которыхъ сначала было 2, потомъ 10. Трибунъ не былъ чиновникомъ; поэтому у него не было внѣшнихъ отличій власти, и онъ не смѣлъ показаться на центуріатной сходкѣ, которою руководили консулы. Въ сенатѣ сидѣлъ онъ отдѣльно и даже съ позоромъ—у порога, на простой скамьѣ, а не въ курульскомъ креслѣ. Здѣсь онъ не долженъ былъ говорить ничего, кромѣ одного слова: если трибунъ замѣтитъ, что сенаторы принимаютъ вредную для плебеевъ мѣру, онъ восклицаетъ *veto!* (запрещаю)—и мѣра отмѣняется. Точно также онъ могъ своимъ veto остановить всякое приказаніе консуловъ. Если же его не послушаются, онъ приказываетъ плебеямъ не платить пода-

тей и не ходить на войну; нето онъ имѣлъ право призвать къ себѣ на судъ, кого угодно, не исключая консула, и осудить даже на смертную казнь. Трибунъ созывалъ трибутныя комиціи, гдѣ плебеи разсуждали о всѣхъ государственныхъ вопросахъ и дѣлали свои постановленія, *плебесциты*, которые получили такое же значеніе, какъ прежде сенатусъ-консульты. Личность трибуна была объявлена „священною". Кто тронетъ его, тотъ становится „проклятымъ"; и его всякій могъ убить, а имущество его взять себѣ. Плебейскіе эдилы, которыхъ избирали въ трибахъ въ одно время съ трибунами, стали помощниками послѣднихъ, ихъ секретарями, казначеями и полицейскими. У трибуна была почти царская власть, но съ слѣдующими ограниченіями. 1) Трибунъ не начальствовалъ войсками; а такъ какъ армія всегда стояла за городомъ, то власть трибуна не могла распространяться дальше городскихъ стѣнъ; даже былъ законъ, чтобы трибунъ ни на минуту не смѣлъ отлучаться изъ Рима. Сверхъ того двери его дома должны были стоять открытыми день и ночь, чтобы плебеи всегда могли придти пожаловаться ему на беззаконія патриціевъ. 2) Трибунъ могъ только говорить veto, вообще препятствовать исполненію правительственныхъ распоряженій; но самъ не могъ распоряжаться, приказывать, какъ лицо вовсе не правительственное. Притомъ рѣшеніе трибуновъ имѣло силу лишь при единогласіи: одно „нѣтъ" перевѣшивало девять „да".

§ 194. **Борьба между патриціями и плебеями: а) аграрные законы.** Теперь плебеи могли бороться съ патриціями. Они съ своими трибунами, а патриціи съ своими консулами и диктаторами стали какъ бы двумя государствами, которыя не могли жить дружно. Правительство и всѣ должности еще оставались въ рукахъ патриціевъ; судили все еще они, и какъ хотѣли, потому что писанныхъ законовъ не было. Богатство все еще было у нихъ, такъ какъ они продолжали нераздѣльно владѣть общественнымъ полемъ. Плебеи не получили ничего, кромѣ защитниковъ, да и тѣхъ патриціи старались уничтожить. Оттого теперь началась упорная *борьба плебеевъ съ патриціями за уравненіе правъ*, которая длилась около 200 лѣтъ, пока плебеи не достигли своего. Они требовали: 1) соціальнаго равенства, т.-е. пользованія общественнымъ полемъ, и брачнаго права (jus connubii); 2) политическаго равенства, т.-е. равнаго съ патриціями участія во власти, или доступа къ магистратурѣ. Эта борьба покрываетъ мрачнымъ оттѣнкомъ исторію Рима, особенно въ первой половинѣ 5 в., когда исторія Греціи представляла, напротивъ, свѣтлую картину. Она измучила и ослабила Римъ, чѣмъ, конечно, пользовались воинственные сосѣди. Въ Римѣ нельзя было дня прожить спокойно. Трибуны останавливали сборъ войска и денегъ и учиняли судъ надъ чиновниками, которые иногда даже подвергались уличнымъ оскорбленіямъ.

Плебеи то не шли въ походъ, то давали побить себя врагу, чтобы лишить тріумфа патриціанскихъ полководцевъ. А патриціи прибѣгали ко всякаго рода кознямъ и насиліямъ, иногда даже къ ножу тайнаго убійцы. Они назначали свирѣпыхъ диктаторовъ или уходили за городъ, куда не достигала власть трибуновъ, и опустошали тамъ поля и усадьбы плебеевъ. Они даже не стыдились соединяться съ врагами отечества. Не разъ дѣло доходило до кровавыхъ схватокъ на улицѣ между плебеями и патриціями. Много богатыхъ семействъ выселилось изъ Рима на чужбину, чтобы укрыться отъ тревогъ. Впрочемъ все это были мелкіе безпорядки. Большихъ волненій, междоусобныхъ войнъ не было. Если припомнить ужасы борьбы аристократовъ съ демократами въ Элладѣ, то можно сказать, что борьба плебеевъ съ патриціями была мирная. Она началась съ *аграрныхъ* (полевыхъ) *законовъ* (leges agrariae). Лѣтъ 10 спустя послѣ отшествія народа на Священную Гору, среди патриціевъ явился первый римскій государственный человѣкъ, консулъ *Спурій Кассій*. Понявъ, что патриціямъ же будетъ дурно, если голодные плебеи возстанутъ, онъ провелъ законъ о томъ, чтобы раздѣлить часть общественнаго поля между бѣдными плебеями. Патриціи не имѣли права отстранить законъ; но они рѣшились не исполнять его, а Кассія примѣрно наказать за измѣну. По истеченіи срока службы Кассія они обвинили его въ стремленіи къ царскому вѣнцу и сбросили съ Тарпейской скалы. Имѣніе Кассія было отобрано въ казну, а домъ его разрушенъ, и на этомъ мѣстѣ запрещено было строиться. Но трибуновъ не устрашила участь Кассія. Они 10 л. требовали исполненія его закона, хотя напрасно. Наконецъ трибунъ *Генуцій* призвалъ къ себѣ на судъ консуловъ за неисполненіе аграрнаго закона; но наканунѣ суда, ночью, его нашли зарѣзаннымъ въ собственномъ домѣ. Съ тѣхъ поръ рѣчь о полевыхъ законахъ затихла на цѣлое столѣтіе.

§ 195. **б) Писанные законы. Децемвиры. Валерій и Горацій.** Борьба плебеевъ съ патриціями достигла крайнихъ предѣловъ. Патриціи дошли до неистовства: они даже хватали и били трибуновъ и разстраивали своимъ шумомъ трибутныя сходки; въ крайнихъ случаяхъ уходили къ сосѣднимъ врагамъ и приводили ихъ въ Римъ. Одно время въ самомъ Капитоліи сидѣла шайка сабиновъ и головорѣзовъ изъ молодыхъ патриціевъ. Плебеи утвердились на своемъ Авентинѣ — и Авентинъ боролся съ Капитоліемъ, какъ два враждебныхъ государства. Поля были запущены или опустошены; моровая язва свирѣпствовала по всѣмъ трибамъ. Были назначены дни покаянія и молитвъ. Женщины съ распущенными волосами ходили по городу и съ воплями простирались передъ статуями боговъ. Тогда-то выступилъ трибунъ *Терентилій Гарса* съ закономъ объ избраніи плебейской коммиссіи для написанія законовъ. Такъ какъ это значило опре-

дѣлить, т.-е. ограничить власть консуловъ, то патриціи возстали, какъ одинъ человѣкъ, и боролись 10 л. Но плебеи каждый годъ выбирали однихъ и тѣхъ же стойкихъ трибуновъ и останавливали сборъ денегъ и войскъ. Патриціи принуждены были уступить. Въ 450 г. они выбрали изъ своей среды *децемвировъ* („десять мужей"), послали ихъ въ Великую Грецію и въ Аѳины изучить тамошніе законы и потомъ поручили имъ написать законы для Рима. Децемвирамъ дали консульскую власть и отмѣнили всѣ должности на этотъ годъ. Въ Римѣ настала тишина — и къ концу года на форумѣ появились XII мѣдныхъ *таблицъ* съ законами. Основа этихъ законовъ, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ,—обычное право, бывшее тогда въ Римѣ. Слѣдовательно они узаконяли права патриціевъ и вовсе не касались аграрнаго вопроса. Но плебеи были довольны, такъ какъ всякій законъ лучше беззаконія. Притомъ въ таблицахъ не было различія между патриціями и плебеями и даже прямо запрещались „привилегіи", или законы въ пользу частныхъ лицъ (privatus — частный, личный; lex — законъ). Слѣдовательно таблицы доставили плебеямъ *гражданское равенство*, т.-е. равенство съ патриціями передъ закономъ. Но тотчасъ же оказалось, какъ мало законы обезпечивали положеніе плебеевъ. Патриціи вздумали воспользоваться децемвиратомъ, чтобы устранить трибунатъ. Подъ ихъ вліяніемъ, децемвиры не слагали своей власти и начали угнетать народъ съ помощью отчаянной и развратной патриціанской молодежи. Плебеи *второй разъ* ушли *на Священную Гору* — и патриціи снова должны были уступить. Въ консулы были выбраны любимцы народа, *Валерій* и *Горацій*, а децемвировъ низложили. Новые консулы издали добавленія къ XII таблицамъ, выгодныя для плебеевъ. Трибуны получили совѣщательный голосъ въ сенатѣ; а чтобы патриціи не дѣлали подлоговъ, плебейскимъ эдиламъ поручили храненіе сенатусъ-консультовъ, помѣченныхъ подписью трибуна. Трибутныя комиціи пріобрѣли значеніе выше центуріатныхъ: ихъ плебисциты стали уже по закону всенародными постановленіями; имъ передали консульское право выбирать квесторовъ, хотя только изъ патриціевъ. Съ этихъ поръ даже патриціи стали посѣщать трибутныя сходки, въ которыхъ сосредоточилось законодательство, т.-е. дальнѣйшее внутреннее развитіе Рима. Законодательство Валерія и Горація такъ обезпечило трибунатъ, что съ тѣхъ поръ уже не было попытокъ къ его ниспроверженію. Оно такъ возвысило плебеевъ, что было немыслимо дальнѣйшее неравенство между ними и патриціями въ соціальномъ и политическомъ отношеніи. Борьба закипѣла снова, но уже мирная, безъ насилій, похожая на борьбу партій въ конституціонномъ государствѣ.

§ 196. в) **Брачное право. Военный трибунъ съ консульской властью и цензоръ.** Въ политическомъ отношеніи плебеи рѣшились

сразу потребовать консулата; но въ соціальномъ они ограничивались покуда брачнымъ правомъ, не смѣя касаться аграрнаго вопроса. Ктому же брачное безправіе было самымъ обиднымъ для плебеевъ и самымъ ненужнымъ для патриціевъ; среди плебеевъ уже встрѣчались люди побогаче и попочетнѣе патриціевъ, и все чаще встрѣчались случаи, когда патрицій, желая выгодно пристроить сынка или дочку, самъ старался породниться съ важнымъ плебеемъ, хотя его потомство и лишалось черезъ это правъ римскаго гражданства. Въ 445 г. трибунъ *Канулей* предложилъ два закона: 1) брачное право принадлежитъ одинаково какъ патриціямъ, такъ и плебеямъ (дѣти смѣшанныхъ браковъ принадлежатъ сословію отца); 2) плебеи избираются въ консулы наравнѣ съ патриціями. Патриціи такъ горячо возстали противъ этихъ законовъ, что плебеи въ *третій разъ ушли*, только уже не на Священную Гору, а *на Яникулъ*. Патриціи снова должны были уступить. Но ихъ гордость не могла примириться съ тѣмъ, что плебеи станутъ занимать одну изъ *курульскихъ* должностей (какъ называли они свою магистратуру), съ которыми они даже соединяли спѣсивое право „имѣть предковъ“, т.-е. ставить въ атріумѣ и носить въ церемоніяхъ изображенія своихъ сановитыхъ пращуровъ. Патриціи согласились лучше совсѣмъ уничтожить консулатъ, чѣмъ предоставить его плебеямъ, но власть его сохранить, только сдѣлавъ изъ нея новую, *некурульскую* должность. Такъ какъ высшій санъ, котораго могли достигать плебеи, былъ военный трибунатъ (§ 188), то патриціи приняли это названіе для новой должности. Такъ образовался странный титулъ—*военные трибуны съ консульскою властью* (tribuni militum consulari potestate). Этихъ трибуновъ было отъ 3 до 8. Ихъ выбирали центуріи на одинъ годъ изъ *обоихъ* сословій. Власть ихъ совершенно равнялась консульской; но имъ не дозволяли сидѣть на курульскихъ креслахъ, и за ними ходили только по 6 ликторовъ за каждымъ. Кромѣ того прибѣгнули къ новому пріему въ борьбѣ, который оправдывался увеличеніемъ дѣлъ съ развитіемъ государства: отдѣлили часть консульской власти и составили изъ нея особенную курульскую должность — *цензора*. Цензоровъ было 2. Ихъ избирали центуріи на полтора года и только изъ патриціевъ. Цензоръ значитъ *оцѣнщикъ*. Онъ производилъ перепись жителей и имуществъ, завѣдывалъ казной и сборомъ податей. Вскорѣ власть цензора такъ усилилась, что его стали побаиваться даже патриціи. Цензоръ собиралъ съ нихъ аренду за общественное поле и могъ дать имъ больше или меньше земли. Онъ-же „исправлялъ списки гражданъ“, т.-е. переводилъ гражданъ изъ класса въ классъ, сообразно съ ихъ имуществомъ, и даже ставилъ „ноту“ (замѣтку) при именахъ преступныхъ или опозоренныхъ лицъ, что́ означало вычеркиваніе ихъ изъ списка. Цензоры особенно строго слѣдили за сенаторами и всадниками, вычеркивая ихъ

изъ списковъ за малѣйшее пятно, которое они клали на свое сословіе своею жизнью. Въ назначенный день всадники являлись къ цензору на смотръ; каждый велъ за узду своего походнаго коня. Если цензоръ совѣтовалъ кому-нибудь продать своего коня, это значило, что слѣдуетъ выходить въ отставку. Наконецъ цензоры, какъ казначеи, завѣдывали общественными работами — постройкой храмовъ, дорогъ, мостовъ, каналовъ: черезъ это они находились въ соприкосновеніи съ народомъ и могли имѣть на него вліяніе.

§ 197. **Мелій, Камиллъ и галлы.** Патриціи часто беззаконно отмѣняли трибунатъ съ консульскою властью и возстановляли свое старое консульство. Если-же плебеи требовали соблюдать законъ, то патриціи такъ интриговали на выборахъ, что центуріи всегда выбирали ихъ въ трибуны съ консульскою властью: первый плебей попалъ на эту должность лишь въ 400 г.; впрочемъ плебеи тогда-же вознаградили себя выборомъ *квесторовъ* изъ своей среды. Оттого внутренняя борьба не прекращалась и во второй половинѣ 5 в. Ея характеръ виденъ изъ судьбы богатаго плебея, *Спурія Мелія*. Когда въ Римѣ насталъ такой голодъ, что бѣдняки бросались въ Тибръ, Мелій пожертвовалъ своимъ состояніемъ для облегченія участи несчастныхъ: онъ накупилъ хлѣба заграницей и раздавалъ его плебеямъ. Это было прямымъ укоромъ жестокосердію патриціевъ. Они назначили диктатора, который окружилъ себя буйною молодежью изъ патриціевъ и явился на судъ, на форумъ, обвиняя Мелія въ стремленіи къ царскому вѣнцу Народъ заступился за своего благодѣтеля; но полицейскіе выхватили Мелія изъ толпы и закололи; домъ его былъ разрушенъ, имѣніе взято въ казну. Этими неурядицами пользовались сосѣди, отъ которыхъ римляне съ трудомъ оборонялись. Лишь около 400 г. они перешли въ наступательное положеніе, осадивъ этрусскую крѣпость *Вейи*. Послѣ многолѣтней осады, разукрашенной преданіями, крѣпость была взята. Этотъ подвигъ важенъ тѣмъ, что римляне тогда впервые вышли за предѣлы Лаціума и ввели *постоянное* войско. До сихъ поръ они знали только лѣтнія короткія стычки и оставались крестьянами; теперь-же пришлось вести долгую войну, которая вызвала необходимость давать жалованье солдатамъ. Война съ Вейями выдвинула также перваго римскаго полководца, *Фурія Камилла*. Это былъ храбрый и талантливый вождь, но злой и высокомѣрный патрицій. Взявъ Вейи искуснымъ подкопомъ, Камиллъ сталъ вести себя, какъ деспотъ, забралъ всю добычу, устроилъ пышный тріумфъ и началъ оскорблять трибуновъ. Народъ призвалъ Камилла къ суду, но онъ бѣжалъ, умоляя боговъ наслать на Римъ такое бѣдствіе, чтобы вспомнили о немъ. Это бѣдствіе явилось въ лицѣ *галловъ*. Въ то время галловъ тѣснили съ сѣверо-востока германцы; такъ какъ они уже дошли до Атлантическаго океана, то имъ оставалось повернуть на юго-востокъ,

къ Альпамъ и Балканамъ, гдѣ еще были свободныя мѣста. Часть ихъ прошла до Малой Азіи (§ 162), но главная масса устремилась въ Италію. Галлы надолго остановились въ долинѣ По. Жили они въ лѣсахъ вмѣстѣ съ свиньями—ихъ главнымъ богатствомъ. Хлѣбопашество считалось у нихъ позорнымъ дѣломъ. Главнымъ занятіемъ галловъ были разбойничьи набѣги на болѣе образованные и богатые народы; они даже нанимались въ солдаты къ сосѣдямъ. Они были отличные воины. Большой ростъ, длинные всклокоченные волоса и усы, звѣриная шкура на плечахъ, бычачья голова съ рогами, вмѣсто шляпы, большой тяжелый мечъ, огромный щитъ, пестрая узорчатая одежда, золотой обручъ на шеѣ, неистовый крикъ при нападеніи — все это наводило ужасъ на непріятеля. При этомъ галлы сражались, какъ бѣшеные, и любили поединки. Ихъ женщины не давались живыми въ плѣнъ: онѣ умерщвляли своихъ дѣтей и самихъ себя. Галлы были правдивы, безхитростны, любили красно говорить, пировать и хвастаться своими ранами, которыя нарочно растравляли. Они не умѣли повиноваться: ихъ *бреннъ* (вождь) не могъ ничего сдѣлать противъ ихъ воли.

§ 198. **Нашествіе галловъ; паденіе Этруріи; самнитская держава.** Въ 390 г. галлы напали на Этрурію и осадили крѣпость *Клузіумъ*. Этруски попросили помощи у своихъ враговъ, римлянъ. Римляне послали къ галламъ спросить, по какому праву они напали на этрусковъ? „Вотъ по какому!“ отвѣчалъ бреннъ, указывая на свой мечъ, и болѣе 100 т. разсвирѣпѣлыхъ дикарей бросились къ Тибру. Римляне успѣли собрать наскоро тысячъ 50 и потерпѣли небывалое пораженіе верстахъ въ 15 отъ города, у рѣчки *Аллія*. Лишь небольшой отрядъ успѣлъ добраться до Капитолія и тамъ укрѣпился одушевляемый бывшимъ консуломъ, доблестнымъ *Манліемъ Капитолійскимъ*. Населеніе Рима разбѣжалось; городъ былъ разрушенъ и сожженъ. Но Капитолій держался болѣе полугода. Въ то же время пришло извѣстіе, что венеты напали на гальскія становища у р. По—и галлы отступили, взявъ выкупъ съ римлянъ. Римляне не хотѣли возвращаться въ разрушенный городъ и собирались переселиться въ Вейи. Но Камиллъ, возвратившійся изъ изгнанія, сталъ вторымъ основателемъ Рима: онъ убѣдилъ народъ остаться. Городъ былъ снова застроенъ, но небрежно и бѣдно: Римъ, со своими узенькими, кривыми улицами и неуклюжими, высокими домами, представлялъ жалкій видъ до Августа. Не лучше было и вокругъ Рима. Многіе города исчезли. Далеко на югъ, до Апуліи, шли печальные слѣды, оставленные отдѣльными шайками галловъ. Долго, даже при внукахъ защитниковъ Капитолія, эти шайки внезапно являлись подъ стѣнами Рима. Но римляне быстро оправились послѣ галловъ, которые отчасти помогли имъ, потому что ослабили этрусковъ. Этрусская держава начала коле-

баться уже при началѣ римской республики (§ 192). Побѣда Гелона при Гимерѣ (§ 109) потрясла могущество не только Карѳагена, но и его союзницы, Этруріи. Вслѣдъ затѣмъ Гіеронъ сиракузскій, въ союзѣ съ Великою Греціей, нанесъ у Кумъ рѣшительное пораженіе этрусскому флоту: съ тѣхъ поръ Тирренское м. точно такъ же подчинилось Сиракузамъ, какъ Іоническое — Таренту, поднявшемуся тогда, вслѣдствіе паденія Сибариса (§ 99). Незадолго до 400 г. Сиракузы усилились еще болѣе, побѣдивъ Алкивіада, которому помогали своимъ флотомъ этруски, эти старые друзья аѳинянъ по торговлѣ (§ 123). Затѣмъ сиракузскій тиранъ *Діонисій Старшій* опустошалъ берега самой Этруріи. При такихъ ударахъ, испытанныхъ Этруріей, на нее напали галлы. Оттого римлянамъ легко было въ одно поколѣніе завладѣть всею южною Этруріей, тѣмъ болѣе что здѣсь народъ, угнетенный лукумонами, принадлежалъ къ италикамъ: онъ обрадовался освобожденію отъ этрусскаго ига и быстро романизовался. Съ этихъ поръ Этрурія быстро приближалась къ своему паденію: ок. 300 г. ея исторія прекратилась. Послѣ галловъ, въ первой половинѣ 4 в., римляне успѣли возстановить свое значеніе и къ югу отъ Тибра, благодаря Камиллу, который развернулъ тогда весь свой военный талантъ и блестяще преобразовалъ армію: они поразили возставшихъ латиновъ и принудили ихъ къ союзу на условіи *гегемоніи Рима надъ Лаціумомъ*. Затѣмъ союзники навсегда разрушили могущество вольсковъ, эквовъ и ближайшихъ сабиновъ. Но эти быстрые успѣхи едва не погубили римлянъ, которые начали такъ же деспотически и своекорыстно пользоваться гегемоніей, какъ спартанцы. Союзники стали тайно вредить имъ и ждали случая, чтобы поднять оружіе противъ своего надменнаго гегемона. Этотъ случай представился ок. 340 г., когда у Рима выросъ новый врагъ въ лицѣ самнитовъ. *Самниты* (§ 179) находились тогда на высшей степени своего могущества. Особенно развилась ихъ колонизація, во главѣ которой стояли *луканы и бруттійцы*, дошедшіе до моря. Передъ нападеніемъ галловъ самниты отняли у этрусковъ Капую, а у грековъ — Кумы и почти всѣ лучшія колоніи, кромѣ Неаполя и Тарента. Такъ около половины 4 в. въ Италіи пали старыя державы — Этрурія, латинскій союзъ и греческія колоніи, и выдвинулись двѣ новыя — римская и самнитская, между которыми должна была возгорѣться борьба за обладаніе полуостровомъ. По обширности, богатству и населенности земель, самниты были гораздо сильнѣе римлянъ; но имъ недоставало единства, государственнаго строя. Ихъ колонисты составляли отдѣльный и даже враждебный имъ міръ. Самниты оставались грубыми горцами; колонисты же подчинялись греческой культурѣ до того, что ихъ называли „филэллинами“: ихъ гробницы, надписи и монеты чисто греческія; ихъ Капуя — первый городъ въ Италіи по роскоши и второй по

размѣрамъ—напоминала Аѳины; ея жители были изнѣжены, какъ этруски, у которыхъ они заимствовали и свое гладіаторство. Римъ же былъ суровымъ и централизованнымъ государствомъ, въ которомъ неутомимо работала безпощадная завоевательная политика. Ктому же въ немъ послѣ галловъ возобновился тотъ ходъ государственнаго развитія, который привелъ къ уравненію правъ между сословіями.

§ 199. **Манлій. Лициніево законодательство.** Послѣ галловъ внутреннее развитіе Рима состояло въ *соціальной* борьбѣ, такъ какъ плебеи уже добились важнѣйшихъ политическихъ правъ, а въ общественномъ отношеніи получили только ничтожное брачное право (§ 196). Между тѣмъ причины имущественнаго неравенства развивались, особенно послѣ галловъ. Приходилось вновь обзаводиться хозяйствомъ и обстраиваться, да еще вести войны съ сосѣдями. Плебеи принуждены были входить въ новые долги. Патриціи же пользовались ихъ бѣдствіями, чтобы угнетать ихъ больше прежняго. Они опять дошли до страшнаго жестокосердія. Только одинъ изъ нихъ, *Манлій Капитолійскій*, любилъ бѣдняковъ. Онъ помогалъ имъ всѣмъ своимъ огромнымъ состояніемъ. „Я не потерплю этихъ бѣдствій, сказалъ онъ, пока у меня будетъ хоть пядь земли!“ Онъ потребовалъ въ сенатѣ выкупить всѣхъ должниковъ, распродавъ общественное поле. Плебеи толпились на Капитоліи, гдѣ былъ домъ Манлія, чтобы взглянуть на своего благодѣтеля. Вождемъ патриціевъ былъ надменный Камиллъ, ненавидѣвшій Манлія, который затмѣвалъ его славу въ борьбѣ съ галлами. Патриціи назначили его диктаторомъ—и онъ обвинилъ Манлія въ стремленіи къ царскому вѣнцу: другъ плебеевъ былъ сброшенъ съ Тарпейской скалы. Смерть Манлія не пропала даромъ. Вскорѣ два трибуна, *Лицилій* и *Секстій*, доставили побѣду плебеямъ. Они отличались богатствомъ, образованіемъ, твердымъ характеромъ и терпѣливостью. Вотъ три главныхъ закона Лицинія. 1) *Аграрный*, по которому всякій, какъ патрицій, такъ и плебей, допускается къ занятію общественнаго поля въ видѣ наслѣдственной аренды, но не больше, какъ въ размѣрѣ 500 югеровъ (jugerum—четверть десятины). Никто не смѣетъ выгонять на общественный лугъ болѣе 100 штукъ крупнаго и 500 мелкаго скота. Общественные участки должны обрабатываться не одними рабами, но и опредѣленнымъ числомъ свободныхъ поденщиковъ. Такъ зажиточные плебеи могли богатѣть отъ общественныхъ участковъ, за которые взималась небольшая плата; а бѣдняки пріобрѣтали постоянную работу и могли дешево купить лишній скотъ, который патриціямъ пришлось распродать. 2) *Долговой* законъ (de aere alieno), по которому уплаченные проценты вычитаются изъ капитала, а остальная сумма разсрочивается на 3 года; должники немедленно получаютъ свободу. 3) Законъ о *консулатѣ:* трибунатъ съ консульскою властью

отмѣняется; возстановляется консулатъ, но такъ, чтобы одинъ изъ консуловъ всегда былъ плебей. Патриціи 10 л. отстраняли требованія Лициніи, прибѣгая ко всякаго рода уловкамъ и насиліямъ. Обыкновенно они старались склонять на свою сторону нѣкоторыхъ трибуновъ то подкупами, то раздачей должностей. Переходившіе на ихъ сторону трибуны принадлежали къ людямъ наиболѣе состоятельнымъ. Такъ создавалась *плебейская аристократія*, которая была ближе къ богатымъ патриціямъ, чѣмъ къ бѣднымъ плебеямъ. Но плебеи каждый годъ избирали въ трибуны Лициніи и Секстіи, противъ которыхъ наконецъ уже не смѣли возставать товарищи. Патриціи нѣсколько разъ назначали даже диктатора, все своего Камилла, который однажды даже разогналъ трибутную сходку своими ликторами. Трибуны имѣли право казнить его за это; но они погрозили ему только штрафомъ. Тутъ Камиллъ одумался — и снова спасъ Римъ, устранивъ междоусобіе: онъ уговорилъ патриціевъ уступить, и Лициніевы законы были приняты (367 г.). Тогда же Секстій сталъ первымъ плебейскимъ консуломъ; а Камиллъ построилъ, въ знакъ примиренія сословій, храмъ Конкордіи (§ 190) у подошвы Капитолія и вслѣдъ затѣмъ умеръ.

§ 200. **Уравненіе правъ**. Плебеямъ оставалось уже пріобрѣсти немногое, чтобы вполнѣ сравняться съ патриціями: послѣдняя борьба (въ 367—300 годахъ) между сословіями была не такъ ожесточенна, какъ прежде. Чтобы вознаградить себя за утрату одного консульскаго мѣста, патриціи выдумали двѣ новыя курульскія должности— претора и эдиловъ. *Претора* иначе называли „третьимъ консуломъ“, потому что къ нему перешла судебная власть консуловъ, которымъ онъ былъ совершенно равенъ. Судебные приговоры претора, которымъ вели журналъ, составили потомъ основу римскаго гражданскаго права. Два *курульскихъ эдила* были начальниками полиціи. Они же устраивали главное народное празднество—„римскія игры“, что давало имъ возможность привлекать къ себѣ народъ, который обыкновенно выбиралъ эдиловъ, не скупившихся на эти увеселенія, на высшія должности. Но уже въ слѣдующемъ году плебеи настояли, чтобы и ихъ выбирали въ курульскіе эдилы, а патриціевъ стали выбирать въ плебейскіе эдилы. Лѣтъ 25 спустя, они достигли диктатуры и цензуры, а вскорѣ потомъ даже претуры. Послѣднія должности, пріобрѣтенныя плебеями, были религіозныя: въ 300 г. явились первые авгуры и понтифексы изъ плебеевъ. Къ тому же времени куріи, это гнѣздо патриціанства, совсѣмъ потеряли свое значеніе: было постановлено, что рѣшенія центурій становятся законами безъ утвержденія ихъ куріатными комиціями; но, чтобы удовлетворить тщеславіе патриціевъ, было опредѣлено, что куріи будутъ заранѣе давать свое согласіе. Такъ произошло въ 300 г. *окончательное уравненіе правъ*,

изъ-за которыхъ почти двѣсти лѣтъ боролись плебеи съ патриціями. Въ это же время улучшилось и матеріальное положеніе плебеевъ. Съ нихъ брали мало податей. Больше платили патриціи — и казна такъ разбогатѣла, что ввели постоянное жалованье войскамъ. Было запрещено брать болѣе 5%; но важнѣе всего была *отмѣна рабства за долги*. Сверхъ того завоевательная политика доставляла тогда много новыхъ земель, притомъ въ лучшихъ мѣстахъ Италіи, куда выводились колоніи бѣдняковъ. Счастливыя войны доставляли также много богатствъ, въ видѣ добычи, и расширяли торговыя сношенія. Капиталы притекали въ Римъ массами; а чѣмъ ихъ больше, тѣмъ они дешевле (тѣмъ ниже процентъ) и тѣмъ легче даже небогатому устроить выгодное предпріятіе.

III. Сенатъ и объединеніе Италіи. 340—264.

§ 201. **Знать и сенатъ.** Послѣ лициніева законодательства начинается третій періодъ римской исторіи, который продолжался около 100 лѣтъ, до пуническихъ войнъ. Это — періодъ процвѣтанія Рима. Внутри господствовали спокойствіе и единодушіе, внѣ — Римъ въ три поколѣнія *объединилъ всю Италію*. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ уравненія правъ между сословіями. Теперь уже не было ни патриціевъ, ни плебеевъ: были только „римскіе граждане“. Но такъ было только по закону (de jure); на дѣлѣ же (de facto) снова возникло общественное неравенство, только не такое, какъ прежде. Прежде разница между сословіями основывалась на рожденіи, теперь же на *имуществѣ*. Богатые составили высшее сословіе — *nobilitas*, или знать (отъ nosco — знаю). *Знать* образовалась изъ сліянія патриціевъ съ плебейскою аристократіей (§ 199), которая развилась подъ вліяніемъ лициніева законодательства. На дѣлѣ лишь немногіе плебеи воспользовались выгодами этого законодательства. Бѣднякъ не могъ справиться съ большимъ хозяйствомъ на общественномъ полѣ и уплачивать аренду; зажиточные же плебеи стали богатѣть и стремиться къ такимъ же насиліямъ, какъ патриціи: Лицинній первый взялъ себѣ изъ общественнаго поля болѣе 500 югеровъ, объявивъ своего маленькаго сына совершеннолѣтнимъ, за что и былъ оштрафованъ. Тогда же продажность трибуновъ доказала, какъ сильно богатые плебеи склонялись къ патриціямъ, по общности своекорыстныхъ интересовъ. Затѣмъ, когда явилось политическое равенство, эти два общественныхъ слоя совершенно слились для борьбы съ бѣднымъ классомъ. Такъ какъ богатыхъ было немного, то вскорѣ извѣстное число фамилій захватило въ свои руки власть, какъ прежде патриціи, и даже передавало свои права по наслѣдству. Конечно, знать поступала такъ не прямо: по закону всѣ должности были выборныя. Но центуріи всегда выбирали чиновниковъ

изъ знати, которая обладала здѣсь большинствомъ голосовъ и умѣла дѣйствовать подкупами и обманами. Особенно всегда выбирали знатныхъ въ главныя должности, названныя снова „курульскими“ (консулъ, преторъ и эдилъ). Притомъ издали законъ, по которому эти магистраты, выходя изъ службы, поступали въ сенатъ. Слѣдовательно сенатъ сталъ средоточіемъ знати. Всадничество также принадлежало знати, потому что оно входило въ I классъ. Цензоры, сами знатные, конечно, не совѣтовали старымъ всадникамъ, которые обыкновенно были сенаторами, продавать своихъ коней (§ 196); а новыя всаднические вакансіи они замѣщали ихъ сынками. Знать дошла до того, что даже по внѣшности стала походить на патриціатъ. Узаконили, что должности консула, претора и эдила даютъ *курульскія* отличія (insignia). Это значило, что знатный могъ носить тогу съ пурпурной каймой и золотое кольцо, а сынъ его—золотой медальонъ въ видѣ сердечка и серебряную сбрую на верховой лошади. Но важнѣе всего было курульское право „имѣть предковъ“. У знатныхъ въ атріумѣ, въ шкафѣ, хранились восковыя маски важныхъ пращуровъ. На похоронахъ ихъ надѣвали нанятые актеры, которые одѣвались также въ платье и доспѣхи изображаемаго предка. Предки, предшествуемые ликторами, садились въ богатую колесницу и открывали погребальное шествіе. За ними шли наемныя плакальщицы, заунывно тянувшія свою „ненію“, музыканты и храмовые плясуны. Далѣе слѣдовалъ самъ покойникъ, т.-е. опять актеръ въ свѣжей маскѣ. За нимъ несли трупъ и шла семья въ черныхъ тогахъ. Процессія останавливалась на форумѣ. Здѣсь трупъ приподнимали надъ головами, а предки важно разсаживались на курульскихъ креслахъ: они слушали похвальное слово себѣ и покойнику, которое произносилъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Затѣмъ шествіе двигалось къ мѣсту, гдѣ сожигали трупъ, а пепелъ собирали въ урну. Сенатъ (изъ 300 чел.) сдѣлался средоточіемъ не только знати, но и власти, такъ что республика стала аристократическою, или *правленіемъ сенаторовъ*. 1) *Законодательство* уже только de jure принадлежало народу, потому что между первоклассниками и всадниками, рѣшавшими дѣла въ центуріяхъ, господствовало согласіе, а бѣдняки все утрачивали единодушіе: съ расширеніемъ границъ государства община гражданъ разросталась и принимала характеръ случайной толпы. Даже завелся обычай, чтобы сенаторы сами издавали законы, лишь съ условіемъ представлять ихъ на утвержденіе центурій, чего они не исполняли. 2) *Магистратура* вполнѣ подчинилась сенату, который даже писалъ инструкціи (правила) для консуловъ; а если консулы не слушались, онъ назначалъ диктатора—конечно, изъ своей среды. Чтобы подчинить себѣ и *трибуна*, сенатъ обратилъ его въ магистрата: трибунъ уже сидѣлъ не у порога, а среди сенаторовъ, и принималъ участіе въ разсужденіяхъ; ему даже

дали право созывать сенатъ. Бѣдные, по старой памяти, продолжали смотрѣть на трибуновъ, какъ на своихъ защитниковъ: въ сущности же трибуны стали угодниками знати, такъ какъ ихъ выбирали изъ богатыхъ плебеевъ. Впослѣдствіи сенатъ и знать испортились и вызвали противъ себя борьбу народа. Но въ 3-мъ періодѣ римской исторіи они доставили славу своему отечеству. Тогда сенатъ состоялъ изъ лучшихъ людей и не питалъ патриціанской ненависти къ народу: въ немъ засѣдало много лицъ, вчера только вышедшихъ изъ толпы, а рядъ опасныхъ войнъ заставлялъ пропускать въ него черезъ курульскія должности людей незнатныхъ, но талантливыхъ и оказавшихъ услуги отечеству. Тогда въ сенатѣ сосредоточивались патріотизмъ, честность и государственный умъ. Здѣсь выработалась политика, покорившая міръ и создавшая безсмертные законы. Здѣсь воспитывались государственные люди: дѣти сенаторовъ сопровождали своихъ отцовъ и прислушивались къ ихъ мудрымъ рѣчамъ. Тогда иностранцы съ почтеніемъ говорили о римскомъ сенатѣ, какъ о „собраніи царей".

§ 202. **Доблести и недостатки римлянъ.** Кромѣ юности знати, еще не успѣвшей замкнуться, и войнъ, роднившихъ ее съ народомъ, въ *нравахъ* лежала причина доблести сената въ 3-мъ періодѣ. Тогда римляне нисколько не развились относительно культуры; бытъ у нихъ былъ прежній; а потому нравы были старые, *простые* и суровые. Мужицкая простота, желѣзная дисциплина родительской власти, цѣломудріе даже юношей, вѣрность долгу и честному слову, рѣдкая твердость духа и выносливость—вотъ черты римлянина того времени. Лучшимъ дѣломъ все еще считалось жить на виллѣ и обрабатывать свое поле. Богатство, роскошь, даже образованіе считались опасными, а науки и искусства — праздными забавами. Правительство предписывало просто и дешево устраивать похороны и гробницы и преслѣдовало золото и серебро. Однажды цензоры выгнали изъ сената почтеннаго консуляра зато, что онъ завелъ серебряную столовую посуду. У самаго богатаго римлянина мы встрѣтили бы тогда ту же убогую обстановку, что и у простого хлѣбопашца, развѣ замѣтили бы только двѣ серебряныя вещицы—солонку да жертвенную курильницу. Нерѣдко знаменитые консулы, полководцы и сенаторы сами сѣяли рѣпу и варили себѣ гороховую похлебку, хотя они были очень богаты. Можно сказать, что къ pietas, virtus и gravitas (§ 190) прибавилась у римлянъ четвертая добродѣтель—modestia (скромность). Кромѣ Спарты, нигдѣ *преданность отечеству* не доходила до такихъ размѣровъ, какъ въ тогдашнемъ Римѣ. Однажды на форумѣ разверзлась пропасть отъ землетрясенія. Суевѣрные римляне пришли въ отчаяніе. Жрецы начали ворожить и объявили, что подземные боги требуютъ самой лучшей жертвы. Пока размышляли, что это за жертва, молодой *Курцій*, въ полномъ вооруженіи, бросился въ бездну

на своемъ боевомъ конѣ. Въ 3-мъ періодѣ случалось не разъ, что полководцы жертвовали богамъ и отечеству то собой, то своими дѣтьми; и ни одного изъ нихъ не соблазнило золото, которое часто предлагали имъ богатые враги Рима. Оттого у римлянъ явилась тогда превосходная армія, которая оказывала такія же чудеса храбрости въ Италіи, какъ современная ей армія Александра Вел. на Востокѣ. Оттого же весь 3-й періодъ занятъ войнами, объединеніемъ Италіи. Онъ былъ такъ блестящъ въ этихъ *внѣшнихъ событіяхъ*, что получилъ названіе „героическаго“. Въ этихъ блестящихъ событіяхъ, а еще больше во внутреннихъ дѣлахъ обнаруживались также дурныя стороны римлянина 3-го періода. Главныя свойства римскаго характера вели къ грубости и эгоизму. Они создавали *практика*, *формалиста* и юридическаго *казуиста* (крючкотворца). Римлянинъ — противоположность аѳинянина. Подобно спартанцу, онъ былъ лишенъ идеальныхъ стремленій и презиралъ теорію и искусство; ему были чужды глубокомысліе и гуманность; отъ него все еще вѣяло грубою и нетерпимою „деревенщиной“ (rusticitas). Римлянинъ не могъ обходиться безъ пошлыхъ шутокъ и грязныхъ забавъ. Его гордость была противнымъ самовеличаніемъ барина. Его обращеніе съ покоренными было безсердечно и лицемѣрно; его дипломатія была сплетеніемъ обмана и казуистики. Римляне съ холодною жестокостью казнили собственныхъ дѣтей и заслуженныхъ воиновъ и изрекали „vae victis!“ (горе побѣжденнымъ!) врагамъ: они обращали многихъ покоренныхъ въ рабство и водили въ тріумфѣ, какъ обезьянъ, плѣненныхъ въ честномъ бою вождей врага съ ихъ семьями. Эти черты римскаго характера пагубно отражались на внутреннемъ строѣ государства. Республика состояла какъ бы изъ двухъ враждебныхъ частей — изъ гражданъ и подданныхъ, а среди гражданъ — изъ богачей и бѣдняковъ, *безъ средняго класса*. Этой неправильной соціальной постановкѣ способствовало развитіе *рабства*. Чѣмъ успѣшнѣе воевали римляне, тѣмъ болѣе становилось у нихъ рабовъ, даровымъ трудомъ которыхъ пользовались богачи, занимавшіе общественное поле; а это отнимало работу у бѣдныхъ плебеевъ. Вскорѣ рабовъ стало слишкомъ много, и ихъ начали отпускать на волю, особенно по предсмертнымъ завѣщаніямъ. Классъ *отпущенниковъ* быстро возросталъ. Онъ занимался мелкою торговлей и ремеслами, обыкновенно на деньги своихъ бывшихъ господъ, которые брали себѣ главную часть выручки. Многіе отпущенники находили пропитаніе, пристраиваясь къ магистратамъ въ качествѣ наемныхъ „писцовъ“, канцеляристовъ. Такъ какъ писцы постоянно занимали свои мѣста, то, по знанію дѣлъ, они стали важнѣе самихъ магистратовъ, часто смѣнявшихся. Въ нихъ-то сосредоточивался чиновничій духъ и навыкъ, ослаблявшій дурныя слѣдствія быстрой смѣны правителей. Они то сочинили обшир-

ную формалистику, чтобы брать взятки съ народа и управлять магистратами, которые не знали тайнъ дѣлопроизводства. При всемъ томъ правительство не знало, что̀ дѣлать съ возраставшею массой отпущенниковъ, которые стали напоминать старое кліентство. Оно даже установило большой налогъ на отпущеніе рабовъ. Но лучше всѣхъ понялъ зло цензоръ *Аппій Клавдій*, который сверхъ того открылъ рядъ знаменитыхъ сооруженій (военныхъ дорогъ и водопроводовъ), отчасти уцѣлѣвшихъ доселѣ, и началъ римскую литературу парой стихотвореній и рѣчей. Аппій совершилъ (312) важное общественное преобразованіе, не спрашиваясь сената и комицій: онъ внесъ въ списки „гражданъ“ отпущенниковъ и всѣхъ безземельныхъ бѣдняковъ — и тотчасъ же въ курульскіе эдилы попалъ отпущенникъ *Флавій*, письмоводитель Аппія. За это Флавій раскрылъ народу тайну крючкотворства богачей: онъ вывѣсилъ на улицахъ календарь, съ указаніемъ присутственныхъ дней и тонкостей формалистики. Вслѣдъ затѣмъ Флавій явился на пирушку къ одному курульскому магистрату, въ среду знати, которая даже не пригласила его сѣсть; онъ послалъ за своимъ курульскимъ кресломъ и усѣлся въ немъ, окидывая презрительнымъ взглядомъ своихъ новыхъ товарищей.

§ 203. **Войско.** Устройство знаменитой римской арміи выработалось постепенно. Правильная пѣхота, въ видѣ *легіона* („набора“), возникла при Сервіи Тулліи. Тогда резерва не знали, но его замѣнялъ обычай не весь легіонъ сразу пускать въ бой. Начинали дѣло *гастаты* (копейщики), самые слабые; на подмогу имъ выступали *принципы* (первенствующіе) съ короткими мечами; въ крайнемъ случаѣ раздавалась команда: „подымайтесь!“ и въ бой устремлялись *тріаріи* — отборные ратники, которые до тѣхъ поръ отдыхали, склонившись на одно колѣно. Легіонъ дѣлился на *когорты* и центуріи: первыми командовали военные трибуны, вторыми — центуріоны (сотники). Дисциплина соотвѣтствовала родительской власти. У центуріона была виноградная дубинка, у консула — ликторскія орудія. Консулъ могъ высѣчь самаго почтеннаго трибуна и казнить хоть цѣлую когорту. Воинъ сначала не получалъ ничего: жалованье введено лишь ок. 400 г. (§ 197). Наградой служилъ вѣнокъ изъ травы или оливковыхъ вѣтвей. Въ началѣ 3-го періода Камиллъ произвелъ коренное преобразованіе въ войскѣ. Чтобы подорвать силу натиска густаго строя, которымъ славились галлы, онъ ввелъ разомкнутый, или *манипулярный* строй, состоявшій изъ манипулъ, или отдѣленій въ 60 чел. Манипулы разставлялись шашками. Тогда явилось любимое римское оружіе — *метательное копье* (pilum), которое кидали шаговъ на 12. Двойной залпъ копьями производилъ страшное дѣйствіе, а вслѣдъ за нимъ римляне бросались съ мечами, которые стали большими, обоюдоострыми. Это напоминаетъ нашу пулю и штыкъ, т.-е. римляне изобрѣли *соединеніе*

далекаго боя съ близкимъ. Тогда же былъ изобрѣтенъ *резервъ* (запасъ), въ которомъ стояли тріаріи, самые пожилые, опытные воины. Наконецъ развилась *лагерная* система. Вошло въ правило, что, достигнувъ мѣста стоянки, хотя бы на одну ночь, легіонъ прежде всего строилъ лагерь со рвомъ, валомъ и палисадами (плетнями). „Римлянинъ побѣждаетъ сидѣньемъ", говорила пословица: онъ не пускался въ бой наудачу. Фабій „Медлитель" былъ самымъ любимымъ изъ римскихъ полководцевъ.

§ 204. **Самнитскія войны**. Завоеванія римлянъ начались съ самнитскихъ войнъ, которыя продолжались 50 л. (340—290). Поводомъ къ *первой самнитской войнѣ* были набѣги горныхъ самнитовъ на ихъ колонистовъ въ Капуѣ. Изнѣженные капуанцы не могли сами защищаться и предложили римлянамъ принять ихъ въ свое подданство. Римляне согласились и послали противъ самнитовъ войско, подъ начальствомъ *Валерія Корва* (Ворона). Валерій разбилъ самнитовъ; но тутъ противъ Рима возстали новые враги, латины, которые тяготились его гегемоніей. *Латинская война* чуть не погубила римлянъ. Къ счастью, у нихъ явилось два хорошихъ полководца. Одного звали *Манліемъ* „Цѣпеносцемъ" (Torquatus), потому что онъ поразилъ гальскаго богатыря и надѣлъ на себя его золотую цѣпь. Манлій такъ былъ преданъ своему отечеству и закону, что казнилъ собственнаго сына зато, что тотъ разбилъ враговъ безъ его позволенія. Другой полководецъ былъ *Децій Мусъ* (Мышь). Онъ не уступалъ Манлію въ патріотизмѣ. Когда въ битвѣ у *Везувія* римскія войска были уже почти разбиты, Децій посвятилъ себя подземнымъ богамъ и Матери-Сырой-Землѣ. Верховный жрецъ благословилъ его на смерть — и онъ кинулся въ густые ряды непріятеля. Его смерть доставила римлянамъ такую побѣду, что Лаціумъ былъ уже навсегда присоединенъ къ Риму. Тутъ начинается *дипломатія* римлянъ, болѣе могущественная, чѣмъ ихъ мечъ: ея основаніе — „раздѣляй и властвуй!" (divide et impera) и покровительство мѣстной аристократіи, которая продавала интересы народа за своекорыстныя выгоды. Съ этихъ поръ римляне всегда вносили раздоры въ среду враговъ. Они *разрушили латинскій союзъ* тѣмъ, что дали различныя права его членамъ — кому полное римское гражданство, кому безгласное (sine suffragio, т.-е. безъ права участвовать въ комиціяхъ); однимъ оставили прежнее самоуправленіе, другихъ обратили въ своихъ подданныхъ. Послѣдняя участь постигла богатую гавань вольсковъ, *Анціумъ*, флотъ котораго славился своими пиратами. Корабли Анціума были уничтожены, а ихъ мѣдные носы прицѣпили къ ораторской трибунѣ на форумѣ, которая стала называться *ростроѣ* („корабельные носы"). Лѣтъ черезъ 10 послѣ усмиренія латиновъ римляне начали *вторую самнитскую войну*, которая тянулась болѣе 20 л. и чуть не погубила Рима.

Это была борьба богатырей. Самниты дрались превосходно. У нихъ явился отличный вождь, храбрый и благородный *Понцій*. Онъ поймалъ римскую армію въ засаду въ *Кавдинскихъ Вилахъ*, какъ называли одно узкое ущелье въ Апеннинахъ. Понцій отпустилъ ее домой, но заставилъ пройти подъ позорнымъ игомъ—родъ висѣлицы, устроенной изъ копій; а консуловъ онъ принудилъ заключить невыгодный миръ. Римляне пришли въ ужасъ. Тогда же возстали всѣ народы Италіи, чтобы разрушить властолюбивый Римъ. Снова поднялись и латины. Но римляне не унывали Безцеремонно нарушая договоръ и ложно истолковывая его, придираясь къ буквамъ, они свалили вину на консуловъ, которыхъ выдали самнитамъ; но великодушный Понцій отпустилъ ихъ домой. Самниты поднялись всѣ. У нихъ были цѣлые полки богачей, сражавшихся въ пурпуровыхъ одеждахъ, съ золотыми и серебряными щитами. Но римляне разбили ихъ повсюду, быстро переходя съ мѣста на мѣсто, за что ихъ полководецъ *Папирій* былъ прозванъ *Курсоромъ* (Бѣгуномъ). Самнитовъ губило больше всего отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ ихъ союзниковъ, которые подымались въ разное время и обыкновенно опаздывали. Они принуждены были заключить постыдный миръ съ римлянами. Но римлянамъ хотѣлось совсѣмъ уничтожить самнитовъ—и черезъ 5 л. открылась *третья самнитская война*. Теперь римляне наткнулись на союзъ четырехъ сильныхъ народовъ—самнитовъ, этрусковъ, галловъ и умбровъ. Въ битвѣ у *Сентинума*, въ глубинѣ Умбріи (295 г.), они побѣжали-было передъ страшными галлами. Но ихъ вождь, *Децій Мусъ Младшій*, принесъ себя въ жертву богамъ, подобно своему отцу,—и римляне побѣдили. Тогда же выдвинулся блестящій герой, *Рулліанъ*, не походившій на римлянъ стараго закала—человѣкъ живой, изобрѣтательный, мягкій и со стремленіями къ новизнѣ. Вскорѣ былъ взятъ въ плѣнъ и Понцій, который еще разъ чуть не напомнилъ римлянамъ Кавдинскихъ Вилъ. Его провели въ цѣпяхъ за колесницей тріумфаторовъ и обезглавили. Въ 290 г. самниты стали подданными Рима. Вслѣдъ затѣмъ римляне окончательно покорили всѣхъ союзниковъ самнитовъ и захватили почти всѣ города Великой Греціи. Ихъ маленькій флотъ явился даже въ виду *Тарента*, самаго богатаго и сильнаго греческаго города, который также помогалъ самнитамъ. Тарентъ былъ переполненъ заводами, гдѣ изготовлялись превосходныя цвѣтныя матеріи; въ его гавани стоялъ цѣлый лѣсъ мачтъ; а на лугахъ Апуліи паслись его безчисленныя стада; онъ могъ выставить болѣе 30 т. наемниковъ. Тарентская демократія была образована, вела роскошную жизнь, особенно любила театръ; она презрительно смотрѣла на римлянъ, какъ на „варваровъ“. Сначала главнымъ врагомъ Тарента были самниты, противъ которыхъ онъ призывалъ эпиротовъ. Потомъ тарентцы вступили въ союзъ съ самнитами противъ

римлянъ, но вели себя крайне вяло и недовѣрчиво. Но когда римская эскадра явилась въ ихъ гавани, они потопили ее. Римъ тотчасъ же двинулъ противъ нихъ свои легіоны; но его неожиданно встрѣтилъ опасный врагъ—эпирскій царь *Пирръ* (§ 160).

§ 205. **Пирръ эпирскій.** Пирръ ребенкомъ былъ изгнанъ изъ своего отечества. Онъ попалъ подъ опеку лучшихъ сподвижниковъ Александра Вел. и вышелъ первымъ полководцемъ своего времени. Это былъ красивый, умный и честный человѣкъ, но только очень пылкій и нетерпѣливый. Онъ велъ прекрасную жизнь и мечталъ о подвигахъ Александра. Пирръ быстро возвратилъ отцовскій престолъ, и эпироты горячо полюбили его, назвали своимъ „орломъ“. Онъ два раза овладѣвалъ даже престоломъ Македоніи, но ненадолго. Пирръ мечталъ о покореніи всего Запада и обрадовался, когда тарентцы призвали его къ себѣ на помощь. Въ 280 г. онъ явился въ Италіи. Благодаря своему таланту и слонамъ, которыхъ римляне не видывали, онъ уничтожилъ ихъ армію при *Гераклеѣ*, но самъ сказалъ про своихъ противниковъ: „съ такими воинами я овладѣлъ бы міромъ, и міръ принадлежалъ бы римлянамъ, еслибы я былъ ихъ вождемъ“. Пирръ даже предложилъ римлянамъ помириться. Сенатъ уже соглашался, какъ вдругъ принесли бывшаго цензора, теперь уже слѣпаго старика, *Аппія Клавдія* (§ 202). Аппій благодарилъ боговъ зато, что онъ не можетъ видѣть позора своего отечества, и дотого пристыдилъ сенаторовъ, что рѣшено было продолжать войну съ Пирромъ. Пирръ устремился къ Риму и уже подошелъ къ нему на разстояніе 50 верстъ; но вдругъ отступилъ, встрѣтивъ всѣ силы римлянъ, успѣвшихъ между тѣмъ помириться съ этрусками. Въ слѣдующемъ году Пирръ одержалъ новую побѣду у *Аскулума*. Но онъ самъ былъ раненъ и воскликнулъ: „еще двѣ такихъ побѣды—и мнѣ придется возвратиться домой безъ войска!“ Утомленный тяжелою борьбою, горячій, непостоянный герой обрадовался случаю, когда сиракузяне позвали его на помощь противъ карѳагенянъ. Онъ бросился въ Сицилію, завоевалъ почти весь островъ, потомъ внезапно возвратился въ Италію. Здѣсь встрѣтилъ его консулъ *Курій Дентатъ*, римлянинъ стараго закала: онъ самъ варилъ себѣ гороховую похлебку и презиралъ золото, которымъ враги старались подкупить его. Курій жестоко разбилъ Пирра при *Беневентѣ* (275), гдѣ римляне факелами и градомъ стрѣлъ обратили въ бѣгство „луканскихъ быковъ“, какъ называли они теперь въ шутку слоновъ. Пирръ возвратился въ Элладу, гдѣ вскорѣ былъ убитъ въ одной уличной схваткѣ. Римляне же довершили покореніе Италіи. Когда они брали Тарентъ, въ гавань влетѣлъ карѳагенскій флотъ; консулъ потребовалъ у его адмирала отчета въ этой демонстраціи, но карѳагеняне поспѣшно отплыли безъ отвѣта.

§ 206. **Колоніи; военныя дороги; управленіе Италіей.** Объеди-

нивъ Италію, римляне упрочили ее за собой искусною политикой. 1) *Колоніи*. Римляне десятками тысячъ выселяли своихъ бѣдныхъ гражданъ въ самыя опасныя мѣста завоеванныхъ странъ. Тамъ колонисты получали лучшую землю и становились патриціями, туземцы обращались въ плебеевъ. Они сохраняли право римскаго гражданства, и ихъ поселенія назывались *колоніями римскихъ гражданъ*. Но и здѣсь римляне вносили разъединеніе: нѣкоторымъ колоніямъ не давали права голоса въ комиціяхъ; это—*безгласныя колоніи*. Колонистамъ вообще жилось хорошо; они были преданы митрополіи и романизовали покоренныя мѣстности. 2) *Военныя дороги*, которыя проводились по покореннымъ землямъ и охранялись крѣпостями. Онѣ походили на полотно нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Вездѣ холмы были срѣзаны, овраги засыпаны, а черезъ рѣки и пропасти перекинуты мосты. Эти дороги тянулись ровною нитью и были гладки. Онѣ состояли изъ кирпичей и камней. По бокамъ шли возвышенные троттуары для пѣшеходовъ и каменныя перила. Тамъ и сямъ попадались скамейки и даже часовенки. Первая и самая замѣчательная военная дорога была построена Аппіемъ Клавдіемъ (§ 202). Она шла изъ Рима черезъ Капую и Беневентъ въ Брундузіумъ. *Аппіева дорога* сохранилась почти вся до сихъ поръ. 3) *Управленіе Италіей*. Римляне брали у побѣжденныхъ $^1/_3$ земли, которую присоединяли къ своему общественному полю; но оставляли имъ *самоуправленіе*, т.-е. собственныхъ выборныхъ чиновниковъ. Римляне справедливо называли города и села, которые сами себѣ выбирали правителей, *муниципіями*, т.-е. „одаренными“, или привилегированными. Муниципіи не платили прямыхъ податей, но содержали стоявшія у нихъ войска. *Подданныхъ* (dedititii), т.-е. лишенныхъ всякихъ правъ и управляемыхъ префектами или замѣстниками претора, было немного въ Италіи. Сюда относились враги, особенно упорно защищавшіеся, и туземцы въ „колоніяхъ римскихъ гражданъ“. Остальные италики пользовались многими, но *разными* правами римскаго гражданства. Выше всѣхъ было *латинское* право (почти полное римское), дарованное бывшему латинскому союзу. Остальные покоренные народы назывались *союзниками* и пользовались самыми разнообразными правами ниже латинскаго. Почти въ половинѣ 3 в. Италія представляла одно цѣлое. Всѣ старались достигнуть правъ римскаго гражданства и подражать Риму, копируя его аристократію. Всюду работали *итальянскіе квесторы*, которые завѣдывали сборомъ войскъ и денегъ. Латинскій языкъ разносился колонистами по отдаленнымъ уголкамъ Италіи, и всѣ стали уже называть себя *италиками*. Римъ сталъ *пятою великою державой*, наравнѣ съ Карѳагеномъ, Египтомъ, Сиріей и Македоніей. Онъ обратилъ вниманіе на море: основывались морскія колоніи въ хорошихъ гаваняхъ, и ихъ одаряли привилегіями; явились *флотскіе квесторы*, устраивавшіе флотъ. Риму

приходилось столкнуться съ остальными великими державами, и прежде всего съ ближайшею изъ нихъ—съ Карѳагеномъ.

IV. Пуническія войны. 264—146.

§ 207. **Карѳагенъ и Сиракузы.** Около 264 г. западный басейнъ Средиземнаго м. былъ занятъ тремя главными державами: 1) *Римомъ*, который былъ главой италиковъ, 2) *Карѳагеномъ* — главой пуній-цевъ и 3) *Сиракузами*—главой грековъ. Римъ владѣлъ тогда всѣмъ Апеннинскимъ полуостровомъ Границы *Карѳагенской* республики простирались отъ Корсики до горъ Атласа и Сахары, отъ Кирены до Азорскихъ о. Сицилія была раздѣлена между карѳагенянами и греками. Карѳагенъ былъ гораздо обширнѣе Рима. Сверхъ того у него былъ превосходный флотъ и несмѣтныя богатства. Но зато армія его была плоха: она состояла частью изъ дикихъ наѣздниковъ Африки, а больше изъ всякаго наемнаго сброда — изъ испанскихъ иберовъ, гальскихъ кельтовъ и спартанцевъ. Карѳагенская республика страдала еще болѣе важнымъ недостаткомъ—дурнымъ правленіемъ (§ 40): въ ней вся власть принадлежала немногимъ богатѣйшимъ семействамъ купцовъ; низшіе классы, всѣ подданные и колонисты, были угнетены, нищенствовали и всегда готовы были возстать. Была еще одна невыгода въ положеніи Карѳагена: онъ постоянно долженъ былъ бороться съ Сиракузами за обладаніе богатымъ о. Сициліей. *Сиракузы* (§ 99) были главой греческихъ колоній, которыя занимали восточную половину острова. Они были однимъ изъ самыхъ сильныхъ, богатыхъ и просвѣщенныхъ государствъ древняго міра. Но здѣсь, какъ во всѣхъ греческихъ республикахъ, боролись двѣ партіи – аристократы и демократы, причемъ появились тираны. Сверхъ того греческія колоніи враждовали между собой: особенно часто дрались дорическія колоніи съ іоническими. Карѳагеняне старались пользоваться этими раздорами, чтобы захватить весь островъ. Но ихъ попытки были остановлены побѣдой (§ 109) сиракузскаго тирана *Гелона* при Гимерѣ (480 г.). Послѣ Гелона въ Сициліи опять поднялась борьба партій и колоній (§ 120). Сиракузы начали захватывать іонійскіе города, что́ вызвало (§ 123) экспедицію Алкивіада (415 г.). Карѳагеняне не замедлили воспользоваться этими неурядицами и разбили аристократовъ, управлявшихъ тогда Сиракузами. Это озлобило демократовъ: на сходкѣ войсковой писарь, *Діонисій*, такъ хорошо обвинялъ аристократовъ, что народъ пришелъ въ восторгъ и назначилъ его полководцемъ. Окруживъ себя воинами, Діонисій началъ повелѣвать не только аристократами, но и своими демократами. Онъ и его сынъ, *Діонисій II*, лѣтъ 60 управляли гражданами. Они были жестокими и неспособными тиранами. Народъ наконецъ выгналъ Діо-

нисія II. Но вскорѣ явился новый подобный же тиранъ, горшечникъ *Агаѳоклъ*. Онъ едва не погубилъ Сиракузъ своимъ деспотизмомъ и неудачною войной съ Карѳагеномъ, для которой онъ завелъ много наемниковъ, грабившихъ самихъ сиракузянъ. Особенно разбойничали кампанскіе наемники, назвавшіеся *мамертинами* (дѣтьми Марса). Сиракузяне наконецъ отравили Агаѳокла и прогнали наемниковъ. Мамертины пошли домой, но на дорогѣ, въ *Мессанѣ*, вырѣзали гражданъ, принявшихъ ихъ гостепріимно, и основали разбойничье государство. Изъ Мессаны мамертины стали нападать на сосѣднія колоніи и угрожали даже Сиракузамъ, на которыя напали тогда и карѳагеняне. Тогда-то сиракузяне призвали на помощь къ себѣ Пирра. Когда удалился Пирръ, прежнія бѣдствія возобновились, и сиракузяне сами выбрали себѣ въ „цари“ *Гіерона*, одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ, котораго любили за доброту, справедливость и строгую жизнь. Гіеронъ примирился съ карѳагенянами и вмѣстѣ съ ними пошелъ на Мессану (264 г.). Мамертины попросили помощи у римлянъ, которые не постыдились принять подъ свое покровительство этихъ разбойниковъ. Это и было поводомъ къ *пуническимъ войнамъ*.

§ 208. **Первая пуническая война.** Пуническія войны отличались необыкновеннымъ упорствомъ (онѣ длились болѣе 100 л.) и ожесточенностью, такъ какъ противники были представителями противоположныхъ началъ. Римляне отстаивали арійство, карѳагеняне - семитство. Первые были земледѣльческимъ народомъ, вторые — торговымъ и промышленнымъ. Наконецъ это была такая же борьба льва съ акулой, какъ между спартанцами и аѳинянами: римляне были первою сухопутною, карѳагеняне — первою морскою державой. Уже 1-я пуническая война длилась болѣе 20 л. Побѣда постоянно склонялась то на ту, то на другую сторону. Но съ самаго начала у римлянъ явилось два преимущества. 1) Гіеронъ отсталъ отъ карѳагенянъ и вступилъ въ союзъ съ Римомъ, которому не измѣнялъ въ теченіе 50 л. до самой своей смерти. Этотъ прекрасный государь теперь посвятилъ себя внутреннимъ дѣламъ и особенно покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ. Вокругъ него толпились обласканные имъ ученые и художники со всего греческаго міра. Во главѣ ихъ стоялъ знаменитый математикъ *Архимедъ*. 2) Въ самомъ началѣ войны римляне совершили подвигъ, который изумилъ міръ. Эти земледѣльцы въ 2 мѣсяца выстроили флотъ, который не уступалъ карѳагенскому и даже превосходилъ его, благодаря изобрѣтенію консула *Дуилія*. Римляне пристроили къ своимъ кораблямъ длинные помосты, которые были приподняты съ одного конца и прикрѣплены къ высокой мачтѣ крюкомъ. Придвинувшись къ непріятельскому кораблю, они спускали помостъ — и онъ падалъ на бортъ вражескаго судна, вцѣпляясь въ него своимъ крюкомъ. Римскіе воины бросались на непріятеля по

этимъ *абордажнымъ мостамъ* — и морская битва превращалась въ знакомую имъ сухопутную. Съ помощью своего изобрѣтенія, *Дуилій* одержалъ первую морскую побѣду надъ карѳагенянами при *Милахъ*. Римляне увѣковѣчили память о ней колонною съ корабельными носами, а Дуилія почтили необыкновеннымъ способомъ: когда онъ ночью возвращался домой изъ гостей, передъ нимъ шли факельщики и флейтисты. Затѣмъ римляне уже не боялись морскихъ битвъ, въ которыхъ иногда участвовали до 300 т. войска съ обѣихъ сторонъ. Они даже переправились въ Африку подъ начальствомъ консула *Регула*. Но здѣсь одинъ искусный спартанецъ, нанятый карѳагенянами, нанесъ имъ жестокое пораженіе. Самъ полководецъ попалъ въ плѣнъ, въ которомъ и умеръ. Вслѣдъ затѣмъ у карѳагенянъ явился замѣчательный полководецъ, *Гамилькаръ*, по прозванію *Барка* (Молнія). Онъ былъ представителемъ свѣжей демократіи, которая теперь, въ минуту великаго испытанія, возобладала надъ гнилою, бездарною олигархіей. Гамилькаръ былъ мужественъ и неутомимъ и справедливо называлъ „львиной семьей“ себя и своихъ сыновей, *Ганнибала* и *Газдрубала*. Онъ занялъ неприступный утесъ *Иркте* въ Сициліи и быстро являлся повсюду, гдѣ никто не ожидалъ его; а подъ утесомъ была хорошая бухта, откуда также внезапно вылеталъ карѳагенскій флотъ и билъ римскія эскадры. Но скупое правительство не давало Гамилькару ни денегъ, ни наемниковъ. Силы его истощались съ каждымъ годомъ. А римляне, напротивъ, соперничали другъ съ другомъ въ патріотизмѣ. Отовсюду лились пожертвованія; чиновники и воины отказывались отъ жалованья; частныя лица построили большой флотъ. Вскорѣ карѳагенскій флотъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе у *Эгатскихъ о.*, близъ Сициліи. У карѳагенянъ не оставалось ни флота, ни войска—и они заключили миръ, уступивъ римлянамъ Сицилію. Римляне, съ своей стороны, обязались не касаться остальныхъ владѣній Карѳагена; но не прошло 5 л., какъ они захватили *Корсику* и *Сардинію*. Это вѣроломство привело въ негодованіе Гамилькара, и онъ заставилъ своего 7-лѣтняго Ганнибала поклясться въ вѣчной ненависти къ Риму.

§ 209. **Римскія провинціи и карѳагенская Испанія. Ганнибалъ.** Съ пріобрѣтеніемъ Сициліи римское господство перешло *за предѣлы Италіи*. Римляне называли всѣ свои владѣнія внѣ Италіи *провинціями*, которыми управляли намѣстники, подъ именемъ *пропреторовъ* и *проконсуловъ*. Намѣстникъ пользовался неограниченною властью: онъ былъ военачальникомъ, судьей и правителемъ; только казна принадлежала *квесторамъ*, которые подчинялись прямо сенату. Намѣстникъ собиралъ подати въ видѣ десятины съ произведеній земли и получалъ съ провинціаловъ добровольныя приношенія, или взятки. Намѣстники угнетали провинціи и въ одинъ годъ наживали огромное

состояніе. На нихъ почти не было суда; ктому же они всегда могли подкупить судей въ Римѣ, которые уже становились тогда продажными. Вскорѣ къ римскимъ провинціямъ присоединилась *Цизальпійская Галлія*, гдѣ римляне обратили кельтовъ въ своихъ подданныхъ и устроили много колоній (Медіоланъ, Парма, Верона, Мантуа и др.). Тогда же греки иллирійскаго побережья просили у Рима помощи противъ пиратовъ; римляне усмирили разбойниковъ и захватили часть береговъ *Иллиріи*, гдѣ устроили морскія стоянки. Между тѣмъ Гамилькаръ собиралъ средства къ отмщенію Риму. Правительство отдало войско и флотъ въ его распоряженіе, и онъ бросился на завоеваніе Испаніи, которая могла дать ему много солдатъ и денегъ. Въ 20 л. весь юго-востокъ этой богатой страны превратился въ новое карѳагенское государство со столицей, *Новымъ Карѳагеномъ*, подлѣ котораго были неистощимые серебряные рудники. Туземцы Испаніи, храбрые *кельты* и *иберы*, были привлечены мягкимъ обращеніемъ Гамилькара, и онъ составилъ изъ нихъ большую, прекрасную армію. Гамилькаръ ходилъ съ ними внутрь страны на ихъ еще дикихъ соплеменниковъ и погибъ въ одномъ изъ этихъ походовъ. Его мѣсто занялъ *Ганнибалъ*. Онъ былъ некрасивъ и суровъ, а окрившвъ въ Италіи, сталъ даже страшенъ: онъ часто прибѣгалъ къ хитрости; вездѣ, не исключая Рима, у него было много шпіоновъ; онъ самъ любилъ вывѣдывать, переряживаясь и надѣвая парикъ. Ганнибалъ закалилъ свое тѣло гимнастикой, славился своею тигровою гибкостью и ловкостью и былъ идоломъ солдатъ. Онъ былъ также хорошо образованъ, говорилъ и писалъ погречески. Ганнибалъ былъ великъ и какъ полководецъ, и какъ политикъ. Онъ понималъ характеръ врага и, примѣняясь къ нему, дѣйствовалъ то пылко, быстро и отважно, то сдержанно, съ тонкимъ разсчетомъ. Ганнибалъ погибъ оттого, что силы Карѳагена не соотвѣтствовали его великой задачѣ, а Италія оказалась менѣе разъединенною, чѣмъ онъ думалъ. Но онъ показалъ, какъ талантъ можетъ *изворачиваться*, временно создавать средства, побѣждать обстоятельства и, можно сказать, стихіи. Ганнибалъ умѣлъ лѣтъ 10 распоряжаться судьбами всего міра и внушилъ такой ужасъ итальянцамъ, что въ теченіе многихъ поколѣній его обликъ казался имъ какимъ-то непреодолимымъ исчадіемъ ада. Погибая, онъ, раненый левъ, наносилъ Риму раны, отъ которыхъ тотъ никогда не исцѣлился. Теперь пришла пора Ганнибалу исполнить клятву, данную отцу — и онъ изготовился, какъ геніальный вождь. Онъ подготовилъ возстаніе среди подданныхъ Рима, особенно въ Цизальпійской Галліи, и оставилъ часть войска въ Испаніи съ Газдрубаломъ, а съ главною арміей рѣшился произвести сказочный подвигъ — перейти черезъ Пиренеи и Альпы. Въ 219 г. Ганнибалъ, не выжидая предлоговъ, самъ началъ *вторую* пуническую

войну, разрушивъ союзный Риму *Сагунтъ* (теперь Мурвіедро)—греческую колонію на восточномъ берегу Испаніи. Затѣмъ онъ двинулся черезъ Эбро съ 100.000 войска и съ 40 слонами.

§ 210. **Вторая пуническая война.** Переходъ черезъ Альпы (Малый С. Бернаръ), гдѣ въ теченіе полугода приходилось бороться не только съ ужасами природы, но съ дикими горцами, изумилъ міръ. Но зато у Ганнибала осталась только $^1/_4$ арміи, притомъ усталой и голодной. Римляне могли бы сразу истребить эту горсть смѣльчаковъ; но ими овладѣло оцѣпенѣніе. Они выслали бездарнаго консула, который долго не смѣлъ сразиться съ Ганнибаломъ, далъ ему отдохнуть и потомъ былъ жестоко разбитъ у *Тичино*. Самъ консулъ едва спасся, благодаря отважной кавалерійской аттакѣ молодого *Сципіона*. Въ то же время, въ Цизальпійской Галліи, кельты возстали противъ своихъ поработителей и присоединились къ пунійцамъ. Ганнибалъ еще нѣсколько разъ поразилъ непріятеля у р. Требіи и въ Этруріи, при Тразименскомъ оз. Почти всѣ арміи римлянъ были истреблены, и въ самомъ Римѣ господствовало такое же смятеніе, какъ послѣ битвы у Алліи (§ 198). Сенатъ назначилъ диктатора, *Квинта Фабія*. Это былъ опытный и осторожный патрицій стараго закала, презиравшій толпу и новые порядки. Какъ полководецъ, Фабій не отличался талантомъ: Ганнибалу удавалось проводить его весьма нехитрыми маневрами. Но онъ взглянулъ на дѣло трезво, безъ національнаго хвастовства. Онъ видѣлъ, что нужно было возстановить вѣру въ себя у римскаго войска, избитаго Ганнибаломъ; а для этого не должно было допускать ни одного новаго пораженія. Зная, что Ганнибалъ непобѣдимъ въ битвахъ, Фабій рѣшился не драться съ нимъ, а утомлять его походами. Онъ слѣдовалъ всюду за врагомъ, какъ „тѣнь Ганнибала“, и все держался высотъ, гдѣ устраивалъ неприступные лагери при всякой стоянкѣ. Фабія прозвали за эту систему *Кунктаторомъ* (Медлителемъ). Тотчасъ понявъ своего противника, Ганнибалъ, не обращая на него вниманія, сталъ носиться изъ конца въ конецъ по Италіи, преслѣдуя свою великую политическую цѣль — поднять противъ римлянъ ихъ „союзниковъ“. Но за нимъ пошли только галлы да нѣкоторые изъ южныхъ италиковъ; центръ же полуострова не измѣнилъ римлянамъ. Это, а не система Кунктатора, спасло Римъ, тѣмъ болѣе что римлянамъ надоѣла наконецъ медленность: комиціи начали роптать на сенатъ, смѣнили Фабія и назначили консуломъ своего любимца, сына мясника, пылкаго и самонадѣяннаго *Теренція Варрона*; знати едва удалось провести въ товарищи ему опытнаго и осторожнаго, какъ Фабій, *Эмилія Павла*. Эмилій уклонялся отъ сраженій, хотя римское войско было уже почти вдвое многочисленнѣе пунійскаго; но Теренцій воспользовался днемъ своего ко-

мандованія и далъ битву при *Каннахъ*, въ Апуліи (216). Римляне потерпѣли безпримѣрное пораженіе. Изъ 90-тысячной арміи ок. 70 т. легло на мѣстѣ вмѣстѣ съ Эмиліемъ Павломъ; остальные попали въ плѣнъ; изъ горсти спасшихся сохранилъ оружіе одинъ Сципіонъ, поклявшійся на мечѣ отомстить Ганнибалу за Канны. Побѣдитель отправилъ въ Карѳагенъ 3 хлѣбныхъ мѣры золотыхъ колецъ, снятыхъ съ убитыхъ всадниковъ. Въ Римѣ отмѣтили въ календарѣ черною чертой день битвы при Каннахъ точно также, какъ день пораженія у Аллія. Тамъ совершали церковные ходы, читали сивиллины книги, послали спросить Пиѳію, приносили человѣческія жертвы подземнымъ богамъ. Ганнибалу снова былъ открытъ путь къ Риму, какъ послѣ побѣдъ въ Этруріи; но и теперь онъ не пошелъ туда, а повернулъ въ Кампанію, гдѣ роскошная *Капуя* съ восторгомъ приняла освободителей отъ римскаго ига. Въ то же время въ Сиракузахъ умеръ вѣрный другъ римлянъ, Гіеронъ, и его преемники передались Карѳагену; а Филиппъ III македонскій заключилъ союзъ съ Ганнибаломъ и объявилъ войну римлянамъ (§ 167). Ганнибалъ достигъ высшаго счастья, и тогда же начался поворотъ въ его судьбѣ. Случилось то же, что съ Гамилькаромъ въ Сициліи (§ 208). Бездушная карѳагенская олигархія покинула Ганнибала на произволъ судьбы, не посылала ему ни денегъ, ни войскъ. Римляне же оказали небывалые подвиги патріотизма и мужества. Всякій жертвовалъ, что̀ могъ; воины отказались отъ жалованья; набирали арміи даже изъ мальчиковъ, рабовъ и колодниковъ. Въ консулы попали лучшіе представители стараго и молодаго поколѣнія—Кунктаторъ и Марцеллъ. Даровитый *Марцеллъ* былъ такъ горячъ и энергиченъ, что его считали юношей, несмотря на его 60 л., и солдаты обожали его, несмотря на жестокую дисциплину. Не обращая вниманія на Ганнибала, войска котораго изнѣживались въ богатой Капуѣ отъ бездѣйствія, Марцеллъ перенесъ войну въ Сицилію. Онъ взялъ *Сиракузы*, хотя и употребилъ на это 2 года, такъ какъ городъ защищалъ *Архимедъ* (§ 172), который изобрѣталъ разрушительныя машины, въ томъ числѣ огромныя крючья, хватавшіе цѣлые корабли. Архимедъ такъ углубился въ свои занятія, что не слышалъ, какъ римляне взяли Сиракузы. Онъ чертилъ на полу геометрическія фигуры, когда вбѣжалъ къ нему римскій воинъ. „Смотри, не испорти моихъ круговъ!“ крикнулъ ему старикъ и палъ подъ солдатскимъ ударомъ. Когда Марцеллъ возвратился изъ Сиракузъ въ Италію, у Ганнибала оставалась одна надежда на Газдрубала, который успѣлъ поразить римскую армію въ Испаніи и внезапно спустился въ Италію. Но римляне не допустили его до соединенія съ братомъ и разбили на сѣверѣ Италіи. Ганнибалъ узналъ объ этомъ только тогда, когда въ его лагерь перекинули голову несчастнаго Газдрубала. Въ то же время у римлянъ

явился достойный соперникъ Ганнибала, *Сципіонъ*, отличившійся при Тичино и Каннахъ. Сципіонъ терялъ при сравненіи съ геніальнымъ Ганнибаломъ: онъ былъ храбрый, но неизобрѣтательный полководецъ и заурядный политикъ. Но онъ отличался счастьемъ, вѣра въ которое сообщало ему особенную смѣлость и одушевленіе, подкупавшее самого Ганнибала; народъ даже приписывалъ ему божественное происхожденіе. Сципіонъ былъ молодъ, красивъ и веселъ: греческое воспитаніе доставило ему изящество, краснорѣчіе и ласковое обращеніе и сдѣлало изъ него перваго симпатичнаго римлянина. Сципіонъ перенесъ войну въ Африку. Близъ Карѳагена, при *Замѣ* (202), Ганнибалъ испыталъ то же, что римляне при Каннахъ: 20 т. карѳагенянъ легло на полѣ битвы; остальныя 20 т. сдались въ плѣнъ. Сципіонъ получилъ названіе *Африканскаго*. Въ слѣдующемъ году былъ заключенъ миръ. Карѳагеняне отдали римлянамъ всѣ свои владѣнія внѣ Африки и свой флотъ, который тутъ же былъ сожженъ; сверхъ того они обязались ни съ кѣмъ не воевать безъ разрѣшенія Рима и возвратить его союзнику, нумидійскому царю, *Массиниссѣ*, всѣ земли, когда-либо отнятыя у его предковъ.

§ 211. **Покореніе Македоніи и Греціи; борьба съ Сиріей.** Вторая пуническая война имѣла важныя послѣдствія. 1) Карѳагенъ погибъ въ смыслѣ великой державы, превратившись въ римскаго вассала. 2) Римъ сталъ первою державой тогдашняго міра, такъ какъ онъ пріобрѣлъ Испанію, всѣ сицилійскія республики съ Сиракузами во главѣ, протекторатъ надъ полудикими племенами с. Африки и безраздѣльную гегемонію надъ всѣмъ западнымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Сверхъ того Римъ окончательно закрѣпилъ за собой Италію, прирѣзавъ къ ager publicus значительную часть измѣнившихъ земель (т.-е. с. и ю. Италію) и устроивъ въ нихъ множество римскихъ и латинскихъ колоній, такъ что произошло, можно сказать, *второе и окончательное объединеніе Италіи*. 3) Союзъ Ганнибала съ Филиппомъ III прямо вовлекалъ римлянъ въ дѣла Востока, гдѣ господствовало такое политическое разложеніе, что вмѣшательство столь сильнаго государства, какъ Римъ, должно было быстро перейти во владычество. Если благодаря Ганнибалу, *первая македонская война* (§ 167) не доставила выгодъ римлянамъ, то *вторая*, начатая тотчасъ послѣ побѣды подъ Замой, уже окончилась обращеніемъ Македоніи въ такого же римскаго вассала, какъ Карѳагенъ (§ 168). Вслѣдъ затѣмъ разразилась война римлянъ съ *Антіохомъ III*, причемъ мы опять встрѣчаемся съ Ганнибаломъ. Тотчасъ послѣ битвы при Замѣ карѳагеняне вручили своему герою власть надъ республикой—и онъ оказался замѣчательнымъ правителемъ. Ганнибалъ понялъ, что все несчастіе Карѳагена заключается въ эгоистической олигархіи, которая сама не несла никакихъ повинностей и все бремя налоговъ свали-

вала на бѣдняковъ. Ему удалось ограничить власть этихъ богачей народною сходкой и болѣе справедливо распредѣлить налоги. Вслѣдствіе этого финансы такъ поправились, что контрибуція выплачивалась римлянамъ весьма правильно, да еще оставался запасъ. Олигархи возненавидѣли Ганнибала и начали внушать римскому сенату, что онъ собираетъ деньги для новой пунической войны Сенатъ, въ которомъ одинъ только Сципіонъ горячо вступился за своего соперника, повѣрилъ и послалъ шпіоновъ схватить Ганнибала, но онъ успѣлъ бѣжать къ Антіоху. Антіохъ былъ разбитъ римлянами при *Магнезіи* (190) именно потому, что не слушалъ совѣтовъ Ганнибала (§§ 161, 168). Битва при Магнезіи имѣетъ почти такое же важное значеніе, какъ битва при Замѣ; ее и выигралъ Сципіонъ Африканскій, хотя онъ предоставилъ честь побѣды своему брату, консулу *Луцію Сципіону*, прозванному теперь *Азіатскимъ*. Это былъ послѣдній подвигъ знаменитаго римлянина. Послѣдніе годы своей жизни Сципіонъ провелъ въ борьбѣ съ своими врагами въ Римѣ. Его ненавидѣли за эллинское образованіе приверженцы старины, во главѣ которыхъ стоялъ *Катонъ*. Враги начали жаловаться на корыстолюбіе Сципіона. Въ первый разъ онъ самъ пришелъ на судъ, послалъ домой за своими расходными списками и гордо разорвалъ ихъ, замѣтивъ, что Риму постыдно спрашивать у него отчета въ деньгахъ. Но вскорѣ трибунъ внесъ подобную же жалобу въ комиціи, вопреки сопротивленію своего товарища, *Тиверія Семпронія Гракха*, благоговѣвшаго передъ Сципіономъ и женатаго на его дочери, *Корнеліи*. Сципіонъ пришелъ на комиціи и пригласилъ народъ молиться за побѣдителя при Замѣ, такъ какъ тогда приходилась годовщина этой битвы, и народъ съ востогромъ послѣдовалъ за нимъ. Но вскорѣ Сципіонъ въ третій разъ былъ призванъ на судъ. Тогда онъ удалился въ свою виллу близъ Кумъ, гдѣ вскорѣ умеръ (183). Въ томъ же году погибли Филопеменъ (§ 168) и Ганнибалъ. Послѣ битвы у Магнезіи Антіохъ обязался выдать Ганнибала, но далъ ему возможность бѣжать. Ганнибалъ явился при дворѣ царя вионпскаго, который выдалъ его римлянамъ; но герой не дался живымъ: онъ принялъ ядъ. Вскорѣ разразилась *третья македонская война*, съ Персеемъ (§ 168), въ которой римляне передали начальство представителю лучшей, старой знати, *Эмилію Павлу*, сыну консула, павшаго при Каннахъ. Это былъ опытный полководецъ и честный человѣкъ, образованный погречески. Онъ былъ другомъ фамиліи Сципіоновъ: Сципіонъ Африканскій былъ женатъ на его сестрѣ и усыновилъ его сына, который назывался поэтому Сципіономъ Эмиліаномъ. Эмилій Павелъ уничтожилъ Персея въ битвѣ при *Пидиѣ* (168), которая превратила Македонію въ римскую провинцію, т.-е. погубила послѣднюю цивилизованную державу, стоявшую на пути римлянъ ко все-

мірному владычеству: съ этихъ поръ всѣ войны римлянъ были борьбой съ варварами. *Ахейскую войну* (§ 169), окончившуюся обращеніемъ Эллады въ римскую провинцію, Ахаію (146), нельзя считать войною: она была похожа на усмиреніе бунта.

§ 212. **Третья пуническая война.** Съ каждымъ новымъ успѣхомъ римляне все болѣе и болѣе увлекались жадною *завоевательною политикой*. Они не могли выносить мысли, что Карѳагенъ все еще существуетъ, хотя слабый, покорно исполнявшій даже самыя несправедливыя требованія. Римскіе купцы злились на то, что они и теперь не могли соперничать съ пунійскими купцами, которые снова богатѣли. Пользуясь тѣмъ, что карѳагеняне не смѣли ни съ кѣмъ воевать безъ ихъ разрѣшенія, римляне побуждали Массиниссу грабить и захватывать ихъ земли. Пунійцы все переносили безропотно. Наконецъ римляне потребовали, безъ всякаго повода, выдачи всего оружія—и карѳагеняне отдали все, до послѣдняго ножа. Но римлянамъ все было мало. Одинъ изъ главныхъ сенаторовъ, *Катонъ*, всегда, о чемъ бы ни разсуждали, приговаривалъ: „А я все-таки полагаю, что должно разрушить Карѳагенъ“. И вотъ теперь, когда карѳагеняне были совсѣмъ обезоружены, сенатъ приказалъ имъ самимъ разрушить свой городъ и переселиться внутрь страны. Карѳагеняне рѣшились лучше умереть — и погибли, покрытые безсмертною славой. Они въ нѣсколько недѣль надѣлали множество оружія, причемъ каждый приносилъ все, что было у него металлическаго въ домѣ. Женщины отрѣзывали свои косы для канатовъ и работали на укрѣпленіяхъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Обороной руководилъ *Газдрубалъ*, послѣдній изъ „львиной семьи“ Барки. 4 года сопротивлялись карѳагеняне и побили нѣсколько опытныхъ римскихъ армій. Римляне принуждены были собрать всѣ свои силы и выслали своего лучшаго полководца. То былъ сирота, котораго усыновилъ знаменитый Сципіонъ, давшій ему собственную фамилію. Въ отличіе отъ побѣдителя Ганнибала, его прозвали Сципіономъ Африканскимъ Младшимъ. Этотъ Сципіонъ былъ разсудительный человѣкъ, хорошій полководецъ и ораторъ. Даже Катонъ, ненавидѣвшій Сципіоновъ, говорилъ про него: „онъ одинъ съ головой, всѣ другіе — блуждающія тѣни“. Сципіонъ получилъ отъ Поливія греческое образованіе, которое смягчало въ немъ римскую суровость. Но ему пришлось исполнить жестокій приговоръ сената надъ упорнымъ врагомъ, который, при послѣднемъ штурмѣ, не отдавалъ безъ крови ни одного окна, ни одной крыши въ своемъ городѣ. Изъ 700 т. жителей осталось всего 50 т., отданныхъ въ рабство. Газдрубалъ сдался; но его жена съ дѣтьми бросилась въ пламя, охватившее главный храмъ, какъ послѣдняя жертва злополучной судьбы Карѳагена. Вопреки просьбѣ Сципіона, городъ былъ сравненъ съ землей, которую вспахали. Сципіонъ долженъ былъ произ-

нести проклятіе всякому, кто осмѣлился бы поселиться здѣсь; но онъ произнесъ при этомъ стихъ изъ Гомера, предвѣщавшій паденіе гордаго Иліона. Все карѳагенское государство было обращено въ *римскую провинцію*, подъ именемъ *Африки*. Это случилось въ томъ же (146) году, когда свирѣпый Муммій разрушилъ Коринѳъ (§ 169). Но Муммій былъ круглый невѣжа, а Сципіонъ Младшій — эллински-образованный человѣкъ. 13 лѣтъ спустя, римляне получили въ даръ Пергамъ (§ 163), который назвали провинціей *Азіей*. Тогда же они окончательно завладѣли *Испаніей*, покоренной еще во 2-ю пуническую войну. Тамъ вспыхнуло возстаніе туземцевъ подъ начальствомъ лузитанина (португальца), пастуха *Виріата*, который чуть живой бѣжалъ отъ истязаній жестокаго проконсула. Подавленіе его дорого стоило римлянамъ, которые восторжествовали, только умертвивъ Виріата посредствомъ измѣны.

§ 213. **Культура 4 періода: а) ея характеръ; религія.** Римъ вообще медленно развивался въ культурномъ отношеніи, въ особенности сравнительно съ его политическими и военными успѣхами. Въ 3 періодѣ его исторіи (340 — 264) не было ничего замѣчательнаго въ его культурѣ (§ 202), зачатки которой появляются только въ *4 періодѣ*, или въ эпоху пуническихъ войнъ (264 — 146); но и эти зачатки важнѣе въ матеріальной, чѣмъ въ идеальной области. Главнымъ отличіемъ идеальной культуры служитъ *эллинское вліяніе*, которое объясняется тремя причинами. 1) Въ этомъ періодѣ Римъ вышелъ за предѣлы Италіи, и отъ столкновенія съ чуждою жизнью должна была нарушиться его первоначальная самобытность. 2) Передъ этимъ Римъ не выработалъ собственной культуры, которая могла бы оградить его отъ вліянія чуждой образованности. 3) Эллинизмъ былъ тогда такъ могущественъ, что могъ бы подчинить себѣ и болѣе культурную націю. Его сила основывалась не на одномъ внутреннемъ достоинствѣ или содержаніи, которое было выше всего въ тогдашнемъ мірѣ; важнѣе всего, что характеръ его былъ не исключительно эллинскій, а *космополитическій*, общечеловѣческій. Это — тотъ эллинизмъ, который служилъ основою міровой идеѣ Александра Вел. и сближалъ между собой національности, разбивая оковы мѣстной исключительности (§ 171). Національная *религія* — самая устойчивая сторона въ культурѣ, а между тѣмъ въ Римѣ эллинизмъ проникъ сюда уже въ царскій періодъ (§ 190) и затѣмъ распространялся безпрерывно, тѣмъ болѣе что быстро падала искренняя набожность, которою нѣкогда славились римляне. Въ 4-мъ періодѣ эта набожность замѣнилась однимъ исполненіемъ обрядовыхъ предписаній жрецовъ. Вслѣдствіе этого жрецы и знахари пріобрѣли теперь большое значеніе и свободу отъ всякихъ повинностей, а обряды стали многочисленны, строги и роскошны. Особенно затѣйливы и дороги были храмовыя трапезы, для

которыхъ изобрѣли даже спеціальныхъ жрецовъ — „трехъ пиршественныхъ мужей“ (tres viri epulones). Умиравшіе обыкновенно завѣщали значительную часть имущества на храмы и жрецовъ, такъ что сложилась поговорка: „наслѣдство безъ жертвеннаго обязательства“ — вродѣ нашего выраженія: „роза безъ шиповъ“. При такомъ паденіи религіозности легко прокралась въ Римъ „Священная исторія“ Эвгемера, переведенная на латинскій языкъ Энніемъ (§ 173), которая объясняла боговъ Эллады *апоѳеозой*, или обоготвореніемъ древнихъ людей, такъ что Эвгемеръ, напр., самъ видѣлъ на одномъ островѣ храмъ, построенный Зевсомъ, когда онъ еще царствовалъ на землѣ простымъ смертнымъ. Между тѣмъ какъ такія противорелигіозныя ученія, какъ *эвгемеризмъ*, овладѣвали образованнымъ обществомъ, масса впадала въ грубыя и грязныя *суевѣрія*, которыя проникали въ Римъ не только изъ Эллады, но и съ далекаго Востока. Въ ганнибалову войну римляне со страху хватались за все; само правительство отправило торжественное посольство въ Малую Азію, чтобы привезти оттуда „Великую Матерь боговъ“, или фригійскую *Кибелу*, въ видѣ дикаго камня (§ 68). Съ новой богиней прибыли въ Римъ и ея жрецы — евнухи въ восточныхъ одеждахъ, которые ходили изъ дома въ домъ съ убійственной азіатской музыкой и собирали деньги на свои обряды, сопровождавшіеся кровавыми истязаніями. Вслѣдъ затѣмъ возникло въ Римѣ торжественное служеніе египетскимъ богамъ, *Изидѣ* и *Серапису* (§ 15), въ особенности же *Вакху* (§ 128). Въ честь Вакха совершались грязныя и преступныя оргіи, прославившіяся подъ именемъ „вакханалій“: члены этого „тайнаго союза“ занимались даже составленіемъ ложныхъ завѣщаній, клятвопреступленіемъ, убійствами, отравленіями и т. д. Правительство схватило однажды до 7 т. вакхантовъ и вакханокъ и почти всѣхъ ихъ казнило; но, конечно, это нисколько не помогло.

§ 214. б) **Старые нравы. Катонъ Старшій.** Вмѣстѣ съ паденіемъ національной религіи зарождались новые нравы подъ иностраннымъ, въ особенности эллинскимъ, вліяніемъ. Противоположность между новыми и древними нравами лучше всего характеризуется жизнью и сочиненіями фанатичнаго приверженца старины, *Марка Порція Катона Старшаго* (234 – 149). Катонъ происходилъ изъ незнатной фамиліи: знать называла его „сабинскимъ мужикомъ“ и „выскочкой“. Но онъ долго считался первымъ человѣкомъ въ Римѣ, былъ пропреторомъ въ Сардиніи, проконсуломъ въ Испаніи и даже консуломъ и цензоромъ въ Римѣ. Сверхъ того его почитали, какъ побѣдителя Антіоха въ одной битвѣ и какъ человѣка, который „взялъ въ Испаніи больше городовъ, чѣмъ сколько пробылъ тамъ дней“. Катонъ отличался столько же богатырскимъ здоровьемъ и тѣлесной силой, сколько желѣзнымъ характеромъ, честностью, патріотизмомъ и право-

судіемъ. Катонъ самъ доставилъ себѣ значительное образованіе и былъ извѣстенъ, какъ политикъ, законовѣдъ, писатель и хозяинъ-экономъ; тѣмъ не менѣе, онъ отличался грубостью и деревенскими манерами, которыя усиливали его замѣчательное безобразіе, заслужившее ему названіе „зеленоглазаго и красноволосаго чудака". Главная слава Катона состояла въ той неутомимой и безустанной борьбѣ съ новизной, которую онъ велъ до глубокой старости, не стѣсняясь ничѣмъ и нерѣдко доходя до смѣшнаго. Катона, какъ *вѣрнаго представителя древнихъ нравовъ* и всего старомоднаго, зналъ каждый ребенокъ въ Римѣ. Онъ хорошо извѣстенъ и намъ, благодаря своимъ „Наставленіямъ сыну" (Praecepta ad filium), которыя представляютъ родъ римскаго Домостроя и прекрасно рисуютъ патріархальные нравы квиритовъ. Вотъ идеалъ Катона. Изъ сына нужно сдѣлать сильнаго, выносливаго и храбраго мужа, не заботясь о развитіи его ума. Съ женщиной нужно обращаться строго, ибо это—вредное созданіе, любящее вздорить да наряжаться. Еще суровѣе нужно обходиться съ рабомъ: его должно сѣчь за малѣйшее упущеніе, напр., при подачѣ блюдъ. Слѣдуетъ покупать раба молодаго и подешевле, потомъ хорошенько выкормить его, обучить и продать подороже. Но въ то же время должно защищать своихъ подданныхъ, рабовъ и кліентовъ и вообще считать ихъ какъ-бы членами семьи: матрона, напр., можетъ кормить ребенка раба. Катонъ, презиравшій браки по разсчету, самъ женился подъ старость на молодой кліенткѣ, и, конечно, по старому церковному обряду, причемъ новобрачные съѣдали свадебный пирожокъ (confarreatio). Катонъ съ ненавистью относился ко всему иноземному. Онъ бранилъ эллинскую науку, называлъ поэзію и искусства вредною забавой и придерживался, вмѣсто греческихъ врачей, старыхъ нашептываній, причитаній, да знахарей. Онъ совѣтовалъ до свѣта вставать и вѣчно трудиться надъ „нашей общей кормилицей", землей, отнюдь не занимаясь безчестнымъ ремесломъ — ростовщичествомъ. Катонъ и жилъ, какъ древній римскій гражданинъ. Онъ ѣлъ то же, что̀ и его рабы—простую домашнюю пищу, пилъ плохое римское вино, да воду съ уксусомъ, причемъ его услаждала пискливая доморощенная дудка. Писалъ онъ постариковски большими отчетливыми буквами и медленно. Одѣвались Катонъ и его матрона, какъ при Брутѣ: у нихъ не было платья дороже 25 р. Въ домѣ у него не было ни одного ковра и не допускалось штукатурки на деревянныхъ стѣнахъ. Говорилъ Катонъ мало, смѣялся еще меньше.

§ 215. **в) Новые нравы и Катонъ.** Новые эллинскіе нравы въ Римѣ представляли противоположную картину. Общество стало образованнѣе, потому что прежде *воспитаніе* ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и зубреніемъ XII таблицъ (§ 195) въ элементарныхъ школахъ, а больше всего просто примѣромъ отца семейства; теперь же

всякій старался купить греческаго раба, чтобы ознакомить своихъ дѣтей съ языкомъ и литературой Эллады. Бытъ сталъ разнообразнѣе и шире: прежде требовалось жить важно (grave, § 202), и даже печально (triste), чопорно, теперь же — свободно, весело, погречески. Прежде молчаливость считалась добродѣтелью, теперь же стали много болтать и свободно разсуждать обо всемъ. Но большинство заимствовало не лучшія, а худшія стороны греческой цивилизаціи. Общество утрачивало строгія черты древнихъ нравовъ и впадало въ *легкомысліе* и *развращенность*. О паденіи преданности старинѣ (pietas § 190) можно судить уже по силѣ иностраннаго вліянія въ религіи. Но замѣчательнѣе всего было ослабленіе знаменитой римской virtus. Къ концу 4 періода римляне уже далеко не были образцами гражданскаго и военнаго мужества. *У чиновниковъ* развились себялюбіе, алчность и казнокрадство. *Войско* нерѣдко походило скорѣе на разбойничью шайку, чѣмъ на правильную армію. Полководцы ссорились между собой и потворствовали солдатамъ, которые были въ то же время гражданами, подававшими голоса въ комиціяхъ; они старались только награбить побольше добычи и добиться пышнаго тріумфа, памятника или почетнаго прозвища (Africanus, Asiaticus и др.). Съ этою цѣлью, они предпринимали даже походы на свой страхъ, не спрашиваясь сената, на который вообще не обращали вниманія. Оттого начало 3-й македонской войны было истиннымъ позоромъ для римлянъ: ихъ войска разбойничали и не слушались своихъ бездарныхъ и развращенныхъ начальниковъ, такъ что даже Персей нѣсколько разъ разбилъ ихъ безъ труда. Еще позорнѣе было подавленіе возстанія въ Испаніи (§ 212), гдѣ одну крѣпость, *Нуманцію*, пришлось брать чуть не всѣми римскими войсками подъ начальствомъ самого Сципіона Младшаго, причемъ отличились крестьянинъ *Маріи* и внукъ Массиниссы, *Югурта*. Если при всемъ томъ римляне продолжали побѣждать, то только потому, что съ конца 4 періода имъ приходилось имѣть дѣло съ такими ничтожными, отжившими непріятелями, какъ Грецiя, Македонія и Востокъ. Разрушалась и *семейная жизнь*. Разводы совершались весьма легко и часто; бракъ изъ церковнаго учрежденія (matrimonium confarreatione) превратился въ гражданское (matrimonium consensu), и число женатыхъ все уменьшалось. *Женщина* стала освобождаться отъ строгой родительской и мужней власти, пріобрѣтала имущественныя права, становилась капиталисткой и даже начинала играть политическую роль, интриговать на комиціяхъ и въ сенатѣ; въ провинціяхъ уже ставили статуи римскимъ матронамъ. На женщинѣ же болѣе всего отразились легкость нравовъ и *роскошь*, появившіяся въ Римѣ особенно со времени похода противъ Антіоха. Женщины стали носить *столы* (платья) съ богатымъ шитьемъ, розовыя накидки, золотые пояса, длинные пурпурные шлейфы; онѣ об-

вѣшивались драгоцѣнными украшеніями и стали ѣздить на колесницахъ парой и даже четверней. Въ то же время въ Римѣ появилась масса разныхъ дорогихъ бездѣлушекъ, серебряной утвари съ двусмысленными украшеніями, дорогихъ диванов и кроватей съ бронзовой отдѣлкой, ковровъ и „аттальскихъ покрововъ“, похожихъ на золотой штофъ. Особенно роскошенъ сталъ *обѣдъ*. Прежде въ полдень только закусывали, а обѣдали одинъ разъ, вечеромъ; теперь же завтракъ обратился въ обѣдъ. Прежде все готовилось дома матроной съ рабынями; теперь завелись повара, весьма опытные въ гастрономіи; появились даже пекарни, чего никогда не было въ Римѣ. Обѣдъ въ залѣ, имѣвшей видъ красиваго садика, состоялъ, кромѣ легкой закуски, изъ множества блюдъ. Тутъ подавали телятину, душеную говядину, фазановъ, разную рыбу съ острыми соусами, а также всякія заграничныя лакомства, въ особенности же греческія вина и понтійскія сардинки, за боченокъ которыхъ платили больше, чѣмъ за простого раба (ок. 100 р.). Вино теперь пили уже цѣликомъ, не разбавляя водой. Во время обѣда являлись греческіе флейтисты съ азіатскими арфистками. Гости все больше и больше увлекались азартной игрой въ кости. Вообще стало развиваться *отвращеніе къ труду*, страсть къ бездѣльничанью, къ безцѣльнымъ прогулкамъ и празднествамъ. Оттого подлѣ старыхъ „римскихъ игръ“ возникло еще четыре народныхъ празднества, которыя совершались въ огромномъ *циркѣ*, на Марсовомъ полѣ, гдѣ была длинная арена (греч. стадій, § 101), или поприще, ристалище. Эти празднества совершались насчетъ эдиловъ, подкупавшихъ ими толпу (§ 200); при этомъ расходы простирались иногда до 50 т. руб. Римскія празднества и общественныя игры отличались грубостью и даже звѣрствомъ. Въ 4 періодѣ здѣсь уже не было ничего эстетическаго, какъ въ Элладѣ. Однажды лучшіе греческіе флейтисты совсѣмъ не понравились толпѣ, которая пришла въ восторгъ, когда имъ велѣли подраться, бросивъ свои нѣжные инструменты. Въ 4 періодѣ уже мало было скачекъ, борьбы и кулачныхъ боевъ: на аренѣ появились сначала зайцы и лисицы, а потомъ пантеры и львы. Наконецъ въ тотъ годъ, когда начались пуническія войны, на аренѣ впервые была пролита человѣческая кровь на потѣху зрителей: появились *гладіаторы* (отъ gladium—мечъ), заимствованные изъ Этруріи (§ 180). Вскорѣ уже не проходило ни одного домашняго празднества, особенно похоронъ знатнаго лица, безъ боя хотя одной, дешевенькой пары гладіаторовъ. Вообще новые нравы распространялись весьма быстро. Ничѣмъ нельзя было остановить ихъ, какъ доказываетъ печальная и отчасти комическая роль Катона. Когда упорный старикъ былъ сдѣланъ цензоромъ, онъ съ такой энергіей и безпощадностью ополчился противъ всего новомоднаго до мелочей, что

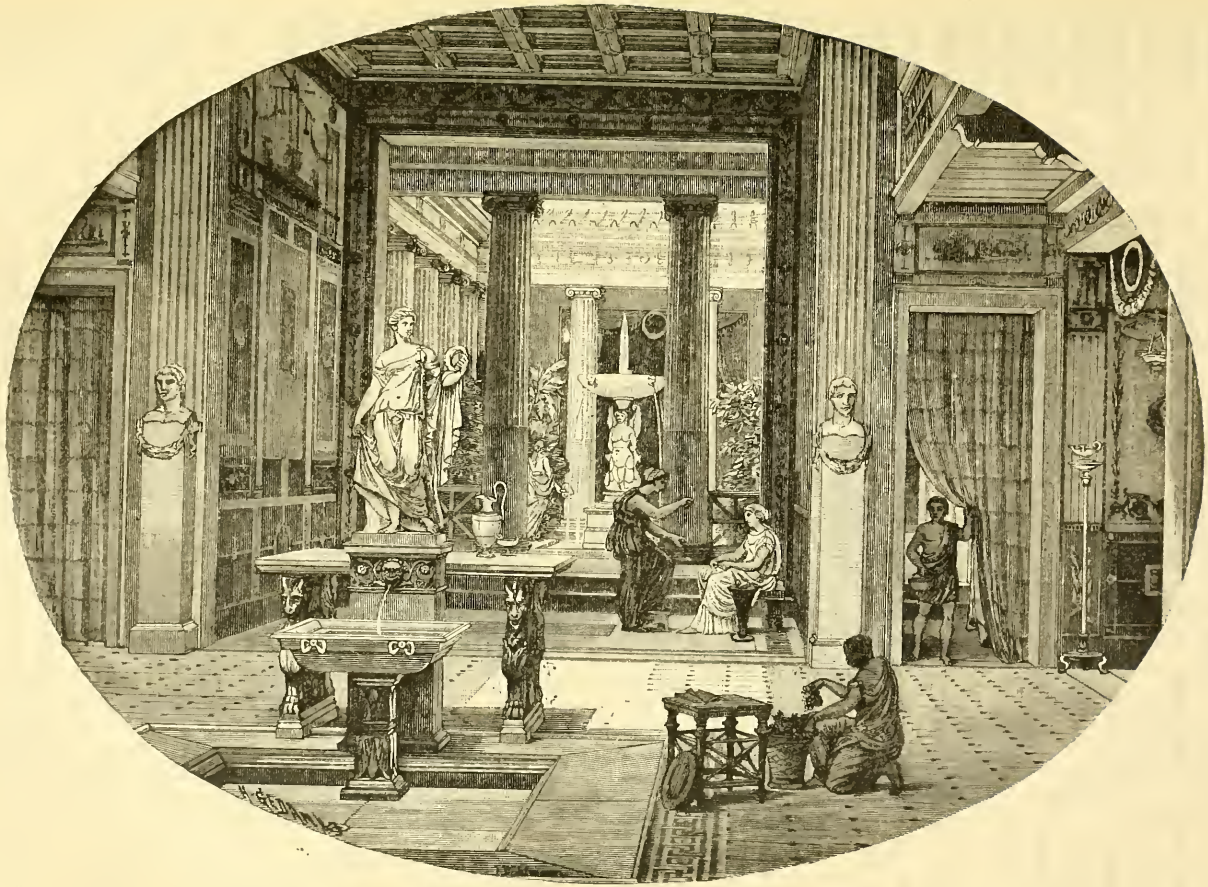
потомъ за нимъ осталось прозвище *Censorius*, не только въ смыслѣ бывшаго цензора, но и въ смыслѣ „строгаго“. Катонъ до того преслѣдовалъ казнокрадство, что осмѣливался обвинять даже такихъ лицъ, какъ Сципіонъ Африканскій Старшій и его братъ (§ 211), за что 44 раза попадалъ подъ судъ. Но особенно безпощадно искоренялъ онъ роскошь, изгоняя изъ сената и вычеркивая изъ списка всадниковъ самыхъ вліятельныхъ лицъ за малѣйшее ея проявленіе: одного сенатора онъ исключилъ за толстоту. Однажды Катонъ запретилъ проводить воду въ дома, и когда его не послушались, разбилъ трубы и даже разрушилъ нѣкоторые дома. Онъ говорилъ знатнымъ богачамъ: „ваши уши потеряли способность слушать: у васъ желудокъ одолѣлъ всѣ чувства“. Катонъ всячески старался остановить распространеніе иноземныхъ вѣрованій и эллинскаго образованія и быстро выпроводилъ пословъ Аѳинъ и Пергама, когда они обратились къ публикѣ съ рѣчами о необходимости философіи для ораторовъ и государственныхъ людей. Но примѣръ самого Катона лучше всего доказывалъ силу новаго направленія въ римской жизни. Самъ онъ выучился по-гречески на старости лѣтъ и составилъ по греческимъ писателямъ учебники для своихъ дѣтей; самъ онъ покровительствовалъ изъ хозяйственныхъ выгодъ развитію рабства, служившаго основой новыхъ нравовъ. Наконецъ Катонъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ комической борьбѣ съ женщинами изъ-за моды. Когда начала распространяться страсть къ роскошнымъ нарядамъ, былъ изданъ законъ, запрещавшій матронамъ носить пестрыя платья и дорогія украшенія. Въ консульство Катона толпа римлянокъ пришла на форумъ и съ бранью, криками и воплями начала требовать отмѣны этого закона. „Неужели-же (кричали матроны) мы не стоимъ тѣхъ лошадей, которыхъ вы украшаете въ торжественныхъ поѣздахъ пурпуровыми попонами?“ Катонъ долго и строго увѣщевалъ бунтовщицъ, но кончилось тѣмъ, что законъ отмѣнили.

§ 216. **г) Литература и искусство.** До пуническихъ войнъ у римлянъ не было литературы. Теперь же появилась прежде всего *драма*. Она возникла изъ *фесценнинъ* (отъ этрусскаго города Fescennium) — крестьянскихъ шутокъ на праздникахъ, во время жатвы и сбора винограда. Эти шутки насчетъ кого-нибудь изъ своей братьи и у него подъ окномъ, были такъ язвительны и непристойны, что „фесценнинская вольность“ вошла въ пословицу. Изъ фесценнинъ развилась *сатира*, когда онѣ перешли въ Римъ, гдѣ по праздникамъ устраивались деревянные подмостки, или *сцена*. Зрители со своими семьями располагались полукругомъ на землѣ, срытой покато, амфитеатромъ. Женщины сидѣли отдѣльно, на худшихъ мѣстахъ. За мѣста въ театрѣ не платили. Актеры, состоявшіе изъ рабовъ и иностранцевъ, были въ презрѣніи. Они подчинялись полиціи,

которая послѣ каждаго представленія раздавала вино хорошимъ и колотила дурныхъ. Сначала актеры сами выдумывали пьесы; въ 4 періодѣ появились драматическія сочиненія, подъ вліяніемъ Эллады. Тогда *греческій языкъ* началъ сильно распространяться между римлянами: знать старалась говорить и писать на немъ; обученіе своихъ дѣтей она поручала греческимъ рабамъ. „Отцомъ римской литературы“ былъ тарентскій грекъ, *Ливій Андроникъ*, жившій во время 1-й пунической войны. Занимаясь преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ, онъ перевелъ *Одиссею*, которая нѣсколько столѣтій была основой обученія римскаго юношества. Но больше всего Ливій трудился надъ переводами греческихъ драмъ, которыя онъ самъ и представлялъ на сценѣ. Переводилъ онъ грубою, тяжелою латынью, но вслѣдъ за нимъ явилось два хорошихъ комика, Плавтъ и Теренцій. *Плавтъ* былъ бѣдный итальянецъ, жившій лавочкой да своими пьесами, которыя покупали у него эдилы. До насъ дошло 20 лучшихъ комедій Плавта, въ которыхъ все греческое, кромѣ грязныхъ шутокъ. Мольеръ заимствовалъ у Плавта типъ своего Скупаго. *Теренцій* былъ плѣнный карѳагенецъ, вращавшійся въ кругу знати. Его пьесы (сохранилось 6) отличаются отдѣлкой языка и отсутствіемъ грубостей; но онѣ до того лишены національныхъ чертъ, что толпа не досиживала въ театрѣ до конца. Вообще комедія была тогда до того сколкомъ съ греческой, что даже называлась palliata—отъ греческаго плаща (pallium), въ который одѣвались актеры. Только у талантливаго и честнаго *Невія* были намеки на римскіе нравы съ Аристофановой ѣдкостью, за которую авторъ пострадалъ отъ римской полиціи. Невій писалъ и трагедіи въ подражаніе Эврипиду; но онѣ не дошли до насъ. Сверхъ того, онъ правдиво и поэтично описалъ стихами 1-ую пуническую войну, въ которой самъ участвовалъ простымъ солдатомъ. Тогда явился эпическій поэтъ, даровитый *Энній*, прозванный „римскимъ Гомеромъ“. Онъ написалъ *гекзаметрами* „Лѣтопись“ (Annales), въ которой разсказалъ исторію Рима отъ Энея до своего времени. Лѣтопись имѣла огромный успѣхъ и послужила образцомъ Энеидѣ Виргилія. Энній былъ бѣдный итальянскій грекъ. Жилъ онъ покровительствомъ образованной знати, въ особенности Сципіоновъ, въ склепѣ которыхъ онъ и похороненъ. Проза началась въ Римѣ также въ 4 періодѣ и подъ греческимъ вліяніемъ. Ею занимались не абы, а, напротивъ, знатные римляне: *Фабій, Сципіоны, Гракхи*. Но они писали погречески. Первымъ прозаическимъ сочиненіемъ на латинскомъ языкѣ были „Начала“ (Origines) *Катона*. Это — римская исторія, доведенная до времени автора. Катонъ могъ пользоваться только копіей греческой лѣтописи (§ 190) да родословными таблицами, которыя патриціи писали на стѣнахъ своихъ домовъ, сопровождая ихъ скудными біографическими замѣтками. Исторіей и ограничивалась проза.

Остальныя науки заключались въ „Наставленіяхъ“ Катона — учебникѣ, составленномъ по греческимъ книгамъ: здѣсь были краткія свѣдѣнія изъ сельскаго хозяйства, краснорѣчія, законовъ, медицины и военнаго дѣла. Важнѣе возникновеніе краснорѣчія и юриспруденціи. *Сципіонъ*, *Эмиліанъ* и *Катонъ* были уже видными политическими ораторами: рѣчи Катона, полныя огня, своеобразности и мужицкихъ шутокъ, уже распространялись въ спискахъ. Подлѣ нихъ выдавались адвокаты и замѣчательный юристъ, *Муцій Сцевола*, въ родѣ котораго юриспруденція стала наслѣдственнымъ достояніемъ. Еще меньше успѣховъ оказали римляне въ искусствѣ. Скульптуры и живописи у нихъ все еще не было. Они только начали *собирать* теперь греческія статуи и картины и составлять родъ музеевъ. Въ концѣ 3 періода въ Капитоліи стали появляться статуи заслуженныхъ лицъ и трофеи, а также славились огромное мѣдное изображеніе Юпитера и бронзовая Волчица, кормящая близнецовъ (§ 183). Тогда же возникъ греческій обычай покрывать гробницы надписями. Въ 4 періодѣ замѣтенъ успѣхъ только въ зодчествѣ. Къ этрусскимъ сводамъ и аркадамъ присоединились греческія колоннады (перистили), хотя здѣсь, вмѣсто греческой граціозности и изящества, господствуетъ римская величавость (gravitas) и жалкое смѣшеніе стилей: иногда въ одномъ и томъ же храмѣ соединялись колонны іоническія, дорическія и коринѳскія. Но больше всего римлянамъ понравился *коринѳскій* стиль (§ 130), которому они придавали много затѣйливости и пестроты. Римляне любили ставить храмы на просторѣ, поэтому у нихъ явилось много красиво устроенныхъ *форумовъ* (площадей). А чтобы божество было видно отовсюду, они строили *круглые* храмы, безъ стѣнъ, съ одною колоннадой и съ *куполомъ*. Въ это же время въ Римѣ появились *базилики*, послужившія основой христіанскимъ храмамъ. Базилика – развитіе аѳинской „царской стои“, гдѣ архонтъ-базилевсъ творилъ судъ (§ 93). Это – длинный крытый четыреугольникъ съ колоннами внутри и возвышеннымъ полукружіемъ на концѣ. На этомъ возвышеніи засѣдалъ судъ, а въ остальной залѣ были лавки, или гостиный рядъ. Наконецъ тогда же вполнѣ развился римскій *домъ*. Кромѣ атріума (§ 180), въ немъ появились кабинетъ хозяина (tablinum отъ tabellae – письменныя дощечки) и перистиль — зала съ колоннадами безъ крыши, гдѣ былъ басейнъ съ рыбами и цвѣты, украшавшіе обѣдъ. Былъ и второй этажъ, игравшій роль женской половины. Исчезли соломенныя и лубочныя крыши. Кое-гдѣ воздвигались роскошныя общественныя зданія изъ греческаго мрамора греческими мастерами.

§ 217. **Экономическій бытъ.** Въ 4 періодѣ матеріальный, или *экономическій* бытъ римлянъ былъ печаленъ. Они перестали быть земледѣльческою націей. Прежде даже диктаторы и консулы были крестьянами; они сами обрабатывали свой клочекъ земли и жили



Внутренность римскаго дома.
Видъ изъ атріума черезъ таблинумъ въ перистиль.

просто, но безбѣдно. Теперь же *крестьянство почти исчезло*. Пуническія войны погубили около милліона жителей. Но еще гибельнѣе дѣйствовали экономическія условія. Провинціи (особенно Сицилія) доставляли много хлѣба въ видѣ податей; сверхъ того сенатъ запрещалъ имъ продавать его гдѣ-либо, кромѣ Италіи, и еще покупалъ хлѣбъ въ другихъ государствахъ, особенно въ Египтѣ, гдѣ онъ продавался за безцѣнокъ. Сенатъ пускалъ свой хлѣбъ по такой дешевой цѣнѣ (5 коп. четверикъ), что путешественникъ платилъ за ночлегъ и ужинъ 2 — 3 коп. Римскому крестьянину невыгодно было продавать свой хлѣбъ по такой низкой цѣнѣ, и онъ бросалъ хлѣбопашество, продавалъ свою землю богачу и шелъ въ Римъ, надѣясь найти тамъ поденную работу или заняться ремесломъ. Богачу, купившему у него землю, также невыгодно было вести хлѣбопашество, и онъ обращалъ пашни въ *луга*, на которыхъ паслись у него безчисленныя стада овецъ. *Овцеводство* было выгодно: за шерсть платили дорого, и ее покупали даже заграницу. Еще занимался богачъ винодѣліемъ и разведеніемъ оливковыхъ деревьевъ да устройствомъ парковъ и прудовъ въ свое удовольствіе. Богачъ быстро обогащался, потому что рабочіе были у него очень дешевые — не наемные, а покупные: это—*рабы*. Они продавались дешево (50—100 р.), потому что морскіе разбойники въ Архипелагѣ охотились за людьми по всѣмъ берегамъ. На о. *Делосѣ*, гдѣ былъ главный рабскій рынокъ, ежедневно продавали до 10 т. рабовъ. Римскій богачъ не воспитывалъ раба у себя и даже не держалъ семейныхъ рабовъ: онъ покупалъ всегда зрѣлаго раба, а устарѣлаго или продавалъ за безцѣнокъ, или убивалъ. Рабы жили на виллѣ барина, для котораго строилась роскошная усадьба. Ихъ кормили лишь настолько, чтобы поддержать ихъ рабочую силу; ночевали они въ *эргастулахъ* (§ 192), прикованные на цѣпь, съ которою они иногда ходили и въ поле. „Рабъ — говорилъ Катонъ — можетъ только или работать, или спать“. Нѣсколько лучше было положеніе рабовъ-пастуховъ. У нихъ была извѣстная свобода уже оттого, что они постоянно кочевали съ своими стадами: зимой они гдѣ-нибудь въ уединенной долинѣ, а лѣтомъ заберутся въ горы. Имъ давали оружіе, съ помощью котораго они нерѣдко сами становились разбойниками. Ужасная участь рабовъ приводила ихъ къ мелкимъ возстаніямъ уже во время пуническихъ войнъ, а въ 134 г. вспыхнула въ Сициліи *первая рабская война*, въ которой принимали участіе до 200 т. рабовъ и даже свободныхъ рабочихъ, подъ начальствомъ сирійскаго раба *Эвна*, колдуна, „изрыгавшаго пламя“ и прозваннаго „царемъ Антіохомъ“. Мятежники все сожигали на островѣ, истязали и рѣзали своихъ господъ и 3 года били римскія войска. Римляне одолѣли ихъ только, благодаря голоду, и 20 т. распяли на крестѣ. Это возстаніе отразилось на Делосѣ и

въ рудникахъ Аттики и Македоніи. Итакъ Италія обратилась въ массу огромныхъ плантацій, гдѣ роскошествовало немного праздныхъ знатныхъ семей и кишѣли рабы, но не видно было свободныхъ крестьянъ, этихъ гордыхъ патріотовъ — „римскихъ гражданъ“. Послѣдніе ушли въ Римъ и кишѣли здѣсь такъ же, какъ рабы въ селахъ. Они и походили на рабовъ тѣмъ, что не имѣли ни гроша за душой. Это были голодные, нищіе и праздные *пролетаріи* (§ 189), впрочемъ имѣвшіе верховную власть, т.-е. право голоса на сходкахъ. Они не могли даже заниматься ремесломъ: баринъ все дѣлалъ у себя дома посредствомъ рабовъ, что̀ убивало кустарную промышленность. Въ конторахъ банкировъ и откупщиковъ—всюду служили рабы. Понятно, что Италія была тогда менѣе населена, чѣмъ въ 3 періодѣ, и народъ лишь по праздникамъ лакомился мясомъ и молокомъ. Все благосостояніе страны сосредоточилось въ рукахъ немногихъ семействъ, достигшихъ колоссальнаго богатства. Знатный баринъ рѣдко навѣдывался на свою виллу и то только, чтобы насладиться сельскою природой. Онъ жилъ въ Римѣ и занимался *крупнымъ денежнымъ хозяйствомъ*, или денежными *спекуляціями* (quaestus), т.-е. выгоднымъ помѣщеніемъ своихъ капиталовъ или на проценты, или въ разныя предпріятія. Тогда римляне распространили свои спекуляціи по всему Средиземному морю: вездѣ ходила одна монета—римскій серебряный *денарій*, замѣнившій ассъ (§ 189). Нигдѣ въ мірѣ не было такихъ крупныхъ капиталистовъ, какъ въ Римѣ, гдѣ человѣкъ, дававшій 100-тысячное приданое за своей дочерью, не считался богачемъ. Вездѣ, даже въ Азіи, банкирами и поставщиками стали римляне, которые составляли даже *денежныя общества* (associationes). Ихъ главнымъ предпріятіемъ были *откупа*, и именно государственные: *публиканы* (откупщики) брали у правительства на откупъ сборъ податей, т.-е. платили въ казну впередъ извѣстную сумму, а сами выбирали ее потомъ съ плательщиковъ податей, причемъ драли съ народа вдесятеро.

§ 218. **Оптиматы и толпа.** Къ концу 4 періода Римъ, лишенный средняго сословія и свободнаго крестьянства, представлялъ собою два враждебныхъ и праздныхъ лагеря: эгоистичныхъ, безнравственныхъ богачей и грубыхъ, лишенныхъ работы пролетаріевъ. Эти богачи были искаженіемъ „знати“ (§ 201) или развитіемъ ея дурныхъ сторонъ. Они сами называли себя *оптиматами* („лучшіе“, переводъ греч. „аристократы“); но на дѣлѣ это была олигархія, состоявшая изъ 50 „домовъ“, до того замкнутыхъ, что даже въ театрѣ для нихъ были устроены особыя мѣста. Оптиматы не допускали къ должностямъ „новыхъ людей“, или выскочекъ, не принадлежавшихъ къ ихъ кругу. Выборы въ магистраты были въ ихъ рукахъ, потому что имъ подчинялись народныя сходки, которыя существовали какъ

бы для того только, чтобы поминать, что Римъ — по формѣ демократическое государство. Такъ какъ теперь „римскихъ гражданъ“ стало много, и они были разсѣяны по всей Италіи, то сходки могли быть правительствомъ только въ томъ случаѣ, еслибы вознаикла представительная, или парламентская система. Но Римъ оставался государствомъ-городомъ, т.-е. его сходки состояли лишь изъ наличныхъ, жившихъ въ немъ гражданъ. А эти граждане были пролетаріи, которые стекались отовсюду и зависѣли отъ щедротъ богачей: оптиматамъ было легко подкупать ихъ, такъ какъ они требовали только хлѣба да зрѣлищъ (panem et circenses!). Сверхъ того сходки переполнились отпущенниками, которые ходили въ тогѣ, такъ какъ оптиматы выхлопотали имъ даже право голоса; отпущенники же были кліентами своихъ бывшихъ господъ. Такъ сходки представляли пеструю и испорченную толпу, которая ничего не понимала въ политикѣ и была свободна отъ рекрутчины и податей, ложившихся на италиковъ и провинціаловъ.

§ 219. **Характеръ правительства.** По мѣрѣ того какъ знать становилась самодержавнымъ правительствомъ, она падала умственно и нравственно. Сенатъ 4 періода былъ не „собраніемъ царей“ (§ 201), а скопищемъ близорукихъ и недобросовѣстныхъ себялюбцевъ. Его бездарность выразилась въ томъ, что онъ примѣнялъ къ Риму, владѣвшему полміромъ, узкую политику, пригодную для стараго главы Лаціума. Да и откуда было невѣжественнымъ оптиматамъ взять широкій взглядъ, политическое развитіе? Они знали только мечъ да хитрость, коварство; они умѣли только покорять и повелѣвать, но не управлять, организовать общество. Вмѣсто того, чтобы все сливать въ одно цѣлое, связанное общими выгодами, въ одну довольную и свободную общину, оптиматы всюду поселяли раздоры и всѣхъ обращали въ своихъ подданныхъ и рабовъ, причемъ обнаруживали адскую подозрительность, надменность и жестокосердіе. Внѣ Италіи, къ царямъ являлись напыщенные, грубые и спокойные, какъ статуи, послы сената и, грозя легіонами, обращали ихъ въ вассаловъ. Затѣмъ изъ Рима прокрадывались козни, которыя привлекали къ себѣ продажную мѣстную аристократію и возбуждали ненависть національной, демократической партіи съ такими благородными вождями, какъ Филопеменъ (§ 167). Наконецъ посылалась *сенатская коммиссія* съ легіонами для умиротворенія партій,—и еще одно царство превращалось въ римскую провинцію. *Провинція считалась* и сенатомъ, и толпой *созданною для обогащенія Рима.* Кромѣ большихъ наборовъ и податей, у нея брали при войнахъ хлѣбъ за ничтожную плату. Особенно терзали ее публиканы и проконсулы. *Проконсулъ*, которому не давали жалованья, пріѣзжалъ въ провинцію для кормленія. Онъ былъ голоденъ, потому что добываніе курульскихъ должностей стоило дорого, а его назначали только на годъ, такъ какъ многимъ хотѣлось

покормиться. Ктому же никто не могъ защищать ограбленныхъ провинціаловъ: не было общественнаго мнѣнія и печати, а жалобы на проконсуловъ разсматривались сенатомъ. Также смотрѣли оптиматы, да и самая толпа въ Римѣ на *италиковъ*. На нихъ ложилась главная тяжесть войнъ, а награду получали одни „римскіе граждане", которые становились притомъ все заносчивѣе: послѣдній римскій пролетарій презрительно относился, какъ civis romanus, къ достойнѣйшему латину, а сенатъ не разъ внезапно выгонялъ десятки тысячъ латинъ, переселившихся въ Римъ и долго жившихъ тамъ. Даже на латинъ, не говоря уже объ остальныхъ „союзникахъ", не распространили отмѣны тѣлеснаго наказанія и смертной казни, дарованной тогда римскимъ гражданамъ. Понятно, къ чему должна была привести такая правительственная система: къ концу 4 періода подготовлялись возстанія пролетаріевъ, рабовъ, провинціаловъ и „союзниковъ". Сверхъ того уже обнаружился расколъ среди оптиматовъ. По закону сенаторамъ воспрещались явныя спекуляціи; поэтому они предоставляли откупа подставнымъ лицамъ, своимъ друзьямъ и родственникамъ—всадникамъ. Но всадники, быстро пріобрѣтя этимъ путемъ огромныя богатства, захотѣли сами управлять республикой. Отсюда возникла жестокая борьба между двумя разрядами, на которые распалось оптиматство: между *сенаторствомъ* (ordo senatorius) и *всадничествомъ* (ordo equester). Сенаторы напоминали спѣсивыхъ патриціевъ — родовую и правительственную аристократію; всадники стали купеческою, денежною аристократіей.

§ 220. **Оппозиція; популяры.** Уже съ конца 3 періода началась *оппозиція* правленію знати, выходившая изъ среды свободнаго крестьянства или изъ средняго сословія. Но она была слаба численно и состояла изъ такихъ посредственностей, какъ Фабій Кунктаторъ, Муммій и т. д. Она задалась ложною цѣлью *возстановить старину*. То была партія застоя и реакціи, а не государственныхъ преобразованій. Ея представителемъ былъ *Катонъ Старшій* (§ 214), который стоялъ за старую крестьянскую демократію, но старался возстановить ее посредствомъ *искорененія интеллигенціи* въ пользу деревенщины. Онъ не понялъ, что, напротивъ, слѣдовало распространить греческое образованіе, чтобы оно не было привилегіей знати, а у знати отнять власть и способы обогащенія. Когда Катонъ сталъ цензоромъ, оппозиція достигла власти, и оказалось, что она болѣе походила на служителей полиціи, чѣмъ на государственныхъ мужей. Катонъ понималъ только внѣшнюю политику: онъ возставалъ противъ стремленія знати къ угнетенію союзниковъ и къ расширенію республики на востокъ далѣе Адріатическаго м.; но онъ же, съ римскою жестокостью и упрямствомъ, требовалъ разрушенія Карѳагена. Этотъ странный вождь оппозиціи кончилъ тѣмъ, что грязными кознями отра-

вилъ послѣдніе дни благороднаго и образованнаго представителя знати, Сципіона Африканскаго Старшаго (§ 211). Впрочемъ ранняя оппозиція еще до Катона (ок. 240) успѣла провести одну важную мѣру въ пользу демократіи: это—*реформу центуріатныхъ комицій*, по которой сервіевы классы получили равное число голосовъ—по 70 центурій въ каждомъ. Слѣдовательно, I-й кл. (знать), имѣвшій прежде болѣе половины голосовъ (§ 189), теперь располагалъ только $^1/_5$ всего числа голосовъ. Такъ въ основу центуріатной сходки легъ такой же демократическій принципъ, какъ въ трибутныхъ комиціяхъ; оттого оба рода сходокъ почти сливались, такъ что многія дѣла рѣшались безразлично то въ трибахъ, то въ центуріяхъ. Въ одно время съ реформой комицій выступилъ, какъ вождь демократіи, *Фламиній*, который ввелъ „плебейскія игры“ рядомъ съ „римскими играми“ знати. Онъ предложилъ также раздать бѣднымъ гражданамъ общественное поле въ Галліи Цизальпійской, занятое знатью, и преодолѣлъ всѣ козни сенаторовъ, хотя послѣ продолжительной борьбы. Но потомъ оппозиція вовсе не предлагала серьезныхъ мѣръ. При господствѣ оптиматовъ она получила названіе *популяровъ* (populus—греч. демосъ) и состояла изъ знатныхъ же, желавшихъ достигнуть почестей путемъ трибуната и популярности въ толпѣ. Популяры не были представителями новыхъ политическихъ идей, не думали объ измѣненіи правительственнаго строя. Они довольствовались мелкими мѣрами для возвышенія римской толпы (отмѣна тѣлесныхъ наказаній). Никто не вспоминалъ объ аграрныхъ законахъ Лицинія, которые не исполнялись знатью.

V. Паденіе республики. 146—30.

§ 221. **Значеніе 5-го періода. Сципіоны.** *Пятый* періодъ римской исторіи (146 – 30) есть время *разложенія республики*. Въ 4 періодѣ были хотя временныя средства противъ развитія зла. Оппозиціи удавалось иногда дать бѣднякамъ клочокъ общественной земли или устроить новую колонію; бѣдняковъ поддерживала еще раздача военной добычи. Безпрерывныя войны задерживали увеличеніе населенія; тогда пало число жителей въ Италіи. Въ 5 же періодѣ войны были ничтожнѣе и рѣже: его значеніе не въ нихъ, а во *внутренней, соціальной и политической борьбѣ*. Въ это время населеніе снова увеличилось. Италія наполнилась жителями, и здѣсь уже не могло быть новыхъ колоній, а за море римлянинъ не шелъ. Заработная плата пала, такъ что и трудолюбивому человѣку трудно было прокормиться поденщиной. Въ то же время злоупотребленія оптиматовъ достигли крайнихъ предѣловъ. Такое печальное положеніе республики

внушало серьезныя опасенія лучшимъ патріотамъ, развившимся подъ вліяніемъ греческой образованности, — и возникла болѣе рѣшительная оппозиція, явились истинные вожди демократіи. Центромъ этихъ патріотовъ была *фамилія Сципіоновъ*, несмотря на то, что она принадлежала къ числу самыхъ важныхъ оптиматовъ. Толпа обожала Сципіона Африканскаго Старшаго (§ 210), который даже отдалъ свою дочь, *Корнелію*, за народнаго трибуна Гракха (§ 211), а за нее сватался египетскій царь. Корнелія слыла украшеніемъ знати, была богата, красива, умна и образована погречески: ея письма долго считались образцами римской прозы. Корнелія горячо любила своихъ сыновей, Тиверія и Гая, и сама обучала ихъ. Она передала имъ не только свои познанія, но также свой пылкій патріотизмъ и высокую нравственность. Когда одна пустая оптиматка попросила ее показать свои сокровища, она указала ей на уютную спаленку, гдѣ покоились ея дѣти. Когда дѣти подросли, они развивались въ томъ же духѣ въ обществѣ своего двоюроднаго брата, *Сципіона Африканскаго Младшаго* (§ 212), который женился на ихъ сестрѣ. Здѣсь уже много говорили о необходимости реформъ въ пользу бѣдняковъ и для ограниченія оптиматовъ. Здѣсь былъ горячій *Аппій Клавдій*, на дочери котораго женился Тиверій Гракхъ, дѣльный юристъ *Муцій Сцевола* и др. Здѣсь же собирались греческіе и римскіе писатели. Отсюда-то выходили попытки реформъ. Самъ Сципіонъ, будучи цензоромъ, отдалъ подъ судъ многихъ оптиматовъ за казнокрадство. Его пріятель *Кассій* провелъ *тайную* подачу голосовъ на комиціяхъ, которая предохраняетъ бѣдняковъ отъ гнѣва богачей въ случаѣ неблагопріятныхъ для знати выборовъ. Другой другъ Сципіона, *Лелій*, прозванный „Мудрымъ“, задумывалъ поднять вопросъ о надѣленіи бѣдняковъ участками общественнаго поля. Но самъ Сципіонъ не брался за такую смѣлую мѣру. Онъ видѣлъ, что съ оптиматами, владѣвшими богатствомъ, нельзя было бороться законами, какъ прежде съ патриціями. Предстояла не политическая, а *соціальная борьба*, которая требовала сильныхъ мѣръ и геройскихъ борцовъ. Такими борцами были *Гракхи*, люди желѣзнаго характера и необыкновенной энергіи. Никто не могъ сравниться съ ними въ патріотизмѣ: они готовы были положить свою жизнь за римскій народъ. Братья горячо любили другъ друга и подъ вліяніемъ благородной Корнеліи сговорились помочь своему отечеству. Но характеромъ они не походили другъ на друга. Тиверій былъ спокойная, кроткая, мягкая натура. Гай же былъ пылокъ и неукротимъ; онъ не только самъ увлекался дѣломъ до самозабвенія, но увлекалъ другихъ; у него было много друзей, готовыхъ пожертвовать за него жизнью. Гай былъ также замѣчательнымъ политикомъ и лучшимъ ораторомъ въ Римѣ; его краснорѣчіе было не

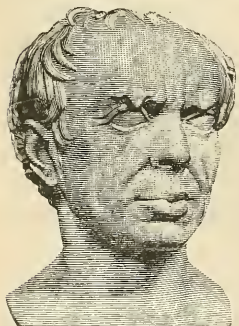
риторствомъ, а страстью, которая иногда до того душила его, что онъ заикался и путался въ словахъ.

§ 222. **Гракхи.** Тиверію Гракху не было 30 лѣтъ, когда его выбрали въ трибуны (133). Онъ тотчасъ же предложилъ возстановить лициніево законодательство съ небольшими измѣненіями. Именно: 1) Не дозволять никому занимать болѣе 500 югеровъ общественнаго поля для себя и 250 для каждаго изъ своихъ взрослыхъ сыновей, въ видѣ *наслѣдственной* аренды. 2) Остальную часть поля отдать бѣднымъ римскимъ гражданамъ и итальянскимъ союзникамъ (по 30 югеровъ), но *не въ полную собственность*, а въ наслѣдственную аренду, чтобы бѣдняки снова не продали своихъ участковъ богачамъ. 3) Для перваго обзаведенія выдать этимъ бѣднякамъ сокровища (казну) пергамскаго царя Аттала, который тогда завѣщалъ римлянамъ свое достояніе (§ 163). Когда Тиверій предложилъ эти законы на сходкѣ, народъ ликовалъ. Но оптиматы начали готовиться къ тому, чтобы погубить его вмѣстѣ съ новыми законами. Для этого они старались, чтобы сходка не выбрала его трибуномъ на 2-й годъ. Когда Тиверій, говоря въ комиціяхъ объ угрожающей ему опасности, указалъ на свою голову, сенаторы объяснили, что онъ проситъ царской діадемы. Но ихъ козни были напрасны, и они начали вооружаться. Тиверій пришелъ на комиціи въ траурѣ, съ маленькимъ сыномъ, котораго поручилъ попеченію трибъ. Въ день выбора сенаторы, засѣдавшіе въ сосѣднемъ храмѣ, бросились на сходку, вооруженные кто палкой, кто стуломъ и чѣмъ ни попало. Изумленный такой дерзостью, народъ разбѣжался; Тиверій и 300 его приверженцевъ были перебиты. Ихъ назвали „измѣнниками“, и тѣла ихъ бросили въ Тибръ. Во главѣ сенаторовъ оказался Сципіонъ, который перешелъ изъ одной партіи въ другую. Вскорѣ его нашли задушеннымъ въ собственной постели. Такъ начались политическія убійства: Римъ вступалъ на путь революцій, такъ какъ его соціальное устройство было столь неправильно, что за первымъ потрясеніемъ долженъ былъ послѣдовать рядъ переворотовъ. По смерти Тиверія вольски открыто потребовали правъ римскаго гражданства, и ихъ пришлось усмирять войсками. Затѣмъ разразилась первая рабская война (§ 217). А въ Римѣ расло волненіе, когда были отмѣнены законы Тиверія. Во главѣ его сталъ Гай Гракхъ. *Гай Гракхъ*, которому не было и 30 лѣтъ, былъ однихъ мыслей съ Тиверіемъ. Ему больно было видѣть, какъ погибало дѣло, за которое онъ отдалъ бы десять жизней; а тутъ еще тѣнь любимаго брата являлась ему во снѣ и говорила: „Братъ, не медли! У насъ одна участь“. Ни убѣжденія матери, ни слезы жены и ребенка не могли остановить Гая отъ подражанія брату. Въ 123 г. онъ былъ избранъ трибуномъ и тотчасъ же предложилъ рядъ законовъ въ пользу бѣдняковъ. Касательно общественнаго поля Гай требовалъ того же,

что и Тиверій, лишь съ небольшими ограниченіями (lex agraria). Онъ устраивалъ еще для бѣдныхъ колоніи, и даже за моремъ, чего прежде не было, и самъ поѣхалъ основать колонію на развалинахъ Карѳагена. Кромѣ того Гай предложилъ каждый мѣсяцъ почти даромъ выдавать изъ казны хлѣбъ пролетаріямъ, посѣщающимъ сходку (lex frumentaria), а также давать имъ работу посредствомъ общественныхъ построекъ. Было еще много мелкихъ предложеній въ пользу бѣдняковъ: облегченіе воинской повинности (lex militaris), раздача имущества Аттала и др. Чтобы подорвать силу оптиматовъ, Гай разжегъ вражду между сенаторами и всадниками. Онъ постановилъ отнять судъ у сената и передать его всадникамъ (lex judiciaria), которымъ открылъ еще новые источники дохода (откупа въ Азіи): всадники образовали теперь могущественную ассоціацію, которую называли „купеческимъ сенатомъ“. Широта взгляда Гая выразилась особенно въ томъ, что онъ предложилъ дать права римскаго гражданства итальянскимъ союзникамъ (lex de civitate sociis danda). Но этою-то мѣрой и воспользовались оптиматы, чтобы погубить Гая. Когда онъ уѣхалъ въ Африку для основанія колоніи, сенаторы стали приходить на сходку и клеветать на него. „Онъ врагъ вашъ, говорили они народу: онъ хочетъ дать ваши права союзникамъ, которые отнимутъ у васъ половину хлѣба и мѣстъ на празднествахъ“. Въ то же время сенаторы начали предлагать пролетаріямъ еще больше выгодъ, чѣмъ Гай. Обманутая толпа не выбрала Гая вновь въ трибуны на 121 г. Гай пришелъ на сходку, но всюду увидалъ вооруженныхъ прислужниковъ сената. Онъ удалился на Авентинъ—этотъ плебейскій Капитолій. Оптиматы послѣдовали за нимъ и начали бить его приверженцевъ. Гай хотѣлъ заколоться, но часть друзей увлекла его за городъ, между тѣмъ какъ остальные пали въ борьбѣ съ врагами, стараясь дать ему время бѣжать подальше. Гай остановился за Тибромъ, въ ближайшей рощѣ, гдѣ вѣрный рабъ закололъ его по его просьбѣ, а потомъ и себя самого. Въ это время оптиматы истребили въ городѣ до 3 т. невооруженныхъ приверженцевъ Гая и забрали ихъ имущество. Корнеліи запретили даже носить трауръ по своемъ сынѣ. Такъ кончилась *первая революція* въ Римѣ.

§ 223. **Югуртинская война.** Оптиматы восторжествовали—и ихъ правленіе стало хуже прежняго. Они не только подкупали толпу на сходкѣ, но продавали собственные голоса въ сенатѣ. Никогда еще *испорченность олигархіи* не достигала такой степени, и никогда не *обнаруживалась* она такъ явственно. Безпримѣрнымъ скандаломъ, опозорившимъ римское правительство, была *югуртинская война*. Югурта (§ 215), царь Нумидіи, которая простиралась отъ Мавританіи (теперь Марокко) до Кирены, былъ вассаломъ Рима. Это былъ дикій, кровожадный, отчаянный и хитрый сынъ пустыни. Югурта воцарился,

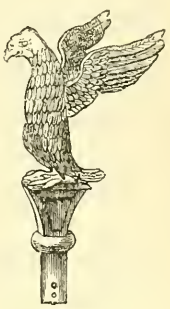
убивъ одного изъ законныхъ наслѣдниковъ престола, и началъ войну съ другимъ—*Адгербаломъ*. Адгербалъ жаловался римскому сенату, но Югурта подкупилъ сенаторовъ и остался правъ. Вскорѣ онъ убилъ и Адгербала, причемъ даже перерѣзалъ много римскихъ колонистовъ. Теперь только сенатъ послалъ войско въ Африку. Но Югурта подкупилъ консула, и тотъ заключилъ съ нимъ миръ. Въ Римѣ народъ вознегодовалъ на сенаторовъ и заставилъ ихъ снова призвать Югурту на судъ. Югурта самъ явился въ Римъ и подкупилъ судей. А пока тянулся судъ, онъ жилъ роскошно, выказывалъ презрѣніе къ римлянамъ и на глазахъ у нихъ убилъ еще одного своего родственника. Римляне снова заставили сенатъ объявить войну Югуртѣ. Уѣзжая изъ Рима, Югурта сказалъ: „Продажный городъ! Еслибъ были деньги, тебя можно бы купить всего“. Онъ опять сталъ подкупать римскихъ полководцевъ и бить ихъ войска. Наконецъ сенатъ прислалъ неподкупнаго *Метелла*, и Югурта тотчасъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ своему тестю, мавританскому царю *Бокху*. Между тѣмъ кончился годъ консульства Метелла. Служившій у него Гай Марій (§ 215) попросилъ отпускъ, чтобы выступить въ Римѣ его соперникомъ на консульскихъ выборахъ. „Погоди—сказалъ ему Метеллъ—вотъ подростетъ мой сынъ: съ нимъ ты будешь состязаться на выборахъ“. Но Марій увлекъ комиціи горячими рѣчами противъ оптиматовъ и былъ избранъ консуломъ. Впрочемъ и онъ не могъ совладать съ Югуртой. Его молодой квесторъ, *Сулла*, взялся изловить врага хитростью. Онъ безстрашно отправился въ лагерь Бокха, у котораго бывалъ уже въ качествѣ посла, и уговорилъ его выдать Югурту. Но слава побѣды досталась Марію: въ его тріумфѣ шелъ Югурта въ золотыхъ цѣпяхъ и въ царской одеждѣ. Югурта вскорѣ умеръ отъ стужи и голода въ сыромъ подземельѣ, которое онъ назвалъ „ледяною баней“.



Марій. Бюстъ въ Ватиканѣ.

§ 224. **Марій; кимвры и тевтоны.** Марій, которому было уже за 50, сталъ первымъ лицомъ въ Римѣ. Онъ родился въ горной деревушкѣ. Рано развилось въ немъ честолюбіе: онъ бросилъ плугъ и поступилъ въ солдаты; вскорѣ онъ отличился и сталъ офицеромъ. Но онъ желалъ достигнуть высшихъ должностей, и для этого женился на богатой дѣвушкѣ изъ знатнаго рода Юліевъ. Марій всегда оставался мужикомъ—прямымъ, честнымъ, исправнымъ, но недалекимъ въ политикѣ. У него былъ грубый и громкій голосъ, свирѣпый взглядъ, неуклюжія манеры, отрывистая народная рѣчь; въ пищѣ онъ былъ неразборчивъ; выпить былъ не прочь, особенно подъ старость; жилъ

очень просто. Онъ не зналъ ничего моднаго и сознавался, что спитъ въ театрѣ при представленіи греческихъ пьесъ Марій сохранялъ деревенскія суевѣрія. Онъ возилъ съ собой сирійскую ворожею, которая предсказала ему, что онъ будетъ *семь* разъ консуломъ. Счастье оправдало ея слова. Когда Марій возвратился изъ Африки, пронеслась вѣсть о новомъ нашествіи галловъ съ сѣвера, и его вторично выбрали въ консулы. Война съ варварами продолжалась 4 года., и пришлось каждый годъ выбирать Марія въ консулы. Марій оправдалъ надежды согражданъ, какъ прекрасный полководецъ, котораго обожали солдаты, несмотря на желѣзную дисциплину: онъ спалъ съ воинами на голой землѣ и развеселялъ ихъ мужицкими прибаутками. Марій даже преобразовалъ армію въ демократическомъ смыслѣ Такъ какъ „римскихъ гражданъ“ было мало, то онъ набралъ солдатъ изъ провинцій и сталъ принимать пролетаріевъ. Эти люди, лишенные земли и занятій, навсегда поступали въ солдаты: лагерь сталъ ихъ отечествомъ, полководецъ—божествомъ, а *серебрянный орелъ*, введенный Маріемъ, какъ знамя, замѣнилъ имъ все дорогое человѣку. Вотъ почва, на которой выросла военная диктатура, проявившаяся уже тогда: Марій на полѣ битвы наградилъ двѣ когорты римскимъ гражданствомъ и отвѣчалъ на протестъ сената, что „въ шумѣ битвы не могъ разслушать голоса закона“. Армія распалась на нѣсколько *легіоновъ* (по 6.000 въ каждомъ), раздѣленныхъ на однѣ когорты: манипулы (§ 203) исчезли. 500 отборнѣйшихъ солдатъ составили лейбъ-гвардію полководца; они всегда находились подлѣ „преторіума“ (главной квартиры), почему и назывались *преторіанцами*. Марій бросился съ новою арміей къ Альпамъ, навстрѣчу варварамъ То были *кимвры* и *тевтоны* — народы германскаго племени. Они были свирѣпы и храбры, отличались огромнымъ ростомъ, одѣвались въ звѣриныя шкуры. Кимвры и тевтоны сначала вторгнулись въ *Нарбонскую провинцію* (иначе—Gallia transalpina, Провансъ), основанную римлянами между Роною и Пиренеями. Здѣсь, у города *Араузія* (Оранжъ), они такъ разбили 100 тыс. консульскую армію, что спаслось только 10 чел. Затѣмъ варвары нахлынули на Италію; но въ двухъ битвахъ, особенно на *Равдійскихъ поляхъ* (близъ Тичино), они были истреблены Маріемъ, которому отлично помогалъ Сулла. Въ 100-мъ г. Марій возвратился въ Римъ, съ пышнымъ тріумфомъ, и былъ выбранъ консуломъ въ шестой разъ.



Римскій легіонный орелъ.

§ 225. **Марій и Друзъ.** Марія назвали „третьимъ Ромуломъ, вторымъ Камилломъ, спасителемъ Рима“. Всѣ заискивали его расположенія. Важнѣйшіе оптиматы толпились по утрамъ въ атріумѣ этого „выскочки“, чтобы пожелать ему добраго утра; а пролетаріи

ходили за нимъ толпой и даже приносили ему жертвы, какъ божеству. Онъ и самъ началъ сравнивать свои походы съ шествіемъ по міру Бахуса и заказалъ себѣ огромный кубокъ, употреблявшійся при жертвахъ этому богу. Опираясь на пролетаріевъ и войско, Марій могъ стать тираномъ; но онъ остался простымъ мужикомъ. Онъ не понималъ политики и боялся ея, не зная, что̀ дѣлать. По рожденію и духу, Марій былъ настоящій „выскочка“ и вождь пролетаріевъ; но онъ не рѣшался открыто стать за нихъ: какъ солдатъ, онъ не любилъ шума сходокъ и опасался революцій. Оттого онъ въ одной комнатѣ перешептывался съ пролетаріями, въ другой— съ оптиматами. А между тѣмъ партіи ожесточенно боролись въ Римѣ, и на улицахъ часто происходила рѣзня. Пользуясь нерѣшительностью Марія, оптиматы убили краснорѣчиваго и пылкаго трибуна, *Сатурнина,* который предлагалъ раздавать хлѣбъ народу почти даромъ и устроить внѣ Италіи много колоній для ветерановъ Марія. Послѣ этого оптиматы, съ Метелломъ во главѣ, начали свирѣпствовать больше прежняго: истязали даже тѣхъ, у кого находили бюсты Сатурнина. Самъ Марій удалился въ Азію, гдѣ наблюдалъ за Митридатомъ, который собирался тогда напасть на Италію (§ 163). Потомъ возобладали пролетаріи. Они заставили многихъ богачей бѣжать къ Митридату и отравили Метелла. У нихъ явился вождь, *Ливій Друзъ,* напоминавшій Гая Гракха своею пылкостью, патріотизмомъ и молодостью. Друзъ былъ оптиматъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Римѣ; но онъ содрогался при видѣ жестокостей своего сословія и любилъ народъ. Его дверь и кошелекъ всегда были раскрыты для толпы, которая тѣснилась передъ его домомъ, а въ театрѣ вставала, когда онъ входилъ, и рукоплескала ему. Въ 91 г. Друзъ предложилъ почти такіе же законы, какъ Гай Гракхъ: онъ требовалъ увеличить раздачу хлѣба чуть не даромъ и устроить побольше колоній, а главное, настаивалъ, чтобы *всѣмъ союзникамъ* въ Италіи было дано римское гражданство. Союзники даже вошли съ нимъ въ тайные переговоры и письменно поклялись защищать его. Но они были далеко, а оптиматы близко. Однажды вечеромъ, когда Друзъ, возвращаясь домой, прощался на порогѣ своего дома съ толпой, ударъ сзади поразилъ его — а убійца скрылся. Друзъ успѣлъ произнести только: „не скоро явится въ Римѣ гражданинъ, равный мнѣ!“

§ 226. **Союзническая война.** Убійство Друза едва не погубило республики. Италійскіе союзники рѣшились жестоко отомстить за смерть своего любимца. Они видѣли, что теперь лопнули ихъ надежды; а ихъ положеніе было невыносимо. Съ нихъ брали много рекрутъ, которыхъ полководецъ могъ безъ суда казнить своею „сѣкирой“; римскіе чиновники распоряжались въ ихъ городахъ, уничтожая ихъ муниципальное самоуправленіе (§ 206). Одинъ консулъ высѣкъ

на площади городского голову зато, что тотъ не поспѣшилъ очистить баню, въ которой пожелала вымыться консульша. По смерти Друза сенатъ запретилъ домогаться римскаго гражданства и далъ этому закону обратное дѣйствіе: посыпались обыски, штрафы, ссылки на тѣхъ, кто когда-либо прежде хлопоталъ объ этомъ. Въ 90 г. вдругъ поднялась почти вся Италія, и для Рима настали бѣдствія, напомнившія ганнибалову войну, такъ какъ у союзниковъ было 600 т. воиновъ, а у римлянъ только 400 т.; сверхъ того къ возставшимъ присоединилось много рабовъ, и Митридатъ вступилъ въ союзъ съ ними. Во главѣ союза, назвавшагося *Италіей*, стояли самниты и особенно марсы, съ ихъ героическимъ вождемъ *Силономъ:* оттого эта война называется *союзническою* или *марсійскою* (bellum sociale v. marsicum). Столицей союза сталъ Корфиніумъ, въ ущельяхъ марсовъ, переименованный въ *Италику* (Италійскій): это была копія Рима, съ своимъ сенатомъ, комиціями, форумомъ и т. д. Три года Италія отчаянно боролась съ Римомъ и едва не взяла его. Передъ общимъ врагомъ въ Римѣ замолкли раздоры. Оптиматъ Сулла и демократъ Марій дѣйствовали заодно. Но Марій былъ вялъ, а Сулла пріобрѣлъ громкую славу своею энергіей, быстротой и изобрѣтательностью. Впрочемъ римляне побѣдили не войсками, а своимъ правиломъ: „раздѣляй и властвуй“. Они объявили, что дадутъ римское гражданство всякому, кто перейдетъ къ нимъ въ 2-мѣсячный срокъ. Часть союзниковъ тотчасъ же положила оружіе; остальные примирились съ условіемъ, что имъ дадутъ потомъ римское гражданство. Силонъ палъ въ бою, и гордая Италика отворила ворота римлянамъ.

§ 227. **Первая междоусобная война; Марій и Сулла.** Союзниковъ обманули: имъ ничего не дали, такъ какъ настало господство оптиматовъ, никогда еще не доходившихъ до такихъ жестокостей. Жадные богачи принялись взыскивать свои долги съ древнею безпощадностью; а когда преторъ заступился за несчастныхъ, они убили его посреди толпы въ ту минуту, когда онъ совершалъ на форумѣ жертвоприношеніе въ жреческомъ облаченіи. Оптиматамъ некого было бояться: Марій бездѣйствовалъ, Италія была усмирена; войско было предано ихъ полководцу, Суллѣ. Тревожилъ ихъ одинъ Митридатъ, который поддерживалъ союзниковъ и захватилъ провинцію „Азію“. Оптиматы рѣшились начать съ нимъ войну и назначили Суллу полководцемъ. Сулла немедленно отправился въ Кампанію, гдѣ стояли войска. Этого не могъ перенести Марій: онъ только и мечталъ объ азіатскомъ походѣ, который доставилъ бы ему новую славу и 7-ое консульство. У него явился ревностный помощникъ, *Сульпицій Руфъ*, богатый сенаторъ и первый ораторъ своего времени; это — второй Друзъ, котораго онъ и любилъ, какъ друга. Ставъ трибуномъ (88 г.), Руфъ предложилъ дать римское гражданство всѣмъ италикамъ и право

голоса всѣмъ отпущенникамъ. Его приверженцы разогнали сенатъ и перебили много оптиматовъ; самъ Сулла едва спасся, благодаря Марію, который великодушно спряталъ его въ своемъ домѣ. Комиціи назначили Марія полководцемъ вмѣсто Суллы. Но тутъ Сулла выдвинулся на первый планъ. Этотъ человѣкъ, лишенный сердца и всякихъ правилъ, но весьма даровитый, прежде не думалъ о великой политической роли: онъ довольствовался военной славой и предавался разгулу. Но теперь его оскорбило то, что у него хотятъ отнять армію и азіатскій походъ, и онъ сталъ заклятымъ врагомъ того самаго Марія, который только-что спасъ ему жизнь. Сулла началъ *первую междоусобную войну*. Онъ бросился съ своимъ войскомъ въ Римъ, хладнокровно перерѣзалъ множество народу, не исключая женщинъ и дѣтей, и разогналъ маріанцевъ. Самъ Марій успѣлъ спастись въ рыбачьей лодкѣ; но за нимъ слѣдовали по пятамъ палачи Суллы. Скрываясь отъ нихъ, старикъ попалъ въ Минтурнскія болота, откуда его вытащили и бросили въ тюрьму. Марія хотѣли казнить, но палачъ, кимвръ, бѣжалъ, когда тотъ свирѣпо взглянулъ на него и крикнулъ: „И ты, рабъ, осмѣлишься умертвить Марія!“ Минтурнцы увидѣли въ этомъ знакъ воли боговъ и дали Марію денегъ и корабль, который увезъ его въ Африку. Посѣтивъ развалины Карѳагена, Марій долго проживалъ въ этой странѣ со своимъ сыномъ, въ лохмотьяхъ, питаясь подаяніемъ бѣдныхъ колонистовъ. Однажды онъ получилъ приказаніе отъ мѣстнаго проконсула уйти отсюда. „Поди— сказалъ онъ посланному — и доложи своему господину, что видѣлъ Марія на развалинахъ Карѳагена“.

§ 228. **Свирѣпство Марія.** Между тѣмъ Сулла сталъ владыкой Рима. Онъ *возстановилъ господство оптиматовъ*, почти уничтожилъ трибунатъ и отмѣнилъ раздачу хлѣба народу; но въ то же врѣмя онъ показывалъ видъ, что уважаетъ древніе законы, и разрѣшилъ народу выбрать консуловъ. Сходка, состоявшая изъ пролетаріевъ, выбрала маріева друга, *Цинну*—храбраго офицера, но плохаго политика и кровожаднаго, грубаго человѣка. Сулла подавилъ свое негодованіе, опасаясь силы пролетаріевъ, и поспѣшилъ на Востокъ. Въ теченіе 5 лѣтъ онъ доблестно боролся съ Митридатомъ (§ 163), который уже захватилъ Эгейское м., Македонію и Грецію, гдѣ демократы привѣтствовали его, какъ избавителя, и вырѣзывали преданныхъ Риму олигарховъ. Съ помощью своего храбраго офицера, *Лукулла*, Сулла разрушилъ Аѳины и разбилъ втрое сильнѣйшее понтійской войско у *Херонеи*. Затѣмъ онъ преслѣдовалъ Митридата въ Азіи и отнялъ у него часть владѣній. Здѣсь Сулла встрѣтился съ войскомъ пролетаріевъ, приведеннымъ изъ Рима маріанцами, и заставилъ его присоединиться къ своей арміи. Онъ свирѣпствовалъ въ Азіи такъ же, какъ въ Римѣ, и ограбилъ ее, чтобы имѣть средства для

борьбы съ пролетаріями. Тогда пролетаріи господствовали въ Римѣ. Съ помощью войскъ и получившихъ свободу рабовъ, Цинна уничтожилъ все, что сдѣлалъ Сулла для оптиматовъ, и призвалъ Марія, къ которому пошелъ навстрѣчу. Съ нимъ былъ другой приверженецъ пролетаріевъ, *Серторій*—человѣкъ образованный, очень талантливый, добрый до нѣжности: онъ до безумія любилъ свою мать. Серторій отличался и какъ политикъ, обладавшій даромъ пылкаго краснорѣчія, и какъ воинъ. Солдаты горячо любили его и называли „Новымъ Ганнибаломъ“. Марій подвигался къ Риму, окруженный друзьями. Онъ былъ въ грязи и лохмотьяхъ. Изможденный старикъ упорно молчалъ, только взоры его дико сверкали. Это былъ почти трупъ, одушевленный одною жаждой мести и крови. Марій всюду рѣзалъ оптиматовъ и освобождалъ рабовъ. Римляне ужаснулись и прислали просить пощады. Марій молчалъ; а когда вступилъ въ городъ, велѣлъ запереть всѣ ворота — и его шайка бросилась рѣзать всякаго, кому онъ не кланялся. 5 сутокъ кровь лилась рѣкой въ Римѣ, и по всей Италіи маріанцы нѣсколько мѣсяцевъ рѣзали оптиматовъ. Цинна и Серторій старались остановить ужасы, но Марій все повторялъ: „смерть, смерть!“ Онъ любовался за обѣдомъ отрубленными головами сенаторовъ, ругался надъ ихъ трупами. Между тѣмъ Цинна назначилъ Марія консуломъ въ *седьмой* разъ. Исполнилось предсказаніе ворожеи—и старику можно было умереть. Онъ не могъ спать: тѣни убитыхъ преслѣдовали его даже во снѣ. Онъ началъ горько пить и вскорѣ умеръ, сражаясь въ бреду съ Митридатомъ и проклиная Суллу, а съ нимъ и все человѣчество (86 г.). Серторій и Цинна тотчасъ же перекололи 4000 головорѣзовъ Марія, чтобы успокоить Римъ,—и настала 3-лѣтняя диктатура Цинны, который каждый годъ самъ назначалъ себя консуломъ. Римляне успокоились; особенно были довольны италики, получившіе давно желанныя права. Но Цинна долженъ былъ готовиться къ встрѣчѣ съ Суллой. Онъ началъ вооружаться, но былъ умерщвленъ однимъ недовольнымъ солдатомъ.

§ 229. **Сулла-диктаторъ**. По смерти Цинны вождями пролетаріевъ стали Серторій и 23-лѣтній *Марій Младшій*, не наслѣдовавшій отъ отца военнаго таланта. За ними шла почти вся Италія, а также „новые граждане“ (до 100 т.), съ отчаянными самнитами во главѣ. Между тѣмъ Сулла, покончивъ съ Митридатомъ, оставилъ въ Азіи своего друга, Лукулла, и прибылъ въ Италію съ преданнымъ войскомъ (83). У него не было и 40.000. Но къ нему стали стекаться запуганные оптиматы, во главѣ которыхъ стоялъ 22-лѣтній блестящій офицеръ, *Гней Помпей*. Помпей готовъ былъ угождать всякой силѣ: оптиматъ по происхожденію, онъ служилъ Циннѣ; но ему не довѣряли, не оказывали почестей — и онъ перешелъ къ Суллѣ. Сулла искусно подвигался къ Риму, но подъ его стѣнами, у *Коллинскихъ*

Воротъ едва не погибъ. Здѣсь битва длилась 3 дня, и пало по 50.000 съ обѣихъ сторонъ. Какъ львы, дрались самниты, сказавшіе тогда: „чтобы избавиться отъ волковъ, лишившихъ насъ свободы, нужно истребить лѣсъ, гдѣ они гнѣздятся“. Сулла былъ уже разбитъ, но его выручилъ даровитый молодой офицеръ, *Крассъ*. Римъ сдался оптиматамъ; Марій Младшій зарѣзался съ отчаянія; Серторій бѣжалъ изъ Италіи. Помпей оказалъ чудеса храбрости. Сулла разрѣшилъ ему тріумфъ, назвалъ его „великимъ“ и „императоромъ“ (высшая военная почесть) и отдалъ за него свою дочь, приказавъ ему развестись съ прежнею женой. Затѣмъ Сулла вступилъ въ Римъ и велѣлъ сенату назначить его диктаторомъ „безъ срока“. Въ сущности Сулла пріобрѣлъ деспотическую власть. Онъ явился въ сенатъ и началъ говорить рѣчь; но его прервали стоны и стукъ оружія по сосѣдству. Сенаторы ужаснулись. „Не безпокойтесь — сказалъ имъ Сулла — это я очищаю республику“. Стоны пролетаріевъ и маріанцевъ долго не прерывались по всей Италіи. Сулла выставилъ на форумѣ *проскрипціи* — таблицы съ именами своихъ жертвъ. Онъ платилъ 3 т. р. за голову каждаго изъ этихъ лицъ. Число проскриптовъ дошло до 50 т. Здѣсь было множество всидниковъ, какъ враговъ сената, дотого разбогатѣвшихъ, что ихъ называли тогда „толстыми мѣшками“. Сулла забиралъ ихъ огромныя имущества частью себѣ, частью для своихъ приспѣшниковъ. Одинъ изъ этихъ приспѣшниковъ купилъ за 150 р. имущество, стоившее полмилліона; при всемъ томъ казна выручила за отобранныя имущества 25 мил. Тогда Крассъ пріобрѣлъ такое состояніе, что имя его, подобно имени Креза (§ 68), стало означать богатство. По числу жертвъ Сулла превзошелъ Марія, трупъ котораго онъ отрылъ и бросилъ въ Тибръ. Всѣ эти злодѣянія диктаторъ совершалъ хладнокровно, опираясь на принятыхъ въ число гражданъ рабовъ проскриптовъ, да на своихъ ветерановъ, изъ которыхъ онъ составлялъ военныя колоніи съ правами полнаго римскаго гражданства. Черезъ 3 г. Сулла внезапно распустилъ свою гвардію и удалился въ свою прелестную виллу близъ Неаполя. Здѣсь часто видѣли на прогулкахъ и на охотѣ высокаго и крѣпкаго блондина, лѣтъ подъ 60, съ живыми и пріятными манерами, веселаго, болтливаго, всегда спокойнаго, называвшаго себя „счастливымъ“. Вечеромъ онъ пировалъ, а иногда читалъ своего любимца Аристотеля, или писалъ собственную біографію. Впрочемъ всего годъ прожилъ такъ Сулла. Онъ умеръ въ 78 г. отъ апоплексическаго удара.

Сулла.

§ 230. **Сулланцы и Маріанцы.** По смерти Суллы господство оптиматовъ не продержалось и 10 л. по двумъ причинамъ. 1) Сулла

оказался плохимъ политикомъ. Его законодательство было лишь *реставраціей*, т.-е. *возстановленіемъ* стараго порядка вещей—*власти сената и оптиматовъ*. Реформы Гракховъ были уничтожены. Сенатъ, пополняемый ежегодно сулланцами изъ преторовъ и квесторовъ, число которыхъ было увеличено, сталъ верховнымъ учрежденіемъ. Онъ издавалъ законы самъ, безъ комицій, и захватилъ судебныя должности, отнятыя у всадниковъ. Народныя сходки и трибунатъ были лишены всякаго значенія: трибунъ не смѣлъ говорить къ народу безъ разрѣшенія сената. Это значило воскресить старое зло, усилить прежнюю болѣзнь государства. Сверхъ того Сулла совершалъ реставрацію посредствомъ рѣзни, которая вызывала месть друзей проскриптовъ — пролетаріевъ и всадниковъ. 2) У оптиматовъ не было надежныхъ вождей. Такіе сподвижники Суллы, какъ *Лукуллъ* (§ 228), были не политики, а только хорошіе офицеры, которые, отбывъ службу, наслаждались въ своихъ виллахъ и славились, какъ гастрономы. Важнѣе были Крассъ и Помпей, но они были болѣе опасны, чѣмъ полезны сенату. *Крассъ* не былъ политикомъ; но онъ имѣлъ большую силу, какъ первый богачъ въ богатомъ Римѣ. У него только и была способность наживать деньги, которыя онъ любилъ копить, хотя самъ жилъ просто. Крассъ не брезгалъ ничѣмъ ради золота, бралъ безбожные проценты, плутовалъ, поддѣлывалъ духовныя завѣщанія, отнималъ земли у своихъ сосѣдей. У него было болѣе 10 мил. р.; ему были должны почти всѣ оптиматы. Оттого его называли „быкомъ стада“, котораго опасно дразнить. Пріятель Красса, *Помпей*, былъ выскочка, только-что перебѣжавшій отъ пролетаріевъ къ оптиматамъ. Онъ былъ первый гимнастъ и наѣздникъ и уже успѣлъ прославиться, какъ хорошій полководецъ. Но онъ былъ плохой политикъ, даже хуже Марія: вялый и нерѣшительный, онъ боялся совсѣмъ пристать

Помпей. Статуя въ Римѣ, къ подножію которой палъ Цезарь.

къ какой-нибудь партіи. Онъ больше молчалъ, а если заговаривалъ, то смущался. Манеры его были угловаты, обращеніе съ людьми непривѣтливо. Когда счастье выдвинуло его впередъ, онъ вдругъ сталъ высокомѣренъ, началъ сравнивать себя съ Александромъ Вел. и впалъ въ безпечность, которая погубила его. Но Помпей былъ рѣдкимъ образцомъ нравственности въ то испорченное время. Онъ жилъ просто, несмотря на свое богатство, былъ прекраснымъ семьяниномъ и славился неподкупностью, такъ что римляне, глядя на него, говорили: „вотъ честное лицо!“ Онъ же первый отмѣнилъ обычай казнить плѣнныхъ царей и полководцевъ, шедшихъ при тріумфѣ въ цѣпяхъ за колесницей побѣдителя. Крассъ и Помпей были сомнительными вождями оптиматовъ. Они всегда могли измѣнить имъ, потому что *мечтали о коронѣ*, а не о выгодахъ сената. У пролетаріевъ же выдвинулись теперь три замѣчательныхъ вождя. 1) Молодой (28 л.) адвокатъ, *Цицеронъ*, ученикъ Сцеволы (§ 216), побывавшій въ Греціи. Онъ прославился еще при Суллѣ, противъ котораго онъ говорилъ превосходныя, хотя и осторожныя рѣчи, пользуясь свободой, сохранившеюся только за судебной трибуной. Это былъ одинъ изъ первыхъ ораторовъ и писателей древности и человѣкъ очень образованный и честный, но безхарактерный и трусливый: изъ страха онъ былъ способенъ даже на униженіе. 2) Важнѣе былъ *Гай Юлій Цезарь*. Онъ происходилъ изъ древней оптиматской фамиліи, но съ самаго начала присоединился къ пролетаріямъ. Его тетка была замужемъ за Маріемъ; самъ онъ женился на дочери Цинны, которую такъ любилъ, что чуть не погибъ изъ-за нея: Сулла велѣлъ ему развестись съ женой, но онъ отказался. Затѣмъ Сулла приказалъ Цезарю сложить жреческое званіе, съ котораго начиналось служебное поприще молодыхъ оптиматовъ; но тотъ отвѣчалъ, что законъ не дозволяетъ ему этого, и скрылся. Конечно Цезарь попалъ въ число проскриптовъ. Впрочемъ знатные родственники выхлопотали ему прощеніе у Суллы, который воскликнулъ: „Въ этомъ мальчишкѣ (Цезарю не было и 20 л.) сидятъ 10 Маріевъ!“ Цезарь поступилъ въ военную службу и уѣхалъ на Востокъ. 3) Цицеронъ и Цезарь были еще очень молоды и только-что начали пріобрѣтать извѣстность. Поэтому истиннымъ вождемъ пролетаріевъ былъ опытный и благородный маріанецъ, *Серторій* (§ 228).

§ 231. **Серторій и гладіаторы; Помпей и пролетаріи.** Серторій долго скитался по морю, избѣгая римскаго флота и пиратовъ. Далеко разнеслась слава о его приключеніяхъ. Пираты почувствовали такое уваженіе къ нему, что обратились въ его помощниковъ; его звали къ себѣ въ цари народы с. Африки и Испаніи. Серторій прибылъ въ Испанію и началъ управлять такъ милостиво и справедливо, что кельтиберы и лузитаны чтили память его наравнѣ со своимъ Виріа-

томъ. Онъ первый изъ римлянъ завелъ школу въ этой провинціи, т.-е. положилъ начало романизаціи Испаніи. Туземцы до того дивились уму и военному искусству Серторія, что, замѣтивъ, какъ за нимъ всегда ходила бѣлая лань, рѣшили, что это — сама Діана, которая внушаетъ все доброе великодушному правителю. Серторій разбилъ нѣсколько армій, высланныхъ противъ него Суллой. Теперь явился въ Испанію Помпей — и точно также былъ разбитъ. Но ему помогло счастье. Одинъ изъ завистливыхъ пріятелей Серторія убилъ его, пригласивъ къ себѣ на пиръ. Тогда Помпей тотчасъ же уничтожилъ маріанцевъ въ Испаніи. Въ это время товарищъ Помпея, Крассъ, отличился въ Италіи, гдѣ произошло небывалое возстаніе гладіаторовъ. Оно началось въ Капуѣ, благодаря гладіатору, *Спартаку*, родомъ изъ Ѳракіи. Вскорѣ къ гладіаторамъ присоединились рабы, и ихъ армія дошла до 100.000. Это были обезумѣвшіе отъ угнетенія люди, умѣвшіе отлично владѣть мечомъ: нельзя изобразить тѣ звѣрства, которыми сопровождались походы гладіаторовъ по Италіи. Два года длилась *гладіаторская война*. Было разбито много римскихъ армій, пока не выступилъ Крассъ. Онъ поразилъ гладіаторовъ, и ужасный Спартакъ палъ на полѣ битвы. Часть ихъ пробралась на сѣверъ; но тутъ ихъ всѣхъ истребилъ Помпей, возвращавшійся изъ Испаніи. Когда Помпей и Крассъ возвратились въ Римъ, покрытые новою славой, они застали здѣсь сильное волненіе. Пролетаріи поднялись противъ оптиматовъ, воспламенившись горячими рѣчами Цицерона и Цезаря. Они просили Помпея и Красса помочь имъ. Въ то же время оптиматы, испугавшись новыхъ успѣховъ своихъ вождей, встрѣтили ихъ холодно и дали замѣтить Помпею, что не пошлютъ его противъ Митридата, который снова опустошалъ римскую Азію. Съ своей стороны, Помпей и Крассъ сами тяготились властью гордыхъ оптиматовъ. Они поняли, что можно достигнуть короны только въ союзѣ съ пролетаріями. Эти честолюбцы не опасались соперничества со стороны вождей толпы. Безхарактерный Цицеронъ могъ быть ихъ игрушкой. Опаснѣе былъ Цезарь, который разыгрывалъ роль отчаяннаго демократа, дѣлая множество мелкихъ выходокъ противъ сената: онъ расхваливалъ Цинну, совершилъ пышное погребеніе своей тетки, вдовы Марія, причемъ устроилъ патетическую сцену съ бюстомъ самого Марія и давалъ народу, въ качествѣ эдила, пышныя празднества. Но казалось, что Цезарь по молодости больше увлекался своими отважными путешествіями да удовольствіями, которыя ввели его въ неоплатные долги. Въ 70 г. Помпей и Крассъ *измѣнили оптиматамъ* и перешли на сторону народа. Тотчасъ же были отмѣнены законы Суллы: было возстановлено значеніе трибуната и почти все, чего хотѣли Гракхи. Пролетаріямъ опять начали раздавать хлѣбъ и устраивать дорогія зрѣлища. Союзъ между бывшими вождями оптиматовъ

и пролетаріями былъ закрѣпленъ тѣмъ, что Крассъ уплатилъ долги Цезаря, а Цезарь, овдовѣвшій въ это время, женился на дочери Помпея. Цезарь хорошо вознаградилъ Помпея за измѣну оптиматамъ. По его внушенію, трибунъ Габиній провелъ на сходкѣ законъ, вручавшій Помпею почти самодержавіе: ему дали *диктаторскую*, т.-е. неограниченную, *власть* сначала надъ всѣми берегами Средиземнаго м. для искорененія пиратовъ, а потомъ и надъ всѣмъ Востокомъ для борьбы съ Митридатомъ; и не было положено срока этой власти. Помпею были отданы всѣ войска и казна и дозволено, какъ царю, окружить себя свитой изъ 25 важныхъ полководцевъ. Оптиматы такъ негодовали на этотъ законъ, что чуть не задушили одного изъ трибуновъ, предложившихъ его. Въ толпѣ ходили слухи, что сенаторы, подражая своимъ предкамъ, убившимъ основателя Рима, замышляютъ извести и „второго Ромула“, какъ называли тогда пролетаріи Помпея.

§ 232. **Пираты и Востокъ.** Въ 67 г. Помпей отплылъ на Востокъ, гдѣ оставался 6 лѣтъ. Прежде всего ему нужно было искоренить морскихъ разбойниковъ. Тогда пиратство, съ киликійцами и критянами во главѣ, распространилось по всему Средиземному м. до поразительныхъ размѣровъ, оттого что Римъ уничтожилъ почти всѣ морскія державы, а самъ не имѣлъ хорошаго флота. Правительство оптиматовъ и тутъ оказалось неспособнымъ. Оно содержало лишь ничтожныя эскадры, которыя не дерзали вступать въ битву съ массой „мышиныхъ лодокъ“, какъ называли тогда легкія суда пиратовъ съ однимъ рядомъ веселъ. Пираты разгуливали по всему морю, составляя пловучее разбойничье государство. Тутъ были люди всевозможныхъ націй, объявившіе войну всему міру. Отъ нихъ не было проходу ни одному кораблю, не было спокойствія ни одному прибрежному поселенію. Ограбивъ свою жертву, пираты или распинали ее на крестѣ, или свозили на Делосъ на невольничій рынокъ, помогая развитію рабства. Если же имъ удавалось захватить знатнаго человѣка, они держали его въ плѣну, требуя дорогого выкупа. Однажды имъ удалось даже изловить Цезаря, плывшаго въ Родосъ, чтобы поучиться тамъ въ знаменитой ораторской школѣ. Разбойники потребовали за него огромный выкупъ — 20 талантовъ (ок. 25 т. р.). „Какъ! — воскликнулъ Цезарь — за такого человѣка, какъ я, вы требуете только 20 талантовъ? Возьмите 50“. Черезъ два мѣсяца привезли 50 талантовъ. Цезарь между тѣмъ гордо велъ себя въ плѣну: приказывалъ пиратамъ не шумѣть, когда ложился спать; читалъ имъ свои стихи и требовалъ похвалъ, грозя, въ противномъ случаѣ, перевѣшать ихъ впослѣдствіи. Получивъ свободу, Цезарь составилъ эскадру, догналъ разбойниковъ и распялъ ихъ, а деньги свои возвратилъ съ избыткомъ. Сначала пираты были въ союзѣ съ пролетаріями и дрались съ Суллой.

Плѣнъ Цезаря разрушилъ этотъ союзъ. Сверхъ того пролетаріи вознегодовали на разбойниковъ зато, что хлѣбъ сильно вздорожалъ въ Римѣ, такъ какъ пираты перехватывали суда, подвозившія туда хлѣбъ. Пролетаріи настояли, чтобы Помпей истребилъ пиратовъ, и онъ въ 3 мѣсяца покончилъ съ ними. Онъ истребилъ до 30 т. разбойниковъ, бросившись прямо въ Киликію, гдѣ пираты хранили свои семьи и сокровища въ замкахъ, на вершинахъ скалъ, среди глубокихъ ущелій. Затѣмъ Помпей двинулся на Митридата, который началъ тогда самую отчаянную, *третью* войну съ Римомъ, съ помощью своего зятя, *Тиграна* армянскаго, владѣнія котораго доходили до Каспійскаго м. и Финикіи. Въ этой войнѣ сначала отличался Лукуллъ (§ 229): онъ поразилъ вдесятеро сильнѣйшаго врага и взялъ столицу Арменіи, Тиграноцерту. Но сенатъ не присылалъ помощи его маленькому отряду, который наконецъ возмутился: Лукуллъ принужденъ былъ удалиться въ свои виллы, гдѣ онъ жилъ съ „лукулловскою роскошью“ на деньги, награбленныя въ Азіи (онъ вывезъ вишни изъ Керазунта). На мѣсто его явился Помпей, который уничтожилъ Митридата въ два г. (§ 163). Преслѣдуя врага, римляне впервые достигли Кавказа, гдѣ имъ подчинились всѣ народы, жившіе до горной цѣпи, и во главѣ ихъ земледѣльцы *иберы* (въ нын. Грузіи) и пастухи *аланы* или албанцы (у Баку). Отсюда Помпей устремился на югъ и завоевалъ всю Азію до Евфрата. Онъ обратилъ Сирію въ римскую провинцію и взялъ Іерусалимъ, гдѣ посадилъ вассальнаго царя (§ 161, 162). Повсюду Помпей вводилъ новое управленіе по римскому образцу: Востокъ былъ раздѣленъ на провинціи: *Азію*, *Вифинію*, *Киликію*, *Критъ* и *Сирію* (съ Финикіей и частью Палестины); остальныя земли (Арменія, Понтъ, Галатія, Каппадокія, Пафлагонія, Іудея) вошли въ вассальныя отношенія къ Риму, который бралъ съ нихъ дань и утверждалъ ихъ царей (§ 163). Подражая Александру Вел., Помпей старался распространить европейскую цивилизацію въ Азіи: онъ особенно заботился о развитіи городовъ. На Востокѣ прозвали Помпея „царемъ царей“. Въ Римѣ пролетаріи также чествовали его, какъ императора, какъ покорителя 12 мил. душъ, сотенъ городовъ и 22 царей.

§ 233. **Катонъ Младшій и Катилина.** Между тѣмъ какъ Помпей совершалъ подвиги на Востокѣ, въ Римѣ господствовала анархія. Шла ожесточенная борьба пролетаріевъ съ оптиматами. Пролетаріи надѣялись уничтожить сенатское правительство, потому что ихъ противники оставались беззащитными. Среди оптиматовъ выдающеюся личностью былъ тогда потомокъ Катона Строгаго (§ 214), *Порцій Катонъ Младшій*, по прозванію *Утическій*. Онъ получилъ отличное образованіе и увлекся новою греческой философіей — *стоицизмомъ* (§ 173). Катонъ былъ самымъ честнымъ и справедливымъ человѣкомъ

въ Римѣ. Своему испорченному поколѣнію онъ казался даже чудакомъ, какимъ-то Діогеномъ. Презирая это безнравственное поколѣніе, Катонъ сталъ подражать своему предку, желая возстановить лучшее старое время и древнюю *сенатскую* республику. Онъ ходилъ пѣшкомъ, не носилъ рубахи, не надѣвалъ военныхъ знаковъ отличія; зато у него всегда была книга въ рукахъ. При всей своей нравственной силѣ (тогда въ Римѣ появилось нѣсколько Катоновъ, копировавшихъ свой образецъ до мелочей) Катонъ не могъ поддержать оптиматовъ: онъ былъ философъ, а не политикъ. Его идеалъ былъ ложный и еще менѣе своевременный, чѣмъ идеалъ Катона Старшаго. Пользуясь непрактичностью вождя оптиматовъ, пролетаріи рѣшились устроить революцію— перебить сенаторовъ и захватить правленіе въ свои руки. Душой этого заговора былъ *Катилина*, оптиматъ по происхожденію. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ Суллы, при которомъ награбилъ много денегъ и собственноручно убилъ одного старика, своего родственника. Катилина превзошелъ всѣхъ въ кутежахъ и безнравственности, быстро растратилъ свое богатство и запутался въ долгахъ. Изобрѣтательный и энергичный, онъ пускался на всякія плутни, чтобы выпутаться изъ долговъ. Всюду видѣли его испитую фигуру, съ блѣднымъ лицомъ, дикимъ взоромъ и тревожною походкой. Сначала Катилина надѣялся поправить свои дѣла съ помощью своей братьи — оптиматовъ. Онъ уже былъ преторомъ и потребовалъ себѣ консульства. Но ему отказали — и онъ перешелъ на сторону пролетаріевъ. Цезарь и Крассъ подружились съ нимъ и тайно помогали его заговору, который мало-по-малу распространился по всей Италіи и по провинціямъ. У заговорщиковъ составилась своя армія въ Этруріи. Но Катилина забылъ привлечь къ заговору Цицерона; оптиматы же переманили къ себѣ безхарактернаго оратора, давъ ему консульство. Цицеронъ выказалъ рѣдкую энергію и весь свой ораторскій талантъ. Онъ завелъ такихъ хорошихъ шпіоновъ, что ему сталъ извѣстенъ каждый шагъ заговорщиковъ. Цицеронъ вполнѣ изобличилъ Катилину въ сенатѣ, въ превосходныхъ рѣчахъ (катилинаріи), затѣмъ быстро схватилъ и казнилъ его главныхъ сообщниковъ и выслалъ армію въ Этрурію. Катилина палъ героемъ, отлично сражаясь съ войсками сената. Оптиматы торжествовали, а пролетаріи притихли. Цицеронъ получилъ отъ сената названіе „отца отечества“; а Цезарь выпросилъ себѣ проконсульство въ Лузитаніи и поспѣшно покинулъ Римъ.

§ 234. **Первый тріумвиратъ. Цезарь въ Галліи.** Оптиматы торжествовали недолго. Вскорѣ возвратился Помпей, а слѣдомъ за нимъ и Цезарь, блистательно покорившій Лузитанію. Вялый Помпей сначала хотѣлъ повиноваться сенату: онъ сдалъ ему до 50 мил. р., на-

граблепныхъ въ Азіи, и распустилъ войска, потребовавъ только дать земли его солдатамъ и утвердить его „азіатскія распоряженія“. Сенатъ отказалъ въ этихъ требованіяхъ—и Помпей пошелъ на предложеніе Цезаря составить тріумвиратъ, или союзъ „трехъ мужей“. То было соглашеніе частныхъ лицъ съ государственною цѣлью, родъ заговора трехъ лицъ противъ существующаго порядка вещей, но заговора открытаго, имѣющаго видъ новаго правительства. Третьимъ въ этомъ союзѣ былъ Крассъ, безъ котораго нельзя было обойтись, какъ безъ богача и вождя капиталистовъ. *Первый тріумвиратъ* состоялся въ 60 г. Собственно говоря, этимъ началась римская имперія; только теперь было три императора вмѣсто одного. Такъ какъ тріумвиратъ опирался на демократію, то пролетаріямъ стали раздавать хлѣбъ и земли; а такъ какъ тріумвиратъ клонился къ разрушенію республиканской формы правленія, то съ этихъ поръ *старореспубликанскою* партіей стали называться оптиматы, и республиканизмъ сосредоточился въ сенатѣ. Оптиматы Цицеронъ и Катонъ открываютъ собой рядъ послѣднихъ борцовъ за республику. Трибуны присудили Цицерона къ изгнанію за казнь друзей Катилины; его имущество конфисковали, а домъ разрушили. Цицеронъ плакалъ, палъ на колѣна передъ Помпеемъ, но напрасно: было уже поздно опять переходить изъ одного лагеря въ другой. Катону дали невозможное порученіе — безъ всякихъ средствъ отнять Кипръ у египтянъ. Стоикъ молчаливо отплылъ на Востокъ и превосходно исполнилъ порученіе, причемъ доставилъ въ Римъ казну, найденную на Кипрѣ (12 мил. р.), не взявъ себѣ ни копѣйки. Вскорѣ тріумвиратъ обратился въ *дуумвиратъ*, или „правленіе двоихъ“, потому что не стало Красса: богачъ погибъ въ походѣ противъ свирѣпыхъ парѳянъ, которые наполнили золотомъ его помертвѣлыя уста. Дуумвиры подѣлили власть между собой: Цезарь предоставилъ Римъ и все управленіе съ казной Помпею, а себѣ взялъ только Цизальпійскую Галлію съ Нарбонской провинціей, гдѣ нужно было вести безпрерывныя войны съ полудикими кельтами. Цезарь поступилъ очень умно. Онъ зналъ, что такого вялаго и безпечнаго человѣка, какъ Помпей, вовсе не опасно оставлять въ Римѣ; притомъ по закону въ столицѣ нельзя было держать войска. Самъ же Цезарь, какъ проконсулъ Галльской провинціи, получалъ право постоянно имѣть армію. Сверхъ того онъ могъ прославиться и привязать къ себѣ солдатъ во время безпрерывныхъ походовъ. Цезарь не ошибся въ разсчетѣ. Закрѣпивъ союзъ съ Помпеемъ выдачей за него замужъ своей дочери, Юліи, онъ тотчасъ же отправился въ Галлію, гдѣ пробылъ 9 лѣтъ (58—49) и совершилъ крупные подвиги, описанные имъ самимъ въ сочиненіи „О галльской войнѣ“. Цезарь быстро покорилъ всю нынѣшнюю Францію

и прогналъ германцевъ, которые, пользуясь раздорами у кельтовъ, вторгнулись въ Галлію. Затѣмъ онъ появился за Рейномъ и даже въ Британіи. Пользуясь его отсутствіемъ, галлы возстали подъ начальствомъ доблестнаго *Верцингеторикса*, который выучился военному искусству у самихъ римлянъ. Цезарь очутился на краю погибели. Его спасло только римское правило: „раздѣляй и властвуй!“ Онъ поселилъ раздоръ между галлами — и Верцингеторикъ былъ выданъ ему и казненъ. Вся Галлія лежала у ногъ побѣдителя. Умный Цезарь не довольствовался завоеваніемъ прекрасной страны. Онъ сдѣлалъ изъ нея оплотъ противъ надвигавшагося на Римъ германства и мѣсто переселенія для избытка итальянскаго населенія. Цезарь „романизовалъ“ Галлію, т.-е. ввелъ въ ней все римское, начиная съ дорогъ, водопроводовъ, театровъ, бань, кончая языкомъ и нравами. Онъ заселилъ ее множествомъ римскихъ колонистовъ. Изъ смѣси этихъ колонистовъ съ кельтами образовалась основа главной изъ *романскихъ* націй, получившей потомъ имя французовъ, вслѣдствіе сліянія съ германскими франками. Галлія обратилась въ цвѣтущую и образованную страну. *Лугдунумъ* (Ліонъ) прозвали „за-альпійскимъ Римомъ“; вскорѣ послѣ Р. Х. въ Галліи было больше школъ, чѣмъ въ Италіи, и римляне ѣздили туда учиться.

§ 235. **Цезаріанцы, республиканцы и Помпей.** Но Цезарь не забывалъ и Рима. Онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ тамъ дѣлалось, и тайно руководилъ партіей пролетаріевъ, которыхъ теперь можно называть *цезаріанцами*. Его главнымъ агентомъ былъ *Антоній*, небогатый человѣкъ, почти безъ образованія, но даровитый, храбрый и краснорѣчивый воинъ, отличавшійся энергіей и величественною, красивою внѣшностью. Онъ умѣлъ привлекать толпу, особенно солдатъ, своими шутками, живостью и умомъ. Но уже тогда было замѣтно, что это—грязная личность: онъ любилъ деньги и пиры, изъ-за которыхъ попалъ въ неоплатные долги. Подъ руководствомъ такого ловкаго и отчаяннаго человѣка, которому притомъ Цезарь постоянно присылалъ деньги и совѣты, пролетаріи дошли до крайности. Они устраивали открытые „уличные клубы“ и тайныя общества (sodalitia), совершали много преступленій и безпорядковъ, стараясь истребить оптиматовъ, которые пріобрѣтали все больше правъ на званіе *республиканцевъ*. Жалкое господство цезаріанцевъ придало нравственный авторитетъ сенату, во главѣ котораго стояла благородная личность Катона Всѣ порядочные и образованные люди, даже не изъ оптиматовъ, указывали на сенатъ, какъ на опору республики противъ „трехглаваго чудовища“, какъ называли они тріумвиратъ. Въ театрѣ уже рукоплескали выходкамъ актеровъ противъ „трехъ династовъ“. Литература также прониклась республиканскимъ духомъ. Явилось много памфлетовъ и эпиграмъ, въ которыхъ жестоко осмѣивался „великій“ Цезарь; особенно ѣдки были стихо-

творенія молодого поэта, *Катулла*. Теперь возвратились изъ ссылки и Катонъ съ Цицерономъ. Когда изгнали Цицерона, до 20 т. гражданъ надѣли трауръ, а теперь его путь былъ усѣянъ изъявленіями благоговѣнія къ „отцу отечества“, какъ стали называть его друзья республики. Между тѣмъ какъ разгоралась борьба цезаріанцевъ съ республиканцами, Помпея какъ будто не было въ Римѣ. Онъ не зналъ, что̀ дѣлать: стать за пролетаріевъ — значитъ поддерживать своего соперника, Цезаря; стать за сенатъ—значитъ поддерживать республику, которую нужно было уничтожить для достиженія короны. Но пролетаріи, по наущенію Цезаря, начали жестоко нападать на Помпея — и онъ рѣшился перейти на сторону республиканцевъ, какъ нѣкогда перешелъ отъ Цинны къ Суллѣ (§ 230). Сенатъ назначилъ его „консуломъ безъ товарища“ (диктаторомъ) — и явился рядъ законовъ, направленныхъ противъ Цезаря. Въ 49 г. сенатъ даже приказалъ ему распустить войска и возвратиться изъ Галліи. Трибунъ *Антоній* горячо протестовалъ и бѣжалъ къ Цезарю, переодѣвшись рабомъ. Цезарь смѣло поднялъ перчатку, брошенную ему Помпеемъ: его войска съ восторгомъ согласились драться съ своими братьями въ Римѣ для спасенія боготворимаго полководца. Цезарь „перешелъ Рубиконъ“ (рѣчку, отдѣлявшую его провинцію отъ Италіи), т.-е. совершилъ противозаконный шагъ, потому что проконсулы не смѣли входить съ войсками въ Италію. „Жребій брошенъ!“ сказалъ онъ—и началась *вторая междоусобная война*, которая длилась около 5 л. (49—45).

§ 236. **Вторая междоусобная война.** Цезарь былъ гораздо слабѣе Помпея. У него были только его легіоны да Галлія, а у его соперника — вся римская держава. Цезарь не разъ предлагалъ Помпею помириться на извѣстныхъ условіяхъ; но тотъ гордо отказывался. Самоувѣренность и обычная вялость погубили Помпея. Онъ вовсе не приготовился къ бою и такъ поспѣшно бѣжалъ изъ Рима въ Македонію, что даже забылъ казну. Цезарь безъ сопротивленія вступилъ въ столицу. Всѣ ожидали повторенія проскрипцій, но Цезарь оказался милостивымъ и кроткимъ: онъ всѣхъ прощалъ; войска его не смѣли грабить. Изъ Рима Цезарь бросился въ Испанію и уничтожилъ тамъ одну армію Помпея. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Македонію, гдѣ Помпей собралъ превосходное войско и блистательно распоряжался имъ. Республиканцы были увѣрены въ побѣдѣ, преслѣдовали цезаріанцевъ, вообще поступали жестоко и заносчиво, не слушая упрековъ кроткаго Катона. Они даже послали своихъ рабовъ въ Римъ, чтобы занять дома и мѣста на форумѣ для предстоящаго тріумфа. Дѣйствительно, въ первой битвѣ Цезарь потерпѣлъ сильное пораженіе. Но вслѣдъ затѣмъ онъ разбилъ наголову вдвое сильнѣйшее войско Помпея при *Фарсалѣ* (48 г.). Катонъ сказалъ, что

теперь все погибло и нужно драться только изъ-за идеи и чести. Онъ собралъ самыхъ пылкихъ республиканцевъ, среди которыхъ были сыновья Помпея, *Гней* и *Секстъ*, и отплылъ въ Африку, гдѣ образовалъ большую армію подлѣ *Утики*. Помпей же бросился въ Египетъ, гдѣ давно стоялъ отрядъ его ветерановъ. Но Птолемей египетскій, воевавшій тогда съ своей сестрой *Клеопатрой* (§ 164), велѣлъ убить его, надѣясь этимъ снискать себѣ покровительство Цезаря. Помпея закололи, не давъ ему ступить на землю, на глазахъ его жены и дѣтей. Вслѣдъ затѣмъ Цезарь прибылъ въ Александрію. Онъ прослезился, когда ему поднесли голову Помпея, и рѣшилъ споръ Птолемея съ Клеопатрой въ пользу послѣдней. Но въ Египтѣ Цезарь чуть не погибъ, увлеченный роскошью двора и лестью молодой царицы. Народъ внезапно возсталъ противъ него и Клеопатры, а у него не было и 5 т. войска. Его спасла только помощь, присланная изъ Азіи. Между тѣмъ, пока Цезарь медлилъ въ Александріи, республиканцы усиливались въ Утикѣ, а на востокѣ возсталъ *Фарнакъ* (§ 163). Но Цезарь, освободившись изъ Египта, быстро одолѣлъ своихъ враговъ. Фарнака онъ уничтожилъ почти безъ битвы, однимъ своимъ именемъ. Затѣмъ онъ бросился въ Африку. Здѣсь республиканцы дрались отчаянно и сначала побѣдоносно, но наконецъ были разбиты при *Тапсѣ* (46 г.); 50 т. легло на мѣстѣ, остальные бѣжали въ Испанію съ дѣтьми Помпея. Катонъ зарѣзался въ Утикѣ, не будучи въ силахъ пережить погибель республики. Въ Испаніи Цезарь наткнулся на сопротивленіе, какого никогда не испытывалъ. Здѣсь даже часть его войскъ перешла къ республиканцамъ. Не разъ самая жизнь Цезаря подвергалась крайней опасности. Наконецъ въ 45 г. при *Мундѣ* погибла послѣдняя армія республиканцевъ (болѣе 30 т.). Гней Помпей былъ убитъ, Секстъ скрылся въ горахъ.

§ 237. **Основаніе императорской власти.** Всѣ враги были истреблены—и Цезарь возвратился въ Римъ съ пышнымъ тріумфомъ. Онъ привезъ 80 мил. р. и поцарски наградилъ солдатъ, а народу роздалъ много хлѣба и масла, не говоря уже про 40-дневныя роскошныя зрѣлища. Въ древнемъ мірѣ настало спокойствіе. Борьбы нигдѣ не было, потому что *республика была побѣждена имперіей, или единодержавіемъ*, которое стали называть „цезаризмомъ“, въ честь основателя монархической идеи. Цезаризмъ былъ вызванъ печальнымъ общественнымъ положеніемъ римской державы. Въ Римѣ не было средняго, промышленнаго сословія: были только оптиматы и пролетаріи (§ 217), да и пролетаріевъ (нищихъ, но свободныхъ гражданъ) было не болѣе 7 мил. во всей Италіи; большая часть полуострова была занята рабами богачей. Внѣ Италіи почти вовсе не было свободныхъ „римскихъ гражданъ“: римляне угнетали провинціаловъ, какъ своихъ рабовъ. У пролетаріевъ и провинціаловъ не было на-

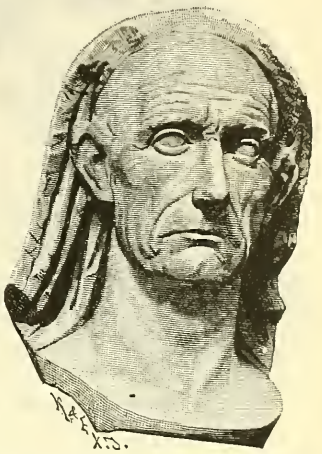
дежды на лучшее будущее, пока существовала республика, которая означала господство олигарховъ. Еслибы римскіе пролетаріи уничтожили оптиматовъ, они не могли бы править государствомъ посредствомъ своихъ комицій, такъ какъ комиціи, при всей своей нестротѣ (тогда въ Римѣ появилось много грековъ и даже евреевъ), состояли только изъ столичной толпы, а требовалось представительство въ комиціяхъ отъ всѣхъ частей римской державы. Для пролетаріевъ и провинціаловъ оставалось одно спасеніе — самодержавіе, въ интересахъ котораго было покровительствовать массѣ, въ отпоръ могучимъ и властолюбивымъ олигархамъ. Вездѣ монархизмъ вытекалъ изъ потребности демократіи защититься противъ разгула власти безжалостной аристократіи. Но въ Римѣ цезаризму препятствовало 500-лѣтнее преданіе. Народъ ненавидѣлъ самое имя царя и былъ привязанъ къ республиканской идеѣ съ ея главными формами — сенатомъ и комиціями. Поэтому Цезарь долженъ былъ ввести греческую тиранію, т.-е. *самодержавіе въ республиканской формѣ*. Эта идея ясна во всемъ его законодательствѣ. Вмѣсто духа партій и мести, въ немъ господствуетъ *терпимость* и вниманіе къ интересамъ всѣхъ частей населенія. Цезарь возстановилъ статуи Суллы и Помпея, низвергнутыя въ борьбѣ партій, и сжегъ, не читая, бумаги, захваченныя въ лагеряхъ республиканцевъ. Онъ наказывалъ заговорщиковъ только тѣмъ, что вывѣшивалъ на форумѣ объявленія объ ихъ замыслахъ, и издалъ всеобщую *амнистію*. Верховная власть была сосредоточена въ одномъ лицѣ, но республиканскія учрежденія сохранялись. Цезарь сталъ „пожизненнымъ“ диктаторомъ и трибуномъ, цензоромъ и консуломъ на 10 л. Но важнѣе всего былъ новый титулъ „пожизненнаго“ *императора*. Прежде imperator (§ 182) былъ почетный титулъ, который легіоны давали своему полководцу на мѣстѣ побѣды; теперь же это слово стало означать царскую власть. Цезарь ввелъ новый титулъ, чтобы избѣгнуть ненавистнаго римлянамъ слова „царь“ (rex). Онъ ставилъ свое кресло между креслами консуловъ, но на возвышеніи.

§ 238. **Законодательство Цезаря.** *Сенатъ*, какъ въ царскій періодъ, потерялъ значеніе: онъ высказывалъ свое мнѣніе только тогда, когда его спрашивали. Цезарь назначалъ его членовъ, число которыхъ довелъ до 900: такъ образовалось императорское дворянство, среди котораго впервые появились и провинціалы. *Комиціи* также потеряли значеніе: императоръ издавалъ многіе *эдикты* (указы) вовсе безъ ихъ участія. Суды сохранялись за сенаторами и всадниками, но утвержденіе ихъ приговоровъ перешло къ императору, который тотчасъ же замѣнилъ смертную казнь ссылкой. Умно было и то, что Цезарь, достигшій власти посредствомъ арміи, поставилъ *военный элементъ ниже гражданскаго* и держалъ войска лишь въ необходимомъ числѣ и по окраинамъ римской державы, причемъ сократилъ срокъ военной

службы. Но болѣе всего политическій умъ Цезаря выразился въ *соціальныхъ* реформахъ. Онъ много сдѣлалъ для бѣдняковъ, подражая Лицинію, Гракхамъ и Серторію. Цезарь устроилъ правильное вспомоществованіе имъ хлѣбомъ, сократилъ ихъ долги, роздалъ имъ земли изъ общественнаго поля и выселилъ до 100 т. колонистовъ въ разныя земли, особенно на развалины Карѳагена и Коринѳа. Сверхъ того Цезарь предпринялъ рядъ величественныхъ общественныхъ построекъ (въ томъ числѣ обширная библіотека), чтобы дать работу пролетаріямъ. Еще болѣе благодѣяній оказалъ онъ *провинціямъ*. Онъ отмѣнилъ откупа и десятины и строго надзиралъ за проконсулами, которые уже перестали быть сатрапами, тѣмъ болѣе что императоръ самъ назначалъ ихъ. Нѣкоторымъ провинціямъ были даны права частью латинскаго, частью даже римскаго гражданства. Особенно заботился Цезарь о своей Галліи, гдѣ уже тогда латинскій яз. сталъ офиціальнымъ. Вообще онъ первый ввелъ развитое впослѣдствіи начало *императорской нивеллировки*, т.-е. объединенія и уравненія всѣхъ частей римской державы. При этомъ онъ старался внести цивилизацію въ необразованныя страны — именно *романизовать западныя провинціи и эллинизовать восточныя*. Несмотря на ужасы междоусобія, на возвышеніе жалованья солдатамъ, на помощь пролетаріямъ и на общественныя сооруженія, финансы процвѣтали (въ казнѣ былъ запасъ въ 57 милл. р.): они находились въ рукахъ самого Цезаря, который любилъ бережливость и порядокъ, ввелъ хорошую *полицію* и основалъ правильную монетную систему, прибавивъ къ серебряному денарію золотой *aureus*. Среди множества мелкихъ реформъ Цезаря важны: прекрасная народная перепись въ Италіи, планъ кодификаціи (свода законовъ) и *юліанскій календарь*, котораго Россія держится до сихъ поръ. Этимъ календаремъ была исправлена важная ошибка: тогда гражданскій (общепринятый) годъ отставалъ отъ истиннаго (астрономическаго) на 67 дней. Эта реформа была введена 1-го янв. 45 г., и съ тѣхъ поръ *1-е января* стало Новымъ Годомъ.

§ 239. **Гибель Цезаря**. Итакъ республика смѣнилась въ Римѣ монархіей. Отъ нея оставалась только внѣшность, но и ее Цезарь рѣшился уничтожить. Онъ сталъ вести себя, какъ древніе цари; одѣвался въ *пурпурную* тогу; принималъ сенаторовъ, сидя на золотомъ креслѣ, и заставлялъ ихъ долго ждать въ своей передней; онъ поставилъ свою статую рядомъ со статуями 7 царей и съ надписью „полубогу“. На монетахъ появился его бюстъ, а въ календарѣ — дни его рожденія и побѣдъ въ числѣ праздниковъ. Мѣсяцъ, въ который онъ родился, былъ переименованъ въ *іюль*. Цезарь окружилъ себя обширнымъ штатомъ и сталъ недоступенъ. Однажды его другъ, консулъ Антоній, даже предложилъ ему корону. Правда, Цезарь отвергъ ее;

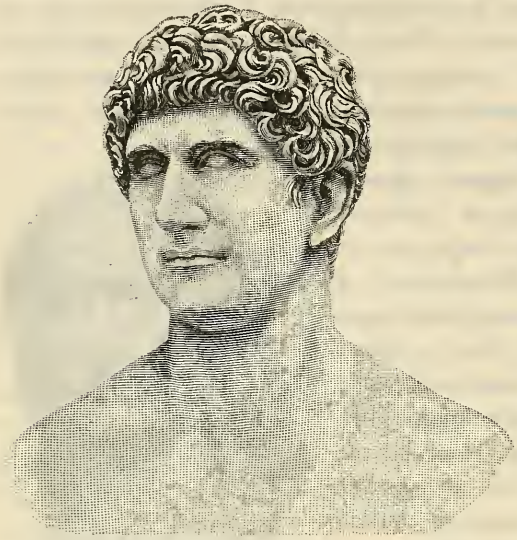
но говорили, что онъ самъ устроилъ эту сцену, чтобы подготовить народъ. Все это не нравилось римлянамъ, которые сжились съ республиканскою формой правленія. Въ литературѣ явились колкіе намеки на деспота, и похвала Катону Утическому стала обычною темой памфлетовъ, такъ что Цезарь принужденъ былъ ввести родъ цензуры. Нашлись и фанатики республиканской идеи, готовые на все изъ-за нея. Во главѣ ихъ стоялъ *Юній Брутъ*, строгій философъ, пылкій поклонникъ свободы, мечтательная, нѣжная и привязчивая натура. Сначала онъ былъ помпеянцемъ, но потомъ горячо полюбилъ Цезаря, считая его душой демократической республики. Цезарь также привязался къ нему, какъ къ сыну, и осыпалъ его благодѣяніями. Но Брутъ былъ въ то же время другомъ Катона Утическаго и вполнѣ раздѣлялъ его убѣжденія; онъ былъ даже женатъ на его сестрѣ. Когда стало ясно, что Цезарь хочетъ уничтожить республику, Брутъ загрустилъ. Въ это время онъ находитъ на своемъ креслѣ, въ сенатѣ, записку: „Брутъ, ты спишь?“ Ее подкинулъ преторъ *Кассій*, худой, мрачный и честолюбивый полководецъ, которому Цезарь не давалъ перваго мѣста въ арміи. Брутъ и Кассій составили заговоръ противъ Цезаря, въ которомъ участвовало болѣе 60 сенаторовъ. Въ 44 г., когда Цезарь собирался совершить послѣдній національный подвигъ—отомстить парѳянамъ за позоръ Красса, разнесся слухъ, что въ мартовскія „иды“ (15-го числа) онъ приметъ титулъ царя въ сенатѣ. Въ этотъ день жена, видѣвшая тревожный сонъ, со слезами умоляла больнаго Цезаря не ходить въ сенатъ; то же совѣтовали и другіе. Но Цезарь, который отличался безпечностью и не соглашался завести тѣлохранителей, всѣмъ отвѣчалъ одно: „лучше погибнуть, чѣмъ вѣчно бояться“. Онъ пошелъ въ сенатъ. На дорогѣ кто-то сунулъ ему списокъ заговорщиковъ, но онъ не прочелъ его. Какъ только Цезарь сѣлъ въ сенатѣ на свое кресло, заговорщики поразили его 23 ударами кинжаловъ. Онъ палъ, завертываясь въ тогу, къ подножію близстоявшей статуи Помпея. Ему было 55 лѣтъ.



Цезарь въ старости. Бюстъ въ Ватиканѣ.

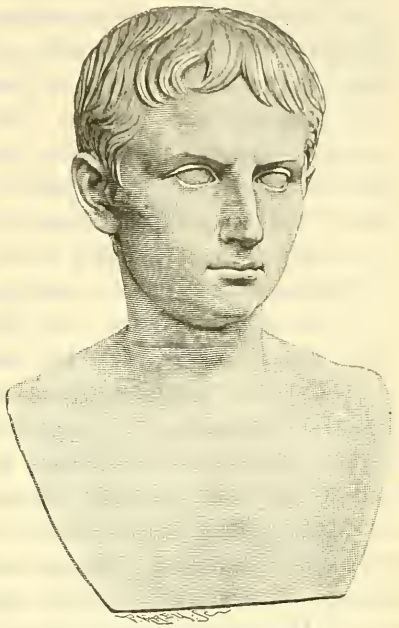
§ 240. **Тиранія Антонія. Октавіанъ.** „Освободители“, какъ называли себя заговорщики, испугались собственнаго дѣла. Они скрылись въ Капитолійскій храмъ, не зная, что предпринять. Сенатъ, хотя и послалъ своего вождя, Цицерона, поздравить убійцъ, но также боялся и ничего не дѣлалъ. Толпа была поражена и ничего не по-

нимала. Всѣ точно окаменѣли отъ ужаса. Этою-то минутой воспользовался самый близкій къ Цезарю человѣкъ, котораго заговорщики также хотѣли убить. То былъ *Антоній* (§ 235), ставшій уже консуломъ. Его подстрекала жена, походившая на него нравомъ, —порочная, корыстолюбивая и жестокая *Фульвія*. Антоній задумалъ захватить никому не принадлежавшую власть, выступивъ въ роли мстителя за Цезаря. За него сталъ честолюбивый, но недалекій *Лепидъ*—также близкій къ Цезарю полководецъ, который начальствовалъ войсками, занимавшими тогда Римъ. У Антонія искала спасенія вдова императора, принесшая съ собой казну (болѣе 50 милл. р.) и бумаги Цезаря, которыя Антоній тотчасъ же передѣлалъ, какъ ему было нужно, съ помощью секретаря императора. Затѣмъ онъ собралъ народъ для погребенія Цезаря, горячо оплакивалъ покойника и объявилъ, будто императоръ завѣщалъ толпѣ свои роскошные сады и много денегъ. Народъ до того былъ тронутъ этою рѣчью, что сжегъ дома заговорщиковъ, которые успѣли бѣжать вмѣстѣ съ Цицерономъ. Антоній сталъ владыкой Рима. Онъ дѣлалъ, что́ хотѣлъ, выдавая свои распоряженія за волю Цезаря. Сребролюбіе и безнравственность Антонія и Фульвіи достигли крайней степени. Они продавали должности и званія и заставили сенатъ поручить имъ истребленіе заговорщиковъ, которые стекались въ сѣверную Италію. Антоній уже началъ собирать легіоны, чтобы двинуться туда, какъ вдругъ оказалось, что солдаты подчиняются не ему, а кому-то другому. То былъ 19-лѣтній внукъ сестры Цезаря, *Октавій*, рано лишившійся отца. Бездѣтный императоръ привязался къ этому красивому и даровитому, но болѣзненному мальчику, какъ къ сыну, и передъ смертью отправилъ его въ Грецію учиться въ сообществѣ его сверстника и друга, *Агриппы*. Здѣсь-то этотъ странный юноша, который былъ не по лѣтамъ остороженъ, скрытенъ, вкрадчивъ и коваренъ, узналъ о смерти дѣда, который успѣлъ усыновить его и назначить своимъ наслѣдникомъ. Онъ тотчасъ же принялъ имя Юлія-



Антоній. Бюстъ въ Ватиканѣ.

Цезаря-*Октавіана*, прибылъ въ Римъ и привлекъ къ себѣ всѣхъ лестью, умомъ и необыкновенною щедростью; особенно не щадилъ онъ денегъ и ласкъ для ветерановъ Цезаря, тогда какъ Антоній скупился и обращался съ ними крайне строго. Чтобы уничтожить Антонія, Октавіанъ даже подружился съ убійцами своего дѣда и заискивалъ у Цицерона. Антоній, которому было тогда подъ 40, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на этого ребенка и спокойно двинулся въ сѣверную Италію, открывая *третью междоусобную войну*. Но республиканцы такъ укрѣпились въ сильной *Мутинѣ*, окруженной дремучими лѣсами, что пришлось вести долгую осаду противъ нихъ. А между тѣмъ ихъ друзья въ Римѣ, поджигаемые Октавіаномъ, подняли бурю противъ Антонія. Особенно энергично дѣйствовалъ Цицеронъ, который рѣшился погубить Антонія и сказалъ противъ него много злыхъ „филиппикъ“ (§ 144). Наконецъ сенатъ далъ Македонію и Сирію Бруту и Кассію, ихъ пріятеля, Секста Помпея, назначилъ адмираломъ флота, а противъ Антонія выслалъ войско, при которомъ разрѣшили быть Октавіану, льстившему тогда Цицерону до униженія. Антоній былъ разбитъ, хотя съ большимъ трудомъ, и бѣжалъ къ своему пріятелю, Лепиду, который былъ тогда проконсуломъ Нарбонской провинціи. Сенаторы возгордились, тѣмъ болѣе что Брутъ, Кассій и Помпей собрали много войска и своимъ умомъ и благородствомъ привлекли къ себѣ населеніе Греціи, Македоніи и Сиріи; ктому же Кассій и Помпей были первыми полководцами своего времени. Сенаторы вновь стали награждать убійцъ Цезаря и отмѣнять его законы, выказывая, въ то же время, презрѣніе къ Октавіану и даже оскорбляя его. Но они жестоко ошиблись: „ребенокъ“, носившій дорогое солдатамъ имя Цезаря, деньгами и лестью успѣлъ склонить армію на свою сторону—и она провозгласила его императоромъ. Теперь Октавіанъ сбросилъ маску. Онъ внезапно явился съ войскомъ въ Римъ, овладѣлъ казной, велѣлъ сенату назначить его консуломъ и объявилъ убійцъ Цезаря врагами отечества.



Октавіанъ. Въ Ватиканѣ.

§ 241. **Второй тріумвиратъ; Филиппи.** Стало ясно, что Окта-

віанъ стремится захватить власть, принадлежавшую Цезарю. Но онъ еще не смѣлъ рѣшиться на это, понимая, что у трехъ даровитыхъ республиканцевъ находились силы неистощимаго Востока и море, и что если онъ броситься на нихъ, съ запада нагрянутъ Антоній съ Лепидомъ, у которыхъ также уже набралось много войска. Октавіанъ былъ принужденъ на время подѣлиться властью: подражая во всемъ Цезарю, онъ устроилъ *второй тріумвиратъ* (43 г.). Октавіанъ, Антоній и Лепидъ раздѣлили между собой западныя провинціи; сверхъ того первые двое должны были отнять Востокъ у республиканцевъ, оставивъ Лепида консуломъ въ Римѣ. Чтобы устрашить народъ, утолить жажду мести и награбить денегъ для борьбы съ Брутомъ и Кассіемъ, тріумвиры возстановили проскрипціи Суллы (§ 229), причемъ шелъ торгъ между ними изъ-за головъ жертвъ. Затѣмъ они пришли съ войсками въ Римъ, заперли всѣ ворота, пообѣщали убійцамъ по 2—4 т. р. за голову — и началось кровопролитіе, котораго не видали даже при Суллѣ. Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ валялись трупы, брошенные на съѣденіе собакамъ и птицамъ, а головы жертвъ складывались на ораторской трибунѣ на форумѣ. Богатыхъ дѣтей одѣвали въ тоги, какъ взрослыхъ, и убивали, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ. Антоній съ Фульвіей доходили до цинизма въ наслажденіи зрѣлищемъ смерти враговъ. Они наругались надъ трупомъ Цицерона: Фульвія исколола ему языкъ булавками. По всей Италіи лилась кровь подъ предлогомъ мести убійцамъ „божественнаго“ Цезаря, законы котораго были объявлены ненарушимыми. Затѣмъ Октавіанъ и Антоній двинулись противъ Брута и Кассія, которые не уступали имъ по силѣ войскъ и казны, но были потрясены нравственно: они не вѣрили въ успѣхъ своего дѣла. Мечтателю Бруту предстала даже ночью тѣнь Цезаря и сказала: „увидимся подъ *Филиппами*“. Въ 42 г. у этого македонскаго города разразилась двойная ожесточенная битва между республикой и имперіей, между Востокомъ и Западомъ. Сначала Кассій былъ разбитъ Антоніемъ, но потомъ Брутъ побѣдилъ разболѣвшагося Октавіана, и тріумвирамъ приходилось плохо, еслибы ихъ не выручилъ случай: Кассій получилъ ложное извѣстіе о пораженіи Брута и велѣлъ рабу заколоть себя. Послѣ этого былъ разбитъ и Брутъ на томъ же полѣ. Онъ бросился на собственный мечъ. То же сдѣлали многіе изъ его друзей, въ томъ числѣ сынъ Катона Утическаго: республиканцы поняли, что *подъ Филиппами погибла римская республика*. Поэтому-то Брутъ и Кассій называются въ исторіи „послѣдними римлянами“. Но имперія утвердилась не тотчасъ же. Для этого нужно было, чтобы одинъ изъ тріумвировъ одолѣлъ своихъ товарищей.

§ 242. **Дуумвиратъ.** Послѣ битвы при Филиппахъ, Октавіанъ

взялъ себѣ Западъ, Антоній — Востокъ. Ничтожному Лепиду только изъ приличія дали Африку, да и ту вскорѣ отняли у него, такъ что явился *второй дуумвиратъ* (§ 234). Тотчасъ же началась открытая вражда между Октавіаномъ и Антоніемъ. Октавіанъ далъ своимъ ветеранамъ въ награду 18 городовъ Италіи, гдѣ они начали свирѣпствовать. Въ то же время Секстъ Помпей, владѣвшій Сициліей, задерживалъ хлѣбъ и вымаривалъ голодомъ Италію. Населеніемъ Италіи овладѣло сильное волненіе, которымъ рѣшилась воспользоваться отважная *Фульвія*, проживавшая въ Римѣ, вмѣстѣ съ братомъ Антонія, консуломъ. Она возмутила противъ Октавіана половину полуострова и утвердилась въ сильной крѣпости, *Перузіи*. Но Октавіанъ голодомъ принудилъ Перузію сдаться; Фульвія бѣжала въ Аѳины, гдѣ вскорѣ умерла. Антоній свалилъ вину на покойницу и, въ доказательство своей дружбы къ Октавіану, женился на его сестрѣ, *Октавіи*, которая слыла идеаломъ римлянки за свою красоту, образованіе и строгое благородство. Затѣмъ Октавіанъ покончилъ съ Сектомъ Помпеемъ. Этотъ отчаянный и даровитый адмиралъ напомнилъ времена морскихъ разбойниковъ, съ которыми боролся его отецъ. Онъ и характеромъ походилъ на пирата, былъ грубъ, невѣжественъ и тщеславенъ, называлъ себя сыномъ Нептуна, которому приносилъ въ жертву коней и людей, и одѣвался въ зеленое. Помпей 3 г. успѣшно боролся съ Октавіаномъ, пока не выдвинулся даровитый *Агриппа* (§ 240), который разбилъ его. Помпей скитался съ годъ на Востокѣ, пока не былъ зарѣзанъ убійцей, подосланнымъ дуумвирами. 10 лѣтъ (41—31) Октавіанъ работалъ неутомимо на Западѣ, ловко подражая Цезарю и опираясь на своего дѣльнаго друга, Агриппу. Онъ совершилъ нѣсколько блестящихъ походовъ за Альпы, причемъ самъ былъ раненъ; этимъ Римъ былъ огражденъ отъ вторженія германцевъ. Въ самомъ Римѣ было видно вліяніе правительства умнаго, мягкаго и демократическаго. Октавіанъ часто говорилъ толпѣ искусныя рѣчи и подкупалъ ее матеріально. Въ Римѣ возникло много величественныхъ сооруженій—клоакъ, фонтановъ, безплатныхъ бань, гдѣ раздавались еще масло и соль, а также цирковъ и театровъ, гдѣ на зрителей сыпались марки съ надписью, что по нимъ можно получить изъ казны деньги или платье и пищу. У Антонія же эти 10 лѣтъ протекли въ пирахъ и бездѣйствіи. Сначала пышный тріумвиръ жилъ въ Тарсѣ. Онъ роскошествовалъ и разыгрывалъ роль бога Вакха: подданные встрѣчали его въ одеждѣ сатировъ и вакханокъ. Онъ грабилъ храмы и казну вассальныхъ государствъ и призывалъ къ себѣ на судъ царей и царицъ Востока. Одною изъ этихъ царицъ была *Клеопатра*, которая приплыла въ Тарсъ, въ видѣ Венеры, на золотомъ суднѣ съ пурпурными парусами. Она увлекла Антонія гораздо сильнѣе, чѣмъ Цезаря (§ 236), потому что отличалась образованіемъ,

передъ которымъ невѣжа Антоній такъ благоговѣлъ, что льстилъ аѳинянамъ и дарилъ имъ земли. Антоній отослалъ Октавію къ брату и женился на Клеопатрѣ, назвавъ ее „царицею царей“. Онъ переселился въ Александрію, одѣлся по-гречески, ходилъ въ толпѣ евнуховъ за Клеопатрой, которая разыгрывала роль Изиды. Наконецъ Антоній сталъ раздавать римскія провинціи египтянкѣ и ея сыновьямъ. А между тѣмъ, парѳяне прошли огненной лавой до Финикіи и едва не истребили римской арміи. Римляне вышли изъ терпѣнія — и Октавіанъ понялъ, что пришла пора уничтожить двоевластіе.

Клеопатра. Серебряная монета; на оборотной сторонѣ портретъ Антонія.

§ 243. **Гибель Антонія.** Подъ вліяніемъ Октавіана, сенатъ и комиціи отрѣшили Антонія отъ всѣхъ должностей, а Клеопатрѣ объявили войну. Такъ началась *четвертая* и послѣдняя *междоусобная война* въ римской республикѣ. Антоній былъ гораздо сильнѣе Октавіана. Онъ собралъ съ богатаго Востока несмѣтную казну, огромную армію и прекрасный флотъ, состоявшій изъ огромныхъ кораблей съ башнями, которые назывались „морскими замками“. У Октавіана же было мало денегъ, да и тѣ онъ собиралъ путемъ такихъ налоговъ, что итальянцы возставали; его флотъ состоялъ изъ немногихъ, маленькихъ, но ловко маневрировавшихъ судовъ. Но Антоній, вмѣсто того, чтобы уничтожить союзника въ Италіи, провелъ зиму на болотистыхъ берегахъ Эпира, гдѣ предавался наслажденіямъ; Клеопатра же такъ оскорбляла римлянъ своимъ высокомѣріемъ, что многіе офицеры перешли къ Октавіану. Между тѣмъ Октавіанъ, съ своимъ Агриппой, дѣйствовалъ энергично, быстро и отважно. Они искусно переправились черезъ Адріатику и напали на врага у мыса *Акціума* (31 г.). Едва началась битва, какъ Клеопатра бѣжала на своихъ корабляхъ съ пурпурными парусами. За нею помчался Антоній, не оставивъ даже приказаній своей арміи, которая прождала его съ недѣлю и сдалась Октавіану безъ битвы. Сраженіе при Акціумѣ считается эрой въ римской исторіи: съ этихъ поръ *окончилась республика и началась имперія*. Послѣ Акціума Октавіанъ отправилъ Агриппу и другаго своего друга, *Мецената*, въ Римъ держать Западъ въ порядкѣ, а самъ пошелъ преслѣдовать соперника. На Востокѣ все переходило на его сторону. Сама Клеопатра измѣнила Антонію, надѣясь обольстить Октавіана. Она велѣла своему флоту сдаться, а сама заперлась съ своими сокровищами въ громадной гробницѣ, наполнивъ ее горючими веществами. Антонію она приказала сказать, что уже покончила съ собой. Когда Антоній закололся при этомъ извѣстіи, Клеопатра возвратилась во дворецъ и стала очаровывать Октавіана; но ей объявили, что она пойдетъ въ цѣпяхъ за тріумфальной колес-

ницей побѣдителя. Тогда Клеопатра велѣла тайно принести себѣ въ корзинкѣ съ плодами ядовитую змѣйку, отъ укушенія которой и умерла. Октавіанъ же пошелъ противъ парѳянъ, и только прогнавъ ихъ за Евфратъ, вступилъ въ Римъ съ невиданнымъ тріумфомъ. Солдатамъ было роздано много денегъ и земель, гражданамъ много денегъ и хлѣба; долги бѣдняковъ были уплачены. Пышнымъ зрѣлищамъ, съ носорогами, бегемотами и другими диковинами, не было конца. Раболѣпный сенатъ поднесъ побѣдителю золотой вѣнокъ и названіе Отца Отечества и *Августа* (священнаго); мѣсяцъ, въ который происходилъ этотъ тріумфъ, былъ названъ также „августомъ“. Послѣ ряда междоусобій и проскрипцій насталъ миръ: храмъ Януса былъ закрытъ. Республика смѣнилась *имперіей*, эрою которой считается *30-й годъ*, когда погибъ Антоній и Египетъ былъ обращенъ въ *первую провинцію римской имперіи*.

VI. Августъ (30 г. до Р. Х.—14 г. по Р. Х.) и культура временъ паденія республики (съ 146 г. до Р. Х.).

§ 244. **Августъ и новая форма правленія.** Съ Августа начинается *Юліева династія* (потомки Юлія Цезаря), управлявшая римскою имперіей почти 100 лѣтъ. Августъ *выработалъ* государственную форму, созданную Цезаремъ. Онъ былъ рожденъ для этого. Августъ былъ не великъ ростомъ и болѣзненъ. Онъ не могъ создать ничего новаго, но ловко подражалъ Цезарю. Это былъ *дипломатъ* — человѣкъ разсчетливый, холодный, терпѣливый и молчаливый, умѣвшій управлять даже своими страстями — властолюбіемъ и чувственностью. Онъ понималъ требованія минуты и изворачивался, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Въ началѣ своей карьеры Августъ хладнокровно подписывалъ ужасныя проскрипціи; достигнувъ власти, онъ сталъ образцомъ милосердія и добродушія. Августъ понялъ также, что образованный Римъ требовалъ просвѣщенной власти, и сталъ горячо покровительствовать литературѣ и искусствамъ. Дипломатія Августа особенно проявилась въ *установленіи имперіи* среди *республиканскаго общества*. Августъ рѣшился прикрывать цезаризмъ республиканскими формами и не измѣнялъ этому правилу въ теченіе 45 лѣтъ, такъ что его правленіе называютъ *двоевластіемъ*. По виду республика жила, какъ всегда. Собирались шумныя сходки по трибамъ и центуріямъ; засѣдалъ блестящій сенатъ; служили на своихъ сановныхъ мѣстахъ консулы, трибуны и всѣ магистраты. А сенаторы и всадники не только попрежнему красовались на почетныхъ мѣстахъ въ театрѣ, съ широкими пурпурными каймами на тогахъ, но даже пріобрѣли больше блеска: сынки всадниковъ образовали дворянскую гвардію, а дѣти

сенаторовъ занимали мѣста отцовъ. Такъ въ аристократіи создавалась наслѣдственность, которая пріучала народъ къ наслѣдственности престола. Сверхъ того, Августъ воскрешалъ *патриціатъ*, причисляя новыя семьи сенаторовъ къ древнимъ патриціанскимъ, обнищалымъ родамъ; онъ привязывалъ къ себѣ эти спѣсивыя фамиліи тѣмъ, что давалъ имъ деньги для поддержанія былаго блеска и выказывалъ особое почтеніе къ ихъ курульскимъ обычаямъ и религіознымъ обрядамъ. Среди этихъ республиканскихъ формъ почти незамѣтно было „Священнаго“, который жилъ въ скромномъ домикѣ на Палатинѣ просто и тихо, окруженный друзьями, писателями, да художниками. Его двери всегда были открыты для бѣдныхъ и угнетенныхъ. Онъ часто просилъ преторовъ пощадить обвиненныхъ и ходилъ одинъ на обѣдъ почти ко всякому, кто приглашалъ его. Августъ носилъ простую тогу, съ узкими пурпурными каймами, сдѣланную руками жены и дочерей. Онъ не позволялъ говорить себѣ dominus (господинъ) и ввелъ новый скромный титулъ—princeps (отсюда „принцъ“), т.-е. первый изъ гражданъ, такъ что его правленіе называли *принципатомъ*. А между тѣмъ вся власть постепенно сосредоточивалась въ рукахъ Августа, хотя онъ отрекался отъ нея и заставлялъ долго просить себя. Ко времени Р. Х. Августъ былъ уже трибуномъ, консуломъ, императоромъ арміи, проконсуломъ, цензоромъ, и все пожизненно. Особенно дорожилъ онъ званіемъ главнаго понтифекса, которое давало цезаризму религіозное освященіе: его носили даже первые христіанскіе императоры. Августъ сталъ также главой сената (princeps senatus), списки котораго онъ велъ, какъ хотѣлъ, въ качествѣ цензора. Законы состояли почти изъ однихъ эдиктовъ (§ 238), а суды почти изъ однихъ „императорскихъ“ трибуналовъ, поставленныхъ подлѣ сенаторскихъ. Всего болѣе новая форма правленія была замѣтна въ слѣдующихъ учрежденіяхъ. 1) Явились *постоянная* армія почти въ полмилліона солдатъ, расположенная по границамъ въ крѣпостяхъ, а также флотиліи на Евфратѣ, Рейнѣ и Дунаѣ, въ Средиземномъ и Черномъ м. Въ Римѣ, подлѣ Августа, безотлучно находилось 10 т. преторіанцевъ, получавшихъ большое жалованье и до 1.000 р. деньгами или кусокъ земли при отставкѣ, да отрядъ тѣлохранителей изъ рослыхъ германцевъ. Войска получили строгую организацію и древнюю дисциплину. 2) Явился *частный совѣтъ* Августа, составленный изъ его друзей и главныхъ сенаторовъ, къ которому перешла почти вся власть сената. Этотъ совѣтъ былъ лишенъ самостоятельности: онъ былъ послушнымъ исполнителемъ приказаній Августа, чѣмъ то въ родѣ его канцеляріи. 3) Подлѣ республиканскихъ властей возникъ рядъ новыхъ, „императорскихъ“, чиновниковъ, назначаемыхъ и смѣняемыхъ Августомъ. Во главѣ ихъ былъ начальникъ полиціи—*городской префектъ*. За нимъ слѣдовали: префектъ преторіанцевъ, смо-

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С П.Б.

трители за дорогами, мостами и т. д. Они напоминаютъ позднѣйшихъ министровъ. 4) Подлѣ республиканской казны, *эрарія*, явилась „императорская“ — *фискъ*, для котораго Августъ ввелъ новые большіе налоги. 5) Точно также провинціи распались на два отдѣла — 15 *сенатскихъ* (республиканскихъ) и 10 *цезарскихъ* (императорскихъ). Первыя управлялись, какъ прежде, проконсулами, назначенными отъ сената на годъ; вторыя — чиновниками Августа, которые долго оставались на своихъ мѣстахъ. 6) Каждый годъ 1 января всѣ граждане *присягали* Августу въ вѣрности, какъ *подданные*.

§ 245. **Управленіе Августа.** Всѣ понимали, что Августъ — монархъ *), источникъ законовъ и власти; всѣ просили у него мира и порядка, помощи и милосердія. Августъ оправдалъ надежды подданныхъ: его правленіе было *мирное*, *кроткое* и *умное*. Благодаря хорошей полиціи (5.000 чел., были и пожарные), исчезли разбои. Всюду завелись прекрасныя дороги и *почты*, съ обозначеніемъ верстъ, начиная отъ золотаго столба посреди римскаго форума; почты были устроены по персидскому образцу (§ 71), т. е. только для правительства. Поправлялись старые города и заводились новые. Особенно украсился Римъ, такъ что Августъ имѣлъ право сказать при смерти: „Я засталъ городъ кирпичнымъ, а оставляю его мраморнымъ“. Въ Римѣ было тогда около 2 милліоновъ населенія (половина рабовъ), въ томъ числѣ масса пролетаріевъ, которымъ Августъ давалъ хлѣбъ и работу и устраивалъ зрѣлища. Императоръ старался также выводить бѣдняковъ и ветерановъ въ новыя колоніи (ихъ было до 30), а рабовъ облегчилъ тѣмъ, что сталъ принимать отъ нихъ жалобы на жестокихъ господъ. Онъ издавалъ также законы противъ роскоши, безбрачія и разврата. Италія получила много привилегій: были расширены права ея муниципій, съ ихъ *куріями* (городскими думами). Наиболѣе процвѣтали города сѣверной Италіи, гдѣ не было большихъ помѣстій съ рабами и сохранялось свободное крестьянство: они уже затмевали древніе города южной и средней Италіи. Особенно благословляли Августа *провинціи*. Августъ посылалъ туда чиновниковъ на жалованьѣ, и надолго, и строго наказывалъ ихъ за взятки и притѣсненія. Онъ самъ часто объѣзжалъ провинціи и помогалъ собственными деньгами пострадавшимъ отъ несчастій. Особеннымъ благодѣяніемъ была замѣна почти во всѣхъ провинціяхъ натуральныхъ податей денежными. Для справедливой раскладки податей былъ введенъ хорошій кадастръ. Августъ не только не преслѣдовалъ чужихъ религій, но

*) Августъ принялъ даже названіе *цезарь*, какъ титулъ, равнозначительный Цезареву „императору“ (§ 237): отсюда нѣмецкое Kaiser и наше *царь*. Тогда же жилище цезарей на Палатинѣ получило значеніе дворца: отсюда нѣмецкое Palast, французское palais, наша *палата*. Послѣ Августа „цезарями“ (цесаревичами) назывались дѣти и внуки императора.

самъ ставилъ храмы иностраннымъ божествамъ; онъ только запрещалъ человѣческія жертвы. Словомъ, при немъ, въ теченіе почти полувѣка, вся имперія (до 100 милліоновъ душъ и 100.000 кв. м.), истомленная усобицами, вкушала сладкій отдыхъ, и всюду развивался зажиточный и утонченный бытъ.

§ 246. **Борьба съ варварами и смерть Августа.** Иностранныя дѣла также шли хорошо при Августѣ. Сильныя арміи охраняли границы, которыя тянулись по Рейну и Дунаю, по западному и южному берегамъ Чернаго м., по Евфрату и Ливану. Въ Азіи власть римлянъ проникала даже за эти предѣлы: Понтъ, Арменія и Іудея были ихъ вассалами; даже парояне безъ боя возвратили орловъ и плѣнныхъ Красса. Труднѣе было охранять границы въ Европѣ: въ провинціяхъ между Италіей и Дунаемъ не прекращались войны съ варварами. Самъ Августъ сражался съ *ѳракійцами* и *паннонцами* во Ѳракіи, Македоніи, Мезіи (Сербія, Румынія и Болгарія), Панноніи (зап. часть Венгріи, Кроація и Славонія) и Иллирикѣ (Далмація). Въ Мезіи пришлось устраивать цѣлую военную линію—поселенія, послужившія основаніемъ романизаціи этого края и зерномъ *румынской* націи. Съ германцами боролись пасынки императора, *Друзъ* и *Тиверій*, которые также устраивали военныя колоніи (теперь Аугсбургъ, Регенсбургъ, Кёльнъ, Майнцъ). Друзъ дошелъ до Эльбы, гдѣ умеръ, передавъ своему сыну прозвище *Германика* (Германскаго). Благороднаго Друза смѣнилъ Тиверій, который болѣе дипломатіей, чѣмъ военными мѣрами, создалъ намѣстничество между Рейномъ и Везеромъ, отданное сенатору *Вару*. Тогда началась романизація германцевъ, которые сами стремились въ римскую службу. Въ Римѣ воспитывался и ихъ князекъ, *Арминій* (Германъ), который сталъ потомъ главнымъ помощникомъ Вара. Арминій рѣшился освободить свое племя отъ господства римлянъ, гнусность котораго онъ увидѣлъ на примѣрѣ Вара. Варъ прежде управлялъ Сиріей и, когда онъ уѣзжалъ оттуда, про него говорили: „Варъ пріѣхалъ бѣднякомъ въ богатую страну, а выѣхалъ богачемъ изъ бѣдной страны“. За Рейномъ онъ истязалъ варваровъ, введя незнакомыя имъ розги и смертную казнь. Въ 9 г. по Р. Х. Арминій завлекъ въ засаду Вара съ 50.000 солдатъ и всѣхъ ихъ перебилъ въ *Тевтобургскомъ лѣсу* (у Эмса). Въ Римѣ настала паника; народъ молился, императоръ былъ въ отчаяніи. За Вара отомстилъ образованный, талантливый и симпатичный Германикъ, котораго любили такъ же, какъ и его жену, внучку Августа, *Агриппину Старшую*, напоминавшую скорѣе мать Гракховъ, чѣмъ недостойныхъ матронъ своего времени. Ему помогли раздоры среди германцевъ. У Арминія явилось много завистниковъ, въ особенности одинъ родственникъ, дочь котораго, *Туснельда*, вышла за Арминія противъ воли отца. Арминій погибъ; Туснельда, съ его сыномъ на рукахъ, гордо, безъ

слезъ, пошла за Германикомъ въ вѣчное рабство. Германикъ надолго утвердилъ власть Рима за Рейномъ. Затѣмъ его послали на Востокъ, гдѣ онъ былъ вскорѣ отравленъ. Германикъ совершалъ свои подвиги уже по смерти Августа. Августъ видѣлъ только пораженіе Вара, которому соотвѣтствовали семейныя бѣдствія дряхлѣвшаго императора. Августъ былъ несчастенъ въ бракахъ. У него была уже 4-я жена, *Ливія*, мать Тиверія и Друза, женщина злая и властолюбивая. Ей хотѣлось посадить на престолъ своего Тиверія, но Августъ не терпѣлъ его за высокомѣрный и мрачный нравъ. Онъ думалъ передать наслѣдство своему племяннику и двумъ внукамъ; но всѣ трое юношей были отравлены Ливіей. Затѣмъ, по наущенію Ливіи же, Августъ сослалъ свою дочь и внучку, а ихъ друзей казнилъ. Тогда же умерли друзья Августа: Меценатъ, Горацій и Вергилій. Императоръ осиротѣлъ, отдался во власть Ливіи и назначилъ Тиверія своимъ соправителемъ. Въ 14 г. по Р. Х. умеръ и самъ онъ скоропостижно во время путешествія. При немъ была Ливія, которая скрывала его смерть, пока не прискакалъ ея Тиверій. Сенатъ назвалъ Августа *Divus* (богъ, бывшій прежде человѣкомъ), т.-е. причислилъ его къ богамъ и воздвигъ ему храмъ. Тиверій сталъ вторымъ римскимъ императоромъ, или цезаремъ. Но Тиверій царствовалъ уже послѣ *рожденія Христа*, которое случилось въ 30-мъ г. правленія Августа.

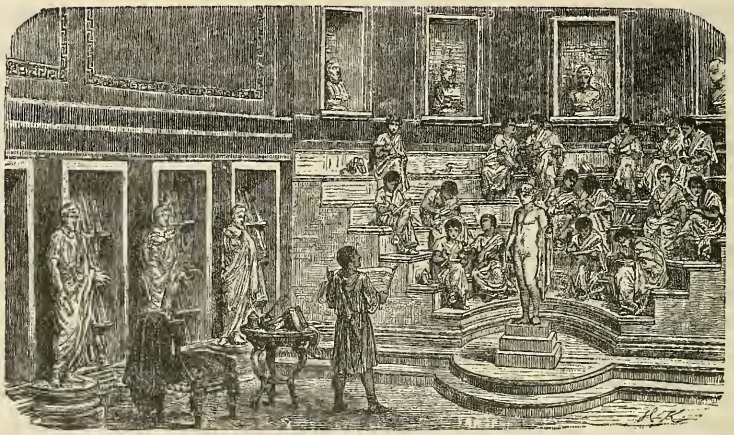
§ 247. **Культура временъ паденія республики. а) Состояніе общества.** Римская культура временъ паденія республики и Августа (т.-е. 5 и 6 періодовъ) представляетъ правильное развитіе чертъ, отличавшихъ ее въ 4 періодѣ (§ 213). Въ обществѣ развивались *новые*, ненаціональные *нравы* (§ 215). Старая деревенщина (rusticitas), окончательно уступала мѣсто *городскому* лоску (urbanitas), утонченной эллинской цивилизаціи. Но римляне не понимали внутренняго содержанія эллинизма и увлекались его недостатками, развившимися тогда въ Александріи (§ 171). Они окончательно впадали въ грубый *матеріализмъ*, въ служеніе чувственности. Ихъ древнія доблести (§ 202) совсѣмъ исчезали, уступая мѣсто себялюбію, не признававшему нравственныхъ правилъ, духу наживы и наслажденій, стремленію къ безобразной роскоши. Продажность, насиліе, обманъ, даже дневныя убійства стали обычнымъ явленіемъ: тутъ правительство подавало примѣръ, а полиціи почти вовсе не существовало до Цезаря. Нравственное паденіе замѣчалось во всѣхъ сторонахъ быта. *Семейная жизнь* совсѣмъ ослабѣла, и *женщина* во всѣхъ классахъ общества лишилась своего достоинства и чистоты, подвергаясь частымъ разводамъ просто по капризу мужей, которые сознавались, что мѣняли женъ, какъ башмаки. Государственная *религія* существовала только по имени: сами авгуры не могли безъ хохота совершать свои обряды.

Толпа поклонялась больше всего персидскому *Митрѣ* и египетской *Изидѣ*, таинства которой привлекали многихъ. Интеллигенція, уже бросившая эвгемеризмъ (§ 213), увлекалась религіознымъ скептицизмомъ философіи. *Театръ* утратилъ свое величіе и поучительность: драматическое творчество изсякло и замѣнилось внѣшнимъ великолѣпіемъ и техникой, роскошью постановки пьесъ, богатствомъ костюмовъ и декорацій; все било на эффектъ; актеры, въ особенности же актрисы и балетчицы, умѣвшія наиболѣе возбуждать чувственность зрителей, получали царскіе доходы. *Искусство* служило варварскому вкусу, отличалось безобразною пестротой и аляповатостью. Въ зодчествѣ щеголяли массой тяжелыхъ украшеній, въ особенности цвѣтнымъ мраморомъ, а архитектурная форма была неуклюжа и колоссальна. Особенно велики были гробницы неизвѣстныхъ личностей изъ богачей; гробница какой-то *Цециліи Метеллы* представляла огромный каменный цилиндръ, а мавзолей претора *Цестія* — пирамиду въ 18 саж., обложенную плитами изъ бѣлаго мрамора. Статуи были все греческія, добываемыя грабежомъ или покупкой. Впрочемъ ихъ собирали только по требованію моды, цѣнили же больше дорогую металлическую утварь, да мебель изъ рѣдкаго дерева или слоновой кости; этими предметами роскоши убирали пышныя *виллы*, окруженныя садами и прудами. Здѣсь римскій богачъ занимался главнымъ образомъ чревоугодіемъ. Роскошь *стола* достигла неимовѣрныхъ размѣровъ: тогда явился даже царь гастрономіи, *Лукуллъ* (§ 230), имя котораго стало синонимомъ пира на славу. Не только щеголяли массой изысканныхъ блюдъ изъ провизіи, доставляемой со всего Свѣта, но старались съѣдать по нѣскольку обѣдовъ въ день, для чего иногда опорожняли свои желудки посредствомъ рвотнаго. Устройство виллъ и дворцовъ принаравливалось главнымъ образомъ къ „лукулловскимъ пиршествамъ“. Если эти грубыя наслажденія были привилегіей богачей, то были звѣрскія забавы, одинаково увлекавшія и вельможу, и пролетарія. Это — *бои звѣрей и гладіаторовъ*, достигшіе тогда отвратительныхъ размѣровъ. Львы, пантеры и медвѣди составляли главный и самый выгодный товаръ въ торговлѣ: уже Сулла выпускалъ на арену по сотнѣ львовъ. Паденію и огрубѣнію нравовъ способствовали экономическія и политическія условія времени. *Экономическое* разложеніе, ясное уже въ 4 періодѣ (§ 217), завершилось національнымъ бѣдствіемъ. Крупное хозяйство, эти огромныя имѣнія, обрабатываемыя рабами (latifundia), покрыли уже всю Италію, истребляя среднее сословіе и свободное крестьянство; зіяла ненаполнимая пропасть между капиталистомъ и пролетаріемъ, и не въ одномъ только Римѣ, а по всему полуострову. Свободныхъ „гражданъ“ въ Италіи уже насчитывалось не болѣе 7 милліоновъ, да и тѣ едва кормились и часто увеличивали собой шайки разбойниковъ, которыми

кишѣла страна; ихъ тѣснилъ еще наплывъ иноземцевъ, особенно *грековъ*, въ качествѣ учителей, врачей, мастеровъ и скомороховъ, да *евреевъ*, занимавшихся мелкимъ торгашествомъ. Римская нація исчезала: „большія имѣнія погубили Римъ“, какъ выразился Плиній, писатель временъ серебряной латыни. Національной гибели способствовала отчасти долгая *политическая агонія* Рима. Уже при Цезарѣ выяснилась невозможность дальнѣйшаго существованія республики; но даже онъ не былъ въ силахъ сразу ввести монархію. Республика была излюбленною формой всего греко-римскаго міра; въ глазахъ всякаго ея гибель была гибелью всего этого міра. Аристократы ненавидѣли самое имя „цезаря“, которое означало конецъ ихъ господства; демократы же, выдвинувшіе Цезаря, увидѣли, что ихъ усилія ведутъ лишь къ „тираніи“, какъ понимали тогда цезаризмъ. Слѣдствіемъ этого противорѣчія между формой и содержаніемъ, между именемъ и дѣйствительностью, была смерть Цезаря и 14-лѣтняя агонія республики, напоминавшая времена первыхъ междоусобныхъ войнъ своею безпощадною жестокостью и нравственнымъ паденіемъ.

§ 248. б) **Характеръ образованности.** Картина общественнаго и нравственнаго паденія Рима смягчается замѣчательными успѣхами образованности и связаннымъ съ нею процвѣтаніемъ литературы. Это было прямымъ слѣдствіемъ *эллинскаго* вліянія, которое сдѣлалось душой идеальной культуры римлянъ. Тогда римская молодежь стала даже посѣщать философскія и риторскія школы въ Аѳинахъ и на Родосѣ и осматривать образовательныя заведенія въ Египтѣ, Греціи и Малой Азіи. Но главнымъ образомъ эллинизмъ проникалъ въ Италію черезъ греческихъ переселенцевъ. Ученыхъ и литераторовъ Эллады ласкали въ Римѣ, принимали въ высшее общество, даже одаряли правами римскаго гражданства; остальные греки хотя считались рабами, но пользовались хорошимъ положеніемъ. Эти выходцы захватили въ свои руки *воспитаніе*: составляли учебники, заводили школы, въ которыхъ совмѣщались всѣ отрасли знаній, развитыя въ Александріи. Здѣсь преподавались *семь свободныхъ наукъ и искусствъ*—грамматика (филологія), риторика, философія, астрономія, геометрія, ариѳметика и музыка; гимнастики уже не было, а музыка служила только въ помощь при заучиваніи наизусть литературныхъ произведеній. Особенное значеніе пріобрѣла *философія*, и именно стоическая, которая по своему консерватизму наиболѣе подходила къ желѣзной волѣ и гордости римлянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Сципіонъ Эмиліанъ (§ 211) выказалъ особое уваженіе къ родосскому стоику, *Панэтію*, съ которымъ онъ не разлучался даже въ походахъ, стоицизмъ сталъ какъ-бы государственною наукой въ Римѣ; и древній міръ, при своемъ паденіи, былъ обязанъ ему многими возвышенными характерами,

вродѣ Катона Утическаго (§ 233). Эпикуреизмъ (§ 173) также имѣлъ много поклонниковъ въ Римѣ и вдохновилъ такихъ поэтовъ, какъ Лукрецій и Горацій. Но при всемъ вліяніи эллинизма, римляне относились къ нему тогда болѣе самостоятельно, чѣмъ въ 4 періодѣ: они уже начали перерабатывать уроки своихъ учителей; въ ихъ письменности появились *національныя* черты. Это привело ихъ къ собственной „классической“ литературѣ временъ Августа. Такъ какъ



Римская школа временъ имперіи.

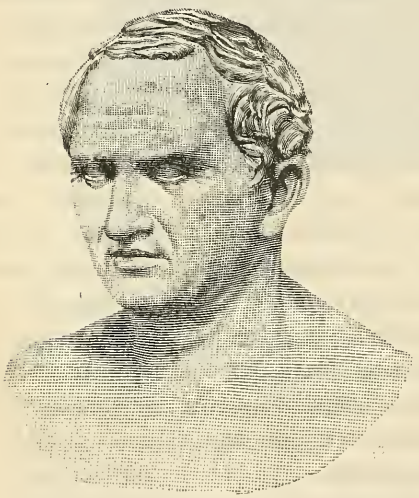
переходомъ къ ней служитъ Цицеронъ, то римскую письменность 5 періода должно раздѣлить на двѣ эпохи: доцицероновскую (146—80) и цицероновскую (80—30).

§ 249. в) **Доцицероновская эпоха.** Творцы латинской поэзіи и прозы, Энній и Катонъ, а также комики 4 періода (§ 216), создали только форму римской письменности; содержаніе же ихъ произведеній вполнѣ эллинское. Самое литературное дѣло находилось тогда въ жалкомъ положеніи: невѣжественная и спѣсивая знать презирала авторовъ. Въ 5 же періодѣ литература пріобрѣла почетъ и стала *общественною потребностью*. Оптиматамъ уже было совѣстно отставать отъ умственнаго движенія, охватившаго всю Италію; ктому же, завоевавъ Элладу, они познакомились съ самыми родниками образованности; путешествія по Востоку и Греціи съ ученою цѣлью стали модными признакомъ благовоспитанности. Первые аристократы Рима, Сципіонъ Африканскій Младшій, Гракхи, Лелій (§ 221), окружали себя просвѣщенными греками и сами занимались съ ними науками и литературой. Другъ Цицерона, банкиръ *Помпоній Аттикъ*, который даже переселился въ Аѳины, основалъ новую отрасль промышленности, замѣнявшую наши типографіи: много греческихъ рабовъ занималось у него исключительно *перепиской* литературныхъ

произведеній, что привело къ *книжной торговлѣ*. Сверхъ того предъ Цицерономъ латинская письменность пріобрѣла *національный и общественный характеръ*. Она уже не довольствовалась переводами или передѣлками съ греческаго, но бралась за итальянскіе интересы и типы; не ограничиваясь эстетическими и научными мотивами, она начала принимать участіе въ политической и соціальной борьбѣ. Въ ней отражаются междоусобныя войны и борьба пролетаріевъ съ оптиматами, республики съ возникающей имперіей. Въ теченіе этой борьбы литература пріобрѣла *свободу* отъ стѣсненій, которыми сковали ее оптиматы, а дарованіе правъ римскаго гражданства *италикамъ* доставило ей новыя силы и особенности: ея свобода выразилась въ появленіи сатиры, а вліяніе италиковъ—въ комедіи. *Сатира* получила тогда нашъ смыслъ, т.-е. стала дидактическимъ сочиненіемъ, цѣль котораго—бичевать пороки общества. Отцомъ ея считается оптиматъ *Луцилій*, другъ Сципіона и Лелія. Не служа, живя независимо, онъ зло насмѣхался надъ пороками собственнаго, высшаго круга: это былъ первый римскій публицистъ, отъ котораго дошло до насъ впрочемъ лишь нѣсколько отрывковъ. Его преемникомъ можно считать *Теренція Варрона*. Это былъ трезвый и упрямый сабинецъ, напоминавшій Катона Старшаго по любви къ старинѣ и по сохраненію ея нравственныхъ доблестей; онъ съ любовью собиралъ свѣдѣнія о римскихъ древностяхъ и мужественно обличалъ пороки новаго времени въ формѣ менипповой сатиры (§ 174). Комедія не выставила тогда крупныхъ талантовъ, но развилась въ національномъ смыслѣ: она даже одѣла своихъ героевъ въ римскую тогу (comoedia togata) и касалась всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества, не исключая авгуровъ и женщинъ. Впрочемъ форма ея все еще была греческая; но тогда возникли новые, вполнѣ національные виды комедіи—ателланы и мимы. *Ателланы* (отъ смѣшныхъ обитателей городка Atella въ Кампаніи), съ ихъ скуднымъ запасомъ типовъ, съ ихъ мужицкой грубостью и ѣдкостью, были римскимъ Петрушкой, или народнымъ паяцомъ. Впослѣдствіи они подверглись за свою сальность преслѣдованіямъ, особенно со стороны императоровъ и отцовъ христіанской церкви. Но уже при Цицеронѣ ихъ стали вытѣснять со сцены *мимы* (§ 157)—народные фарсы, мелкія сцены и разговоры, столь-же неприличные, какъ ателланы; они привлекали публику особенно позами и тѣлодвиженіями исполнителей, а также тѣмъ, что въ нихъ впервые явились актрисы въ женскихъ роляхъ, которыя исполнялись прежде актерами. Мимамъ покровительствовалъ Цезарь, который старался занять толпу пустыми и грязными забавами. Проза доцицероновской эпохи отличается развитіемъ *краснорѣчія*, которое превратилось тогда изъ судебнаго въ *политическое*, благодаря борьбѣ партій. Ораторы 146—80 годовъ выработали римскую прозу, искусно прилагая пра-

вила греческой риторики къ латинскому языку, и подготовили Цицерона, который самъ называетъ *Гая Гракха* своимъ учителемъ; но до насъ дошло лишь нѣсколько отрывковъ изъ 19 рѣчей пылкаго защитника пролетаріевъ. Кромѣ Гракха, славились, какъ ораторы, *Муцій Сцевола* (§ 216), *Сульпицій Руфъ* (§ 227) и *Серторій* (§ 228). Тогда же начали появляться сочиненія объ ораторскомъ искусствѣ, и даже въ формѣ учебниковъ, или „риторикъ".

§ 250. г) **Цицероновская эпоха. 1) Цицеронъ и золотая латынь.** Въ смыслѣ идеальной культуры время, слѣдовавшее за Маріемъ и Суллой, называется *цицероновскою* эпохой: и въ литературѣ, и въ жизни, полной политическихъ бурь, все было подготовлено къ появленію такого крупнаго оратора, какъ *Цицеронъ* (106—43), имя котораго стало синонимомъ краснорѣчія. Онъ создалъ классическую прозу въ Римѣ, которую принято называть, вмѣстѣ съ классическою поэзіей временъ Августа, *золотою латынью* (aurea latinitas) или „золотымъ вѣкомъ" римской письменности. Трудно найти писателя, который имѣлъ бы равное съ Цицерономъ значеніе для своего народа и для отдаленнаго потомства. Въ свое время онъ былъ средоточіемъ умственнаго движенія своей націи, а по смерти сталъ идеаломъ всѣхъ римскихъ писателей. Главнымъ образомъ черезъ него распространялись всюду познанія классической древности. Это зависитъ отъ свойствъ его таланта. По содержанію, Цицеронъ — писатель обыкновенный, рядовой: у него нѣтъ глубины и творчества генія. Но онъ великъ по *формѣ изложенія*. Цицеронъ обладалъ изумительнымъ даромъ схватывать плоды чужой мысли и передавать ихъ не только отчетливо, но легко и изящно: съ этой стороны онъ всегда и вездѣ былъ бы первостепеннымъ писателемъ. Сверхъ того Цицеронъ отличался рѣдкимъ *энциклопедизмомъ* и плодовитостью: его многочисленныя произведенія—зеркало всей образованности древняго міра. Словомъ, это образцовый *популяризаторъ* классической древности. Весьма важно для міроваго значенія Цицерона и то случайное обстоятельство, что сохранилось много его сочиненій. На первомъ планѣ стоятъ его рѣчи, которыхъ дошло до насъ 56, не считая многихъ отрывковъ; самыя блестящія изъ нихъ — одна противъ Верреса, 4 противъ Ка-



Цицеронъ. Бюстъ въ Ватиканѣ.

тилины и 14 „филиппикъ“ противъ Антонія. Цицеронъ писалъ и теоретическія сочиненія, во главѣ которыхъ стоитъ De oratore. Весьма важенъ отдѣлъ философскихъ трудовъ, которыми занялся Цицеронъ на закатѣ своихъ дней, когда политическое краснорѣчіе стало подвергаться стѣсненіямъ; но и здѣсь замѣчательна только форма изложенія. Цицеронъ не ученый; онъ не создалъ новой системы: это образецъ философа-*эклектика*, т.-е. собирателя мыслей изъ разныхъ школъ. Цицеронъ заимствовалъ у всѣхъ философовъ, за исключеніемъ эпикурейцевъ, „наслажденіе“ которыхъ не нравилось ему; но больше всего почиталъ онъ академиковъ. Какъ разсудочный римлянинъ, онъ старался составить родъ курса *практической* философіи, или житейской мудрости. Его заслуга въ томъ, что онъ сдѣлалъ философію пріятнымъ и моднымъ занятіемъ, вслѣдствіе чего она стала въ эпоху Августа однимъ изъ главныхъ двигателей римскаго просвѣщенія. Одно изъ наиболѣе любопытныхъ сочиненій Цицерона, De republica, разбираетъ разныя формы правленія и признаетъ лучшею смѣсь монархіи съ аристократіей и демократіей; на этотъ трудъ, дошедшій до насъ лишь въ отрывкахъ, ссылались даже отцы церкви. Tusculanae disputationes представляютъ возвышенный взглядъ на жизнь и потому долго служили въ Европѣ любимымъ чтеніемъ даже внѣ школы. De senectute разсуждаетъ о безсмертіи души; De officiis доказываетъ стоическое правило, что благомъ можетъ быть только то, что́ прекрасно, честно и истинно. Въ философскихъ сочиненіяхъ Цицеронъ придерживался „сократической“ (разговорной) формы изложенія. Весьма важно, какъ историческій матеріалъ, обширное собраніе писемъ Цицерона, сохранившихся до нашего времени.

§ 251. **д) Цицероновская эпоха. 2) Историки и поэты.** Подлѣ Цицерона славились двое прозаиковъ: Юлій Цезарь и Саллюстій. *Цезарь* считался достойнымъ соперникомъ Цицерона, какъ ораторъ; но до насъ дошло лишь нѣсколько отрывковъ изъ его рѣчей. Онъ былъ и ученымъ, отличаясь въ юности рѣдкимъ прилежаніемъ и любознательностью; современники хвалили неизвѣстныя намъ его статьи по грамматикѣ и астрономіи, въ томъ числѣ объяснительную записку къ новому календарю (§ 238). Славились также его письма къ сенату, Цицерону и друзьямъ, и онъ ввелъ *шифрованныя* депеши (письмо условными знаками, непонятными для другихъ). Но важнѣе всего сохранившіяся до насъ *Комментаріи* Цезаря — De bello gallico и De bello civili, въ которыхъ описываются его походы 58 — 51 и 49—48 г. (§ 234, 236); послѣдніе не кончены и не совсѣмъ отдѣланы, но первые – верхъ совершенства въ прозѣ, по сжатости и легкости формы, по мѣткости наблюденій. Слогъ Цезаря отличается изяществомъ простоты и естественности: это – *протестъ противъ риторства* классическаго міра. Замѣчательны спокойствіе и объектив-

ность формы Комментаріевъ, въ которыхъ объ авторѣ даже говорится въ 3-мъ лицѣ; а между тѣмъ, это — политическій памфлетъ, собственная апологія автора и оправданіе его партіи. Сочиненія Цезаря — не исторія, а записки современника и участника въ событіяхъ: они были завершеніемъ *мемуарнаго* и біографическаго направленія въ историографіи, возникшаго передъ Цицерономъ, когда славилась, не дошедшая до насъ, *автобіографія Суллы*. Но тогда уже созрѣла потребность въ исторіи: *Варронъ* составлялъ римскую археологію (§ 249); появились анналисты, подражавшіе то Ѳукидиду, то Поливію. Но эти попытки были образцомъ нелѣпаго риторства. Отцомъ римской историографіи должно считать *Саллюстія Криспа*, младшаго современника Цицерона и Цезаря. Сабинскій плебей, онъ и въ жизни, и въ сочиненіяхъ стоялъ за пролетаріевъ, былъ близокъ къ Цезарю и ненавидѣлъ Цицерона. Цезарь сдѣлалъ его проконсуломъ Африки, гдѣ онъ прославился лихоимствомъ и развратомъ. По смерти Цезаря, Саллюстій жилъ частнымъ человѣкомъ въ своемъ роскошномъ паркѣ въ Римѣ, занимаясь литературой. До насъ дошли въ цѣлости два главныя его сочиненія: *Катилина* и *Югурта* (или Bellum Catilinarum и Bellum Jugurtinum). Первое слабѣе: оно даетъ мало свѣдѣній и дышетъ крайнимъ пристрастіемъ къ Цезарю. Цѣлью Саллюстія, сильно подражавшаго Ѳукидиду, было не столько описывать, сколько объяснять событія: онъ ввелъ *прагматизмъ* въ римскую историографію. Сверхъ того онъ увлекался *морализаціей* — желаніемъ поучать современниковъ и бичевать ихъ пороки; оттого у него на первомъ планѣ нравственная *характеристика лицъ* — направленіе, которое развилось потомъ особенно у *Тацита* и заслужило похвалу христіанскихъ учителей. При императорахъ Саллюстія усердно изучали въ школахъ и даже перевели на греческій яз.; особенно прославляли его „краткость“ (Sallustiana brevitas); его много читали и въ средніе вѣка. Изъ второстепенныхъ прозаиковъ цицероновской эпохи выдается *Корнелій Непотъ*, другъ Цицерона и Катулла. Онъ писалъ много по исторіи, но сохранились только его „Жизнеописанія лучшихъ полководцевъ“. Грубость языка, погрѣшности противъ грамматики и исторіи, безсвязность и небрежность изложенія — все заставляетъ думать, что „Жизнеописанія“ или вовсе не принадлежатъ Непоту, или искажены компиляторами. Цицероновская эпоха, наполненная политическими бурями, была неблагопріятна для поэзіи: въ ней золотой вѣкъ насталъ при Августѣ, когда имперія умиротворила всѣхъ. Впрочемъ тогда *подготовлялось* процвѣтаніе поэзіи, воспитывались таланты эпохи Августа, выдвигалась *лирика*, которая возникла въ Римѣ послѣ драмы и эпоса. Отцомъ латинской лирики считается *Катуллъ*, родомъ изъ сѣверной Италіи, которая дала Риму много видныхъ писателей. Онъ былъ богатъ, любилъ весело пожить и не служилъ, хотя интересовался политикой и

былъ горячимъ республиканцемъ. Лирика Катулла весьма разнообразна, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Особенно важны его *эпиграммы*, отличавшіяся ѣдкостью и вмѣстѣ изяществомъ и прелестью языка. Катуллъ создалъ этотъ родъ поэзіи, какъ мы понимаемъ его: до него эпиграмма была надписью на статуяхъ или памятникахъ. Съ особенной злостью нападалъ Катуллъ на Цезаря, который такъ боялся его, что какъ только поэтъ однажды извинился, онъ въ тотъ же день пригласилъ его къ своему столу. Кромѣ эпиграммъ славились *элегіи* Катулла—мелкія нѣжныя лирическія изліянія по разнымъ поводамъ. Катуллъ развилъ латинскую *метрику*, съ которою до тѣхъ поръ никакъ не могъ справиться еще негибкій языкъ римлянъ: послѣ него уже легко было писать Горацію, которому Катуллъ не уступалъ въ силѣ поэтическаго дарованія. Эту силу подрывало только подражаніе модѣ, т.-е. александрійской поэзіи съ ея эффектами стихоплетства, за которые Катулла называли „ученымъ“ (doctus). По содержанію Катуллу противоположенъ его современникъ, *Лукрецій Каръ*, написавшій дидактическую поэму „О природѣ вещей“ (De rerum natura). По серьезности и глубокомыслію, нѣтъ ничего равнаго ей въ римской письменности. Это — энциклопедія знаній того времени и пропаганда эпикуреизма, облеченная въ прекрасную поэтическую форму, проникнутая жаромъ искренняго убѣжденія и восторженною вѣрой въ могущество науки. Лукрецій имѣлъ огромное вліяніе на современниковъ, особенно на молодежь: Горацій и Вергилій заимствовали у него не только мысли, но даже многія выраженія.

§ 252. е) **„Вѣкъ Августа“.** Въ исторіи римской образованности за цицероновскою эпохой слѣдовалъ *вѣкъ Августа*. Тогда Римъ, завоевавшій весь тогдашній міръ, сталъ *средоточіемъ послѣднихъ плодовъ древней культуры*. Сюда стекались не только лучшія произведенія наукъ и искусствъ, но и ихъ авторы. Въ мраморныхъ залахъ императора были собраны со всего Свѣта самые драгоцѣнные статуи, картины и свитки, и съ ними соперничали роскошные покои вельможъ и богачей. Во главѣ движенія стоялъ придворный кружокъ, съ Агриппой и особенно Меценатомъ (§ 243) во главѣ, такъ что съ тѣхъ поръ покровительство просвѣщенію называется *меценатствомъ*: сюда принадлежали Горацій, Вергилій и Проперцій. Были и болѣе независимые, республиканскіе, кружки *Мессалы* и *Азинія Полліона*, въ которыхъ славились Овидій, Тибуллъ и поэтесса Сульпиція Азиній былъ типомъ упорнаго республиканца стараго закала; онъ отличался сильнымъ, грубоватымъ краснорѣчіемъ и здравой критикой, писалъ драмы и записки о гражданскихъ войнахъ, ввелъ рецитаціи, первый основалъ публичную библіотеку. Подлѣ этихъ кружковъ увивалось много мелкихъ „поэтиковъ“. Всякій старался втереться въ

„литературную республику“ (respublica litterarum) и зачитывался книгами; полководцы и чиновники брали съ собой свитки въ походы и объѣзды; даже ихъ дамы сочиняли стихи наперерывъ другъ передъ другомъ. Разговоры въ обществѣ вертѣлись на литературныхъ вопросахъ; обѣды и пиры приправлялись чтеніемъ поэтовъ; книжныя лавки стали клубами образованныхъ людей наряду съ *публичными библіотеками*, устроенными Августомъ. Городской лоскъ (urbanitas) развился въ обществѣ до крайней степени. Тонкость литературнаго вкуса доходила дотого, что малѣйшая погрѣшность актеровъ противъ языка или метра вызывала негодованіе зрителей. Она поддерживалась *публичными лекціями* и *рецитаціями* передъ избраннымъ кружкомъ или чтеніемъ авторами своихъ произведеній до выхода ихъ въ свѣтъ, чтобы услышать критику или сорвать апплодисменты. Развелось множество переписчиковъ; книжная и издательская дѣятельность стала весьма выгоднымъ занятіемъ; пользуясь правильною *почтой*, издатели разсылали свитки по провинціямъ. Возникли и первыя въ древности *періодическія изданія*, или журналы — Acta diurna (отъ dies — день, французское jour). Но блестящая образованность вѣка Августа была поверхностна. Общество отличалось *эпикуреизмомъ*, какъ видно изъ жизни и сочиненій его представителя, Горація. Лишенное убѣжденій и нравственной стойкости, оно даже больше, чѣмъ при Цицеронѣ, гонялось за тщеславными отличіями, эффектами и наслажденіями, унижалось передъ Августомъ, льстило и лгало. Фальшивый тонъ, натянутыя манеры, погоня за внѣшнимъ лоскомъ — словомъ, *риторство* стало душой общества. Литература была лишь принадлежностью комфорта: господствовала изящная словесность въ легкомъ родѣ. То было дряблое поколѣніе, отдыхавшее послѣ политическихъ бурь: люди обрадовались, что имперія доставила покой, и сошли съ исторической сцены въ тишину частной жизни. Ктому же при имперіи *культурная централизація* сопутствовала политической: Римъ поглощалъ умственныя силы провинцій, сглаживалъ ихъ жизненныя, своеобразныя черты. Содержаніе литературы мельчало еще потому, что *имперія подавляла свободу мысли*. Знатокъ греческой образованности и самъ стихоплетъ, Августъ не терпѣлъ краснорѣчія и исторіи: онъ хотѣлъ отвлечь націю побрякушками льстившей ему поэзіи отъ политики, за которую даже преслѣдовалъ писателей. Въ литературѣ вѣка Августа отражались черты общества. Она отличалась *аристократизмомъ:* и писатели, и читатели принадлежали къ знатному и богатому кругу, даже примыкали ко двору; проживая то въ Римѣ, то на роскошныхъ виллахъ, обставленныхъ по столичному, авторы знали только идиллическаго, а не настоящаго крестьянина. Оттого содержаніе литературы было не національное, а *космополитическое,* заимствованное изъ александрій-

ской письменности. Наконецъ *риторство* и *преобладаніе поэзіи* составляютъ основныя черты письменности вѣка Августа.

§ 253. ж) **Вергилій**. Въ поэзіи, также какъ и въ прозѣ „золотой латыни“, былъ свой тріумвиратъ—Вергилій, Горацій и Овидій, которые представляютъ собой два поколѣнія: во время Р. Х. Вергилію было бы 70, а Горацію—65 л., еслибы они не умерли раньше; Овидію же было тогда только 43 г., и онъ умеръ 17 л. спустя послѣ Р. Х. Болѣзненный *Вергилій Маронъ* прожилъ лѣтъ 50, лишь благодаря скромной, трезвой жизни: его называли „дѣвственною“ натурой. Онъ отличался кротостью, спокойствіемъ, преданностью друзьямъ. Манеры его были угловаты, походка нетвердая, волосы въ безпорядкѣ, обувь избитая, тога болталась на плечѣ; Вергилій былъ застѣнчивъ, говорилъ мало и плохо. Это былъ замѣчательный труженикъ. Онъ учился всю жизнь и вѣчно работалъ надъ своими сочиненіями; утромъ диктуетъ массу стиховъ, потомъ цѣлый день отдѣлываетъ ихъ, пока не выработаетъ 4 или 5 строкъ: „такъ—говорилъ онъ,—медвѣдица вылизываетъ своихъ новорожденныхъ“. Вергилій провелъ почти всю свою жизнь въ помѣстьѣ (близъ Мантуи), подаренномъ ему Августомъ. Здѣсь онъ прежде всего воспѣлъ прелести сельскаго быта въ *буколикахъ*, гдѣ польстилъ „божественному юношѣ“, Августу. Въ этомъ сочиненіи все дѣло въ изящно отполированной формѣ; содержаніе же риторическое, чопорное: здѣсь пастухи говорятъ языкомъ римскихъ гостиныхъ. Сверхъ того его буколики—нерѣдко подстрочные переводы изъ Ѳеокрита (§ 174). Важнѣе Георгики и Энеида, написанныя по желанію Августа и Мецената. *Георгики*, или „полевыя работы“—рядъ эпизодовъ о земледѣліи, садоводствѣ, скотоводствѣ и пчеловодствѣ: это—одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній древности; въ немъ много простоты и пониманія красотъ природы. По содержанію *Энеида*—одно изъ слабѣйшихъ произведеній Вергилія; она свидѣтельствуетъ только о великомъ прилежаніи и учености автора, который, подъ старость, путешествовалъ для нея 3 г. по Греціи и Азіи, изучая древности; ктому же она осталась неоконченною за смертью поэта. За исключеніемъ женскихъ характеровъ, подходившихъ къ мягкой натурѣ Вергилія, въ Энеидѣ все блѣдно, риторично, лишено вдохновенія; часто встрѣчаются чудеса и миѳическіе эпизоды; еще чаще заимствованія и даже переводы изъ Эсхила, Софокла, Пиндара, Эннія, Лукреція, Катулла, въ особенности же изъ Гомера. Но по внѣшней отдѣлкѣ гекзаметра, по блеску и правильности языка, Энеида—верхъ совершенства. Сверхъ того цѣль ея—быть національною, римскою Иліадой и Одиссеей. Ея герой, Эней—образецъ римскихъ добродѣтелей: въ немъ совмѣщены virtus, pietas и modestia, tristitia и gravitas, а также prudentia (благоразуміе). Этотъ „благочестивый“ мужъ связывалъ Римъ съ героическою

Троей, что́ льстило національной гордости римлянъ. Онъ считался также родоначальникомъ династіи Юліевъ, и въ его лицѣ Промыслъ уже предсказалъ необходимость имперіи Августа. Риторство и патріотизмъ Энеиды доставили небывалую славу автору среди современниковъ, а зачатки романтизма, чувствительности очаровывали всѣхъ въ средніе вѣка. На Вергилія смотрѣли съ религіознымъ благоговѣніемъ, считали его вѣщимъ, чародѣемъ; на него ссылались даже отцы церкви, а Дантъ взялъ его себѣ въ проводники по аду.

§ 254. з) **Горацій**. *Горацій Флаккъ* напоминалъ Вергилія только основательностью своего образованія, которое онъ получилъ частью въ Римѣ, частью въ Аѳинахъ; но онъ былъ противоположенъ ему по характеру. Это — эпикуреецъ, свѣтскій человѣкъ, съ изящными манерами, съ остроумною рѣчью, съ знаніемъ свѣта и умѣньемъ жить. Онъ только въ юности не походилъ на аристократа: сынъ вольноотпущенника, калабрійскаго колониста, Горацій благоговѣлъ предъ Брутомъ и сражался за республику при Филиппахъ (§ 241). Но затѣмъ онъ попалъ ко двору черезъ Вергилія, сталъ другомъ Мецената и душой римскихъ гостиныхъ. Меценатъ подарилъ ему въ Самніумѣ прелестное помѣстье, снабженное всѣми удобствами жизни, гдѣ поэтъ провелъ остатокъ своихъ дней; Горацій умеръ въ одинъ годъ съ Меценатомъ (8 г. до Р. Х.), и ихъ похоронили вмѣстѣ въ саду послѣдняго. Горацій — истинный представитель общества вѣка Августа, и его поэзія соотвѣтствовала характеру этого общества. Послѣ Филиппи погибли республиканскія надежды, а жить хотѣлось— и вотъ слагается уютный и непритязательный взглядъ на жизнь. Смыслъ поэзіи Горація таковъ: брось порывы фантазіи, пылъ идеализма, честолюбивые и отважные планы; думай только о себѣ; довольствуйся тѣмъ, что есть; „щипли день, не заботясь о будущемъ“; хватай все, что ни дается судьбой; ничѣмъ не увлекайся, будь разсудителенъ даже въ любви и дружбѣ; „ничему не удивляйся“ (nil admirari); „мѣшай полезное съ пріятнымъ“; прославляй имперію, которая доставила тебѣ спокойствіе и возможность наслаждаться досугомъ. Свѣтское себялюбіе сглаживается у Горація только чувствомъ собственнаго достоинства и добродушіемъ; онъ принимаетъ у него видъ чарующей ясности души, искренней беззаботности, здороваго эпикуреизма самого Эпикура, а не его учениковъ. Сверхъ того Горацій позволялъ себѣ и иронію. До Акціума (§ 243) онъ писалъ преимущественно *сатиры*, которыя выше луциліевыхъ по внѣшности, но ниже по содержанію: это—умный и насмѣшливый, но невинный разговоръ свѣтскаго человѣка, раздѣляющаго порицаемые имъ пороки; онѣ и называются sermones, т.-е. застольныя бесѣды. Сатиры Горація касаются не политики, а общественныхъ и особено литературныхъ нравовъ. Послѣ Акціума Горацій занялся *одами*, мастерскими по

изложенію, но бѣдными по содержанію. Это—легкіе стихи, или пѣсенки, написанныя по случаю: въ нихъ воспѣваются то удовольствія, то домъ Августа. По большей части это—подражаніе и даже переводы изъ греческихъ лириковъ, особенно изъ Алкея, Саффо и Пиндара. Еще болѣе похожи на самую разнообразную и легкую бесѣду, но со стремленіемъ къ назидательности, *письма* Горація. Самое неудачное изъ нихъ—посланіе къ Пизонамъ, которое легкомысленно разсуждаетъ о теоріи поэзіи и называется *De arte poetica* (о поэтическомъ искусствѣ).

§ 255. **и) Элегики и зрѣлища.** *Овидій Назонъ*, сынъ богатаго всадника, былъ сначала юристомъ, потомъ велъ частную жизнь, прославляясь кутежомъ. Онъ вращался въ высшемъ кругу и даже былъ, какъ свой, въ семьѣ Августа. Подконецъ, по смерти Мецената, Овидій былъ единственнымъ поэтомъ среди придворной пустыни, образовавшейся вокругъ Августа, который даже пересталъ заботиться о поэзіи. Но и онъ пострадалъ, попавъ въ какую-то государственную тайну, которая стоила жизни многимъ, благодаря злой Ливіи (§ 246): Овидію было подъ 50, когда его внезапно сослали на берега Чернаго м. (въ Томи, теперь Кюстенджи), къ дикимъ гетамъ. Какъ ни молилъ поэтъ о пощадѣ (его „Понтійскія письма“ и „Гореванія“), его не возвратили. Овидій еще больше, чѣмъ Горацій, былъ сыномъ своего времени. Легкомысліе, чувственность, но также начитанность и остроуміе—вотъ черты его поэзіи, которую можно назвать„ салонною“, какъ доказываютъ самыя заглавія его сочиненій (Письма древнихъ героинь къ своимъ возлюбленнымъ, Любовь, Искусство любить, Исцѣленіе отъ любви). Въ этой поэзіи блещутъ слѣды крупнаго таланта, но содержаніе дотого пусто, что ее выручаютъ только небывалая техника и изящество, граціозность стиха. Овидій занимался также древностями и миѳологіей, подражая „ученымъ“ александрійскимъ поэтамъ. По смѣлости фантазіи и изяществу формы, замѣчательны его „Превращенія“ (Metamorphoses)—масса миѳовъ, начиная съ Хаоса и кончая апоѳеозой Юлія Цезаря. „Превращенія“ считаются первымъ, послѣ Кироπедіи (§ 157), романомъ древности; они были любимою книгой въ средніе вѣка. Наибольшею силой и естественностью отличаются *элегіи* Овидія, получившія тогда тотъ смыслъ грустныхъ стихотвореній, который придается имъ теперь; лучшія изъ нихъ были написаны въ ссылкѣ и адресованы Августу. Вмѣстѣ со своими современниками, Тибулломъ и Проперціемъ, Овидій составляетъ элегическій тріумвиратъ, сильно подражавшій александрійцамъ. *Тибуллъ и Проперцій* оба принадлежали къ богатому кругу, оба жили частными людьми и были друзьями Мецената, оба любили пожить хорошо и умерли рано, оба были поэтами чувства; но у нихъ были различные характеры. Проперцій, особенно восхвалявшій Августа,

отличался крайнею чувственностью и пылкой энергіей, иногда даже отвагой и злой ироніей: Овидій называлъ его стихи „огнями“. Тибуллъ же славился идеализмомъ, идиллическою мечтательностью, романтическою нѣжностью, а также простотой и искренностью изложенія; это былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ поэтовъ; всѣ знали его наизусть и считали царемъ элегиковъ. Итакъ поэзія золотой латыни состоитъ изъ лирики, да изъ одной эпической поэмы (Энеида); драмы же почти вовсе не существовало. Немногіе драматурги вдавались въ миѳологію и ученость и щеголяли эфектами; трагедія совсѣмъ исчезла; падали даже ателланы и мимы (§ 249), которыхъ замѣнили *пантомимы*, введенные Августомъ. Пантомимъ, или изображеніе комедій и даже трагедій посредствомъ жестовъ и музыки, безъ словъ, былъ соединеніемъ драмы, балета и оперы. Знать, сидѣвшая вокругъ императора, ближе къ сценѣ, читала либретто на греческомъ яз., а толпа, наверху, которая, при громадности театра, никогда не слыхала словъ, приходила въ восторгъ оттого, что все представленіе было только для глазъ. Въ интересахъ толпы Августъ обставлялъ пантомимы необыкновенною роскошью и чувственною прелестью: на сценѣ проходили цѣлые полки пѣхоты и конницы, гремѣлъ громъ, машины творили чудеса. Такимъ образомъ пантомимъ приближался къ грязнымъ и дикимъ зрѣлищамъ въ циркѣ и амфитеатрѣ, гдѣ Августъ, подражая Цезарю, старался развить скачки, въ особенности же *звѣриные* и *гладіаторскіе* бои. На аренѣ появились даже слоны, носороги и гиппопотамы, а среди гладіаторовъ – германскіе плѣнники и римскіе всадники, даже сенаторы. Августъ изобрѣлъ еще особыя, дорогія игры – *навмахіи*, изображавшія морскія сраженія: тутъ иногда сразу участвовало 30 триремъ и 3.000 воиновъ въ видѣ персовъ и аѳинянъ. При Августѣ было выпущено на арену 10.000 гладіаторовъ и 3,500 однихъ африканскихъ звѣрей. Подлаживаясь подъ кровожадные нравы публики, онъ ввелъ даже обычай отдавать преступниковъ на растерзаніе звѣрямъ передъ публикой, причемъ истязанія несчастныхъ обставлялись великолѣпными сценами изъ миѳологіи и исторіи. Оттого-то при имперіи толпа особенно кричала, чтобы ей давали „хлѣба и зрѣлищъ“ (§ 218). Уже при Августѣ она дотого увлекалась зрѣлищами, что взамѣнъ политическихъ партій (которыя позднѣе смѣнились догматическими) возникли *партіи цирка*. Общества капиталистовъ имѣли свои колесницы на ристалищахъ, окрашенныя въ ихъ *цвѣтъ*: отсюда факціи, или партіи „бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ и зеленыхъ“. Весь народъ съ ожесточеніемъ становился подъ знамя того или другого цвѣта; составлялись какъ бы огромныя національныя пари на скачкахъ.

§ 256. і) **Проза вѣка Августа.** Проза вѣка Августа находилась въ жалкомъ положеніи. Развивалась только мелкая, педантич-

ная ученость, лишенная мыслей и талантовъ: сюда относятся антиквары, лексикографы, грамматисты и т. под. Въ особенности пострадали науки, соприкасающіяся съ политикой: Августъ подавлялъ свободу мысли въ этомъ отношеніи. Политическое *краснорѣчіе* исчезло: ораторы ограничивались панегириками императору и вельможамъ, надгробными словами, адвокатскими и сенатскими рѣчами; въ риторскихъ школахъ кое-какъ обучали лишь софистикѣ и декламаціи, причемъ заставляли учениковъ мучиться надъ измышленіемъ диссертацій и рѣчей „о пыли, дымѣ“ и т. под. *Исторія* становилась невозможною: государственные акты превращались въ придворную тайну; историкамъ дозволялось писать только въ династическомъ духѣ. Одни изъ нихъ умышленно искажали истину въ угоду Августу; другіе гонялись за риторическими красотами, чтобы скрыть скудость содержанія. Во главѣ ихъ стоялъ *Титъ Ливій* († 17 по Р. Х.), другъ Августа и воспитатель его внука, человѣкъ скромный, трудолюбивый и честный. Не придерживаясь партій, онъ въ одно и то же время сочувствовалъ Бруту съ Кассіемъ, и доказывалъ необходимость и благодѣяніе имперіи; онъ нравился и придворнымъ, и республиканцамъ. Ливій стремился къ истинѣ, но не умѣлъ добыть ее, плохо владѣя критикой, не зная старыхъ законовъ и военнаго дѣла, не умѣя справиться съ такимъ богатымъ матеріаломъ, какъ анналисты и Поливій. Нѣтъ у него и прагматизма: это — безсвязное сцѣпленіе сказокъ, выдуманныхъ рѣчей и произвольныхъ характеристикъ, проникнутыхъ риторствомъ. Слава Ливія основывается на плѣнительности внѣшней формы, на живости красокъ и поэтичности картинъ, отчасти на изяществѣ языка, въ которомъ впрочемъ уже чувствуется близость серебряной латыни. Такъ какъ исторія Ливія была проникнута еще патріотизмомъ, прославленіемъ доблестей предковъ, то немудрено, что были люди, нарочно пріѣзжавшіе взглянуть на „римскаго Геродота“. Ливій издавалъ свою исторію, или *Анналы*, по 10 книжекъ заразъ: поэтому его трудъ называютъ еще „декадами“. Всѣхъ книжекъ было 142; но до насъ дошло вполнѣ только 35; весь трудъ обнималъ исторію Рима отъ начала до 9 г. по Р. Х. Для науки Ливій важенъ тѣмъ, что только у него сохранились слѣды древнѣйшихъ источниковъ римской исторіи. Лучше было положеніе точныхъ наукъ, далекихъ отъ политики. Особенно важны работы, къ которымъ привело желаніе Августа устроить хорошій кадастръ. *Агриппа* произвелъ обширныя измѣренія государства и собралъ географическо-статистическія свѣдѣнія, изданныя подъ именемъ *Хорографіи*. Въ одной публичной залѣ была выставлена *карта* древняго міра, въ видѣ большого мраморнаго глобуса; она послужила источникомъ и образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ римскихъ картъ и путеводителей. Только одна наука процвѣтала при Августѣ, какъ и всегда у римлянъ: это — *юриспруденція*,

или правовѣдѣніе. Она постоянно развивалась въ концѣ республики, когда было издано много сборниковъ законовъ и блестящихъ толкованій такими даровитыми юристами, какъ *Муцій Сцевола* и *Сульпицій Руфъ*. Оттого при Августѣ римское право уже достигло научной системы, въ которой не было и слѣда риторства. Августъ воспользовался обычаемъ римлянъ спрашивать совѣтовъ у адвокатовъ, мнѣнія которыхъ имѣли вѣсъ въ глазахъ судей: онъ даровалъ привилегію давать *отвѣты* (responsa) лишь нѣсколькимъ юристамъ; если всѣ они одинаково рѣшали вопросъ, то ихъ отвѣтъ получалъ силу закона. Эти юристы стали усиленно заниматься изученіемъ римскаго права, и уже при Августѣ возникли двѣ школы въ этой наукѣ, во главѣ которыхъ стояли Прокулъ и Сабинъ. *Прокуліанцы*—„раціоналисты“, или теоретики; они смѣло и талантливо толковали право, руководствуясь справедливостью и требованіями жизни. *Сабиніанцы*—„позитивисты“, или приверженцы „положительнаго“, существующаго права: они придерживались буквы закона и формалистики. Въ политикѣ первые были гордыми, непреклонными республиканцами, вторые—монархистами и угодниками Августа.

§ 257. **к) Искусство.** Искусство при паденіи республики и въ вѣкъ Августа представляетъ одно цѣлое. Оно мало отличается отъ искусства 4 періода (§ 216) и характеризуется *греческимъ* вліяніемъ; только возросло число художественныхъ произведеній и усовершенствовалась техника. Съ другой стороны, римляне увлекались тогда уже не древнѣйшими образцами эллинскаго искусства, а произведеніями александрійской эпохи. Они стремились къ эффекту, роскоши и колоссальности, что̀ видно изъ развалинъ *Помпеи*, щеголяющихъ декоративностью, и изъ римскихъ массивныхъ и пышныхъ театровъ, амфитеатровъ и базиликъ Цезаря и Помпея, отъ которыхъ впрочемъ ничего не сохранилось. Тѣмъ же характеромъ отличаются постройки Августа, особенно украшавшаго столицу (§ 245). До него Римъ все еще напоминалъ эпоху галльскаго разгрома: онъ состоялъ изъ узкихъ, кривыхъ улицъ съ высокими домами, вродѣ казармъ. Цезарь не успѣлъ исполнить своего замысла перестроить его. Августъ же раздѣлилъ Римъ на части и украсилъ его множествомъ базиликъ, дворцовъ, термъ (бань), площадей, садовъ, водопроводовъ, залъ съ картинами, фонтановъ въ скульптурномъ уборѣ. Богачи подражали ему въ устройствѣ своихъ дворцовъ; Агриппа и Азиній на собственный счетъ сооружали общественныя зданія. Въ этомъ зодчествѣ господствовалъ коринѳскій стиль, но нерѣдко встрѣчается смѣшеніе всякихъ стилей, не исключая этрусскаго. Немного образчиковъ дошло до нашего времени; лучше всего сохранился *Пантеонъ* — колоссальный круглый храмъ съ золотымъ куполомъ и мраморными стѣнами. *Живопись* того времени слаба: она чисто греческая, насколько мы

знаемъ ее, благодаря *Помпеѣ,* гдѣ она служила лишь пестрою архитектурною декораціей. Это—мелкія фрески, написанныя по влажной извести. Въ нихъ два стиля: старый и новый. Старый, изобра-

Туснельда. Тріумфальная статуя, во Флоренціи.

жающій греческіе миѳы, есть подражаніе мастерамъ 4-го в. (§ 158) и даже копировка ихъ картинъ. Новый стиль отличается реализмомъ и свѣжестью колорита: онъ изображаетъ дѣтскія игры, пародіи, виды,

плоды, утварь, животныхъ. Встрѣчаются и *мозаики*, въ томъ числѣ „Александрова Битва“. Въ *ваяніи* видно болѣе развитія. Сохранились хорошія статуи греческаго стиля, вродѣ „Венеры Медицейской“ (во Флоренціи), которая напоминаетъ Афродитъ Праксителя. Образовался даже *римскій* стиль, отличія котораго—реализмъ, строгость и практичность. Содержаніемъ его служитъ дѣйствительность, особенно портреты. Много его образцовъ сохранилось въ римскихъ музеяхъ; лучшіе—„Агриппина Старшая“ и „Стыдливость“. Ваяніе римскаго стиля отличалось еще служеніемъ *монументальнымъ* цѣлямъ, т.-е. оно было лишь украшеніемъ памятниковъ, тріумфальныхъ арокъ, побѣдныхъ колоннъ и т. под. Тутъ вѣрно изображались и типы покоренныхъ народовъ: прекрасны статуи Туснельды (во Флоренціи) и Арминія (въ Римѣ). Этотъ же стиль видимъ на *монетахъ* со временъ Цезаря. *Камеи* появляются въ изобиліи съ Августа; онѣ большихъ размѣровъ и обыкновенно изображаютъ императорскую фамилію, окруженную миѳологическою символикой (императоръ въ видѣ Юпитера, императрица въ видѣ Цереры).

§ 258. **Значеніе Рима.** Внѣшнимъ образомъ Римъ существовалъ послѣ Августа еще $4^1/_2$ вѣка, до паденія Западной римской имперіи (476). Но въ эпоху имперіи его жизнь подвергалась чуждымъ вліяніямъ: она отчасти входитъ въ исторію христіанства и новыхъ народовъ Европы; въ ней нѣтъ чертъ, отличающихъ историческій типъ, который рисуется въ нашемъ воображеніи при имени „Рима“. Сущность римской исторіи заключается въ древнемъ, а не средневѣковомъ Римѣ. Она состоитъ въ великомъ *политическомъ* значеніи римлянъ. Ни одинъ народъ древности не можетъ равняться съ ними въ этомъ отношеніи. Вся жизнь Рима проникнута государственною точкой зрѣнія, которая легла даже въ основаніе его религіи. Оттого онъ напоминаетъ Спарту и служитъ противоположностью Аѳинъ; но Спарта — лишь зародышъ государственной идеи въ древности, а Римъ—ея полное и величественное проявленіе. Суровые, неумолимые, односторонніе и разсудочные римляне развили обѣ стороны этой идеи—и внѣшнюю, и внутреннюю. Первая выразилась въ ихъ блестящемъ *военномъ искусствѣ* и въ *покореніи всего извѣстнаго тогда міра* (orbis terrarum, или цѣпь земель вокругъ Средиземнаго м.), вторая—въ ихъ образцовой *сословной борьбѣ* и въ геніальномъ законодательствѣ, въ томъ *римскомъ правѣ*, которое до сихъ поръ служитъ азбукой юридическихъ наукъ. Юриспруденція составляла такое спеціальное призваніе римлянъ, что она развивалась безъ перерывовъ, не исключая эпохъ застоя во всѣхъ другихъ сторонахъ быта. Въ *культурномъ* же отношеніи Римъ всегда отличался либо застоемъ, либо однимъ внѣшнимъ развитіемъ. Его религія съ самаго начала подпала чужому вліянію, котораго она не могла переработать. Лучшая, геро-

ческая пора его жизни (3-й періодъ) прошла совсѣмъ безъ письменности и искусствъ; а потомъ вся его идеальная культура заключалась въ слѣпомъ подражаніи Элладѣ. Оттого въ культурѣ Риму принадлежитъ лишь косвенное и внѣшнее значеніе: именно онъ *распространялъ древнюю цивилизацію*, потому что жилъ позже Эллады и завоевалъ міръ. *Романизація западной Европы*, конечно, великая заслуга предъ человѣчествомъ; но въ основѣ ея лежалъ эллинизмъ, только искаженный римскимъ вліяніемъ. Это искаженіе выясняется при знакомствѣ съ римскою культурой временъ имперіи.

§ 259. **Значеніе древняго міра.** Прежде подъ древнимъ, или античнымъ (antiquus) міромъ разумѣли только Грецію и Римъ, такъ какъ, не зная Востока, не придавали ему значенія. Теперь Востокъ занимаетъ почетное мѣсто въ древней исторіи, какъ отецъ европейскаго развитія, и слово *античный* стало означать не „древній", а греко-римскій міръ, притомъ съ оттѣнкомъ похвалы, превосходства (наше „антикъ" — нѣчто рѣдкое, изящное); этимъ же оттѣнкомъ отличается слово *классическій*, въ приложеніи къ исторіи Греціи и Рима. Несмотря на великое значеніе *Востока*, его исторія и теперь выдѣляется, лишь какъ подготовительная школа въ развитіи древняго человѣчества, которое сосредоточивается въ классическомъ мірѣ. Въ ней господствуютъ однообразіе и застой, отсутствіе общественнаго и личнаго развитія (§ 76). Сѣмена цивилизаціи, возросшія на Востокѣ, дали плоды, когда ихъ перенесли на европейскую почву. Эти плоды замѣчательны: они до сихъ поръ лежатъ въ основаніи человѣческаго прогресса. Нѣтъ стороны жизни, которая не была бы затронута и даже значительно развита въ древности. Въ политикѣ были испробованы почти всѣ извѣстныя до сихъ поръ формы общежитія; въ соціальномъ отношеніи выработались всѣ классы общества, и борьба между ними соотвѣтствуетъ тому, что происходитъ въ исторіи до нашихъ дней. Основы матеріальной культуры господствовали въ жизни Европы и Азіи до прошлаго вѣка; а плодами идеальной культуры до сихъ поръ живетъ интеллигенція. У насъ первыя главы важнѣйшихъ наукъ, а также основы искусствъ — греческія. Но зато во всѣхъ областяхъ жизни классическая древность представляетъ важные *пробѣлы*, благодаря которымъ она служитъ лишь такою же подготовительною школой для насъ, какою былъ для нея Востокъ. Такъ, во внѣшней политикѣ древніе не знали равновѣсія: ни одна держава не терпѣла подлѣ себя другихъ большихъ государствъ. Отсюда вѣчныя и жестокія войны между значительными государствами. Во внутренней политикѣ древніе отличались также недостаткомъ равновѣсія силъ, горячностью, отчасти вслѣдствіе недостатка широкаго представительства: они почти не знали реформъ, жили среди постоянныхъ революцій. Древніе не придумали также средствъ къ облегченію общественнаго

неравенства: у нихъ не было иной филантропіи, кромѣ раздачи хлѣба, которая была въ то же время политическимъ подкупомъ. Они и не подозрѣвали другой общественной несправедливости: въ ихъ глазахъ *рабство* было естественнымъ, вѣчнымъ явленіемъ. Если рабство ослабляло язву нашего времени—пролетаріатъ, то лишь потому, что совсѣмъ истребляло средній классъ и свободное крестьянство, приготовляя такимъ образомъ гибель всего государства. Въ матеріальной культурѣ въ древности только начиналось приложеніе машинъ, такъ какъ точныя науки развились лишь незадолго до Р. Х.; тогда никто не могъ и помыслить о парѣ и электричествѣ, которые произвели переворотъ во внѣшнемъ быту человѣчества. Точно также древніе не могли и мечтать о современномъ развитіи научныхъ теорій, живописи и въ особенности музыки. Наконецъ былъ великій нравственный пробѣлъ у древняго человѣка, какъ у восточнаго, такъ равно и у западнаго: это — узкій, эгоистическій взглядъ на все чужое, или *отсутствіе гуманности*. Грекъ или римлянинъ, подобно египтянину, ассирійцу или еврею, смотрѣлъ съ презрѣніемъ на другіе народы, считая ихъ низшею, рабскою породой. Даже у себя дома онъ былъ единственнымъ господиномъ, которому все должно было служить безпрекословно: женщина и ребенокъ были его рабами и вещами. Согласно съ этимъ барскимъ взглядомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивались изнѣженность, чувственность и матеріализмъ въ жизни, а также риторство, или отсутствіе простоты и погоня за внѣшностью. Только къ концу древняго міра появились проблески простоты, *идеализма* и *гуманности*. Они обнаруживаются при Александрѣ Вел. и у діадоховъ, роль которыхъ продолжалъ Римъ. Завоеванія Александра и римлянъ сглаживали мѣстныя, національныя особенности, расчищали путь міровымъ интересамъ и тѣмъ подготовляли новую религію гуманности и идеализма—христіанство. *Классическій* міръ былъ такъ богатъ умственными силами, что при дальнѣйшемъ развитіи самъ могъ бы отчасти восполнить указанные пробѣлы; но его жизнь была остановлена вторженіемъ новыхъ элементовъ въ исторію. Подлѣ него стали, съ одной стороны *христіанство*, возникшее на Востокѣ, съ другой—*варвары*, или новые народы, пришедшіе оттуда же. Изъ сліянія этихъ трехъ элементовъ образовалось новое время въ исторіи, смѣнившее древность. Отдаленнѣйшая часть этого времени, первыя 15 столѣтій нашей эры, называются *средними вѣками* (введ. § 17). Впрочемъ, въ тѣсномъ смыслѣ, первые пять вѣковъ составляютъ лишь переходъ отъ древней исторіи къ средней. Этотъ періодъ отличается всеобщимъ броженіемъ въ Европѣ и на Востокѣ, вслѣдствіе борьбы трехъ основныхъ элементовъ новаго времени.

VII. Римская имперія (14—476 по Р. Х.).

§ 260. **Начало христіанства.** Когда въ Римѣ образовалась имперія, смѣнившая античную республику, на Востокѣ, на этой родинѣ религій, возникло *Царство Божіе*, которое низвергло древнее язычество. Старыя вѣрованія были подорваны со временъ Александра Македонскаго. Римляне разрушали мѣстныя религіи вмѣстѣ съ независимостью народовъ. Но они принимали старыхъ боговъ, такихъ же чувственныхъ, какъ ихъ собственные. Эти боги, нелѣпо перемѣшиваясь въ Римѣ, теряли значеніе для толпы (§§ 175, 213, 245, 247); интеллигенція же тщетно искала новой истины, впадая то въ эпикурейскій развратъ, то въ стоическую апатію (§§ 248—252). Человѣчество давно жаждало новаго міровоззрѣнія: оно стремилось къ *единобожію*, *идеализму* и *космополитизму*, который соотвѣтствовалъ бы міровой монархіи Александра Великаго и римскихъ цезарей (§§ 171, 172, 252, 259). Это было особенно замѣтно у евреевъ: ихъ Іегова не смѣшивался съ богами древности, и римляне не трогали его, какъ уединеннаго Бога небольшой націи, не подходившаго къ ихъ воззрѣніямъ. Здѣсь давно жила идея *Мессіи* (§ 32); но никогда не проявлялась она столь сильно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Крайне упорные въ своемъ патріотизмѣ и въ религіи, евреи ненавидѣли своихъ царей изъ рода Идумеевъ за ихъ угодничество Риму. Послѣ сильнаго Ирода Вел. (§ 162), они не хотѣли повиноваться его сыну, *Ироду Антипѣ*. Тогда римляне подчинили ихъ своимъ прокураторамъ, однимъ изъ которыхъ былъ *Понцій Пилатъ*. Огорченные евреи стали ждать немедленнаго появленія національнаго искупителя, Мессіи, который управлялъ бы всѣмъ міромъ на развалинахъ римской имперіи. Въ 15-й годъ царствованія Тиверія, еврейскій подвижникъ *Іоаннъ* вышелъ изъ пустыни проповѣдывать о пришествіи Мессіи, въ духѣ древнихъ пророковъ. Это былъ *Предтеча Іисуса Христа*, которому исполнилось тогда 30 л.; онъ готовилъ народъ крещеніемъ, т.-е. очищеніемъ тѣла и души. Вслѣдъ затѣмъ началась проповѣдь Іисуса въ Іерусалимѣ, въ особенности же въ Галилеѣ, среди неиспорченныхъ крестьянъ. Онъ говорилъ о *любви къ ближнему* и о равенствѣ всѣхъ передъ Богомъ, о милосердіи и прощеніи, о миролюбіи, о *единомъ* Богѣ, объ искренности и служеніи Богу духомъ и сердцемъ; словомъ, Онъ проповѣдывалъ *идеализмъ*, преимущество духовнаго, внутренняго міра надъ матеріальнымъ, внѣшнимъ („Мое царство не отъ міра сего“). Такъ христіанство было отрицаніемъ воззрѣній древняго міра. Его не поняла ни исключительно-національная іерархія евреевъ, ни свѣтская власть римлянъ, вообразившихъ, что появился новый „царь іудейскій“. Въ 34 г. былъ распятъ Тотъ, кто

внушалъ народу: „воздадите цезарево цезарю, а Божіе — Богу". А въ 36 г. явился первый мученикъ христіанства, *Стефанъ*. Но преслѣдованія только закаляли силу воли у исповѣдниковъ новой религіи. Ближайшіе 12 учениковъ Іисуса стали „посланниками" (апостолами), разносившими „благую вѣсть" (Евангеліе). Въ эту *апостольскую эпоху* христіанская община, или *церковь* составляла какъ бы одну семью, подъ руководствомъ *пресвитеровъ* (πρεσβύτερος — старшина) и діаконовъ (помощниковъ). Уже тогда іерусалимская церковь стала „матерью", а ея пресвитеръ — *митрополитомъ* по отношенію къ новымъ церквамъ-дѣтямъ (филіальнымъ), во главѣ которыхъ стояла церковь въ Антіохіи, гдѣ возникло и названіе христіанъ (ок. 45 г.). Труднѣе всего шло дѣло среди евреевъ, которые преслѣдовали христіанъ, руководимые фарисеемъ Сауломъ. Но этотъ же Саулъ, перешедшій въ христіанство подъ именемъ *Павла*, больше всѣхъ сдѣлалъ для новой религіи Своими посланіями онъ уяснилъ сущность христіанства; своими путешествіями онъ далеко распространилъ его *среди язычниковъ*. Римскія власти защищали Павла, какъ „римскаго гражданина", особенно отъ евреевъ, тѣмъ болѣе что онъ внушалъ повиновеніе имъ. Ему сочувствовали и угнетенная толпа, и лучшіе умы. Такъ христіанство начало понемногу побѣждать и правительство, и науку древняго міра. Но особенно оказались доступными его вліянію „варвары".

§ 261. **Варвары. 1) Кельты.** Старѣйшіе изъ варваровъ, *кельты*, которыхъ древніе называли галлами, были тогда сильно романизованы, благодаря живости своего характера и политикѣ Цезаря (§ 197, 254). Во 2-мъ вѣкѣ Галлія была уже самою населенною, а въ 4-мъ — самою образованною изъ римскихъ провинцій. Она развилась и матеріально: „гальское богатство" вошло въ пословицу. У галловъ были городки съ крѣпкими стѣнами; ихъ лодки съ товарами сновали почти по всѣмъ рѣкамъ Галліи и достигали Британіи. Кельты превосходили грековъ въ обработкѣ металловъ, особенно *бронзы*. Въ Бретани (древняя Арморика) и на Британскихъ островахъ находятъ много остатковъ кельтскаго искусства — *долмены* (введ. § 11), *менгиры* (каменные столбы), *гроты фей* (рядъ камней въ видѣ воротъ). Кельты жили *родами*, „кланами", распадаясь на множество народцевъ; правленіе принадлежало не столько князю, сколько главамъ родовъ, составлявшимъ его дружину. Масса находилась въ крѣпостной зависимости отъ этихъ аристократовъ. *Друиды*, „люди дубовъ", и *друидессы* придавали единство кельтамъ, составляя цѣльное и могущественное сословіе: они были правителями, судьями, врачами, учителями; младшіе, *барды*, или „пѣвцы", воспѣвали подвиги дружинниковъ, бряцая на лирѣ. Подъ старость друиды становились колдунами, жили въ дебряхъ, на безплодныхъ островкахъ, въ приморскихъ скалахъ. Религія кельтовъ

представляла переходъ отъ вѣры въ духовъ къ поклоненію божествамъ (введ. § 6). Главнымъ божествомъ былъ громовержецъ *Таранъ*; подлѣ него было много *фей* — чистыхъ и добрыхъ дѣвъ, которыя охраняли людей отъ зла и ткали нити жизни; въ воздухѣ, въ водахъ и растеніяхъ жили міріады *эльфъ* — красивыхъ созданьицъ, роившихся по лугамъ и лѣсамъ въ лунныя ночи. Кельты вѣрили въ загробную жизнь, но похожую на земную: при погребеніи клали въ могилу любимыя вещи покойника, а также сожигали его слугъ. При жертвоприношеніи плели изъ вѣтвей ивы огромныхъ идоловъ, которыхъ нанаполняли живыми людьми и сожигали. Почитались святынями могучіе *дубы*, въ особенности же омела — вѣчно зеленое растеніе, которое срѣзывали золотымъ серпомъ въ темномъ бору зимой, въ великій праздникъ. Кельты населяли также Британію, Каледонію (Шотландію) и Ирландію, подъ именемъ *бритовъ*, *пиктовъ* и *скотовъ*. Но тамъ они жили полудикарями: бриты не видали римлянъ послѣ Цезаря (§ 234) въ теченіе цѣлаго столѣтія. Благодаря бардамъ Уэльса и Бретани, у которыхъ сохранились школы даже въ новое время, извѣстна древнѣйшая поэзія кельтовъ. Это — обширный запасъ народныхъ пѣсенъ съ мрачнымъ, тоскливымъ характеромъ и съ богатою *риѳмой*, перешедшей къ другимъ народамъ Европы. Ихъ герои — вожди, боровшіеся за національную независимость (Артуръ), и барды (Талезинъ), въ особенности же пророкъ и чародѣй *Мерлинъ*. Въ Ирландіи великимъ бардомъ былъ *Оссіанъ*, воинственныя пѣсни котораго перешли и въ Шотландію. Онъ былъ сынъ вождя клана *феніевъ*, Фингала (ок. 300). По преданію, Оссіанъ воскресъ послѣ двухвѣковаго сна, чтобы тщетно бороться съ св. Патрикомъ за кельтское язычество.

§ 262 **2) Германцы.** О германцахъ извѣстно болѣе, чѣмъ о кельтахъ, такъ какъ римлянамъ пришлось позже вести упорную борьбу съ ними, именно начиная съ Августа (§§ 242, 246). Ихъ бытъ хорошо описанъ въ „Германіи“ *Тацита* (ок. 100 л. по Р. Х.). Германцы распадались на множество народцевъ. Главные изъ нихъ: въ Верхней Германіи — маркоманны, въ Нижней — батавы и фризы (у устьевъ Рейна и Эмса), херуски (къ ю.-в. отъ фризовъ), лангобарды (по Эльбѣ), вандалы, бургунды, готы, англы и саксы (въ Пруссіи и Саксоніи). Германцы жили въ лѣсахъ; занимались охотой, скотоводствомъ да войной. Земледѣліе стояло на второмъ планѣ, а торговли и промышленности вовсе не было: встрѣчаются лишь зачатки обработки *бронзы*. Не было даже деревень: жили въ избахъ вразсыпную. Германцы предавались обжорству, пьянству да игрѣ въ кости, причемъ иногда проигрывали свои семьи и себя самихъ, т.-е. шли въ рабство къ выигравшему. Если не было охоты или войны, они цѣлые дни валялись пагіе у своего очага на медвѣжьей шкурѣ. Дѣти

спали на землѣ вмѣстѣ съ животными. Но у германцевъ были письмена—*руны*, состоявшія изъ линій и завитковъ, которые выцарапывались на камняхъ или деревьяхъ. Германцы строго держали свое слово и были гостепріимны: когда нечѣмъ было кормить гостя, хозяинъ велъ его къ сосѣду, который долженъ былъ угощать его. Германецъ былъ хорошимъ семьяниномъ и не зналъ многоженства. Въ женщинѣ онъ видѣлъ что-то вѣщее и повиновался ея совѣтамъ: римляне полагались только на тѣ германскія общины, у которыхъ брали дѣвицъ въ заложничество. У германцевъ не невѣста приносила приданое, а женихъ покупалъ ее. Германки приносили пищу на поле битвы и воодушевляли воиновъ, которые хвастались передъ ними своими ранами. Нерѣдко онѣ сами воевали и закалывали себя, чтобы не попасть въ плѣнъ. Сражались германцы пѣшіе, употребляли только стрѣлы, метательные дротики и щиты. Одежда ихъ состояла изъ грубаго плаща, пристегнутаго терновымъ шипомъ, или изъ звѣриной шкуры. У германцевъ была болѣе развита миѳологія, чѣмъ у кельтовъ. Сначала господствовало грубое почитаніе *силъ природы*: звѣздъ, растеній, животныхъ съ ихъ шабашемъ (wilde Jagd). Затѣмъ масса вѣрила въ духовъ, среди которыхъ выдавались *гномы*—добрые карлики, стерегущіе сокровища въ нѣдрахъ земли, да *альбы*, напоминающіе эльфъ и фей. Но высшее сословіе поклонялось *азамъ*—божествамъ съ человѣческимъ видомъ и съ этическимъ характеромъ, съ которыми связана самая богатая, послѣ греческой, миѳологія, извѣстная намъ изъ нѣмецкаго эпоса—*Эдды*. Азы пришли съ неба на землю по разноцвѣтному мосту (радуга) и помогли людямъ истребить чудовищъ и великановъ. Главнымъ азомъ былъ *Одинъ*—добрый богъ, озиравшій землю своимъ единственнымъ глазомъ (солнце) изъ окна своей поднебесной обители. Но это — также громовержецъ и богъ войны: онъ носится по небу, какъ „дикій охотникъ“ (wilder Jäger), на бѣломъ конѣ, съ мечомъ и копьемъ въ рукахъ, окруженный „дикою дружиной“ — витязями, павшими на полѣ брани. Ему помогаютъ *валькиріи* — очаровательныя безсмертныя дѣвы, которыя носятся въ полномъ вооруженіи тамъ, гдѣ льется кровь; ихъ кони сіяютъ, какъ золото; встряхнутъ они гривами — и падетъ серебристая роса на долины. Валькиріи иногда сидятъ на берегу рѣки, одѣтыя въ „лебяжьи сорочки“; но ихъ главное занятіе—подбирать павшихъ въ бою витязей, которыхъ онѣ уносятъ въ *Валгаллу* (рай) и угощаютъ тамъ медомъ. Боги германцевъ близки къ людямъ: они сходятъ къ нимъ изъ своихъ небесныхъ обителей. Оттого германцы почитали героевъ, въ особенности *Зигфрида*, любимца одной валькиріи и обладателя шлема-невидимки. Германцы представляли себѣ загробную жизнь матеріально: при сожженіи покойника кидали въ огонь его оружіе и лошадь. Смерть считалась кроткою посланницей боговъ, приходившею за душой, которая то

„отцвѣтала“, какъ растеніе, то улетала, какъ птичка, и витала въ домѣ, пока „ночной челнокъ“ не уносилъ ее „въ отчизну“. Германцы приносили въ жертву плѣнныхъ рабовъ и преступниковъ, хотя не такъ часто, какъ кельты. Обряды совершались въ лѣсной чащѣ, подъ священными деревьями, особенно подъ *липами* и буками. Идоловъ не было: ихъ замѣняли талисманы. Жрецовъ было мало: каждый отецъ семейства самъ приносилъ жертвы. Важнѣе были „вѣщія жены“: онѣ гадали по струямъ крови жертвеннаго человѣка, по полету птицъ, по ржанію священныхъ бѣлыхъ коней, да по жребіямъ, или буковымъ палочкамъ, исчерченнымъ рунами (отсюда Buchstab — буква). Германцы жили въ родовомъ быту, распадаясь на общины, или *марки* („межи“), которыя соединялись въ волости (Gau, pagus). Отсюда кровомщеніе родичей; даже въ битвахъ родичи сражались рядомъ. Земля была „общею“ собственностью – *альменде*, съ ежегоднымъ передѣломъ и трехпольнымъ хозяйствомъ; только главы родовъ — *аделинги* (nobiles, благородные), владѣли „полною“ собственностью—*аллодомъ*, который переходилъ къ старшимъ сыновьямъ. Аделингамъ принадлежало управленіе родами, причемъ они были и жрецами, и судьями, и полководцами; изъ нихъ же избирались *графы*, или представители волостей, а также главы племенъ—*короли* (künine, reges). Для рѣшенія важныхъ дѣлъ собирались изъ *керловъ*, или свободныхъ людей (liberi) родовыя и племенныя сходки (ландтаги, мартовскія поля), которыя выбирали правителей и творили уголовный судъ. Здѣсь не участвовали люди зависимые — крѣпостные (Hörige, liti) и рабы (Schalke, servi). *Крѣпостные* (побѣжденныя племена) получали отъ своихъ господъ землю съ усадьбой, за которую платили барщиной и оброкомъ; они могли быть проданы только вмѣстѣ съ землей. Ихъ положеніе было лучше положенія *рабовъ*, состоявшихъ изъ плѣнныхъ, опальныхъ и проигравшихся: рабовъ даже пытали вмѣсто господъ, не сознававшихся въ преступленіи. Но и рабамъ жилось лучше, чѣмъ въ античномъ мірѣ: господа мало отличались отъ нихъ по образованію и быту и считали ихъ членами своихъ семействъ. *Судъ* былъ устный и гласный; вся община принимала въ немъ участіе или прямо, или черезъ выборныхъ (rachimburgii). Преступленіе считалось нарушеніемъ частнаго, а не общественнаго права: судьбище начиналось только по жалобѣ потерпѣвшаго. Доказательствами служили клятва и ордаліи. Допускались *клятвопомощники* (Eideshelfer), которые свидѣтельствовали не о фактѣ, а о своемъ убѣжденіи въ невинности подсудимаго. *Ордаліи*, или судъ божій, состояли изъ *поединка* (женщина выставляла замѣстника) для свободныхъ и изъ *испытанія огнемъ и водой* для зависимыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ проходили по раскаленному желѣзу или по горячимъ угольямъ, нето несли ихъ въ рукахъ; надѣвали раскаленную желѣзную рукавицу; проходили черезъ

костеръ или между двухъ костровъ; вынимали кольца изъ кипятка; бросались въ глубокую воду. Войскомъ, состоявшимъ изъ всеобщаго ополченія, или *геербана*, завѣдывали выборные доблестные „воеводы“, или *герцоги*. Кромѣ того послѣ Р. Х. развился *гелейтъ* (comitatus), или дружина. Это—отряды охотниковъ, собиравшихся вокругъ доблестныхъ вождей, въ которые поступали даже дѣти главныхъ аделинговъ. Для дружинниковъ было высшимъ позоромъ пережить въ бою своего вождя, который дѣлилъ съ ними добычу, давалъ имъ содержаніе и оружіе. Германцы были обязаны своими завоеваніями особенно гелейту, который послужилъ къ основанію варварскихъ государствъ. **3) Славяне и литовцы** составляютъ третью, самую юную, отрасль „варваровъ“. Мы знакомимся съ ними въ средней и русской исторіи.

§ 263. **Юліева династія.** Между тѣмъ какъ распространялось христіанство и усиливались варвары, язычество разлагалось, а римская имперія слабѣла отъ усобицъ. *Юліева династія* (§ 244) выро-

Клавдій, Агриппина Младшая, Ливія и Тиверій. Портреты на ониксѣ, въ Вѣнѣ.

дилась послѣ Августа. Его преемники—Тиверій, Калигула, Клавдій, Неронъ—были жестокіе деспоты, подчинявшіеся любимцамъ-отпущенникамъ, которые управляли даже провинціями, вмѣсто сенаторовъ. При нихъ развились шпіоны (delatores) и особые суды, слѣдившіе даже за словами и мыслями гражданъ на основаніи закона „объ оскорбленіи величества“ (lex de majestate). Принималось даже свидѣтельство

рабовъ, и доносчикъ получалъ часть конфискованнаго имущества. Казни и отобраніе имуществъ въ казну стали обычнымъ явленіемъ. Калигула сожалѣлъ, что у римскаго народа не одна голова, которую онъ отрубилъ бы сразу. Во дворцѣ, гдѣ господствовали недостойныя женщины (жена Клавдія, Мессалина, и др.), совершались преступленія: тогда славилась отравительница *Локуста*. Живымъ цезарямъ воздвигались храмы и приносились жертвы; а по смерти они удостоивались „апоѳеозы“, или причисленія къ богамъ. Знать и интеллигенція, вѣрная республиканизму, волновались, но безплодно: историка *Кремунія Корда* осудили зато, что онъ назвалъ Кассія (§ 239) послѣднимъ римляниномъ; сенаторъ *Цецина Петъ* долженъ былъ заколоться за заговоръ; жена его, *Аррія*, сказала ему, подавая кинжалъ, которымъ пронзила себя: „это не больно!“. За принципатъ (§ 244) стояла римская толпа, видя въ немъ оплотъ противъ междоусобій и угнетенія знатью (къ цезарямъ перешло значеніе трибуна), а также опасаясь, что безъ него отпадутъ провинціи; провинціи же дорожили центральною властью, нуждаясь въ единствѣ для своихъ торговыхъ сношеній. Солдаты, въ особенности преторіанцы, также стояли за принципатъ, который былъ военною властью, опиравшеюся на нихъ. Но сами деспоты погибали жертвами заговоровъ и становились игрушкою солдатъ: такъ какъ не было закона о престолонаслѣдіи, то преторіанцы стали сажать на престолъ за donativum (подарокъ). Типомъ цезарей Юліевой династіи служитъ *Неронъ*, сынъ *Агриппины Младшей*, которая вовсе не походила на своихъ благородныхъ родителей — на Германика и Агриппину Старшую (§ 246). Неронъ прежде всего умертвилъ своего своднаго брата, свою жену и мать, которая хотѣла быть соправительницей (consors imperii). Затѣмъ, обладая хорошимъ голосомъ, онъ вообразилъ себя великимъ артистомъ—и пѣлъ и игралъ на лирѣ передъ публикой. Неронъ ѣздилъ даже въ Элладу съ артистическою цѣлью и получилъ тамъ 1,800 вѣнковъ, хотя свалился посреди стадія. Онъ считалъ себя также поэтомъ: говорилъ нелѣпости, которыя наемные писатели перелагали въ

Неронъ. Бюстъ, въ Ватиканѣ.

стихи, и изъ зависти запретилъ стихи Лукіана (§ 269). Появились neroniae—родъ олимпійскихъ игръ, причемъ цезарь самъ скакалъ на колесницѣ и принуждалъ сенаторовъ участвовать въ бояхъ звѣрей и гладіаторовъ. Иногда въ театрѣ Неронъ пускалъ копьями въ зрителей и требовалъ, чтобы они дрались между собой. Часто устраивались безумныя празднества: на одномъ изъ нихъ пошло болѣе, чѣмъ на милліонъ р. духовъ. А чего стоили золотой дворецъ Нерона и его одежда, которую онъ мѣнялъ каждый день! Наконецъ Неронъ убилъ свою вторую жену ударомъ ноги и наложилъ тяжкія подати для перестройки Рима, поврежденнаго пожаромъ. Въ то же время развивались подозрительность Нерона, шпіонство и казни: онъ самъ бѣгалъ ночью по городу, переодѣтый рабомъ. Когда молва начала приписывать Нерону пожаръ, онъ свалилъ вину на христіанъ и воздвигъ на нихъ ужасное *первое гоненіе* (64). Христіанъ распинали и, зашивъ въ звѣриныя шкуры, отдавали на растерзаніе псамъ. Неронъ устроилъ ночное народное гулянье въ своихъ садахъ, гдѣ вмѣсто факеловъ горѣли христіане, облитые смолой. Тогда умерли мученическою смертью *Петръ* и *Павелъ*, а *Іоаннъ* былъ сосланъ на о. Патмосъ. По смерти Нерона у христіанъ сложилась сказка, что онъ скрывается за Евфратомъ и возвратится въ видѣ Антихриста. Интеллигенція, особенно республиканцы, негодовали. Всѣ, даже въ провинціи, присматривались къ поведенію *Ѳразеи Пета*, гордаго и благороднаго сенатора, женатаго на дочери Цецины. Къ Пету примыкали именитые граждане и даже учитель Нерона, философъ *Сенека*. Но заговоръ былъ открытъ, и всѣ участники погибли, а съ ними и множество невинныхъ. Пета между прочимъ обвинилъ самъ угодливый сенатъ зато, что онъ не присутствовалъ на похоронахъ жены цезаря и не приносилъ жертвъ за его здоровье. Важнѣе было недовольство провинціальныхъ легіоновъ. Въ Италіи они провозгласили цезаремъ проконсула *Гальбу*—и Неронъ закололся (68).

§ 264. **Флавіи.** Настали двухлѣтнія смуты: арміи по провинціямъ провозглашали своихъ императоровъ и сами же убивали ихъ. Наконецъ сирійскіе легіоны поставили цезаремъ *Веспасіана* изъ рода *Флавіевъ*, съ котораго началась *лучшая эпоха римской имперіи* (70—180). Извѣстный полководецъ, Веспасіанъ былъ грубъ и невѣжественъ, но отличался честностью, практичностью и трудолюбіемъ. Онъ былъ экономенъ почти до скупости и собиралъ деньги всякими мѣрами. Оттого финансы приняли стройный видъ и шли на общую пользу. Веспасіанъ помогалъ бѣднякамъ, пролагалъ дороги, украсилъ Римъ богатыми сооруженіями, устроилъ публичную библіотеку, ввелъ жалованье риторамъ. Живя весьма скромно, Веспасіанъ преслѣдовалъ роскошь и развратъ и подчинилъ дисциплинѣ даже преторіанцевъ. Онъ очистилъ сенатъ и предоставилъ ему важныя дѣла: сенатъ даже

опредѣлилъ закономъ (lex regia) власть цезарей, устранивъ произволъ, внесенный Нерономъ. Веспасіанъ не понималъ только наукъ: онъ преслѣдовалъ философовъ, особенно стоиковъ-республиканцевъ точно также, какъ ворожей и астрологовъ (халдеи и mathematici). Внѣшнія дѣла при Веспасіанѣ были тревожны, но кончились успѣшно для Рима. Особенно упорна была борьба съ евреями, которые возстали еще при Неронѣ, возмущенные притѣсненіями прокураторовъ (§ 260). Но у нихъ не было вождя, и нѣсколько партій жестоко боролись между собой; а Неронъ выставилъ противъ нихъ такого полководца, какъ Веспасіанъ, который, ставъ цезаремъ, передалъ дѣло своему доблестному сыну, *Титу*. Послѣ жестокаго сопротивленія, Титъ подавилъ возстаніе (70). Іерусалимъ съ его храмомъ были разрушены, а жителей частью перерѣзали, частью продали въ рабство; многіе сами бросались въ огонь и на мечи римлянъ или закалывались и умерщвляли другъ друга. Тогда же взволновались „варвары“. Вслѣдствіе пожара Капитолія, вѣщія германки и друиды стали прорицать о погибели Рима—и поднялись преданные цезарямъ батавы (§ 262), съ великодушнымъ героемъ во главѣ, *Цивилисомъ*, получившимъ званіе римскаго гражданина на службѣ у римлянъ. Цивилисъ мечталъ создать германское царство на нижнемъ Рейнѣ съ помощью галловъ. Но у союзниковъ возникли раздоры; галлы измѣнили батавамъ—и возстаніе было подавлено, а Цивилисъ умеръ въ римскомъ плѣну. При Неронѣ вспыхнуло возстаніе и въ Британіи, завоеванной его предшественникомъ. Британи (§ 261) управляла царица *Будикка*, которая поклялась отомстить римлянамъ: проконсулъ высѣкъ ее, опозорилъ ея дочерей, продалъ въ рабство ея родственниковъ. Бриты были побѣждены; Будикка отравилась. Но нужно было успокоить несчастныхъ — и Веспасіанъ послалъ къ нимъ умнаго и кроткаго *Агриколу*, который оградилъ ихъ отъ набѣговъ дикихъ каледонцевъ и *романизовалъ Британію*. Бриты усердно исполняли совѣты Агриколы, строили города, заводили школы, бани, галлереи и цирки, стали носить тоги и учиться полатыни. Тогда же, благодаря римскому флоту, узнали, что Британія — островъ. *Тита* любили еще больше, чѣмъ Веспасіана: его называли „отрадой человѣчества“. Онъ посвятилъ себя счастью 80 милліоновъ своихъ подданныхъ и считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не сдѣлалъ добра. Титъ высѣкъ доносчиковъ и продалъ ихъ въ рабство. Онъ принялъ званіе главнаго понтифекса, чтобы не имѣть права осквернять свои руки кровопролитіемъ, и не только простилъ двухъ патриціевъ-заговорщиковъ, но сдѣлалъ ихъ своими друзьями. Оттого народъ не волновался, когда Римъ постигли моръ, пожаръ и небывалое изверженіе Везувія (79), которое засыпало три города: *Herculaneum*, *Pompeji* и *Stabiae*. Геркуланеумъ открытъ въ 1709, Помпея—въ 1721 г.; но правиль-

ныя раскопки начались лишь въ нашемъ вѣкѣ. Титу наслѣдовалъ его братъ, *Домиціанъ*, напоминавшій Нерона. Онъ былъ не только кровожаденъ и трусливъ, но еще завистливъ: всякій видный человѣкъ былъ его соперникомъ и врагомъ. Особенно ненавистны были ему стоики, которые называли Ѳразею Пета (§ 263) „святымъ“ и собирались только для того, чтобы грустить и негодовать. Всѣ они были частью казнены, частью изгнаны. Домиціану хотѣлось пріобрѣсти и военные лавры. Онъ ходилъ въ Германію, откуда привелъ мирныхъ жителей подъ видомъ плѣнныхъ. Въ Мёзіи его разбили дикіе *даки*, вторгнувшіеся туда изъ нынѣшней Румыніи и Венгріи; онъ обязался платить имъ дань, а возвратившись въ Римъ, устроилъ тріумфъ и назвался Дакійскимъ. Затѣмъ Домиціанъ всюду сталъ видѣть враговъ,— и шпіонство развилось, какъ никогда. Тогда настало *второе гоненіе* на христіанъ зато, что они не хотѣли величать его „богомъ и господиномъ (dominus)“. Домиціанъ сталъ истреблять даже своихъ родственниковъ; но его умертвили придворные, съ вѣдома его жены.

§ 265. **Нерва, Траянъ, Гадріанъ.** Заговорщики дѣйствовали въ союзѣ съ *сенатомъ*, который теперь самъ назначилъ императора — стараго и бездѣтнаго *Нерву*. Въ глазахъ республиканцевъ и философовъ это было возстановленіемъ свободы. Нерва поклялся, что не будетъ казнить сенаторовъ самовольно, и истребилъ шпіоновъ. Его дворецъ былъ открытъ каждому, и на немъ красовалась надпись: „общественное зданіе“. Чувствуя необходимость опереться на солдатъ, Нерва, съ согласія сената, усыновилъ и назначилъ своимъ преемникомъ лучшаго полководца, уроженца римской колоніи въ Испаніи, *Траяна*. Съ тѣхъ поръ обязанностью каждаго умирающаго цезаря стало *усыновленіе и назначеніе себѣ преемника*, что́ нѣсколько замѣняло неутвердившееся въ Римѣ престолонаслѣдіе. Вручая мечъ начальнику тѣлохранителей, Траянъ сказалъ: „за меня, если буду справедливъ, и противъ меня, если буду несправедливъ“. Онъ возстановилъ значеніе сената и возвратилъ комиціямъ выборы магистратовъ. Въ судахъ воцарилось правило: „лучше отпустить преступника, чѣмъ осудить невиннаго“. Траянъ жилъ солдатомъ, запросто ходилъ къ старымъ знакомымъ, продалъ множество дворцовъ и виллъ и ввелъ такую экономію, что подати понижались, а казна богатѣла. Онъ устроилъ первый сиротскій домъ въ Римѣ и благотворительныя учрежденія даже по провинціямъ, а также много почтъ, школъ для дѣтей обоего пола и знаменитую библіотеку. Имъ были обласканы ученые и писатели; Плиній Младшій и Тацитъ были сдѣланы даже проконсулами. Со времени Августа никто не сооружалъ столько дорогъ, мостовъ, каналовъ, бань во всѣхъ трехъ частяхъ Свѣта. Траяна прозвали *Лучшимъ* (Optimus), и послѣ его смерти сенатъ желалъ каждому цезарю „быть счастливѣе Августа и лучше Траяна“. Траянъ

уничтожилъ даковъ: изъ ихъ поселеній за Дунаемъ образовалась римская провинція *Дакія*, куда устремились многіе римскіе колонисты. Затѣмъ Траянъ присоединилъ къ имперіи *Арменію* и *Месопотамію* и сдѣлалъ царя пароянъ своимъ вассаломъ. Онъ уже мечталъ о славѣ Александра Македонскаго; но умеръ среди похода. Но этотъ лучшій цезарь отличался тщеславіемъ. Онъ поставилъ много колоннъ, тріумфальныхъ арокъ и своихъ статуй, далъ свое имя многимъ городамъ, устраивалъ пышныя зрѣлища: однажды празднество длилось 123 дня, причемъ сражалось 10.000 гладіаторовъ и было убито столько-же звѣрей. При Траянѣ же разразилось *третье гоненіе на христіанъ*, которыхъ онъ считалъ преступнымъ политическимъ обществомъ; точно также преслѣдовали тогда друидовъ. Траяну наслѣдовалъ его родственникъ, *Гадріанъ* — человѣкъ даровитый, но тщеславный, завистливый и чувственный. Онъ поддерживалъ значеніе сената и много сдѣлалъ для развитія римскаго права. Врагъ войнъ, онъ построилъ валы въ Британіи и Германіи для огражденія отъ варваровъ и лично внушалъ миролюбіе легіонамъ, путешествуя по всей имперіи часто пѣшкомъ, съ непокрытой головой, причемъ ѣлъ солдатскую пищу — свиное сало да сыръ, и пилъ воду съ уксусомъ. Среди этихъ путешествій Гадріанъ дѣлалъ много добра, очаровывая всѣхъ своимъ милосердіемъ и обходительностью: между прочимъ онъ запретилъ господамъ убивать рабовъ. За нимъ слѣдовало множество мастеровыхъ и художниковъ; его называли „Возстановителемъ міра“. Въ одной Галліи Гадріанъ соорудилъ 50 амфитеатровъ. Явилось много новыхъ городовъ (Адріанополь во Ѳракіи). Гадріанъ самъ былъ музыкантомъ, ваятелемъ и живописцемъ; развалины его виллы у Тибура снабдили статуями всѣ музеи Европы. Онъ писалъ сочиненія, хорошо зналъ греческую литературу и устроилъ ученое учрежденіе, *Athenaeum*, для греческихъ философовъ и риторовъ: его называли Греченкомъ (Graeculus). Но этотъ полный представитель тогдашней культуры самъ вызвалъ жестокое кровопролитіе. Онъ вздумалъ обратить евреевъ въ римлянъ: Іерусалимъ превратился въ колонію *Aelia Capitolina*, и въ его храмѣ поставили статуи римскихъ божествъ, а Моисеева религія была воспрещена. Евреи возстали поголовно. Ими руководилъ „Сынъ звѣзды“, фанатикъ *Баркохабъ*, выдававшій себя за Мессію; онъ не давалъ пощады ни язычникамъ, ни христіанамъ. Но Баркохаба убили свои; іерусалимскій храмъ былъ сравненъ съ землей; у воротъ города поставили изображеніе свиньи (135). Евреевъ погибло болѣе полумилліона; остальные „разсѣялись“ по всей землѣ. Впослѣдствіи имъ позволили за плату разъ въ годъ плакать на развалинахъ Іерусалима. Подонецъ Гадріанъ сталъ жестокъ отъ мучительной болѣзни: онъ умертвилъ свою жену и нѣсколькихъ родственниковъ. Сенатъ хотѣлъ проклясть его память; но усыновленный имъ *Антонинъ* упросилъ не

лишать его апоѳеозы, за что и получилъ названіе Pius, т.-е. Преданный.

§ 266. **Антонины.** Спокойный, ласковый и милосердый Антонинъ былъ прозванъ „Отцемъ человѣчества“. Вступая на престолъ, онъ сказалъ женѣ: „тутъ намъ нѣтъ никакой выгоды; напротивъ, что было наше, то теперь должно принадлежать обществу“. Его дворецъ былъ открытъ для всѣхъ. Благодаря скромной жизни, у Антонина скоплялись большія суммы, которыя шли на бѣдныхъ, особенно на сиротъ: на одномъ памятникѣ онъ изображенъ среди дѣтей, простирающихъ къ нему руки. Антонинъ облегчилъ участь рабовъ и даже защищалъ христіанъ отъ фанатизма своихъ подданныхъ. Когда былъ открытъ одинъ заговоръ, народъ требовалъ казни; но цезарь отпустилъ виновныхъ, замѣтивъ: „не хочу, чтобы знали, сколько у меня враговъ“. Антонинъ устраивалъ школы, особенно женскія, возвышалъ жалованье риторамъ и философамъ. Онъ не дѣлалъ завоеваній, повторяя слова Сципіона: „лучше сберечь одного гражданина, чѣмъ убить тысячу враговъ“. Цари Индіи и Бактріи отдавали ему на судъ свои споры; изъ Парѳіи и Скиѳіи присылали ему золотые вѣнки; царь кавказскихъ иберовъ нарочно пріѣзжалъ въ Римъ взглянуть на Пія. Усыновленный Антониномъ *Маркъ Аврелій* уже 12-ти л. жилъ, какъ стоикъ—сидѣлъ въ классѣ въ простомъ философскомъ плащѣ, спалъ на голой землѣ; уже тогда онъ имѣлъ видъ старика, и его прозвали *Философомъ*. Онъ благоговѣлъ предъ памятью Антонина и подражалъ ему, особенно въ развитіи благотворительности. Самъ ученый и писатель, Маркъ Аврелій желалъ, чтобы всѣ были образованы, и основалъ много школъ, особенно женскихъ. Аѳиняне удостоили его за это посвященія въ элевзинскія таинства. Маркъ Аврелій питалъ отвращеніе къ крови и давалъ гладіаторамъ тупое оружіе; но и онъ допускалъ преслѣдованіе христіанъ (Юстинъ Мученикъ) и любилъ приносить жертвы. У Лукіана бѣлые волы говорятъ ему: „тебѣ побѣда, а намъ гибель“. Много крови пролилось при немъ и отъ войнъ. Римляне съ трудомъ отбились отъ *парѳянъ*, которые захватили-было Сирію, Арменію и часть Малой Азіи. Германцы перешли въ наступленіе. Вслѣдствіе движенія готовъ съ береговъ Нѣмецкаго м. на югъ и напора языговъ съ востока, многіе германскіе народцы, съ *маркоманами* во главѣ, перешли Дунай и достигли Аквилеи. Римляне лишились тогда до 100.000 одними плѣнными, не считая убитыхъ. Въ Римѣ молились и приносили жертвы; на форумѣ продавали дворцовыя драгоцѣнности; брали въ солдаты даже гладіаторовъ, рабовъ и преступниковъ. Марку Аврелію съ трудомъ удалось остановить германцевъ посредствомъ правила: divide et impera (§ 204); многіе гелейты поселились на границахъ для ихъ охраненія отъ сво-

ихъ же соплеменниковъ. Затѣмъ цезарь двинулся противъ языговъ, но умеръ въ Виндобонѣ (Вѣнѣ) въ 180 г.

§ 267. **Характеръ культуры 1-го и 2-го вв.** Культура 1-го и 2-го в., или *серебряный вѣкъ*, была болѣе блѣдною копіей эллинизма, чѣмъ „золотой вѣкъ“ и александрійская культура (§§ 170, 250). За недостаткомъ собственнаго содержанія, въ ней особенно развилась внѣшняя, *формальная* сторона. 1) *Риторство* (§§ 176, 252, 259) болѣе, чѣмъ когда-либо, проникло тогда во всѣ стороны жизни, что особенно возбуждало энергію въ христіанствѣ, которое было его отрицаніемъ. 2) Никогда такъ не развивался *матеріальный бытъ* и связанный съ нимъ *матеріализмъ*. Никогда такъ не сорили деньгами. Даже городская толпа, plebs urbana, почти все время проводила то въ трактирахъ, баняхъ и садахъ, то въ циркахъ и амфитеатрахъ. Ей раздавали уже не одинъ зерновой хлѣбъ, но также булки, масло, свинину, даже деньги и платье. Провинціальный городокъ Помпея (§ 264) поражаетъ насъ своимъ комфортомъ и роскошью. *Торговля* и *промышленность* достигли небывалыхъ размѣровъ отчасти оттого, что Италія кормилась только заграничнымъ хлѣбомъ. Здѣсь господствовало *крупное землевладѣніе* (§ 247): тогда говорили, что „большія имѣнія (latifundia) погубили Римъ“. Свободное крестьянство исчезло. Рабочіе состояли изъ рабовъ и отпущенниковъ; и они занимались лишь изготовленіемъ предметовъ роскоши. Но больше всего Италія щеголяла дорогими товарами другихъ странъ. Общество впало въ крайнюю чувственность, которую поощряли такіе матеріалисты на тронѣ, какъ Неронъ и Домиціанъ, Мессалина и Агриппина Младшая: за исключеніемъ немногихъ идеалистовъ, особенно стоиковъ, оно было образцомъ эпикуреизма низшаго разбора. У римлянъ почти исчезла семейная жизнь; у нихъ появились знаменитый гастрономъ на тронѣ (Вителлій) и первая поваренная книга (нѣкоего Апиція). Всюду замѣчается пресыщеніе: нѣтъ ни свѣжихъ радостей жизни, ни одушевленія высокими цѣлями. Общество искало только сильныхъ и противоестественныхъ ощущеній: его занимали кровавыя зрѣлища, громкія, напыщенныя фразы, да нелѣпыя тонкости софистики. Въ то же время развивалось до крайности раболѣпство и лесть. Городская толпа испортилась больше прежняго (§ 218); войска состояли не изъ гражданъ, а изъ наемниковъ, не признававшихъ ничего, кромѣ денегъ и добычи. 3) Недостатокъ внутренняго содержанія въ культурѣ возмѣщался ея *внѣшнимъ распространеніемъ*. Общество болѣе, чѣмъ въ золотомъ вѣкѣ (§ 252), стремилось усваивать и всюду разсѣивать готовое умственное достояніе: старались составлять библіотеки и музеи, гонялись за рѣдкими рукописями; увеличивалось число литературныхъ обществъ, книжныхъ лавокъ и произведеній искусства, особенно строительнаго; публичныя лекціи стали обычнымъ явленіемъ; къ писа-

тельству стремились не только Гадріанъ съ Маркомъ Авреліемъ, но и Неронъ съ Домиціаномъ. Въ то же время античная культура, которая овладѣвала въ александрійскую этоху Востокомъ, а въ золотомъ вѣкѣ Италіей (§§ 170, 248), проходила по всему Западу, *романизуя Европу*. Въ Галліи, Германіи, Британіи появился рядъ римскихъ колоній; нынѣшніе румыны—потомки легіонаровъ Траяна; главные города на Рейнѣ, Везерѣ, Дунаѣ, Ронѣ, Луарѣ, Темзѣ образовались изъ римскихъ лагерей и военныхъ поселеній. Здѣсь на форумахъ, въ баняхъ и амфитеатрахъ, въ библіотекахъ, музеяхъ и школахъ, было очевидно господство римской тоги; всюду интеллигенція говорила полатыни; и въ римской литературѣ уже мелькали имена провинціаловъ. Провинціи вообще благословляли имперію: ихъ облегчали отъ гнета податей; имъ давали права римскаго гражданства; за ихъ правителями строго слѣдили.

§ 268. **Серебряная латынь. Проза.** Тѣмъ же характеромъ отличалась *серебряная латынь*. Она ниже латыни вѣка Августа. Тогда начался даже упадокъ латинскаго языка: онъ принималъ мѣстные оттѣнки — *провинціализмы*, тѣмъ болѣе что римская интеллигенція пренебрегала имъ, увлекаясь греческимъ языкомъ. Хотя серебряная латынь была продолженіемъ золотой, но нѣкоторыми своими особенностями она болѣе напоминаетъ александрійскую литературу (§§ 171 — 174). 1) Золотая латынь была самостоятельна хотя по формѣ (§§ 253—256); серебряная же — *вполнѣ подчинялась греческому вліянію*, и именно какъ александрійцамъ, такъ и ихъ преемникамъ, греческимъ писателямъ 1-го и 2-го вв. по Р. Х. Послѣднихъ должно отнести скорѣе къ римской, чѣмъ къ греческой исторіи литературы; тогда нерѣдко и римскіе авторы писали погречески. 2) Подобно александрійской литературѣ, серебряный вѣкъ отличается развитіемъ *научнаго направленія*, хотя по внѣшней формѣ его проза слабѣе прозы вѣка Августа; и какъ въ Александріи, выдвигались науки точныя и реальныя. Во главѣ ученыхъ стоялъ *Птолемей*, работавшій въ александрійскомъ музеѣ. Онъ сдѣлалъ выводъ изъ прежнихъ отрывочныхъ знаній по астрономіи. Птолемеева система мірозданія, несмотря на свою основную ошибку (геоцентрическая теорія), признавалась до 16-го вѣка, а на Востокѣ почитается и теперь, благодаря арабскому переводу. То же сдѣлалъ Птолемей для географіи, пользуясь свѣдѣніями торговыхъ каравановъ. Наряду съ прекрасною „Географіей“ Страбона, жившаго въ Римѣ при Августѣ, трудъ Птолемея сталъ учебникомъ на многія столѣтія и послужилъ исходной точкой для великихъ открытій новаго времени. *Плиній Старшій*, погибшій жертвой любознательности въ 79 г. (§ 264), былъ образцомъ неутомимаго и честнаго чиновника и въ то же время рѣдкаго ученаго. Онъ читалъ и дѣлалъ выписки постоянно, даже за обѣдомъ и въ банѣ.

Его „Естественная Исторія“—сводъ всего, что̀ знали древніе о природѣ. Плиній боготворилъ природу, которая „все создала съ цѣлью, а именно на пользу человѣка“; но его трудъ проникнутъ мрачнымъ настроеніемъ и сентиментализмомъ: въ немъ отразилась высокая личность автора, страдавшаго среди нравственнаго паденія общества. И въ области медицины замѣтно стремленіе къ научной системѣ: таковъ трудъ врача Марка Аврелія, *Галена*, служившій учебникомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, какъ въ Европѣ, такъ и у арабовъ. Явился и первый научный трудъ по сельскому хозяйству, De re rustica, *Колумеллы*. Изъ наукъ нравственныхъ, или гуманистическихъ оживленіе замѣтно въ юриспруденціи и философіи. Какъ спеціальность римлянъ (§ 258), *юриспруденція* никогда не подвергалась у нихъ застою. Въ серебряномъ вѣкѣ было много скромныхъ ученыхъ, подготовлявшихъ юридическія знаменитости 3-го в. Такъ какъ они признавали всемогущество императорской власти, то цезари не мѣшали ихъ работѣ и даже покровительствовали имъ, нуждаясь въ ихъ совѣтахъ для управленія множествомъ разныхъ народовъ. Юристы, воспитанные въ школахъ прокуліанцевъ и сабиніанцевъ (§ 256), которыя не прекращались, собирали законы и дѣльно толковали ихъ. Тогда были установлены источники гражданскаго права—leges (старыя постановленія понтифексовъ и магистратовъ), senatus-consulta (сенатскіе приговоры), constitutiones principis (императорскія decreta, edicta, epistolae) и responsa prudentum (§ 256). А при Маркѣ Аврелiи, который самъ былъ юристъ, явились Institutiones *Гая*. Въ этомъ великомъ сочиненіи отразилась главная причина развитія юриспруденціи у римлянъ—ихъ міровыя завоеванія, которыя вели къ столкновенію римскихъ законовъ съ законами другихъ народовъ. Признавая за каждымъ народомъ свой взглядъ на вещи, а слѣдовательно и свои законы, Гай задался цѣлью взять изъ римскаго права то, что̀ соотвѣтствуетъ разуму всѣхъ націй:—вотъ идея, которая превратила римское право во *всеобщее*. *Исторіографія* представляетъ уже упадокъ. Она состояла преимущественно изъ записокъ о современныхъ событіяхъ: въ этомъ смыслѣ любознательность была развита; Acta diurna (§ 252) читались съ жадностью. Подъ гнетомъ деспотизма исторіографія страдала отсутствіемъ критики, риторствомъ и безнравственностью. Благодаря секретарю Гадріана, *Свето́нію*, она превратилась въ собраніе анекдотовъ. Но и въ исторіографіи серебряной латыни было крупное исключеніе: это — *Тацитъ*, первый послѣ Ѳукидида (§ 133) историкъ древности, умершій при Гадріанѣ. Лѣтъ 45-ти Тацитъ написалъ біографію Агриколы (§ 264), какъ доблестнаго республиканца; затѣмъ появилась Germania (§ 262), гдѣ противопоставляются лучшія черты варваровъ порочности и изнѣженности римлянъ. Важнѣе Historiae и Annales, гдѣ описываются событія 14—96 гг. Труды

Тацита—сами историческое явленіе. Это—голосъ самаго развитаго и нравственнаго человѣка своего времени, который скорбѣлъ, тонко наблюдая пороки, и приходилъ къ taedium vitae (жизнь въ тягость!); это — историческая элегія и вмѣстѣ съ тѣмъ сатира; оттого здѣсь нельзя искать объективной оцѣнки событій, хотя факты собраны съ строгой критикой. Тацитъ—идеалъ стараго римлянина: хотя близкій къ стоикамъ и Сенекѣ, онъ вѣритъ въ боговъ и фатумъ. Тацитъ — республиканецъ: признавая принципатъ и римское міродержавіе, онъ требуетъ свободы личности и уваженія къ особенностямъ народовъ; онъ скорбитъ о томъ, что въ формахъ цивилизаціи развивается рабство. Къ сожалѣнію, языкъ Тацита слишкомъ кратокъ, иногда до темноты. Греческіе историки серебрянаго вѣка нѣсколько лучше латинскихъ. Во главѣ ихъ стоитъ учитель и другъ Гадріана, весьма начитанный философъ *Плутархъ*. Его богатыя по матеріалу „Біографіи“ знаменитыхъ грековъ и римлянъ проникнуты гуманнымъ чувствомъ и занимательны, хотя лишены критики: это—историческіе панегирики. Плутархъ—одинъ изъ послѣднихъ столповъ эллинизма: онъ защищалъ даже Олимпійцевъ отъ нападокъ философіи. Главный путешественникъ того времени, *Павзаній*, оставилъ въ своемъ „Путеводителѣ по Греціи“ богатое собраніе свѣдѣній по исторіи, географіи и искусству Эллады; особенно много у него религіозныхъ древностей. Но языкъ Павзанія—плохое, изысканное подражаніе Θукидиду. Еврей *Іосифъ Флавій* обстоятельно описалъ послѣднее возстаніе своего народа (§ 264), въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, но потомъ передался врагамъ и долго жилъ въ Римѣ. Вслѣдствіе деспотизма ораторамъ было мало простора: можно было говорить публично только адвокату, да автору на рецитаціяхъ (§ 252). А между тѣмъ ритор-ство было душой интеллигенціи и воспитанія. Оно состояло изъ краснорѣчія и діалектики. *Краснорѣчіемъ* называлось искусство говорить фразисто, съ особенною *декламаціей* и жестами; *діалектикой* — умѣнье подбирать софизмы (§ 121), такъ что риторовъ называли „новыми софистами“. Иногда софистъ объявлялъ, что сегодня онъ будетъ доказывать одно, а завтра — совсѣмъ другое; и ему рукоплескали, его закидывали вѣнками и золотомъ, ему отдавали учить дѣтей за дорогую плату. Появленіе новаго софиста съ именемъ было событіемъ въ Римѣ: его аудиторія наполнялась не меньше, чѣмъ цирки и бани. Риторамъ давались важныя должности; ихъ отправляли послами. Особенно силенъ былъ наплывъ греческихъ риторовъ, которыхъ было много даже во дворцѣ, гдѣ они играли иногда вліятельную роль. Латинское риторство процвѣтало особенно въ Галліи и Испаніи, давшей главнаго ритора Квинтиліана. *Квинтиліанъ*, жившій при дворѣ Флавіевъ, прославился „Учебникомъ краснорѣчія“ (Institutiones oratoriae), которымъ пользовались въ теченіе всѣхъ сред-

нихъ вѣковъ. Отличаясь здравымъ смысломъ и вкусомъ, онъ требовалъ простоты и возвращенія къ Цицерону. Софисты были и филологами, но жалкими — именно *комментаторами*, или глоссаторами (§ 172), да *компиляторами* (compilare — грабить), подбиравшими мѣста изъ разныхъ авторовъ. Компиляторы важны только тѣмъ, что у нихъ сохранилось многое изъ недошедшихъ до насъ авторовъ.

§ 269. **Поэзія.** 3) Третьей отличительной чертой серебряной латыни была *слабость эстетической стороны*. Здѣсь поэзія ниже прозы. Процвѣтала только *сатира*, какъ латинская, такъ и греческая. Глава римскихъ сатириковъ, *Ювеналъ*, заявилъ, что „негодованіе создаетъ стихъ“. Онъ былъ сосланъ Домиціаномъ въ Египетъ зато, что задѣлъ придворнаго танцора. Ювеналъ открыто и безпощадно казнилъ живыхъ представителей порока. У него столько благороднаго одушевленія, что въ средніе вѣка его прозвали „учителемъ нравственности“ (ethicus). Другимъ характеромъ отличался стоикъ и другъ Ѳразеи Пета (§ 263), *Персій*, чистая и пылкая натура. Онъ жилъ слишкомъ мало (28 л.), чтобы знать людей, и поэтому бичевалъ лишь общіе типы порока. Тонъ его сатиръ мягкій и элегическій. Тогда развились два новыхъ вида сатиры: *юмористическій разсказъ* и *эпиграмма* въ нашемъ смыслѣ слова (§ 251). Творцомъ перваго былъ другъ Нерона, *Петроній*, который заправлялъ забавами при дворѣ, а потомъ принужденъ былъ открыть себѣ жилы. Satiricon Петронія — собраніе смѣшныхъ и грязныхъ разсказовъ о похожденіяхъ двухъ отпущенниковъ. Здѣсь не казнится порокъ: авторъ подсмѣивается только надъ забавными положеніями, въ которыя попадаетъ порокъ. Эпиграмма была разработана испанцемъ *Марціаломъ*, который льстилъ цезарямъ и развлекалъ богачей грязными шутками. Онъ прокучивалъ все, что получалъ, до того, что у него протекала крыша и часто не было приличной тоги. Марціалъ не негодовалъ на порокъ, не затрогивалъ личностей; онъ съ беззаботною веселостью описывалъ скандалы и неприличія. Оттого его эпиграммы были такимъ же любимымъ чтеніемъ высшаго общества, какъ разсказы Петронія и стихи Овидія (§ 255). Главный греческій сатирикъ, *Лукіанъ*, много путешествовалъ и славился, какъ софистъ. Его „Разговоры“ (особенно „въ царствѣ мертвыхъ“) не уступаютъ Платоновымъ по своему изяществу и напоминаютъ Аристофана по своей аттической соли (§ 132). Лукіанъ, называвшій себя „цензоромъ глупостей“, былъ скептикъ, хорошо понимавшій пороки своего времени. Ловко бичуя политеизмъ, онъ задѣвалъ и христіанство; разоблачая эпикурейцевъ, онъ не щадилъ и стоиковъ съ циниками. Лукіанъ важенъ еще, какъ отецъ *романа*, которому онъ придалъ также сатирическій характеръ. Тогда романисты выбирали подъ вліяніемъ Востока форму сказки или „метаморфозъ“ (превращенія людей въ животныхъ и наоборотъ). Латин-

скимъ романистомъ-сатирикомъ былъ африканецъ *Апулей*, много путешествовавшій и дотого посвященный въ мистеріи, что его считали чародѣемъ. Его „Золотой Оселъ“ или „Метаморфозы“ — блестящая сатира въ формѣ разсказа о приключеніяхъ человѣка, превращеннаго въ осла. Языкъ Апулея, пышный и образный, но полный архаизмовъ и провинціализмовъ, послужилъ основаніемъ *африканской латыни*. Въ „Золотомъ Ослѣ“ одна разбойница разсказываетъ прелестную сказку объ Амурѣ и Психеѣ.

§ 270. **Разложеніе политеизма.** Процвѣтаніе философіи серебрянаго вѣка связано съ состояніемъ религіи. Тогда настало полное *разложеніе политеизма* (§ 247), особенно въ Римѣ, подъ вліяніемъ научной критики, сатиры и пантомимовъ, изображавшихъ самыя забавныя сцены изъ миѳологіи. Жизнь высшаго круга была пародіей веселаго быта Олимпійцевъ. Самъ „Священный“ Августъ устраивалъ „пиры 12-ти бо́говъ“, причемъ мужчины и женщины играли роль Олимпійцевъ. Въ то же время цезари почитали Зороастра, Пиѳагора и Платона, статуи которыхъ ставили во дворцѣ рядомъ со статуями Олимпійцевъ и съ изображеніемъ Христа. Жрецы не отставали отъ нихъ: уже при Цицеронѣ двое авгуровъ не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, исполняя свою службу. Оттого народъ осмѣивалъ старые оракулы, и во 2-мъ в. одинъ греческій философъ издалъ собраніе „лганья“ Пиѳіи, которое читалось съ жадностью. Политеизмъ подрывался еще тѣмъ, что въ Римѣ онъ былъ *государственнымъ учрежденіемъ*: пока существовало римское государство, нужно было поддерживать внѣшнія формы религіи, утратившей свое содержаніе. Это проповѣдовали даже такіе враги язычества, какъ Цицеронъ, Сенека и стоики. Цезари носили званіе pontifex maximus, ставъ уже христіанами; и Сивиллины книги были спрошены въ послѣдній разъ лишь при Юліанѣ. Столь же долго сохранялась *апоѳеоза*: сенаторы и всадники выносили на рукахъ на Марсово Поле восковую фигуру умершаго цезаря и, зажегши костеръ, выпускали изъ него орла — душу покойнаго, возлетавшую на небо; а по всей имперіи ставили храмы новому божеству и приносили ему жертвы. Лишившись религіи, народъ чувствовалъ тоску, которая выражена въ *Климентинахъ*: въ этомъ романѣ патриція Климентъ разсказываетъ, какъ онъ мучился отъ безвѣрія, пока не нашелъ успокоенія въ христіанствѣ. Въ сказкѣ Апулея Психея (душа) томится на землѣ, пока Амуръ (божественное Откровеніе) не уноситъ ее на небо, какъ свою невѣсту. Ища выхода изъ этой тоски, толпа впадала въ синкретизмъ и суевѣріе, а интеллигенція увлекалась философіей. *Синкретизмъ* въ религіи есть безсмысленное, внѣшнее смѣшеніе различныхъ вѣрованій. Онъ начался съ Александра Великаго, вмѣстѣ съ паденіемъ народностей (§ 175), и способствовалъ развитію космопо-

литизма, расчищая путь христіанству. Синкретизмъ развивался вмѣстѣ съ завоеваніями римлянъ (§ 259). Въ серебряномъ вѣкѣ особеннымъ почетомъ пользовался *Митра* (§ 50); но подлѣ него было множество боговъ трехъ частей Свѣта. *Баалъ* (§ 36) почитался въ Сиріи подъ именемъ Elagabal; его жрецъ сталъ цезаремъ, принялъ его имя и женился на весталкѣ. Даже *Моисеевъ законъ* сталъ распространяться внѣ Іудеи, особенно среди женщинъ, чего никогда не было. *Суевѣріе* проявлялось въ различныхъ формахъ. 1) Ханжество, или увлеченіе внѣшностью культа. Тогда идолъ сталъ божествомъ, и религія снизошла на степень фетишизма (Введ. § 6), превратилась въ процессіи, соединенныя то съ оргіями, то съ самоистязаніями. Особенно уродовали себя поклонники Кибелы (§ 68) — *евнухи*, которыхъ можно было встрѣтить въ каждомъ зажиточномъ домѣ въ видѣ слугъ. 2) Крайне развивалась вѣра въ примѣты и предзнаменованія. Августъ печалился, если одѣвалъ обувь вмѣсто лѣвой ноги на правую; Плиній Старшій вѣрилъ въ талисманы. 3) Повсюду распространилось чародѣйство: Пиѳію замѣнили „халдеи, маги и mathematici“ (§ 264), которымъ вѣрили цезари и интеллигенція. Появились кудесники, основывавшіе даже новые культы. *Александръ изъ Абонотейха* (въ Пафлагоніи) устроилъ оракулъ, не уступавшій Пиѳіи и посвященный Эскулапу, котораго изображала большая змѣя. 4) Мистицизмъ, лежавшій въ основѣ всего суевѣрія, спеціально проявлялся въ *мистеріяхъ*, которыя никогда не пользовались такимъ почетомъ. Кромѣ элевзинскихъ (§ 128), возникло много новыхъ таинствъ, связанныхъ съ божествами Востока. Особенно славились *миѳреи* и *изіаки*, въ честь Миѳры и Изиды съ Сераписомъ (§ 15). Тутъ даже цезари носили идоловъ въ процессіяхъ, держали посты, бичевали себя. Въ большомъ ходу были еще *тавроболіи*,— мистеріи Кибелы: тутъ закалывали быка и окроплялись его кровью, что̀ называлось „крещеніемъ кровью и возрожденіемъ“.

§ 271. **Философія**. Съ паденіемъ политеизма интеллигенція вдавалась въ философію, которая была не столько наукой, сколько вѣрованіемъ: каждая философская школа отличалась своимъ образомъ жизни и даже своею внѣшностью, какъ особая община. Оттого никогда еще философія не была такъ распространена. Еще существовали старыя школы: пиѳагорейцы, перипатетики, циники, эклектики, скептики, академики (§§ 99, 153, 155, 173, 250). Эпикуреизмъ вліялъ на массу; стоицизмъ имѣлъ меньше учениковъ, но то были наиболѣе развитые люди и лучшіе цезари. Впрочемъ это былъ уже *новый стоицизмъ*, проникнутый любовью къ ближнему, состраданіемъ. Во главѣ его стоятъ Сенека и Маркъ Аврелій. *Сенека Философъ*, воспитатель и жертва Нерона (§ 263), характеромъ похожій на Цицерона (§ 230), осмѣивалъ язычество и проповѣдовалъ всеобщее

братство: христіанскіе писатели пользовались его Epistolae morales, и сложилось преданіе объ его перепискѣ съ ап. Павломъ. Сочиненіе *Марка Аврелія* „Къ самому себѣ“ (Εις ἑαυτὸν) проникнуто тѣмъ же идеализмомъ и человѣколюбіемъ. Кромѣ новаго стоицизма, возникло еще нѣсколько новыхъ школъ въ философіи подъ вліяніемъ Востока. Таково ученіе *Аполлонія Тіанскаго*, который родился ок. Р. Х., много путешествовалъ и былъ пиѳагорейцемъ. Его весьма нравственныя проповѣди имѣли огромный успѣхъ: во многихъ городахъ ему ставили храмы. Аполлоній смѣло критиковалъ правительство и умеръ въ темницѣ. Еще сильнѣе отражалось вліяніе Востока на школахъ, возникавшихъ въ Александріи. Во главѣ ихъ стоитъ ученіе *Филона*, прозваннаго „еврейскимъ Платономъ“. Его цѣлью было сдѣлать Моисеевъ законъ міровою религіей, освѣживъ его Платономъ Ученіе Филона, враждебнаго христіанству не менѣе фарисеевъ, пріучало язычниковъ къ единобожію. Оно вліяло на развитіе философіи 3-го в.: важно его разъясненіе ветхозавѣтнаго ученія о Богѣ, Словѣ (λόγος) и Духѣ. Христіанская секта гностиковъ связана съ ученіемъ Филона. *Терапевты*, жившіе близъ Александріи общинами, вродѣ монашества, примыкали частью къ Филону, частью къ христіанству. Совсѣмъ не то *каббала* — ученіе, возникшее тогда у палестинскихъ евреевъ. Это—смѣсь Моисея съ Зороастромъ (§ 52): тутъ переселеніе душъ и цѣлый міръ духовъ чистыхъ и падшихъ. Наконецъ *мистеріи* отчасти относились къ философіи: ихъ эсотерическое ученіе (§ 128) больше прежняго приближалось къ ученію объ единомъ и идеальномъ божествѣ. Возникали философскія ученія и въ христіанствѣ подъ именемъ *ересей* (αἵρεσις уже у греческихъ философовъ значило особое мнѣніе). Особенно важенъ былъ *гностицизмъ*. Гностики создали цѣлую религіозно-философскую систему (γνῶσις — истинное знаніе)—смѣсь христіанства съ классическимъ политеизмомъ, съ Платономъ и съ религіями Востока. Однимъ изъ первыхъ гностиковъ былъ александрійскій еврей-христіанинъ, *Церинѳъ* (ок. 100 г.), противъ котораго написано Евангеліе Іоанна. Онъ основалъ еще *хиліазмъ*—ученіе, по которому ожидается новое воплощеніе Христа, когда начнется „тысячелѣтнее“ царство блаженства, а за нимъ — кончина міра. Гностицизмъ упорно держался, привлекая интеллигенцію; но онъ вскорѣ распался на много толковъ: одни склонялись болѣе къ Зороастру, другіе къ Платону; одни впадали въ аскетизмъ, другіе въ распущенность. Гностицизмъ поддерживалъ догматическое развитіе христіанства: онъ вносилъ въ него античную науку и искусство. Нравственному развитію христіанства содѣйствовалъ *монтанизмъ*, основанный жрецомъ фригійской Кибелы, мечтателемъ Монтаномъ, который считалъ себя Параклетомъ — „Утѣшителемъ“, обѣщаннымъ Христомъ. Въ отпоръ паденію нравовъ, Монтанъ стремился устроить

аскетическое „общество святыхъ“: онъ гнушался даже развлеченіями, наукой и искусствомъ.

§ 272. **Искусство.** Въ серебряномъ вѣкѣ греческое искусство совсѣмъ пало; но для *римскаго* искусства то была эпоха *процвѣтанія*. Ему покровительствовали цезари и досужіе богачи, лишенные политической жизни; аѳинскій Крезъ и чудакъ, риторъ *Иродъ Аттикъ*, соперничалъ съ Антонинами въ роскоши построекъ и хотѣлъ даже прорыть Исѳмъ. Тогда очень развилась техника; но художники льстили цезарямъ и угождали испорченному вкусу общества: ихъ работы отличались напыщенностью, избыткомъ украшеній и восточною колоссальностью. Особенно развилось *зодчество*, которое щеголяло аркой, коринѳскою колонной и массивностью дворцовъ, амфитеатровъ, бань, водопроводовъ, монументовъ. Вотъ его главные образцы въ Римѣ. 1) *Colosseum* (Колизей) Веспасіана — модель для другихъ амфитеатровъ; онъ состоялъ изъ 3 этажей съ аркадами дорическими, іоническими и коринѳскими. 2) *Тріумфальная арка Тита*, въ память разрушенія Іерусалима; на ней изображены взятыя римлянами еврейскія святыни. 3) *Колонна Траяна* (16 саж. вышины), на которой сначала стояла статуя Траяна, потомъ изображеніе св. Петра. Эта колонна, послужившая образцомъ для Вандомской, покрыта надписями и 2.500 фигуръ (2 фута выш. каждая), изображающихъ походы Траяна. 4) *Moles Hadriani* — гробница, извѣстная подъ именемъ „Замка св. Ангела“, потому что на ней воздвигнута статуя архангела Михаила. *Живопись* того времени ничтожна, да и мало сохранилось отъ нея; фрески стали тогда модой во всѣхъ богатыхъ домахъ, но онѣ грубы и черезчуръ роскошны. Римское *ваяніе* отличалось тогда *реальнымъ*—историческимъ и портретнымъ — направленіемъ, которое никогда въ древности не достигало такого развитія; образцами считаются барельефы на монументахъ Траяна и статуи рода Флавіевъ. Развитіе римскаго стиля было пріостановлено Гадріаномъ, который старался воскресить эллинское искусство съ его идеализаціей и религіозностью. Это привело только къ одному изящному типу — къ статуямъ *Антиноя*, любимца Гадріана; въ нихъ идеализація древнихъ Аполлоновъ, соединенная съ грустью. Эти статуи можно было встрѣтить въ каждомъ зажиточномъ семействѣ: тосковавшее общество видѣло въ этомъ миломъ юномъ обликѣ выраженіе своей собственной судьбы. Съ Гадріана начинается *паденіе римскаго искусства*, которое покинуло реализмъ, сбивалось на неудачное подражаніе эллинизму, даже впадало въ миѳологію.

§ 273. **Господство солдатъ. Германцы и ново-персы.** Послѣ Марка-Аврелія (§ 266) настала эпоха паденія имперіи, названная *господствомъ солдатъ*. Подобно предшествовавшей эпохѣ лучшихъ императоровъ (§ 264), она продолжалась около столѣтія (180—284).

Военный деспотизмъ вполнѣ установился около 200 г., при африканцѣ *Септиміи Северѣ*, котораго поставили иллирійскіе *легіоны*, возставшіе противъ столичныхъ преторіанцевъ. Хорошій полководецъ и солдатъ по простотѣ жизни, но грубый, лукавый и суевѣрный человѣкъ, Северъ объявилъ сенату, что палка — лучшее средство

Тріумфальные ворота Тита. Въ Римѣ.

правленія. Онъ казнилъ до 40 сенаторовъ и много богатыхъ провинціаловъ. Легіонары были осыпаны милостями и поставлены выше всѣхъ гражданскихъ чиновъ. Старые преторіанцы, избалованные сынки богатыхъ итальянцевъ, были уничтожены: ихъ замѣнила гвардія изъ 50.000 удалыхъ провинціальныхъ легіонаровъ. Префектъ новаго пре-

торіума сталъ первымъ лицомъ послѣ цезаря: онъ даже издавалъ императорскіе законы. Римъ сталъ другой: пали старые преторіанцы, сенатъ, даже авгуры; Северъ держалъ христіанъ при дворѣ; власть перешла къ провинціальнымъ легіонамъ. Умирая, Северъ сказалъ дѣтямъ: „обогащайте солдатъ—и плюйте на все!“ Но солдаты тотчасъ же оказались бѣдствіемъ для имперіи. Они превратились частью въ трусливыхъ лавочниковъ, переженившись на провинціалкахъ, частью въ разбойниковъ. Легіоны дрались между собой изъ-за добычи, ходили на преторіанцевъ, играли короной: иногда продавали престолъ съ молотка; однажды въ теченіе 8 л. царствовало 19 цезарей. Вообще на каждаго императора приходилось менѣе 4-хъ л. правленія: они погибали по большей части насильственною смертью. Произошелъ застой въ матеріальной культурѣ: народъ погибалъ отъ солдатскихъ разбоевъ и тяжкихъ налоговъ; число жителей падало. Идеальной культуры не могло быть среди отупѣвшаго общества; она была только у христіанъ, которыхъ продолжали преслѣдовать. Въ то же время внѣшніе враги дотого усилились, что перешли въ *наступленіе* на сѣверѣ и востокѣ. У германцевъ началось въ 3-мъ в. образованіе союзовъ изъ мелкихъ народцевъ, этого зародыша новыхъ націй. Раньше всѣхъ возникли этимъ путемъ на Майнѣ *алеманы*; они первые перешли въ наступленіе и доходили почти до Рима, гдѣ жители вопрошали Сивиллины книги и обносили городъ стѣной. Союзъ *франковъ* распадался на 2 части: у нижняго Рейна жили салическіе франки, а къ югу отъ Кельна—рипуарскіе, „береговые“. Тѣснимые съ востока саксами, франки перешли Рейнъ, отняли у римлянъ Бельгію и дѣлали набѣги на Галлію, Испанію, даже Африку. Союзъ *саксовъ*, (англы, юты и др.) помѣщался между Эмсомъ и Эльбой и славился морскими набѣгами на берега Галліи. Они сообщили всей сѣв. Германіи свое нижне-нѣмецкое нарѣчіе (Platt-Deutsch). Между саксами, алеманами и франками жили *тюринги*, *швабы* и *бургунды*. На первыхъ порахъ важнѣе всѣхъ былъ союзъ *готовъ*, жившихъ сначала въ Скандинавіи. Это—смѣсь германцевъ (вандалы, герулы и др.) съ славянами. Въ 4 в. готы жили отъ Балтики до Тиссы, Дуная и Дона, подчинивъ себѣ эстовъ и славянъ южной Россіи. Уже тогда цезари должны были откупаться отъ нихъ и давать имъ земли. На своихъ ладьяхъ съ высокою крышей, готы грабили до Спарты, Трапезунта и Крита. Днѣстръ раздѣлялъ ихъ на *остготовъ* (восточныхъ) и *вестготовъ* (западныхъ). У готовъ рано появились христіанство и письмо: съ первымъ они познакомились уже въ Крыму, благодаря мало-азійскимъ плѣнникамъ; а на Дунаѣ готъ *Ульфила*, бывшій сначала заложникомъ въ Византіи, перевелъ Библію на языкъ своего народа (ок. 350), составивъ азбуку изъ греческихъ буквъ и рунъ; этотъ древнѣйшій нѣмецкій письменный документъ сохранился не въ

цѣломъ видѣ. На восточной границѣ у Рима явился врагъ, гораздо болѣе опасный, чѣмъ парѳяне (§ 163), эти туранскіе пришлецы, которые всегда были ненавистны туземнымъ персамъ. Въ 226 г. персы возстали. Ихъ вождемъ былъ *Ардширъ*, сынъ Сассана, происходившаго, по преданію, отъ Ахеменидовъ (§ 67). Онъ разбилъ парѳянъ и основалъ *ново-персидское царство Сассанидовъ*, которое существовало болѣе 400 л. Сассаниды составили соборъ маговъ въ Балкѣ (Бактра), на которомъ Зендавеста, погибшая вскорѣ послѣ Александра Македонскаго, была вновь написана по памяти и переведена на пельви (§ 52). Они навязывали свое *огнепоклонство* всѣмъ своимъ подданнымъ, преслѣдуя другія религіи, въ особенности христіанство: *Мани*, желавшій слить ученія Христа и Зороастра, былъ замученъ, а христіанскіе еретики (несторіане) пользовались милостями Сассанидовъ. Столь же крѣпко было политическое единство персовъ, столицей которыхъ сталъ *Мадаинъ*, на развалинахъ Селевкіи и Ктезифона. Оттого уже сынъ Ардшира, *Шапуръ*, взялъ въ плѣнъ цезаря Валеріана (260), который и умеръ въ неволѣ.

§ 274. **Каракалла. Авреліанъ. Реформы Діоклеціана.** Цезари временъ господства солдатъ напоминали Нерона и Домиціана. Ихъ типомъ служатъ Каракалла и его родственникъ, Элагабалъ (211 — 222). *Каракалла* умертвилъ своего брата, Гету, на рукахъ матери и казнилъ до 20.000 людей, сочувствовавшихъ жертвѣ, съ ихъ женами и дѣтьми, въ томъ числѣ своего учителя, *Папиніана*, который отвѣчалъ на предложеніе оправдать братоубійство: „легче совершить преступленіе, чѣмъ оправдать его“. Въ Александріи Каракалла собралъ все лучшее юношество, подъ предлогомъ солдатскаго набора, перебилъ его и заживо похоронилъ раненыхъ вмѣстѣ съ мертвыми; а на пиру у себя онъ перерѣзалъ именитыхъ гражданъ; при этомъ были уничтожены музей и знаменитая школа (§ 170). Конфискацій не хватало на затѣи Каракаллы, который устраивалъ дорогіе бои звѣрей и объявилъ себя вторымъ Александромъ Македонскимъ. Чтобы увеличить доходы казны, онъ даровалъ всѣмъ провинціаламъ право римскаго гражданства: эта мѣра дала ему возможность также приравнять римлянъ къ провинціаламъ, лишивъ ихъ свободы отъ податей. Къ концу эпохи явились лучшіе, *сѣверные*, императоры, уроженцы придунайскихъ странъ. Главнымъ изъ нихъ былъ *Авреліанъ*, человѣкъ умный и энергическій, но крайне строгій и властительный: онъ любилъ почести, тріумфы и первый надѣлъ діадему (§ 71); народъ называлъ его „Укротителемъ сената“, а солдаты — „Мечъ-въ-рукѣ“. Его называли также. „Возстановителемъ міра“ зато, что онъ защитилъ границы имперіи и завоевалъ *Пальмиру* Торговая станція изъ дальней Азіи въ Европу, этотъ сирійскій оазисъ славился богатствомъ еще при Саломонѣ, а при Селевкидахъ сталъ новыми Аѳинами, по

развитію эллинской культуры. При Авреліанѣ въ Пальмирѣ царствовала отважная и умная *Зиновія*, походившая наружностью на Клеопатру (§ 242), отъ которой она вела свой родъ. Она ходила, вооруженная, среди солдатъ въ походахъ, знала погречески и полатыни, писала историческія записки; главнымъ правителемъ у нея былъ ея учитель, дѣльный писатель *Лонгинъ*. Эта „Новая Семирамида“ овладѣла Египтомъ, отразила нападенія персовъ у Евфрата и гóтовъ въ Виѳиніи. Авреліанъ разрушилъ Пальмиру, отъ которой сохранились величественныя развалины; Зиновія въ золотыхъ цѣпяхъ шла за его тріумфальной колесницей, запряженной оленями. Авреліанъ былъ убитъ за строгость. Вскорѣ послѣ того (285) войска поставили на престолъ самаго важнаго изъ сѣверныхъ императоровъ, *Діоклеціана*; но онъ подавилъ ихъ господство и открылъ эпоху *гражданскаго порядка*. Сынъ раба изъ Діоклеи (въ Далмаціи), Діоклеціанъ напоминалъ Августа дипломатическою ловкостью, а также суевѣріемъ: онъ былъ окруженъ ворожеями, назвалъ себя Юпитеромъ и иногда являлся въ видѣ этого божества. Реформы Діоклеціана были отрицаніемъ античнаго міра. 1) Остатки республиканизма были замѣнены *монархическими формами*. Сенатъ лишился послѣднихъ правъ: не стало ни сенатской казны, ни сенатскихъ провинцій. Были покинуты даже республиканскія званія консула, цензора и трибуна: Діоклеціанъ называлъ себя только imperator. Преторіанцы были замѣнены гвардіей изъ сѣверныхъ легіоновъ. Самый Римъ утратилъ свое значеніе: Діоклеціанъ не жилъ въ немъ. Возникъ порядокъ, особенно въ финансахъ и судахъ; провинціи были ограждены отъ взяточниковъ, а подданные отъ шпіоновъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ цезаризмъ принялъ формы *восточнаго султаната*. Діоклеціанъ носилъ діадему и царское облаченіе, завелъ пышный этикетъ съ толпой придворныхъ; передъ нимъ падали на колѣна, величали его *dominus* (государь); а имперіей овладѣла обширная чиновничья іерархія, передъ которой исчезли права „римскихъ гражданъ“. Все это требовало огромныхъ издержекъ: отъ гнета налоговъ земледѣльцы бѣжали въ лѣса; рабочіе страдали еще оттого, что была назначена „высшая“ плата (maximum), или такса на трудъ. Общество томилось и нравственно отъ деспотизма: особенно жестоко было *гоненіе на христіанъ*, исполнявшееся новыми, рьяными чиновниками. 2) Явилось *раздѣленіе имперіи*, о которомъ давно думали. Оно было необходимо вслѣдствіе обширности государства, усиленія враговъ, пестроты населенія и различія въ греческой и римской культурѣ. Діоклеціанъ назначилъ своимъ соправителемъ земляка, грубаго *Максиміана*, называвшаго себя Геркулесомъ: оба носили титулъ *августа*. Діоклеціанъ управлялъ *Востокомъ* и жилъ въ Никомедіи; Максиміану достался *Западъ*, а жилъ онъ въ Миланѣ. Границей между Востокомъ и Западомъ служило Адріатическое море. Эта

мѣра оказалась столь удачною, что оба августа взяли себѣ по помощнику, или *цезарю*, которые считались наслѣдниками престола. Цезарь *Галерій* получилъ *Иллирикъ* (теперь Греція, Далмація, Венгрія, Румынія); *Констанцію Хлору* (Блѣдному) дали Галлію, Испанію и Британію, съ столицей Триромъ. Діоклеціанъ оставилъ себѣ Азію, Египетъ, Ѳракію и Македонію, а Максиміанъ — Италію и Африку. Такъ образовалась *тетрархія* (четверовластіе), но единство имперіи сохранялось: всѣ слушались Діоклеціана.

§ 275. **Безпорядки.** Сначала тетрархія была полезна: были отражены враги и усмирены бунты, въ томъ числѣ опасное возстаніе *багодовъ* въ Галліи—крестьянъ, угнетенныхъ римлянами и кельтскою аристократіей. Но потомъ настали смуты: одно время было разомъ 6 императоровъ. Честолюбивый и свирѣпый Галерій, особенно мучившій христіанъ, восклицалъ при полученіи писемъ: „До какихъ же поръ все только *цезарь?*“ Онъ заставилъ Діоклеціана, удрученнаго болѣзнью и страхомъ возстанія христіанъ, отречься отъ престола и принудить къ тому же Максиміана (305). Діоклеціанъ поселился на родинѣ, въ огромномъ дворцѣ, на развалинахъ котораго лежитъ теперь г. *Спалатро;* здѣсь онъ занимался постройками и огородничествомъ, хвастаясь своею капустой. Галерію удалось обманомъ и насиліемъ захватить всю имперію, кромѣ владѣній доблестнаго Констанція, въ которомъ античная культура счастливо сливалась съ христіанствомъ: его жена, *Елена*, была христіанка, и христіане занимали у него важныя должности. Добрый и справедливый Констанцій не жалѣлъ средствъ для блага подданныхъ, въ особенности же для просвѣщенія, и ничего не оставилъ послѣ себя. Сынъ его, *Константинъ*, холодный дипломатъ, скрывавшій честолюбіе подъ личиной безпечности и простоты, былъ рѣдкимъ политикомъ и полководцемъ; онъ отличался величавымъ видомъ и мощнымъ сложеніемъ. Константинъ былъ сначала заложникомъ у Галерія, но по смерти отца бѣжалъ въ Британію, гдѣ войска провозгласили его августомъ, и женился на дочери Максиміана. Въ то же время войска въ Римѣ поставили августомъ порочнаго и бездарнаго сына Максиміана, *Максенція*, который выгналъ своего отца изъ Италіи. Максиміанъ бѣжалъ къ зятю, который казнилъ его за интриги. Тогда же умеръ Галерій отъ жестокой болѣзни, и его замѣнилъ его старый товарищъ, *Лициній*. Константину хотѣлось одному владѣть Западомъ — и онъ пошелъ на Римъ. У *Мильвійскаго моста* (312) *произошла первая побѣда подъ знаменемъ креста*, которое было принято тогда Константиномъ: Максенцій утонулъ въ Тибрѣ, а его дѣти и родственники были перерѣзаны. Константинъ сурово обошелся съ сенаторами и поставилъ въ Римѣ свою статую съ крестомъ въ рукѣ, а вслѣдъ затѣмъ издалъ въ Миланѣ *вѣротерпимый эдиктъ* (313): христіанамъ

разрѣшалось поступать на государственную службу. Въ 324 г. Константинъ, котораго любили за кроткое правленіе и успѣшные походы противъ германцевъ, выступилъ противъ кровожаднаго Лицинія, который жестоко преслѣдовалъ христіанъ и даже истребилъ безвредныя семьи Галерія и Діоклеціана. Лициній былъ разбитъ и повѣшенъ: началось *единодержавіе Константина*, прозваннаго *Великимъ*.

§ 276. **Константинъ Великій.** Константинъ стремился *утвердить монархизмъ*, введенный Діоклеціаномъ (§ 274), и положить въ его основаніе *христіанство*. Онъ достигъ этого тремя средствами. 1) Въ 330 г. онъ перенесъ столицу изъ Рима въ Византію, которая получила названіе *Константинополя*. Римъ не годился ни для христіанства, ни для монархіи: тамъ было сильно язычество, и сохранялось республиканство. Византія лежала ближе къ центру всей имперіи, чѣмъ Римъ, и служила средоточіемъ восточной и западной торговли. Здѣсь была отличная гавань — Золотой Рогъ; мѣстность утопала въ зелени садовъ, виноградниковъ и полей. Но новая столица была устроена по образцу древней: были учреждены трибы, куріи и сенатъ; толпу кормили и забавляли зрѣлищами. Византія, подобно Риму, была расположена на 7 холмахъ, и на одномъ изъ нихъ красовались Капитолій съ сенатомъ. Среди множества роскошныхъ зданій выдѣлялся огромный циркъ, или *ипподромъ*. Отовсюду были свезены лучшія произведенія искусства. Было основано много просвѣтительныхъ заведеній: Константинъ покровительствовалъ ученымъ, даже освободилъ ихъ отъ государственныхъ повинностей. 2) Константинъ положилъ основаніе *византійскимъ* формамъ государства. Онъ ввелъ новое *управленіе* страной, во главѣ котораго стоялъ consistorium (тайный совѣтъ): сенатъ, также какъ и консулы, сохранялись только по имени. *Префекты* (намѣстники) управляли четырьмя префектурами, которыя назывались: *Востокъ* (Азія, Египетъ и Ѳракія), *Западъ* (Испанія, Галлія и Британія), *Италія* (съ Африкой) и *Иллирикъ* (Эллада и Придунайскій край). Префектуры подраздѣлялись на діоцезы съ *викаріями* во главѣ. Войско было подчинено особымъ начальникамъ — *графамъ* (comites), *герцогамъ* (duces) и др. Константинъ строго отдѣлилъ военную власть отъ гражданской и поставилъ первую ниже второй: войско набиралось изъ нищихъ, да изъ наемныхъ варваровъ, и ихъ клеймили по рукамъ и ногамъ, какъ преступниковъ; въ почетѣ были только *palatini*, тѣлохранители императора. Всюду водворились твердое правительство и порядокъ. Но они дорого стоили народу, такъ какъ потребовалось многочисленное *чиновничество* и связанное съ нимъ бумажное, канцелярское производство: Константинъ уничтожилъ выборныя должности; даже въ муниципіяхъ (§ 245) управляли *декуріоны* — богатые „патриціи“, зависѣвшіе отъ императора. Дорого стоило и новое *устройство двора*, который окончательно принялъ

восточный видъ. Образовался обширный придворный штатъ, съ іерархіей *чиновъ*, дававшихъ личное дворянство. Чины соединялись съ *дипломами*, украшенными символическими изображеніями (insignia), съ *титулами* (vestra gravitas, v. magnificentia), съ бѣлымъ платьемъ (родъ мундира) и съ большими привилегіями. Во главѣ стояли illustres. За ними шли spectabiles, clarissimi, perfectissimi и др.; слово *patricius* также стало важнымъ титуломъ. Дворянство, также какъ и духовенство, было избавлено отъ податей, которыя падали на низшій классъ. Главною изъ нихъ былъ *индиктъ:* въ концѣ каждаго года императоръ обозначалъ (indicebat) пурпурными чернилами, сколько каждая провинція должна была доставить деньгами или натурой соразмѣрно съ ея имуществомъ, которое оцѣнивалось черезъ каждыя 15 л. посредствомъ *кадастра* (переписи). Эта подать стала византійскою эрой: годы считали по „индиктамъ“, начиная съ 1 сент. 312 г., когда была произведена первая перепись. Кромѣ налоговъ, у императора было много *регалій*, или „царскихъ правъ“: это — доходы съ государственныхъ земель, копей, монополій и проч. Сверхъ того взимали налогъ при продажѣ и куплѣ и сдѣлали обязательною присылку золотыхъ вѣнковъ, которые прежде дарились городами лишь при важныхъ случаяхъ. Для сбора доходовъ образовался обширный классъ чиновниковъ, на который тратилась $^1/_4$ суммы. Оттого тогда образовалось два разряда обнищалыхъ людей: а) *декуріоны*, или *куріалы* — богачи, которые отвѣчали за недоимки своего города; они разорялись и разбѣгались, но ихъ возвращали даже изъ монастырей; б) *колоны* — разорившіеся свободные землевладѣльцы, которыхъ прикрѣпили къ землѣ, но зато освободили отъ военной службы; колонатъ послужилъ въ средніе вѣка основаніемъ крѣпостнаго права. 3) Константинъ сдѣлалъ *христіанство государственною религіей*, хотя самъ крестился только передъ смертью. Самый характеръ его измѣнился подъ вліяніемъ новой религіи. Сначала Константинъ былъ суровъ, потомъ сталъ благочестивъ, облегчилъ участь рабовъ, запретилъ гладіаторскіе бои и пытки, награждалъ солдатъ за каждаго „живаго“ плѣнника, помогалъ бѣднякамъ, строилъ больницы и сиротскіе дома. Подъ конецъ жизни Константинъ сталъ издавать законы противъ язычества, котораго не трогалъ прежде, разрушалъ капища и идоловъ. Тогда же онъ особенно много сдѣлалъ для христіанства.

§ 277. **Христіанство въ первые три вѣка.** Христіанство сдѣлало много успѣховъ въ теченіе трехъ вѣковъ, несмотря на большія затрудненія. Христіане составляли отдѣльныя общины съ строгою организаціей: *міряне* подчинялись *клиру* (κλῆρος), или духовенству съ прочною *іерархіей* (чиноначаліемъ), во главѣ которой стояли *епископы* (ἐπίσκοπος—надзиратель), *архіепископы*, или *митрополиты* и *патріархи*. Съ паденіемъ Іерусалима на первый планъ выдвинулись сначала Римъ,

Антіохія и Эфесъ, потомъ Александрія и Константинополь. По провинціямъ собирались *синоды* изъ митрополитовъ и ихъ епископовъ. У христіанъ были свои молитвы, свое богослуженіе и „братскія трапезы“. Они поддерживали общими силами своихъ бѣдняковъ и страдальцевъ и героями умирали за свою вѣру. Сначала, по примѣру Павла (§ 260), христіане боролись больше всего съ евреями: ихъ отчасти поддерживала имперія, а языческая интеллигенція сближалась съ ними, какъ видно изъ преданія о Сенекѣ и Павлѣ (§ 271). Но послѣ паденія Іерусалима (§ 265) императоры, уже не опасаясь евреевъ, обратили вниманіе на христіанъ за непризнаніе языческихъ боговъ и за ихъ стройную организацію, которая казалась имъ гетеріей (§ 199, 116). Языческая интеллигенція стала раздѣлять взглядъ правительства: Тацитъ говоритъ о христіанахъ съ отвращеніемъ. Оттого съ Нерона до Діоклеціана христіане выдержали *десять гоненій*, которыя происходили даже при Траянѣ и Маркѣ Авреліи. Тѣмъ не менѣе христіанство развивалось. Сначала въ немъ возникло много *ересей*. Ереси появлялись подъ вліяніемъ различной среды—то Египта, то Палестины, то Персіи; самыми опасными были тѣ, которыя связывались съ греческою философіей. Особенно развивался гностицизмъ, въ которомъ образовалось много развѣтвленій: персидскій магъ Мани основалъ ученіе, близкое къ гностикамъ и монтанистамъ, съ прибавкой Зороастрова дуализма; *манихеи* отличались строгостью жизни и употребляли только растительную пищу. Но уже самое слово ересь (§ 271) доказываетъ, что сложилось „правовѣріе“ (ὀρθοδοξία): тогда зарождалось христіанское *богословіе*, въ формѣ *апологетики* (прославленіе новой религіи) и *полемики* (опроверженіе еретиковъ и язычниковъ). Его создали *отцы церкви*—духовные писатели, усвоившіе античное образованіе въ „школахъ катехетовъ“ (учителей „обращенныхъ“), во главѣ которыхъ находилось александрійское училище. Основатель этого училища, *Климентъ* (ок. 200), сохранилъ намъ много мѣстъ изъ эллинскихъ писателей, у которыхъ онъ искалъ предчувствія христіанства. Его ученикъ, *Оригенъ*, аскетъ и поклонникъ платонизма, старался придать христіанству форму философской системы. Наряду съ этими восточными, или греческими, отцами церкви выдвинулся одинъ западный, или латинскій — *Тертулліанъ*, карѳагенскій пресвитеръ; горячій монтанистъ, онъ, напротивъ, упорно отвергалъ древнюю философію. Славился еще „христіанскій Цицеронъ“, *Лактанцій*, учитель дѣтей Константина. Тогда же церковное преданіе превратилось въ писанное „правило“, или *Канонъ*—Евангелія и апостольскія посланія. Были установлены таинства крещенія и причащенія подъ двумя видами. Выработались догмы о св. Троицѣ, о воскресеніи мертвыхъ и о свободѣ воли. Въ первой изъ нихъ особенно затруднителенъ былъ вопросъ о природѣ Христа. Онъ вызвалъ упорное сопротивленіе со сто-

роны александрійскаго священника, *Арія*, отвергавшаго божественность Спасителя. Тогда же аскетизмъ, замѣтный въ нѣкоторыхъ ересяхъ, привелъ къ образованію *монашества*. Ок. 300 г. египтянинъ *Антоній* облекся во власяницу, удалился въ пустыню и собралъ въ монастырѣ отшельниковъ (μόναχοι—одиночки). Ученикъ его, *Пахомій*, далъ уставъ, или правила жизни въ монастыряхъ, подчинивъ ихъ аббатамъ (ἀββάς—отецъ). Уже при смерти Пахомія на островахъ Нила было 50.000 монаховъ и даже монахинь. Впрочемъ еще не было обѣтовъ: можно было покидать монашество. Но вскорѣ *Василій* ввелъ монастырскій уставъ, который и теперь дѣйствуетъ въ восточной церкви. Крайности аскетизма выразились въ *анахоретахъ*, или пустынникахъ. Они давали обѣтъ никогда не мыться, таскали тяжелые кресты и цѣпи, ходили голые и паслись на лугахъ со стадами. *Симеонъ* въ Антіохіи 30 л. проповѣдовалъ на столбѣ въ 5 саж. вышины, чтобы быть ближе къ небу. Христіанство развивалось и внѣшнимъ образомъ. Ему сочувствовали по временамъ даже при дворѣ: у нѣкоторыхъ императоровъ, особенно у боровшихся съ сенатомъ, этимъ упорнымъ врагомъ новой религіи, находились бюсты Христа. Христіанство вышло за предѣлы имперіи: у него были уже милліоны поклонниковъ отъ Ганга до Атлантическаго океана, и въ томъ числѣ языческіе философы. Христіанство, очевидно, стремилось къ міровому господству; оно стало *католическою*, или „всеобщею религіей“ (καθ'ὅλης τῆς γῆς), и имперія должна была слиться съ нимъ, преслѣдуя ту же цѣль. Оно помогло Константину въ борьбѣ съ соперниками—и стало государственною религіей. Константинъ освободилъ клиръ отъ податей, предоставилъ ему права понтифексовъ (въ томъ числѣ право *азила*, убѣжища), а также *гражданскій судъ*, разрѣшилъ завѣщать имущества въ пользу церкви и самъ одарялъ ее. Онъ отдалъ лучшія должности христіанамъ, поручилъ имъ воспитаніе своихъ дѣтей, совершилъ вмѣстѣ съ своею матерью путешествіе въ Св. землю для *воздвиженія честнаго креста*. Въ 325 г. былъ созванъ во дворцѣ *первый вселенскій соборъ* для очищенія церкви отъ ересей, особенно отъ аріанства. Здѣсь были составлены *Символъ Вѣры* и *каноны*, или житейскія правила для всего христіанства. Въ то же время Константинъ превращалъ языческіе храмы въ христіанскія церкви и уничтожалъ древнія статуи боговъ.

§ 278. **Юліанъ Отступникъ.** Усилія Діоклеціана и Константина утвердить монархизмъ имѣли успѣхъ только при ихъ жизни. Послѣ нихъ возобновились старые безпорядки и деспотизмъ худшихъ цезарей, а сѣверные варвары усилились больше прежняго и постоянно передвигались, пока не образовали новыхъ государствъ на развалинахъ имперіи. Настала эпоха *паденія римской имперіи и переселенія народовъ*, длившаяся почти $2^1/_2$ вѣка (ок. 337—600). По смерти Кон-

стантина начались междоусобія, стоившія жизни многимъ его родственникамъ. Уцѣлѣлъ только сынъ его, жестокій и фанатичный аріанинъ *Констанцій*, который одинаково преслѣдовалъ какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, признававшихъ Символъ Вѣры. Онъ перерѣзалъ родственниковъ, оставивъ только двоюроднаго брата, *Юліана*, котораго сначала отдалъ христіанскимъ учителямъ и окружилъ шпіонами, а потомъ отправилъ въ философскую школу въ Аѳины. Даровитый юноша, школьный товарищъ Василія Великаго, пристрастился къ античному образованію, въ особенности же къ философіи Платона и циниковъ. Но Констанцій вскорѣ назначилъ его цезаремъ въ Галлію, гдѣ онъ оказался отличнымъ полководцемъ и правителемъ: его считаютъ основателемъ Лютеціи (Парижа), принадлежавшей кельтскому племени паризіевъ. По смерти Констанція Юліанъ сталъ императоромъ (361 — 363). Это послѣдній изъ лучшихъ представителей античной культуры. Онъ далъ свободу всѣмъ религіямъ и разрѣшилъ евреямъ возвратиться въ Іерусалимъ. Задавшись цѣлью *возстановить язычество*, зачто христіане назвали его *Отступникомъ*, онъ дѣйствовалъ не насиліемъ, а убѣжденіемъ. Юліанъ поддерживалъ древнее образованіе, самъ писалъ полемики противъ христіанства и апологіи язычества. Онъ отмѣнилъ шпіонство и восточные обычаи при дворѣ, самъ ходилъ въ поношенномъ философскомъ плащѣ, не расчесывалъ бороды — и налоги сократились на $^1/_5$. Юліанъ погибъ въ борьбѣ съ персами. Съ нимъ прекратилось потомство Константина, и снова пришлось войскамъ избирать императора. Они назначили грубаго, но дѣльнаго полководца, иллирійца *Валентиніана I*, который взялъ себѣ Западъ, а на Востокѣ поставилъ соправителемъ брата своего, *Валента*. Валентиніанъ ввелъ порядокъ въ управленіи, но мѣрами, напоминавшими Нерона. Онъ палъ въ борьбѣ съ франками, а Валентъ — въ битвѣ съ вестготами у Адріанополя (378).

§ 279. **Ѳеодосій Великій. Гибель древняго міра.** Преемникомъ Валента былъ назначенъ храбрый и умный испанецъ, *Ѳеодосій*. Онъ поселилъ вестготовъ во Ѳракіи, принялъ на службу 40.000 ихъ воиновъ и роздалъ имъ половину лучшихъ должностей. Затѣмъ онъ въ послѣдній разъ соединилъ Востокъ и Западъ, но вскорѣ, передъ своею смертью, снова раздѣлилъ ихъ между своими сыновьями (395). Ѳеодосій окончательно *утвердилъ христіанство*, зачто и названъ *Великимъ*: онъ слилъ церковь съ государствомъ, и съ тѣхъ поръ союзъ „алтаря съ тропомъ“ сталъ отличительной чертой византійской исторіи. Сдѣлавъ церковь своимъ орудіемъ, Ѳеодосій обогащалъ ее и оказывалъ ей внѣшнее послушаніе: онъ покорно перенесъ унизительную эпитимію, наложенную на него епископомъ Амвросіемъ за казнь болѣе 10.000 гражданъ одного возмутившагося города. Съ помощью патріарха, *Григорія Назіанзина*, Ѳеодосій подтвердилъ Символъ Вѣры

на константинопольскомъ соборѣ и преслѣдовалъ аріанъ. Наконецъ онъ *истребилъ античное язычество.* Языческіе храмы и статуи были уничтожены; у язычниковъ отняли право поступать на государственную службу и даже завѣщать свои имущества. Народъ истребилъ почти всѣ произведенія классическаго зодчества и ваянія. Въ Александріи онъ разрушилъ рѣдкую библіотеку и замучилъ нѣсколькихъ философовъ, въ томъ числѣ ученую и добродѣтельную *Ипатію.* Тогда же были совершены *послѣднія олимпійскія игры* и былъ истребленъ храмъ съ Зевсомъ Олимпійскимъ Фидія (§ 130). Въ Римѣ вынесли изъ сената древнія святыни при вопляхъ сенаторовъ. Язычники бѣжали изъ городовъ въ горы, пустыни и деревни: тогда язычество стали называть *паганизмомъ*, или „деревенщиной". Лишь кое-гдѣ сохранялись философскія школы; но лѣтъ 100 спустя, при Юстиніанѣ, и онѣ были закрыты; послѣдніе философы скрылись за Евфратъ. Тогда же были уничтожены гладіаторскіе и звѣриные бои, а также циническія пантомимы (§ 255). Нравственное паденіе древняго міра достигло крайней степени: общество думало только о наслажденіяхъ и тщеславіи, рабски поклонялось деньгамъ и власти; литература, особенно латинская, справедливо была названа желѣзною. А политическое могущество римской имперіи пало вслѣдствіе окончательнаго раздѣленія ея на Восточную, или *Византійскую* и *Западную:* на Востокѣ воцарился старшій сынъ Ѳеодосія, *Аркадій,* на Западѣ—младшій, *Гонорій.* Все это облегчало путь сѣвернымъ варварамъ въ предѣлы имперіи.

§ 280. **Переселеніе народовъ. Гунны. Первыя варварскія государства.** Уже съ Константина германцы поселялись сотнями тысячъ къ югу отъ Дуная. Они доходили до Византіи и Аѳинъ, наполняли легіоны, занимали государственныя должности. Тогда началось великое племенное движеніе въ Европѣ, названное *переселеніемъ народовъ*, которое окончилось, лишь два вѣка спустя, завоеваніемъ Италіи лонгобардами. Прямымъ толчкомъ къ нему послужило вторженіе туранскихъ кочевниковъ, *гунновъ*, изъ-за Каспійскаго м. Гунны жили въ родовомъ быту, со многими князьками. Они походили видомъ на нынѣшнихъ калмыковъ, были безбороды, безобразны и кривоноги отъ жизни на конѣ, на которомъ они даже ѣли и спали: римляне сначала принимали ихъ за центавровъ. Они питались травами, сырымъ мясомъ и гадами, одѣвались въ звѣриныя шкуры; ихъ домомъ была кибитка (телѣга). Гунны были жадны къ золоту, но зарывали его въ землю. Они были вооружены стрѣлами съ костяными остріями, мечами и арканомъ, которымъ искусно владѣли; нападали вразсыпную, съ гикомъ и визгомъ; опустошали все на своемъ пути и особенно мучили женщинъ. Въ Европѣ думали, что это — потомки чертей и вѣдьмъ. Ок. 350 г. гунны перешли Уралъ. Вытѣснивъ *остготовъ* (§ 273) къ Дунаю и покоривъ ихъ, они утвердились въ нынѣшней Венгріи.

Вестготы были принуждены перейти во Ѳракію, гдѣ разбили Валента (§ 278), а при малолѣтнихъ дѣтяхъ Ѳеодосія двинулись дальше. Имъ помогло соперничество между Восточною и Западною имперіями, которыя тогда уже представляли двѣ враждебныя державы: въ Византіи греческій языкъ сталъ уже офиціальнымъ. Лица, управлявшія за малолѣтствомъ сыновей Ѳеодосія, галлъ *Руфинъ* въ Византіи и вандалъ *Стилихонъ* въ Римѣ, также соперничали между собой. Свирѣпый и бездарный Руфинъ рѣшился уничтожить умнаго политика и доблестнаго полководца, Стилихона, посредствомъ варваровъ: онъ посовѣтовалъ смѣлому и ловкому вождю вестготовъ, юному *Аларіху*, напасть на Италію. Аларихъ былъ поднятъ своими воинами на щитъ (сдѣланъ королемъ) и сначала опустошилъ всю Грецію, зачто византійцы убили Руфина, а потомъ перешелъ въ Италію. Стилихонъ боролся тогда съ бургундами и вандалами, нападавшими на Италію съ сѣвера. Онъ отбилъ варваровъ и указалъ имъ на западныя провинціи Рима. Варвары, опустошивъ эти провинціи, образовали первыя варварскія государства: *Бургундское* (по Ронѣ и Рейну до Мааса) съ столицей *Вормсомъ*, и *Вандальское* (въ Испаніи, гдѣ память о немъ сохранилась въ имени Андалузіи). Вслѣдъ затѣмъ вестготы вторгнулись въ Италію. Стилихонъ перевелъ столицу изъ Рима въ *Равенну*, окруженную болотами и каналами, и нѣсколько разъ поразилъ Алариха. Онъ совсѣмъ спасъ бы страну, еслибы Гонорій не казнилъ его по навѣтамъ римлянъ и язычниковъ, которые ненавидѣли германцевъ и христіанъ. Тогда Аларихъ опустошилъ Италію и *взялъ Римъ* (410); но вслѣдъ затѣмъ онъ умеръ. Гонорій уговорилъ озадаченныхъ вестготовъ уйти на западъ: они основали *Вестготское* королевство (ю. Галлія до Луары и Испанія), вытѣснивъ вандаловъ въ Африку. Столицей вестготовъ сдѣлалась *Тулуза*, которая вскорѣ начала соперничать съ Римомъ по образованію и богатству: галло-римлянамъ стало жить лучше, чѣмъ подъ гнетомъ римскихъ чиновниковъ. Вестготы вполнѣ подчинились античной культурѣ, только были аріанами. Среди бургундовъ столь же быстро распространилось римское образованіе, а также католичество. Но вандалы упорно сохраняли свое варварство и покинули Испанію, предоставивъ ее вестготамъ. Ихъ удаленіе связано съ интригами при равенскомъ дворѣ, гдѣ управляла красивая, но бездарная сестра Гонорія, *Плацидія*, за малолѣтствомъ сына своего, *Валентиніана III*. Плацидіи помогали готъ *Аэцій* и римлянинъ *Бонифацій:* оба были храбры, даровиты и образованы; но Аэцій былъ коваренъ и честолюбивъ, а Бонифацій прямодушенъ и честенъ. Между ними возгорѣлось соперничество, какъ при Стилихонѣ. Бонифацій управлялъ Африкой, гдѣ подружился съ блаженнымъ *Августиномъ*. Аэцій, оставаясь при дворѣ, успѣлъ внушить Плацидіи, будто его соперникъ хочетъ отложиться,

а Бонифацію далъ знать, будто Плацидія собирается уничтожить его. Испуганный Бонифацій возсталъ и призвалъ на помощь вандаловъ съ ихъ кровожаднымъ и хитрымъ королемъ *Гейзерихомъ*. Гейзерихъ явился, но выгналъ Бонифація и превратилъ Африку въ *Вандальское королевство*, съ столицей *Карѳагеномъ* (430). Африка, самая образованная провинція Рима послѣ Галліи, была обращена въ пустыню. Сверхъ того вандалы превратились въ морскихъ разбойниковъ и сдѣлались бичемъ Италіи и Испаніи: слово *вандализмъ* стало означать вообще разрушеніе цивилизаціи. Бонифацій бѣжалъ съ повинною къ Плацидіи; козни Аэція были разоблачены—и онъ возсталъ открыто. Бонифацій побѣдилъ соперника, но самъ палъ въ битвѣ. Аэцій бѣжалъ къ гуннамъ; но вскорѣ былъ возвращенъ Плацидіей, которая, нуждаясь въ его талантѣ, даже назвала его *патриціемъ* — титулъ (§ 276), означавшій теперь правителя государства.

§ 281. **Аттила.** Между тѣмъ усилились гунны: у нихъ прекратились родовыя усобицы и явился „великій ханъ“, соединившій всѣ орды. *Аттила*, прозванный *Бичемъ Божіимъ*, былъ свирѣпый монголъ. Онъ жилъ, какъ кочевникъ, и хвастался, говоря: „гдѣ ступилъ мой конь, тамъ ужъ не расти травѣ“. Коварный и настойчивый, онъ умѣлъ подчинять себѣ людей: гунны вѣрили, что его мечъ, найденный пастухомъ въ травѣ, посланъ ему богомъ войны. Но Аттила щеголялъ вѣжливостью передъ иностранцами и привлекалъ римлянъ и грековъ въ свою столицу (теперь Токай), которая напоминала роскошью Византію и Равенну. Онъ составилъ огромное царство, избивъ родовыхъ князьковъ и осоюзившись со многими германцами: онъ располагалъ силами почти всей Европы отъ Волги до Рейна. Даже византійскій императоръ платилъ дань Аттилѣ, послѣ того какъ онъ разрушилъ 70 его городовъ и едва не взялъ Византіи. Жадный Аттила потребовалъ еще руки сестры Валентиніана III и полцарства въ приданое. Получивъ отказъ, онъ двинулся на Римъ; но, замѣтивъ приготовленія Аэція, пошелъ сначала въ Галлію, все опустошая на своемъ пути. На *Каталаунскихъ Поляхъ* (Шалонъ-на-Марнѣ) его поразилъ Аэцій съ войскомъ, состоявшимъ не столько изъ римлянъ, сколько изъ вестготовъ, бургундовъ и франковъ Меровея (451). Болѣе 150.000 труповъ осталось на полѣ этой „битвы народовъ“; сложилось преданіе, будто три дня послѣ рѣзни души убитыхъ сражались въ воздухѣ. Затѣмъ Аттила показался въ сѣверной Италіи съ новыми силами; но въ его войскѣ открылась эпидемія, а изъ Равенны явился къ нему краснорѣчивый папа *Левъ I* съ богатыми дарами — и онъ удалился домой, гдѣ вскорѣ умеръ отъ удара. Трупъ Аттилы положили въ тройной гробъ (изъ золота, серебра и желѣза) и поставили въ степи, гдѣ конные воины окружили его и долго пѣли свои заунывныя пѣсни. Его похоронили съ массой сокровищъ, неизвѣстно

гдѣ: плѣнники, рывшіе могилу, были убиты на ней. Сыновья Аттилы пали въ борьбѣ между собой, а также съ германцами и славянами, которые пріобрѣли тогда независимость. Остатки гунновъ перекочевали на Волгу, гдѣ слились съ своими сородичами — аварами, хозарами и болгарами.

§ 282. **Англосаксы. Паденіе Западной Римской Имперіи.** Борьба съ гуннами была окончательнымъ ударомъ для Западной имперіи. Вслѣдъ затѣмъ она лишилась еще одной провинціи. Романизованные, изнѣженные бриты не могли защищаться противъ дикихъ каледонцевъ (§ 261) и призвали на помощь *англовъ* и *саксовъ* съ устьевъ Эльбы. Эти германцы отразили каледонцевъ, но сами захватили Британію, которая стала называться *Англіей* (449). Полтора вѣка боролись съ ними бриты, сложившіе тогда пѣсни о своемъ героѣ и защитникѣ христіанства, *Артурѣ*, котораго потомъ во всей Европѣ почитали основателемъ волшебной рати *Рыцарей Круглаго Стола;* тогда же возникли пѣсни *Оссіана* (§ 261). Но бриты подчинились наконецъ англосаксамъ: часть ихъ переселилась въ с.-западный уголъ Галліи, получившій названіе *Бретани*. Только въ ущельяхъ Уэльса они надолго сохраняли свою независимость: тамъ до сихъ поръ замѣтны слѣды кельтскаго языка. По образованію Британія была третьей провинціей Рима послѣ Галліи и Африки: въ ней было до 30 римскихъ городовъ, а также значительное развитіе христіанства. Вся эта культура была уничтожена дикими англосаксами: даже названія мѣстностей и дней недѣли стали германскими. У римлянъ оставалась одна только провинція—сѣверная Галлія; но и здѣсь намѣстникъ, добрый и образованный *Сіагрій*, жилъ уже независимымъ царькомъ. Въ самомъ же Римѣ господствовала полная неурядица. Валентиніанъ III умертвилъ „послѣдняго римлянина“, Аэція, по интригамъ царедворцевъ; затѣмъ онъ самъ былъ убитъ, и съ нимъ прекратился родъ Ѳеодосія на Западѣ. Послѣ него, въ теченіе 20 л. Римомъ управляли именемъ ничтожныхъ императоровъ вожди германскихъ дружинъ на римской службѣ, съ титуломъ патриціевъ. Между ними происходили кровавыя распри, въ которыя вмѣшивались и византійцы, и варвары – вестготы и особенно вандалы. Наконецъ патриціемъ сталъ служившій прежде у Аттилы *Орестъ*, который провозгласилъ императоромъ своего сына, *Ромула*, прозваннаго въ насмѣшку *Августуломъ* (Августикомъ). Но вскорѣ Орестъ былъ убитъ своимъ товарищемъ, геруломъ *Одоакромъ*, который былъ полководцемъ у Аттилы и прибылъ въ Италію нищимъ солдатомъ. Одоакръ сослалъ Ромула на одну виллу, гдѣ послѣдній римскій императоръ умеръ частнымъ человѣкомъ. Такъ *пала Западная римская имперія* (476) и возникло 5-е варварское государство: германскіе наемники назвали Одоакра „итальянскимъ королемъ“; но онъ выпросилъ у византійскаго императора титулъ „патриція итальян-

скаго діоцеза". Въ 486 г. франки, предводимые *Хлодвигомъ*, уничтожили послѣднюю римскую провинцію: они разбили подъ Суассономъ Сіагрія и основали 6-е варварское королевство—*франкское*. Паденіе римской имперіи объясняется слѣдующими главными причинами. 1) *Отсутствіе прочнаго правительства*. При всемъ деспотизмѣ цезарей, власть ихъ была слаба: она принадлежала войску, и не было даже закона о престолонаслѣдіи. Съ Діоклеціана эта власть была подорвана еще введеніемъ азіатскихъ обычаевъ. Ее убивали также крайнее разнообразіе народовъ, входившихъ въ составъ имперіи, и чрезмѣрная обширность территоріи, которая простиралась (при Траянѣ) отъ Гибралтара до Каспія и отъ Шотландіи до Персидскаго залива. 2) *Отсутствіе средняго сословія:* общество состояло изъ тонкаго слоя привилегированныхъ и изъ массы безправныхъ. Отсюда – 3) *отсутствіе средняго землевладѣнія:* вся земля и богатства были сосредоточены въ немногихъ рукахъ, а масса населенія была голодною толпой пролетаріевъ, колоновъ и рабовъ. 4) *Упадокъ нравственности*, такъ какъ общество не могло быстро усвоить христіанства, которое однако подрывало его духовныя основы—науку и вѣру въ политеизмъ. Всѣ эти причины (политическая, общественная, экономическая и идеальная) коренились въ самомъ античномъ мірѣ. Важна и внѣшняя причина — 5) *вторженіе варваровъ*. Имперія испробовала всѣ средства, и военныя, и политическія для отвращенія этого бѣдствія; но ничто не могло устоять противъ такого небывалаго въ исторіи племеннаго напора. — Великое значеніе древняго Рима (§ 258) видно изъ того, что долго послѣ его паденія его имя стояло на первомъ планѣ въ исторіи. Въ 800 г. былъ возстановленъ титулъ „римскаго императора", который жилъ потомъ, хотя въ искаженномъ видѣ, въ имени „Священной *римско*-нѣмецкой имперіи", уничтоженной лишь въ 1806 г. Сверхъ того въ средніе вѣка Римъ пріобрѣлъ новую великую власть въ лицѣ папства, которое начало выдвигаться именно около времени паденія Западной имперіи.

§ 283. **Культура 3—5 вѣковъ. Желѣзная латынь.** Послѣдніе три вѣка римской имперіи - самая печальная эпоха въ культурномъ отношеніи. Римская литература того времени заслужила названіе *желѣзной латыни*, которая погибла вмѣстѣ съ паденіемъ Западной имперіи: если въ 6-мъ в. кое-гдѣ занимались римскою литературой, то лишь ради забавы. Вотъ особенности желѣзной латыни. 1) Она совсѣмъ переходитъ изъ Рима въ *провинціи*, что свидѣтельствовало о развитіи *романизаціи Европы* (§ 267). 2) Она представляетъ *полный упадокъ* литературы не только въ поэзіи, но и въ наукѣ, за исключеніемъ одной юриспруденціи. Поэты той эпохи были бездарными стихоплетами, которые отчасти плохо подражали Вергилію, а больше выказывали нелѣпую ученость: даже медики прописывали рецепты сти-

хами. Мало отраднаго замѣтно и въ греческихъ поэтахъ того времени. Они представляютъ переходъ отъ древняго романа (§ 269) къ византійскому, образцомъ котораго служитъ „Геро и Леандеръ“ *Музея*. — Въ прозѣ процвѣтала одна юриспруденція: 3-й вѣкъ — слава юридической науки вообще. Императоры все болѣе и болѣе покровительствовали *юристамъ* (§ 268), которые поддерживали ихъ власть и приводили въ порядокъ массу противорѣчивыхъ законовъ. Съ Гадріана возникло цѣлое сословіе юристовъ, которые были императорскими секретарями, начальниками преторіанцевъ, адвокатами, судьями, писали „комментаріи“ (толкованія законовъ), заводили юридическія школы. Ихъ труды свободны отъ византійскаго вліянія, самобытны; языкъ у нихъ чистый, ясный и сжатый, безъ риторства. Во главѣ юристовъ 3-го в. стоятъ *Папиніанъ* (§ 274) и *Ульпіанъ*, убитые преторіанцами. Они выработали юридическій языкъ и съ тонкой діалектикой выяснили основы права, т.-е. сдѣлали для юриспруденціи то же, что Аристотель для логики (§ 155). Они создали науку *римскаго права*, которую и теперь изучаютъ въ университетахъ; на ней отразилось не одно развитіе цезаризма, но и мягкое вліяніе христіанства. Послѣ этихъ великихъ юристовъ настало паденіе юриспруденціи: она вдавалась въ мелочи, повторяла зады и занялась собираніемъ законовъ, или *кодификаціей*. Самымъ важнымъ сводомъ законовъ былъ *Codex Justinianeus* (529), составленный 10-ю юристами, съ *Трибоніаномъ* во главѣ. Вслѣдъ затѣмъ 16 ученыхъ издали 50 томовъ извлеченій изъ трудовъ всѣхъ лучшихъ юристовъ, подъ именемъ *Pandectae*, или *Digesta*, а также 4 тома юридическаго учебника—*Institutiones*. Всѣ эти изданія вмѣстѣ получили названіе *Corpus juris*, который послужилъ основой европейскимъ законодательствамъ и всей позднѣйшей юриспруденціи. Послѣ юриспруденціи заслуживаетъ вниманія *философія*, хотя не въ научномъ отношеніи, а по своему вліянію на общество. Въ ней сначала господствовалъ *скептицизмъ*, который не умиралъ со времени Пиррона (§ 173) и достигъ высшаго развитія въ 3-мъ в. въ лицѣ *Секста Эмпирика* (врача). Секстъ утверждалъ, что всякое доказательство нуждается въ доказательствѣ, и потому ничего нельзя доказать, т.-е. ничего нельзя знать. Но критиковать можно только то, что хорошо знаешь: поэтому Секстъ признавалъ науку. А въ нравственномъ отношеніи онъ признавалъ апатію, и скептики не отличались отъ стоиковъ по образу жизни (§ 173). Подрывая язычество, скептицизмъ помогалъ христіанству. Но его затмилъ философскій *синкретизмъ* (§ 270), замѣтный уже въ серебряной латыни. Онъ особенно проявился въ *неоплатонизмѣ*, который съ 3-го в. овладѣлъ почти всѣми умами. Неоплатонизмъ — смѣсь почти всѣхъ философій и религій древняго міра, не исключая христіанства: онъ возникъ въ космополитичной Александріи. Но въ немъ преобладало ученіе Пла-

тона. Какъ реакція скептицизму, неоплатонизмъ вѣрилъ во все—не только въ видимый, но и въ *сверхчувственный* міръ: это—послѣдняя попытка язычества достигнуть единобожія, но путемъ *мистицизма*. Неоплатоники вѣрили, что съ помощью таинственныхъ обрядовъ и символовъ можно вступать въ прямыя сношенія съ Божествомъ, „носить Его въ своемъ сердцѣ". Чѣмъ дальше, тѣмъ больше увлекались они древними мистеріями, оракулами, магіей, кабалой и доходили до духовидѣнія и чудодѣянія. Основателемъ неоплатонизма былъ *Аммоній Саккъ* („носильщикъ мѣшковъ"), александріецъ, желавшій разрушить христіанство посредствомъ древней науки. Его ученіе записано египтяниномъ *Плотиномъ*, котораго считали чудотворцемъ: римская знать и сами императоры видѣли въ его ученіи „небесное посланіе". „Энеады" Плотина были послѣднимъ значительнымъ произведеніемъ античной философіи. Послѣдними неоплатониками были 7 философовъ, бѣжавшихъ въ Персію (§ 279). Съ ними исчезла древняя философія. Всѣ послѣдніе философы были восточнаго происхожденія и писали погречески. 3) Третьимъ отличіемъ желѣзной латыни служитъ *риторство*, которое достигло крайней степени развитія. Римляне до того гонялись за внѣшностью, что заучивали изреченія классиковъ, не вникая въ ихъ смыслъ. Они писали множество ничтожныхъ сочиненьицъ (объ имянинахъ, о кухнѣ и т. п.), въ особенности писемъ и панегириковъ, ниже всякой критики. Еще больше было греческихъ риторовъ, и они выше латинскихъ. Они жили въ Аѳинахъ, составляя независимое общество подъ именемъ *Платоновской академіи*. Здѣсь воспитались послѣдніе борцы за античную культуру и во главѣ ихъ 7 послѣднихъ философовъ и императоръ Юліанъ (§ 278). Сочиненія *Юліана* блещутъ живостью, остроуміемъ, одушевленіемъ и чистотой языка. Онъ написалъ много писемъ и рѣчей въ защиту язычества, а также сатиръ противъ христіанства и пороковъ своего общества; его „Цезари"—злая насмѣшка надъ всѣми императорами, напоминающая „Разговоры" Лукіана (§ 263). Но истиннымъ представителемъ греческой прозы того времени считается современникъ Юліана, *Либаній*, лекціи котораго славились повсюду. Его преслѣдовали завистники, бездарные риторы; онъ страдалъ отъ недуговъ и домашнихъ непріятностей; самъ онъ былъ горячъ, самолюбивъ, неуживчивъ. Но онъ осуждалъ фанатизмъ Юліана и былъ другомъ Василія Великаго и Григорія Назіанзина. Особенно интересно собраніе писемъ Либанія (болѣе 2000).

§ 284. **Христіанская культура. Папство.** Въ эпоху желѣзной латыни выдвигается *христіанская* культура наряду съ языческой. Христіанство уже распространилось тогда на Кавказѣ, въ Арменіи, Персіи, Аравіи, Индіи, Абиссиніи, а въ Германіи — среди геруловъ, готовъ, бургундовъ и франковъ; но всѣ эти народы, за исключеніемъ

франковъ, сохраняли аріанство, въ которое были вовлечены первоначально и католики бургунды. Въ то же время шло внутреннее развитіе христіанства. На Востокѣ распространялось монашество (§ 277), которое становилось все аскетичнѣе и увлекало даже такія личности, какъ Аѳанасій, Василій Вел., Августинъ и др.; оно уже пустило корни въ Италіи (Амвросій), Галліи (Мартынъ турскій), Ирландіи и Британіи (Патрикъ). На Западѣ зарождалось папство. Римскаго митрополита стали называть *папой* („отцомъ“ попреимуществу) уже вскорѣ послѣ Константина. Духовенство на Западѣ уже обращалось къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Услуги, оказанныя Риму такими папами, какъ Левъ I (§ 281), и украшенныя легендами, возвышали значеніе римскаго владыки, тѣмъ болѣе что при переворотахъ въ Италіи въ 5-мъ в. только папскій престолъ представлялъ нѣчто прочное и объединяющее, а крещеніе германцевъ распространяло его вліяніе по всему Западу. Но важнѣе слѣдующія три основы папства: 1) историческое значеніе маститаго Рима, которому привыкли повиноваться народы; 2) преданіе объ основаніи папскаго престола ап. Петромъ; 3) независимость папы отъ свѣтской власти. Эту независимость папы не замедлили возвести въ догматъ. *Левъ I*, названный за это католиками *Великимъ*, возвѣстилъ, что папскій престолъ — „камень, на которомъ зиждется католическая церковь“, а папа — „преемникъ св. Петра и первый среди іерарховъ точно такъ же, какъ Петръ — первый среди апостоловъ“. Это ученіе поддерживали сами западные императоры, искавшіе опоры у папъ въ борьбѣ съ варварами и съ притязаніями Византіи; а когда пала Западная римская имперія, варвары, въ свою очередь, заискивали у папъ, желая утвердиться въ Италіи. Христіанская письменность заключалась главнымъ образомъ въ богословіи, которое однако носило другой характеръ, чѣмъ въ серебряномъ вѣкѣ: оно стало спокойнымъ, *догматическимъ*, т.-е. излагающимъ правила вѣры. Тогда возникъ *Символъ Вѣры* (§ 277) и установились догмы о Троицѣ и Дѣвѣ Маріи, объ ангелахъ, святыхъ и мученикахъ, что вызвало почитаніе *мощей*, а также много *легендъ*, или разсказовъ о святыхъ. Тогда же прославились отцы церкви: на Востокѣ *Василій Великій*, *Григорій Назіанзинъ* и *Іоаннъ Хризостомъ* (Златоустъ), на Западѣ — *Амвросій*, *Августинъ* и *Іеронимъ*, сдѣлавшій переводъ Библіи полатыни, который и теперь употребляется католиками подъ именемъ *Vulgata*. Развитію догматики способствовала борьба съ ересями, во главѣ которыхъ стояли гностицизмъ и особенно *аріанство*. Послѣднимъ увлекались цѣлыя племена и нѣкоторые императоры: главный врагъ Арія, епископъ александрійскій *Аѳанасій*, 20 л. провелъ въ ссылкѣ. Споръ о Христѣ не прекратился и послѣ того, какъ аріанство было признано ересью. Среди самихъ приверженцевъ св. Троицы возгорѣлась распря изъ-за пониманія слова „Богочеловѣкъ“.

Константинопольскій патріархъ, *Несторій*, объявилъ Христа человѣкомъ, лишь усыновленнымъ Богомъ, и отвергалъ названіе „Богородицы“. Его врагъ, *Кириллъ* александрійскій, привлекъ дворъ на свою сторону,— и Несторій умеръ въ ссылкѣ; но *несторіане* доселѣ сохранились въ Антіохіи, Персіи и Индіи. Какъ реакція ученію Несторія, явились *монофизиты*, признававшіе въ Христѣ „одну только природу“, божественную. Также объявленные еретиками, они сохранились доселѣ въ Египтѣ (копты), Сиріи и Арменіи. Наконецъ соборъ 451 г. установилъ, что въ Христѣ двѣ природы, но нераздѣльныя. Для примиренія съ несторіанами и монофизитами одинъ императоръ объявилъ, что въ Христѣ „одна воля“ при двухъ природахъ; но соборъ призналъ ересью и это ученіе *монофелитовъ*, которые живутъ и теперь на Ливанѣ, съ собственнымъ патріархомъ (мароніты). Въ то же время блаженный Августинъ (§ 280), епископъ въ Гиппонѣ (близъ Карѳагена), боролся съ главною изъ западныхъ ересей — съ *пелагіанствомъ*. Британскій монахъ, *Пелагій*, училъ, что, въ силу прирожденной „свободы воли“, человѣкъ можетъ и внѣ церкви различать добро отъ зла, т.-е. спасти свою душу. Августинъ же доказывалъ, что вслѣдствіе „первороднаго (Адамова) грѣха“ человѣкъ не можетъ спастись безъ „благодати“ Божіей, даруемой церковью, причемъ есть „предопредѣленіе“ (praedestinatio), котораго человѣкъ не въ силахъ измѣнить. Ученіе Августина было принято церковью, и изъ него вытекло *крещеніе дѣтей*, какъ средство противъ первороднаго грѣха. Августинъ прославился также, какъ горячо вѣрующій писатель: его De civitate Dei (О градѣ Божіемъ), или философія исторіи съ христіанской точки зрѣнія, представляетъ подражаніе Платону. Наконецъ развился христіанскій *культъ*, что облегчало обращеніе язычниковъ. Сюда относятся: храмъ, иконы (съ 5 в.), статуи Іисуса, мозаическія изображенія священныхъ событій, ѳиміамъ, свѣчи, а также проповѣди и самая обѣдня съ пѣніемъ, подведеннымъ Амвросіемъ къ эллинской музыкѣ (колокола явились въ 7 в.). Тогда возникли и главные праздники: воскресенье, Пасха, Вознесеніе, Рождество Хр., Воздвиженіе и др.

§ 285. **Искусство.** Съ Гадріана настало полное паденіе *римскаго* искусства (§ 272). Зодчество отличалось безвкусіемъ, азіатской пышностью и смѣшеніемъ всѣхъ греческихъ стилей. Главные памятники— развалины *Пальмиры*, *Геліополя* (Баалбека) и дворца въ *Спалатро* (§ 275). Въ ваяніи вошли въ моду аллегорическіе барельефы на саркофагахъ. Съ Константина зарождается *христіанское* искусство, которое было сначала (до 10 в.) *общее*, безъ національныхъ чертъ, и подчинялось *античному* вліянію. Это — *древнее* христіанское искусство. Тогда были только его зачатки, тѣмъ болѣе что христіанство на первыхъ порахъ было вообще враждебно искусству, какъ реализму и порожденію язычества. По формамъ, это — продол-

женіе античнаго искусства (тріумфальная арка Константина—слѣпокъ съ Траяновой даже по своимъ барельефамъ). *Церковь*—римская базилика (§ 216), только въ формѣ креста. Древнѣйшія развалины церквей (даже 3-го в.) найдены въ Алжирѣ и Абиссиніи, затѣмъ въ Палестинѣ, Римѣ и Равеннѣ. Особенно въ *Равеннѣ* сохранилось много разныхъ памятниковъ, между прочимъ *надгробныхъ часовенъ* и *баптистеріумовъ* — часовенъ для крещенія, по образцу римскихъ бань. Въ Римѣ открыты *катакомбы* — подземныя пещеры, гдѣ христіане скрывались отъ гоненій и хоронили покойниковъ. Здѣсь впервые встрѣчается крестъ, а также древнѣйшіе, очень плохіе образцы христіанской *живописи*, схожей съ помпейскою; но уже выработался типъ головы Іисуса, принятый и теперь въ византійскомъ искусствѣ. Живопись сохранилась еще въ пергаментныхъ рукописяхъ: это—*миніатюры*—картинки, которыми украшали заглавные листы и буквы; самые древніе изъ нихъ въ книгѣ Бытія въ Британскомъ Музеѣ. Процвѣтала *мозаика* въ храмахъ на стѣнахъ, сводахъ, даже на полу. Ваяніе, какъ душа языческаго искусства, было въ пренебреженіи. Главная особенность христіанскаго искусства заключается въ новомъ *содержаніи*. Здѣсь господствуетъ *символизмъ*, т.-е. изображеніе мыслей посредствомъ предметовъ. Сначала употреблялись простые „символы", заимствованные изъ Библіи: голубь означалъ Св. Духа, корабль—церковь, пальма—побѣду надъ смертью, рыба или пастырь съ овцой на плечахъ — Христа. Это — христіанскіе іероглифы, образное письмо (Введ. § 14). Потомъ возникли сложные символы, или „аллегоріи": это — восточная притча, перенесенная въ искусство. Въ символизмѣ той эпохи вся внѣшкость античная: Іисусъ въ видѣ безбороднаго юноши (Орфея), Адамъ въ раю въ видѣ Геркулеса съ гесперидскими яблоками, ангелы въ видѣ геніевъ и херувимовъ и т. д. Но лики Христа и Богородицы—новые идеалы человѣческой красоты, болѣе одухотворенные, менѣе пластичные, чѣмъ у древнихъ.

Добрый пастырь. Въ римскихъ катакомбахъ 3-го вѣка.

§ 286. **Значеніе періода**. Періодъ перехода отъ древности къ среднимъ вѣкамъ представляетъ горячую борьбу трехъ основъ исторіи—классицизма, христіанства и варварства. *Античное вліяніе* еще проникаетъ во всѣ области жизни: римское правительство владѣетъ историческимъ міромъ; развиваются соціальныя отношенія и идеи конца римской республики; романизація Запада и эллинизація Востока въ полномъ ходу; школа, письменность и искусство еще антич-

ныя даже у христіанъ. Но сильныя отступленія отъ сущности классицизма уже свидѣтельствуютъ объ его разложеніи. Господствуетъ новая политическая форма—имперія; и она все падаетъ, частью отъ натиска внѣшнихъ враговъ (ново-персы, славяне, германцы, гунны, авары), частью отъ солдатчины. Ее не спасли реформы Діоклеціана и Константина, которыя ввели восточный султанатъ. Обширность имперіи привела къ ея распаденію и къ погибели ея западной части, на развалинахъ которой возникло 6 варварскихъ государствъ. Одною изъ причинъ погибели Рима были устарѣлыя соціальныя отношенія—отсутствіе средняго сословія и мелкаго землевладѣнія; другою—паденіе нравовъ, связанное съ разложеніемъ политеизма и съ появленіемъ варваровъ, да эстетическое оскудѣніе: изящная словесность все слабѣла, греческое искусство исчезало. Умственная сила сказывалась только въ наукахъ, особенно въ юридическихъ и философскихъ; но и онѣ хороши только въ серебряной латыни, кромѣ римскаго права, которое пережило древній міръ. Не легка была борьба античнаго, реальнаго міровоззрѣнія съ идеализмомъ *христіанства* и съ его принципомъ равенства, противнымъ сословной и національной исключительности древняго міра. Вопреки гоненіямъ, христіанство быстро распространялось, особенно среди варваровъ въ Европѣ: на Востокѣ оно прививалось слабѣе и потомъ было задержано исламомъ. При Константинѣ и Ѳеодосіи оно уже побѣдило оффиціально, а въ жизни дошло до монашества; къ концу же періода стали выдвигаться христіанская письменность и искусство, хотя и подъ прямымъ вліяніемъ классицизма. Тогда же создалась догма, не смотря на ереси, связанныя съ античною наукой. Возникло и церковное устройство: начало выдвигаться даже папство. Изъ *варваровъ* наименѣе важны были кельты: они частью вымирали, частью романизовались; ихъ вліяніе отражалось частью въ подчиненіи германцевъ классицизму (галло-римляне), частью въ распространеніи христіанства (ирландцы). Главную роль играли германцы: среди тревогъ „переселенія народовъ“, они создавали новый политическій порядокъ на Западѣ, приносили новые нравы и обычаи. Насколько огрубѣли *нравы* подъ вліяніемъ варваровъ, видно уже изъ наказаній: тогда употреблялись пытки, костры, даже скальпированіе; господствовало правило — око за око, зубъ за зубъ; сверхъ того отрубали провинившуюся часть тѣла. Что совершалось при нашествіи варваровъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слово „вандализмъ“ (§ 280).

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

До Р. Х.

ГОДЫ.		СТР.
5508	Сотвореніе міра или еврейская эра	18
Ок. 4000	Египетскія пирамиды	16
Ок. 2500	Зороастръ	76
Ок. 2300	Евреи съ Авраамомъ въ Палестинѣ	28, 52
Ок. 2300—1700	Господство гиксовъ въ Египтѣ	28
Ок. 2000	Изобрѣтеніе азбуки	15
1800—1600	Высшее могущество Вавилона	48
Ок. 1400	Рамессу II	30
Ок. 1350	Моисей	32
1311	Начало правленія Рамессу III	37
Ок. 1300 — 625	Господство Ассиріи	69
Ок. 1200	Паденіе Трои	108
Ок. 1200	Паденіе Сидона	53
Ок. 1100	Переселеніе дорійцевъ	109
Ок. 1000	Саломонъ	54
Ок. 1000	Появленіе этрусковъ въ Италіи	246
Ок. 1000 — 600	Браминскій періодъ въ Индіи	83
978	Начало іудейскаго и израильскаго царствъ	55
880—600	Процвѣтаніе Карѳагена	60
Ок. 850	Иліада и Одиссея	118
Ок. 850	Ликургъ	120
776	Греческая эра	137
753	Основаніе Рима	252
720	Взятіе Самаріи ассирійцами	56
Ок. 650	Появленіе тирановъ въ Греціи	125
Ок. 650—500	Восточныя греческія колоніи	133
625	Паденіе Ниневіи	69
622	Второзаконіе у евреевъ	63
604	Пораженіе Нехо у Кархемыша	39, 70
Ок. 600	Будда	85
595	Солонъ	127
587	Паденіе іудейскаго царства	70

ГОДЫ.		СТР.
574	Разрушеніе Тира Навуходоносоромъ	62
Ок. 560	Паденіе Мидіи	92
538	Завоеваніе Вавилона Киромъ	94
529	Смерть Кира	94
510	Изгнаніе Пизистратидовъ	131
509	Отмѣна царскаго достоинства въ Римѣ	257
500	Возстаніе малоазійскихъ грековъ	141
494	Священная Гора и народный трибунъ	267
490	Марабонская битва	142
480	Битвы у Ѳермопилъ, Саламина и Гимеры.	145, 146, 286
479	Битвы у Платеи и Микале	147
469—429	Правленіе Перикла въ Аѳинахъ	153
450	Децемвиры	270
445	Военный трибунъ съ консульской властью	271
431—404	Пелопонесская война	159
404	Паденіе Аѳинъ	165
400	Походъ десяти тысячъ	183
399	Смерть Сократа	168
390	Нападеніе галловъ на Римъ	273
387	Анталкидовъ миръ	184
371	Битва у Левктры	186
367	Лициніево законодательство	276
362	Мантинейская битва и смерть Эпаминонда	187
340—290	Самнитскія войны	282
338	Битва у Херонеи	195
333	Битва при Иссѣ	200
332	Основаніе Александріи	200
331	Битва у Гаугамелы. Паденіе персид. царства	201
323	Смерть Александра Великаго	203
323—306	Идея всемірной монархіи у діадоховъ	214
312	Эра Селевкидовъ	215
301	Битва у Ипса	216
300	Уравненіе правъ между патриціями и плебеями	276
Ок. 280	Смѣна діадоховъ эпигонами	217
264—146	Пуническія войны	286
221	Битва при Селласіи	225
216	Битва при Каннахъ	291
202	Битва при Замѣ	292
190	Пораженіе Антіоха III у Магнезіи	218, 227, 293
183	Смерть Сципіона, Ганнибала, Филопемена и Филиппа III	227, 293
168	Возстаніе евреевъ при Маккавеяхъ	219
146	Греція и Карѳагенъ—римскія провинціи	228, 295
133	Тиверій Гракхъ	310
123	Законы Гая Гракха	310
121	Смерть Гая Гракха. Первая революція въ Римѣ	311

ГОДЫ.		СТР.
100	Побѣда Марія надъ германцами	313
90	Союзническая или марсійская война	315
88	Первая междоусобная война въ Римѣ	315
60	Первый тріумвиратъ	325
49—45	Вторая междоусобная война въ Римѣ	327
48	Битва при Фарсалѣ	327
45	Новый годъ съ 1-го января	330
44	Смерть Цезаря	331
44	Третья междоусобная война въ Римѣ	333
43	Второй тріумвиратъ	334
42	Битва подъ Филиппами	334
31	Четвертая междоусобная война въ Римѣ. Акціумъ.	336
30	Египетъ—римская провинція	337
30	Начало римской имперіи	337

По Р. Х.

9	Битва въ Тевтобургскомъ лѣсу	340
14	Смерть Августа	341
64	Первое гоненіе на христіанъ	368
68	Прекращеніе Юліевой династіи	368
70	Разрушеніе Іерусалима Титомъ	369
70—180	Эпоха лучшихъ императоровъ	368
180—284	Господство военной силы	381
226	Основаніе ново-персидскаго царства	384
284—305	Діоклеціанъ	385, 386
312	Битва у Мильвійскаго моста	386
312	Введеніе индикта	18, 388
324	Единодержавіе Константина	386
325	Первый вселенскій соборъ	390
330	Основаніе Константинополя	387
350	Переводъ Библіи на готскій языкъ	383
378	Битва у Адріанополя	391
395	Раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную	391
410	Взятіе Рима Аларихомъ	393
449	Основаніе англо-саксонскаго государства	395
451	Битва на Каталаунскихъ поляхъ	394
476	Паденіе Западной римской имперіи	18, 358, 395
486	Побѣда Хлодвига при Суассонѣ	396
1802	Начало чтенія клиньевъ	17
1821	Начало чтенія іероглифовъ	17
1881	Раскопки въ Тель-Ло	43

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

Аббатъ: опредѣленіе, 390.
Абиссинія: народъ, 22; христіанство, 398, 401.
Абордажный мостъ: опредѣленіе, 288.
Аборигены: опредѣленіе, 245.
Абруццы, горы, 242.
Абсолютизмъ: опредѣленіе, 9.
Аварисъ см. *Танаисъ.*
Авары: гунны, 395.
Аватары: опредѣленіе, 85.
Авганистанъ: страна, 89; языкъ, 93.
Авгуры: опредѣленіе, 248; латины, 251; Римъ, 263, 276; комедія, 345; имперія, 378, 383.
Августинъ: Бонифацій, 393; монашество, 399; Пелагій, 400.
Августъ. 1) Императоръ: опредѣленіе, 337; характеръ, 337; междоусобіе, 332; тріумвиръ, 333; Антоній, 335, 336; управленіе, 337—339; варвары, 340; смерть, 341.—2) Мѣсяцъ: опредѣленіе 351.—3) Титулъ, 385.
Авентинъ: гора, 256; плебеи, 261; Капитолій, 269; Гай Гракхъ, 311.
Авзоны: народъ, 75, 245.
Авраамъ, 28, 47.
Авреліанъ, значеніе, 384, 385.
Австралія: папуасы, 3; Китай, 21.
Автономія: опредѣленіе, 158; Анталкидовъ миръ, 184.
Автохтоны см. *Аборигены.*
Агамемнонъ: царь, 107.
Агаѳоклъ: тиранъ, 287.
Агглютинація: опредѣленіе, 4.
Агезилай, царь, 183, 188.
Ager publicus: опредѣленіе, 258; борьба патриціевъ съ плебеями, 266, 268, 269, 275, 277, 280; земли побѣжденныхъ, 285, 292, 308, 309; Гракхи, 310, 311; Цезарь, 330.
Агисъ. 1) III: значеніе, 204.—2) IV: значеніе, 224.
Агни: Аріана, 74; Индія, 80.
Агора. 1) Рынокъ, 155.—2) Сходка: героическ. эпоха, 117; Аѳины, 126, 129.
Агра-майнъ см. *Аримань.*
Агригентъ, городъ, 135.
Агрикола: бриты, 369; Тацитъ, 375.
Агриппа: Цезарь 332; Октавіанъ, 335, 336; меценатство, 349; географія, 355; искусство, 356.
Агриппина. 1) Старшая, 340, 358.—2) Младшая, 367, 373.
Адаръ, божество, 45.
Адгербалъ: Югурта, 312.
Аделинги: опредѣленіе, 364, 365, 366.
Администрація: опредѣленіе, 124, 266.
Адонисъ, Адонъ, божество, 58, 118.
Адріанополь: начало, 371; битва, 391.
Адріатическое м. см. *Іонійское м.*
Азбука: начало, 15, 29; Финикія, 58; Персія, 97; Римъ, 264.
Азидагакъ. 1) Чудовище, 76.—2) Царь см. *Астіагъ.*
Азилъ: опредѣленіе, 252; Грецiя, 127; христіанство, 390.
Азиній Полліонъ: литература, 349; искусство, 356.
Азія. 1) Часть Свѣта: населеніе 4, 19; природа, 40, 41; см. *Востокъ.*—2) Римская провинція, 295, 323.
Азовское м. см. *Меотида.*
Азовъ см. *Танаисъ.*
Азорскіе острова, 286.
Азы: опредѣленіе, 364.
Академія. 1) Гимназія, 156, 171.—2) Философія: Платонъ, 206; Александрія, 234; средняя и новая, 234; Цицеронъ, 347; имперія, 379, 398.
Акарнанія: страна, 104.
Аквилея: германцы, 372.
Аккадо-сумерологія: опредѣленіе, 44.
Аккадъ: опредѣленіе, 45.
Аккерманъ см. *Тира.*
Ако, городъ, 51.
Акрополь: опредѣленіе, 11; Аѳины, 109.
Акростихъ: опредѣленіе, 235.
Акръ см. *Ако.*
Акціумъ: битва, 336.

Аланы: опредѣленіе, 393.
Аларихъ, король, 393.
Албанія, страна, 92.
Албанскія Ворота см. *Дербентъ*.
Александрія: основаніе, 200; значеніе, 221, 229, 239; стихъ, 235; культура, 229—237, 374, 380; паденіе, 384; христіанство, 388, 389, 392; неоплатонизмъ, 397, 398.
Александръ. 1) Македонскій: рожденіе, 190; Херонея, 195; характеристика, 196—198; походы и смерть, 233—237; Діогенъ, 206; значеніе. 238, 239, 241, 360, 361. 378.—2) Изъ Абонотейха, 379.
Алеманы: начало, 383.
Алжиръ: языкъ, 22; храмъ, 401.
Аліатъ: Лидія, 91.
Алкей: значеніе, 353.
Алкивіадъ: характеристика, 162; Сицилія, 163; Спарта, 163, 164; персы, 164; Аѳины, 164; смерть, 165.
Алкмеониды: опредѣленіе, 126; Мегаклъ, 127; Писистратъ, 130; Ксанѳиппъ, 143; Периклъ, 159.
Аллегорія: искусство, 401.
Аллія: битва, 273.
Аллодъ: опредѣленіе, 365.
Алтари Филеновъ: значеніе, 60, 135.
Алтай: туранцы, 20; алтайцы, 4.
Алфавитизмъ см. *Азбука*.
Алфей, рѣка, 105.
Альба-Лонга: опредѣленіе, 250; Эней, 252; Туллъ Гостилій, 254.
Альбы: опредѣленіе, 364.
Альмендъ: опредѣленіе, 365.
Альпы: появленіе, 2; значеніе, 19, 103; граница Италіи, 242; Ганнибалъ, 289.
Амазисъ: значеніе, 39.
Амазонки: сарматы, 100.
Амвросій: Ѳеодосій, 391; монашество, 399; обѣдня, 400.
Аменофисъ III: значеніе, 27.
Америка: открытіе, 18; природа и населеніе, 3, 19, 244; бронзовый вѣкъ, 13, 19; китайцы, 21.
Амесъ см. *Амазисъ*.
Аминтъ: Персія, 134.
Аммоній-Саккъ: неоплатонизмъ, 398.
Аммонскій оазисъ: Камбизъ, 94; Александръ Великій, 201.
Амон-см-гатъ см. *Аменофисъ*.
Аму-Дарья см. *Оксъ*.
Амулій: преданіе, 252.
Амунъ, божество, 35.
Амфиктіонія: опредѣленіе, 136; священныя войны, 192.
Амфиполь: основаніе, 134.
Амфитеатръ: опредѣленіе, 176; имперія, 356, 371, 374, 381.
Анакреонъ: значеніе, 131, 140.
Анаксагоръ: Периклъ, 153, 154; аѳиняне, 157.
Ананка см. *Фатумъ*
Анатолія, страна, 41.
Анатомія: начало, 231; кабинетъ, 230.
Анахоретъ: опредѣленіе, 390.
Англія: опредѣленіе, 395.
Англы: начало, 363; союзъ, 383; Британія, 395.
Андалузія: опредѣленіе, 393.
Анкетиль-дю-Перронъ, ученый, 76.
Анкъ-Марцій: значеніе, 254; плебеи, 261.
Анналы см. *Лѣтопись*.
Анталкидъ: миръ, 184.
Антигониды: опредѣленіе, 222.
Антіохъ. 1) *I*: Александръ Великій, 200; характеръ, 215; смерть, 216.—2) Гонатъ: Селевкъ, 216; династія, 222.
Антикъ: опредѣленіе, 359.
Антиливанъ, горы, 41.
Антиной: статуи, 381.
Антипатръ: Александръ Великій, 200; Эллада, 204, 205.
Антистрофа: опредѣленіе, 178.
Антисѳенъ: циники, 205.
Аптитавръ, горы, 40.
Антифонъ, ораторъ, 180.
Антіохія: столица, 217; значеніе, 239; христіанство, 362, 388.
Антіохъ. 1) I, 216.—2) III Великій, 218, 219, 226, 292.—3) IV Эпифанъ, 219.—4) IX, 218.
Антонинъ Пій: значеніе, 371, 372.
Антоній. 1) Тріумвиръ: начало, 326; трибунъ, 327; Цезарь, 330, 332, 385; тріумвиратъ. 334; Октавіанъ, 334, 335; смерть, 222, 336.—2) Монахъ, 390.
Антропоморфизмъ: опредѣленіе, 5; Греція. 110.
Анціумъ, гавань, 282.
Апапи: Іосифъ, 29.
Апапъ, божество, 35.
Апатія: опредѣленіе, 234; стоики, 234.
Апеллесъ: Александръ Великій, 213; Александрія, 230.
Апеннинскій полуостр., 20, 242, 243.
Апеннины, горы, 242, 244.
Апицій: гастрономія, 373.
Аполлоній Тіанскій: значеніе, 380.
Аполлонъ: опредѣленіе, 112; Карѳагенъ, 61; оракулъ, 104; превращеніе, 110; Азія. 116; πατρῶος, 126; Бельведерскій, 236.
Апостолъ: опредѣленіе, 362.
Апофеозъ: опредѣленіе, 296, 367; имперія, 378.
Аппеляція: опредѣленіе, 265.
Аппій Клавдій. 1) Консулъ, 267.—2) Цензоръ, 281, 284.—3) Другъ Гракховъ, 309.
Апулей: романъ, 378.
Апулія: опредѣленіе, 243: галлы, 273.
Арабы: опредѣленіе, 4; кушиты, 22; значеніе, 72; наука, 374, 375.
Аравія: египтяне, 30; плоскогорье, 41; семиты, 47; финикіяне, 53; евреи, 54; ассирійцы, 63; христіанство. 398.
Арадъ: Персидскій заливъ, 45; Финикія, 51; искусство, 58.
Аракъ, рѣка, 89.

Арамеи: Египетъ, 30; опредѣленіе, 47.
Арамъ: опредѣленіе, 41; финикіяне, 59.
Араратъ: опредѣленіе, 40; потопъ, 46; высота, 89.
Аратъ: значеніе, 224.
Араузій, городъ, 313.
Арахозія: опредѣленіе, 89; Киръ, 94.
Арголида, страна, 105.
Аргонавты: египтяне, 53; пелазги, 75; преданіе, 108.
Аргосъ: основаніе, 105; дорійцы, 119; Спарта, 153, 158; анархія, 188.
Ардширъ: значеніе, 384.
Арена: опредѣленіе, 299.
Ареопагъ см. *Судъ*.
Аресъ: опредѣленіе, 111; Марсъ, 112.
Аримань: опредѣленіе, 77; туранцы, 78.
Аримаспы, народъ, 100.
Аристагоръ, тиранъ, 142.
Аристархъ: Александрія, 230; филологія, 232.
Аристидъ: Мараѳонъ, 143; характеристика, 144; Саламинъ, 147; первенство, 149, 150, 151; смерть, 152.
Аристиппъ, философъ, 205.
Аристократія: опредѣленіе, 8; Египетъ, 24, 32; Финикія, 60, 61; Греція, 119, 120, 124, 159, 163, 185, 187; Македонія, 134; Кротонъ, 134; Кирена, 135; Сицилія, 160, 286; Парѳія, 221: Римъ, 276, 277, 278, 307, 308. См. *Патриціи, Эвпатриды*.
Аристоменъ, царь, 123.
Аристотель: Македонія, 190, 196; Платонъ, 207; жизнь и ученіе, 208, 209; Александрія, 234; варвары, 241; Сулла, 318.
Аристофанъ: Периклъ, 154, 157; Клеонъ, 161; Сократъ, 168; значеніе, 179, 180.
Аріана: опредѣленіе, 73; арійцы, 89.
Аріанство: опредѣленіе, 389; Константинъ. 391; вестготы, 393; развитіе, 399.
Аріи см. *Арійцы*.
Арій: значеніе, 389; Аѳанасій, 399.
Арійцы: опредѣленіе, 4; характеристика, 73; кушиты, 22; семиты, 72; Африка, 31, 38, 40, 60; Сидонъ, 53; Мидія, 68; первобытные, 73—75; Аріана, 89; Малая Азія, 92; значеніе, 101, 102.
Аркадія: природа, 105; дорійцы, 119; союзъ, 182, 187; анархія, 188; монеты, 213.
Аркадій, императоръ, 392.
Арменія: природа, 40; вавилоняне, 48; финикіяне, 60; мидяне, 90; исторія, 91; халден, египтяне, ассирійцы, царство, 218; Митридатъ, 220; парѳяне, 372; Помпей, 323; Траянъ, 371; христіанство, 398.
Армянній: значеніе, 340; статуя, 358.
Арморика: опредѣленіе, 362.
Арно: лигуры, 245.
Аррія: значеніе, 367.
Арсакъ: туранцы, 220.
Артаксерксъ. 1) *II*: Киръ Младшій, 165; Агезилай, 183; Парисатида. 199. — 2) *III* Охъ: паденіе Персіи, 199.
Артафернъ: полководецъ, 142.
Артемида: значеніе, 110; Діана, 112; Кибела, 116.
Артемизій, мысъ, 146.
Артуръ: значеніе, 363; бриты, 395.
Архелай: Эврипидъ. 178.
Археологія: доисторическая, 10; историческая, 16; римская, 233.
Архивъ: опредѣленіе, 17.
Архимедъ: значеніе, 231; Гіеронъ, 287; Сиракузы, 291.
Архипелагъ см. *Эгейское м.*
Архитектура см. *Зодчество.*
Архіепископъ: опредѣленіе, 388.
Архонтъ: начало, 126; Солонъ, 129; Клисѳенъ, 131; Ѳемистоклъ, 150; Периклъ, 155; базилевсъ, 126.
Асвины, божества, 74.
Аскалонъ, городъ, 58.
Асканій, герой, 246.
Асклепій: Сократъ, 168; змѣя, 379.
Асмонеи: опредѣленіе, 219.
Асока, царь, 86.
Аспазія: 154, 157.
Ассиріологія: опредѣленіе, 44; ученые, 17.
Ассирія: опредѣленіе, 42; желѣзный вѣкъ, 13; надписи, 16; египтяне, 30, 37; семиты, 47; Вавилонъ, 48; культура, 64; значеніе, скиѳы, 68. 69.
Ассуръ: герой, 47; божество, 67.
Ассуръ-бан-абалъ: Египетъ, 38; значеніе, 63.
Ассъ: опредѣленіе, 262; отмѣна, 305.
Астарта: Финикія, 58; Кипръ, 115.
Астіагъ, царь, 91.
Астрабадъ: природа, 89; парѳяне, 220.
Астрологія: Ассирія, 65; имперія, 369.
Астрономія: опредѣленіе, 2; Египетъ, 34; туранцы, 44; халден, 45; вавилоняне, 49; Греція, 180; Александрія, 231; Этрурія, 249; Римъ, 243; Птолемей, 374.
Ателла, городъ, 345.
Ателланы: опредѣленіе, 345; паденіе, 354.
Атенеумъ: опредѣленіе, 371.
Атлантическій океанъ: желѣзный вѣкъ, 13; галлы, 272.
Атласъ, горы, 20, 286.
Атлетика: опредѣленіе, 209.
Атрей, герой, 107.
Атриды: опредѣленіе, 107.
Атріумъ: Этрурія, 247; Римъ, 257, 278.
Атталъ III, царь, 219.
Аттика, страна, 104.
Аттила, царь, 394.
Аттрибутъ: опредѣленіе, 36.
Аугсбургъ, городъ, 340.
Аура-мазда см. *Ормуздъ*.
Африка: населеніе, 3, 4, 19, 22; плато, 20; Римъ, 287, 288, 292; вандалы, 393, 394.
Афродита: опредѣленіе, 112; Ашера, 58; появленіе въ Греціи, 115; статуя, 213.

Ахавъ, царь. 56.
Ахаія: страна, 105. 109; дорійцы, 119; союзъ, 224, 225; паденіе, 227, 228.
Ахеменесъ, царь, 91.
Ахемениды, 91, 98, 220, 384.
Ахерузское озеро, 243.
Ахей, герой, 107.
Ахейцы: опредѣленіе, 107; Египетъ, 75; господство, 107, 116, 237; дорійцы, 109; паденіе, 225—227.
Ахиллесъ, герой, 197.
Ашера, божество, 58.
Аэцій, полководецъ, 393—395.
Аѳанасій: монашество, 399.
Аѳина-Паллада: значеніе, 112; Посейдонъ, 169.
Аѳины: природа, 104; исторія, 124—229; стопки, эпикурейцы, 234, 235; Сулла, 316; имперія, 398.
Аѳонъ: Ксерксъ, 146; Аристотель, 208.

Баалбекъ см. *Геліополь*.
Баалъ см. *Белъ* и *Молохъ*.
Багдадъ: положеніе, 42; раскопки 43.
Багоды: опредѣленіе, 356.
Багой, евнухъ, 199.
Базилевсъ см. *Царь*.
Базилика: опредѣленіе, 302; храмъ, 407.
Бактра: Семирамида, 67; Сассаниды, 384.
Бактрія: аріи 73; Александръ Великій, 202; Антонинъ, 372.
Баку, городъ, 323.
Балканскій полуостровъ, 20.
Балканы, горы, 20.
Балхъ см. *Бактра*.
Балтика: янтарь, 246; готы, 383.
Бальзамированіе: начало, 6; Египетъ, 36; скиѳы, 100.
Баптистеріумъ: опредѣленіе, 401.
Барды: опредѣленіе, 362; Англія. 363.
Бардья: сынъ Кира, 95.
Барка. 1) Страна, 20, 101, 135.—2) Фамилія, 61, 288.
Баркохабъ: Мессія, 371.
Баски, народъ, 20.
Батавы: опредѣленіе, 363; возстаніе 369.
Бахрейнскіе острова, 45.
Бахусъ см. *Вакхъ*.
Бегистунъ: гора, 89; надпись, 96.
Белита см. *Милита*
Беллона, божество, 263.
Бел-сар-уссуръ см. *Валтасаръ*.
Белуджистанъ: страна, 89; языкъ, 76.
Белъ: халден, 45; Вавилонъ, 49; Финикія, 53, 57; евреи, 56; Римъ, 379.
Бельгія: франки, 383.
Бенсвентъ: битва, 284; дорога, 285.
Беотія: природа, 104; Спарта, 153; фокійцы, 192.
Берберія: страна, 20; народъ, 22.
Беритъ, городъ, 51.
Берозъ: значеніе, 43; Вавилонъ, 44.
Бейрутъ см. *Беритъ*.
Библіотека: Египетъ, 34; Ассирія, 67; Пизистратъ, 131; Аристотель, 208; Александрія, 230; Цезарь, 330; Августъ, 349; имперія, 368, 370, 373, 374.
Библъ: Адонисъ, 51, 58.
Бирсъ-Нимрудъ см. *Борсиппа*.
Богословіе: начало, 389; догма, 399.
Бокхъ, царь, 312.
Болгары: Августъ, 340; гунны, 395.
Болоръ-Тагъ, горы, 19.
Бомбей: гебры, 76; брамины, 87.
Бонифацій, полководецъ, 393, 394.
Бонъ, мысъ, 60.
Борисѳенъ: скиѳы, 99.
Борну: языкъ, 22.
Борсиппа: развалины, 43.
Босфоръ. 1) Царство, 220.—2) Киммерійскій, 100.—3) Ѳракійскій, 100.
Ботаника: евреи, 54; Александрія, 231.
Ботта: раскопки, 43.
Бразидъ, полководецъ, 162.
Брама: значеніе, 83; теперь, 5.
Брамины: опредѣленіе, 82; законы, 83; ѳеократія, 84; Будда, 85, 86; культура, 87, 88.
Бреннъ, вождь у галловъ, 273.
Бретань: кельты, 362, 363; опредѣленіе, 395.
Британія: финикіяне, 59; Цезарь, 326; кельты, 362, 363; романизація, 369, 374; Гадріанъ, 371; англосаксы, 395.
Бритты: опредѣленіе, 363; возстаніе, 369; англосаксы, 395.
Брундузіумъ, городъ, 285.
Бруттійцы, народъ, 274.
Брутъ. 1) Старшій, 256, 257, 265.—2) Младшій: Цезарь, 331; Македонія, 333; тріумвиры, 334; Горацій, 352.
Брунціумъ, страна, 245.
Будда: пророкъ, 85, 86.
Буддизмъ: значеніе, 5.
Будикка: бритты, 369.
Буколики см. *Идиллія*.
Буле: герои, 117; эвпатриды, 126; Солонъ, 129.
Бумага: писчая, 15.
Бургунды: опредѣленіе, 363; начало, 383; королевство, 393.
Бухара, страна, 89.

Вавилонія: опредѣленіе, 42; скиѳы, 69.
Вавилонъ: Египетъ, 29, 30; раскопки, 43, 44; преданія, 46; халден, 47; ассирійцы, 48, 69; финикіяне, 53; Лидія, 92; ново-халден, 69—72; персы, 94; Александръ Великій, 201—202; діадохи, 215; характеръ, 48, 49; значеніе, 50.
Вакханки и вакханты: опредѣленіе, 296.
Вакхъ: значеніе. 112; Азія, 116; оргіи, 169; драма, 175; Римъ. 296.
Валгалла: опредѣленіе, 364.
Валентиніанъ. 1) I: значеніе, 391. 2) III: значеніе, 393; Аттила, 394; гибель. 395.

Валентъ, императоръ, 391.
Валеріанъ: персы, 384.
Валерій Корвъ, полководецъ, 282.
Валтасаръ: значеніе, 71.
Валькиріи: опредѣленіе, 364.
Вампиръ: духъ, 5.
Вандалы: опредѣленіе, 363; готы, 383; королевство, 393, 394.
Ванъ: Тавръ, 41; Семирамида, 91.
Варакъ: значеніе, 54.
Варвары: опредѣленіе, 103, 362; греки, 241; римляне, 313, 340; германцы и кельты, 362 — 366; значеніе, 362, 402; папство, 399.
Варка см. *Урукъ*.
Варъ, сенаторъ, 340.
Василій Великій: монашество, 390, 399; Юліанъ, 391; Либаній, 398.
Васко-де-Гама: путешественникъ, 39.
Ваяніе: начало, 6; Египетъ, 24, 28, 29; халден, 46; Вавилонъ. 49; Финикія, 58, 59; Ассирія, 65; Индія, 87; Ликія, 92; Персія, 98, 99; Греція, 108, 141, 173, 212—214, 238; Этрурія, 247, 248; Римъ, 302, 358; имперія, 381, 400, 401.
Вайсьи: опредѣленіе, 83; брамины, 84.
Веды: значеніе, 17; содержаніе, 79, 81.
Везеръ: города, 374.
Везувій: гора, 242; битва, 282; изверженіе, 369.
Великая Грецiя: природа, 243; колоніи, 134; этруски, 274; Римъ, 283.
Венгрія: венгерцы, 4, 21; низменность, 20; Августъ, 340; даки, 370; гунны. 392.
Вендидатъ: значеніе, 76.
Венера: халден, 45; Афродита, 112; латины, 250; статуя, 358.
Венеція: торговля, 59; олигархія, 61; природа, 242; населеніе, 245; галлы, 273.
Вергилій: Энній, 301; Лукрецій, 349; характеристика, 351—352; желѣзная латынь, 396.
Верона, городъ, 289.
Верресъ, преторъ, 346.
Вергингеториксъ: галлы, 326.
Веспасіанъ: значеніе, 368, 369; искусство, 381.
Веста: Гестія, 112; латины, 250.
Весталки: опредѣленіе, 250.
Вестготы: начало, 383; Византія, 391; Аларихъ, 393.
Вейи, крѣпость, 272.
Вигары: монастыри, 86.
Византія: турки, 18, 21; основаніе, 133; Филиппъ, 195; столица, 387.
Викарій: опредѣленіе, 387.
Виндобона см. *Вѣна*.
Виндья, горы, 40.
Виріатъ: лузитаны, 295.
Вителлій: гастрономія, 373.
Вишну: опредѣленіе, 82; тримурти, 85.
Виѳинія: населеніе, 92; Римъ, 323.
Виѳлеемъ, городъ, 52.
Водена см. *Эдесса*.
Водопроводъ: Аѳины, 131; Этрурія, 246; Галлія, 326; Римъ, 356.
Волга см. *Ра*.
Вольсиніи, городъ, 249.
Вольски: латины, 274; Гракхи, 310.
Воронежъ: персы, 100.
Восточная римская имперія: начало, 392; борьба съ Западомъ, 393; Аттила, 394.
Войско: начало, 8; Египетъ, 33; Финикія, 57; Индія, 82, 83; Карѳагенъ, 61, 286; Грецiя, 120, 129; Римъ, 259, 262, 281, 282, 298, 313; Цезарь, 329; Августъ, 338; германцы, 366; имперія, 373, 382, 387.
Врачъ: Египетъ, 34; Грецiя, 154, 231; Римъ, 243.
Всадники. 1) Конница см. *Войско*. — 2) Сословіе: начало, 307; Гай Гракхъ, 311; Сулла, 319; Цезарь, 329; Августъ, 337.
Вулканъ: Гефестъ, 112; сабины, 250; Римъ, 256.
Вѣна: начало, 373.
Вѣсъ: Вавилонъ, 49; Грецiя, 115, 128.

Габиній: Помпей, 322.
Гадесъ. 1) Городъ, 60.—2) Божество, 112.
Гадріанъ: значеніе, 371; литература, 374; искусство, 381.
Газа, городъ, 52.
Газдрубалъ: Гамилькаръ, 288; Ганнибалъ, 289; смерть, 291.
Галатія: опредѣленіе, 217; Помпей, 323.
Галенъ: медицина, 374.
Галерій: цезарь, 386.
Галикарнасъ: природа, 109; Мавзолъ, 199.
Галилея: страна, 52; Христосъ, 361.
Галисъ: мидяне, 69, 90; граница Лидіи, 91.
Галлія. 1) Цизальпійская, 242.—2) Трансальпійская: положеніе, 242, 313; романизація, 362, 374, 376; франки, 383.
Галлоримляне: значеніе, 402.
Галлы: Азія, 217, 272, 273; togati и braccati, 246; Италія, 273; Римъ, 274, 325, 326; характеръ, 273; Этрурія, 273, 274.
Гальба, императоръ, 368.
Гамаданъ, городъ, 89.
Гамилькаръ. 1) Побѣдитель у Гимеры, 148.—2) Барка, 288, 289.
Гангъ: египтяне, 31; долина, 40; разливы, 78; индусы, 81; христіанство, 390.
Ганнибалъ: Гамилькаръ, 288; характеристика, 289; Римъ, 289—291; смерть, 293.
Гапи: опредѣленіе, 35; культъ, 36.
Гаранъ: евреи, 47; торговый путь, 60.
Гармосты: Спарта, 119; Лизандръ, 165, 166, 182.
Гарпагъ, царедворецъ, 91, 214.
Гарпалъ: Александръ Великій, 203; Демосѳенъ, 204.
Гаруспицина: опредѣленіе, 248.
Гастрономія: пунические войны, 299; Лукуллъ, 319, 323, 342; имперія, 373.

Гат-шепу: царица, 30.
Гаугамела: Александръ Великій, 201.
Гаумата: самозванецъ, 95.
Гай: юристъ, 374.
Гайки: народъ, 90.
Гебры: опредѣленіе, 76.
Гегемонія: спартанская, 123, 136, 181; аѳинская, 150; ѳиванская, 187; мелкія въ Греціи, 182; Рима надъ Лаціумомъ, 274; надъ Средиземнымъ м., 292.
Гедеонъ: герой, 54.
Гедрозія: страна, 89.
Геербанъ: опредѣленіе, 366.
Гезіодъ: Ѳеогонія, 110; крестьянство, 118; миѳологія, 136; поэзія, 139.
Гекатомба: жертва, 113.
Гекатомпилосъ: столица, 220.
Гекзаметръ: Греція, 118, 137; Римъ, 351.
Гелейтъ: опредѣленіе, 366; Маркъ Аврелій, 372.
Геликонъ: гора, 104; музы, 110.
Геліасты: Солонъ, 130; Клисѳенъ, 132; Периклъ, 155.
Геліополь: городъ, 41; искусство, 400.
Геліосъ: божество, 110.
Геліэя см. *Судъ*.
Геллеспонтъ: проливъ, 101.
Гелонъ: Сиракузы, 135; Гимера, 148; монархія, 160.
Гелосъ: городъ, 105.
Гемма: опредѣленіе, 237.
Генисаретское озеро, 52.
Геній: хранитель, 251; Тибръ, 252; ангелъ, 401.
Генуцій: трибунъ, 269.
Гены: опредѣленіе, 126.
Географія: исторія, 1; Египетъ, 34; Александрія, 239; математическая, 231; имперія, 374, 376.
Геологія: опредѣленіе, 2.
Геометрія: Вавилонъ, 49; греки, 231; Римъ, 243.
Геоморы: опредѣленіе, 126.
Гера: божество, 112.
Гераклея. 1) Въ Крыму, 100.—2) Въ Италіи, 284.
Гераклиды: Греція, 109; Лидія, 109.
Геракль см. *Геркулесъ*.
Геркуланумъ: гибель, 369.
Геркулесъ: дорійцы, 109; Мелькартъ, 115; Римъ, 252.
Германикъ: опредѣленіе, 340.
Германцы: опредѣленіе, 4; появленіе, 75; Россія, 100; Персей, 227; галлы, 272; Маріи, 313; Цезарь, 326; Августъ, 335, 338, 340, 341, 354; бытъ, 363—366; имперія, 372, 383, 392; христіанство, 398; значеніе, 402.
Германъ см. *Арминій*.
Гермесъ: божество, 112.
Геродотъ: Нилъ, 22; Периклъ, 154; значеніе, 211.
Геронъ: Ассирія, 67; Индія, 81, 82; аріи, 76, 90; лидійцы, 91; греки, 106—109, 114—116; римляне, 252, 266.
Геростратъ: храмъ Артемиды, 133.
Геруллы: готы, 383.
Герусія: опредѣленіе, 120.
Герцогъ: опредѣленіе, 366; Константинъ, 387.
Гесперія: опредѣленіе, 243.
Гестія: божество, 112.
Гетерія: опредѣленіе, 134; Аѳины, 157, 161, 164; христіанство, 389.
Геты: народъ, 353.
Гефестіонъ: Александръ Великій, 197; смерть, 203.
Гефестъ: божество, 112.
Гея: божество, 111.
Гейзерихъ: вандалы, 394.
Гибралтаръ: Навуходоносоръ, 70; Геркулесъ, 114.
Гиксы: народъ, 28, 29.
Гилла: раскопки, 43, 71.
Гильменды: рѣка, 89.
Гималайя: положеніе, 19, 40; высота, 20; климатъ, 78.
Гимера: битва, 148, 274.
Гимназія: Солонъ, 129; Олимпія, 137; Аѳины, 171; Ѳивы, 185.
Гимнастика: Греція, 121, 139, 171, 209; Римъ, 343.
Гинду-Кушъ: положеніе, 19, 40; кушиты, 45; Александръ Великій, 202.
Гинекей: опредѣленіе, 128.
Гинксъ: ассиріологія, 17.
Гиперборен: опредѣленіе, 100.
Гиппій: Аѳины, 131; Дарій, 142; смерть, 143.
Гипподромъ: опредѣленіе, 137, 387.
Гиппократъ: значеніе, 154, 180.
Гиппона: Августинъ, 400.
Гирамъ: Саломонъ, 54, 60.
Гирканія, страна, 89.
Гиссарликъ см. *Троя*.
Гистіей: Дарій 101; возстаніе, 142.
Гіеронъ. 1) Старшій, 160, 274.—2) Младшій, 287, 291.
Гладіаторство: Этрурія, 249; южная Италія, 275; Римъ, 299, 321, 342, 354; имперія, 372; уничтоженіе, 392.
Глиптика: опредѣленіе, 237; Александрія, 237; Римъ, 358.
Глосса: опредѣленіе, 232.
Гномы: опредѣленіе, 364.
Гностики: опредѣленіе, 380; развитіе, 389, 399.
Гоби: пустыня, 20.
Гомериды: опредѣленіе, 118.
Гомеръ: опредѣленіе, 118; Одиссея, 108; Писистратъ, 131; воспитаніе, 171.
Гонорій: воцареніе, 392.
Гоплиты: Спарта, 120; Аѳины, 129.
Горапіи: преданіе, 254.
Горацій. 1) Поэтъ: вліяніе Лукреція, 349; значеніе, 352, 353.—2) Консулъ, 270.
Горацій Коклесъ: преданіе, 266.

Горгій: значеніе 180; Эпаминондъ, 185.
Горъ: божество, 35; изображеніе, 36.
Государство: опредѣленіе, 8; формы, 9; начало въ Европѣ, 14; Египетъ, 32; евреи, 53, 54; Финикія, 57; Карѳагенъ, 61; Ассирія, 66, 67; новохалдеи, 71; Индія, 80, 84; Мидія, 90; Персія, 95—97; Греція, 116, 117, 240, 241; Спарта, 120, 121; Аѳины, 126, 129, 131, 132, 150, 154, 155; Этрурія, 249; Римъ, 358, 259—263, 305, 306, 358; наука, 232; значеніе въ древнемъ мірѣ, 359.
Готтентоты, народъ, 3.
Готы: опредѣленіе, 363; имперія, 372; начало, 383; Зиновія, 385.
Гравировка: Ассирія, 66; Александрія, 237; Римъ, 358.
Гракхъ. 1) Тиверій Семпроній, 293, 309.—2) Тиверій 309, 311.—3) Гай, 309, 310, 311.
Грамматика: Ассирія, 67; Греція, 171, 180, 208; Александрія, 232; стоики, 234; Римъ, 343, 355.
Граникъ: битва, 200.
Γραφὴ παρανόμων: опредѣленіе, 155.
Графъ: опредѣленіе, 364, 387.
Греція, греки: опредѣленіе, 4, 104; бронзовый вѣкъ, 13; преданія, 16; египтяне 37, 38, 108, 116; колоніи, 109, 132, 135; персы, 96, 98, 99, 101; Россія, 100; Бактрія, 101; природа, 103—106; Финикія, 107, 115, 116; языкъ, 40, 109, 110; миѳологія, 110—116; исторія, 118—229; Александрія, 221; значеніе, 237—241; этруски, 246—248; латины, 249—252; культура, 117, 118, 137—141, 169—181, 205—214, 343.
Григорій Назіанзинъ: Ѳеодосій, 391; Либаній, 398; значеніе, 399.
Гротефендъ: клинья, 17.
Готы: Индія, 87; Мидія, 89.
Грузины: опредѣленіе, 90.
Грузія см. *Колхида*.
Гунны: опредѣленіе, 21; характеристика, 392; Аттила, 394.

Давидъ: царь, 54.
Дагестанъ см. *Албанія*.
Даки, Дакія: имперія, 370, 371.
Далай-лама: опредѣленіе, 87.
Далмація: Августъ, 340; имперія, 385.
Дамаганъ см. *Гекатомпилосъ*.
Дамаскъ: рутены, 30; природа, 41.
Данаи см. *Ахейцы*.
Данай: Африка, 39; Аргосъ, 116.
Даніилъ: пророкъ, 71.
Дантъ: Вергилій, 352.
Дарданелы см. *Геллеспонтъ*.
Дарданы см. *Троянe*.
Дарій. 1) I, 95—102, 142, 143.—2) II, 199.—3) III Кодоманъ, 199, 200, 201, 202.
Дарьялъ: ущелье, 68.
Датисъ, полководецъ, 142.
Дева, божество, 74.
Девкаліонъ, герой, 107.
Девора: судіи, 54.
Деканъ, плоскогорье, 78.
Декархіи: опредѣленіе, 165; характеръ, 166, 182.
Декламація: Греція, 156, 171, 172; Александрія, 232; имперія, 376.
Декуріонъ: опредѣленіе, 387, 388.
Делосъ: центръ Цикладовъ, 105; Аполлонъ, 116; союзъ, 150; рабскій рынокъ, 304, 322.
Дельта: устье рѣки, 23.
Дельфы: оракулъ, 104; амфиктіонія, 136; игры, 172; священныя войны, 192.
Демавендъ, гора, 89.
Демагогъ: опредѣленіе, 125; Периклъ, 157; послѣ Перикла, 161; Филиппъ, 191.
Деметра: опредѣленіе, 112; мистеріи, 169.
Деміурги: сословіе, 126.
Демократія: опредѣленіе, 112; Тиръ, 60; Карѳагенъ, 60, 286; Греція, 125—131, 145, 150, 152—164, 182, 185, 205, 238; Сицилія, 160, 286; Тарентъ, 283; Римъ, 261, 309, 313.
Демосъ: значеніе, 5; туранцы, 44; халдеи, 46; Вавилонъ, 49; Зендъ-Авеста, Мидія, 77; Греція, 112; Сократъ, 167; Этрурія, 248; латины, 251.
Демонъ см. *Демократія*.
Демосѳенъ: Ѳукидидъ, 181; дѣятельность, 192—196; ламійская война, 204—205.
Демы: Греція, 131; Александрія, 221.
Денарій: монета, 305.
Деньги: начало, 14; Египетъ, 33; бумажныя, 61; Римъ, 258.
Дербентъ: проходъ, 68.
Деркето: Финикія, 58; Ассирія, 67.
Десятина: римляне, 288; Цезарь, 330.
Десятичное счисленіе: открытіе, 88.
Децемвиры: опредѣленіе, 270.
Децій Мусъ. 1) Старшій, 282.—2) Младшій, 283.
Джемшидъ, царь, 76.
Джумна, рѣка, 78.
Дивы, духи, 77.
Дидактика: стихотворенія, 235; Александрія, 235; Римъ, 348, 349.
Дидона см. *Элисса*.
Диктатура: опредѣленіе, 265; патриціи, 266, 267, 268, 269, 272, 276; знать, 278.
Дилвунъ, островъ, 45.
Дилювій: опредѣленіе, 3.
Димитрій. 1) Фалерейскій, 211, 215, 216.—2) Поліоркетъ, 215, 216.
Династія: опредѣленіе, 9; Египетъ, 2 4 27, 29, 30, 37, 38; халдеи, 45, 46; Индія, 82; Македонія, 188.
Дипломатія: Греція, 210, 224; Римъ, 280, 282.
Дипломъ: опредѣленіе, 388.
Дискъ: игра, 139.
Дивирамбъ, пѣсня, 175.
Діадема: опредѣленіе, 96; императоры, 384, 385.

Діадохи: опредѣленіе, 214; усобицы, 215—217.
Діаконъ: начало, 362.
Діалектика: опредѣленіе, 180; софисты, 180; стоики, 234; имперія, 376.
Діана: греки, 112; Эфесъ, 116; Римъ, 263; Испанія, 321.
Діарбекиръ, нагорье, 41.
Дій, полководецъ, 228.
Діогенъ, философъ, 205, 206.
Діодоръ Сицилійскій, историкъ, 233.
Діоклеціанъ: значеніе, 385, 386.
Діоклея: Діоклеціанъ, 385.
Діомедъ, герой, 246.
Діона: оракулъ, 104; пелазги, 106.
Діонисій. 1) I, 206, 274, 286.—2) II, 206, 286.—3) Галикарнасскій, 233.
Діонисъ см. *Вакхъ.*
Діонъ: Сиракузы, 206.
Діоскурія, городъ, 133.
Діоцезъ: опредѣленіе, 387.
Днѣпръ см. *Борисвенъ.*
Днѣстръ: финикіяне, 53; Митридатъ, 220; готы, 383.
Додекархія: опредѣленіе, 38.
Додона: оракулъ, 104.
Долменъ: опредѣленіе, 12; Индія, 80; кельты, 362.
Домиціанъ: значеніе, 370; нравы, 373; литература, 374, 377.
Донъ: египтяне, 31; скиѳы, 99; готы, 383.
Дорида. 1) Въ Малой Азіи, 92, 109, 133.—2) Въ Греціи, 104, 109.
Дорійцы: переселеніе, 108, 109; эллинизмъ, 109, 237, 238; искусство, 59, 141; колоніи, 134, 135.
Доръ, герой, 107.
Дравидійцы, народъ, 79.
Драконъ, архонтъ, 127.
Драма: Индія, 88; Греція, 169, 172, 175—180; Римъ, 264, 300, 301, 349, 354.
Драхма: монета, 128.
Дробь: начало, 49.
Друзъ: Августъ, 340.
Друидессы, жрицы, 362.
Друиды, жрецы, 362, 371.
Дуализмъ: опредѣленіе, 5; Зендъ-Авеста, 76.
Дуилій, консулъ, 287.
Дунай: желѣзный вѣкъ, 13; скиѳы, 100; македонцы, 190, 195, 198; римляне, 310; германцы, 372, 383; города, 374.
Дуумвираты: первый, 325; второй, 335.
Духовенство: Константинъ, 388, 390; Ѳеодосій, 391.
Духъ: дикари, предокъ, 5; Египетъ, 34; халдеи, 46; греки, 112; этруски, 248; латины, 251; кельты, 363.
Душа: дикари, 5; переселеніе, 5, 35, 83, 140; безсмертіе и загробная жизнь, 5, 13, 35, 83, 207, 248, 251, 347.
Дѣти: дикари, 7; Финикія, 58; аріи, 74; Греція, 121, 122, 128; Римъ, 258; германцы, 363; имперія, 370, 372.
Дюреръ: персы, халдеи, 99.

Евангеліе: значеніе, 362; Іоаннъ, 380.
Евнухъ: Ассирія, 65; Персія, 96; Римъ, 296, 379.
Евреи: опредѣленіе, 4, 47; число, 5: Библія, 17; эра, 18; прибытіе въ Палестину, 28; Египетъ, 32, 47; родовой бытъ, 53; Саломонъ, 54; два царства, 55; Испанія, 63; персы, 72, 218; Птолемеи, 218; Селевкиды, 219; Александрія, 221; Римъ, 329, 343; имперія, 361, 362, 369, 371, 376, 379, 380, 389, 391; каббала, 380.
Европа. 1) Часть Свѣта: появленіе, 2; породы, бронзовый вѣкъ, 12, 13; населеніе, 19; значеніе, 359, 360.—2) Царевна, 115.
Евфратъ: истоки, 41, 42; граница Сиріи и Парѳіи, 220; Римъ, 338.
Египетъ. 1) Страна: желѣзный вѣкъ, 13; надписи, 17; природа, 22; исторія и культура, 24—39; финикіяне, 62; ассирійцы, 65; ново-халдеи, 69, 70; Лидія, 91; персы, 39, 95, 199; Александръ Великій, 39, 200, 201; Лагиды, 221, 222; Помпей, Цезарь, 328; Антоній, 335—337; копты, 400.—2) Герой, 116.
Езекія, царь, 62.
Елена. 1) Спартанская царица, 107, 108.—2) Мать Константина, 386.
Елисей, пророкъ, 56.
Епископъ: опредѣленіе, 388.
Ересь: опредѣленіе, 380; начало, 389; развитіе, 399, 400.
Естествознаніе: исторія, 1; Аристотель, 208; Александрія, 231; Римъ, 375.

Желтое море: опредѣленіе, 20.
Женщина: Египетъ, 23, 26, 32, 37, 40; Халдея, 44; евреи, 54; Ассирія, 66; Аріана, 74; Индія, 84, 85; Греція, 122, 128, 139, 172, 173, 241; галлы, 273; Римъ, 258, 297, 298, 300, 341, 345, 349, 351; германцы, 364, 365; имперія, 372, 379; значеніе, 360.
Жертвоприношеніе: развитіе, 6: бронзовый вѣкъ, 13; Вавилонъ, 49; евреи, 55; Финикія, 58; Карѳагенъ, 61; Аріана, 74, 76; Мидія, 78; Индія, 82; Греція, 113, 114; этруски, 248; латины, 251; Римъ, 279, 283, 291, 340; кельты и германцы, 363, 365.
Живопись: начало, 6; Ассирія, 65, 167; Греція, 167, 175, 212, 213; Александрія, 237; Этрурія, 248; Римъ, 356, 357; имперія, 381; христіанская, 401.
Жребій: государственная служба, 155; гаданіе, 365.
Жрецы: появленіе, 6; Египетъ, 24, 26, 33, 37; туранцы, 44, 46; мидяне, 78; Индія, 82—84; Греція, 114, 124, 157; этруски, 248; латины, 250, 251; Римъ, 263, 264, 295, 296.

Забъ, рѣка, 41.
Загръ: Иранъ, Тигръ, 41; персы, 89.
Задняя Азія: опредѣленіе, 40.
Задняя Индія: буддизмъ, 87.
Закинѳъ, островъ, 105.
Западная римская имперія: начало, 387; паденіе, 395, 396.
Зевксисъ: живописецъ, 213.
Зевсъ: оракулъ, 104; пелазги, 106; происхожденіе, 112; Олимпійскій, 392.
Зедекія, царь, 70.
Земледѣліе: начало, 8; развитіе, 8; каменный вѣкъ, 11; желѣзный вѣкъ, 14; Египетъ, 26, 28; Финикія, 51; Палестина, 52; Карѳагенъ, 61; Аріана, 74; Индія, 80; Грецій, 106, 118; Италія, 242; этруски, 246; италики, 249; Римъ, 257, 304; Кавказъ, 323; германцы, 363; имперія, 373, 374.
Зенда: языкъ, 76.
Зендъ-Авеста: значеніе, 17; содержаніе, 76; Сассаниды, 384.
Зенонъ, философъ, 234.
Зервана: божество, 78.
Зиггураты: опредѣленіе, 45; халден, 47; Сардинія, Балеары, 58; Ассирія, 65; Индія, 87; Мидія, 90; Персія, 94.
Зигфридъ: мнѳологія, 364.
Зиновія: значеніе, 385.
Зодчество: начало, 6; каменный вѣкъ, 11; Египетъ, 24, 27, 28, 29, 37; халден, 47; Вавилонъ, 48; Ассирія, 63, 65; Индія, 87, 88; Персія, 97—99; Грецій, 65, 109, 117, 141, 173—175, 212, 213, 240; Парѳія, 221; Александрія, 236; Римъ, 257, 302, 342, 356; имперія, 381; христіане, 400.
Зороастръ: значеніе, 76: имперія, 378, 380, 389; христіанство, 384.

Иберія, страна, 92.
Иберы: Испанія, 286, 289, 320; Кавказъ, 323, 372.
Ида, гора, 40.
Идиллія: начало, 235: Сицилія, 235; Вергилій, 350; Тибуллъ, 353.
Идолопоклонство: опредѣленіе, 5; Грецій, 113, 121; Этрурія, 247.
Идумей, царь, 361.
Иды: число мѣсяца, 331.
Изида: Египетъ, 35; Птолемеи, 222; Римъ, 296, 342; имперія, 379.
Израиль: опредѣленіе, 55; царство, 55, 56.
Иконы: начало, 400.
Ила: мнѳологія, 75.
Иллирикъ: опредѣленіе, 386, 387.
Иллирія: страна, 289; населеніе, 133, 190.
Илоты: опредѣленіе, 119; возстаніе, 153; Мессена, 187.
Илу: халден, 45.
Илья. 1) Судья, 54.—2) Пророкъ, 56.
Императоръ. 1) Монархъ: опредѣленіе, 9; Римъ, 330, 337—341, 385.—2) Военное званіе: опредѣленіе, 329; италики, 249; Помпей, 318, 323; Октавіанъ, 334, 338.
Индиктъ: эра 18; подать, 388.
Индія: языки, 4; египтяне, 29; финикіяне, 53; олово, 53; евреи, 54; македонцы, 202; имперія, 372; христіанство, 398.
Индо-европейцы см. *Арійцы*.
Индостанъ: низменность, 40; природа, 78, 79.
Индра: Аріана, 74; Индія, 80.
Индукція: опредѣленіе, 208.
Индусы: опредѣленіе. 4; преданія, 16; Веды, 17; появленіе, 78; характеристика, 80, 81; исторія, 78—87; культура, 87—88; значеніе, 88.
Индъ: природа, 40, 78; ассирійцы, 56; Александръ Великій, 201, 202; граница Парѳіи, 220.
Инсигніи: опредѣленіе, 261; знать, 278.
Ипатія: женщина-философъ, 392.
Иранъ: плоскогорье, 41; населеніе, 78; природа, 89; Киръ, 94; Александръ Великій, 202.
Иркте, утесъ, 288.
Ирландія: кельты, 363.
Иродъ. 1) Антипа, 361.—2) Великій, 219, 361.—3) Аттикъ, 381.
Исаія: Вавилонъ, 48.
Искандеръ: Александръ Великій, 198.
Искусство: его развитіе и виды, 6; археологическіе вѣка, 11, 13, 14; Египетъ, 24, 27, 28, 29, 30, 39; Эѳіопія, 37; халден, 45; Вавилонъ, 49; Финикія, 58; Карѳагенъ, 61; Ассирія, 63—66; Малая Азія, 92, 93; Персія, 97—99; Грецій, 107, 108, 141, 173—175, 212—214; Александрія, 235—238; Этрурія, 247; Римъ, 302, 342; 356—358; значеніе, 359, 360; кельты, 362; имперія, 373, 376, 381, 402; христіанское, 400, 401.
Исократъ: ораторъ, 193; смерть, 196; значеніе, 210, 211.
Испанія: карѳагеняне, 60, 61, 289; Римъ, 295; Серторій, 320, 321; Цезарь, 327, 328; имперія, 376, 383, 393.
Иссъ, городъ, 200.
Истаръ: Венера, 45; Астарта, 58.
Исторія: опредѣленіе, 1; земля, 2; искусство, 16; дѣленіе, 18; Египетъ, 24; Финикія, 43; Грецій, 180, 181, 211, 212; Александрія, 232; начало всеобщей, 233; Римъ, 301, 347, 348, 350, 355; имперія, 375, 376.
Истръ, рѣка, 100.
Исѳмъ: природа, 104; битва, 228.
Италика см. *Корфиніумъ*.
Италики: племя, 248; культура, 249—252; римляне, 285; пуническія войны, 307; Марій, 315, 316; Цинна, 317.
Италія: опредѣленіе, 243; финикіяне, 53; Египетъ, пелазги, 75; природа, 242—245; греки, 244; галлы, 273; объединеніе, 277—286, 292; союзъ народовъ,

315; Августъ, 339; имперія, 373, 387, 395.
Италы, народъ, 245.
Ификратъ: характеръ, 184; тактика, 185.
Ивомс: гора, 105; крѣпость, 123.

Іаковъ: значеніе, 53.
Іегова: опредѣленіе, 53; значеніе, 361.
Іезавель, царица, 56.
Іезекіиль, пророкъ, 71.
Іемень, страна, 59.
Іерархія: опредѣленіе, 6; евреи, 55; Индія. 87; христіане, 388.
Іеремія: Египетъ, 70.
Іерихонъ: природа, 52; гибель, 199.
Іероваамъ, царь, 55.
Іероглифы: опредѣленіе, 15; чтеніе, 17; Египетъ, 17.
Іеронимъ: значеніе, 399.
Іерусалимъ: начало, 52, 54; искусство, 58; Навуходоносоръ, 63; персы, 218; Александръ Великій, 200; Селевкиды, 219; Помпей, 323; Христосъ, 361; гибель, 369, 371, 381.
Іоаннъ. 1) Крестителъ: значеніе, 361.—2) Евангелистъ, 368, 380.—3) Хризостомъ, 399.
Іонія: троянцы, 92; іонійцы, 109; колоніи, 133.
Іонійское море: природа, 105, 242; Тарентъ, 274.
Іонійцы: искусство, 59; пелазги, 106; переселенія, 108; Азія, 109; эллинизмъ. 109, 238; колоніи, 109, 133.
Іонъ, герой, 107.
Іоппе, городъ, 52.
Іорданъ: природа, 51.
Іосифъ. 1) Сынъ Іакова, 29.—2) Флавій, 376.
Іосія: Второзаконіе, 63.
Іуда, колѣно: Іерусалимъ, 54; Ровоамъ, 55.
Іудея: начало, 55; паденіе, 62, 63; возстановленіе, 218, 219; Помпей, 323.

Каббала: опредѣленіе, 380; неоплатонизмъ, 398.
Кабулъ: Аріана, 73; Маргіана, 89.
Кавдинскія Вилы: ущелье, 283.
Кавказскіе Ворота см. *Дарьялъ*.
Кавказъ: проходъ, 20; египтяне, 31; финикіяне, олово, 53; Митридатъ, 220; Помпей, 323: иберы, 372; христіанство, 398.
Кадастръ: Римъ, 262, 339, 355, 388.
Кадешъ: хеты и египтяне, 30; сирійцы, 41.
Кадиксъ см. *Гадесъ*.
Кадмея: основаніе, 115; развалины, 229.
Кадмъ: Онвы, 53.
Каиръ: Мемфисъ, 23.
Какъ, герой, 252.
Калабрійцы: опредѣленіе, 245.
Кала-Шергатъ: раскопки, 43.
Каледонія см. *Шотландія*.
Календарь: грегоріанскій, 18; Аѳины, 128; Этрурія, 249; латины, 251; римляне. 254, 281; юліанскій, 330.
Калигула: значеніе, 366. 367.
Калидаса, поэтъ, 88.
Каллимахъ, архитекторъ, 175.
Каллисѳенъ, философъ, 196.
Калмыки: монголы, 4.
Камбизъ. 1) I: Киръ. 91.—2) II: Египетъ, 39; характеръ, 95.
Камбузія см. *Камбизъ*.
Камея: опредѣленіе, 237; Грецiя, 237; Римъ, 358.
Камиллъ Фурій: Вейи, 272; Римъ, 273; латины, 274; Манлій, 275; диктаторъ, 276; войско, 281.
Кампанія: природа, 243, 244; этруски, 246, 266; Ганнибалъ, 291.
Кампаны: опредѣленіе, 245.
Кандія см. *Критъ*.
Каннибализмъ: дикари, 7; численность, 9.
Канулей, трибунъ, 271.
Капитель: опредѣленіе, 27; египетская, 27; ассирійская, 65; персидская, 98; дорическая, 27, 141; іоническая, 173; коринѳская, 175.
Капитолій: опредѣленіе, 250; латины 253; Римъ, 256; Авентинъ, 269; галлы, 273; пожаръ, 369; Византія, 387.
Каппадокія: ассирійцы. 56; арійцы. 92; Помпей, 323.
Капуя: начало, 246; самниты. 274, 282; Ганнибалъ, 291.
Каракалла: значеніе, 384.
Карійцы: народъ, 92; Мавзолъ, 199.
Карманія, страна, 89.
Карнакъ: развалины, 29.
Карфемышъ: битва, 39, 69.
Карѳагенъ: основаніе, 60; культура, 61; значеніе, 62; персы, 101; Сиракузы, 286; этруски, 266; Римъ, 287, 295—311, 316; вандалы, 394.
Каспійскіе Ворота: проходъ, 89.
Каспійское море: природа, 19; ассирійцы, 56.
Кассандръ: Антипатръ, 214; характеристика, 215; смерть, 216.
Касситериды: финикіяне, 59.
Кассій. 1) Другъ Сципіоновъ, 309.—2) Другъ Брута, 331. 333, 334, 366.
Кастилія. плато, 20.
Катакомбы: опредѣленіе. 401.
Каталаунскія Поля: битва, 394.
Катана: колонія, 135.
Категорія: опредѣленіе. 7; Аристотель, 208.
Катилина: характеръ. 324; Цицеронъ, 325.
Католичество: опредѣленіе, 390.
Катонъ. 1) Старшій: ахейцы, 228; Сципіонъ, 293; Карѳагенъ, 294; характеръ, 296, 297; борьба съ новизной, 298—300; писатель, 301; ораторъ, 302; реакціонеръ, 307.—2) Младшій, Ути-

ческій: характеръ, 324; стоикъ, 344; республиканецъ, 325—327; смерть, 328; Брутъ, 331.—3) Сынъ Утическаго, 334.
Катуллъ: значеніе, 348, 349; Цезарь, 327.
Кафры: опредѣленіе, 3.
Кашмиръ: Скилаксъ, 101.
Квесторъ: цари, 260; патриціи, 266, 270; консулъ, 288; итальянскій, 285; флотскій, 285.
Квинтиліанъ: значеніе, 370, 377.
Квиринъ: Ромулъ, 253; значеніе, 263.
Кекропія: крѣпость, 109; основаніе 116.
Кекропсъ: значеніе, 39; Ѳезей, 116.
Кёльнъ: начало, 340; франки, 383.
Кельты: опредѣленіе, 4; появленіе, 75; Испанія, 62; Россія, 100; Пелопонесъ, 223; Персей, 227; Италія, 246, 289; Испанія, 289; Галлія, 325, 326; бытъ, 362, 363. См. *Галлы* и *Галатія*.
Керазунтъ: вишни, 323.
Керлъ; опредѣленіе, 365.
Керченскій проливъ см. *Босфоръ Киммерійскій*.
Керчь см. *Пантикапея*.
Кибела: Фригія, 93; Греція, 116; Римъ, 296, 379.
Кизикъ: природа, 133; битва, 164.
Кизиль-Ирмакъ см. *Галисъ*.
Киликія: египтяне, 37; ассирійцы, 56; населеніе, 92; пираты, 322; Римъ, 323.
Килонъ: значеніе, 127.
Кимвры см. *Германцы*.
Киммерійцы: Малая Азія, 92; Крымъ, 100.
Кимонъ: Мильтіадъ, 144; значеніе, 149; характеристика, 151; Периклъ, 152; Спарта, 153.
Кинадонъ: заговоръ, 182.
Киприъ: Ашера, 58; ассирійцы, 62; персы, 199; римляне, 325.
Киргизы: опредѣленіе, 4.
Кирена, Киренаика: основаніе, 38, 60; персы, 101, 135; дорійцы, 109; философія, 205; Карнеадъ, 286.
Киренаики: начало, 205; эпикурейцы, 234.
Киресхата, городъ, 94.
Кириллъ: несторіане, 400.
Киръ. 1) Старшій: Финикія, 94; новохалдеи, 71; арійцы, 72; гробница, 94; Малая Азія, 93; Вавилонія, Иранъ и смерть, 94; характеръ, 94, 95. 2) Киръ Младшій: Лизандръ, 165; Ксенофонтъ, 183; Парисатида, 199. 3) Рѣка см. *Кура*.
Китайскія Альпы, 20.
Китайцы: опредѣленіе, 4; языки, 4; Шу-Кингъ, 17; Америка и Австралія, 21.
Клавдіи: родъ, 267.
Клавдій: значеніе, 366.
Кланъ см. *Родовой бытъ*.
Клеоменъ III: реформа, 225.
Клеонъ: характеръ, 161; Бразидъ, 162; Аристофанъ, 179, 180.
Клеопатра: значеніе, 222; Цезарь, 328; Антоній, 335, 336; Октавіанъ, 337.
Клерухіи: опредѣленіе, 132; Периклъ, 158.
Климентины, романъ, 378.
Климентъ, отецъ церкви, 389.
Клиръ: опредѣленіе, 388.
Клисѳенъ: реформы, 131.
Клитъ: Александръ Великій, 197.
Кліентъ: опредѣленіе, 259; плебеи, 261.
Клузіумъ: городъ, 249; галлы, 273.
Книдъ: городъ, 109; битва, 184.
Кодификація: опредѣленіе, 397.
Кодръ: дорійцы, 109; потомство, 126.
Колизей: амфитеатръ, 381.
Коллатинъ: Брутъ, 256; сенатъ. 265.
Коллинскіе Ворота: битва, 317, 318.
Колоніи: египетскія, 37; финикійскія, 53, 60; греческія, 109, 133—135, 237, 290; сабинскія, 250; самнитскія, 274; римскія, 259, 277, 285, 289, 292, 308, 311, 314; Цезарь, 326, 330; Августъ, 339, 340; имперія, 374.
Колонна: египетская, 27; индійская, 88; персидская, 98; дорическая, 141; іоническая, 173; коринѳская, 173, 175, 237, 381; побѣдная, 381.
Колонъ: опредѣленіе, 388.
Колоссъ Родосскій: Адонъ, 58; Поліоркетъ, 216; богъ Солнца, 236.
Колумелла: писатель, 374.
Колхида: египтяне, 31; финикіяне и пелазги, 53, 60; персы, 92; Митридатъ, 220.
Комедія: опредѣленіе, 179; Греція, 179, 180, 212; Римъ, 301, 345.
Комиціи. 1) У латиновъ, 250.—2) Куріатныя: цари, 260, 263; патриціи, 266, 276.—3) Трибутныя: цари, 263; патриціи, 267, 269, 270, 276; Августъ, 337.—4) Центуріатныя: цари, 263; патриціи, 266, 276—278; оптиматы, 305, 306; реформы, 308, 309; Сулла, 319; Цезарь, 329; Августъ, 337; имперія, 370.
Коморинъ, мысъ, 81, 82.
Компиляторъ: опредѣленіе, 377.
Комфортъ: опредѣленіе, 9; имперія, 373.
Конкордія: божество, 263; храмъ, 276.
Коннубіумъ: опредѣленіе, 261; Канулей, 271.
Кононъ: Алкивіадъ, 165; Книдъ, 184.
Консисторій: опредѣленіе, 387.
Константинополь: начало, 387; христіанство, 388.
Константинъ: индиктъ, 18; начало, 386; царствованіе, 387, 388; искусство, 401.
Констанцій. 1) Хлоръ, 386. — 2) Сынъ Константина, 391.
Консулъ: опредѣленіе, 265; отмѣна, 271 272; возстановленіе, 276; знать, 278 Марій, 312—315; Сулла, 316; Помпей 327; Цезарь, 329; Августъ, 338; отмѣна 385.
Копты: языкъ, 17; монофизиты, 400.
Коринѳскій заливъ: положеніе, 104, 105.
Коринѳъ, Коринѳія: положеніе, 105; тираны, 125; Спарта, 159; коринѳская война, 184; сеймъ, 196, 198; Римъ, 228, 295, 330.

Корифей: опредѣленіе, 178.
Корнелія: Сципіонъ, 293, 309; Гракхи, 310.
Король: опредѣленіе, 8; германцы, 365.
Коромандельскій берегъ, 81.
Корсика: этруски, 266; Карѳагенъ, 286; Римъ, 288.
Корфиніумъ: значеніе, 315.
Корцира: положеніе, 105; пелопоннесская война, 160.
Космогонія: опредѣленіе, 16; Вавилонъ, 46, 47; аріи, 75; Индія, 83; Греція, 110—112.
Косъ: островъ, 92; дорійцы, 109.
Котурны: опредѣленіе, 176.
Красное море: кушиты, 22; египтяне, 30.
Краснорѣчіе. Политическое: Греція, 210, 211; Римъ, 302, 309, 317, 326, 345—347.—Судебное: Греція, 180, 209; Римъ, 355; имперія, 376.
Крассъ: начало, 318; характеръ, 319; гладіаторы, 321; оптиматы, 322; Катилина, 324; тріумвиратъ, смерть, 325.
Крезъ: значеніе, 93.
Кремуцій Кордъ: значеніе, 366.
Крестьяне; начало, 8; Египетъ, 26, 28, 32, 33; Финикія, 57; Индія, 83, 84; Греція, 118, 119, 126; Римъ, 257—260, 266, 267, 302—305, 342, 343; значеніе, 360; имперія, 373, 385, 386.
Криптія: опредѣленіе, 119.
Критій: олигархія, 164; тиранія, 166; Сократъ, 168; Платонъ, 206.
Критъ: пелазги, 53; финикіяне, 58, 115; египтяне, 75; значеніе, 105; дорійцы, 109; Зевсъ, 112; Ликургъ, 120; римская провинція, 323; готы, 383.
Кришна: царь, 81.
Кроація: Августъ, 340.
Кронъ см. *Сатурнъ.*
Кротонъ: Пиѳагоръ, 134; Митридатъ, 220; готы, 383.
Крѣпостничество: кельты, 362; германцы, 365; Константинъ, 388.
Ксанѳипп: Мильтіадъ, 143, 144; персы, 147.
Ксанѳъ: столица, 92; памятникъ, 214.
Ксенофонтъ: персы, 183; Агезилай, 184; исторія, 211.
Ксерксъ: Ѳермопилы, 145; Персія, 198, 199.
Ксисутръ: преданіе, 46.
Ктезифонъ: начало, 42; Сассаниды, 384.
Культура: опредѣленіе, 3; кушитская, 22; египетская, 32—37, 40; туранская, 44; халдейская, 45—47; семитская, 48; вавилонская, 48—50; финикійская, 57—60; карѳагенская, 61, 62; ассирійская, 63—68; ново-халдейская, 70, 71; арабская, 72; арійская, европейская, 73, 80, 237; индійская, 87, 88; армянская, 91; ликійская, 92; персидская, 97—99; греческая, 110—114, 116—118, 121, 122, 135—141, 166—181, 205—214; александрійская, 229—237, 239; этруская, 246—249; италики, 249—252; византійская, 239, 240, 387, 388; римская, 240, 263—264, 295—305, 341—359, 360; имперія, 373—381, 383, 396.
Культъ: опредѣленіе, 6; пережитокъ, 16; Египетъ, 36, 37; туранцы, 44; халдеи, 45, 46; Вавилонъ, 49; евреи, 53, 55; Финикія, 57, 58; Карѳагенъ, 61; аріи, 74, 75; Зороастръ, 77; Индія, 80, 85, 87; Греція, 113—114, 169, 170; Этрурія, 248; италики, 250, 251; Римъ, 263, 264, 295, 296; христіанство, 400.
Кумы. 1) Въ Азіи, 109. — 2) Въ Италіи, 135, 246, 274.
Кунктаторъ см. *Фабій.*
Кура: рѣка, 89.
Курдистанъ: Мидія, 89.
Курды: языкъ, 76; бытъ, 90.
Куріалъ: опредѣленіе, 388.
Куріаціи: преданіе, 254.
Курія: опредѣленіе, 260.—1) Государственное учрежденіе, 260, 387. — 2) Городская дума, 339.
Курій Дентатъ: полководецъ, 284.
Курульскія должности: опредѣленіе, 271; знать, 278.
Курульское кресло: опредѣленіе, 249; Тарквиніи, 254; царь, 261; консулъ, 265; военный трибунъ съ консульской властью, 271; знать, 278.
Курушъ см. *Киръ* (царь).
Курцій: патріотизмъ, 279.
Кушиты: опредѣленіе, 22; Египетъ, 23, 24; Палестина, 28; Халдея, 45—47; Финикія, 52; Индія, 79, 85; Белуджистанъ, 89; значеніе, 102.
Кушъ: сынъ Хама, 22.
Куюнджикъ: раскопки, 43, 63.
Кшатріи: опредѣленіе, 82: брамины, 83, 84.
Кюстенджи: Овидій, 353.

Лабиринтъ: опредѣленіе, 27.
Лавріонъ: гора, 104.
Лагиды: опредѣленіе, 221, 222.
Лакедемонъ: Лидія, природа, 93, 105; опредѣленіе, 119.
Лаконія см. *Лакедемонъ.*
Лаконцы: на египетскихъ памятникахъ, 75; пелазги, 106.
Ламія: крѣпость, 205.
Лангобарды: опредѣленіе, 363.
Ландтагъ: сходка, 365.
Лаокоонъ: статуя, 236.
Ларвы: духи, 251.
Ларисса: опредѣленіе, 104.
Ларъ: духъ, 251.
Латинъ: царь, 252.
Латины, народъ: начало, 245; характеристика и бытъ, 250; религія, 250, 251; преданія, 252, 253; плебеи, 261; борьба съ Римомъ, 266, 282; гегемонія Рима, 274; при оптиматахъ, 307.
Латынь. 1) Золотая, 346—354.—2) Сере-

бряная, 374—378.—3) Желѣзная, 396—398.
Лаціумъ: природа, 243, 244; опредѣленіе, 245; города, 250.
Лебу см. *Ливійцы*.
Леванть см. *Анатолія*.
Левиты: опредѣленіе, 55.
Левктра: битва, 186.
Левъ I, епископъ, 394, 399.
Лекціи, публичныя: Аѳины, 172; Александрія, 229; имперія, 373.
Лелій: другъ Сципіоновъ, 309.
Ленорманъ: значеніе, 17, 44.
Леонидъ: царь, 146.
Леонтини: іоническая колонія, 160.
Лепидъ, тріумвиръ: начало, 332; тріумвиратъ, 334; Африка, 335.
Лесбосъ: островъ, 92; эолійцы, 109; музыка, 140; пелопонесская война, 160.
Лейярдъ: ученый, 43.
Либаній: значеніе, 398.
Ливанъ: горы, 41; ереси, 400.
Ливія: жена Августа, 241, 353.
Ливій Андроникъ: писатель, 301.
Ливій Друзъ: Гай Гракхъ, 314.
Ливій Титъ: историкъ, 355.
Ливійцы: языкъ, 22; Египетъ, 37.
Ливо-финикіяне: опредѣленіе, 60.
Лигурія, лигуры: Италія, 242, 245.
Лидія: царство, 41; мидяне, 91; исторія, 90, 91; природа, 92.
Лизандръ: характеръ, 165; аристократы, 182; Агезилай, 183, 184.
Лизиппъ: ваятель, 213.
Ликія: страна, 92; жители, 92; памятники, 214.
Ликторы: опредѣленіе, 249; Римъ, 254, 261, 265, 271, 278.
Ликургъ. 1) Законодатель, 120.—2) Ораторъ, 194, 204; смерть, 205.
Лингвистика: опредѣленіе, 4; значеніе санскрита, 79; Индія, 88; Александрія, 239.
Липарскіе острова: вулканы, 242.
Лирика: Индія, 88; евреи, 71; Греція, 140, 175; игры, 172; Александрія, 235; Римъ, 348, 349, 351, 354.
Литература: значеніе, 15, 17; Египетъ, 26, 34; Финикія, 58, 59; Карѳагенъ, 62; Ассирія, 67; Индія, 79, 81, 88; Греція, 108, 110, 118, 139, 140, 154, 172, 175—181, 211, 212; Александрія, 232, 235; Римъ, 264, 297, 300—302, 325, 344—356; имперія, 373—378, 396.
Литовцы: опредѣленіе, 4; появленіе, 75, 175, 366; имперія, 366.
Литургія: опредѣленіе, 129; Периклъ, 158.
Лицей: гимназія, 156, 171; Аристотель, 208; Александрія, 234.
Лицинній. 1) Трибунъ, 275.—2) Императоръ, 386, 387.
Ліонъ см. *Лугдунумъ*.
Логика: Аристотель, 208.
Локоть: мѣра, 49.
Локрида: положеніе, 104; священное войско, 195.
Локуста: отравленіе, 366.
Ломбардія: низменность, 20.
Лонгинъ: Зиновія, 385.
Луара: имперія, 374, 393.
Лувръ: Ассирія, 43.
Лугдунумъ, городъ, 326.
Лузитаны: народъ, 295, 320.
Луканія: страна, 245; населеніе, 274.
Лукіанъ: Неронъ, 368; Маркъ Аврелій, 372; значеніе, 377; Юліанъ, 398.
Лукреція: Секстъ, 257.
Лукрецій Каръ, поэтъ, 349.
Луксоръ: памятники, 29.
Лукуллъ: Сулла, 316; характеръ, 319; Арменія, 323.
Лукумоны: сословіе, 249.
Луцилій, поэтъ, 400.
Лѣтопись: опредѣленіе, 18; Римъ, 264, 301, 355.
Лютеція: основаніе, 391.

Маасъ: бургунды, 393.
Мавзолей: опредѣленіе, 214.
Мавзолъ: Филиппъ I, 191; персы, 199; искусство, 214.
Мавританія, страна, 311.
Мага-Бхарата, поэма, 81.
Маги: туранцы, 44; халдеи, 46; мидяне, 78; имперія, 379, 384.
Магистраты, магистратура: опредѣленіе, 266; знать, 278, 281; оптиматы, 305; Августъ, 237—339; Траянъ, 370.
Магія: опредѣленіе, 44; имперія, 398.
Маіометанство: начало, 5; эра, 18; турки, 21; значеніе, 72.
Маіонъ: значеніе, 61.
Мадаинъ: начало, 384.
Мазандеранъ: страна, 111.
Маздеизмъ: опредѣленіе, 76; значеніе, 101.
Македонія: персы, 101; эллинизація, 133; Олинѳъ, 185; ѳиванцы, 186, 187; природа и населеніе, 188, 189; Филиппъ I и Александръ, 189—203; Демосѳенъ, 203—205; діадохи, 215—217; эпигоны, 217, 222—227; значеніе, 238—240; паденіе, 292, 293; Цезарь, 327.
Маккавеи: Селевкиды, 219.
Максенцій: Константинъ, 386.
Максиміанъ: августъ, 385, 386.
Малага: опредѣленіе, 60.
Малая Азія: опредѣленіе, 41; хеты, 30; ассирійцы, 63; миѳы, 68; Египетъ, 75; начало исторіи, 92, 93; могилы, 98; Лагиды, 222; парѳяне, 372.
Малайскіе острова: буддизмъ, 87.
Малый С. Бернаръ: Ганнибалъ, 290.
Мальта: храмы, 58; финикіяне, 60.
Мамертины: наемники, 287.
Манеѳонъ: исторія Египта, 24.
Мани: значеніе, 384, 389.
Манипулы: опредѣленіе, 281; Марій, 313.

Манихеи: опредѣленіе, 389.
Манія: опредѣленіе, 251.
Манлій. 1) *Капитолійскій*: галлы, 273; смерть, 275.—2) *Цинцинната*, 282.
Мантика: опредѣленіе, 113.
Мантинея: положеніе, 105; разрушеніе, 182, 185; битва, 187, 188.
Мантуа: Ганнибалъ, 289.
Ману: первый человѣкъ, 75, 83; законы, 84.
Маравонъ: природа, 104; битва, 143.
Марѳіана: страна, 89.
Мардоній: Ѳермопилы, 146; Платея, 147, 148.
Маремма: опредѣленіе, 243.
Маріеттъ: ученый, 17.
Марій. 1) Старшій: начало, 298; консулъ, 312; кимвры и тевтоны, 313; характеристика, 314; союзническая война, 315; Сулла, 316; свирѣпство и смерть, 316, 317.—2) Марій Младшій, 317, 318.
Марка: опредѣленіе, 365.
Маркоманы: опредѣленіе, 363; Маркъ Аврелій, 372.
Маркъ Аврелій: значеніе, 372, 373; литература, 374; философія, 379, 380.
Марокко см. *Мавританія*.
Маронить: опредѣленіе, 400.
Марсель см. *Массилія*.
Марсъ: Аресъ, 112; сабины, 250; латины, 251; Римъ, 263.
Марсы: опредѣленіе, 245; Римъ, 315.
Мартинъ Турскій: монашество, 399.
Марцеллъ: Ганнибалъ, 291.
Марціалъ: эпиграмма, 377.
Маски: театръ, 176; предки, 278.
Масперо: ученый, 17.
Массагеты: Киръ, 94.
Массилія: основаніе, 93.
Массинисса: Карѳагенъ, 292, 294.
Матапанъ см. *Тенаръ*.
Математика: халден, 45; Вавилонъ, 49; Индія, 88; Грецію, 212; Александрія, 231, 232; латины, 251; Римъ, 343; имперія, 374.
Маттафія: Маккавеи, 219.
Мать-Сыра-Земля см. *Гея*.
Машины: Вавилонъ, 71; Грецію, 158, 176; Филиппъ I, 190; Поліоркетъ, 215, 216; Архимедъ, 291; Августъ, 354; значеніе, 360.
Майнцъ: городъ, 395.
Майны: германцы, 383.
Мегаклъ: Килонъ, 127.
Мегалитъ: опредѣленіе, 12.
Мегалополь: основаніе, 187.
Мегара: значеніе, 104; тираны, 125; Спарта, 159.
Мегарида: страна, 104.
Медимнъ: опредѣленіе, 128; Солонъ, 129.
Медицина: Египетъ, 26, 34; Индія, 88; персы, 96; Грецію, 180, 198, 212; Александрія, 231; Этрурія, 249; Римъ, 302; имперія, 375.
Медіоланъ: колонія, 289.
Междуцарь: опредѣленіе, 260.
Мезія: Августъ, 340; даки, 370.
Мексика: бронзовый вѣкъ, 13.
Мелькартъ: опредѣленіе, 53, 57; Геракль, 114.
Мемфисъ: столица, 23, 24; пелазги, 53.
Мена: опредѣленіе, 24.
Менандръ: значеніе, 212.
Менгиръ: опредѣленіе, 362.
Менелай: значеніе, 107; Микены, 108.
*Менипп*ъ: значеніе, 235.
Меотида: скиѳы, 100.
Мервъ: Маргіана, 89.
Мери: Файюмъ, 23.
Меркурій: лекарство, 88; божество, 112.
Мерлинъ: значеніе, 363.
Меровей: франки, 394.
Меромъ: положеніе, 51.
Мероэ: столица, 30, 37; ассирійцы, 56.
Мертвое м.: Старый Свѣтъ, 19; уровень, 52
Месопотамія: низменность, 41; финикіяне. 59; персы, 94; имперія, 371.
Мессала: кружокъ, 349.
Мессалина: характеръ, 367, 373.
Мессана: городъ, 287.
Мессапіи: народъ, 245.
Мессена: городъ, 105, 187.
Мессенія: страна, 105; дорійцы, 119; спартанцы, 123, 153,
Мессина: городъ, 246.
Мессія: Давидъ, 54; христіанство, 361; Баркохабъ, 371.
Метаморфозы: опредѣленіе, 377.
Метафизика: опредѣленіе, начало, 180; Платонъ, 207.
Метеки, сословіе: Солонъ, 128; Клисѳенъ, 131; ихъ жены, 170.
Метеллъ: Югурта, 312; Сатурнинъ, 314.
Методъ: опредѣленіе, сравнительный, 1; индуктивный, 167, 208.
Метонъ, астрономъ, 180.
Метрика: Катуллъ, 349.
Меценатъ: Октавіанъ, 336; Горацій, 352; смерть, 341, 353.
Мидасъ: преданіе, 93.
Мидія: опредѣленіе, 89; туранцы, 20, 78; ассирійцы, 56, 68; значеніе, 101.
Мидійская Стѣна: опредѣленіе, 42.
Мизія: троянцы, 92.
Микены: значеніе, 105; Атриды, 107.
Миланъ: столица, 385.
Милетъ: городъ, Крезъ, 93; іонійцы, 109; Стоградный, 133; паденіе, 142.
Милита: халден, 45; Вавилонъ, 49; Финикія, 57.
Милы: битва, 288.
Мильвійскій мостъ: битва, 386.
Мильтіадъ. 1) Старшій: Геллеспонтъ, 111; Аѳины, 130.—2) Младшій: Херсонесъ Ѳракійскій, 133; персы, 142—144.
Мимика: Грецію, 172.
Мимы: опредѣленіе, 212; Римъ, 345, 354.
Мина: опредѣленіе, 49.
Минерва: Аѳина-Паллада, 112; латины, 251.

Миніатюра: опредѣленіе, 401.
Миносъ: Критъ, 115.
Минотавръ: Молохъ, 58; Критъ, 115.
Минтурнскія болота: Марій, 316.
Мистеріи: Греція, 169; имперія, 378—380, 398.
Митилена: значеніе, 133.
Митридатъ: царствованіе, 220; Марій, 314; союзническая война, 315, 317; Сулла, 316; Помпей, 322, 323.
Митрополитъ: начало, 362, 388.
Митрополія: опредѣленіе, 60; Тиръ, 60: Греція, 132.
Мифра: Аріана, 74; Римъ, 342; имперія, 379.
Мифрадатъ см. *Митридатъ*.
Мифъ: опредѣленіе, 16; Греція, 110; Овидій, 353.
Мозаика: христіанство, 401.
Моисей. 1) Пророкъ, 32, 53.—2) Хоренскій: историкъ, 90.
Молохъ: божество, 58, 61, 115.
Молухи: божество, 46.
Мольеръ: писатель, 301.
Монако: массиліотская колонія, 135.
Монашество: начало, 390; развитіе, 399.
Монголія: буддизмъ, 87.
Монголы: опредѣленіе, 4; преданія, 16; завоеваніе Китая и Индостана, 21; Европа, 21.
Монеты: начало, 14; куфическія, 14; лидійскія, 93; персидскія, 96; греческія колоніи, 132; Аркадія и Сиракузы, 213; Пареія, 221; Этрурія, 247; южная Италія, 274; Римъ, 262, 330, 358.
Монографія: опредѣленіе, 18.
Монотеизмъ: опредѣленіе, 5; евреи, 53; арабы и христіане, 72; имперія, 361.
Монофелиты: опредѣленіе, 400.
Монофизиты: опредѣленіе, 400.
Монтанизмъ: опредѣленіе, 380.
Монтанъ: значеніе, 380.
Мораль см. *Этика*.
Мордва: народъ, 4.
Морея см. *Пелопонесъ*.
Мосулъ: городъ, 43.
Мраморное м. см. *Пропонтида*.
Музей: значеніе, 16; Британскій, 17, 43, 48; Капрскій, 17; Пергамъ, 219; Александрія, 229, 230; Берлинскій, 247; Римъ, 302; имперія, 373, 384.
Музы: божества, 110.
Музыка: опредѣленіе, 6; Индія, 88; Фригія, 93; Греція, 121, 140, 156, 171, 178, 210; Этрурія, 249; Римъ, 264, 278, 299, 342; значеніе, 360; инструменты, 14, 26, 172, 210, 264.
Муміи: опредѣленіе, 6; Египетъ, 36; Финикія, 58.
Муммій: Коринѳъ, 228; оппозиція, 307.
Муниципіи: опредѣленіе, 285; Августъ, 339; Константинъ, 387.
Мурвѣдро см. *Сагунтъ*.
Мутина: междоусобная война, 333.
Муцій Сцевола. 1) Герой, 266.—2) Юристъ, 302, 309, 356.

Набу-бал-уссуръ: Кіаксаръ, 69; Навуходоносоръ, 70.
Набу-кудур-уссуръ см. *Навуходоносоръ*.
Набу-нагидъ: ново-халдеи, 71; Киръ, 94.
Навкрарія: опредѣленіе, 126; отмѣна, 145.
Навкратисъ: основаніе, 135.
Навуходоносоръ: Нехо, 39, 70; Тиръ, 63; герой халдеевъ, 70.
Надписи: значеніе, 15; древнѣйшія, 17; ливійцы и нумидійцы, 22; Вавилонъ, 44; ассирійцы, 50, 56, 66, 68; ново-халдеи, 70; финикійцы, 58; этруски, 246; самниты, 274.
Наемничество: Греція, 183; Македонія, 223; этруски, 246; галлы, 273; Тарентъ, 283; Карѳагенъ, 286; Сиракузы, 287; имперія 391, 392, 395.
Нарбонская провинція, 313.
Наука: начало, 7; Египетъ, 34, 39; Вавилонъ, 49; Финикія, 58; Индія, 88; Греція, 140, 154, 156, 167, 171, 172, 180, 181, 205—212, 238—240; Александрія, 231—235; Римъ, 301, 302, 347, 348, 350, 355, 356; значеніе, 359, 360; имперія, 374, 387, 402.
Нахараинъ см. *Месопотамія*.
Неаполь: основаніе, 135; Великая Греція, 243; Кумы, 135, 246.
Неархъ: мореплаватель, 202.
Невій: драма, 301.
Негры: Африка, Австралія, 3; Деканъ, 79.
Некрополь: опредѣленіе, 24; Сидонъ, 51.
Немея: значеніе, 105.
Неоплатонизмъ: опредѣленіе, 397; Плотинъ, 398.
Непотъ: исторія, 348.
Нептунъ см. *Посейдонъ*.
Нереиды: опредѣленіе, 112.
Неронъ: значеніе, 366—368; нравы, 373; литература, 374, 377.
Несторіане: опредѣленіе, 384, 400.
Несторій: значеніе, 400.
Несторъ: Пилосъ, 108; Италія, 246.
Нефъ: опредѣленіе, 29.
Нехо: значеніе, 39: Кархемышъ, 69.
Нивеллировка: опредѣленіе, 331.
Нигеръ: берберы, 22; Карѳагенъ, 60.
Никій: характеристика, 161; миръ, 162; Сицилія, 163.
Никомедія: Діоклеціанъ, 385.
Нилъ: опредѣленіе, 22; монашество, 390.
Нимродъ: царь, 47.
Нимрудъ: деревня, 43, 56.
Нимфы: Индія, 81; Греція, 112.
Ниневія: Египетъ, 38; развалины, 43, 56; начало, 50; паденіе, 63, 68, 69; эпосъ, 67; армяне, 91; Гаугамела, 201.
Нинъ: Ниневія, 67.
Нирвана: опредѣленіе, 86.
Нит-акри, царица, 26.

Нитъ, божество, 37.
Нифата, горы, 41.
Ниццa: Массилія, 135.
Ніоба: миѳъ, 106.
Новый Вавилонъ см. *Халден.*
Новый Карѳагенъ: основаніе, 289.
Номоветы: опредѣленіе, 130; Периклъ, 155.
Номы: опредѣленіе, 33.
Норвегія: бронзовый вѣкъ, 13; итальянскія вазы, 14.
Ночь: божество, 112.
Ной: потомство, 22.
Нравы: ихъ развитіе, 7; Египетъ, 23, 24, 26, 39, 40; Вавилонъ, 48, 49; Финикія, 58, 60; Индія, 81, 88, 101; персы, 91, 94, 95, 101, 102; Греція, 110, 121, 122, 156, 159—161, 168, 209—211, 215, 216, 223—229, 241; Александрія, 229—231, 234, 235; этруски, 248, 249; италики, 249; Римъ, 257 — 259, 264, 267, 277 — 281, 295—300, 304—305, 311, 312, 314, 316—318, 324, 341—343, 349—354; имперія, 373, 396, 402; кельты, 273, 326, 362, 363; германцы, 313, 363, 364; значеніе въ древности, 359—360.
Нубія: Эѳіопія, 22.
Нуманція: осада, 298.
Нума Помпилій: характеръ, 253; Эгерія, 254.
Нумидія: населеніе, 22; Массинисса, 292; Югурта, 311.
Нумизматика: опредѣленіе, 16; Передняя Азія, 218.
Нумиторъ: преданіе, 252.
Нѣмецкое м: открытіе, 232; готы, 372.

Оаннъ: миѳъ, 46.
Обелискъ: опредѣленіе, 27; Ниневія, 38.
Оболъ: опредѣленіе, 128.
Обсерваторія: Ассирія, 65; Александрія, 230.
Общежитіе: его развитіе, 7—9.
Общественное мнѣніе: опредѣленіе, 7; Римъ, 307.
Общественное поле см. *Ager publicus.*
Община: начало, 8; Индія, 80, 82; Аѳины, 126; Этолія, 223; Римъ, 257, 258. См. *Родовой бытъ.*
Обы: опредѣленіе, 120.
Овидій: общество, 349; значеніе, 353; Проперцій, 354.
Огнепоклонство: мазденизмъ, 77; парояне, 220; Сассаниды, 384.
Огонь: начало, 9; Финикія, 57; зенды, 76, 77; Индія, 80; Этрурія, 247; латины, 250.
Ода: Пиндаръ, 175; театръ, 178; Горацій, 352.
Одежда: ея развитіе, 10; археологическіе вѣка, 12, 13; Египетъ, 26; Вавилонъ, 48; Александрія, 231; Римъ, 257, 297, 298 — 300; галлы, 273; германцы, 363.
Одеонъ: опредѣленіе, 175; Периклъ, 156.
Одеръ: финикіяне, 59.
Одессъ: колонія, 133.
Одинъ: опредѣленіе, 364.
Одиссея: содержаніе, 108; Гомеръ, 118; Ливій Андроникъ, 301.
Одоакръ: паденіе Рима, 395.
Озар-гапи см. *Сераписъ.*
Озирисъ: опредѣленіе, 35; Гапи, 36.
Ока: бронзовый вѣкъ, 13.
Океанъ: миѳологія, 112.
Оксъ: аріи, 73; массагеты, 94; Александръ Великій, 202.
Октавіанъ: опредѣленіе, 333; тріумвиратъ, 334; дуумвиратъ, 335, 336; Августъ, 337.
Октавія: сестра Августа, 335, 336.
Октавій: опредѣленіе, 332.
Олигархія: опредѣленіе, 124; Греція, 164—166, 223 — 225, 227; Карѳагенъ, 286, 291, 292; Римъ, 305, 311, 329.
Олимпіада. 1) Лѣтосчисленіе, 137.—2) Царица, 190, 196, 198, 215.
Олимпія: игры, 137—139.
Олимпійскія игры: опредѣленіе, 137—139; отмѣна, 392.
Олимпійцы: опредѣленіе, 112; имперія, 378.
Олимпъ: гора, 104; боги, 112.
Олиѳъ: Спарта, 185; македонцы, 194.
Оловянные острова см. *Касситериды.*
Ольвія: греческая колонія, 100, 133.
Опперъ: ученый, 17, 43.
Оптиматы: сословіе, 305—329.
Оракулъ: значеніе, 114; аммонскій, 201; додонскій, 104; дельфійскій, 114, 264; имперія, 378.
Оранжъ см. *Араузій.*
Ораторство см. *Риторика.*
Orbis terrarum: опредѣленіе, 358.
Оргіи: опредѣленіе, Финикія, 58; Индія, 85; Греція, 169; Римъ, 296.
Орда: начало, 7; каменный вѣкъ, 11.
Ордаліи: опредѣленіе, 365, 366.
Орестъ. 1) Герой, 108.—2) Патрицій, 395.
Орехъ см. *Урукъ.*
Оригенъ: богословіе, 389.
Ормуздъ: опредѣленіе, 76; огонь, 77; значеніе, 78.
Орудія. развитіе, 10; археологическіе вѣка, 10—14; земледѣльческія, 10, 11, 14; осадныя, 33, 62, 215.
Оружіе: развитіе, 10; каменный вѣкъ, 11; бронзовый вѣкъ, 13; Египетъ, 33; халден, 46; Индія, 81; Греція, 121, 184; Македонія, 190; Римъ, 262, 281; германцы, 364; гунны, 392.
Орфей: миѳологія, 118; Іисусъ, 401.
Орхестра: опредѣленіе, 176.
Османлін: народъ, 21.
Оссіанъ: значеніе, 363, 395.
Остготы: начало, 383; гунны, 392.
Ост-Индія: полуостровъ, 78.
Остія: гавань, 254.
Остракизмъ: значеніе, Аѳины, 131.

Откупъ, откупщикъ: Римъ, 305, 306, 311, 330.
Отпущенникъ: Римъ, 261, 280, 281, 306, 316.
Офиръ, страна: финикіяне, 59.
Охлократія: опредѣленіе, 161.

Павелъ: апостольство, 362; смерть, 368; Сенека, 380.
Павзаній. 1) Царь: Платея, 148; смерть, 149.—2) Писатель, 376.
Паганизмъ: опредѣленіе, 392.
Пагода: опредѣленіе, 87.
Падуа: Венеція, 242.
Палата: опредѣленіе, 339.
Палатинъ. 1) Холмъ, 250, 252, 253. — 2) Должность, 387.
Палеографія: опредѣленіе, 17.
Палеонтологія: опредѣленіе, 2.
Палестина: Авраамъ, 28; природа, 41, 51; кушиты, 52; скиѳы, 69; ново-халден, 72; персы, 94; римская провинція, 323; храмъ, 401.
Палесъ: опредѣленіе, 250.
Паллада: богиня, 112.
Палладіумъ: опредѣленіе, 169.
Пальмира: оазисъ, 41; паденіе, 384, 385; искусство, 400.
Памиръ: туранцы, 20; семиты, 47; арійцы, 73.
Памятникъ: опредѣленіе, 12; значеніе, 16; письменный, 17; Малая Азія, 214; Этрурія, 247; Римъ, 358.
Панаѳинеи: опредѣленіе, 169.
Пандора: миѳъ, 112.
Панигирикъ: Августъ, 355.
Паннонія: Августъ, 340.
Пантеизмъ: опредѣленіе, 5; Индія, 83.
Пантеонъ: опредѣленіе, 356.
Пантикапея: скифы и греки, 100; Керчь, 133; Митридатъ, 220.
Пантомимъ: опредѣленіе, 354; политеизмъ, 378; уничтоженіе, 392.
Пан-этоликонъ: опредѣленіе, 223.
Панэцій: стоицизмъ, 343.
Папиніанъ: значеніе, 384, 397.
Папирій Курсоръ: самнитскія войны, 283.
Папирусъ: бумага, 15; книга, 17; растеніе, 23; сатира, 34.
Папство: начало, 396, 399.
Папуасы: опредѣленіе, 3.
Парижъ: папирусъ, 17; обелискъ, 27; основаніе, 391.
Паризіи: племя, 391.
Парисатида: Киръ Младшій, 199.
Парисъ: троянская война, 108.
Парія: опредѣленіе, 84.
Парма: колонія, 289.
Парнасъ: значеніе, 104.
Пародія: Иліада, 118.
Паропамизъ: горы, 40.
Парразій: живописецъ, 213.
Парсы см. *Гебры*.
Парѳенонъ: храмъ, 173, 174.
Парѳія: туранцы, 89; имперія, 372.
Парѳяне: царство, 220; Римъ, 221, 325; Финикія, 336; Августъ, 337, 340; Маркъ Аврелій, 372; ново-персы, 384.
Пасаргады: столица, 90; гробница Кира, 94; развалины, 97.
Пасха: праздникъ, 53.
Патмосъ: Іоаннъ, 368.
Патрикъ: Оссіанъ, 363; монашество, 399.
Патриціи, патриціатъ: опредѣленіе, 260; цари, 261—263; плебеи, 265—272, 275—277; Августъ, 338; имперія, 387, 388, 394, 395.
Патріархъ: іерархія, 388. См. *Родовой бытъ*.
Патроклъ: Александръ Великій, 197.
Патронъ: опредѣленіе, 259.
Патры: городъ, 105.
Пафлагонія: населеніе, 92; Помпей, 323.
Пафосъ: Афродита, 58.
Пахомій: монашество, 390.
Педагогія: опредѣленіе, 171; Спарта, 121, 122; Аѳины, 128, 171; Римъ, 264, 297, 298, 343; имперія, 376.
Пелагій: значеніе, 400.
Пелазги: начало, 75; Египетъ, 31; Аргонавты, 53; Лидія, 91; Малая Азія, 92; Греція, 106, 107; Македонія, 133; Италія, 245; Этрурія, 249.
Пелазгъ: миѳъ, 107.
Пелла: столица, 189.
Пелопидъ: Ѳивы, характеристика, 185; Ѳессалія и Македонія, 186, 187.
Пелопиды: Аргосъ, 106; Фригія, 93; Данай, 116.
Пелопоннесъ: Египетъ, 75; природа, 105; опредѣленіе, 106; дорійцы, 109; спартанская гегемонія, 123; демократія, 153; мессенскія войны, 123, 124, 153; ѳиванцы, 187, 188; Антигониды, 223; Араттъ, 224; Селласія, 225.
Пелопсъ: миѳъ, 106.
Пельви см. *Языкъ*.
Пельтасты: опредѣленіе, 184.
Пенаты: опредѣленіе, 251.
Пенджабъ: арійцы, 78; персы, 99; Александръ Великій, 202.
Пеней: рѣка, 104.
Пен-та-уръ: поэтъ, 32.
Пергаментъ: опредѣленіе, 15; Пергамъ, 219.
Пергамъ: царство, 219; значеніе, 232; римское владѣніе, 295.
Пердикка. 1) Царь, 133.—2) Полководецъ, 200, 214.
Передняя Азія: опредѣленіе, 40; бронзов. вѣкъ, 13; туранцы, 20; сельджуки, 21; кушиты, 22; Ассирія, 69; Киръ, 71.
Пережитокъ: опредѣленіе, источникъ исторіи, 16.
Перепись: Цезарь, 330; имперія, 388.
Переселеніе народовъ: опредѣленіе, 392.
Пери: опредѣленіе, 77.

Периклъ: начало, 149; характеристика, 152; правленіе, 153—158; смерть, 159.
Перипатетики: опредѣленіе, 208; имперія, 379.
Перистиль: опредѣленіе, 141; Этрурія, 247; Римъ, 302.
Періандръ, тиранъ, 125.
Періодъ: опредѣленіе, 18; геологія, 2; Грепія, 237—240.
Періэки: опредѣленіе, 119.
Пермь: золото, 100.
Персеполь: столица. 90; развалины, 97, 98; Александръ Великій, 201.
Персефона, богиня, 112.
Персей: Римъ, 227.
Персидскій заливъ: Евфратъ, 41; кушиты, 45; ассирійцы, 50.
Персида: опредѣленіе, 89.
Персіяне: положеніе, 89; языкъ, 76.
Перспектива: Ассирія, 65; Греція, 175.
Персы: опредѣленіе, 4; Зендъ-Авеста, 17; кушиты, 22; Египетъ, 39; Вавилонъ, 71; евреи, 72; Мидія, 78; характеристика, 91; исторія, 91—101; культура, 97 — 99; значеніе, 101, 102; Греція, 142 – 149, 165, 182 – 184; паденіе, 198—199; Александръ Великій, 199 — 202; новое царство, 384, 385, 391, 398.
Перу: бронзовый вѣкъ, 13.
Перузія: Октавіанъ, 335.
Перунъ: Индра, 80.
Петроній: юморъ, 377.
Петръ, апостолъ: смерть, 368; статуя, 381; папство, 399.
Петъ. 1) Цецина, 366.—2) Ѳразея, 368, 370, 377.
Печенѣги: народъ, 21.
Пигмаліонъ: царь, 60.
Пидна: битва, 293, 342.
Пизателло см. *Рубиконъ*.
Писистратъ: тиранъ, 130.
Пикты: опредѣленіе, 363.
Пилонъ: опредѣленіе, 28.
Пилосъ: городъ, 105; аѳиняне, 161, 162.
Пинакотека: опредѣленіе, 175.
Пиндаръ: лирика, 175; Горацій, 353.
Пиндъ: горы, 103.
Пирамида: Египетъ, 24; Эѳіопія, 37; Грепія, 141; Малая Азія, 214; Этрурія, 247; Римъ, 342.
Пиренеи: горы, 19.
Пирей: начало, 145; Осмистоклъ, 150; Периклъ, 155; разрушеніе, 165; возстановленіе, 184; македонцы, 205.
Пирра: миѳъ, 107.
Пирронъ: скептицизмъ, 233, 234.
Пирръ: Піоліоркетъ, 216; Антигонъ, 223; Римъ, 284.
Писецъ: Египетъ, 28, 32; Персія, 97; Римъ, 280.
Письмо: начало, 13; развитіе, 14—15; Египетъ, 26; туранцы, 44; халдеи, 46; Индія, 79; Персія, 97; Грепія, 115; Этрурія, 249; Римъ, 264; готы, 383; искусство, 401.
Питтакъ: тиранъ, 125.
Пища: ея развитіе, 9; каменный вѣкъ, 11, 12; Египетъ, 26; Римъ, 299.
Пиѳагоръ: политика, 134; философія, 140; мистеріи, 169; Эпаминондъ, 185; Платонъ, союзъ, 134; имперія, 378—380.
Пиѳей: путешествія, 232.
Пиѳія: прорицанія, 114; Ликургъ, 120; Солонъ, 127; Клисѳенъ, 131; значеніе, 137; персы, 146; Филиппъ, 192, 194, 195; Римъ, 291, 378.
Пиѳонъ: миѳологія, 172.
Плавтъ: комедія, 301.
Планеты; земля, 2; Египетъ, 34; халдеи, 45; Грепія, 207.
Пластика см. *Ваяніе*.
Платея: положеніе, 143; битва, 148; Аѳины, 158, 159; разрушеніе, 187.
Платонъ: мистеріи, 169; Эпаминондъ, 185; Сократъ, 206; жизнь и ученіе, 206—207; Александрія, 234; эллинизмъ, 241; имперія, 377, 378, 380, 391, 397; Августинъ, 400.
Плацидія: значеніе, 393, 394.
Плебеи: опредѣленіе, 261; цари, 262, 263; патриціи, 265—284.
Плебисцитъ: опредѣленіе, 268; децемвиры, 270.
Плиній. 1) Старшій, 374, 375, 379.—2) Младшій, 370.
Плотинъ: значеніе, 398.
Плутархъ: значеніе, 376.
Плутонъ см. *Гадесъ*.
Пниксъ: холмъ, 156.
По: положеніе, 242; финикіяне, 59.
Погребеніе: его развитіе, 6; археологическіе вѣка, 12, 14; халдеи, 46; аріи, 77; латины, 251; Римъ, 278.
Подать: Египетъ, 33; персы, 97; Аѳины, 129; Римъ, 257, 261; денежная, 239, 339; Діоклеціанъ, 385; Константинъ, 388.
Полемархъ: опредѣленіе, 126; Клисѳенъ, 132.
Поливій: гибель Эллады, 228; значеніе, 233.
Полигамія: опредѣленіе, 8; Египетъ, 33; евреи, 54; Ассирія, 66; Аріана, 74; Спарта, 122.
Полигнотъ: живопись, 175.
Поликлетъ: ваяніе, 173.
Поликратъ: персы, 99; характеръ, 133.
Политеизмъ: опредѣленіе, 5; Грепія, 110; эвгемеризмъ, 234; разложеніе, 239; имперія, 377—379.
Полихромія: опредѣленіе, 212.
Полиція: начало, 8; царь, 260; эдилъ, 276; актеры, 300, 301; цензоръ, 307; Цезарь, 330; Августъ, 338.
Половцы: значеніе, 21.
Полярные: опредѣленіе, 3.
Помпа: опредѣленіе, 113.
Помпея: искусство, 356, 357; разрушеніе, 369; бытъ, 373.

Помпей. 1) Тріумвиръ: Сулла, 317, 318; характеристика, 319, 320; измѣна оптиматамъ, 321; диктатура и Востокъ, 322, 323; тріумвиръ, 325; Цезарь, 327; смерть, 328.—2) Гней, сынъ тріумвира, 328.—3) Секстъ, сынъ тріумвира, 328, 333, 335.
Помпоній Аттикъ: Цицеронъ, 344.
Понтинскія болота: положеніе, 243.
Понтифексъ: опредѣленіе, 251; при царяхъ, 263, 264; плебеи, 276; Августъ, 338; имперія, 378.
Понтъ, царство: пелазги, 92; скиѳы, 100; начало, 199, 219; Митридатъ, 220; Помпей, 323.
Понтъ Эвксинскій: яване, 75.
Понцій: самниты, 283.
Понцій Пилатъ: Христосъ, 361.
Популяры: опредѣленіе, 308.
Порода: опредѣленіе, 3; бронзовый вѣкъ, 12; Америка, 19; туранцы, 20, 21.
Портикъ (архитект.): опредѣленіе, 28; гимназія, 171; стои, 172; пропилеи, 175.
Посейдонъ: опредѣленіе, 112; Азія, 116; Аѳина, 169.
Посольство: Филиппъ, 210; Римъ, 306.
Поти см. *Фазисъ*.
Потидея: основаніе, 134; Аѳины, 159.
Потопъ: геологія, 3; преданія, 16; халдеи, 46; аріи, 75; Зендъ-Авеста, 77; Греція, 107.
Почта: Персія, 97; Римъ, 339, 350; имперія, 370.
Поэзія: Египетъ, 31, 34; евреи, 54, 71; Индія, 88; Греція, 110, 118, 139, 140, 175—180, 208; Александрія, 235; Римъ, 245, 264, 348—354; кельты, 363; имперія, 377, 378, 396, 397.
Право: государственное, 208, 263; частное, 263, 276; обычное, 16, 124, 270; римскаго гражданства, 271, 282, 310, 314, 315, 330; брачное, 268, 271; безгласное, 282, 285; латинское, 285, 330; римское, какъ наука, 371, 397, 402.
Правовѣдѣніе см. *Юриспруденція*.
Прагматизмъ: опредѣленіе, 233; Саллюстій, 348; Ливій, 355.
Праксителъ: ваятель, 213; Венера Медицейская, 358.
Пресвитеръ: опредѣленіе, 362.
Преторіанцы: начало, 313; Августъ, 338; имперія, 367, 368, 382, 383, 385.
Преторіумъ: опредѣленіе, 313.
Преторъ: опредѣленіе, 276; знать, 278.
Префектура: опредѣленіе, 387.
Префектъ. 1) Городской, 260, 338.—2) Замѣстникъ претора, 285.—3) Преторіанскій, 338.—4) Намѣстникъ, 387.
Привилегія: значеніе слова, 270.
Принципатъ: опредѣленіе, 338; послѣ Августа, 367; Тацитъ, 376.
Принципы: воины, 281.
Принцъ: опредѣленіе, 338.
Природа: опредѣленіе, 1; развитіе, 2; Старый и Новый Свѣтъ, 19, 20; Египетъ, 22, 23; Азія, 40, 41; Месопотамія и Эламъ, 41—43; Финикія и Палестина, 51, 52; Индія, 78, 79; Иранъ, 89, 90; Арменія, 91; Малая Азія, 92; значеніе въ исторіи Востока, 103; Греція, 103—106; Италія, 242—244.
Пританъ: эвпатриды, 126; Солонъ, 129.
Пріамъ, царь, 108.
Прованса, страна, 313.
Провинція: опредѣленіе, 288; оптиматы, 306; Цезарь, 328, 330; императорскія и сенатскія при Августѣ, 339; имперія, 367, 368, 374, 378, 384, 385, 396.
Прогрессъ: опредѣленіе, 2; арійцы, 102.
Проза: Египетъ, 34; Индія, 88; Римъ, 301.
Прозерпина см. *Персефона*.
Проконсулъ: опредѣленіе, 288; оптиматы, 306, 307; Августъ, 339.
Прокулъ, прокуліанцы: юристы, 356.
Пролетаріи, пролетаріатъ: опредѣленіе, 262; пуническія войны, 305; Марій, 314—317; Сулла, 318, 319; Помпей, 320—324; Цезарь, 325—329; Августъ, 339, 342; рабство, 360.
Промевей: миѳъ, 112.
Промышленность: начало, 8; археологическіе вѣка, 11—14; Египетъ, 28; Вавилонъ, 48, 49; Финикія, 53, 59—60; Карѳагенъ, 61; Ассирія, 66; Индія, 80, 81, 84; Лидія, 93; Греція, 118, 119, 128; Александръ Великій, 239; Тарентъ, 135, 273; Римъ, 254, 263, 304; имперія, 373.
Проперцій: Меценатъ, 349; элегія, 353, 354.
Пропилеи: опредѣленіе, 175.
Пропонтида: Мраморное м., 101.
Пророки: опредѣленіе, 56; Іеремія, 63, 70; Іезекіиль, Даніилъ, 71; Зороастръ, 76.
Проскрипціи: опредѣленіе, Сулла, 318; второй тріумвиратъ, 334.
Пруссія: германцы, 363.
Псаметихъ. 1) I: греки, 38.—2) III: персы, 39.
Психологія: Аристотель, 208.
Птолемаида см. *Ако*.
Птолемей. 1) I: Лагъ или Сотеръ, 200, 203, 221, 230.—2) II: Филадельфъ, 222.—3) III: Эвергетъ, 222.—4) Трифонъ, 222.—5) Авлетъ, 222.—6) Ученый, 374.
Публицистика: начало, 211; Римъ, 345.
Пуны, пунійцы см. *Финикіяне*.
Пятидесятница: Іегова, 53.
Пятиріѣчіе см. *Пенджабъ*.

Ра. 1) Божество, 35.—2) Рѣка, 100; гунны, 395.
Рабство: значеніе, 69; Египетъ, 28; Финикія, 57; Карѳагенъ, 61; Ассирія, 66; ново-халден, 71; Аріана, 74; Индія, 82; скиѳы, 99; Востокъ, 103; Греція, 118,

119, 241; Римъ, 258—259, 266, 275, 277, 280, 297, 300—305, 315, 317, 328; Августъ, 339; значеніе въ древнемъ мірѣ, 360; германцы, 363, 365; имперія, 372, 373, 376, 388.
Равдійскія поля: битва, 313.
Равенна: столица, 393; искусство, 401.
Раджи: опредѣленіе, 80; усиленіе, 82; брамины, 84.
Рама: царь, 82; Вишны, 85.
Рамаяна: поэма, 81, 82.
Рамессей, храмъ, 32.
Рамессу. 1) II: царь, 30—32.—2) III: царствованіе, 37; евреи, 53.
Рапсодіи см. *Пѣсни*.
Расы см. *Порода*.
Расконки: значеніе, 10; Месопотамія, 43—44; Троя, 92, 108; Помпея, 370.
Рассамъ: ассиріологія, 17.
Раулинсонъ: ассиріологія, 17, 43.
Рафаэль: живописецъ, 209.
Раціоналисты: Августъ, 356.
Регалія: опредѣленіе, 388.
Регенсбургъ: городъ, 340.
Регіумъ, городъ: значеніе слова, 242.
Регрессъ: значеніе слова, 2.
Регулъ: консулъ, 288.
Реджіо см. *Регіумъ*.
Рекаранъ см. *Геркулесъ*.
Религія: опредѣленіе, 5; археологическіе вѣка, 12, 13, 14; Египетъ, 34—37; туранцы, 44, 78; халден, 46, 47; Вавилонъ, 49; евреи, 53; финикіяне, 57, 58; карѳагеняне, 61; Ассирія, 67; Аріана, 74; Зороастръ, 76, 77; индусы, 80, 83, 87; Греція, 110—113, 136, 137, 169, 170, 237—240; этруски, 248, 249; латины, 250, 251; Римъ, 263, 264, 295, 296, 339, 341, 342; имперія, 371, 378.
Ремъ: преданіе, 252.
Respublica litterarum: опредѣленіе, 350.
Реставрація: опредѣленіе, 319.
Реформа: Спарта, 224, 225; Сервій Туллій, 262; Цезарь, 329, 330; значеніе въ древнемъ мірѣ, 359.
Рецитація: Азиній, 349; опредѣленіе, 350; имперія, 376.
Рея: божество, 111, 112.
Рея Сильвія: Амулій, 252.
Рейнъ: желѣзный вѣкъ, 13; Цезарь, 326; римская флотилія, 338; германцы, 363, 383; имперія, 374, 393.
Ригъ-веда: сочиненіе, 79.
Римъ: преданія о началѣ, 252, 253; Августъ, 337—341; имперія, 361—396; культура, отношеніе къ греческой, 240; цари, 263, 264; въ 1 и 2 вѣкѣ, 373—381; значеніе Рима, 258—260, 396, 399, 402; памятники искусства, 356—358, 401; сожженіе, 368; Титъ, 369; христіанство, 387, 388; Аларихъ, 393.
Риторика, риторство: опредѣленіе, 180; Греція, 172, 180, 181, 208, 209, 211, 212; Александрія, Эфесъ и Родосъ, 232; значеніе въ греческой жизни, 241; Римъ, 243, 350—352, 355; значеніе въ древнемъ мірѣ, 360; имперія, 371, 372, 373, 376, 398.
Ровы: опредѣленіе, 156; паденіе въ греческой жизни, 209.
Ровоамъ: царь, 55.
Родовой бытъ: опредѣленіе, 8; Египетъ, 24; халден, 45; Палестина, 52; Аріана, 74; Индія, 80; курды, 90; армяне, 91; персы, 91; скиѳы, 99; пелазги, 106; Аѳины, 126; италики, 250; Римъ, 258, 260; германцы, 365; кельты, 362; гунны, 392.
Родосъ: островъ, 92; дорійцы, 109; Аполлонъ, 116; Эсхинъ, 193; Птолемей и Димитрій Поліоркетъ, 216; риторика, 232; значеніе, 239.
Роксана: Александръ Великій, 202.
Романизація: Этрурія, 274; Италія, 285; Галлія, 326; Мезія и германцы, 340; Западъ, 330, 359, 362, 369, 374, 395, 396, 401.
Романцы: опредѣленіе, 326; Галлія, 326.
Романъ: Ксенофонтъ, 211; философскій, 234; Овидій, 353; Лукіанъ, 377; Апулей, 378; Византія, 397.
Ромулъ: преданіе объ основаніи Рима, 252, 253.
Ромулъ Августулъ: значеніе, 395.
Рона: желѣзный вѣкъ, 13; финикіяне, 59; лигуры, 245; имперія, 374, 393.
Россія: появленіе, 2; желѣзный вѣкъ, 13; римскія и куфическія монеты, 14; календарь, 18; изменность, 20; монголы, 21; скиѳы, персы, 100; славяне и литовцы, 366; готы, 383.
Рубиконъ: положеніе, 242; Цезарь, 327.
Рулліанъ: самнитскія войны, 283.
Румынія: изменность, 20; Августъ, 340; населеніе, 374; даки, 370.
Руны: опредѣленіе, 14; германцы, 364.
Рустемъ, герой, 76.
Рутены, народъ, 30.
Руфинъ: вестготы, 393.
Рыцари Круглаго Стола: опредѣленіе, 395.
Рѣзы: опредѣленіе, 14.

Саба: Саломонъ, 54.
Сабеизмъ: опредѣленіе, 5; халден, 45.
Сабеллы: эллинизмъ, 135; умбры, 245.
Сабинъ, сабиніанцы: юристы, 356.
Сабины: начало, 245; колонизація, 249; характеристика, 250; Ромулъ, 253.
Сага: опредѣленіе, 16; евреи, 54; Индія, 86, 87; Греція, 53, 114—116; Римъ, 264.
Сагунтъ: Ганнибалъ, 290.
Саддукеи: опредѣленіе, 219.
Саида см. *Сидонъ*.
Саисъ: столица, 23; эѳіопы, 37; додекархія, 38.

Саккара: пирамиды, 24.
Саксы: опредѣленіе. 363; франки, 383; Британія, 395.
Сакунтала: драма, 88.
Саламинъ: положеніе, 104; Солонъ, 127; битва, 146, 147.
Салій: опредѣленіе, 263.
Саллюстій, историкъ, 348.
Саломонъ: значеніе, 54; Пальмира, 384.
Сальсетта: искусство, 87.
Самарія: положеніе, 52; деревня, столица, 55; пророки, 56; ассирійцы, 56.
Самаркандъ: положеніе, 48.
Самниты: начало, 245; процвѣтаніе, 274; Римъ, 282—284, 315, 317.
Самосата: положеніе, 41.
Самосъ: положеніе, 92. 93; персы, 99; іонійцы, 109, 133; пелопонес. война, 163.
Самсонъ: герой, 54.
Самуилъ: судья, 54.
Санскритъ см. *Языкъ*.
Сарасвати, рѣка, 78, 81, 82.
Саргониды: начало, 56, процвѣтаніе, 63.
Саргонъ: Халдея, 47, 48; Ассирія, 56; Самарія, 56, 57; Финикія, 62; Мидія, 68.
Сарданапалъ: значеніе, 67.
Сардинія: финикіяне, 60; римляне, 288.
Сарды: Египетъ, 75; начало, 91; скиѳы, 91; богатство, 93; разрушеніе, 142.
Сарзекъ: раскопки, 17.
Саркофагъ: опредѣленіе, 24; значеніе, 36; Финикія, 58.
Сарматія, сарматы: опредѣленіе, 100.
Саронический заливъ: Исемъ, 104.
Саръ: опредѣленіе, 50.
Сассанъ, Сассаниды: начало, 384; языкъ, 76.
Сатира: Египетъ, 34; Александрія, 235; Римъ, 300, 345, 352, 377, 378, 398.
Сатиры: миѳологія, 112; поэзія, 264.
Сатрапъ: опредѣленіе, Ассирія, 67; Персія, 96.
Сатурнинъ: значеніе, 314.
Сатурнъ: халдеи, 45; латины, 251.
Саулъ. 1) Царь, 54.—2) Ап. Павелъ, 362.
Саффо: значеніе, 140; Горацій, 353.
Сахара: пустыня, 20; Карѳагенъ, 286.
Сваронъ: Индра, 80.
Свѣтоній: исторія, 375.
Священная Гора: трибуны, 267; консулы, 270.
Севастополь; Херсонесъ Таврическій, 100.
Сезострисъ: Рамессу II, 30.
Секстій: законы, 275; трибунъ 276.
Секстъ Эмпирикъ: значеніе, 397.
Селевкиды: начало, 217, 218; Пальмира, 384.
Селевкія: положеніе, 42; основаніе, 71; Антіохія, 217; Сассаниды, 384.
Селевкъ Никаторъ: Александръ Великій, 200; діадохи, 214—217.
Селена, божество. 110.
Селласія: битва, 225.
Сельджуки: значеніе, 21.
Семирамида: преданія, 67; Арменія, 91.
Семиты: опредѣленіе, 4; кушиты, 22; Египетъ, 29, 30, 38; Азія, 40; Вавилонъ, 47, 48; финикіяне, 65; Малая Азія, 92; значеніе, 72, 102.
Семья: начало, 7; аріи, 74; Грецій. 121, 128, 171—173; Этрурія, 247; италики, 250, 251; Римъ, 257, 278, 297—300, 341; имперія, 373.
Сена: финикіяне, 59.
Сенатусъ-консульты: опредѣленіе, 266; плебисцитъ, 268; плебеи, 270.
Сенатъ: опредѣленіе, латины, 250; Карѳагенъ, 61; Римъ, 261, 265—268, 271, 277—279. 284, 288, 290, 293, 294, 298, 300, 304, 306, 307, 310, 311, 313, 315—339; имперія, 367—370, 382, 384—387, 392.
Сенегалъ: финикіяне, 60.
Сенека: Неронъ, 368; Тацитъ, 376; политеизмъ, 378; Цицеронъ, 379.
Сеннааръ см. *Вавилонія*.
Сеннахерибъ: евреи, 62; смерть, 63; Вавилонъ, Эламъ, 68.
Сентинумъ: битва, 283.
Септимій Северъ: значеніе, 382, 383.
Сераписъ: начало, 36; Птоломей 222, храмъ, 230; Римъ, 296; имперія, 379.
Сербія: Августъ, 340.
Сервій Туллій: Танаквила, 256; Солонъ, 257; реформа, 262, 263.
Серторій: Марій, 317; Испанія, 320; Помпей, 321.
Сейсахѳія: опредѣленіе, 128.
Сейсъ: ассиріологія, 44.
Сибиры: инородцы, 4.
Сива: опредѣленіе, 85.
Сивиллы: Греція, 113; Римъ, 264; Канны, 291; Юліанъ, 378.
Сидонъ: опредѣленіе, 51; процвѣтаніе, 52, 53; Ассирія. 56; Баалъ, 57; Карѳагенъ, 61; персы, 199; Александръ Великій, 200.
Сикіонъ: положеніе, 105; тираны, 125; живопись, 213.
Сикофантія: опредѣленіе, 161; развитіе, 210.
Сикулы: опредѣленіе, 245; греки, 135.
Силлабизмъ: опредѣленіе, 15.
Силонъ: марсы, 315.
Сильванъ: латины, 250.
Символъ, Символика, Символизмъ: письмо, 15; искусство, 358, 401.
Символъ Вѣры: опредѣленіе, 390; Константицій, 391; установленіе, 399.
Симеонъ: монашество, 390.
Симметрія: опредѣленіе, 65.
Симъ: значеніе, 22.
Синай: Египетъ, 27; положеніе, 41.
Синкретизмъ: опредѣленіе, 378; имперія, 379, 397.
Синопа: колонія, 133; философія, 205; столица Понта, 220.

Сиракузы: основаніе, 135; пелопонесская война, 160; монеты, 213; Ѳеокритъ, 235; Пирръ, 284; пунические войны, 286—288, 291: римская провинція, 292.
Сирены: опредѣленіе, 112.
Сиріусъ см. *Сотисъ*.
Сирія: пустыня, 20; египтяне, 30, 37, 53; Полая, 41; семиты, 47; ассирійцы, 63; скиѳы, 69; ново-халдеи, 69; Киръ, 94; Селевкиды, 217; Помпей, 323; имперія, 340, 372.
Сиртскіе заливы: Карѳагенъ, 60.
Сихемъ: природа, 52.
Сицилія: финикіяне, 60; греки, 134, 135; пелопонесская война, 163; значеніе, 239; природа, 242; Пирръ, 284; карѳагеняне, 286; пунические войны, 288, 291; рабы, 304.
Сіагрій: намѣстникъ, 395; гибель, 396.
Скандинавія: бронзовый вѣкъ, 13; желѣзный вѣкъ, 13; руны, 14; готы, 383.
Скептицизмъ: опредѣленіе, Пирронъ и Эвгемеръ, 233, 234; имперія, 377, 379, 397.
Скилаксъ: ученый, 101.
Скитализмъ: опредѣленіе, 188.
Скивы: Передняя Азія, 20, 68, 69; Россія, 99; Дарій, 100, 101; имперія, 372.
Скотоводство: начало, 8; Египетъ, 26; Месопотамія, 42; Финикія, 51; Палестина, 52; Аріана, 74; Индія, 80; Эпиръ, Ѳессалія, 104; Аркадія, 105, 106; Эвбея, 104, 106, героическая эпоха въ Греціи, 118; Сицилія, 135; Кавказъ, 323; Италія, 243; италики, 249; Римъ, 257, 304; германцы, 363.
Скоты: опредѣленіе, 363.
Скульптура см. *Ваяніе*.
Славонія, страна: Августъ, 340.
Славяне: опредѣленіе, 4; желѣзный вѣкъ, 14; появленіе, 75; Россія, 100; имперія, 366, 383, 395.
Смирна: ковры, 93.
Смитъ: ассиріологія, 17, 43.
Соборъ: вселенскій, 390, 400.
Совѣтъ: Ста и Десяти, 61; Четырехсотъ, 129; Пятисотъ, 131; частный у Августа, 338.
Согдіана: положеніе, 89; Киръ, 94.
Сократики: опредѣленіе, 205.
Сократъ: Периклъ, 154; жизнь и ученіе, 166—168; значеніе, 180; ученики, 205; Ксенофонтъ, 211; Пирронъ, 234; сократическая форма изложенія, 347.
Солонъ: Гомеръ, 118; жизнь, 127; законы, 128—130; поэтъ, 140; драма, 176.
Сома. 1) Напитокъ, 74, 80.—2) Гробница, 230.
Сорлинскіе острова: финикіяне, 59.
Сотеръ: опредѣленіе, 215, Птоломей 216, 221, 222, 229.
Сотисъ, опредѣленіе, 23; разливъ Нила, 34.
Софизмъ: опредѣленіе, 161.
Софистика, софисты: опредѣленіе, 160; Греція, 160, 161, 172, 180; Римъ, 355; имперія, 373, 376, 377.
Софоклъ: Периклъ, 154; мистеріи, 169; жизнь, 178; Эврипидъ, 179.
Софросина: значеніе, 110.
Спаларо, Діоклеціанъ, 386; искусство, 400.
Спарта: природа, 105; ахейцы, 107, 108; Критъ, 115; дорійцы, 119; Ликургъ, 120—122; Хилонъ, 123; гегемонія, 123, мессенскія войны, 123, 153; персидскія войны, 142—148; пелопонезская война, 159—165; вторая гегемонія, 181—185; ѳиванцы, 185—188; Филиппъ, 196; македонцы, 204; Антигониды, 216, 217, 222, 223; разложеніе и тираны, 224, 225; вестготы, 383.
Спартакъ: гладіаторы, 321.
Спартіаты: опредѣленіе. 119; междоусобія, 182.
Спорады, острова, 105.
Спурій Кассій: аграрный законъ, 269.
Спурій Мелій: плебеи, 272.
Средиземное м.: доисторическіе вѣка, 12, 13; египтяне, 30; ассирійцы, 50; финикіяне, 58; Карѳагенъ, 60, 286; Римъ, Сиракузы, 286.
Стабій: разрушеніе, 369.
Стагира: Аристотель, 208.
Стадій: опредѣленіе, 137.
Статистика: Августъ, 355.
Стефанъ: мученикъ. 362.
Стилихонъ: вестготы, 393.
Стиль: протодорическій, 27; дорическій 62, 98, 141, 212, 247; іоническій, 98 173, 212, 213; коринѳскій, 175, 213, 302, 356; смѣшанный, 302, 356; этрусскій. 247, 356; римскій, 381, 400, 401.
Стоицизмъ: опредѣленіе. 234; Римъ, 323, 343; имперія, 361, 369, 372, 373, 376, 377, 378, 379.
Столбы Геркулеса см. *Гибралтаръ*.
Стоя: опредѣленіе, 172; цвѣтная, 155; царская, 302.
Страбонъ: географія, 229.
Стражи закона: опредѣленіе, 154.
Стратегъ: опредѣленіе. 132; Этолія, 223; ахейскій союзъ, 224.
Стримонъ, рѣка, 188.
Строфа: опредѣленіе, 178.
Суассонъ: битва, 396.
Судры: опредѣленіе, 83.
Судъ: начало, 8; Египетъ, 33; евреи, 54; судъ Божій, 74; геліэя, 130; ареопагъ, 126, 129, 154; Римъ. 254, 260, 265, 276, 288, 311, 319, 320, 329, 338; германцы, 365; имперія, 366, 370, 385; христіанство, 390.
Суза: столица, 43; халдеи, 45; развалины, 97; Александръ Великій, 201.
Сузіана: опредѣленіе, 42; туранцы, 89.
Сулла: начало, 312; германцы, 313; союзники, 315; Марій, 315, 316; диктатура,

317; смерть, 318; законы, 319; Цезарь, 320; Серторій, 321.
Султанъ: опредѣленіе, 8; Египетъ, 38.
Сульпиція: поэтесса, 349.
Сульпицій Руфъ: характеристика, 315; юристъ, 396.
Сумеръ: опредѣленіе, 45.
Суній: положеніе. 104; воздухъ, 106.
Суффеты: должность, 61.
Сухумъ см. *Діоскурія*.
Суэзскій перешеекъ: значеніе, 20.
Сфинксъ: опредѣленіе, 24.
Сцена: опредѣленіе, 176; Грецій, 176; Римъ, 300.
Сципіонъ. 1) Азіатскій, 293, 300.—2) Африканскій Старшій: начало, 290, 291; характеристика, 292; Антіохъ, 293; Катонъ, 300; значеніе, 309.—3) Эмиліанъ (Африканскій Младшій): характеристика, 394; Карѳагенъ, 295; Нуманція, 298; ораторъ, 302; Гракхи, 309, 310; стоицизмъ, 343.

Таблинумъ: кабинетъ, 302, 303.
Таврисъ: страна, 89.
Тавроболіи: опредѣленіе, 379.
Тавръ, горы, 40.
Тагъ: миѳологія, 248.
Тадморъ см. *Пальмира*.
Талантъ. 1) Мѣра и вѣсъ, 49.—2) Монета: Вавилонъ, 49; Грецій, 128.
Талезинъ: значеніе, 363.
Талмудъ: языкъ, 63.
Тамань см. *Фанагорія*.
Танаисъ: скиѳы, 99.
Танаквила: Тарквиніи, 254.
Танисъ: гиксы, 29.
Танталъ: миѳологія, 106.
Таранъ: опредѣленіе, 363.
Тарентъ: пиѳагорейцы, 134; значеніе, 135; процвѣтаніе. 275; Римъ, 283, 284.
Тарквиніи: этруски, 249.
Тарквиній. 1) I. 254, 256.—2) II, 256. 257.—3) Секстъ, 256, 257.
Тарпея: преданіе, 253.
Тарпейская скала: значеніе, 253.
Тарсъ: Клеопатра, 335.
Тартаръ: опредѣленіе, 112; герои, 114.
Татары: опредѣленіе, 4; Европа, 21.
Таут-месъ III: значеніе, 30; Вавилонъ, 48.
Тауть, божество, 58.
Тацитъ: мораль, 348; германцы, 363; Траянъ, 370; значеніе, 375, 376; христіанство, 389.
Тайгетъ: опредѣленіе, 105; дѣвочки, 122.
Театръ: начало, 131; Периклъ, 155, 156, 175; устройство, 175—178; Цезарь, 326; Августъ, 335, 342; Помпея, 356.
Тевтобургскій лѣсъ: битва, 340.
Тевтоны см. *Германцы*.
Тегея, городъ, 105.
Тель-Ло: раскопки, 16, 44.
Темза: имперія, 374.
Темпе, долина, 104.
Тенаръ: природа, 105; наемники, 183.
Тенедосъ, островъ, 109.
Терапевты: опредѣленіе, 380.
Терентилій Гарса: децемвиры, 269.
Теренцій: комедія, 301.
Теренцій Варронъ. 1) Консулъ, 290. — 2) Писатель: сатира, 345; археологія, 348.
Терма: опредѣленіе, 356.
Терпандръ: отецъ музыки, 140.
Тертулліанъ: богословіе, 389.
Техника: опредѣленіе, 213; Александрія, 231, 235; Римъ, 356.
Тиберинъ: герой, 252.
Тибетъ: языки, 4; буддизмъ, 88.
Тибулъ: Августъ, 349; значеніе, 353, 354.
Тибуръ: Гадріанъ, 371.
Тиверій: германцы, 340; императоръ; 341, Христосъ, 361; характеръ, 366.
Тиглатъ-фала-саръ I: типъ, 50; книги, 67.
Тигранокерта: Тигръ, 41; Лукуллъ, 323.
Тираны: Ниппивія, 91; Киръ, 92; Селевкиды, 218; Римъ, 323.
Тиръ: статуи, 17;теченіе,41, 42; арійцы,68.
Тимократія: Финикія, 57; Карѳагенъ, 61; Аѳины, 129; Римъ, 277.
Тимоѳей: Спарта, 186.
Тира: Аккерманъ, 133.
Тиранъ: опредѣленіе, 125; Самосъ, 99, 133; Іонія, 100, 133, 142; Грецій, 125, 127, 130, 131, 166, 168; наемники, 183; Римъ, 257, 329.
Тиринѳъ: древность, 105; развалины, 107.
Тирренское море: Лигурія, 242; Сиракузы, 274.
Тирренцы: Египетъ, 75.
Тиртей: поэтъ, 123.
Тиръ. 1) Городъ: халден. 45; опредѣленіе, 51; возвышеніе, 53, 57; колоніи, 60, 61; паденіе, 62, 70; Александръ Великій, 200.—2) Рѣка: Днѣстръ, 53.
Тисса: готы, 383.
Титанъ: опредѣленіе, 111; Зевсъ, 112.
Титулъ: опредѣленіе, 388.
Титъ: значеніе, 369; искусство, 381, 382.
Тифонъ: миѳологія, 35.
Тичино: битва, 290.
Тога: Этрурія, 249; Тарквиніи, 254; опредѣленіе, 257; сенатъ, 261; консулъ, 265; знать, 278; провинціи, 374.
Токай: гунны, 394.
Томи: Овидій, 353.
Томира: Киръ, 94.
Торговля: опредѣленіе, 8; археологическіе вѣка, 12—14; Египетъ, 28, 33, 38; рутены, 30; вавилоняне, 48, 49, 71; Финикія 51—54. 59, 60; Карѳагенъ, 61, 62; семиты 72; Индія, 80, 83; Грецій, 119, 122, 124, 128, 134, 135, 139, 155; Александрія, 230; Этрурія, 246; Римъ, 254, 277, 280, 294, 304; имперія, 373.
Тотъ: божество, 34.
Трагедія: опредѣленіе, 175; Грецій, 176—179; Римъ, 301, 354.

Трапезунтъ: готы, 383.
Траянъ: значеніе, 370; румыны, 374; колонна, 381; границы имперіи, 396.
Триба: опредѣленіе, 260; Римъ, 263, 267, 268, 308; Византія, 387.
Трибоніанъ: значеніе, 397.
Трибунъ. 1) Военный: опредѣленіе, 260; Сервій Туллій, 262.—2) Плебейскій: Сервій Туллій, 263; значеніе, 281.—3) Народный: начало, 267, 268; Генуцій, 269; децемвиры, 270; Лициній, 275, 276; знать, 277—279, 308; Гракхи, 310, 311; Марій, 314—316; Сулла, 319; Помпей, 321, 322; Цезарь, 329; Августъ, 337, 338; имперія, 367, 385.—4) Военный съ консульскою властью: опредѣленіе, 271; патриціи, 272; отмѣна, 275, 276, 281.
Трибутъ: опредѣленіе, 261.
Тригонометрія: сферическая, 231.
Тримурти: опредѣленіе, 85.
Триполисъ: опредѣленіе, 51.
Трирема: опредѣленіе, 126; Ѳемистоклъ, 145.
Триръ: столица, 386.
Тритонъ: Карѳагенъ, 60; аргонавты, 75.
Тріерархія: Солонъ, 129; Ѳемистоклъ, 145; Демосѳенъ, 195.
Тріумвираты: первый, 325—327; второй, 334.
Тріумфъ: Этрурія, 249; опредѣленіе, 254; искусство, 358.
Троглодиты: опредѣленіе, 9; Египетъ, 24.
Троя: переходъ отъ бронзы къ желѣзу, 13; населеніе, 75, 92; развалины, 92, 108; ахейцы, 108.
Тулль Гостилій, царь, 254.
Тулуза: столица, 393.
Тунка: одежда, 257.
Тунисъ, страна: языкъ, 22.
Туранцы: опредѣленіе, 20, 73; родина, 20; Передняя Азія и Европа, 20; письмо и металлы, 21; смѣсь желтыхъ съ бѣлыми, 21; Египетъ, 22; Халдея и Эламъ, 44—45; туранскій языкъ, 46; арій, 75; Согдіана и Парѳія, 89; Оксъ, 94; лигуры, 245; этруски, 246; значеніе, 20, 21, 102; гунны, 392.
Туранъ см. *Туркестанъ*.
Туринъ, городъ, 242.
Туркестанъ: туранцы, 20; Александръ Македонскій, 202.
Турки: племя, 4; приказы на трехъ языкахъ, 21; Передняя Азія и Европа, 21; покореніе кушитовъ, 22; языкъ, 76; эллинизмъ, 217.
Тюнельда.—1) Германская княжна, 340, 341.—2) Статуя, 357.
Тюринги: начало, 383.

Ульпіанъ: юриспруденція, 397.
Ульфила: Библія, 383.
Умбры: начало, 245; Этрурія, 249; Римъ, 283
Уралъ: золото, 100; гунны, 392.
Уральцы: опредѣленіе, 4.
Уранъ: миѳологія, 111.
Урухъ: городъ, 43; царь, 45.
Урхамъ см. *Урухъ*.
Уръ: древность, 43.
Утика: финикіяне, 60; Катонъ, 328.
Ушасъ, божество, 74.
Уэльсъ: барды, 363; бриты, 395.

Фабій: значеніе, 282; Ганнибалъ, 290, 291; писатель, 301; реакціонеръ, 307.
Фавнъ, божество, 250.
Фазисъ: Поти, 133.
Фаланга: опредѣленіе, 190.
Фанагорія: Тамань, 133.
Фараонъ: опредѣленіе, 24, 32; бытъ, 26, 32, 33.
Фарисеи, секта, 219.
Фарнакъ: Митридатъ, 220; Цезарь, 328.
Фарсистанъ см. *Персиди*.
Фарсъ см. *Мимъ*
Фатализмъ: опредѣленіе, греки, 112; стоики, 234; этруски, 248.
Фатумъ: опредѣленіе, 112.
Файюмъ, долина, 23.
Фебъ см. *Аполлонъ*.
Феи: духи, 363; гроты, 362.
Феллахи: кушиты, 22.
Фениксъ: миѳологія, 36.
Фенія: опредѣленіе, 363.
Феррара: Іо, 242.
Фесценнины: опредѣленіе, 300.
Фетишизмъ: опредѣленіе, 5; Египетъ, 36; Вавилонъ, 49; имперія, 379.
Фидій: Периклъ, 154; преслѣдованія, 157; значеніе, 173, 174.
Фила: Спарта, 120; Аѳины, 126, 128—131; Александрія, 221.
Филе, островъ, 22.
Филиппи: основаніе, 190; битва, 334; Горацій, 352.
Филиппики: опредѣленіе, Демосѳенъ, 193; Цицеронъ, 333, 347.
Филиппъ. 1) I, царь: Ѳивы, 187; характеристика, 189; Македонія, 189, 190; интриги въ Греціи, 193; Херонея, 195; смерть, 196.—2) III: характеристика, 225; Римъ, 225, 226, 291.
Филистимляне: народъ, 53.
Филологія: опредѣленіе, 232; Александрія, 232; Римъ, 343; имперія, 377.
Филонъ: значеніе, 380.
Филопеменъ: ахейскій союзъ, 225; смерть, 227.
Философія: Индія, 88; физики, 140; пиѳагорейцы, 140; элеаты, 140; начало метафизики, 180; киренейцы, 205; циники, 205, 206; академики, 206, 207; начало философіи, какъ науки, 207; перипатетики, 208; александрійская эпоха, 233; скептики и стоики, 233, 234, 343; эпикурейцы, 234, 235; средняя

и новая Академія, 234; Римъ, 344, 347: имперія, 369, 372, 375, 379, 380, 389, 390, 392, 397, 398.
Филотъ: Александръ Великій, 197.
Филэллины: Италія, 274.
Финансы: начало. 96; Аѳины, 129, 158; Цезарь, 330; Веспасіанъ, 368.
Финіалъ: значеніе, 363.
Финикіяне: бронзовый вѣкъ, 13; Египетъ, 30; природа, 51, 52; Сидонъ, 52—60; Тиръ, 60; значеніе, 61, 62, 72, 73; новохалден, 62, 69, 70; скиѳы, 69; греки, 107, 108, 114—116, 132; персы, 62, 199; Александръ Великій, 200; Этрурія, 246, 247; Римъ, 322.
Финны: опредѣленіе, 4; туранцы, 44; Россія, 100.
Фирдуси: преданія, 76.
Фиск: опредѣленіе, 339.
Флавіи: императоры, 368; статуи, 381.
Флавій, писецъ, 281.
Фламининъ, полководецъ, 226.
Фламиній: демократія, 308.
Фламины: опредѣленіе, 263.
Флексія: опредѣленіе, 4.
Флора. 1) Растительность: опредѣленіе, 2. —2) Божество, 250.
Флоренція: Венера медицейская, 358.
Флотъ: Египетъ, 30, 39; Финикія, 53; евреи, 54; Грецiя, 126, 129, 132, 142, 145, 146, 148, 150, 158, 163—165, 184, 186; Александръ Великій, 202; Родосъ, 216; Птолемеи, 222; персы, 101, 142, 146—148, 200; Этрурія, 246, 274; Карѳагенъ, 61, 148, 286—288, 292; Римъ, 287, 288; Августъ, 335, 336.
Фокея: основаніе, 109; Милетъ, 133; Массилія, 93.
Фокида: страна, 104; священная война, 191—195.
Фокіонъ: ораторъ, 193; македонцы, 205.
Фортуна, божество, 250.
Форумъ: опредѣленіе, 256; храмы, 302.
Фра см. *Ра*.
Фраваръ: духи, 77.
Франки: племя, 326, 383; королевство, 396; гунны, 394.
Франція: низменность, 20; Транзальпійская Галлія, 242; Цезарь, 325.
Фратрія: Аѳины, 126.
Фрески: Ассирія, 65; Грецiя, 175; Римъ, 357; имперія, 381.
Фригія: страна, 93.
Фризы: опредѣленіе, 363.
Фронтонъ: опредѣленіе, 141.
Фта, божество, 35.
Фта-Готпу: наставленіе молодежи, 26.
Фульвія: Антоній, 332, 334.
Фуцинское озеро: природа, 243.

Халанни см. *Уръ*.
Халахъ см. *Нимрудъ*.
Халден: опредѣленіе, 45; туранцы, 44; культура, 46, 47; ново-халден, 69—72; Римъ, 50; значеніе, 72; персы, 97; имперія, 369, 379.
Халкидика: Эвбея, 134; Бразидъ, 162.
Хамиты см. *Кушиты*.
Хамъ: хамиты, 22.
Ханаанъ см. *Палестина*.
Хананиты: опредѣленіе, 51, 52; евреи, 53.
Хаосъ: миѳологія, 111.
Херонея: битва, 195.
Херсонесъ. 1) Таврическій: скиѳы, 100; Севастополь, 133. — 2) Ѳракійскій: Мильтіадъ, 130, 133.
Херувы: опредѣленіе, 63, 65; персы, 99.
Херуски: опредѣленіе, 363.
Хетты: опредѣленіе, 30; Рамессу, 31.
Хива: Согдіана, 89; Парѳія 220.
Хиліазмъ: опредѣленіе, 380.
Хилонъ: Ликургъ, 123; Солонъ, 129.
Хирургія: начало, 83; Александрія, 231.
Хититы: опредѣленіе, 30.
Хіосъ: троянцы, 92; іонійцы, 109; Гомериды, 118.
Хлодвигъ: Сіагрій, 396.
Хоаспъ: вода, 43; Дарій, 96.
Ходженда: Яксартъ, 94.
Хозары: гунны, 395.
Хораѳъ см. *Корифей*.
Хорасанъ: Парѳія, 89.
Хорегія: опредѣленіе, 129; Периклъ, 156.
Хореграфія: опредѣленіе, 6.
Хорзабадъ: раскопки, 43; Саргониды, 63.
Хорографія: опредѣленіе, 355.
Хремониду: Демосѳенъ, 223.
Христіанство: теперь, монотеизмъ, 5; начало, 361, 362; гоненія, 368, 370, 371, 385, 389; Антонины, 372; риторство, 373; Лукіанъ, 377; Климентины, 378; Сенека, Филонъ, 380; Северъ, готы, 383; Сассаниды, 384; Константинъ, 386—387; развитіе, 390, 402; Юліанъ, 391; Британія, 395; римское право, неоплатонизмъ, 397; культура, 398—400.
Христосъ: рожденіе и смерть, 361; искусство, 401; императоры, 379, 390; догма, 400.
Хроника см. *Лѣтопись*.
Хронологія: опредѣленіе, 18; Египетъ, 37.
Хушистанъ см. *Сузіана*.

Царь: значеніе слова, 339; опредѣленіе, 8; Халдея, 44; евреи, 54; Финикія, 57, Ассирія, 66; Персія, 96, 97; Грецiя, 107—109, 117, 120, 124, 126, 237; Македонія, 188; діадохи, 215; Этрурія, 249; Римъ, 253—263, 265, 328—330, 339; жертвенный, 265.
Цезаризмъ: опредѣленіе, 328; Августъ, 337—339.
Цезарь. 1) Тріумвиръ: характеристика, 320; Сулла, 320; Марій, 321; Помпей, 322; Катилина, 324; тріумвиръ, 325; Галлія, 325, 326; цезаризмъ, 328, 329;

законы, 329, 330; смерть, 331; Антоній, 322; Августъ, 333 — 339; литература, 345—349, 353, 354; искусство, 356.—2) Титулъ: Августъ, 339: Діоклеціанъ, 386
Целе-Сирія см. *Сирія Полая.*
Цензоръ: начало, 271, 272; плебеи, 276; знать, 278; Цезарь, 329; Августъ, 338; отмѣна, 385.
Цензура: Грецiя, 166, 179; Римъ, 331.
Цензъ: опредѣленіе, 262.
Центавръ: опредѣленіе, 104.
Централизація: Ассирія, 50; Персія, 96; Римъ, 338, 350.
Центуріонъ: опредѣленіе, 262; сенатъ, 281.
Центурія: опредѣленіе, 262; Сервій Туллій, 263; знать, 281.
Церера: Карѳагенъ, 61. См. *Деметра.*
Церинѳъ: гностицизмъ, 380.
Церковь: опредѣленіе, 362.
Церэ: гавань, 246.
Цестій: гробница, 342.
Цецилія Метелла: гробница, 342.
Цейлонъ: Рамаяна, 82.
Цивилисъ: значеніе, 369.
Циклады: опредѣленіе, 105; іонійцы, 109; Птолемеи, 222.
Циклопъ: опредѣленіе, 111.
Циники: опредѣленіе, 205; стоики, 234; имперія, 377, 379, 391.
Цинна: консулъ, 316, 317.
Циносаргъ: гимназія, 205.
Циркусъ Максимусъ: опредѣленіе, 256.
Циркъ: новые нравы, 299; Октавіанъ, 335; партіи, 354; имперія, 369.
Цифры: арабскія, 88; римскія, 249.
Цицеронъ: характеристика, 320; партіи, 321, 324; изгнаніе, 325; Антоній, 327; Цезарь, 331, 332; Августъ, 333; смерть, 334; писатель, 346, 347, 377; политензмъ, 378; Сенека, 379.
Цыгане: языкъ, 79; паріи, 84.

Чадъ: Карѳагенъ, 60.
Чартомлыцкій курганъ: скиѳы, 100.
Челано см. *Фуцинское озеро.*
Черемисы: монголы, 4.
Черное море: желѣзный вѣкъ, 13; египтяне, 31; финикіяне, 53; ассирійцы, 56; скиѳы, 99; греки, 133; Понтійское царство, 220.
Чингисъ-ханъ: Передняя Азія, 21.
Чиновничество: опредѣленіе, 8, 9; Персія, 96; Римъ, 280, 281, 298; Августъ, 338; Діоклеціанъ, 385; Константинъ, 387, 388.
Чины: началэ, 383.

Шабака: царь, 37, 38, 56.
Шалонъ-на-Марнѣ: городъ, 394.
Шаманъ см. *Колдунъ.*
Шампольонъ, ученый, 17.
Шапуръ: Валеріанъ, 384.
Швабы: начало, 383.
Школа: начало, 8; Египетъ, 33; халден, 46; Индія, 79, 82; Спарта, 121; Аѳины. 171, 205; Александрія. 231: Эфесъ и Родосъ, 232; Этрурія, 248; Римъ, 297, 343; имперія, 369, 370, 372, 374, 401.
Шлиманъ, ученый: Троя, 92, 108.
Шотландія: торговля въ бронзовомъ вѣкѣ, 13; кельты, 363.
Шрадеръ: ассиріологія, 17.
Шушъ см. *Суза.*

Эбро: рѣка, 290.
Эвбея: положеніе, 104; Филиппъ, 195.
Эвгемеризмъ: опредѣленіе, 234; Римъ, 296.
Эвгемеръ: философъ, 234, 296.
Эверестъ: гора, 40.
Эвклидъ: математика, 231.
Эвменъ: дипломатія, 200.
Эвнъ: рабы, 304.
Эвпатриды: опредѣленіе, 124; Аѳины, 126; Клисѳенъ, 132.
Эвримедонъ: рѣка, 151.
Эврипидъ: жизнь, 178, 179; значеніе, 238; Невій, 301.
Эвротъ, рѣка, 105.
Эгатскіе острова: битва, 288.
Эгерія: Нума Помпилій, 253, 254.
Эгейское море: финикіяне, 53; скиѳы, 68; пеласги. 75; лидійцы, 91; арійцы, 92; персы, 99; значеніе, 104, 105.
Эгина: природа, 104.
Эгіонъ: столица, 224.
Эгоспотамы: битва, 165.
Эгэ см. *Эдесса.*
Эдда: опредѣленіе, 364.
Эдемъ: опредѣленіе, 42.
Эдесса: столица, 134.
Эдиктъ: опредѣленіе, 329; Августъ, 338; миланскій, 386.
Эдилъ. 1) Плебейскій: цари, 262; патриціи, 268, 270, 276.—2) Курульскій: опредѣленіе, 276; insignia, 278; празднества, 299.
Эдипъ: преданіе, 115.
Эзопъ: басни, 140.
Экбатана: начало, 90; Дарій, 96; развалины, 97.
Эквы: Римъ, 274.
Экклесія: опредѣленіе, 129; Солонъ, 130; Клисѳенъ, 132; Периклъ, 155; олигархія, 164.
Эклектизмъ: опредѣленіе, 236; искусство, 236; философія, 347. 379.
Элагабалъ: Баалъ, 379; императоръ, 384.
Эламъ: опредѣленіе, 42. 43; раскопки, 44; туранцы, 44, 45; ассирійцы, 63, 68; ново-халден, 69.
Элеаты, философы, 140.
Элевзисъ: природа, 104; мистеріи, 169, 372, 379.
Элегія: опредѣленіе, 140; Грецiя,140; Римъ, 349; въ нашемъ смыслѣ, 353.
Элефанта: искусство, 87.

Элефантина: Нилъ, 23; обелискъ, 31.
Элея: Фокея, 135.
Элида: значеніе, 105; Олимпія, 119; игры, 139; паденіе, 182.
Элизій: опредѣленіе, 114.
Элисса, царица, 60.
Элія Капитолина: Іерусалимъ, 371.
Эллада см. *Грецію*.
Эллора: искусство, 87.
Эль-Ассуръ: раскопки, 43; основаніе, 48.
Эльба: Августъ, 340; германцы, 363, 383.
Эльбурсъ: положеніе, 19, 40.
Эльфы: опредѣленіе, 363.
Эмеза см. *Каденъ*.
Эмилій Павелъ: 1) Полководецъ, 227, 290, 291.—2) Сынъ его, 293.
Эмсъ: Тевтобургскій лѣсъ, 340; германцы, 363, 383.
Эней: Римъ, 252; Энній, 301; Вергилій, 351.
Энній: Эвгемеръ, 296; Гомеръ, 301.
Энотрія: опредѣленіе, 245.
Энциклопедизмъ: Аристотель, 208; Александрія, 231; Эратосѳенъ. 232; Луки ецій, 349; Цицеронъ, 346.
Энциклопедія: опредѣленіе, 172.
Эолія: троянцы, 92; эолійцы, 109; Митилена, 133.
Эолійцы: пелазги, 107; опредѣленіе, 109; Соффо, 140; значеніе, 237.
Эолъ: преданіе, 107.
Эпаминондъ: характеристика, 185; дѣятельность, 186, 187; Филиппъ, 189; Ксенофонтъ, 211; Филопеменъ, 225.
Эпигоны: опредѣленіе, 217.
Эпиграмма: надпись, 349; въ нашемъ смыслѣ, 349; Цезарь, 326; Марціалъ, 377.
Эпиграфія: опредѣленіе, 17.
Эпидавръ: тираны, 125.
Эпизодъ: опредѣленіе, 101; Геродотъ, 181.
Эпикуреизмъ: опредѣленіе, 235; Римъ, 344, 347; имперія, 361, 373, 377, 379.
Эпикуръ: жизнь и ученіе, 234, 235.
Эпименидъ: Солонъ, 127.
Эпиръ: природа, 103, 104; Олимпіада, 190, 196; діадохи, 215; Пирръ, 216, 223, 284; Римъ, 227.
Эпіальтъ: Ѳермопилы, 146.
Эпонимъ: опредѣленіе, 126.
Эпосъ: Египетъ, 31, 34; евреи, 54; ассирійцы, 67; Индія, 81, 82; греки, 108, 114, 117, 118, 139, 237; римляне, 301, 351, 352; животный см. *Басня*.
Эпоха: опредѣленіе, 18.
Эра: опредѣленіе, 18; главныя, 18; Селевкидовъ, 215; византійская, 388.
Эрарій: опредѣленіе, 339; уничтоженіе, 385.
Эратосѳенъ: библіотека, 230; астрономія, 231; филологія, 232; Эвгемеръ, 234.
Эрехѳеонъ: палладіумъ, 169; панаѳинеи, 170; храмъ, 173, 175.
Эрехѳей, божество, 170.
Эрмитажъ: Петербургъ, 237.
Эскулапъ см. *Асклепій*.
Эстетика: опредѣленіе, 6.
Эсты: готы, 383.
Эсхилъ: Ѳемистоклъ, 151; значеніе, 178, 238.
Эсхинъ: характеристика, 193; Филиппъ, 194, 195; Демосѳенъ, 204.
Этика: опредѣленіе, 6; развитіе, 7.
Этна: вулканъ, 242; миѳологія, 111.
Этолія: положеніе, 104; союзъ, 223—227.
Этрурія: бронзовый вѣкъ, 13; туранцы, 20; финикіяне, 59; ассирійцы, 66; природа, 243; культура, 246—249; Римъ, 266, 272, 272, 283; Алкивіадъ, 163; паденіе, 274; Катилина, 324.
Эфесъ: Крезъ, 93; іонійцы, 109; процвѣтаніе, 133; риторика, 232; значеніе, 239; христіанство, 388.
Эфіальтъ: Периклъ, 154; смерть, 157.
Эфоры: опредѣленіе, 120; цари, 182.
Эѳіопія: Нилъ, 22; Мероэ, 30; Египетъ, 37, 38; персы, 95.
Эйра: положеніе, 105; Аристоменъ, 123.

Ювеналъ: значеніе, 377.
Ювентусъ, божество, 263.
Югеръ: опредѣленіе, 275.
Югурта: начало, 298; война съ Римомъ, 211, 312.
Юліанъ: значеніе, 390, 391; Сивилла, 378; писатель, 398.
Юліева династія: преданія, 253; Августъ, 337; конецъ, 366.
Юлія: дочь Цезаря, 325.
Юлъ: преданіе, 252.
Юнона. 1) Божество: Гера, 112; латины, 250; Римъ, 263.—2) Духъ, 251.
Юпитеръ: Зевсъ, 112; латины, 250; Римъ, 263; Діоклеціанъ, 385.
Юриспруденція: Грецій, 180; Римъ, 263, 302, 355, 356, 358; имперія, 376, 397.
Юстиніанъ: философія, 392; кодексъ, 397.
Юстинъ: отецъ церкви, 372.
Юты: союзъ, 383.

Яване: опредѣленіе, 75.
Язонъ: Ѳессалія, 186.
Языги: движеніе на западъ, 372, 373.
Языкъ: начало и развитіе, 4; пережитки, 16; китайскій, 4; тибетскій, 4; египетскій, 40, 230; коптскій, 40; арабскій, 40, 69, 76; туранскій, 21, 69; семитскіе, 21, 47, 52, 73; ассирійскій, 50, 69, 230; еврейскій, 47, 52, 63, 230; арамейскій, 63, 69, 76; арійскіе, 21, 47, 73; зендъ, 76; древне-персидскій, 76, 230; гебрскій, пельви, ново-персидскій, курдскій, белуджистанскій, авганскій, 76; турецкій, 21, 76; санскритъ, 79; греческій, 38, 109, 110, 132, 180, 210, 229, 230, 245, 298, 300, 301, 345, 348, 353, 354; латинскій, 285, 301, 326, 330,

346—351, 355, 369, 374, 376, 378, 397, 399.
Язычество: теперь, 5; христіанство, 362; Константинъ, 388; Юліанъ, 391; Осодосій, 398.
Яксартъ: Киръ, 94; Александръ Великій, 202.
Ямбъ: опредѣленіе, 140.
Яна: Діана, 251.
Январь: опредѣленіе, 251; начало года, 330.
Яникулъ: крѣпость, 256; плебеи, 271.
Янина, Додона, 104.
Янусъ: латины, 250, 251; Августъ, 337.
Япиги: опредѣленіе, 245.
Яфетиды см. *Арійцы*.
Яфетъ: потопъ, 22; арійцы, 73.

Θалесъ: Крезъ, 93; физики, 140.
Θара: начало евреевъ, 47.
Θезей: Кекропія, 109, 116; герой, 114; Минотавръ, 115; Аѳины, 126; Мараѳонъ, 143; папаѳинеи, 170.
Θемистоклъ: Мараѳонъ, 143; характеристика, 144; преобразованія, 144, 145; Саламинъ, 146, 147; первенство, 149, 150; паденіе, 151; смерть, 152; Периклъ, 155.
Θеогонія: опредѣленіе, 110; Египетъ, 34, 35; аріи, 75; Индія, 83; Греція, 110—112.
Θеодосія: основаніе, 133.
Θеодосій, императоръ, 391.
Θеократія: опредѣленіе, Египетъ, 24; евреи, 53, 55; Индія, 84; кельты, 362.
Θеокритъ: идилія, 235; Виргилій, 351.
Θеримахъ: характеристика, 164; смерть, 166.
Θермонъ: этолійцы, 223.
Θермопилы: природа, 104; битва, 146; Филиппъ, 192, 194.
Θесмоѳеты: епатриды, 126; Солонъ, 129.
Θессалія: Пиндъ, 103; природа, 104; Аѳины, 158; Язонъ, 186; Пелопидъ, 187; Филиппъ, 192.
Θеты: опредѣленіе, начало, 118; Солонъ, 129; Ѳемистоклъ, 144, 145.
Θивы. 1) Въ Египтѣ: положеніе, 23; среднее царство, 27; новое царство, 29.—2) Въ Греціи: финикіяне, 53, 115; положеніе, 104; гегемонія надъ Беотіей, 153; Спарта, 182, 184, 185; гегемонія надъ Греціей, 186—188; македонцы, 192, 196, 198; развалины, 229.
Θразибулъ: Алкивіадъ, 163; демократія, 166; Длинныя Стѣны, 184.
Θракія, *ѳракійцы*: Рамессу II, 31; Лагиды, 222; Россія, 100; персы, 101; пелазги, 133; македонцы, 190; Августъ, 340; Адріанополь, 371; Діоклеціанъ, 385; Константинъ, 387; вестготы, 393.
Θракофригійцы: опредѣленіе, 75.
Θукидидъ. 1) Соперникъ Перикла, 157.—2) Историкъ: пелопонесская война, 161; значеніе, 181; римляне, 348; Саллюстій, 348.

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
4	4 снизу	450	650
4	1 „	550	650
18	7 „	313	312
43	11 „	Лейэрдъ	Лейярдъ
51	15 „	Таръ	Тиръ
52	1 „	къ	такъ
52	15 „	2200	2300
106	15—16 „	аѳинской	Аѳины
135	20 „	Масиллія	Массилія
161	11 „	ἐμφηρά	ἐμφορά
183	18 сверху	Греціи	Греціи
197	5 снизу	Гефестіона	Гефестіона
220	5 „	изъ	изъ-за
247	18 сверху	Гробницы	Гробницы
253	19 „	Квиритомъ	Квириномъ
256	11 снизу	Гордаго	Гордаго.

ВОС

Черное море
Внутреннее море (Средиземное м.)
Вифинія
Пафлагонія
Понтъ
Колхида
Иберія
Мизія
Фригія
Каппадокія
Армянія
Г. Ида
Лидія
Карія
Киликія
Г. Антитавръ
Г. Нифатъ
Г. Тавръ
Оз. Ванъ
Г. Арарат
Ниневія
Гаранъ
Харсаваръ
Кархемышъ
Ефратъ
Ассирія
Месопотамія
Сирійская степь
Вавилонія
Вавилонъ
Кала
Тигръ
Багдадъ
Тесифонъ
О. Кипръ
Арадъ
Триполисъ
Библъ
Беритъ
Сидонъ
Тиръ
Акко
Іоппе
Самарія
Газа
Пальмира (Тадморъ)
Дамаскъ
Кадесъ
Иерусалимъ
Мертвое море
Аммониты
Иудея
Финикія
Киренаика (Барка)
Кирена
Александрія
Дельта
Канопъ
Никшій Египетъ
Мемфисъ
Каналъ Рамессу II
Каменистая Арабія
Фаюмъ
Амониты
Оз. Мери
Средній Египетъ
Верхній Египетъ
Ѳивы
Элефантина
1ый Порогъ
2ой Порогъ
Филе
Аравійскій заливъ или Красное море
Аравія
Пустыня
Ливія
Эѳіопія (Нубія)
Мероэ
Бѣлый Нилъ
Абиссинія
Саба
Кушиты
Ефратъ
Тигръ
Мидійская Стена
Царскій Каналъ
Аккадъ
Сумеръ
ВАВИЛОНЪ
Гилла
Бирсъ Нимрудъ
Тель Ло
Урукъ
Уръ
ВАВИЛОНІЯ.
Масштабъ
0 25 50 75
0 10 20 30 40 50 100
0 1500 3000

ОКЪ.

30,000.

125 150 Географическія мили

200 Парасанги

6000 Олимпійскія стадіи

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

МІРЪ ИЗВѢСТ

Масштабъ
0 15 30 60 90 100

ИИ ДРЕВНИМЪ.

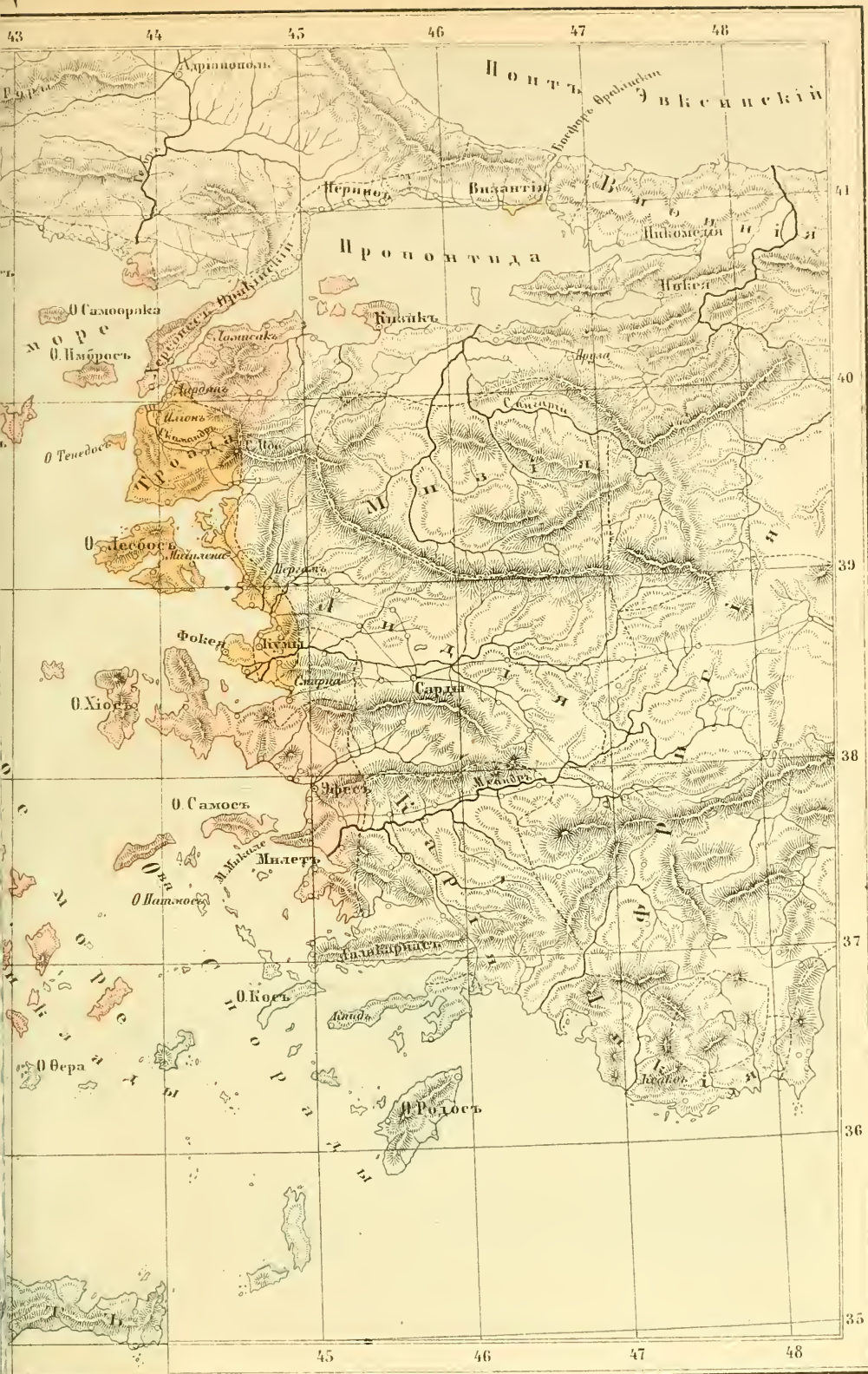
000,000
200
300 Географич. мили.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ГР

37
38
39
40
41
42
41
40
39
38
37
36
Адріатическое море
Эпидамнъ
Дирраxiумъ
Филиппы
Амфиполь
Стагиръ
Халкидика
Олинѳъ
Потидея
Ѳермейскій зал.
Ѳракійск
О. Корцира
Ѳодона
Ѳлина
М. Акціумъ
М. Артимизій
О. Кефалонія
Закинѳъ
Ѳермонъ
Ѳеотиды
Коринѳскій зал.
Патры
Эгіонъ
Мегарида
Мараѳонъ
Аѳины
Сикіонъ
Олимпія
Аргосъ
Тиринѳъ
Эпидавръ
Саронническій зал.
М. Суній
Арголическій зал.
Мегаполь
Мессена
Мессенія
Спарта
Пилосъ
Мессенскій зал.
Лаконическій зал.
М. Тенаръ
О. Киѳера
Іоническое море
Дорійцы
Іонійцы
Эолійцы
0
300

ЦІЯ.



КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

РИМЪ.

25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
46
45
44
43
42
41
Транзальпійская
Мелiоланъ
Тицинъ
Верона
Патавiумъ
Мантуя
Венецiя
Аквилея
Истрiя
Адрiа, Гатрiя
Феррара
Падусъ
Августа
Тавриновъ
Мутина
Равенна
Р. Рубиконъ
Генуя
Ницеа
Монако
Пизы
Флоренцiя
Анкона
Трозименское Оз.
Клузiумъ
Вольсинiи
Тарквинiи
Перэ
Веiи
Остiя
РИМЪ
Альба
Корфинумъ
Фининское Оз.
Минтурны
Кавдiумъ
Беневентъ
Аппiева дорога
Аппiева дорога
КОРСИКА
АДРIАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИР

Масштабъ 1:6,500,000

0 5 10 15 Географ. мили

0 25 50 75 Тысяча русскихъ шаговъ

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.ПБ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 549 048 8